

63.3/0/3
Ш-81

А.С. ШОФМАН

ВОСТОЧНАЯ
ПОЛИТИКА
АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО

А. С. ШОФМАН

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА
АЛЕКСАНДРА
МАКЕДОНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1976

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета*

Научный редактор — кандидат исторических наук *В. Д. Жигунин*

Ш $\frac{10603-010}{075(02)-76}$ 10-75

© Издательство Казанского университета, 1976 г.

ВВЕДЕНИЕ

К. Маркс отмечал, что высочайший внешний расцвет Греции совпадает с эпохой Александра Македонского¹. От этой эпохи нас отделяют 23 столетия. За это время много раз менялась картина мира. Возникали и погибали государства, исчезали и возрождались народы, одна общественно-экономическая формация сменялась другой, различные формы эксплуатации уступали место обществу, в котором ликвидирована эксплуатация человека человеком; образовалась мировая социалистическая система.

В этом поступательном движении человеческой цивилизации через далекие перевалы времени не было ни одного исторического периода, ни одной страны в мире, где бы не изучалась эпоха Александра, жизнь и деятельность знаменитого полководца древности. Объяснение тому, очевидно, нужно искать в исторической важности этой эпохи, оказавшей огромное влияние на судьбы многочисленных народов и государств.

Но бросается в глаза такой парадокс. Слава и дела Александра далеко не соответствуют тем данным, которые оставили о нем древние. И это тем более поразительно, что Александр с самого начала своего похода предпринял соответствующие меры, чтобы его деяния не были забыты потомками. Историографы, которые находились в греко-македонской армии, должны были дать подробное описание восточных походов. Два секретаря царя, Эвмен из Кардии и Диодот из Эретрии, отправившись в Азию в 334 г. до н. э., вели дневник ежедневных событий и распоряжений. Записки эти позднее стали известны как дорожный царский журнал, или Эфемериды².

Сопровождавший Александра племянник его воспитателя Аристотеля — Каллисфен также писал историю

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 98—99.

² Arr. VII, 25, 1; 26, 1.

восточных походов, основываясь на собственных наблюдениях и на царском журнале³.

В 80-е годы III в. до н. э., т. е. примерно 40 лет спустя после смерти Александра, историю похода написали двое из его участников — Аристобул из Кассандрии и Птолемей, сын Лага. Оба создавали свои сочинения в преклонном возрасте, на закате своих дней. Так, Аристобул, проживший около 90 лет, начал писать свою историю, когда ему было 84 года⁴. Птолемей составил свои мемуары, основанные на его собственных воспоминаниях, на сведениях Каллисфена и Эфемерид, в последние годы своей жизни, будучи царем Египта. Вероятно, в это же время, а может быть еще раньше, в конце IV в. до н. э. написал свой труд Клитарх Александрийский, который вообще не участвовал в походе. Тем не менее, в те времена еще были живы ветераны восточной кампании, и один из них, Птолемей, был правителем страны, в которой он жил, а это, кроме других обстоятельств, мешало ему объективно излагать события, особенно те, в которых принимал участие Птолемей⁵. Поэтому у позднейших авторов Клитарх не пользовался доверием⁶.

Ни один из вышеуказанных источников полностью не сохранился. Они дошли до нас лишь в отдельных фрагментах и пересказах у более поздних авторов⁷. Погибли под мусором столетий многочисленные донесения

---

³ Arr. IV, 10, 1—2; Plut. Alex. 52—55.

⁴ (Lucian) Macrob. 22. В отличие от Птолемея, Аристобул был не военным, а техником при Александре. В этом качестве он осматривал могилу Кира, а затем ремонтировал гробницу его, разграбленную во время отсутствия Александра (Strabo, XV, 730; Arr. VI, 29). Аристобул все время находился в македонском войске, и основные события ему, конечно, были хорошо известны. (Ср. Strabo, XV, 730; frgm, 29, 34; Arr. VI, 14, 3).

⁵ Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972, стр. 22.

⁶ Страбон, например, в конце I в. до н. э. говорит о его лживости, а спустя век, Квинтилиан характеризует его как «автора даровитого, но не заслуживающего доверия». Ср. Афиней, IV, 30, стр. 148 Д.

⁷ Собрал эти фрагменты (по тексту F. Jacoby) и перевел американский историк Робинсон. (См. A. Robinson. The History of Alexander the Great, I, pt. II, Brown University, 1953). Попытку реконструировать историю Птолемея сделал Е. Корнеманн. (См. E. Kornemann. Die Alexandergeschichte des Königs Ptolemaios von Aegypten. Leipzig, 1935).

царю о военных экспедициях и походах, деловая и личная переписка.

Последующие сочинения о восточных походах написаны гораздо позднее людьми, которые никогда не знали Александра, но получили информацию о нем от более ранних, затем потерянных источников.

Из пяти источников об Александре наиболее ранним является труд Диодора, датируемый временем Ю. Цезаря. Наиболее поздний источник — произведение Арриана, написанное во время правления римского императора Адриана (117—138 гг.) Между этими крайними хронологическими точками находятся труды Курция, Юстина, Плутарха.

Диодор (I в. до н. э.) в своей «Исторической библиотеке» широко использовал риторические сочинения Клитарха. Всю XVII книгу он посвящает эпохе Александра, история которой здесь впервые получает более или менее связное изложение. Преимущественно автора занимает история военная. Вопросы экономического порядка разрешаются попутно. Интересны указания автора на недовольство, вызванное македонским завоевателем со стороны покоренных им народов Востока. К сожалению, потерянные 15 глав XVII книги (с 19 по 34) не дают возможности уяснить позицию автора по поводу организованного сопротивления, оказанного македонским войскам жителями Средней Азии. Но героическая оборона защитников малоазийских городов, неприступного Тира, борьба храбрых обитателей Индии описана Диодором довольно подробно.

Отдельные разбросанные замечания, в которых имеется интересный и часто уникальный материал, представляет нам географ Страбон (I в. до н. э.). Страбона нельзя причислить к историографам Александра. Он упоминает о нем случайно по разным поводам. Знаменитый географ мало верил и тем, кто описывал македонского полководца. «Нелегко поверить большинству историков Александра, — говорит он, — потому что они небрежно обращаются с фактами ради славы Александра и в силу того, что поход его достиг крайних пределов Азии, далеко от нас, а сообщения об отдаленных местах трудно опровергнуть»⁸. Поэтому добытые у

---

⁸ Strabo, XI, 6, 4, стр. 508.

различных авторов факты он старался проверить, уточнить, критически осмыслить.

В различных книгах своей «Географии» Страбон разбросал историко-географические сведения о тех местностях, по которым проходили македонские войска.

В I в. появляется более или менее систематическое изложение походов Александра у Квинта Курция Руфа. Его работа содержит большой материал, касающийся особенно пребывания македонских войск в Средней Азии. Однако материал этот не свободен от неправдоподобных описаний, а также от ряда ошибок: хронологических, топографических, технических и исторических. Курций стремился написать не столько историческое, сколько занимательное сочинение, для чего часто жертвовал объективностью. Драматизм повествования, различные прикрасы и сенсационные анекдоты преобладают над критическим осмыслением событий.

Основными источниками Курция Руфа были Кли-тарх и Мегасфен. Но, вероятно, они были не единственными. Автор использовал также мемуары Птолемея Лага и других сподвижников Александра. Однако порой, когда приводимые факты не подтверждаются данными других источников, не представляется возможным установить их авторов. Это тем более обидно, что Курций использовал сочинение неизвестного нам писателя, оппозиционно настроенного к деятельности Александра на Востоке.

В первой книге Курций сам говорит об источниках, которыми пользовался. Среди них предпочтительнее он отдаст Птолемею и Аристову, которых считает достовернейшими из историков. Он объясняет это тем, что они выпустили свои труды после смерти Александра, без всякой необходимости льстить ему. Кроме того, оба они находились при Александре и были соучастниками многих его дел. Поэтому они и могли написать несравненно справедливее других. Исходя из этого, Курций следует за ними там, где эти авторы не противоречат друг другу, а там, где эти противоречия есть, Курций выбирает те версии, которые по многим обстоятельствам казались вероятными.

Начиная с VIII главы до конца III книги, повествование о сражении при Иссе совпадает с рассказом

Арриана и особенно с историей Диодора. Это свидетельствует о том, что материал они черпали из одного источника.

Описание автором взятия Тира и Газы, похода на Египет, посещения храма Аммона, грандиозного сражения у Арбел находит подтверждение у Диодора, Плутарха, Юстина. Хотя Курций никаких новых фактов по сравнению с вышеуказанными авторами не прибавляет, но в его интерпретации эти факты приобретают более резкий, обличающий Александра характер. Так, при описании гибели Газы симпатии автора на стороне газейцев, выдержавших три атаки македонской фаланги, храбро сражавшихся с превосходящими силами противника и умиравших на своем боевом посту.

У Арриана нет подробностей этой битвы. Он ограничивается указанием на то, что жители Газы оставляли свое место только с жизнью. Курций же, наоборот, подробно останавливается на издевательствах Александра над жителями города Газы и особенно его комендантом. Автор увеличивает, в отличие от Арриана, число жертв до 10 тысяч. Он осуждает македонского завоевателя за его жестокость и за гибель большого количества невинного населения, за издевательства над тяжело раненым комендантом Газы, которого Александр приказал привязать к колеснице и тащить кругом города, подражая Ахиллесу.

Опираясь больше всего на труды Клитарха, а также на основы стоической философии, Курций развенчивает Александра. В его интерпретации он не столько герой, создатель мировой империи, сколько захватчик, баловень судьбы, любимец счастья. Курция больше всего интересуют личные качества Александра, характер которого представлен в контрасте. Личное мужество, отвага, великодушие, простота обращения с солдатами уживаются у него с подозрительностью, жестокостью, мстительностью и непомерным честолюбием⁹.

Часто пользуясь тем же источником, что и Арриан, Курций передает его не только в иных выражениях, но и пытается освободить от той идеализации, которая была в значительной степени свойственна источникам официальной версии.

---

⁹ Curt. IV, 1, 13.

Приведем для примера ответ Александра Дарию в работах Арриана и Курция. В том, что этот материал обоими авторами взят из одного источника, не может быть сомнения. И тот, и другой приводят даже в одинаковых выражениях одни и те же факты и доказательства. Как Арриан, так и Курций упоминают в этом письме о персах, опустошивших Грецию во время греко-персидских войн, об убийцах, подсланных к Филиппу персами, о завоевании Александром Азии, о его оборонительной войне, о его желании помочь Дарию, если он к нему обратится и т. д. Но в письме, изложенном Курцием, отчетливо чувствуется надменный тон македонского царя по отношению к побежденному Дарию. Письмо Курция начинается так: «Царь Александр Дарию». Здесь подчеркивается царское достоинство Александра и отсутствие его у Дария. В письме Дарий не называется царем. Признание Дария достигается и тем, что Ксеркс величается царем персидским, Дарий же считается лишь сильным царем в прошлом. «Я обороняюсь от войны, а не иду войной», — говорит Александр у Курция. «Я умею побеждать и щадить побежденных»¹⁰. Арриан, желая оправдать действия Александра, приводит ряд фактов вероломства его противника, которых нет у Курция. Так, указывается, что Дарий получил престол через преступления, а затем хотел нарушить мир в Греции, оскорбил Македонию и ее царей. Автор счел нужным в конце письма язвительно предупредить персидского царя, что если он намерен поддерживать царский титул сражением, то пусть не бежит от македонян, так как они его всюду найдут.

Если до V книги Курций почти ничем не обогащает наших знаний, то с V книги он дает важный и, пожалуй, единственный материал по истории борьбы среднеазиатских народностей против македонских завоевателей. Этот материал является основным, особенно для восполнения тех многочисленных пропусков, которыми изобилует сочинение Арриана. На какие источники опирался автор при изложении этой истории, до сих пор остается загадкой. Во многом Курций здесь близок к Диодору, что говорит об общности их источника. Но как раз самое интересное место согдийских событий у Диодора утеряно.

¹⁰ Arr. II, 14, 4—7.

Несмотря на наличие ряда сомнительных рассказов, Курций остается важным источником как изложения событий, пропущенных Аррианом, так и для характеристики историографии, оппозиционно настроенной к Александру.

В конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. написал свой обширный труд Помпей Трог, который дошел до нас в извлечениях Юстина, жившего во II—III вв. Он изложил свои сведения о македонских завоеваниях без строгой хронологической последовательности отдельных событий. Излагая подготовку македонских войск к походу, высадку их на малоазийском берегу, военные столкновения с персами, переговоры с Дарием, смерть последнего, автор не дает ничего нового по сравнению с тем, что мы уже знаем от Диодора, Плутарха и др. По всей вероятности, они пользовались одним основополагающим источником и лишь в отдельных частностях отклонялись от него. Источником этим был Клитарх.

В извлечении Юстина мы находим резко отрицательную характеристику Александра. Это вытекает из той общей исторической концепции, которой придерживался Трог Помпей. Автор выставляет на первое место надменность македонского полководца, его гордость, коварство и двоедушие. Александр превозносит себя до небес, не терпит возражений, возбуждает к себе неприязнь у побежденных народов, страх и ненависть у друзей. Он уничтожает лучших македонян, злодейски расправляется с Каллисфеном, бросает Лизимаха к свирепому льву и т. д. Своей победой на Востоке Александр наложил на всю Азию «ярмо рабства». Ко всей восточной политике македонского царя Трог Помпей относился отрицательно.

Полная биография Александра написана Плутархом (I—II вв.). Сам автор в своем предисловии замечает, что он пишет не историю, а биографию, поэтому ему важнее проникнуть в тайники души героя, охарактеризовать его поступки, нарисовать портрет, чем излагать победы и сражения.

Опираясь на высказывания Ариостоула, Дурида и Онесикрита, автор описывает подготовку македонских войск к восточному походу, переход ими Геллеспонта и первую встречу с неприятелем у Граника. Сражения при Гранике и Иссе описаны с большой подробностью и некоторой идеализацией македонского царя.

Изложение дальнейшей борьбы македонян на Востоке переплетается с многочисленными легендами, вымыслами, преданиями. Плутарх считает необыкновенным и фантастическим рассказ о том, что во время марша по Памфилии перед Александром отступило море. Однако на той же странице он спокойно рассказывает, как река в Ликии, переменяв свое течение, выбросила со дна медную доску с надписью о победе греков и гибели Персидской монархии.

В изложении битвы при Гавгамелах, которая окончательно сломила могущество персов, автора меньше всего интересовали ее результаты.

Вместо широкого анализа самого важного из трех сражений он останавливается на мелочах. Он описывает платье, в которое Александр был одет перед боем, его шлем с драгоценностями, говорит о легкости его меча и восхищается его лошадью, рассказывает об орле, парившем над головой победителя, и о целом ряде мелких, второстепенных деталей.

Трудности, связанные с покорением Средней Азии, восстание среднеазиатских племен против завоевателя совершенно не освещены у Плутарха. Неудачный индийский поход объясняется автором исключительно трудными условиями, в которых находились македоняне.

Плутарх уделяет внимание возникновению и развитию оппозиционных взглядов в македонской армии, объясняя наличие их глубоким недовольством македонян миродержавной политикой их царя. Эти сведения Плутарха важны для выяснения той роли, которую играли интересы Македонии в больших планах мирового господства Александра.

Более последовательное изложение эпохи Александра мы находим в исторических трудах Арриана.

Флавий Арриан — государственный деятель, воин, писатель, философ, историк II в., современник римских императоров Траяна, Адриана, Антонина Пия и Марка Аврелия. Он был учеником стоического философа Эпиктета, глубоко изучил военные науки, был трибуном и начальником легиона в рейнской и дунайской армиях, консулом и, наконец, около 130—132 гг. был назначен наместником Каппадокии¹¹. Пройдя большую жизненную

¹¹ См. А. Корольков. Жизнь и труды Арриана. — Журн. «Средняя Азия», ч. II, июль, Ташкент, 1911, стр. 86.

школу, Арриан обладал всеми необходимыми для историка знаниями: историческими, философскими, военными, географическими. В его многообразном литературном наследстве исторический труд о походах Александра занимает одно из видных мест. По манере изложения, по характеру сюжета, по изображению военных событий Арриан был последователем Ксенофонта¹². Но по умению критически освоить материал прошлого поколения историков, по простоте, прямоте и точности суждений Арриан превосходит его. Оба историка в сущности весьма значительно отличаются друг от друга, как и те исторические эпохи, в которые они жили.

Ксенофонт жил в эпоху упадка греческого полиса. Не видя выхода из создавшегося тупика, он обращал свои взоры в прошлое и искал в нем спасения для настоящего. Арриан был убежден в обратном. Он полагал, что Римская империя является «якорем спасения» для человечества. В противовес Ксенофону Арриан не искал в прошлом идеалов настоящего, наоборот, в прошлом его привлекали эпохи и деятели, в которых как бы предвосхищалось настоящее. Поэтому Римская империя, нивелирующая племена, расы, народы, в известной мере гармонизировала с космополитическими идеями Александра Македонского.

Что побудило Арриана приняться за труд об Александре Македонском? На этот вопрос отвечает сам автор. Забыв о своих предшественниках, которыми он непосредственно пользовался в своем труде, Арриан выражает обиду за Александра, деяния которого не были достойным образом поведаны миру. Никто не рассказал о нем ни в прозе, ни в поэзии, не воспел его в песнях, как многих других, которые ни в каком отношении не могут идти в сравнение с македонским полководцем¹³.

---

¹² Ксенофонт давал Арриану направление в выборе тематики. Как Ксенофонт написал «Анабасис Кира Младшего», так Арриан — «Анабасис Александра». Ксенофонт собрал и записал «Воспоминания о Сократе», Арриан — «Беседы Эпиктета», нового Сократа, преданным учеником которого он стал. Эпиктет проповедовал идеи космополитизма, учение о том, что человек — гражданин мира. Арриан формировался в философа под влиянием идей стоицизма. Эти идеи нашли свое отражение и в «Анабасисе», где, восхваляя Александра, он как бы оправдывал политику современных ему римских цезарей.

¹³ Агг. I, 12, 2.

Последнего он ставит так высоко, что с полной уверенностью утверждает: нет другого человека, который — один! — совершил бы столько великих по своему значению подвигов. Это и было причиной, побудившей его написать данное сочинение¹⁴.

Сам Арриан, может быть, не совсем скромно, считал себя весьма достойным быть причисленным к первостепенным писателям на греческом языке, как Александр — быть первым по оружию¹⁵. Арриан полагал, что, описывая славные подвиги Александра, он займет место в ряду первоклассных греческих писателей, как Александр занял его в ряду героев. В этом выражена субъективная цель автора. Что касается объективной цели, то она высказана им в конце его повествования. «Я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением. А дело его я бранил потому, что люблю правду, и потому, что люблю принести пользу людям»¹⁶.

Что это за истина и общественная польза, во имя которых автор порицает некоторые поступки Александра?

Политическая деятельность и философско-этическая направленность автора дают нам возможность понять, что Арриан писал свое сочинение об Александре не только ради славы самого Александра или своей собственной. Он пытался своим повествованием оправдать деятельность римских императоров эпохи Антонинов. Там, где поступки Александра уклонялись от идеала римского цезаря, эти поступки оценивались отрицательно. Поэтому образ македонского царя показан в противоречиях. С одной стороны, великий человек совершает много важных дел, проводит ряд справедливых мер: так, когда Александр прибыл в Эфес, он вернул изгнанников, уничтожил олигархию и восстановил демократию. Он запретил здесь убивать жителей, поскольку среди них могут быть убиты не только виновные, но и невинные — одни по злобе, другие — ради грабежа. За это Александр заслужил добрую славу¹⁷. Вместе с тем Арриан не скрывает жестокости Александра. Он показывает это на при-

---

¹⁴ Агг. I, 12, 4.

¹⁵ Там же, 5.

¹⁶ Там же, VII, 30, 3.

¹⁷ Там же, I, 17, 10—12.

мерах беспорядочного избияния фиванцев после подавления восстания в Фивах, когда «жалости не было ни к женщинам, ни к детям»¹⁸. Во время взятия Газы, по приказу Александра, всех мужчин перебили, женщин, детей и прочую добычу забрали себе солдаты¹⁹. В Индии взятых в плен македоняне перебили в гневе за ранение Александра. Они стали избивать индов и перебили всех, не пощадив даже женщин и детей²⁰.

Арриан показывает Александра как человека суеверного. Так, в период осады Галикарнаса он раскрыл разговор Александра, сына Аэропа, одного из «друзей», в то время начальника фессалийской конницы, при помощи ласточки, которая села на его голову и своим щебетаньем не давала ему покоя, пока он не увидел в этом знамение²¹. Во время взятия Газы, когда Александр приступал к совершению обряда над животным, птица, пролетая над алтарем, уронила ему на голову камень, который она несла в когтях. Когда Александр обратился к прорицателю, тот ответил, что город он возьмет, но должен бояться «сегодняшнего дня»²².

Однако, несмотря на известную принципиальность и критический подход к описываемым событиям, Арриан во многом идеализирует своего героя, акцентирует вокруг него основное внимание, старается выдвинуть фигуру Александра на первый план. Этим отчасти объясняется и то обстоятельство, что Арриан иногда оставляет в стороне факты, которые могли бы бросить тень на Александра, его политику, мероприятия, и не высказывает своего отношения к ним.

Заканчивая свой труд, Арриан сам признает, что был поклонником Александра, его деяний и бессмертных подвигов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что много в его изложении предвзятого, надуманного, субъективного, исследование Арриана не лишено также преувеличений.

Основной обязанностью историка Арриан считает правдивое объективное повествование. В своем предисловии, где определяется отношение к источникам, он

¹⁸ Агг. I, 8, 8.

¹⁹ Там же, IV, 2, 4.

²⁰ Там же, IV, 23, 5; VI, 11, 1.

²¹ Там же, I, 25, 6—8.

²² Там же, II, 26, 4.

заявляет, что будет заносить на страницы своей истории об Александре только то, что сообщали о нем вполне доброкачественные первоисточники. Автор пытается строго соблюдать критический подход к отбору материала, что выгодно отличает его от других историков.

В своем изложении Арриан старается держаться близко к источникам, местами их просто переписывая, но никогда при этом не извращает оригинала.

Для своего произведения он использовал лучшие, не дошедшие до нас источники. Первое место среди них занимают воспоминания Птолемея, сына Лага, друга юности Александра и сподвижника его в походах. Он лучше всех знал царя, его планы, образ мыслей и действий и имел возможность отобразить их с большой полнотой. По собственному замечанию Арриана, Птолемей заслуживает особого доверия. За Птолемеем следует сообщение Аристобула, тоже участника восточных походов. Сам Арриан писал, что он передает как вполне достоверные только те сведения об Александре, которые одинаково сообщают Птолемей и Аристобул.

Доброкачественность источников и мастерское их изложение автором выделяют эти главы труда перед соответствующими главами других писателей.

Эратосфен, Неарх и Мегасфен обогащали Арриана географическими сведениями. Материал о состоянии персидского престола после битвы при Иссе, об отношении Александра к Греции, о деловых связях с наместниками завоеванных земель давала обильная деловая и личная переписка.

Из царского журнала можно было получить данные о жизни самого Александра.

Однако тщательное и добросовестное использование источников в его «Анабасисе» не должно от нас скрывать тех политических целей, которые он преследовал в своем произведении и для достижения которых ему приходилось иногда идеализировать македонского царя и приносить в его эпоху современные Арриану идеи.

Следует иметь в виду, что сами источники не всегда вполне объективны. Произведения приближенных к Александру писателей не могли не отразить той атмосферы раболепия и низкопоклонства, которой был окружен Александр. Известная доля идеализации Александра, восторженного отношения к его политике, походам и т. д.,

несомненно, имела место в трудах его приверженцев и оказала большое влияние на Арриана. Используя в основном источники апологетического направления, Арриан избегает сообщать или старается умалить факты, характеризующие сопротивление местных племен и народностей македонским завоевателям, а само продвижение македонян показывает как триумфальное шествие²³.

Помимо влияния источников нужно иметь в виду и цель самого Арриана — доказать, что империя была наивысшей и наилучшей формой правления; отсюда и основная идея произведения историка: история Александра Македонского — самая лучшая страница прошлого, ибо она предвосхитила собой то, современником чего был Арриан. Поэтому свое сочинение он писал главным образом для того, чтобы своим рассказом о делах минувших убедить людей в правомерности и необходимости Римской империи.

На страницах семи книг в хронологической последовательности Арриан излагает историю Александра, его походы и завоевания. С особой точностью и ясностью описаны автором военные операции, преимущественно по Птолемею.

В изложении истории военных походов чувствуется прекрасное знание автором греко-македонской и римской военной тактики и стратегии.

С именем Арриана связано еще одно небольшое сочинение — «Индия», которое является логическим продолжением его большого труда об Александре²⁴. Основная цель этого произведения — познакомить с отважным морским предприятием Неарха, одного из выдающихся флотоводцев и сподвижников Александра²⁵.

«Индия» Арриана представляет собой завершающий этап исследования походов Александра. По своему по-

---

²³ См. Ф. Я. Косыке. Племена северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием. — ВДИ, 1962, № 1, стр. 114.

²⁴ См. ВДИ, 1940, № 2. Статья «Античные писатели о древней Индии».

²⁵ В этом сочинении большей частью использованы записи Неарха под названием «*παραπλοῦς*» (Agg. Ind. 18, 4; 19, 9), а также сведения Страбона, Эратосфена, Мегасфена и других авторов. Свой путь по Инду Неарх описал позднее на основе судового журнала, по которому можно проследить день за днем плавание македонского флота, а также извлечь ряд ценных естественно-научных, этнографических и географических сведений.

строению, критическому отношению к источникам она стоит гораздо выше ранних произведений Арриана и свидетельствует о научной зрелости автора.

Для того чтобы правильно определить место того или иного сочинения вышеуказанных авторов, важно определить, какими источниками они пользовались, как они относились к сообщаемым ими фактам, насколько были сильны их субъективные мотивы.

При рассмотрении этого аспекта выясняется любопытная картина. Источники, которыми пользовались наши авторы, имели важнейшее значение для определения их взглядов на эпоху Александра. С другой стороны, эти источники приспосабливались к тем политическим идеалам историков, которые определяли их общественно-политические взгляды. Именно эти обстоятельства объясняют, почему историк выбрал тот или иной источник, почему одни его известия он широко использует, а другими пренебрегает.

Главнейшими представителями двух традиций в античной историографии об Александре являются Птолемей и Клитарх. Первый — «официальной», второй — «романтической». Официальная традиция — это строгое описание восточных походов, основанное на документах или точно фиксированных личных наблюдениях. Романтическая традиция дает рассказ для занимательного чтения, без особой точности. Значительное место здесь отведено легендам, которые складывались еще при жизни Александра.

Между этими традициями стоит Аристокл, который, придерживаясь в основном второй, вместе с тем пытался подойти к ней критически при помощи первой.

Первая традиция в наиболее полном и чистом виде отражена у Арриана, в отрывочном и искаженном — у Курция. Вторая — в наиболее чистом виде отражена у Диодора, в несколько измененном виде — у Трога Помпея и в еще более измененном — у Курция. Превеличенным рассказам Клитарха во многом следовал и Плутарх.

Арриан использует преимущественно сочинения Птолемея, особенно касающиеся военной истории. Аристокл служит у него лишь дополнением. Курций придерживается в основном версии Клитарха, но в ней сочетаются и следы версии Птолемея. Комбинирование обеих версий претерпело длительную и неоднократную переработку и

проведено не совсем искусно²⁶. Это различное отношение авторов к своим источникам было в значительной мере вызвано и теми общественными запросами эпохи, в которых авторы эти жили и творили.

Так, во времена принципата в римском обществе широкое распространение получила критическая оценка деятельности македонского завоевателя Востока. Свое отрицательное отношение к нему выразили Цицерон, Тит Ливий и несколько позднее Сенека и Лукиан. Это враждебное отношение к Александру ведет свое начало от перипатетиков — школы Аристотеля, племянник которого Каллисфен пал жертвой Александра. Перипатетики и создали его отрицательный образ — деспота и багровя судьбы²⁷.

Курций своим сочинением закрепляет антиалександровское направление в античной историографии. Но писатели II в. — Плутарх и особенно Арриан, жившие в новых исторических условиях и опиравшиеся главным образом на сочинения Птолемея и Аристубула, создали иной образ Александра, ставший позднее «классическим».

Плутарх и Арриан закрепили апологетическое направление в античной историографии. С тех пор эти два направления продолжали существовать во взаимной борьбе. Это обстоятельство содействовало тому, что образ подлинного Александра исчезал, так как он идеализировался или принижался в зависимости от этих двух направлений. Представители первого направления порицают его деятельность и выражают к нему враждебное отношение; представители другого им восхищаются, его боготворят и ему подражают²⁸. Около двух тысяч лет назад на Востоке стал складываться о нем роман, который получил свое развитие в первых десятилетиях IV в. при императорах Каракалле и Александре Севере, когда культ Александра был введен в Римскую империю официально²⁹.

²⁶ См. И. В. Пьянков. Мараканда. — ВДИ, 1970, № 1, стр. 33—34.

²⁷ См.: С. А. Робинсон. Alexander the Great. New York, 1947, p. 10.

²⁸ См. А. С. Шофман. Александр Македонский в буржуазной историографии. — «Вопросы истории, филологии и педагогики», вып. 2, Казань, 1967, стр. 69.

²⁹ См. Е. С. Бертельс. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М. — Л., 1948, стр. 8.

Позднее, особенно на Востоке, но не только там, по-
является большое количество «Александрий»³⁰. Для изу-
чения самого эллинистического мира они почти ничего
не дают. В них только выражены идеи и чаяния тех
общественных слоев восточных стран, которые создава-
ли идеальные портреты македонского завоевателя³¹.
Не отстал в этом отношении от Востока и Запад³².

Героистическая концепция идиографизма продолжает
господствовать в буржуазной науке и в новое время. Со-
гласно этой концепции, эпоха Александра предстает
перед нашими глазами как загадочное нагромождение
случайностей, как следование событий, лишенных всякой

---

³⁰ О том, как разрабатывался в литературе разных стран и
народов сюжет об Александре Македонском, см.: Е. С. Бер-
тельс. Роман об Александре... М.—Л., 1948 — и особенно:
Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и
фольклорной традиции. М., «Наука», 1972.

³¹ В сасанидскую эпоху, когда персидское национальное соз-
нание возродилось, чтобы дать жизнь империи, которая по духу
и фермам осознавалась как наследница Ахеменидской державы,
разрушенной Александром, он в пехлевийской литературе, есте-
ственно, был описан в выражениях ненависти и презрения. Особая
вина возлагалась на Александра за пожар в Персеполе, гибель
священных текстов, хранившихся в сокровищнице крепости. Разру-
шителя Иранского царства, свергнувшего мир в гнусность и под-
лость, иначе изобразить было невозможно.

Впрочем, иную судьбу имеет в Персии легенда об Александре,
которая нашла систематизацию в романе Псевдо-Каллисфена. По-
средством перевода этого труда с греческого на пехлевийский (с
которого затем был осуществлен перевод на сирийский, а с это-
го — на арабский) Александр стал персидским эпико-романтиче-
ским достоянием. Впоследствии эпос Фирдоуси также был вдох-
новлен романом об Александре. (См. Antonino Pagliaro.
Alessandro Magno. Eb: Torino, 1960, p. 385).

³² Славяне эпические сказания об Александре заимствовали из
источников греческих и латинских. Из первых вышел обширный
круг юго-восточных романов: болгарский, сербский и русский; из
латинских — небольшой круг западно-славянских сказаний: поль-
ский и чешский романы и чешская поэма, так называемые Ale-
xandreis.

Источником юго-восточных переводов был роман Псевдо-Кал-
лисфена, послуживший основой всемирного круга эпических сказа-
ний об Александре. Псевдо-Каллисфен имел влияние на первоначальных западноевропейских и славянских летописцев и историков.
(См. И. Снегирёв. Отрывки чешской поэмы об Александре
Македонском. Очерк литературно-филологический. Казань, 1877,
стр. 3, 12).

закономерности и зависящих только от каприза личностей³³.

Исключением из этого господствующего в буржуазной историографии возвеличения Александра могут служить лишь позиции двух историков: Нибура, который не может найти в нем ни одной хорошей черты, и особенно Ю. Белоха, умаляющего роль и значение македонского полководца. Белох резко выступает против фетишизации Александра, против тех, кто до его времени думал как Дройзен. Людям нужен фетиш, говорит Белох, и горе тому, кто попытается свергнуть этот фетиш с алтаря³⁴. С недоумением и сарказмом он вспоминает то время, когда против него, приглашенного на кафедру в Лейпциг, филологи проголосовали лишь за его осуждение Александра. Ученые были оскорблены в самых святых своих чувствах.

Свои выводы против возвеличивания Александра Белох строит на предвзятой идее о том, что вообще великие люди появляются редко, особенно среди тех, кто рожден в пурпуре³⁵.

У великих отцов, утверждает Белох, почти не бывает великих сыновей. Поэтому маловероятно, чтобы такой человек, как Филипп, мог иметь сына, равного ему по силе духа. Приведя примеры Гамилькара Барки и Ганнибала, которые должны как будто опровергнуть его мысль, Белох пытается доказать, что и Ганнибал не был равен своему отцу. Он достиг больших успехов на поле боя против римских армий, руководимых бездарными командирами; однако, когда римляне создали хорошую армию и

---

³³ См. А. Шаффа. Объективный характер законов истории. М., 1959, стр. 200.

³⁴ См. J. Beloch. Griechische Geschichte, Bd. IV. Berlin — Leipzig, 1927, S. 290—291.

³⁵ Эту мысль он подтверждает примером из всемирной истории: так, Генрих IV взшел на трон благодаря собственной силе, но его потомки во Франции так же, как и в Испании и Неаполе, были сплошь ничтожествами. Из девяти прусских королей великим полководцем был только один, ни один не был великим государственным деятелем. Из преемников Александра значительными людьми были только основатели новых династий; но никто из наследников ни в Азии, ни в Египте, ни в Македонии не смог сделать ничего подобного, кроме разве Антигона Гоната и Антигона Досона, да еще нескольких женщин, как Арсиноя Филодельфа и последняя Клеопатра.

поставили во главе нее хороших полководцев, он не мог больше достичь победы. Превентивная война, которую он развязал, привела к потере испанского владычества, созданного его отцом, и вместе с этим самостоятельности Карфагена.

Александр так же, как и его отец, имел много крупных внешних успехов; тем не менее задача, решенная Филиппом,— превращение Македонии из маленького государства в крупную державу и объединение Греции — была неизмеримо труднее, чем завоевание дряхлой Персии, сохранявшейся только благодаря раздорам среди эллинов. Став после смерти отца во главе государства, Александр застал это государство и войско уже готовым. Кроме того, ему помогали проверенные полководцы Филиппа. Сравнив заслуги обоих, Белох приходит к несомненному выводу, что Филипп гораздо значительнее своего сына ³⁶.

Отрицая у последнего талант полководца, историк стремится показать, что все военные операции он проводил не самостоятельно. Непосредственно участвуя во всех битвах, Александр не мог руководить этими битвами ³⁷. Решающее влияние на ход азиатской кампании оказал крупнейший македонский полководец — Парменион, которого историк считает величайшим полководцем своего времени и одним из величайших полководцев всех времен ³⁸. Именно Парменион, а не Александр, по мнению Белоха, выиграл крупные битвы персидской войны и стратегически руководил всей военной кампанией.

Белох умаляет не только полководческие способности Александра, но довольно скромно говорит о нем как о государственном деятеле.

Белох, однако, является в этом вопросе исключением. В целом же буржуазная историография подняла Александра на щит и стала на путь его идеализации. Это можно особенно четко проследить в творчестве видных представителей немецкой, французской, англо-американской и итальянской историографии. Прежде всего, эта идеализация проявилась в трудах немецких историков, которые,

---

³⁶ J. Beloch. *Op. cit.*, S. 292—293.

³⁷ Там же, стр. 294.

³⁸ Там же, стр. 300.

начиная со времени объединения Германии, стали искать историческое оправдание претензий немецкого империализма на мировую гегемонию. В панэллинизме они находили движущую силу македонских завоеваний, а в последних усматривали подтверждение своего политического кредо. Здесь, прежде всего, должен быть отмечен И. Г. Дройзен, посвятивший Александру весь I том своей 3-томной монографии по эллинизму³⁹. Дройзен указывает, что «имя Александра означает конец одной мировой эпохи и начало новой»⁴⁰. Он открыл Восток для греческой культуры и для греческой торговли до Индии, полностью создал новую основу для всего дальнейшего развития восточного и западного мира, которая оказывает непосредственное влияние на протяжении целого тысячелетия. С точки зрения Дройзена, Александр является начинателем этого «великого исторического процесса, в ходе которого народы Востока пробудились от вековой спячки, Запад познал наслаждение Востока, а Восток — искусство Запада»⁴¹. Для покоренных народов, утверждал историк, «Александр был, если не освободителем, то милостивым и полным отеческих чувств владыкой»⁴².

Р. Пельман с одобрением пишет, что у Александра была «идея государства, обнимающего главнейшие культурные народы и сглаживающего их особенности на почве возможно более космополитической культуры»⁴³. Эд. Мейер в работе «Александр Великий и абсолютная монархия» всячески превозносит величие и значение македонского объединения⁴⁴. В его работах об Александре с особой ясностью проявляется идиографический метод, выражающийся в отрицании исторической закономерности, в описании событий, понимаемых как произвольные творения личностей⁴⁵.

В период новейшего времени в германской историографии тенденция к идеализации Александра и его

---

³⁹ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I. М., 1890.

⁴⁰ И. Г. Дройзен. Указ. соч., т. III, 1893, стр. 45.

⁴¹ И. Г. Дройзен. Указ. соч., т. I, 1891, стр. 376.

⁴² Там же, стр. 1.

⁴³ Р. Пельман. Очерк греческой истории и источниковедения, 1910, стр. 304—305.

⁴⁴ E. d. Meyer. Alexander der Grosse und die absolute Monarchie. Kleine Schriften. Halle, 1910, S. 285—332.

⁴⁵ См. А. Шафф. Указ. соч., стр. 200.

восточных походов не ослабла, а усилилась⁴⁶. Приведем некоторые примеры из работ крупных античников Вилькена, Шахермейера, Альтгейма.

С точки зрения Вилькена, Александр пришел на Восток не как завоеватель, который вторгается во вражескую страну, все сжигая на своем пути, а как будущий властелин, который видел в покоренных народах своих подданных, которых он хотел примирить с новым господством, считаясь с их народными особенностями и стараясь сохранять, насколько это позволяла безопасность его господства, их старые традиции, которые должны были полностью проявиться в новых условиях⁴⁷.

Вилькен указывает, что гуманный образ мыслей Александра сказался в его добром отношении к плененной семье Дария, в его дружественных заботах о своих раненых при Гранике. Он попросил некоторых показать их раны и рассказать ему, при каких обстоятельствах они были получены, и выслушал все дружелюбно, даже если они при этом немного хвастали. Понятно, что войско следовало за таким вождем с воодушевлением и любовью⁴⁸.

Александра Вилькен называет народным царем (Volkskönig), делившим все лишения со своими воинами, с исключительной человечностью заботясь о своих людях, идя на личные жертвы и лишения⁴⁹.

Ретроспективный взгляд на гигантское дело всей его жизни, пишет историк, позволяет возродиться перед нами личности во всей ее гениальности, чудесном смешении демонической страсти, трезвой ясности и рассудительности. В этом человеке дела с железной волей, бывшем реальным политиком, дремало немало иррационального, как, например, «тоска» по неисследованному и полному тайны, которая, объединившись с его желанием к завоеваниям и радостью научного открытия, привела его в

---

⁴⁶ Н. С. Талашова в своей кандидатской диссертации «Восточные походы Александра Македонского в германской историографии новейшего времени» (1972), выполненной под нашим руководством, установила три этапа развития этой тенденции: во время Веймарской республики, в период фашизма, в послевоенный период. В этой работе приведено достаточно фактов, подтверждающих наш основной тезис.

⁴⁷ U. Wilcken. Alexander der Grosse. Leipzig, 1931, S. 80.

⁴⁸ Там же, стр. 79, 96.

⁴⁹ Там же, стр. 161.

конце концов к границам ойкумены. Сильная вера Александра в свою миссию дала ему абсолютную уверенность в победе, без которой были бы непонятны его воля и его дела. Демоническая сила его существования дала ему господство над людьми. Александр был врожденным полководческим гением⁵⁰.

Признавая сложность характера Александра, Вилькен подчеркивает, что в нем скрывалась демоническая гениальность. Кто видит в нем лишь холодного расчетливого политика, тот упускает романтические и политические черты его характера,— говорит историк. Вилькен относит Александра к тем немногим личностям, которые открывали новые периоды мировой истории. По его мнению, едва ли существовал еще кто-либо, кто по своей личной воле наложил бы на мир такой сильный отпечаток, что много столетий спустя развитие мира находилось под влиянием дела всей его жизни. Называя Александра исключительно феноменальным человеком, Вилькен забыл о могучем антимакедонском движении, подчеркивая, что Александр триумфальным шествием покорил весь Восток до Индии. Он выступает против стремления ученых изучить Александра на фоне той социальной среды, которая воспитала и выдвинула его. Такого гения, как Александр, пишет он, нельзя рассматривать как выходца из «среды» или только как «продукт своего времени и страны». Как гений, он идет своим путем, к которому без него никогда не привело бы естественное развитие его народа⁵¹.

Народным царем, управлявшим с самого начала народным войском, называет Александра и Ф. Шахермейр⁵². По его мнению, царь охранял права маленького человека, простого воина, крестьянина и пастуха от произвола крупноземлевладельческой знати и в благодарность за это получил верность солдат. Александр был солдатский царь, совершенно другой, чем надменный представитель знати Филота⁵³. Он был светлейший и самовластный, возвышенный и величественный, жестокий и надменный, у него постоянно соединялся гений с силой и

⁵⁰ U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 206, 224—225.

⁵¹ Там же, стр. VIII.

⁵² Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse. (Ingenium und Macht)*. Wien, 1949.

⁵³ Там же, стр. 407.

насилием⁵⁴. Величие Александра заключает в себе не только возвышенное, светлое, но вместе с тем и все самое темное: в его величии уживаются одновременно нежно чувствующий друг и коварный враг, универсальный благодетель и жестокий тиран, любящий сын и бесцеремонный убийца родственников, человек, приносящий мир, и скрупулезный насильник, освободитель от старых предрассудков и угнетатель свободы, новатор в области высшего человеческого достоинства и последовательный уничтожитель этого достоинства⁵⁵. Величие Александра было соткано из яркого света и темной тени. Для Александра все было дозволено, начиная от возвышенного величия и кончая яростью хищного зверя, от светлейшего духовного до элементарного инстинкта, от живейшей фантазии до последнего холодного рассудка. Александр старался поддерживать равновесие этих отдельных факторов. Их равновесие заключается в полярно расположенных крайностях трусости и разума⁵⁶. Александра автор считает «чудотворцем» в истории, на все времена великим ясновидцем, пророком, революционером⁵⁷. Он был великим полководцем, полным абсолютного и неременного самовластия, сметающим все преграды на своем пути. Какая бы ситуация Александру ни противостояла, он уже знал лучшее решение. Из его школы вышли многочисленные полководцы-диадохи. Но как бы их ни хвалили, они все-таки оставались учениками волшебника по сравнению с мастером⁵⁸.

---

⁵⁴ Fr. Schachermeyr. Alexander der Grosse. (Ingenium und Macht). Wien, 1949, S. 412.

⁵⁵ Там же, стр. 470.

⁵⁶ Там же, стр. 471.

⁵⁷ Там же, стр. 473, 492, 493.

⁵⁸ Изучая вопрос о соотношении гения и власти, автор считает, что власть связана в одном случае с принципом самоуверенности, в другом случае — с принципом сдержанности. К первому виду он относит Августа, Карла Великого, Петра Великого, принца Евгения и Бисмарка, но прежде всего — Филиппа Македонского. Эти гениальные люди хотя и признавали себя людьми власти, однако никогда не забывали, что власть одного относится к измеримому, рациональному миру, а не к непостижимому, иррациональному. Они, таким образом, приспособляли свои творческие возможности к принципу меры и определенности. Они были осторожны и владели собой, они всегда были рассудительны там, где действительно была нужна рассудительность. (Fr. Schachermeyr, S. 190, 295).

Совершенно другим является второй тип, к которому принад-

Наконец, Ф. Альтгейм в своей монографии об Александре прямо указывает, что историка не следует упрекать в пристрастии, если он относится с действительным почтением к мыслям македонского царя о государстве. Александр был поэтом и творцом. Его взгляды и сверхчеловеческая величина того, к чему он прикасался, позволяют, с точки зрения немецкого историка, делать сравнения только с Микельанджело. Чего пытался последний добиться от хрупкого, только от сверххрупкого мрамора, то отважился Александр получить от чувствительного материала и еще более чувствительной души тех людей, которых ему послала судьба. Оба дела остались незаконченными. Здесь, как и там, не хватило последнего штриха⁵⁹.

Не меньшая идеализация Александра и его деятельности наблюдается и во французской историографии. Здесь, в первую очередь, следует отметить работу Пьера Жуге о македонском империализме и эллинистическом Востоке, вышедшую в 1926 г. с предисловием Анри Берра⁶⁰. В предисловии к этой книге последний указывает, что в вихре завоеваний Александр постоянно сохранял некий реальный смысл и высокие интересы; он был открывателем земель и организатором человечества. Он сочувствовал покоренным народам, особенно персам, которые его приняли как второго Кира. Он хотел объединить даже кровными узами нации и расы, слить два мира в один.

Александр, по мнению А. Берра, был творцом «нового порядка»; могучий рассудок Александра вынашивал плодотворные идеи об интересе человечества.

лежали Александр и окружавшие его люди, а также Кир и в некоторой степени Валленштейн.

Для этого типа была характерна при достижении успеха слишком самодовольная, даже дерзкая вера в собственную потенциальную возможность. Эти люди приписывали себе, сознательно или бессознательно, волшебную силу и удивительную способность сделать возможным неизмеримое и невозможное. Так как этим отважным людям все удавалось сразу, то они всегда стремились к неизмеримым целям, как будто были магами.

Правда, обе группы никогда нельзя строго отделять друг от друга, так как некоторые черты одновременно принадлежат обоим типам. (Там же, стр. 477).

⁵⁹ Fr. Altheim. *Alexander und Asien*. Tübingen, 1953, S. 103.

⁶⁰ P. Jouguet. *L'imperialisme macedonien et l'hellenisme de l'Orient*. Paris, 1926.

Берр видит в Александре одного из удивительных, самых благородных людей, сверхчеловека⁶¹.

П. Жуге называет Александра буйным гением, чьи замыслы превзошли идеи Исократа и планы Филиппа⁶². Восточная кампания Александра рисуется французским историком как изумительная авантюра, завершившаяся чрезвычайным успехом⁶³. Удивительно то, — пишет он, — что в течение 11 лет сражений и завоевательных экспедиций ни один случай не мог нанести поражения неприятию, «которое не могло удасться в одной стране, не удаваясь во всех остальных, не удасться в данный момент, не удаваясь постоянно»⁶⁴. Поэтому в века, когда фортуна была культом, можно было говорить с каким-то религиозным восторгом о «фортуна» Александра. Впрочем, о ней часто говорили, чтобы признать за этим заслугу, в которой традиция риториков-философов отказывала царю. Но там, где неразумный педантизм софистов видел лишь счастлирое сумасбродство (*felix temeritas*), говорит Сенека (*De benef.* VII, 3, 1), более набожные и прозорливые замечали действие ясного и твердого ума и следствие глубокой энергии, которая делает человека настоящим человеком, эту «добродетель» (*αρετη*), которая у героев является не только хозяином его поступков, но и самим источником его власти (Плутарх. «О фортуна Александра Великого»).

Жуге подчеркивает, что ни одно деяние не носит большей, чем деятельность Александра, печати личного гения; его завоевания, говорит историк, разворачивались как стройное выполнение логического плана, и поэтому они принадлежат к шедеврам эллинизма.

Дорога в Азию, говорит дальше Жуге, была открыта битвой при Гранике, два года ушло на то, чтобы создать прочную базу и установить связи с Македонией, которые не могли быть прерваны; затем, как только берег Малой Азии был покорен, после разгрома Дария при Иссе, эта база была распространена на Сирию и Египет, и только тогда Александр двинулся вглубь вражеской страны, которой был нанесен решающий удар при Арбелах. Нель-

⁶¹ P. Jouguet. Op. cit., p. IX—X.

⁶² Там же, стр. 7—8.

⁶³ Там же, стр. 71.

⁶⁴ Ш. Монтескье. Дух законов, IX, 8. — Избранные произведения. М., 1955.

зя думать, указывает историк, что план был составлен со всеми подробностями на все случаи: часто обстоятельства подсказывали действие. Обстоятельства требовали, например, преследовать Дария у Гирканских гор, Бесса в Бактриане и следовать призывам Таксила в неведомую Индию. Но Александр, с точки зрения Жуге, подчинялся обстоятельствам лишь для того, чтобы над ними восторжествовать, их заставить служить следствиям выполненной созидательной идеи нового порядка⁶⁵. Если он предавался иногда мистическому пылу своей гордости, как при посещении оазиса, то он не замедлил извлечь пользу из этого для своих замыслов: его визит к Амону поднял его божественный престиж, который в глазах побежденных оправдывал его могущество. Возможно, только раз, если верить подозрительной традиции, его дело было спасено против его собственной воли: тогда, когда армия отказалась погубить себя в далекой долине Ганга. Но обычно, делает вывод французский ученый, какие бы ни были дороги, по которым увлекали Александра превратности войны, он умел руководить походами и сражениями. Колоссальная авантюра Александра положила начало новой эпохе⁶⁶.

Вслед за Жуге находит империализм в античном мире Жан Реми Паланк. Империализм Македонии он считает самым удивительным⁶⁷. Александр является единственным человеком во всей истории, который вынашивал гигантский план стать владыкой мира в полном смысле этого слова. Паланк указывает, что к этому идеалу он стремился на следующий день после победы над Дарием⁶⁸. В короткий срок ему удалось создать мировую империю⁶⁹.

В 1954 г. появилась новая работа об Александре Македонском известного французского античника Поля Клоше⁷⁰. В его изображении Александр — человек с пылким характером и с безумной отвагой. Это блестящий стратег и тактик, искусный и трудолюбивый админи-

⁶⁵ P. Jouguet. Op. cit., p. 72.

⁶⁶ Там же, стр. 130—131.

⁶⁷ Jean-Remy Palanque. Les imperialismes antiques. Paris, 1960, p. 54—55.

⁶⁸ Там же, стр. 65—66.

⁶⁹ Там же, стр. 73.

⁷⁰ P. Cloche. Alexandre le Grand. Paris, 1954.

стратор, очень просвещенный ученик Аристотеля, существо грубое и чувственное, иногда жестокое и безжалостное, но в то же время безумно храброе и благородное. В интерпретации П. Клоше Александр предстает не только как победитель и властелин, но и как сложная фигура, состоящая из контрастов, в которой поразительно переплетались темные и светлые стороны характера, крайнее отсутствие умеренности и необычайная стойкость духа, жестокий эгоизм и насущная потребность быть победителем, отвратительные пороки и блестящие способности и добродетели ⁷¹.

Если П. Клоше в 50-х годах считал возможным найти противоречивые стороны в характеристике Александра, то французские историки 60-х годов XX в. не находят больше этих противоречий. Эта позиция особенно четко прослеживается в коллективном труде французских античников и военных историков, посвященном разным вопросам восточных походов Александра ⁷².

Член французской Академии и редактор коллективного труда «Александр Великий» Жюль Ромен, применяет метод антиисторических аналогий для сравнительно-сопоставительного анализа жизнедеятельности Александра, Цезаря и Наполеона. Александра он причисляет к завоевателям высшего сорта, чьи имена приобрели символические значения ⁷³. Причислить их к высшей категории завоевателей Ромену дает право «почти чудесный характер побед и размеры завоеванных пространств» ⁷⁴.

Историк Жак Модель, идеализируя македонского полководца, считает, что он умел сражаться с такой же отвагой, как Ахилл. В искусстве давать сражения он не уступает никому. В своей идеализации Ж. Модель доходит до такого утверждения, что слава смертных героев для Александра больше недостаточна; только слава богов могла соответствовать ему ⁷⁵.

---

⁷¹ P. Cloche. Op. cit., стр. 7, 10.

⁷² Collection Genies et Prealites. Alexandre le Grand. Hachete, 1962.

⁷³ Там же, стр. 262.

⁷⁴ Там же, стр. 271—272.

⁷⁵ Там же, стр. 72, 78.

Другой историк, Жан Бенуа-Мешен, писал: «Занавес поднялся над самыми изумительными эпизодами истории. От Малой Азии до Индии ничто не могло устоять перед натиском, порывом и военным гением сына Филиппа Македонского. Ослепленный пышностью цивилизации Востока, Александр постигнет таинственный смысл истории, набросав основание своего великого замысла: создать универсальную монархию, сделав всю землю родиной всех людей. Мечта Александра — это мечта человечества, а именно: надежда слить, наконец, Восток и Запад, две половины расколотого мира. Эта мечта родилась с Александром Великим, возродилась с Цезарем и Клеопатрой, вновь замерцала с Фридрихом II Гогенштауфеном, с Бонапартом в Египте, с Лиотеем в Африке и Лоуренсом в Аравии... Эта мечта умирала и возрождалась в веках»⁷⁶.

Александр не был свирепым и чванливым завоевателем. Это был безумный юноша, носивший в себе *гений братства*⁷⁷. Он предпочитал бы вообще избегать репрессий, ведь они так противоречили его радушной натуре. Он хотел бы, чтобы все совершалось «по примеру и убеждению». Но люди были столь грубы, суровы и чужды⁷⁸.

Выдающееся место в галерее великих завоевателей, пишет он, обеспечивает Александру то положение, что каждый из его актов служил возвышенной идее, в которой господствовали проблемы культуры и цивилизации⁷⁹.

Французский военный историк генерал М. Карпонтье в своей статье об Александре «Почему он был непобедим?» подчеркивает, что македонский полководец был безупречным военачальником. Благородный темперамент, страсть к действию толкали его на быстрые наступательные операции. Он любил идти на обдуманный риск; в гуще схватки сражался как простой солдат, но вначале все взвешивал и анализировал обстановку, быстро принимал решения и переходил к действию⁸⁰.

⁷⁶ Benoist Mechin. *Alexandre le Grand ou la Révé* dépasse. Lausanne, 1964, p. 11—13.

⁷⁷ Там же, стр. 54—55.

⁷⁸ Там же, стр. 146.

⁷⁹ Там же, стр. 198.

⁸⁰ Collection Genies et Prealites. *Alexandre le Grand*. Hachete, 1962, p. 253—254, 258.

М. Карпонтье все победы македонских войск приписывает только одному Александру. Победы последнего, пишет он, были не победами его генералов, но его собственными победами, добытыми обнаженным мечом. Александр у него — безупречный солдат, удивительный вождь, чья эпопея всегда вызывает восхищение и уважение. По пути, проложенному Александром, говорит генерал Карпонтье, хлынут другие полчища, и другие завоеватели поведут их через столетия, но их подвиги не смогут затмить первого из великих полководцев всех времен, который был учителем их во всем ⁸¹.

Гипертрофируют роль личности Александра и представители итальянской историографии. Известный историк Антонино Пальяро его деяниям придает определяющее значение в историческом процессе, утверждая, что Александр разбил вековые барьеры, разделявшие два мира, и что сама эллинистическая цивилизация возникла как результат великого приключения македонского полководца ⁸². Все последствия восточных походов приписываются личному гению Александра и его исторической прозорливости ⁸³.

Другой итальянский историк Марчелло Фортина утверждает, что Александр обозначил начало новой исторической эпохи. Он создал предпосылки, которые обусловили будущее ⁸⁴.

Идеализация македонских завоеваний и самого Александра ярко выступает у англо-американских историков. Здесь следует отметить работы американских ученых В. Уилера, Робинсона, Катрлза и английских — Тарна, Берна, Тойнби.

Согласно утверждению В. Уилера, ни одна личность, за исключением сына плотника из Назарета, не сделала так много для мировой цивилизации, в которой мы живем, как Александр Македонский. Он выровнял площадь, на которой построилась европейская история. Все, что сделано им в пределах зоны его завоеваний, способствовало формированию здесь средиземноморской цивилизации,

---

⁸¹ Collection Genies et Prealites. Alexandre le Grand. Hachete, 1962, стр. 259—261.

⁸² A. Pagliaro. Alessandro Magno. Torino, 1960, p. 13.

⁸³ Там же, стр. 414.

⁸⁴ Marcello Fortina. Alessandro Magno l'ellenismo. In Nuove question di Storia antica. Milano, 1968, p. 224.

которая под влиянием Рима стала основой европейской жизни. Все, что лежало за пределами, очутилось словно на другой планете⁸⁵. Когда и где личность Александра отсутствовала на сцене, тогда и там история либо замедлялась, либо кружилась в водовороте; течение было там, где он был. Поэтому будет достаточно оправданным посвятить повествование большому историческому периоду личной истории человека, а не только завоевателя⁸⁶.

Александру присущи романтическая преданность и любовь к друзьям, деликатная мягкая нежность к слабым, царственное великодушие и щедрость души по отношению ко всем⁸⁷. Он был, несомненно, сильной личностью. Чувства, импульсы, увлечения, воля — все в нем на высочайшем уровне⁸⁸. Завоевания сами по себе не были его главной целью. Он был более добрым завоевателем, чем это изображают его враги⁸⁹.

В духе реакционных, идеалистических представлений о ходе исторического развития написана книга Робинсона. Вопреки фактам, в целях идеологических обоснований бредовой идеи о мировом господстве, Робинсон извращает и фальсифицирует историю общественных отношений в самой Македонии, крайне идеализирует Александра, особенно в его взаимоотношениях с македонскими солдатами, пытаясь найти в его деятельности параллели с современной политикой американских империалистов.

С точки зрения Робинсона, Александр оставил в наследство человечеству идеи общечеловеческой солидарности⁹⁰. Он называет его мечтателем и мистиком, стремившимся к созданию нового наилучшего мира и к объединению всего человечества. Это является основным, по мнению Робинсона, в личности Александра, и с этим не могут сравниться другие стороны его личности — его сильный характер, поражающая воображение народных масс гениальность, дар блестящего полководца, стратега

---

⁸⁵ В. Wheeler. Alexander the Great. New York — London, 1901, p. 1.

⁸⁶ Там же, стр. 2.

⁸⁷ Там же, стр. 5.

⁸⁸ Там же, стр. 58.

⁸⁹ Там же, стр. 61—62.

⁹⁰ С. А. Robinson. Alexander the Great. New York, 1947, p. 18.

и тактика, как у Юлия Цезаря и Наполеона (притом у него не было сладострастия первого и самоуверенных заблуждений второго)⁹¹.

Александр распространяет влияние греческой нации далеко за пределы бассейнов Средиземного и Черного морей. Он создает культуру эллинизма, но вместе с тем мечтает о слиянии человеческих рас в единое братство человеческого рода⁹². В этом отношении Александр завершал революцию, происходившую уже более столетия; примером ему служил его отец Филипп, объединивший греков в такую федерацию, которую автор называет «одной из лучших, которую когда-либо видел мир»⁹³.

Эту же мысль повторяет и другой историк — Катрлз. Александр неопровержимо провозгласил всему миру, что его стимулировало к подчинению Востока не просто личное военное призвание и гордость, но более всего желание распространить по всей земле греческие материальные и духовные ценности для увеличения и прославления древнейшей цивилизации Азии и Африки⁹⁴.

Александр хотел создать царство, объединяющее управление всем миром, образующее международное братство и очищенное греческой цивилизацией. Он желал смешать и объединить европейские, азиатские и африканские владения⁹⁵.

Александр совершенно заслуженно носил титул «великого». Он превзошел всех в благородстве и удивительных способностях. Он был превосходным стратегом и тактиком, знаменитым военачальником⁹⁶. Александр, по мнению автора, был самым воплощением огромной силы, благосклонности, энергии и красоты. Он прекрасно прошел через все испытания стойкости. Звезда его сверкнула неповторимым сиянием. Александр успешно соединял талант хитрого лицемера с фантастичными тенденциями идеалиста. Вся сущность Александра была проникнута эгоизмом. Эти качества и черты ясно различались. Но, кроме этого, Александра отличают и необыкновен-

⁹¹ С. А. Robinson. Alexander the Great. New York, 1947, стр. 6.

⁹² Там же, стр. 20—21.

⁹³ Там же, стр. 20.

⁹⁴ A. J. Cutrules. A history of Alexander the Great. N. J., 1958, p. 165.

⁹⁵ Там же, стр. 212.

⁹⁶ Там же, стр. 328.

ная щедрость, милосердие и доброта⁹⁷. Александр был замечательным и необыкновенно одаренным человеком. Он был военным гением и замечательным администратором, а также жадным исследователем и учеником⁹⁸. Благополучие и власть оказали неблагоприятное влияние на личность и характер Александра. С течением времени он стал высокомерным, тщеславным и жестоким. Он потерял скромную умеренность и вежливость, которые характеризовали его в более ранний период жизни⁹⁹.

Александра славил и удивлялись ему в то время, в которое он жил. Слава его, восхищение им не померкли в каждом последующем поколении. В «арабской традиции» он был прозван «Искандером». Маги персов объявили, что в действительности Александр вовсе не был сыном Филиппа, а был сыном их собственного царя Кира. Египтяне считали, что он был сыном Нектанеба, последнего египетского фараона¹⁰⁰.

Английский историк Тарн в своей капитальной двухтомной монографии об Александре даже создал целую концепцию братства, которую приписывает своему излюбленному герою¹⁰¹. Он указывает, что жизнеспособность его ума была несравненна. Он имел железную волю, хотя у него и были вспышки страсти и раздражительности, которые приводили его к несправедливым действиям¹⁰².

Александр был великим мечтателем. Мечтать о великом и делать великое дано немногим людям. Эта комбинация определила место Александра в истории¹⁰³. Конечно, на его счету есть ужасные преступления, среди

---

⁹⁷ A. J. Cutrules. *Op. cit.*, p. 339—340. О том, что Александр был человеком щедрым и пытался верить справедливости и защищать закон, высказался и другой историк — С. Барр. (См.: *Stringfellow Barr. The Will of Zeus. A history of Greece from the origins of Hellenic culture to the death of Alexander.*, J. B. Lippincott Company Philadelphia and New York, 1961, p. 401—402).

⁹⁸ A. J. Cutrules. *Op. cit.*, p. 19.

⁹⁹ Там же, стр. 149.

¹⁰⁰ Там же, стр. 8.

¹⁰¹ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I—II. Cambridge, 1948. В советской историографии Тарн подробно изучен Н. А. Зенкиной. Ее кандидатская диссертация «Критика исторической концепции Тарна» (1972), написанная под нашим руководством, рассматривает идейный и творческий путь английского историка.

¹⁰² W. Tarn. *Op. cit.*, vol. I, p. 123.

¹⁰³ Там же, стр. 124.

которых разрушение Фив, убийство Пармениона и др., но они — грехи юного и впечатлительного человека. То, что он был великим полководцем, не вызывает сомнения. Ему было по плечу любое задание ¹⁰⁴.

Указывая на то, что в империи Александра отсутствовала объединяющая сила, Тарн подчеркивает, что прочность империи могла быть достигнута, если бы Александр жил дольше. Личность Александра была удивительна ¹⁰⁵. Он был одной из высших удобряющих сил истории. Он вывел цивилизованный мир из одной рутины и вверг в другую. Он открыл новую эпоху. Он расширил границы знания и человеческих попыток и дал греческой науке и цивилизации такой простор и возможности, которые она раньше никогда не имела. Торговля и коммерция стали интернациональными ¹⁰⁶. Александр у Описа провозгласил союз и братство человечества. Эта идея через стойков перешла к христианству. Факел, зажженный Александром, долгое время лишь тлел, возможно, и сейчас он лишь тлеет, но никогда не был и никогда не будет погашен ¹⁰⁷.

Идеализация Александра не дает возможности Тарну правильно оценить его политику и завоевания. Он преувеличивает значение культурного фактора, возлагая на него надежды объединения победителей и побежденных ¹⁰⁸. Тарн всюду, где это возможно, выдвигает на первый план личное благородство Александра, его милосердие, преданность дружбе, щедрость и великодушие. Все действия Александра автор старается оправдать ¹⁰⁹.

Примерно в то время, когда завершал свой двухтомный труд об Александре Тарн, другой английский ученый — Берн занимался этим же сюжетом и пришел к аналогичным выводам. Он с уверенностью утверждает, что нет война в истории более неоспоримо великого, чем Александр, превосходивший даже хороших и выдающихся генералов, какими были Наполеон и некоторые другие. Его отличают быстрота и осмотрительность страте-

---

¹⁰⁴ W. Tarn. Op. cit., vol. I, p. 125.

¹⁰⁵ Там же, стр. 141—142.

¹⁰⁶ Там же, стр. 145.

¹⁰⁷ Там же, стр. 147—148.

¹⁰⁸ См. А. С. Ш о ф м а н. История античной Македонии, ч. II. Казань, Изд-во КГУ, 1963, стр. 39—42.

¹⁰⁹ М. Н. Б о т в и н н и к. Новые работы буржуазных историков об Александре Македонском. — ВДИ, 1952, № 1, стр. 176.

гического планирования, «демагогическая» сила воли и превосходство, с которым он вел свою армию к Ходжен-ту и Пенджабу¹¹⁰.

Известный оксфордский профессор Арнольд Тойнби, выпустивший в 1959 г. исследование об эллинизме, продолжает идеализацию Александра, который, по его мнению, хотел подняться над низким идеалом эллинской власти, над неэллинами к высокому идеалу братства всего человечества¹¹¹.

Следует, однако, отметить, что идеализация Александра имеет место не только у реакционных и либеральных буржуазных историков, но и у весьма прогрессивных ученых капиталистического мира. В этом отношении особенно характерны труды профессора Лозаннского университета, видного швейцарского ученого, крупнейшего знатока античности Анрэ Боннара. Боннар (умер в 1959 г.) был крупным прогрессивным общественным деятелем, активным борцом за мир. С 1954 г. он был лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Он всегда выступал против реакции, за подлинный гуманизм, за мир, свободный от войн.

Трехтомное исследование о греческой цивилизации А. Боннара, написанное живым и образным языком, последовательно рассматривает ее достижения и причины ее упадка.

Исследуя восточные походы Александра, А. Боннар особо останавливается на его стремлении слить воедино западный и восточный мир. Усматривая в этом особую гуманистическую миссию македонского полководца, восточная политика которого неправоммерно идеализируется, он считает Александра человеком, который решил неразрешимую проблему, вывел из тупика, беспорядка и анархии ход событий, замыслил создать совсем новый мир. Александр был не только великим полководцем, великим политиком, великим деятелем, но в самых своих глубоких замыслах — романтиком¹¹².

¹¹⁰ A. R. Burn. *Alexander the Great and the hellenistic Empiria*. London, 1947, p. 274. Cp.: Harold Lamb. *Alexander of Macedon*. Garden City, New York, 1950, p. 381.

¹¹¹ Ar. J. Toynbee. *Hellenism. The History of a civilisation*. London, 1959, p. 117.

¹¹² André Bonnard. *La civilisation grecque*. Lausanne, 1959, p. 158, 161, 181—182.

А. Боннар проводит аналогии между восточной политикой Александра, идеями христианства и лозунгами Великой французской буржуазной революции. «Александр был завоевателем пространства,— пишет А. Боннар,— затем явился Зенон, завоеватель не пространства, а человеческой общности, каким был Александр тоже. Придет Павел из Тарса, для которого «в боге не существует ничего особенного относительно людей». Павел и апостолы Христа возвестят свою «добрую весть» евреям и грекам, равно как и Александр не делал различия между греками и варварами. Христианское братство открывало свои двери. Еще позднее братство станет одним из лозунгов великой революции. Многие братались в 1789 г. Александр стоит во главе этого ряда, во главе одной из главных человеческих цивилизаций»¹¹³.

Не избежали идеализации и некоторые историки стран социалистического содружества, например, Ю. Моджеевский (Польша)¹¹⁴. Трудно найти другой пример,— пишет он,— где бы роль личности в истории сказалась с такой силой, как это мы можем видеть по отношению к Филиппу и Александру. Александр изменил мир, открывая новую эпоху¹¹⁵. Несмотря на необычайную способность и энергию, военный талант и силу воли, энтузиазм и жажду действий и, наконец, необычайное счастье во всех самых опасных начинаниях, его роль в истории никогда не была бы так значительна, если бы не факт, что ее подготовили и обусловили конкретные условия, сопровождающие его появление на исторической арене. Задача автора — показать читателю образ необыкновенных действий этой необыкновенной личности и их историческое значение¹¹⁶.

Ю. Моджеевский считает, что Александр мог бы простирать свою руку и дальше, он мог пойти дальше на восток, занять всю северную Индию, достигнуть, может быть, и Китая. Была это действительно индивидуальность совершенно необыкновенная. Живость ума, несравнимая широта горизонтов поставили Александра высоко над собственной эпохой и ее людьми. Александр был

¹¹³ André Bonnard. Op. cit., p. 189—190.

¹¹⁴ См. Jozef Modzejewski. Alexander Makedonsku. Warszawa, 1961.

¹¹⁵ Там же, стр. 15.

¹¹⁶ Там же, стр. 16, 18.

демон воли и отваги, способный к энергичным действиям и решениям, восхищающий своей смелостью и размахом. на его воображение воздействовало все, что было таинственно и недоступно ¹¹⁷.

Александр был образцом воина, близкого идеалу рыцаря средних веков. Как воин он был, несомненно, большим стратегом ¹¹⁸.

По мнению автора, если бы Александр имел возможность править еще 13 лет, то, может быть, его универсальное государство было бы созданием прочным, способным пережить своего создателя. Ранняя смерть Александра дала другой оборот событиям ¹¹⁹. Это — глубокое заблуждение. Если бы даже он прожил еще столько, сколько жил, ему все равно не удалось бы осуществить своей мечты о завоевании мира и установлении мирового господства. Путь к достижению этой цели преградил бы свободолюбивые народы, которые никогда не терпели иноземных захватчиков и поднимались на решительную борьбу с ними ¹²⁰.

Исследование деятельности Александра Македонского предполагает практическое разрешение трудного вопроса о роли выдающейся личности в истории, о взаимоотношениях ее с массами, об условиях, которые такую личность выдвигают. Разработка такого вопроса требует от исследователя методологической зрелости ¹²¹.

Само собой разумеется, что как идеализация Александра, так и умаление его деятельности являются крайностями. Правильное понимание всей сложности начала эллинистической эпохи невозможно без тщательного выяснения исторических предпосылок восточных походов, без проникновения в сущность тех социально-экономических изменений, которые эти походы произвели на огромном пространстве Востока и Запада, без рассмотрения сил, способствующих и противоборствующих этому важному историческому процессу. Такой обобщающей моно-

¹¹⁷ См. Jozef Modzejewski. Alexander Makedonsku. Warszawa, 1961, стр. 266.

¹¹⁸ Там же, стр. 267.

¹¹⁹ Там же, стр. 275—276.

¹²⁰ См. А. С. Шофман. Александр Македонский и его время. Послесловие к кн.: Л. Ф. Воронкова. В глуби веков. М., 1973, стр. 381.

¹²¹ В. А. Дьяков. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974, стр. 76, сл.

графии нет среди обширной литературы буржуазной историографии. Нет ее еще и в советской науке¹²².

В данной работе изложение восточных походов греко-македонских войск не имеет самодовлеющего значения. Это лишь исторический фон для рассмотрения основной проблемы: восточной политики Александра Македонского. Буржуазные историки не выработали понятия «восточная политика». Они ограничиваются изложением отдельных частных мероприятий в организаторской и государственной деятельности Александра в ходе восточных походов, руководствуясь при этом не столько причинами объективного характера, сколько личными качествами македонского завоевателя. Введя в этой работе впервые понятие «восточная политика», мы имеем в виду анализировать ее в качестве самостоятельного объекта, раскрывающего пути и способы, посредством которых Александр надеялся осуществить мировое господство и создать огромное государство.

В публикуемой работе, в сущности, рассматривается одна проблема восточной политики с целым рядом ее аспектов. Мы хорошо осознаем трудность поставленной задачи. При наличии огромной литературы об Александре Македонском во всех странах само знакомство с ней представляет немалые сложности. Сказать что-то новое или иначе, чем другие — еще сложнее. Сумели ли мы достигнуть того, чего хотели, об этом судить не нам. Но хотим заверить читателя, что к этому мы стремились с особой старательностью на протяжении ряда лет.

Упомянутый нами Арриан заканчивает предисловие к своей книге следующими словами: «Если кто изумится, почему мне пришлось в голову писать об Александре, когда столько людей писало о нем, то пусть он сначала перечтет все их писания, познакомится с моими, — и тогда пусть уж удивляется». К этим словам древнего историка нам нечего прибавить.

---

¹²² В советской историографии имеются три научно-популярных работы по этой тематике (С. А. Жебелев, *Александр Великий*, 1922; С. И. Ковалев, *Александр Македонский*, 1937; И. Резников, *Александр Македонский*, 1940), одна работа филологического содержания (Е. А. Костюхин, *Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции*, М., 1972), а также некоторые статьи С. И. Ковалева, А. Б. Раювича, К. М. Тревер, К. К. Зельдина и др., в которых рассматриваются лишь отдельные сюжеты этой проблемы (см. примечания в тексте нашей монографии).

Часть первая

ВОСТОЧНЫЕ ПОХОДЫ

Глава первая

ЗАВОЕВАНИЕ МАЛОЙ АЗИИ И СТРАН ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Исторические предпосылки восточных походов коренятся в глубинных социально-экономических и политических процессах, которые имели место в середине IV в. до н. э. на огромной территории Македонии, Греции и Персии при последних Ахеменидах¹.

В течение четверти века до восточных походов в македонском обществе произошли существенные социально-экономические и политические изменения, связанные с завершением длительного процесса сложения Македонского государства на территории всей страны. Прежде всего, в это время имели место важные преобразования в воином деле, которые привели к созданию знаменитой македонской фаланги — единой профессио-

---

¹ В данной работе мы не ставим себе целью дать обстоятельную характеристику предпосылкам восточной экспансии. Этот вопрос получил в исторической литературе, в том числе и в наших работах, довольно полное освещение. См.: J. Kaerst. *Geschichte des Hellenistischen Zeitalters*. Leipzig, 1901; P. Cioche. *Un Fondateur d'empire Philippe II, Roi de Macedoine*, 1955; А. С. Шофман. *История античной Македонии*, ч. I. Казань, Изд-во КГУ, 1960, стр. 179—208; он же. *Персия до восточных походов Александра Македонского*. (Итоговая научная конференция КГУ за 1963 г. Казань, 1964, стр. 28—31); он же. *Роль Искрата в идеологической подготовке восточных походов Александра Македонского*. — Там же, стр. 32—35; он же. *Идеологическая подготовка восточных походов в греческой историографии, литературе и публицистике*. — «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. II. Изд-во КГУ, 1967, стр. 123—127; Л. М. Глушкина. *Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н. э.* Автореф. докт. дис. Л., 1968.

нальной армии, способствовавшей политическому объединению страны, уничтожению самостоятельных племенных центров, укреплению боевой мощи молодого военно-рабовладельческого Македонского государства. Немаловажное значение в этом процессе имело установление единой монетной системы, что стало возможным после овладения Филиппом II различными районами месторождений благородных металлов. Расцвет монетного дела в известной мере помог укрепить экономическое и политическое влияние Македонского государства далеко за пределами самой страны. В этом отношении Македония выступила достойной соперницей не только Персии, но и греческих государств, в первую очередь Афин.

Все реформы, проведенные в Македонии в середине IV в. до н. э., отражали стремление господствующего класса укрепить свою власть, упрочить свои экономические и политические позиции, расширить свои внешнеполитические акции на весь греческий мир. Македонское государство стало на путь завоеваний, объектом которых оказались ближайшие соседи Македонии, прежде всего, греческие государства. Последние в то время переживали глубокие социально-экономические изменения, приведшие к ломке устоев классической полисной системы. Многочисленные войны разрушали хозяйственные устои. Резко сократился приток рабов. Концентрация земельных владений в руках небольшой группы богатых привела к разорению сельского населения, а это в свою очередь подрывало военную мощь государства. Последнее нуждалось в денежных средствах. Обращение к чрезвычайному военному налогу — эйсфоре — вызывало недовольство налогоплательщиков. Богатые граждане стремились уклониться от финансовых повинностей, возлагавшихся на них государством. А те, которые могли их выполнить, не являлись полноправными гражданами полиса. Замкнутость полисной организации, исключительные права полноправных граждан в сравнении со свободным негражданским населением (метеки, вольноотпущенники), удельный вес которого в важнейших отраслях экономической жизни неизмеримо вырос, пришли в противоречие, в первую очередь, с новыми условиями хозяйствования. Развитие товарно-денежных отношений, межгосударственных экономических связей и изменения

в имущественном положении, социальном составе и политических позициях как гражданского, так и свободно-негражданского населения разлагали замкнутый мир греческих полисов. Рост производительных сил требовал более широкой формы, чем полис, и более широкого рынка, чем существующий.

Особенно остро кризисные явления выступали в сфере политической и социальной жизни полиса. Обострились социальные конфликты между различными слоями гражданского населения, между имущими и неимущими. В ряде полисов дело доходило до открытых вооруженных столкновений борющихся групп, кровавых расправ победителей с побежденными, казней и массовых изгнаний с конфискацией имущества². Полис перестал держать в повиновении растущую массу рабов и бедноты. К IV в. до н. э. он исчерпал все возможности дальнейшего развития.

В тех условиях выход из кризисной ситуации мог быть только в новых завоеваниях, которые дали бы рабов, богатства, новые земли, рынки. Поэтому богатые греческие рабовладельцы сами призывали македонского царя возглавить этот поход на Восток.

Покорив за короткий срок ослабевшую Грецию, Филипп II решил объединить усилия своей страны с усилиями побежденной им Греции и начать поход против Персидского государства, считавшегося в то время колоссом на глиняных ногах. Пестрое в этническом, экономическом и социальном отношениях, оно с каждым днем слабело от внутренних восстаний, которые поднимали покоренные народы. Завоевание Персии казалось в этих условиях вполне реальным делом. Оно предвещало легкую наживу и большие богатства.

Таким образом, греко-македонское выступление в Азию было подготовлено всем ходом общественного развития рабовладельческих государств того времени. Это развитие объективно подготовило почву, на которой мог выступить Александр Македонский, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы.

---

² См.: А. С. Ш оф м а н. История античной Македонии, ч. I. Казань, 1960, стр. 210; Л. М. Г л у с к и н а. Исследования по социально-экономическим отношениям в Аттике IV в. до н. э. Автореф. докт. дис. Л., 1968, стр. 3, 27.

§ 1. Битва при Гранике. Малоазийский поход (334—333 гг. до н. э.)

Поход на Восток Александр начал весной 334 г. до н. э. после того, как завершил усмирение своих северных соседей и мятежных греческих государств. Его армия двинулась вдоль северного побережья Эгейского моря по направлению к Геллеспонту, через который он намеревался совершить свой мгновенный переход из Европы в Азию. Его флот должен был достичь города Сеста и быть готовым конвоировать армию через пролив. Когда через 20 дней после ухода из Македонии армия достигла Сеста, флот уже был там и ожидал ее прибытия³.

Греко-македонская армия переправилась через Геллеспонт беспрепятственно⁴. Эта удачная высадка в Азии означала для войска Александра успешное преодоление большой трудности и серьезной опасности. Она укрепила у македонян уверенность в успехе. Армия противника, хотя и имела значительные военные силы и господствовала на море, не предпринимала никаких действенных мер, чтобы помешать этому.

Немецкий историк Керст считает, что в этом случае действовала слепая вера персидского царя в свои силы, в превосходство средств. Сказался также и тот недостаток решительности и предусмотрительности, который проявлялся со стороны персов в течение всего завоевательного похода Александра⁵. В самих источниках мы найдем более определенный ответ на эту непонятную бездеятельность персов. Арриан объясняет такое положение недалководной политикой персидских сатрапов, которые одновременно являлись и военачальниками персов. На военном совете их главнокомандующий родосец Мемнон предложил не вступать в сражение с македонянами, а отступать, вытаптывая подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов. При таких условиях Александр не сможет продвигаться вперед. Мемнон считал такую позицию правильной потому, что македонская пехота значительно сильнее персидской и что сам Александр находится при войске, а Дария тут

³ Arr. I, 11, 5.

⁴ Arr. I, 11, 3; 12, 6; Plut. Alex. 15; Diod. XVII, 17, 1.

⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 254.

нет. Против этого плана резко выступили Арсит, Гиппарх и Фригии. Выражая общее мнение сатрапов, Арсит сказал, что не допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом. Персы стали на его сторону. Они подозревали, что греческий наемник Мемнон хочет сознательно затянуть войну⁶. Диодор приводит и некоторые другие подробности плана Мемнона. Последний, «известный своей воинской мудростью», предлагал не только не вступать в сражения и, опустошая страну, не давать македонянам идти вперед, но и переправить в Македонию морские и пешие силы персов и перенести военные действия в Европу⁷. Если Арриан сообщает только первую оборонительную часть плана Мемнона, то Диодор говорит о его наступательной части. При объединении этих двух вполне возможных версий Арриана и Диодора план Мемнона соединял эффективную оборону с активным наступлением. Его осуществление означало бы большую опасность для Александра, что подтвердили последующие мероприятия персидского главнокомандующего в районе Эгейского моря. Керст, однако, сомневается в реальности этого плана, так как трудно было нарушить снабжение врага в стране, в которой персидское господство было вражеским. Кроме того, этот план требовал большого единства, уверенности и решительности, которые отсутствовали тогда в лагере великого царя⁸.

Характерно, что Арриан, излагая план Мемнона, не дает этому плану никакой оценки. Диодор же, наоборот, совершенно определенно указывает, что советы Мемнона были превосходны, хотя они и не убедили персидских военачальников, которые сочли эти советы недостойными душевного величия персов⁹. Сатрапы полагались на силу персидской конницы, значение которой в плане Мемнона мало подчеркивалось. Этим, с одной стороны, возбуждалась личная ревность к вождю эллинских наемников, находившемуся в доверии персидского царя, с другой — было оскорблено чувство собственного достоинства руководителей персидской конницы. Поэтому решение вступить в бой возобладало. Собрав отовсюду войска, зна-

⁶ Arr. I, 12, 8—10.

⁷ Diod. XVII, 18, 3.

⁸ J. Kaerst. Op. cit., S. 255.

⁹ Diod. XVII, 18, 3.

чительно превосходившие силы македонян, персы разбили лагерь у реки Граник, чтобы здесь дать немедленное решительное сражение македонской армии¹⁰. Половинчатый план войны, продиктованный местными интересами сатрапов Малой Азии, вскоре обнаружил свою несостоятельность.

У реки Граник в мае 334 г. до н. э. произошло первое столкновение Александра с персидским войском. В античных источниках эта битва получила довольно подробное отражение. Описание ее отсутствует только у Курция Руфа, так как две первые книги его сочинений, в которых находились эти материалы, потеряны. В тех источниках, где они имеются, существуют расхождения, которые мешают выяснить истинный ход сражения, с полной ясностью представить действительную его тактическую картину.

Самое подробное описание битвы при Гранике мы находим у Арриана. В этом описании показаны подготовка к сражению, роль разведки, действия противников во время сражения, роль конницы и причины победы македонского оружия.

Согласно Арриану, Александр подошел к реке Граник в боевом строю: он построил голплитов двойной фалангой, всадников поместил с флангов, обозу велел двигаться сзади. Разведка под командованием Гегелоха доставляла нужные сведения. В частности, она сообщила, что за Граником стоят персы, готовые к бою¹¹. Это сообщение заставило Александра выстроить свое войско в боевую готовность, несмотря на возражения опытного полководца Пармениона¹². Последнему было поручено командование левым крылом, сам Александр пошел на правое, которым должен был быть нанесен главный удар. На этом крыле стояла тяжелая конница (гетайры), усиленная лучниками и копейщиками. На левом крыле была поставлена фессалийская и союзническая конница, в центре — фаланга тяжелой пехоты. Каждое подразделение боевого порядка македонской армии имело свои самостоятельные задачи, которые должны были выпол-

---

¹⁰ Горная речка Граник вытекала из гор Ида и впадала в Мраморное море.

¹¹ Агг. I, 13, 1—2.

¹² Там же, 2—6.

няться, согласно данным Арриана, под руководством 14 командиров¹³. Эти самостоятельные действия были объединены единым планом общего командования.

У персов было примерно 20 тыс. наемников и 20 тыс. конных и пеших лучников. Они заняли высокий правый берег реки Граник, выстроили свою конницу вдоль ее берега вытянутой линией. Пехоту поставили за всадниками. Против того места, где они увидели Александра, они усилили свое левое крыло конными отрядами¹⁴.

В течение некоторого времени противники стояли спокойно на противоположных берегах реки, страшась предстоящей битвы. Персы, используя естественные препятствия правого берега, пытались добиться тактических преимуществ и напасть на македонян, не давая им выйти из реки. Сражение начал Александр. Он послал вперед конных разведчиков вместе с авангардом. Сам же, приказав окружающим следовать за ним и вести себя достойно, под звуки труб и воинственных криков вошел в реку, все время держа строй наискосок течению, чтобы персы не могли напасть на него сбоку, когда он будет выходить из реки¹⁵.

Первые попытки авангарда македонской армии форсировать реку не имели успеха. Персы сверху бросились на передовые отряды Аминты и Сократа, подошедшие к берегу: одни метали дротики и копья в реку с прибрежных высот, другие же, кто стоял внизу, вбегали в самую воду. Всадники смешались: одни стремились выйти на берег, другие им мешали; персы кидали множество дротиков, македоняне сражались копьями. Персы здесь превосходили македонян численностью, у них было преимущество и в позиции. Они занимали береговые высоты, в то время как македоняне должны были отражать натиск врага, стоя в реке. Кроме того, здесь была выстроена лучшая часть персидской конницы, и вместе с ней сражался Мемнон со своими сыновьями. В этой первой схватке большинство македонян, участвовавших в ней, было изрублено. Видя гибель своего авангарда, Александр повел в бой правое крыло войска, бросившись на персов туда, где сбилась вся их конница и стояли их вое-

---

¹³ Агг. I, 14, 1—3.

¹⁴ Там же, 5.

¹⁵ Там же, 6—7.

начальники. В это время полки македонян один за другим — фаланга пехоты и левое крыло македонской армии — без особого труда перешли реку. Завязалась жестокая битва. «Сражение было конное, — пишет Арриан, — но оно больше походило на сражение пехоты»¹⁶. Конь бросался на коня, человек схватывался с человеком; македоняне стремились совсем отгеснить персов от берега и прогнать их на равнину; персы — помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. Однако здесь оказалось преимущество македонян; их военный опыт и лучшее вооружение принесли им желанную победу. Персы, поражаемые отовсюду в лицо копьями, были отброшены легковооруженной македонской пехотой, перемешанной с конницей. Вскоре дрогнул центр персидской линии, конница на обоих флангах была прорвана, и началось повальное бегство. Погибло около тысячи персидских всадников. Наемная пехота персов, стоявшая во второй линии на высоте, охваченная ужасом перед неожиданностью, бездействовала и не поддержала первую линию. Александр повел на этих наемников пехоту, а всадникам своим приказал напасть на них со всех сторон. Они почти все были перебиты; никому не удалось бежать, спаслись только те, кто спрятался среди трупов; из 20 тыс. наемников в плен было взято около 2 тыс. человек¹⁷. В этом сражении погиб цвет персидского командования, среди которого было 4 близких родственника персидского царя Дария (его сын, зять, шури и внук Артарксеркса), 2 важных представителя его администрации. Арсит, ярый противник Мемнона на военном совете в начале войны, с поля битвы бежал во Фракию, где он покончил с собой, потому что персы считали его виновником своего тогдашнего поражения.

У македонян пало 25 «друзей», погибших в первой схватке; остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30 человек¹⁸.

Арриан говорит об исключительной роли в этом сражении Александра, который показал как храбрость и решительность, так и заботу о своих погибших воинах. Во время битвы у него сломалось копье; он попросил

---

¹⁶ Арр. I, 15, 4.

¹⁷ Там же, 16, 4.

¹⁸ Там же, 4.

другое у Ареты, но и у того копье было сломано, и он лихо дрался с оставшейся половинкой. Один из «друзей» царя, коринфянин Демарат, отдал ему свое копье. Александр взял его и им поразил Мифридата, зятя Дария. В это время персу Ресаку удалось ударить Александра по голове кинжалом, разрубить его шлем; Александр сбросил его на землю, копьем поразив в грудь. Когда Спифридат замахнулся сзади кинжалом на обнаженную голову Александра, Клит, сын Дропида, опередил его и отсек ему от самого плеча руку вместе с кинжалом¹⁹.

После битвы Александр проявил большую заботу о раненых; сам обошел всех, осмотрел раны, расспросил, при каких обстоятельствах кто был ранен, каждому давал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться. Погибших воинов он похоронил с оружием и воинскими почестями; их родители и дети были освобождены от поземельных, имущественных и прочих налогов, а также от обязательных работ. Медные статуи героев были, по приказу Александра, сделаны Лисиппом и установлены в храме²⁰.

Идеализируя своего героя, Арриан притисывает его гению причину победы у реки Граник. В целом близок к изложению Арриана Диодор. В отличие от первого, который главным образом обращает внимание на поведение в бою войск Александра, второй раскрывает нам и мужественное поведение персов, которые выстроили против македонского войска большую конницу. Они рассчитывали, что именно она должна решить исход сражения²¹. На левом крыле со своими всадниками стояли родосец Мемнон и сатрап Арсамен, за ними выстроил своих конников, пафлагонцев Ионии, Спифробат. На правом крыле стояли тысячи медов, 4 тыс. всадников, из которых половина бактрийцев. В центре находились всадники из других племен; было их много числом, пишет Диодор, и воины были они отборные. Всего имелось больше 10 тыс. всадников. Что касается пехоты, которая стояла в арьергарде и фактически в битве не участвовала, то она насчитывала не менее 100 тыс. человек.

У Арриана нет упоминания о роли Пармениона в данном сражении. Он ограничивает свой интерес борь-

¹⁹ Arr. I, 15, 6—7.

²⁰ Там же, 16, 4—5.

²¹ Diод. XVII, 19, 3.

бой Александра. И известия о нем кажутся несколько приукрашенными. Возможно, уже здесь начинается проявляться официальная александровская тенденция, которую разделял Арриан, стремящийся принизить значение Пармениона. Диодор же определенно указывает, что фессалийская конница, стоявшая под командой Пармениона на левом крыле, мужественно встретила натиск отряда, выстроенного против нее²². Фессалийские всадники великолепно маневрировали и отлично сражались²³.

Диодор подчеркивает мужество персов, ярость которых наталкивалась на такое же мужество македонян²⁴. Зять Дария с большим конным отрядом сумел прорвать македонский строй, а 40 человек его родственников, отличавшиеся мужеством и храбростью, обрушились на противника²⁵. Но преодолеть упорство его не смогли. Когда погибло много начальников и все персидское войско было разбито, оставшиеся воины обратились в бегство. После бегства конницы вступила в сражение пехота, но ее роль в нем была крайне незначительна. Потрясенная бегством конницы, она пала духом и вскоре последовала ее примеру.

Точка зрения обоих историков совпадает при определении роли Александра как полководца. Он был единогласно признан первым храбрым и сочтен главным виновником всей победы²⁶. Во время битвы он первый поскакал на персов и в схватке с врагами перебил многих²⁷. Его единоборство с зятем царя, сатрапом Ионии Спифробатом, стремление брата последнего Ресака рассеять кинжалом голову Александра и спасение его Клитом отражены у Диодора так же, как у Арриана; у первого этот эпизод несколько больше драматизирован²⁸. Диодор подтверждает, что после сражения царь устроил великолепные похороны погибшим. В этом акте автор видит не столько благородство Александра, сколько его продуманный расчет,

---

²² Diod. XVII, 19, 6.

²³ Там же, 21, 4.

²⁴ Там же, 20, 1.

²⁵ Там же, 2.

²⁶ Там же, 21, 4.

²⁷ Там же, 19, 6.

²⁸ Там же, 20, 2—7.

что такие почести сделают его солдат еще неустрашимее²⁹.

Некоторые иные подробности сражения у реки Граник сообщает нам Плутарх. Он указывает, что большинство македонских воинов испугалось глубокой реки и обрывистого крутого берега, на который надо выходить сражаясь. Но Александр, пренебрегая советом Пармениона, с 13 конными отрядами под вражескими стрелами кинулся в поток, который уносил и заливал его солдат. Казалось, пишет Плутарх, их ведет безумец, а не вождь, разумный и осмотрительный. С трудом преодолев переправу, мокрый и грязный, он сразу же вынужден был вступить в бой, несмотря на беспорядок в рядах своего войска. Противники схватились один на один; конница бросилась на конницу, сражались копьями, а когда они сломались, стали рубиться мечами. Македонская фаланга переправилась в тот момент, когда конница очутилась в опасном и трудном положении.

Плутарх указывает, что сопротивление персов оказалось слабым и недолгим. Вскоре их войско, за исключением греческих наемников, обратилось в бегство. Что касается последних, то они, выстроившись возле какого-то холма, хотели сдать Александру на честное слово, но Александр, движимый гневом, первый напал на них. Потеряв всякую надежду, они мужественно отстаивали свою жизнь, поэтому на этом месте больше всего оказались раненых и убитых.

Некоторые разночтения имеются у Плутарха и относительно поединка Александра с двумя полководцами: Ресаком и Спифридатом. Здесь роли этих полководцев перепутаны; Александр в рукопашной схватке боролся с первым, а второй, который ударил Александра персидским мечом по шлему и стремился убить его новым ударом, был пронзен копьем Клита насквозь. Под мечом Александра пал и Ресак³⁰.

Основные расхождения в источниках касаются количества войск, главным образом пехоты, количества погибших в битве и роли в ней пехоты. Если Диодор говорит, что персидская армия состояла из 110 тыс. человек, в числе которых было только 10 тыс. всадников, то Ар-

---

²⁹ Diod. XVII, 21, 6.

³⁰ Plut. Alex. 16.

риан, напротив, говорит, что македоняне далеко превосходили персов численностью пехоты. Он не называет вообще общего количества войск, ограничиваясь указанием, что у персов было 20 тыс. греческих наемников и 20 тыс. всадников. А где же персидская пехота? Арриан о ней ничего не говорит. Эти противоречивые численные данные затрудняют выяснение соотношения сил накануне битвы. Не совсем ясно в источниках участие персидской пехоты. Данные Юстина (XI, 6, 11) об этом бессмысленны: они противоречат определенным высказываниям Арриана (I, 14, 4), которые, в свою очередь, не согласуются с данными Диодора (XVII, 19, 5). То, что Арриан сообщает об эллинских наемниках, у Диодора относится к персидской пехоте.

Противоречивы и указания относительно потерь сторон. Только Плутарх и Арриан говорят о потерях македонян. Первый, ссылаясь на Аристулу, говорит, что убитых македонян было 34 человека, в том числе 9 пехотинцев; второй — 85 всадников и 30 пехотинцев. Если данные последнего, особенно касающиеся числа убитых всадников, могут быть подтверждены рассказами о ходе самого сражения и месте конницы в нем, то цифры Аристулы маловероятны и вызывают сомнение. Не согласуются сведения о потерях персов. По Диодору у них погибло пехотинцев больше 10 тыс., всадников — не меньше 2 тыс., в плен взято больше 20 тыс. человек. У Плутарха погибло пехотинцев 20 тыс., всадников — 2,5 тыс.

Исчерпывающий марксистский анализ битвы при Гранике мы находим у Ф. Энгельса в его статьях «Армия», «Пехота», «Кавалерия», написанных для одного из лучших в то время научно-справочных изданий — «Новой американской энциклопедии». Он рассматривает это сражение в связи с общим состоянием военных сил противников, подчеркивая преимущество конницы перед другими родами войск, значение их тактики.

Учителями персидской регулярной конницы Ф. Энгельс считает греков Малой Азии, а также греческих наемников, служивших в армии персов. Значительная часть этой конницы, сражавшейся против Александра, была более или менее обучена регулярным действиям в сомкнутом строю. Однако она не могла сравниться с македонской, которая занимала в армии почетное

место³¹. Она была новым родом войск, который должен был укрепить боеспособность приходившей в уладок тяжелой пехоты³².

Хотя в сражении при Гранике армия Александра состояла из всех родов войск, но решающую роль сыграла конница. Персидская конница, построенная в одну линию, была расположена на дистанцию атаки от речных бродов. Она напала на головные части македонских колонн, поднимавшихся на берег, и опрокинула их прежде, чем они смогли развернуться, заставив их снова спуститься в реку. Этот маневр с полным успехом был несколько раз повторен против авангарда, которым командовал Итолемей, пока македонские тяжеловооруженные всадники не переправились через реку и не атаковали персов с фланга. Последним пришлось отступить ввиду отсутствия у них второй линии или резерва. В продолжительном бою они в конечном итоге были разгромлены.

Ф. Энгельс отдает должное тактике, примененной Мемноном в этом сражении, которая носила не столько азиатский характер, сколько греческий. Эта тактика дала полную возможность персидской коннице напасть врасплох на пехоту как раз в момент, когда она была максимально ослаблена, при переходе из одного тактического положения в другое. Поражение персов Ф. Энгельс объясняет отсутствием у них резервов и пассивной ролью азиатских греков³³. Македонская же армия была регулярной, имела разнообразную тактику действий, хорошее вооружение, способное и опытное командование. По утверждению Ф. Энгельса, Александр был в числе полководцев, особенно предпочитавших атаку³⁴.

На основании тщательного изучения источников и основополагающих указаний Ф. Энгельса можно прийти к определенному выводу, что первое крупное столкновение противников завершилось блестящей победой Александра, показавшего в нем свои незаурядные полководче-

---

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 298.

³² Там же, стр. 363.

³³ Там же, стр. 9, 17, 298.

³⁴ Там же, стр. 72.

ские способности³⁵. Об этом говорят: наличие разведки, правильный выбор пункта атаки, построение боевого порядка армии и первые в истории военного искусства приемы ее маневрирования, хорошее взаимодействие родов войск.

Победа на реке Граник была не только крупным военным успехом македонян, но и важным политическим мероприятием. Сокрушив силы персов, они уничтожили или, по крайней мере, ослабили средства дальнейшего их сопротивления в Малой Азии. Персидский флот был отрезан от гавани и берега, откуда он мог нанести удары по наступающей македонской армии; остальные военные силы персов, состоявшие частью из персидских, а большей частью из греческих наемных отрядов, не были отобилизованы и, рассеянные по отдельным гарнизонам, не представляли непосредственной опасности. Победа при Гранике открывала Александру путь в Малую Азию, прибрежные районы которой были усеяны греческими городами, признанными как владения персидского царя миром 387—386 гг. и декретом, принятым в 378—377 гг. вторым Афинским союзом.

Широко рекламируя демагогический лозунг освобождения малоазийских греков от гнета и унижения, которым полвека назад они подверглись из-за диктата персидского правительства, Александр использовал его в политических целях для завоевания симпатий у населения городов Малой Азии. Мероприятия Александра после битвы при Гранике со всей очевидностью это подчеркивают. Плутарх не без основания отмечает, что сражение при Гранике сразу произвело большой переворот в отношениях к Александру³⁶. Важным результатом этого события было отпадение малоазийских эллинов от Персидского царства. Без всякого сопротивления сдались обе столицы персидских областей — Геллеспонтской Фригии и Лидии — Даскили и Сарды, которые являлись

---

³⁵ В советской военно-исторической науке мы имеем более или менее подробное рассмотрение этого сражения у Е. А. Разина («История военного искусства», т. 1, стр. 223—224). У других военных советских историков — А. А. Строкова, К. И. Бочарова и в коллективном труде «История военного искусства» под общей редакцией П. А. Ротмистрова, к сожалению, это важное сражение не получило должного освещения.

³⁶ Plut. Alex. 17.

воротами к центральным малоазийским землям. Гарнизон первого покинул его раньше, чем туда прибыл Парменион³⁷. Что касается второго, то его комендант Мифрий добровольно передал победителю город и казну³⁸. Весьма примечательно, что Сарды, этот древний лидийский царский город, важнейший оплот могущества персов, пал не поднимая меча³⁹. Это тем более поразительно, что Сарды имели полную возможность сопротивляться. В его кремле стоял персидский гарнизон, сам город был неприступен: он стоял на очень высоком, со всех сторон обрывистом месте и был окружен тройной стеной⁴⁰. Арриан указывает, что Александр даровал лидийцам свободу и разрешил им жить по старинным законам⁴¹. Если нужно было специальное разрешение и право применять «старые законы», значит население Лидии было их лишено во время персидского господства. Ни один историк не говорит о конкретных выражениях свободы, которую пожаловал лидийцам Александр, как и об ограничениях ее при персидской власти. Указания П. Клоше о том, что они приобрели довольно ограниченные привилегии, выраженные получением части оккупированной зоны, управления финансами и духовной жизнью, в источниках не получают подтверждения⁴². Одно ясно: в отношении Александра к лидийцам мы видим уже первое доказательство той политики, предполагавшей обдуманый подход к местным жителям подчиненных земель, игру в покровительство местной религии и традиций, — которую позднее мы встретили особенно отчетливо в Египте и Вавилонии⁴³.

Из Лидии Александр пошел на Эфес, гарнизон которого, состоявший из греческих наемников, при известии о македонской победе на Гранике, оставил свои позиции и обратился в бегство. Александр прибыл в Эфес четыре дня спустя⁴⁴. В этом крупном городе Ионии в то время

³⁷ Arr. I, 17 2.

³⁸ Там же, 3—4; Diod. XVII, 21, 6.

³⁹ Plut. Alex. 17.

⁴⁰ Arr. I, 17, 5.

⁴¹ Там же, 4.

⁴² P. Clouche. Alexandre le Grand. Paris, 1961, p. 16—17; ср. Arr. I, 17, 7.

⁴³ J. Kaerst. Op. cit., S. 259.

⁴⁴ Arr. I, 17, 10.

шла жестокая борьба между олигархами и демократами. Первые правили городом еще во время битвы при Гранике. В период их правления вожди демократической партии были изгнаны, статуя Филиппа, воздвигнутая в храме Артемиды, была низвергнута, а сам храм предан разграблению⁴⁵. Как только Александр занял Эфес, он сверг олигархию, основанную здесь с помощью персов и ставшую их оплотом, и восстановил демократию⁴⁶. Представители последней, вновь вернувшись к власти, были охвачены жаждой мести своим политическим противникам, но Александр ограничивал свободу их действий. Не в его интересах было углублять и разжигать гражданскую войну в городах Ионии. Ему нужно было уничтожить персидскую ориентацию населения, ее приверженцев и вдохновителей, без чего невозможно было найти точку опоры в этих землях. Арриан это поведение Александра рассматривает с психологической точки зрения. Понимая, что демократы, если им дать волю, убьют вместе с виновными и невиновных, одних по злобе, других — из-за грабежа, Александр запретил разыскивать и наказывать изгнанных олигархов. По мнению Арриана, его поведение в Эфесе «заслуживает доброй славы»⁴⁷.

В Эфесе Александр принес жертву Артемиде и устроил в ее честь торжественное шествие всего войска, вооруженного и выстроенного как для сражения⁴⁸. На пользу храма шла та подать, которую эфесцы раньше платили персидскому правительству⁴⁹. Возможно, шла речь и о расходах на восстановление храма⁵⁰.

Будучи еще в Эфесе, Александр принял граждан Магнесии и Тралл, пришедших сдавать свои города. Для их оккупации он направил во главе с Парменионом 2500 пехотинцев-наемников, примерно столько же македонян и около 200 всадников-«друзей»⁵¹. В это же время он направил столько же войск в эллинские города Ионии и Эллады, которые еще находились под властью персов. Всюду Александр приказал уничтожать олигархию, вос-

⁴⁵ Агг. I, 17, 11.

⁴⁶ Там же, 17, 10.

⁴⁷ Там же, 12.

⁴⁸ Там же, 18, 2.

⁴⁹ Там же, 17, 10.

⁵⁰ Ср. Strabo, XIV, 1, 22, стр. 641.

⁵¹ Агг. I, 18, 1.

становливать демократическое правление, разрешать всем жить по их законам, освобождать их от прежней персидской подати⁵². Восстановление демократии, как правильно указывал А. Б. Рапович, диктовалось в первую очередь не демократическими убеждениями Александра, а военными соображениями, мы бы добавили: военно-политическими соображениями. Тираны и олигархи держали сторону персов, поэтому на них опереться было невозможно⁵³. Однако источники не говорят о том, в какой мере этот приказ был проведен в жизнь, был ли он проведен вообще или дело ограничилось обещаниями. Но в результате такой политики антиперсидское движение охватило все побережье до юга и перебросилось с материка на острова Эгейского моря. Из труда Арриана и некоторых эпиграфических памятников можно заключить, что сторону Александра приняли Тенедос, города на острове Лесбос, прежде всего, Митилена, может быть, и Хиос⁵⁴.

Начиная с Дройзена, в буржуазной науке очень широко трактуется та свобода, которую греческим городам Малой Азии предоставил Александр. По выражению Дройзена, он им возвратил «свет и воздух»⁵⁵. В советской науке А. Б. Рапович показал, что слово *ἐλευθερία* во времена Александра означало только свободу от долгов и не включало в себя государственный суверенитет. Это видно хотя бы из Приенской надписи 334 г. до н. э. и надписи из Хиоса 332 г. до н. э. В период диadoхов это слово вообще теряет всякую связь с понятием государственной независимости и суверенитета.

Подвергнув тщательному критическому анализу самые разнообразные источники, как нарративные, так и эпиграфические и папирологические, советский историк приходит к интересным, оригинальным выводам.

Остро полемизируя с буржуазным американским

---

⁵² Агг. I, 18, 2. Диодор указывает, что греческие города Александр привлек к себе своей добротой и особенно их облагодетельствовал: дал им автономию, освободил от податей и заявил, что поднялся войной на персов ради освобождения эллинов. (Diod. XVII, 24, 1).

⁵³ См. А. Б. Рапович. Александр Македонский и греческие города Малой Азии. — ВДИ, 1947, № 4, стр. 57.

⁵⁴ Агг. II, 2, 2; III, 2, 3.

⁵⁵ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1, стр. 131.

историком Э. Бикерманом, А. Б. Ранович выдвигает интересную мысль о том, что Александр рассматривал «свободу» греческих городов с точки зрения нового мировоззрения своего времени, а именно: в эту эпоху задачей «эллинистических монархий было положить конец партикуляризму, ограниченности, раздробленности греческих полисов»⁵⁶.

В какое отношение вступали «освобожденные» эллины Малой Азии и соседних островов к Коринфскому союзу, от имени которого Александр начал войну с персами? Использовал ли он их присоединение для расширения этого союза и тем самым для дальнейшей пропаганды панэллинской идеи, или он имел намерение в освобожденных городах создать оплот для утверждения и укрепления своей собственной позиции в малоазийских землях, использовать их как опору своей власти против греков материка? Этот интересный вопрос был впервые поставлен Ю. Керстом⁵⁷. Но ответить на этот вопрос оказывается довольно трудным. Нам очень мало знакома государственно-правовая организация малоазийских греков. Мы точно знаем, что некоторые города входили в Коринфский союз, но у нас нет никаких свидетельств о принадлежности к нему эллинских городов на азиатском материке⁵⁸.

Керст полагает, что островные греки, которые, по крайней мере, формально сохранили свой суверенитет по Анталакидскому миру, включались в Эллинский союз; напротив, малоазийские греки, бывшие подданные Персид-

---

⁵⁶ А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 59.

⁵⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 261 u. w

⁵⁸ Различные союзы греческих городов Малой Азии известны только в послеалександровский период. Так, мы знаем о союзе, который группировался вокруг святыни илийской Афины. Он существовал уже до 306 г. до н. э. — прежде, чем Антигон принял царский титул. (Dittenberger, Sylloge², 169). Из надписей, относящихся ко времени Лизимаха и Антиоха I, нам известен союз ионийских городов (Dittenberger, Sylloge², 189). Страбон рассказывает об одном священном участке, находящемся вблизи от Теоса, посвященном Александру. Там в его честь проводились праздничные игры под названием александрийских, устраиваемые общим собранием ионийцев (Strabo, XIV, 1, 31, стр. 644). По-видимому, Александр чествовался в этом объединении эллинских городов как «божественный освободитель», подобно тому, как позднее чествовался островными греками Птолемей I (Dittenberger, Sylloge², 202).

ского государства, вступали в особые отношения с Александром, как их «освободителем», и в особые союзы. Александр не хотел допускать в Азии власть Эллинского союза, поэтому ему противопоставил объединение малоазиатских греков⁵⁹. Такое маневрирование Александра было связано также и с тем, что далеко не все города Малой Азии переходили на его сторону. Такие крупные ее города, как Милет и Галикарнас, оказали ему сопротивление. Борьба за овладение этими городами представляет собой важную веху в военной истории восточных походов⁶⁰.

Вождь греческих наемников Гегесистрат, защищавший Милет, сначала собирался сдать его Александру, но затем в надежде на поддержку со стороны персидских вооруженных сил, находящихся под командованием Мемнона, прежде всего персидского флота, пытался сохранить город для персов⁶¹. Это затрудняло положение Александра, но его выручил командующий эллинским флотом Никанор, который, опередив персов, на три дня раньше их пришел к Милету со своими 160 кораблями и бросил якорь у острова Лады, лежащего против милетского порта. В этой позиции он мог серьезно противодействовать персидским кораблям Мемнона. Персидские навархи, узнав об этом, бросили якорь у Микале, не осмеливаясь напасть на своих противников. Александр занял предместья города и разместил на острове Лады около 4 тыс. фракийцев и других наемников⁶².

В это время милетяне сделали Александру предложение. От имени жителей города и наемников милетянин Главкипп пытался выговорить для Милета нейтральное положение: они просили снять осаду на условиях, что откроют свои ворота и гавани одинаково македонянам и персам⁶³. Александр в резкой форме отклонил это предложение, приказал послу немедленно возвращаться до-

---

⁵⁹ J. Kaerst. Op. cit., S. 263. А. Б. Ранович также полагает, что освобожденные города Азии не включались в Коринфскую лигу, ибо расширение Эллинского государства не входило в интересы Александра (см. А. Б. Ранович. Указ. соч., стр. 60—61).

⁶⁰ См. С. А. Жебелев. Милет и Ольвия. — «Северное Причерноморье». М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 40.

⁶¹ Arr. I, 18, 3—4; Diod. XVII, 22, 1.

⁶² Arr. I, 18, 5.

⁶³ Там же, 19, 1.

мой и объявить тем, кто его послал, что с рассветом он начинает сражение за город. Он поставил у стен осадные машины, которыми разрушались стены, после чего через развалины и проломы повел свое войско на город. Персы у Микале были прямыми свидетелями этого штурма, но ничем не могли помочь осажденным, потому что сами были блокированы в милетской гавани судами Никанора.

Диодор, в отличие от Арриана, говорит о трудной победе Александра. Сначала его ежедневные приступы и атаки легко отбивались со стен осажденными; в городе собралось много войска, хорошо вооруженного. Лишь тогда, когда машины стали разбивать стены, а македоняне ринулись в город через проломы и началась также осада с моря, защитники города, уступая силе, обратились в бегство⁶⁴.

Под натиском македонских войск часть милетян и наемников бросилась в море и доплыла до маленького безымянного островка на своих щитах; другие пытались на лодках ускользнуть от македонских триер, но были застигнуты у входа в гавань; большинство же погибло в самом городе⁶⁵.

В описании этого события Арриан не может обойтись без моментов идеализации Александра. Он показывает его благородство при взятии города и обнаружении беглецов на острове, готовых стоять на смерть. Его охватила жалость к этим людям, он предложил им мир на условии, что они пойдут к нему на службу. Уцелевших милетян он отпустил и даровал им свободу⁶⁶. Диодор подтверждает, что Александр с ними обошелся человеколюбиво, но не раскрывает, что именно в это понятие включается. Зато определенно говорит о том, что всех остальных он обратил в рабство⁶⁷.

В это время персидский флот делал безуспешные попытки вызвать эллинские корабли на сражение и уничтожить их своей численностью. Они сторожили милетскую гавань, не подпуская туда персов. Одновременно к Микале Александром был послан Филота со всадниками

---

⁶⁴ Diod. XVII, 22, 2—4.

⁶⁵ Arr. I, 19, 3—4.

⁶⁶ Там же, 5—6.

⁶⁷ Diod. XVII, 22, 5.

и тремя пехотными полками, чтобы не допустить высадку персидских кораблей. Персы попали в положение осажденных и вследствие недостатка воды и припасов должны были отплыть на Самос⁶⁸. При новой попытке вызвать в море корабли Александра, пять подплывавших к ним персидских триер подверглись атаке противника и вместе с остальным персидским флотом, ничего не добившись, отплыли из-под Милета⁶⁹.

После Милета Александру предстояло решить еще одну важную военную задачу на побережье Малой Азии. Дело касалось Карии, столица которой Галикарнас могла стать новым бастионом на пути дальнейшего продвижения македонских войск. Это был самый большой из городов Карии с превосходными крепостями⁷⁰. В городе находились остатки армии, разбитой при Гранике; там также было много наемников во главе с афинянином Эфиальтом, изгнанным с родины Александром осенью 335 г. Сам город вследствие своего природного расположения был хорошо укреплен; наконец, порт Галикарнаса, защищенный прочными стенами и двумя цитаделями, прикрывали корабли Мемнона, которым не удалось спасти Милет. Персидские вооруженные силы находились под командованием карийского сатрапа Оронтабата и особенно Мемнона, которому Дарий теперь передал верховное командование на всем побережье Средиземного моря⁷¹.

Александр оказался перед необходимостью приготовиться к тяжелой и продолжительной осаде. Вместе с тем ему нужно было решить еще и запутанные политические и династические вопросы, которые в Карии к тому времени приобрели особую остроту.

Правительница Карии Ада в 343 г. унаследовала страну от своего брата и мужа Идрия, второго сына карийского царя Гекатемпа⁷². Но ее младший брат Пиксатор лишил ее власти в свою пользу. После его смерти управление перешло к его зятю Оронтабату. Ада удержалась лишь в единственном городе Алинде. Когда Александр вторгся в Карию, она вышла ему навстречу,

⁶⁸ Arr. I, 19, 7—8.

⁶⁹ Там же, 10.

⁷⁰ Diod. XVII, 23, 4.

⁷¹ Arr. I, 20, 3; Diod. XVII, 23, 3—6.

⁷² Strabo, XIV, 11, 17, стр. 637.

добровольно сдала ему этот город и назвала его сыном. Он оставил ей город, принял управление и, когда завладел остальной Карией, вручил ей правление всей страной⁷³. Так Александр стал называться сыном царицы, один из братьев и предшественников которой Мавсол то поддерживал, то поработал союзников Афин, а другой брат Идрий помогал персидскому царю подавлять мятежных киприотов.

Установившиеся новые отношения с Адой облегчили македонскому царю захват Карики. Диодор прямо говорит, что благодеяние, оказанное Александром Аде, расположило к нему карийцев⁷⁴. Заключив с ней соглашение, он стал готовиться к захвату Галикарнаса.

В источниках это событие наиболее полное отражение получило у Арриана и Диодора. Арриан сообщает, что в первый день, когда Александр подошел к стенам города, на него устремились персидские воины со стрелами и дротиками, но они без труда были отброшены и загнаны обратно в город⁷⁵. Несколько дней спустя Александр тщательно осматривал стены города в поисках удобного места для начала приступа. Он надеялся стремительно овладеть соседним городом Миндом, жители которого обещали ему вручить город, если он подойдет незаметно ночью. На эту операцию он возлагал большие надежды, так как надеялся, что захват Минда станет ему «великой подмогой» при осаде Галикарнаса. Но расчеты его не оправдались. Жители Минда своего обещания не выполнили, а Александр, надеясь на их измену, не взял с собой ни машин, ни лестниц. Он вынужден был подвести македонскую фалангу, которой приказал подорвать стену. Македоняне свалили одну башню, но она упала, не проломив стены. В лице горожан Минда он встретил энергичных защитников города; с моря к ним направлялась помощь из Галикарнаса. План молниеносного захвата Минда сорвался. Александр, не добившись цели, повернул обратно и занялся осадой Галикарнаса⁷⁶. Осада оказалась тяжелой. Прежде всего, надо было засыпать огромный ров, опоясывавший город, чтобы приблизить к

⁷³ Arr. I, 23, 7—8; Diod. XVII, 24, 3; Strabo, XIV, 11, 17, стр. 657.

⁷⁴ Diod. XVII, 24, 2—3.

⁷⁵ Arr. I, 20, 4.

⁷⁶ Там же, 5—7.

нему осадные машины и приспособления. Когда эта задача была решена, осажденные сделали ночную вылазку, чтобы сжечь эти осадные сооружения. Но эта вылазка не принесла успеха. С персидской стороны в ней погибло 170 человек; у Александра — 16 и ранено 300 человек ⁷⁷. Вылазка с этой целью вскоре повторилась, в результате чего часть защитных сооружений сгорела ⁷⁸. Неоднократно подводились машины к стенам; с башен машин метали стрелы и выпускали огромные камни, от которых осажденные ловко увертывались; со своей стороны последние бросали в машины факелы и разные горючие вещества, чтобы вызвать пожар. Много людей вышло из города и храбро сражалось в рукопашной схватке с македонянами, погибая в борьбе ⁷⁹. Вышедших из города через тройные ворота македоняне обратили в бегство; во время отступления многие из них погибли, падая в ров, будучи растоптанными своими или пораженными сверху воинами Александра. Самая большая резня произошла у самых ворот, которые были закрыты раньше времени, отрезав возвращение своим защитникам. Они были перебиты у самых стен. Осажденные потеряли до тысячи людей; Александр — около 40 человек ⁸⁰. Арриан говорит, что еще одно небольшое усилие — и город должен был пасть, но Александр скомандовал отбой; он хотел сохранить Галикарнас и ожидал от галикарнасцев дружеских предложений ⁸¹.

После многократных попыток отрезать атаки македонского войска и свести на нет действие вражеских машин персидские военачальники убедились в том, что при создавшемся положении они не в состоянии больше защищать уже сильно поврежденные стены, и сами стали поджигать город, чтобы он не достался врагу ⁸². Александр приказал убивать поджигателей, а взяв город, сравнял его с землей ⁸³. Здесь и в остальной Карии он оставил 3 тыс. пехотинцев из наемников и около 200 всадников под начальством Птолемея ⁸⁴.

⁷⁷ Arr. I, 20, 5—7.

⁷⁸ Там же, 10.

⁷⁹ Там же, 22, 20.

⁸⁰ Там же, 7.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, I, 23, 1—3.

⁸³ Там же, 6.

⁸⁴ Там же.

В рассказе Диодора, вероятно, содержатся сведения, идущие из лагеря эллинских наемников. В этом рассказе борьба за Галикарнас изображена как сложная драматическая эпопея, в которой обе стороны проявили ожесточение и неуступчивость. Александр вел осаду деятельным и устрашающим образом⁸⁵. Сначала он посылал войска на один приступ за другим и целый день проводил в сражении; затем начал усиленно таранами бить по башням и стенам; за этим этапом следовали рукопашные бои в городе⁸⁶. Мемнон отражал атаки, поджигал машины, организовывал рукопашные схватки и вместе с другими военачальниками сражался в первых рядах⁸⁷. Македоняне, пишет Диодор, значительно превосходили врага храбростью; преимущество персов состояло в их числе и подготовленности⁸⁸.

Дальше Диодор излагает эпизод, которого нет у Арриана и который подчеркивает его происхождение из информации эллинских наемников. Этот эпизод показывает роль последних в решительных сражениях за Галикарнас. Предводитель наемников Эфиальт — мужественный и физически сильный — потребовал на военном совете, чтобы разрешили наемникам со своими начальниками первыми напасть на врага. Это требование было удовлетворено Мемноном. Из наемников Эфиальт отобрал 2 тыс. лучших воинов, разделил их на две половины, одной вручил зажженные факелы, другую выстроил в боевом порядке и внезапно велел распахнуть ворота. Вскоре вспыхнул огромный пожар, в результате которого были подожжены осадные машины. В это время Эфиальт обрушился на македонян, сам показывая чудеса храбрости. Александр бросил против него самые отборные войска, отличавшиеся своей исключительной храбростью. Завязалась великая битва⁸⁹. Македоняне не дали огню распространиться, но воины Эфиальта одержали в сражении верх. Многие македоняне пали от стрел, остальные вынуждены были отступить. Александр оказался в

---

⁸⁵ Diod. XVII, 24, 3.

⁸⁶ Там же, 24, 4—5.

⁸⁷ Там же, 25, 3.

⁸⁸ Там же, 24, 6.

⁸⁹ Там же, 26, 5.

большом затруднении⁹⁰. Спасли ему положение македонские ветераны.

Диодор утверждает, что перевес уже оказывался на стороне галикарнасцев, когда македонские ветераны установили неприятеля, считавшего себя победителем⁹¹. В этой схватке погиб Эфиальт, а многие его воины бежали в город. В этих условиях Мемнион со своими военачальниками и сатрапами решил покинуть город, оставив в крепости сильный и хорошо вооруженный гарнизон под командованием Оронтабата, а самим вместе с главными силами и своими сокровищами отправиться на Кос⁹². Александр разрушил город и оставил только один отряд для осады крепостей. От Арриана мы узнаем, что несколько позднее гарнизон, охранявший галикарнасский акрополь и удерживавший под своей властью окрестности, был разбит в большом сражении с отрядами Александра под руководством Птолемея и Асандра⁹³.

Хотя в описаниях Арриана и Диодора имеются явные расхождения, свидетельствующие о том, что они следовали разным историческим традициям, но их объединяет общий вывод, заключающийся в том, что борьба за Галикарнас представляет собой важный этап в осадном искусстве Александра, что эта борьба требовала необыкновенных усилий и мужества македонских войск вследствие малодоступной местности, сильных укреплений и упорной обороны, что она была весьма кровопролитной и тяжелой. С захватом Галикарнаса пал важнейший центр сопротивления в Малой Азии.

Таким образом, осенью 334 г. до н. э. был уничтожен крупный город, который являлся выдающимся памятником эллинского искусства.

После покорения некоторых пунктов и островов весной 333 г. до н. э. в этом районе установилось македонское преобладание. Этим закончился первый этап завоевания Малой Азии — покорение ее приморских областей, и начался второй этап — покорение ее внутренних областей. До этого в течение зимы 334—333 гг. до н. э. Александр поставил себе задачу захватить юго-запад

---

⁹⁰ Diod. XVII, 7.

⁹¹ Там же, 27, 1—2.

⁹² Там же, 5.

⁹³ Arr. II, 5, 7.

полуострова, чтобы пересечь связи флота Мемнона со значительными силами персидского царя, которые он постоянно имел в Малой Азии. Эта задача была выполнена.

После завоевания Галикарнаса Александр отослал часть своего войска, состоящую из фессалийской конницы, союзнических отрядов и всего обоза, во главе с Парменионом в Сарды и приказал покорить оттуда Фригию⁹⁴. Сам же он решил оккупировать области Ликии и Памфилии и тем самым помешать вражескому флоту использовать малоазийское побережье как базу военных действий⁹⁵. С другой стороны, им руководило стремление к возможно более основательному и широкому захвату вражеской территории, на которой он желал установить свою собственную власть⁹⁶.

Согласно апологетической традиции македонское войско в Ликии не встретило какого-либо достойного сопротивления. Прежде всего, покорилось около 30 городов и местечек долины Ксанфа⁹⁷. После этого, в разгар зимы Александр проник во внутреннее нагорье, в область Милнада, где ему одновременно сдалось большинство остальных ликийских городов и прежде всего греческий город — родосская колония Фаселида. Послы ее увенчали Александра золотым венком и просили у него дружбы. С такой же просьбой обратились к нему и другие жители Нижней Ликии. Александр удовлетворил их просьбу. Он прибыл ненадолго в Фаселиду и помог ее укрепить от набегов соседних горных племен⁹⁸.

Из Фаселиды Александр направился в Памфилию. Часть своего войска через горы он послал к Перге — ее главному городу. Дорогу, которая была длинна и тяжела, прокладывали фракийцы⁹⁹. Перга почти тут же покорилась. Затем Александр пошел к Сиде — к городу, расположенному на границе с Памфилией, жители которого считали себя переселенцами из Кум¹⁰⁰. По дороге он встретил послов из города Аспенда, который считал-

---

⁹⁴ Arr. I, 24, 3; ср. Plut. Alex. 17.

⁹⁵ Arr. I, 24, 3.

⁹⁶ J. Kaerst. Op. cit., S. 267.

⁹⁷ Arr. I, 24, 4.

⁹⁸ Там же, 4—5; ср. Plut. Alex. 17; Strabo, XIV, III, 9, стр. 667.

⁹⁹ Arr. I, 26, 1.

¹⁰⁰ Там же, 4.

ся аргосской колонией. Послы заявили, что они подчинились бы ему при условии, что будут избавлены от военного гарнизона. Если их условие будет принято, они обещали внести 50 талантов и отдать коней, предназначенных как дань персам. Александр согласился на это условие. Но когда его посланцы пришли за выполнением этих условий, перед ними заперли ворота. Александр, занятый тогда осадой крепости Силион, вынужден был приостановить эту операцию и, вернувшись назад, занял нижний город, покинутый аспендийцами, убежавшими в крепость. Когда перед лицом большой вражеской армии они выразили готовность выполнить свои обещания, Александр продиктовал им очень тяжелые условия, которые они вынуждены были принять. Он потребовал от них лошадей, денег в два раза больше, чем во время первой договоренности; они должны были подчиниться сатрапу, поставленному Александром, платить ежегодно македонянам дань и решить судебным путем вопрос о территориальной распре с их соседями. Кроме того, как залог верности, из влиятельных людей были затребованы заложники¹⁰¹. Так Александр, который широко распространял мысль, что освобождает малоазийские греческие города от персидского ига, самолично лишил независимости и важных доходов город греческого происхождения.

П. Клоше, который, вопреки фактам, выражает сомнение в том, что Александр плохо обошелся с городами, оставшимися верными эллинизму, строгость по отношению к аспендийцам объясняет следующим: Александр прогневался на них за то, что они уклонились от исполнения своих обещаний, и считал необходимым дать им суровый урок¹⁰².

После этого события Александр снова вернулся в Пергу, чтобы постараться захватить великую Фригию, отделенную от юго-западной Малой Азии возвышенностями Писидии¹⁰³.

Продвигаясь дальше на север, за пять переходов македоняне оказались под стенами Келены — столицы

---

¹⁰¹ Arr. I, 27, 4.

¹⁰² P. Clôche. Alexandre le Grand, p. 23.

¹⁰³ Arr. I, 27, 5.

Фригии. Находившийся здесь жарийский и греческий гарнизон обещал сдать крепость, если он до определенного срока не получит подкрепления¹⁰⁴. Александр пошел на это, оставил под стенами города часть своих войск в количестве 2500 человек, а сам направился в Гордий, в столицу старого фригийского царя, где он простоял довольно долгое время. Здесь он объединился с Парменионом, здесь встретились и македоняне, которые были посланы до начала зимы на родину, незначительно усиленные новым набором¹⁰⁵.

Гордий занимал важное положение на пути из Ионии в Персию. Сюда пришло к Александру посольство из Афин, которое просило его освободить афинян, воевавших на стороне персов в битве при Гранике и плененных македонянами. Александр не удовлетворил эту просьбу, считая, что не следует ослаблять «страх греков», пока продолжались военные действия на Востоке. Он ответил послам, что пусть они приходят просить за пленных афинян, когда его предприятие счастливо закончится¹⁰⁶. Отрицательный ответ, данный афинским послам, показывает, с какой заботой он еще наблюдал за развитием дел в Греции¹⁰⁷.

Покинув Гордий, Александр пошел дальше на Восток, захватил Анкир (Галатия) на южном склоне гор, которые возвышались на границе Пафлагонии. Сюда прибыло посольство от пафлагонцев с сообщением, что народ их сдается, вступает с македонянами в переговоры, но просит не входить на их землю с войском¹⁰⁸. Своей покорностью пафлагонцы избавили свою страну от прохода македонских войск через их территорию. Дав заложников, жители этой страны добились, чтобы их не принуждали платить подать, которую они не платили даже персам¹⁰⁹. Александр поставил Пафлагонию под управление сатрапа от геллеспонтской Фригии Каласа и подчинил себе Каппадокию до реки Галис и частично за ней¹¹⁰. Сам он послешно двинулся в Киликию (на юго-

¹⁰⁴ Arr. I, 29, 1; ср. Curt. III, 1, 6 и сл.

¹⁰⁵ Arr. I, 29, 4.

¹⁰⁶ Там же, 6.

¹⁰⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 270.

¹⁰⁸ Arr. II, 4, 1.

¹⁰⁹ Curt. III, 1, 23.

¹¹⁰ Arr. II, 4, 1.

восток Малой Азии), где Дарий сосредоточил внушительные силы. Опасения Александра, что главный перевал в горах Тавра легко мог быть заперт персами и форсирование его будет связано со значительным напряжением и трудностями, оказались напрасными. Персы и здесь не провели никаких особых мер защиты. Это тем более странно, что в этих местах проходы могли охраняться незначительным числом людей, так как Киликия была защищена непрерывной крутой и обрывистой цепью гор. Курций говорит, что когда Александр вошел в горный проход, он признался, что мог быть завален камнями, если бы кто-нибудь с высоты стал сбрасывать их на его войско. По нему только четыре воина могли пройти в ряд; кроме того, гора нависала над ним только узкой, но обрывистой и часто пересекаемой потоками, текущими с гор, стороной¹¹¹. В этих условиях Александр так расставил свои войска, что они, опрокинув вражеские посты в горах Тавра, пересекли ущелья этой горы, вторглись в Киликию и захватили город Тарс¹¹². Сатрап Киликии Арсам имел намерение удержать город; но когда он услышал о быстром переходе через Тавр македонян, испугался и поспешно бежал из Тарса к царю Дарию¹¹³.

В Тарсе македонское войско вынуждено было надолго задержаться из-за опасной болезни Александра. По словам Аристубула, он заболел от усталости; другие рассказывают, что он весь в поту, разгоряченный, бросился в ледяную воду реки Киода, сразу простудился и серьезно заболел¹¹⁴. Его спас один из знаменитых врачей, следовавших за македонской армией, акарнянин Филипп, приготовив сильнодействующее целебное лекарство¹¹⁵.

После своего выздоровления Александр послал Пармениона к ассирийско-ликийским воротам, как назывались перевалы, господствовавшие над переходами из

---

¹¹¹ Curt. II, 4, 11—13.

¹¹² Курций сообщает, что персы стали поджигать Тарс, чтобы врагу не достался богатый город. Но Александр послал Пармениона с отрядом легковооруженных потушить огонь и, узнав, что жители города его оставили, тотчас вошел в спасенный им город (Curt. III, 4, 14).

¹¹³ Arr. I, II, 4, 5—6. Это изложение Арриана находится в прямом противоречии с сообщением Курция о планомерном опустошении страны Арсамом (ср. Curt. III, 4, 3).

¹¹⁴ Arr. II, 4, 7; Curt. III, 5, 2—14; Plut. Alex. 19.

¹¹⁵ Arr. II, 4, 9; Curt. III, 6, 1—16; Plut. Alex. 19.

Киликии в Сирию, чтобы занять их¹¹⁶. Сам он сделал еще один успешный поход против горных жителей Киликии. Арриан говорит, что Александр сначала прибыл в город Анхиал, основанный ассирийцем Сарданапалом¹¹⁷. Оттуда он прибыл в Салы, оставил там гарнизон, наложил на жителей города штраф в 200 талантов, поскольку они были благорасположены к персам. Впрочем, у нас нет никаких точных сведений о «персофильской» деятельности их населения. Отсюда с тремя полками пехоты, всеми лучниками и агрианами он устремился на киликийцев, удерживавших горы. В течение недели он бил одних, договаривался с другими, а затем вернулся в Салы, которым дал демократическое правление¹¹⁸. Курций не упоминает Анхиала. Он говорит, что из Тарса Александр пришел прямо в Салы¹¹⁹. Оттуда он повернул снова к Тарсу. Из Тарса Александр прибыл в Матарс, затем направился в Малл — колонию Аргоса, где он усмирил старые разногласия, освободил горожан от всяких податей и учредил жертвоприношение в честь легендарного основателя их города — Амфилоха¹²⁰.

Завоеванием Киликии, по существу, закончилась первая фаза событий в истории восточных походов. В результате первого года войны была захвачена большая территория малоазийских земель. Этому способствовал ряд обстоятельств. К ним можно отнести: близорукость персидского командования, отсутствие единого фронта малоазийских городов во всеобщей борьбе против македонян вследствие раздиравшего их соперничества и разногласий, превосходство македонского оружия, тактики и стратегии, сложная и гибкая политика Александра.

Захватив малоазийские города, македоняне принимают ряд мер для упрочения своего положения в Малой Азии: они укрепляли важнейшие стратегические пункты, в которых были поставлены сильные гарнизоны, составлявшие стратегический резерв, создавали склады продовольствия, оружия и снаряжения. Всем этим они создали условия для последующих действий в глубинных областях персидской территории.

---

¹¹⁶ Arr. II, 5, 1.

¹¹⁷ Там же, 2.

¹¹⁸ Там же, 5—8.

¹¹⁹ Curt. III, 7, 2.

¹²⁰ Arr. II, 5, 9; Curt. III, 7, 3—5.

§ 2. Борьба за восточное Средиземноморье (333—331 гг. до н. э.)

Весной 333 г. до н. э. македоняне, овладев Киликией, получили сведения о том, что в северной части Сирии сосредоточены большие силы персидской армии. К месту сосредоточения вели два пути, оба лежали через горные переходы.

Дарий сначала намеревался ждать противника в равнине восточнее Амана, где были довольно хорошие позиции для развертывания больших персидских войск, особенно конницы¹²¹. Но от этого намерения он вскоре отказался, несмотря на ряд предостережений, которые делались ему в среде его окружения, не предпринимать этого рискованного шага¹²². Причиной такого поведения персидского царя была довольно длительная задержка Александра сначала в Тарсе из-за болезни, а затем в Салах, где тот потратил немало времени на усмирение горных киликийцев. Из этого был сделан вывод, подкрепленный лъстецами, что Александр вообще не отважится следовать дальше и при виде многочисленных персов останется стоять в нерешительности¹²³. Надеясь на численное превосходство своей армии, на то, что его конница без особого труда растопчет македонское войско, Дарий решил покинуть свою выгодную позицию и идти навстречу противнику, чтобы навязать ему бой на какой-либо весьма неблагоприятной местности. Дарий перешел Аманийские ворота по одному из северных перевалов и вступил в прибрежную равнину Исса. Александр ее уже прошел и находился у города Мириандра¹²⁴. Ночью они разминувшись друг с другом и повернули обратно¹²⁵. Когда разведка донесла Александру о движении персидских войск, он обрадовался и поспешил запереть Дария в теснины. Последний, поняв свою ошибку, торопился вернуться на прежнее место из губительных теснин.

Александр повел свое войско маршевой колонной, пока со всех сторон шли теснины, и развернул его широ-

¹²¹ Arr. II, 6, 3.

¹²² Там же; ср. Plut. Alex. 20; ср. Curt. III, 8 и сл.

¹²³ Arr. II, 6, 4—5; Plut. Alex. 20; Diod. XVII, 32, 3.

¹²⁴ Arr. II, 6, 2.

¹²⁵ Plut. Alex. 20.

ким фронтом, выйдя на простор. Дарий, получив известие, что Александр готов к сражению, велел переправиться на ту сторону реки Пинара, протекавшей через равнину Исса, коннице в количестве 30 тыс. всадников и значительному подразделению легковооруженных (около 20 тыс. человек), чтобы под этой защитой без помехи расположить остальное свое войско в боевом порядке позади реки¹²⁶. Предстояла решительная битва, в которой сталкивались основные силы противников. Их количественное соотношение источниками определено не выясняется. По Арриану можно заключить, что у Дария было около 600 тыс. воинов, что из этого числа он потерял убитыми до 100 тыс. человек, в том числе 10 тыс. всадников. Он приводит ссылку на Птолемея, который рассказывал, что когда они, преследуя Дария, оказались у какой-то пропасти, то перешли через нее по трупам¹²⁷. Вероятно, сам сомневаясь в точности этих цифр, Арриан спешит перед этим поставить «говорят», «рассказывают»¹²⁸. Плутарх, не называя общего количества персов, участвовавших в сражении, солидаризируется с Аррианом относительно числа их потерь¹²⁹. Овладев Иссом, Дарий захватил македонян, оставленных там по болезни, и, тяжело изувечив, казнил их¹³⁰. Курций говорит, что македонским воинам с варварской жестокостью отрезали руки, провели по персидскому лагерю, чтобы они увидели своими глазами количество персидского войска и передали об этом Александру¹³¹. Общее количество персов Курций определяет около 180 тыс. Сюда входят 20 тыс. копейщиков и пращников, 30 тыс. греческих наемников-пехотинцев, 20 тыс. варваров-пехотинцев, 3 тыс. отборных всадников, составлявших охрану царя и 40 тыс. пехотинцев. Но общее количество не может быть по Курцию точно определено, потому что он не называет численный состав других подразделений, участвовавших в битве: конницы Набарзана, резерва, состоявшего из наиболее воинственных племен, гирканской и мидийской

---

¹²⁶ Агг. II, 8, 5.

¹²⁷ Там же, 11, 8.

¹²⁸ Там же, 8, 8; 11, 8.

¹²⁹ Plut. Alex. 20.

¹³⁰ Агг. II, 7, 1.

¹³¹ Curt. III, 8, 15.

конницы и всадников остальных племен¹³². Диодор лишь указывает, что местные жители пренебрежительно относились к малочисленному македонскому войску; потрясенные величиной персидской армии, они оставили Александра и, перейдя на сторону Дария, с готовностью доставляли персам еду и снаряжение¹³³.

О силе македонского войска источники не упоминают. Некоторые данные имеются у Полибия¹³⁴. Можно предположить, что их было приблизительно столько же, сколько и при Гранике, несколько больше 30 тыс. Пришедшие из Македонии пополнения возместили потери за время азиатского похода и на гарнизонную службу¹³⁵. Хотя количество персидских сил в битве при Иссе сильно преувеличено, однако бесспорно преимущество персов в этом отношении.

Главным источником о битве при Иссе является Арриан, который в основном идет от Итолемея и Каллисфена, известия которого сохранились у Полибия.

Прежде всего, Арриан излагает дислокацию боя, которая напоминает в общем сражение при Гранике, правда, уже с учетом опыта этого сражения.

Боевая линия персов, обращенная фронтом к югу, проходила позади реки Пинара. Ее крутые берега использовались как линия прикрытия; частично эта линия усиливалась еще широкими земляными заграждениями¹³⁶. Из гоплитов Дарий первыми поставил против македонской пехоты эллинских наемников, а по обеим сторонам их, по эллинскому типу, тяжеловооруженных кардаков. Конницу он поставил к сильно преобладающей части на правом крыле, у моря, где по условиям местности она могла получить лучшие возможности для своих действий в просторной равнине. Остальное множество легковооруженных и гоплитов, построенных по племенам, стояло позади передних боевых рядов в значительной глубине, малопригодной для свободного развертывания действий¹³⁷. Особое подразделение было предназначено для того, чтобы занять позицию в изгибе гор,

¹³² Curt. III, 9, 1—5.

¹³³ Diod. XVII, 32, 4.

¹³⁴ Polyb. XII, 17, 22; 19, 2.

¹³⁵ См. С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, стр. 43.

¹³⁶ Arr. II, 10, 1.

¹³⁷ Там же, 8, 8.

чтобы напасть на македонское войско с фланга или с тыла. В середине всего строя, по обычаю персидских царей, находился сам Дарий¹³⁸.

Что касается расположения македонских войск, то они были построены для боя после того, как миновали теснины и вышли на широкое место. Левое крыло находилось под начальством Пармениона, правым командовал сам Александр. Он имел намерение своим крылом, особенно с расположенной здесь конницей, к которой слева примыкали гипасписты, предпринять решительную атаку, в то же время сдерживая левое крыло. Для усиления правого крыла к македонской коннице была придана фессалийская. На левом крыле находилась только конница союзников. Но когда Александр узнал, что правое крыло персидских позиций особенно сильно, так как туда была перемещена почти вся персидская конница, он принял решение укрепить свое левое крыло, которое могло быть опрокинуто фланговым ударом превосходящих сил персов. С этой целью он перебросил фессалийскую конницу на левый фланг. Последняя быстро выполнила этот приказ, переходя на новые позиции по тылам пехоты. Поэтому передислокация осталась незамеченной врагом¹³⁹. Против персов, занявших позицию в изгибе гор в целях окружения вражеского войска, он выставил часть своих легковооруженных подразделений, которые вскоре прогнали противостоявших им персов, и Александр мог большую часть из них возвратит, чтобы еще дальше расширить вправо свою собственную линию фронта и, таким образом, воспрепятствовать противнику в обходе с флангов. Для уплотнения своего правого крыла он незаметно и сюда перемещал с центра некоторые части, которыми и осуществил удлинение своего правого крыла дальше персов¹⁴⁰.

Несколько иное размещение войска противника перед битвой при Иссе дает нам Курций. Согласно его изложению, правый фланг Дария охранял цвет его войска, по силе равный македонской фаланге. Он состоял из конницы Набарзана, из пращников и лучников, а также из наемной греческой пехоты во главе с Фимедом. На ле-

---

¹³⁸ Агг. II, 8, 11.

¹³⁹ Там же, 9, 1.

¹⁴⁰ Там же, 3—4.

вом фланге находился фессалиец Аристомед с пехотой. В резерве поместили наиболее воинственные племена. За ними стояла гирканская и мидийская конница, а за нею — всадники остальных племен. Все тесное пространство, где только можно было встать, было заполнено войском Дария, один фланг которого упирался в горы, другой — в море ¹⁴¹. Некоторая конкретизация имеется у Курция и в отношении расположения войск Александра. Сильнейшая часть македонской армии — фаланга — была поставлена в центре. Левый фланг достигал морского берега. Конница была поставлена на обоих флангах; на правом — македонская вместе с фессалийской, на левом — пелопоннесская. Перед этим строем был помещен отряд пращников, смешанных с лучниками; впереди шли фракийцы и критяне. Пармениону было приказано насколько возможно растянуть свое войско к морю, чтобы находиться дальше от занятых противником гор ¹⁴². В отличие от Арриана, Александр у Курция не совершает переброску отдельных частей, искусно маскируя этот акт, что свидетельствовало о его мастерстве вождения войск. Наконец, у Диодора мы имеем указание, что пешие полки и конные отряды он расположил в соответствии с характером места: конницу поставил впереди всего войска, а пехоту поместил сзади в резерве. Сам он во главе правого крыла двинулся на врага, имея при себе цвет конницы. Левое крыло занимали фессалийские всадники, выделявшиеся своим мужеством и опытностью ¹⁴³. Как видно, и здесь отсутствуют указания на умение Александра перестраивать свой боевой порядок на виду у противника.

Имеются в источниках и некоторые разночтения относительно самого хода сражения и его непосредственных результатов.

Согласно Арриану, Александр вел свое войско осторожно и медленно, чтобы не внести в него беспорядка ¹⁴⁴. Оказавшись на расстоянии полета стрелы от вражеских позиций, Александр во главе своей конницы предпринял энергичную атаку левого персидского крыла и привел его

---

¹⁴¹ Curt. III, 9, 1—6.

¹⁴² Там же, 7—10.

¹⁴³ Diod. XVII, 33, 1—2.

¹⁴⁴ Arr. II, 10, 1, 3.

в полное замешательство, особенно тогда, когда дело дошло до рукопашного боя¹⁴⁵. Дарий, находившийся в центре персидского боевого порядка, обратился в бегство прежде, чем заметил успех атаки Александра. Стремительный образ действий Александра привел, однако, к разрыву самой линии македонских войск. В то время как примыкавшие к македонской коннице подразделения пехоты, особенно гипасписты, энергично поддерживали атаку конницы, та часть фаланги, которая занимала центр македонских позиций, не могла так же быстро последовать за ними; продвижению препятствовали обрывистые места и крутой берег реки. Этой обстановкой воспользовались эллинские наемники Дария и с большой силой устремились туда, где образовался прорыв. Здесь завязалась жаркая битва. Наемники старались столкнуть македонян в реку, македоняне — не отставать от своего полководца, в успех и воинское счастье которого они верили¹⁴⁶. Персидская конница оказывала противнику большое сопротивление. Идя в атаку, она даже перешла реку и поставила в затруднительное положение левый македонский фланг. Фессалийская конница с большим трудом оборонялась от этой атаки. Тут завязалась жаркая конная схватка. В это время первое македонское крыло отклонилось влево и атаковало эллинских наемников с фланга, чем способствовало их поражению. Они были перебиты пехотой. Персидская конница, увидев опасность полного окружения и узнав о бегстве самого царя, больше не стала ждать и также обратилась в бегство¹⁴⁷. Арриан подчеркивает, что бегство стало бесповоротным и всеобщим. При отступлении у персов очень пострадали под тяжестью своих тяжеловооруженных седоков лошади. Не меньше пострадали и всадники, которые, в страхе и беспорядке отступая по узким дорогам, в этой суетлоке и мешанине, давили друг друга. Пехотинцев в этом отступлении было перебито не меньше, чем всадников.

Во многом способствовало поражению поведение самого Дария, который в самый ответственный момент боя кинулся на колеснице в бегство вместе со своими

---

¹⁴⁵ Арг. II, 10, 4.

¹⁴⁶ Там же, 5—6.

¹⁴⁷ Там же, 11, 2.

вельможами. Когда начались пропасти и бездорожье, он пересел на лошадь, оставив на колеснице щит, лук, царскую одежду. Только наступившая ночь избавила его от плена, ибо только с наступлением темноты Александр прекратил преследование¹⁴⁸. Победители захватили лагерь Дария, его семью: мать, жену, сына, двух дочерей; три тысячи талантов. Остальное имущество и сокровища, отправленные Дарием в Дамаск, вскоре были захвачены Парменионом¹⁴⁹. После битвы, на следующий день, Александр, хотя и был ранен в бедро, обошел раненых, убитых велел торжественно похоронить в присутствии всего войска, отдавая им высокие воинские почести, живых награждал денежными подарками¹⁵⁰.

Так закончилось это значительное сражение, которое имело место поздней осенью 333 г. до н. э. (в октябре или ноябре месяце)¹⁵¹.

Полибий, называя битву при Иссе самой знаменитой, подвергает резкой критике сведения Каллисфена о ней, несмотря на то, что тот был ее непосредственным очевидцем¹⁵². По Каллисфену, у Дария было 30 тыс. всадников и столько же наемников; такое войско должно было иметь широкое пространство для построения. Однако такого пространства у реки Пинара не было. Поэтому имела место большая глубина построения персидских войск, что мешало маневрированию.

Полибий резко критикует данные Каллисфена о дислокации вражеских войск при Иссе. Он особенно обращает внимание на то, что на небольшом поле Иссы не могло разместиться столько войск, сколько называет Каллисфен. Поэтому сведения Каллисфена Полибий считает ошибочными. Ошибка становится непростительной, пишет Полибий, с того момента, как Каллисфен дает нам меру расстояния между отдельными воинами, общую величину местности, а также число воинов¹⁵³. Полибий обвиняет в данном случае Каллисфена в недомыслии и невежестве¹⁵⁴.

---

¹⁴⁸ Агг. II, 11, 6—7.

¹⁴⁹ Там же, 10.

¹⁵⁰ Там же, 12, 1.

¹⁵¹ Там же, 11, 11.

¹⁵² Полиб. XII, 17—22.

¹⁵³ Там же, 21, 10.

¹⁵⁴ Там же, 22, 60.

Резкая критика, которой подвергает Полибий описание Каллисфена, очевидно, преувеличена, ибо данные последнего частично подтверждены Аррианом. Вероятно, прав Керст, который считает, что главная ошибка в рассказе Каллисфена состоит в том, что он размеры поля боя дал слишком уменьшенными¹⁵⁵.

У Плутарха подробности сражения опущены. Он только указывает, что победу македонян обеспечило командование Александра. Уступая в числе огромному персидскому войску, он не допустил окружения македонян; перебросив левое крыло направо и появившись с фланга, он обратил персов в бегство, сам сражаясь в первых рядах¹⁵⁶. Плутарх обращает внимание на грабеж со стороны македонских солдат. Они грабили персидский лагерь и его огромные богатства. В Дамаске они особенно поживились за счет персидского добра; там они впервые вкусили от варварского образа жизни, от его богатств и любовных утех, и «словно собаки, кинулись по следу, ища и вынюхивая персидское богатство»¹⁵⁷.

Ряд подробностей в описании сражения, которых нет у Арриана, имеется у Курция. Он указывает, что когда обе армии находились на расстоянии видимости, персы передних рядов подняли нестройный дикий крик; македоняне ответили им криком, который особенно усилился эхом горных вершин и леса¹⁵⁸. Более подробно описывается Курцием ход и жестокость сражения, во время которого происходило «великое кровопролитие» («*Tum vero multum sanguinis fusum est*»)¹⁵⁹. Александр сражался не столько как полководец, сколько как солдат, стараясь убить Дария, вокруг колесницы которого лежали защищавшие его славные полководцы¹⁶⁰. Курций более рельефно нарисовал картину повального бегства персов, грабежа со стороны солдат, их жестокости и насилия. «Необузданная ярость победителей не щадила ни возраста, ни сословия»¹⁶¹.

---

¹⁵⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 277.

¹⁵⁶ Plut. Alex. 20.

¹⁵⁷ Там же, 20, 24; ср. Just. XI, 9.

¹⁵⁸ Curt. III, 10, 1; ср.: Xenoph Anabasis, I, 7; Diod. XVII, 33, 4.

¹⁵⁹ Curt. III, 11, 5.

¹⁶⁰ Там же, 9—10.

¹⁶¹ Там же, 11, 22.

Диодор в своем довольно кратком изложении битвы почти ничего нового не сообщает по сравнению с предыдущими авторами. Он, однако, определеннее других сообщает о том, что победа Александру давалась трудно; она склонялась то в одну, то в другую сторону; положения поочередно менялись¹⁶². Диодор подробно повествует о жестоком сражении, о мужестве Александра и его воинов, о разгроме персов и позорном бегстве Дария¹⁶³. Основное внимание автор уделяет личной борьбе между Александром и Дарием.

На основании разноречивых сведений источников наблюдаются и различные описания битвы при Иссе в исторической литературе¹⁶⁴.

Битва при Иссе сыграла огромную роль в ходе войны. Керст считал, что со дня Саламина и Платеи античный мир не переживал вновь такого решающего момента¹⁶⁵. Тяжелое поражение Персии изменило соотношение борющихся сил в пользу македонских завоевателей. Персы оказались в полной изоляции, были лишены моральной и деловой поддержки со стороны мятежных сил Запада¹⁶⁶. В руки Александра перешла вся западная половина Персидского государства, а это в свою очередь оказало огромное влияние на выработку его дальнейших завоевательных планов¹⁶⁷. Македонскому царю открылась теперь дорога на восток, в глубинные области Персидской державы. Однако сразу он не воспользовался этой возможностью. Перед ним стояла дилемма: следовать ли за убегавшим Дарием, углубившись во внутрь Персии, или идти на юг, укрепиться на восточном побережье Средиземного моря, особенно на финикийском побережье, отрезать Персидскую державу от связи с ним,

---

¹⁶² Diod. XVII, 33, 6.

¹⁶³ Там же, 33—35, 37, 1—2.

¹⁶⁴ J. Kaerst. Op. cit., S. 277—280; U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 94—95; Н. С. Голицын. Всеобщая военная история древних времен. СПб, 1872, стр. 366—367; Г. Д. Дельбрюк. История военного искусства, т. I. М., 1963, стр. 166; И. Е. Разин. Указ. соч., стр. 228—229.

¹⁶⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 280.

¹⁶⁶ См. А. С. Шофман. История античной Македонии, ч. II, стр. 124.

¹⁶⁷ См. С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, стр. 44.

тем самым лишив ее флота и контактов с мятежной Элладой. Александр избрал последний путь.

На первых порах финикийские города не оказали ему какого-либо серьезного сопротивления. Арсад, Библ и Сидон сдались добровольно. Жители последнего сами призвали Александра. Они ненавидели персов и не могли забыть и простиť кровавого подавления финикийского восстания Аргаркерсом Охом¹⁶⁸. Тирийцы также сначала через своих послов обещали сделать все, что пожелает Александр, но когда он объявил, что хочет войти в город и принести жертву Гераклу, они изменили свое мнение и отказались впустить македонское войско, имея намерение занять нейтральную позицию между македонской и персидской властью¹⁶⁹. В стремлении Александра тирийцы усмотрели вмешательство не только в их религиозную, но и политическую автономию. Поэтому они решились на сопротивление в надежде на естественную крепость своего города, и, может быть, даже в надежде на поддержку карфагенян¹⁷⁰. Если верить данным Курция, то последние убеждали тирийцев, чтобы они оказывали решительное сопротивление, обещая им скорую помощь пуническим флотом, во власти которого в те времена находились в значительной степени моря¹⁷¹. Из всех источников лишь один Диодор объясняет мужественное сопротивление тирийцев тем, что они рассчитывали этим услужить Дарию, приобрести его благосклонность и получить богатые дары за свою услугу: отвлекая Александра длительной осадой, они давали Дарию возможность спокойно готовиться к войне¹⁷². Но этот тезис вряд ли может быть принят, так как он противоречит всем другим источникам и не согласуется с общим ходом событий.

В своем выступлении перед воинами Александр объяснил, почему им необходимо овладеть Тиром: без него нельзя добиться господства на финикийском побережье, нельзя захватить финикийский флот, который у персов самый большой и сильный, нельзя избежать пе-

¹⁶⁸ Arr. II, 15, 6.

¹⁶⁹ Там же, 15, 6—7; 16, 7.

¹⁷⁰ Diod. XVII, 40, 3; Just. XI, 10, 12; ср. Curt. IV, 2, 6.

¹⁷¹ Curt. IV, 2, 10—11. Свое обещание, однако, они не выполнили (см. Curt. IV, 3, 19).

¹⁷² Diod. XVII, 40, 3.

ренесения персами войны в Элладу, нельзя утвердить свое господство на Кипре и в Египте¹⁷³. При взятии Тира «мы совсемотрежем персов от моря и еще отберем от них земли по сю сторону Ефрата»¹⁷⁴. Тир выделялся своими размерами и славой среди всех городов Сирии и Финикии¹⁷⁵. Он был расположен на острове и укреплен со всех сторон высокими стенами. На море господствовал персидский флот; обе городские гавани располагали достаточным числом тирийских судов¹⁷⁶. Исходя из этого, жители островного города считали, что они смогут противиться силе врага. Решив защищаться, тирийцы расставили на стенах и башнях метательные снаряды, молодым раздали оружие, а ремесленников, которых в городе было множество, распределили по оружейным мастерским, где, кроме оружия, изготовлялись разнообразные приспособления для защиты города¹⁷⁷.

Сначала Александр решил соединить насыпью материк с городом, чтобы по этой созданной дамбе приблизить к городским стенам свои осадные машины. Морское дно пролива, отделяющего остров от материка, было вязким; около материка илистым и мелким, а ближе к городу — глубоким. На берег пролива, обращенного в сторону юго-западного ветра, часто набегали из открытого моря большие волны, которые препятствовали македонянам производить работы¹⁷⁸. Арриан сообщает, что македоняне с жаром взялись за дело; они рационально использовали имевшиеся там камни и лесной материал для строительства соединительной дамбы. Камни бросали в ил, а между камнями вбивали колья. Сам ил оказывался связующим веществом, которое не позволяло камням сдвигаться с места. Работа эта все же была настолько трудной, что, как указывает Курций, македонские воины впали в отчаяние. Камни и лесной материал поглощались морем¹⁷⁹. По мере приближения работ к городу, выполнять их становилось все труднее, так как македоняне подвергались обстрелу со стороны защитников го-

¹⁷³ Arr. II, 17.

¹⁷⁴ Там же, 17, 4.

¹⁷⁵ Curt. IV, 2, 2.

¹⁷⁶ Arr. II, 18, 2.

¹⁷⁷ Curt. IV, 2, 12.

¹⁷⁸ Там же, 2, 7—8.

¹⁷⁹ Там же, 2, 16—19.

родских стен, метавших в них зажженные стрелы. Кроме того, не давали продолжить работу и тирийские гриеры. Македоняне вынуждены были поставить на насыпи две башни, установить на них машины для защиты работавших солдат от обстрела и от нападения тирийских судов¹⁸⁰. Несмотря на это, тирийцам удалось почти полностью разрушить плотину и стоявшие на ней машины. Их суда везли на буксире судно, на котором имелись специальные приспособления для горючего материала. Приблизившись к насыпи, этот горючий материал был подожжен. Возник большой пожар, перекинувшийся на македонские башни. Когда башни были охвачены огнем, из города выбежала толпа людей, они подплывали на лодках в разные места насыпи, разрушали ее и поджигали все другие машины, которые до сих пор пощадил огонь¹⁸¹. Однако, Александр не отказался от выполнения своего плана. Он приказал готовить новые машины, строить новую плотину, более широкую, чем прежде, чтобы можно было поместить на ней больше башен. Сооружение этой плотины требовало от македонян еще большего напряжения. Они бросали в море целые деревья с огромными ветвями, сверху заваливали их камнями, потом опять валнили деревья и засыпали их землей; затем накладывали все новые слои деревьев и камней. Однако и на этот раз тирийцы всячески мешали им закончить работу; они на лодках незаметно достигали мола, крюками тащили из воды торчавшие ветви деревьев, тем самым разрушая крепость сооружения¹⁸². Курций говорит, что Александр пал духом и не знал, продолжать ему осаду или удалиться¹⁸³. Он отдавал себе отчет в том, что осада Тира может оказаться безнадежной, если он не завладеет флотом. С этой целью во главе цитоносцев и агриан он отправился в Сидон собрать все триеры, какие у него там были¹⁸⁴. Это мероприятие увенчалось полным успехом. Командиры финикийского флота, узнав о добровольном переходе их городов на сторону Александра, оставили Автофрадата — командующего персидским флотом — в Эгейском море и на собственных

¹⁸⁰ *Arr.* II, 18, 3—6; *ср.* *Curt.* IV, 2, 23.

¹⁸¹ *Arr.* II, 19, 1—5; *ср.* *Curt.* IV, 3, 2—6.

¹⁸² *Curt.* IV, 3, 9—10.

¹⁸³ Там же, 11.

¹⁸⁴ *Arr.* II, 19, 6.

кораблях возвратились на родину и предоставили их в распоряжение македонскому царю. Вскоре после этого появились родосские и кипрские суда¹⁸⁵. У Александра, таким образом, оказался флот, в котором находилось более 200 судов. Весь этот флот в боевом порядке стягивался из Сидона к Тиру. Александр намеревался им блокировать город. При наличии превосходящего флота противника тирийцы не приняли вызова Александра на морское сражение, заперли своими судами входы в гавани, чтобы оттуда не смогли устремиться неприятельские корабли. Флот Александра пристал недалеко от воздвигнутой насыпи, обе гавани были блокированы¹⁸⁶. Кроме того, созданные в большом количестве кипрскими и финикийскими машиностроителями осадные машины были поставлены на насыпи и на транспортных судах и с разных сторон приближены к городским стенам¹⁸⁷. Стены города сотрясались от ударов метательных орудий и особенно от таранов. Но возникшие в результате этого проборны тирийцы постепенно засыпали камнями. Они даже начали воздвигать вторую внутреннюю стену, чтобы укрыться за ней, когда не выдержит осада наружная¹⁸⁸. Отправив детей, женщин и стариков в Карфаген, мужчины Тира остались охранять его стены¹⁸⁹. Тирийцы отчаянно защищались. Они показали неодолимое упорство сопротивления¹⁹⁰. Куда бы македоняне ни подводили свои машины, их встречал ураган стрел с огнем, приближаться к стенам становилось страшно. Этому препятствовали также многочисленные камни, которые сбрасывали защитники города в пролив. В это время тирийские корабли разрезали якорные канаты у кораблей противника, не позволяя им пристать. Эту функцию выполняли и тирийские водолазы, пока македоняне не заменили якорные канаты цепями. Для борьбы с кораблями, подплывавшими к стенам, как указывает Курций, тирийцы использовали железные лапы, крюки, серповидные багры, которыми наносили боль-

---

¹⁸⁵ Агг. II, 20, 1—3; ср. Curt. IV, 3, 11.

¹⁸⁶ Там же, 20, 10.

¹⁸⁷ Там же, 21, 1—2.

¹⁸⁸ Curt. IV, 3, 13; ср. Diod. XVII, 43, 3.

¹⁸⁹ Diod. XVII, 41, 1—2.

¹⁹⁰ Там же, 45, 1.

шой вред противнику¹⁹¹. Особенно страдал последний от горячего песка, который накаливался на сильном огне на медных щитах и затем внезапно сбрасывался со стен на головы осаждающих. Горячий песок проникал под панцирь, сжигал тело, выводил из строя воинов¹⁹². Они тут же умирали, впадая в неистовство от страшной боли¹⁹³. Даже тогда, когда македоняне, освободив пролив от камней, свободно подплыли к стене, тирийцы сделали неожиданное нападение на кипрские корабли, часть которых пустили ко дну, часть сильно повредили¹⁹⁴. Однако это не смогло исправить безвыходного положения, тем более, что Александру удалось навязать морской бой этой тирийской эскадре и привести ее в негодность¹⁹⁵. Теперь тирийцам от своего флота не было никакой пользы. Македоняне получили возможность подвести свои машины к самым стенам города. Осаждавшим удалось пробить брешь в южной части стены; часть ее обломалась и рухнула. Македоняне попытались в этом месте идти на приступ, но были легко отброшены¹⁹⁶. Через три дня новые машины распатали значительную часть стен и сделали в ней довольно широкий пролом. Сам Александр во главе гипаспистов предпринял здесь решительную атаку¹⁹⁷. Македоняне проникли в город, и одновременно с этим обе гавани были заняты флотом финикийцев и киприотов. Началась страшная бойня. Македоняне свирепствовали. Длительная семимесячная осада (январь—август 332 г.) их измучила, и они обрушились на ее виновников. Тяжелая расправа постигла город; погибло около 8 тыс. тирийцев, продано в рабство около 30 тыс. человек¹⁹⁸. Согласно указаниям Курция, внутри укреплений города было казнено 6 тыс. воинов; 2 тыс. человек были пригвождены к крестам на большом расстоянии вдоль берега моря. Жестокость Александра не знала границ. Он приказал перебить всех,

---

¹⁹¹ Diod. XVII, 43, 8—10.

¹⁹² Curt. IV, 3, 24—26.

¹⁹³ Diod. XVII, 44, 1—5.

¹⁹⁴ Arr. II, 22, 2.

¹⁹⁵ Там же, 5.

¹⁹⁶ Там же, 7.

¹⁹⁷ Arr. II, 23, 1.

¹⁹⁸ Там же, 24, 4—5. Диодор приводит число убитых в 7 тыс. человек (Diod. XVII, 46, 3).

кроме укрывшихся в храмах и поджечь все постройки города ¹⁹⁹.

Так, в июле — августе 332 г. до н. э. Тир пал. Победитель принес жертву в храме Геракла. В этом храме была поставлена машина, разрушавшая стены города, и священное судно Геракла Тирийского. Карфагенянам за обещанную тиришцам помощь была объявлена война, которая, однако, в действительности не велась.

Осада Тира и победа над ним составляют целую эпоху в фортификационном искусстве древних. Падение знаменитого, неприслупного торгового города сильно подняло полководческий авторитет Александра. Оно открыло путь к дальнейшему продвижению его армии на юг, в страну фараонов. Персы были почти совсем отрезаны от Средиземного моря. Однако без завоевания Египта нельзя было македонянам утвердить свою власть над восточным Средиземноморьем. Попытка укрепиться в этой стране, предпринятая македонским перебежчиком Аминтой после битвы при Иссе, показала, что эта страна может быть превращена в опорный пункт для военных операций со стороны противников Александра ²⁰⁰. Но эти опасения оказались напрасными. Старая вражда населения Египта к персидской власти, которая вновь вспыхнула из-за жестокой политики Оха при оккупации этой страны, давала Александру шансы овладеть Египтом без особого труда ²⁰¹.

На пути в Египет Александр встретил упорное сопротивление со стороны жителей Газы, самого большого города Сирии, который, благодаря своему географическому положению, господствовал над путем из Сирии в Египет. Это был большой и многолюдный город, богатый, с развитой торговлей ²⁰². Через Газу шел путь к Красному морю и Дамаску и далее к Египту. Дорога к Газе шла сыпучими песками. Город этот был расположен на высоком валу и окружен крепкой стеной ²⁰³. Командующий городом Батис набрал арабов-наемников, запаса про довольствием на случай длительной осады и решил обо-

---

¹⁹⁹ Curt. IV, 4, 13, 16—17.

²⁰⁰ Arr. II, 13, 2; Diod. XVII, 48, 2; Curt. IV, 1, 27.

²⁰¹ J. Kaerst. Op. cit., S. 290.

²⁰² A. J. Cutrules. Op. cit., p. 158—159.

²⁰³ Arr. II, 26, 1.

ронять его упорнейшим образом²⁰⁴. Подойдя к городу, Александр расположился лагерем с южной стороны, где стена казалась ему наиболее доступной. На этом месте он насыпал вал и подвез к стенам свои осадные машины²⁰⁵. Но защитники города стали их поджигать и с высоты поражать македонян. Вылазка арабов оттеснила последних. Сам Александр был тяжело ранен в плечо из катапульты: стрела насквозь пробила и щит и панцирь. Рана заживала с трудом²⁰⁶. Положение изменилось, когда к Газе прибыли по морю машины, с помощью которых был взят Тир, и была возведена насыпь, равная по высоте стенам, а также прорыты подземные ходы. Вследствие подкопов стена осела в провалы и во многих местах рухнула. Но даже при таких условиях македонянам пришлось четыре раза идти на приступ. Когда в четвертый раз им удалось в одном месте свалить подрывную стену, в другом еще более разбить ее машинами, смельчаки по лестницам пробрались через пролом, открыли ворота и пустили в город македонское войско²⁰⁷. Защитники Газы, хотя город был уже взят, продолжали сражаться и погибли все, сражаясь каждый на том месте, где он был поставлен²⁰⁸. Только после двухмесячной осады, к ноябрю 332 г. до н. э., город был взят²⁰⁹. Население, способное носить оружие, было уничтожено, женщины и дети проданы в рабство²¹⁰. Батис был казнен²¹¹. Сам город, став македонской крепостью, был заселен окрестными жителями.

²⁰⁴ Агр. II, 25, 4.

²⁰⁵ Там же, 26, 2—4.

²⁰⁶ Агр. II, 27, 2—3; Curt. IV, 5, 17—19.

²⁰⁷ Агр. II, 27, 5; Curt. IV, 5, 21—23.

²⁰⁸ Агр. II, 27, 7.

²⁰⁹ Diod. XVII, 46, 6.

²¹⁰ Агр. II, 27, 7. По словам Курция, в битве за город погибло около 10 тыс. персов и арабов (Curt. IV, 6, 30).

²¹¹ По словам Курция, победитель привязал тело Батиса к колеснице и протащил его вокруг города. Курций, единственный автор, повествующий об этом, задает себе вопрос, можно ли объяснить этот поступок влиянием варварских нравов на Александра? Отвечая на этот вопрос, он указывает, что молодой царь хотел уподобиться своему предку Ахиллу, волокущему труп Гектора вокруг Трои. Этот факт, безусловно, риторически утрированный, если действительно и имел место, не мог в какой-либо мере выразить «филэллинскую» манифестацию Александра, которая имела смысл в период активизации действий греческих патриотов. (Curt. IV, 6, 28—29).

Покинув Газу, Александр направился в Египет, который был последним недостающим звеном в бассейне восточного Средиземноморья²¹². В ноябре 332 г. до н. э. после семидневного марша он прибыл в Пелузий — укрепление, господствовавшее над восточным рукавом Нила²¹³. В Пелузийской гавани он уже встретил свой флот, прибывший сюда из Финикии. Затем частично на судах, частично по суше войска Александра отправились вдоль Нила в Мемфис. Здесь навстречу ему вышел персидский сатрап Египта Мазак, отказавшись от сопротивления, добровольно передал ему страну, войска и казну в 800 талантов и все царское имущество²¹⁴. Арриан объясняет такое его поведение следующими причинами: у сатрапа отсутствовало персидское войско; его деморализовали исход сражения при Иссе, позорное бегство Дария, наконец, захват Александром Сирии, Финикии и значительной части Аравии²¹⁵. Курций к этому прибавляет и то, что египтяне уже давно враждебно относились к персидским правителям, считая их алчными и высокомерными²¹⁶. Хранившие недобрую память о жестоких репрессиях персидского царя в 342 г. до н. э. жители Египта не только не пришли на помощь Мазаку, но и с нетерпением ждали Александра как избавителя от персидского ига. В этих условиях Александр мог беспрепятственно занимать страну, что он не замедлил сделать. Без труда он достиг древней столицы фараонов Мемфиса, принес жертву Апису и другим главным богам и устроил праздник муз и гимнастические соревнования, на которые съехались многие знаменитости Греции²¹⁷. Здесь Александр принял многочисленные посольства из Греции²¹⁸. И сюда же прибыли для укрепления его вооруженных сил новые греческие и фракийские контингенты. Он предпринял ряд военных мероприятий для управления Египтом и утверждения своего престижа в нем, чем и закончил окружение восточного Средиземноморья и

---

²¹² Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 196.

²¹³ Arr. III, 1, 1; Curt. IV, 7, 2.

²¹⁴ Curt. IV, 7, 4.

²¹⁵ Arr. III, 1, 2.

²¹⁶ Curt. IV, 7, 1.

²¹⁷ Arr. III, 1, 3—4.

²¹⁸ Там же, 5, 1; cp. Diod. XVII, 48, 6; Curt. IV, 5, 11.

отнял у персов последнюю возможность свободного сношения с Элладой.

Ранней весной Александр из Мемфиса пошел в Финикию, снова посетил Тир и устроил там празднества с гимнастическими и музыкальными состязаниями. Во время этих празднеств два афинских посла сообщили царю, что их соотечественники поздравляют его с успехами. Он поблагодарил их, дал им все, за чем они прибыли, отпустил на свободу афинян, взятых в плен при Гранике²¹⁹. П. Клоше по этому поводу говорит, что все это было «приятной и красочной интермедией между легким египетским походом и крупными операциями в центральной Азии»²²⁰.

---

²¹⁹ Агг. III, 6, 1—2.

²²⁰ P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 43—44.

Глава вторая

ПОКОРЕНИЕ КОРЕННЫХ ПЕРСИДСКИХ ЗЕМЕЛЬ

§ 1. Гавгамельская битва (331 г. до н. э.)

Весной 331 г. до н. э. Александр покинул Египет, чтобы возобновить решительную борьбу против персидского царя. Дарий после того, как его мирное предложение было отвергнуто македонским царем, стал проводить обширную, всестороннюю подготовку не только к обороне, но и к наступлению, для чего собрал значительные военные силы. Как явствует из свидетельств антиалександровской традиции, он даже сделал попытку снабдить свои войска лучшим вооружением для борьбы с македонянами. Согласно Курцию и Диодору, Дарий приказал обратиться всем военным силам отдаленных народов в Вавилон. В числе их были бактрийцы, скифы и индусы. Диодор указывает, что Дарию удалось собрать пехоты 800 тыс., конницы 200 тыс. человек¹. Эта огромная армия была перевооружена. Он заказал гораздо больше мечей и коней, чем у него было раньше. Для устрашения врага и сокрушительных действий против вражеской фаланги войско было снабжено 200 серпоносными колесницами². Фактически после стольких потерь у персов была создана новая и более многочисленная армия, которой Дарий надеялся одолеть Александра. Во главе этой армии он двинулся из Вавилона, переправился через Тигр, поручив сатрапу Вавилонии Мазею с 6 тыс. воинов воспрепятствовать переправе неприятеля через реку, а также опустошать и выжигать области, в которые он должен вступить³.

¹ Diod. XVII, 53, 3.

² Curt. IV, 9, 2—5; Diod. XVII, 53, 1—2.

³ Curt. IV, 9, 7—8.

В июле 331 г. до н. э. македонское войско, начав поход против Дария, прибыло в Фарсак на Евфрате. Арриан сообщает, что при приближении Александра Мазей оставил свои позиции и бежал. Своим бегством он позволил противнику беспрепятственно организовать переправу⁴. Курций дает другую характеристику персидскому сатрапу. Мазей не бежал, но, правда, не решился вступить в бой. За Тигром, выполняя приказ своего царя, он выжигал всю местность, куда проникал⁵.

Достигнуть Вавилона Александр намеревался не прямым путем, а северным, по направлению к предгорьям Армении. Этот маршрут избран им с тем, чтобы его войска не так страдали от жары и трудностей с продовольствием. Как указывает Арриан, здесь было в изобилии все: трава для лошадей и съестные припасы для солдат⁶. По пути Александр узнал, что Дарий ждет своего противника не на вавилонской равнине, а много севернее, вблизи Тигра, с намерением не допустить Александра к переправе. Захваченные персидские разведчики сообщили, что войск у него гораздо больше, чем было, когда он сражался в Киликии⁷. Македонской армии предстояло форсировать бурный Тигр, несущий в себе не только огромные потоки воды, но и камни. Из-за быстроты течения эта река и получила свое название, что на персидском языке означает стрела⁸. Вследствие стремительного течения переправа была сопряжена с большими трудностями. Пехотинцы, разделившись на небольшие отряды, в окружении своих всадников, подняв над головой оружие, осторожно искали брод. Многих сбивали с ног камни и быстрины, потоки воды уносили важные грузы. Македонские воины были охвачены страхом. Курций говорит, что если бы кто решился вступить здесь с ними в бой, все войско могло бы быть уничтожено⁹. Но персидская сторона не сделала здесь никакой попытки воспрепятствовать переправе неприятельских войск¹⁰. Мазей во главе заградительного отряда, как

⁴ Arr. III, 7, 2.

⁵ Curt. IV, 9, 14.

⁶ Arr. III, 7, 3.

⁷ Там же, 7, 4.

⁸ Curt. IV, 9, 16.

⁹ Там же, 9, 22.

¹⁰ Arr. III, 7, 5; ср. Diod. XVII, 55, 1—5.

указывает Курций, начал завязывать бой уже с построившимися и перевооружившимися на берегу частями, но он без особого труда был разбит и рассеян в конном сражении ¹¹.

Александр на четвертый день после того, как перешел Тигр, встретил вражескую конницу, которая тотчас же обратилась в бегство. Попавшие в руки македонян пленные сообщили, что Дарий с многочисленным войском находится неподалеку ¹².

Хотя Арриан полагает, что не было человека, который бы вел себя на войне так трусливо и неразумно, как Дарий, однако, на этот раз, по мнению историка, он ожидал врага на территории, благоприятной для развертывания массы конницы и применения нового оружия, впервые используемого против македонян — серпоносных колесниц ¹³. Недалеко от древней Ниневии 1 октября 331 г. до н. э. произошла решительная битва, которая получила свое название по небольшому местечку Гавгамелы, в 48 км от города Арбелы.

Во всех античных источниках сражение у Гавгамел, которое окончательно разгромило персидскую армию, получило довольно широкое, подробное, но далеко не идентичное освещение.

Главное известие об этой битве содержится у Арриана, который, в основном, опирается на данные Птолемея и является лучшим авторитетом в изложении военных событий. Арриан показывает подготовку к ней, расположение войск Александра и Дария перед боем, численность военных сил противников, говорит о распоряжениях Александра своим подчиненным и о тщательном инструктаже их, о ходе сражения, об особенностях построения боевого порядка македонян по сравнению с предыдущими сражениями, о разгроме персов и их потерях, наконец, о бегстве Дария и преследовании его Александром.

Как сообщает Арриан, численность македонских войск, принявших участие в решающем сражении, исчисляется 47 тыс. человек, из которых 40 тыс. пехоты и 7 тыс. конницы ¹⁴. О силе персов упоминаются фантасти-

---

¹¹ Curt. IV, 9, 23—24.

¹² Arr. III, 8, 1—2.

¹³ Там же, 22, 2.

¹⁴ Там же, 12, 5.

ческие, во многом завышенные цифры: до 1 млн. пехотинцев, до 40 тыс. всадников, 200 серпоносных боевых колесниц и 15 слонов, которых привели с собой инды¹⁵. Сам Арриан не особенно верит в правдивость этих данных, поэтому он спешит заручиться словом «говорят», чем и снимает с себя ответственность за предложенные им данные. Состав персидского войска комплектовался из разных племен и народностей обширной Персидской державы. Они пришли по зову Дария под руководством своих сатрапов. Так, сатрап бактрийской земли Бесс стал во главе индов, бактрийцев, согдиан; Мазак предводительствовал саками — азиатскими скифами, союзниками персидского царя; сатрап Арахозии Барсаент привел арахотов и так называемых горных индов; сатрап Арии Сатибарзан возглавлял ариев, Фратаферн — парфян, гирканов и тапуров; Атропат командовал мидянами, кадусиями, албанами и секесинами; Оронтабат, Ариобарзан и Орксин распоряжались людьми с побережья Красного моря; у сусианов и уксиев командиром был Оксафр, сын Абулита; у вавилонян, карийцев и ситакенов — Булар; у армян — Оронт и Мифравст; у каппадокийцев — Ариак; у сирийцев из Келесирии и Междуречья — Мазей¹⁶. Из этого видно, что под знамена персидского царя встали более двух десятков народов.

С этим войском Дарий расположился лагерем на Гавгамельской равнине, предварительно выровненной, на которой свободно могли действовать его главные силы — конница и боевые колесницы¹⁷. Полагая, что теснота и недостаток места были главными причинами поражения при Иссе, Дарий расположил свои войска в две линии. Наиболее боеспособные были выдвинуты в первую линию. В центре боевого порядка, где находился и сам царь, наряду с другими стояли греческие наемники, как единственные солдаты, которые могли противостоять македонской фаланге¹⁸.

---

¹⁵ Arr. III, 8, 6.

¹⁶ Там же, 3—6.

¹⁷ Там же, 7. После боя победителями в царском лагере было найдено описание расположения персидских войск, поэтому расположение войск Дария на Гавгамельской равнине нам довольно точно известно. (См. U. Wilcken. Op. cit., p. 124).

¹⁸ Arr. III, 11, 7.

Здесь же находилась и персидская гвардия, на флангах выстроилась конница, причем на левом крыле стояли «всадники и пехотинцы вперемешку»¹⁹. За центром, в глубине располагались разноплеменные конные и пехотные войска. Центр и левое крыло прикрывали слоны и боевые колесницы. Такое размещение войск дает возможность сделать вывод о том, что персы основной удар противника ожидали на своем левом крыле и здесь предполагали нанести ему поражение. Получив известие о появлении вражеских войск, Дарий всю ночь держал свою армию в строю в полной боевой готовности. Это было вызвано тем, что их лагерь не был надежно укреплен и ночное нападение казалось вероятным. Арриан говорит, что персам очень повредило это долгое стояние в полном вооружении; оно утомило воинов и вселило в них страх перед грозной опасностью²⁰.

Александр, узнав от своей разведки о близости персов, дал своему войску отдых, чтобы напасть на врага со свежими силами. Македонская армия была подведена к полю сражения с большими предосторожностями. По совету Пармениона была тщательно рекогносцирована территория будущего сражения на предмет правильного размещения военных сил и ликвидации всех возможных естественных и искусственных препятствий, могущих затруднить военные действия²¹. Особые меры были приняты по поддержанию порядка и дисциплины в войске. Александр указал на необходимость организации взаимной поддержки и выручки, безупречного выполнения приказаний в бою²². Александр отверг предложение того же Пармениона напасть на персов ночью, подчеркнув, что ему стыдно красть победу²³. Арриан указывает, что эти громкие слова свидетельствовали не столько о тщеславии, сколько о спокойном мужестве и уверенности в своих силах среди опасностей. В то же время он подчеркивает, что эта позиция македонского царя была вызвана здравым расчетом; ночью имеется много неожиданностей, которых нельзя учесть, поэтому можно погубить сильных и обеспечить победу слабым. При ночном сражении пре-

¹⁹ Агг. III, 3.

²⁰ Там же, 1—2.

²¹ Там же, 9, 4.

²² Там же, 8.

²³ Там же, 10, 1—2; ср. Plut. Alex. 31.

имущество персов заключается в том, что им хорошо знакома местность. Если бы Дарий потерпел в этих условиях поражение, они бы избавили его от признания того, что он плохой полководец, и дали бы ему повод переложить вину за поражение на ночной мрак, как раньше он переложил вину на горные теснины и море. Арриан хвалит Александра за учет всех этих обстоятельств²⁴.

Для боя македонская армия была построена в две линии²⁵. В центре первой находилась фаланга гоплитов. На правом крыле стояла тяжелая конница, на левом — фессалийская конница; легкой конницей и пехотой прикрывалась первая линия войск. Обязанность отрядов второй линии заключалась в активной борьбе против персидского войска в случае попыток его окружить македоняни. Однако фронт последних в результате построения пехоты в две линии был короче фронта войск персов. Это таило в себе большую опасность окружения. Эту опасность Александр хотел устранить прежде всего. К сожалению, изложение Арриана здесь недостаточно ясно, чтобы получить точную картину тактических мероприятий, которые предпринял македонский царь для предотвращения этой опасности. Из этого источника явствует, что когда войска сошлись, Александр выдвинул вправо свое правое крыло, а персы двинули на него свое левое крыло, которое заходило дальше македонского правого фланга. Стремясь предотвратить обход с флангов, Александр стал передвигать свое войско вправо, чтобы удлинить свой фланг. «Дарий,— пишет Арриан,— испугался, как бы македоняне не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся ни к чему, и приказал всадникам, выстроенным перед левым крылом, объехать неприятельское правое, которое вел Александр, и не дать ему возможности вести свое крыло дальше»²⁶. Из данных Арриана можно сделать заключение, что мероприятия Александра по укреплению флангов, в основном, достигли своей цели: атаки, которые персы здесь направляли против врага, хотя и были ожесточенными, оставались безрезультатными. Македоняне выдержали

---

²⁴ Агг. III, 10, 3—4.

²⁵ Там же, 12, 1.

²⁶ Там же, 13, 2.

натиск за натиском и расстроили ряды врагов²⁷. Благодаря ловким мерам Александра полностью потерпела неудачу и атака серпоносных колесниц, на которую Дарий возлагал большие надежды; одни колесницы при их приближении были осыпаны градом дротиков, на других сталкивали возниц и убивали лошадей; даже те колесницы, которым удавалось проникнуть во вражеские ряды, не нанесли им серьезного урона, так как македонские солдаты, согласно приказу, расступались перед ними, пропускали их в глубину, а затем уничтожали²⁸.

Дарий двинул основные силы войск. Упорное сражение завязалось на левом фланге персов, против которого стоял сам Александр, сковавший на этом фланге главные силы противника. В это время в передней линии персов образовался прорыв, которым македонский царь тотчас же воспользовался. В этот разрыв персидского фронта он проник со своей конницей, подкрепленной фалангой голлитов. Согласованные удары тяжелой конницы и голлитов привели к поражению персидских войск на этом участке фронта; конница македонян во главе с Александром решительно надела па врага, теснила его и поражала в лицо своими копьями. Когда македонская фаланга, ошетилившись сариссами, бросилась на персов, Дария обуял страх и ужас. Он первый обратился в бегство. Началось повальное бегство и его воинов; македоняне преследовали их и убивали бегущих²⁹.

Таким образом, на правом крыле македоняне завоевали победу. Зато большие трудности и опасности оказались на другом конце поля боя. Стоявшие дальше налево подразделения македонской фаланги не могли, как при Иссе, быстро последовать за продвижением Александра; они, кроме того, были заняты тяжелой борьбой, которая завязалась на левом македонском фланге. Из-за их отставания образовалась брешь в македонском боевом порядке. Эту брешь использовала часть индов и персидской конницы, которая прорвала вражескую линию и пробивалась к обозу македонян. Здесь завязалась горячая схватка. Персы нападали на людей, в большинстве своем невооруженных и не ожидавших, что можно проникнуть

---

²⁷ Агг. III, 3—4.

²⁸ Там же, 5.

²⁹ Там же, 14, 3—4.

к ним через двойной фронт. Ободренные этой неожиданной вылазкой пленные персы присоединились к своим соотечественникам и вместе напали на македонян³⁰. Это был для последних критический момент, которым не смогли воспользоваться их противники. Вместо того, чтобы напасть с фланга или с тыла, персидская конница бросилась грабить македонский лагерь. Это вóвремя заметили предводители македонских отрядов, стоявших за первой линией; они зашли в тыл персам, многих убили, остальных обратили в бегство.

Возникла и другая опасность для македонян. Правое крыло персов, еще не знавшее о постыдном бегстве своего царя, напало на левое крыло македонской армии. Его командующий Парменион вынужден был послать курьера с просьбой об оказании ему немедленной помощи, настолько была серьезна атака и велика опасность. Это известие заставило Александра прекратить преследование разбитого врага и поспешить на помощь своему левому флангу. На пути он встретил персидскую конницу, обращенную в бегство из македонского лагеря, а также многочисленные и сильные отряды персов. Они отчаянно пытались пробиться сквозь преградивших им путь македонян. Начался конный бой, который, по утверждению Арриана, был самым жарким во всей этой битве³¹. Каждый поражал того, кто был перед ним, жалости и пощады не было ни у тех, ни у других; сражались уже не ради чужой победы, а ради собственного спасения. Александр потерял около 60 «друзей», среди раненых оказались Гефестион, Кен и Менид. Хотя эта жаркая битва и окончилась победой македонян, но все же часть персидской конницы смогла прорваться и обратилась «в неудержимое бегство»³². Когда Александр приблизился к своему левому флангу, необходимость в его помощи уже отпала. Фессалийская конница под руководством Пармениона, блистательно сражавшаяся, не только удержала свои позиции, но и обратила в бегство персидские конные отряды. Все македонское войско начало теперь энергичное преследование разбитого врага. Парменион захватил лагерь персов, их обоз, слонов и

---

³⁰ Агг. III, 14, 5.

³¹ Там же, 15, 2.

³² Там же, 15, 3.

верблюдов³³. Александр, с наступлением темноты прекратив преследование, уже в полночь во главе своей отдохнувшей конницы, взял направление на Арбелы, в надежде захватить там Дария, деньги и все царское имущество. Эти надежды, однако, не оправдались; только орошенные персами сокровища, колесница, щит и лук Дария попали в руки Александра. Сам Дарий бежал дальше³⁴.

Арриан дает разительную разницу потерь: македоняне потеряли всего 100 человек, а у их противника погибло до 30 тыс. человек, в плен же было взято гораздо больше; кроме людей, были захвачены слоны и колесницы, сохранившиеся во время боя³⁵.

Такова суть версий Арриана о Гавгамельской битве. Другая версия зиждится на изложении Каллисфена. Она дошла до нас, главным образом, у Плутарха и теряется в интересных деталях, среди них — исключительное спокойствие Александра перед битвой, который спал спокойным непробудным сном, и его с трудом разбудил Парменион; жертвоприношения; вражеский стан с миллионной армией, который вызвал тревогу у македонских полководцев. Один из главных полководцев Парменион получает у Плутарха неблагоприятное отражение, которое исходит из предубеждения Каллисфена. Снижение роли выдающегося македонского военачальника прослеживается в разных ситуациях перед битвой: и когда он был поражен количеством вражеского войска, и во время самой битвы, когда теснимый со всех сторон, он умолял Александра о помощи³⁶.

В описании самого хода битвы у Плутарха нет такой ясности, которой отличается изложение Арриана. Рассказ здесь очень краток. Упоминается о том, что македонская фаланга, как морской вал, налетела на врага, обратила его в бегство и начала страшное преследование; затем показана картина борьбы в центре, где находился Дарий; вокруг него падали друг на друга лучшие и благороднейшие персы, катаясь между людьми и лошадьми, задерживая преследование, в то время как он сам бросил

---

³³ Arr. III, 15, 4.

³⁴ Там же, 5.

³⁵ Там же, 6.

³⁶ Plut. Alex. 32.

колесницу и оружие и убежал на лошади³⁷. В том, что Александр дал ему возможность убежать, Плутарх винит Пармениона, который позвал его на помощь и вообще проявил в этой битве нерадивость и вялость.

Наконец, рассказ об этом сражении, предположительно почерпнутый у Клитарха, представляет третью версию. Она образует общий источник Курция, Диодора, Юстина. В центре клитарховой традиции находится личная борьба между Александром и Дарием, усиленное сопротивление последнего. Особенно активность Дария находится в существенном противоречии с птолемеевским изложением.

Курций говорит о страхе и трепете, которыми были охвачены македонские войска при приближении к персам, и о мерах Александра, при помощи которых он ликвидировал паническое настроение своих солдат. Можно заметить непоследовательность в изложении действий македонского царя: то перед битвой он переживает тревогу, беспокойство, проявляет колебание в выборе плана нападения, вынужден прибегнуть к прорицателю Аристандру, то он спит беспробудным сном перед самой решительной битвой³⁸. В речи перед воинами Александр говорит о мужестве македонян, о неустойчивости персидского войска, о необходимости добиться победы³⁹. Выступая перед своими воинами, Дарий также призывал их к решительности, мужеству и отваге. Он подчеркнул, что в случае поражения отступить некуда, ибо все в тылу разрушено продолжительной войной; в городах не осталось жителей, в полях — земледельцев⁴⁰. Если же будет одержана победа, будет выиграна вся война. Противник будет заперт с одной стороны Тигром, с другой — Евфратом, и бежать ему некуда⁴¹. Дарий выражал уверенность в победе своего огромного войска над малочисленной неприятельской армией с ее редкими рядами, растянутыми флангами, пустым центром, с задними рядами, открывающими тыл. Он считал, что ее можно затоптать лошадьми с серпоносных колесниц⁴², а Александр

³⁷ Plut. Alex. 33.

³⁸ Curt. IV, 13, 15—25.

³⁹ Там же, 14, 1—7.

⁴⁰ Там же, 11.

⁴¹ Там же, 15.

⁴² Там же, 14.

ра — безрассудного и неразумного — наказать. Он заклинал своих воинов идти в бой бодрыми и полными надежд⁴³. Сам Дарий обещал в бою показать пример мужества.

Курций оставил нам более ясную картину действия серпоносных колесниц, которые, в отличие от указаний Арриана, сумели нанести большой урон македонянам. Колесницы помчались, опустив вожжи, чтобы потоптать больше людей, не ожидавших такого нападения. Одних ранили копья, торчащие впереди из дышла, других — выставленные с боков косы. Македоняне не только отступали перед ними, но в бегстве расстроили свои ряды⁴⁴. Однако, когда колесницы прорвались к фаланге, македоняне, собравшись с мужеством, сомкнули копья, прокалывали ими животы напавших на них лошадей, потом окружали колесницы и сбрасывали с них колесничих. Раненые животные рвали упряжки, опрокидывали колесницы. Лишь немного колесниц достигло последних рядов строя, принося ужасную смерть тем, на кого они налетали. На земле лежали изрубленные людские тела⁴⁵. В противовес Арриану, Курций излагает и некоторые другие ответственные моменты боя. Если первый подчеркивает, что главные силы персов Александр сковал на правом фланге, то второй говорит, что всю тяжесть сражения принял на себя Парменион и только после того, как Дарий перебросил бактрийцев для нападения на обоз, и ряды правого фланга персов поредели, Александр бросился на ослабевшие ряды и произвел в них большое избиение⁴⁶. Курций указывает, что оба строя пришли в смятение. Враги окружали Александра со всех сторон. Много частей оказалось оторванными от своих, сражалось где попало. Дарий бежал с поля боя, после того как у него был сражен возничий и возникла опасность плена. Победители висели на плечах убегающих, но тучи пыли застилали все вокруг⁴⁷. Только у Курция мы находим подробное описание трагической судьбы и бегства побежденных; одни убегали по кратчайшим путям, другие искали ущелий и незнакомых против-

⁴³ Curt. IV, 25.

⁴⁴ Там же, 15, 4.

⁴⁵ Там же, 14—17.

⁴⁶ Там же, 15, 20.

⁴⁷ Там же, 32.

нику тропинок. Все смешалось: пехота с конницей, безоружные с вооруженными, раненые с невредимыми. Убегающих мучила жажда, они утоляли ее в мутных ручьях, от чего испытывали страшные желудочные заболевания. Вокруг стояли плач и стоны ⁴⁸.

Персов пало в этом бою, по Курцию, 40 тыс., македонян — около 300 человек ⁴⁹. Эти данные не согласуются с данными Арриана. Оба источника не согласуются также и относительно численности войск, участвовавших в битве. Численность македонского войска Курций совсем не упоминает, а численность персов определяет в 45 тыс. всадников и 200 тыс. пехотинцев ⁵⁰.

В ключе клитарховской традиции излагает указанное событие и Диодор, хотя по некоторым вопросам у него и есть с ней расхождение. Прежде всего, в этом источнике мы находим новое количество войска персов: 800 тыс. пехотинцев и не меньше 200 тыс. всадников ⁵¹. Здесь имеется также и не соответствующее другим источникам число погибших воинов; у персов пала вся их конница и 90 тыс. пехотинцев, у македонян — 500 человек погибших и очень много раненых ⁵². Диодор считает Дария опытным военачальником, сумевшим хорошо вооружить своих воинов, вести ее по богатой стране с достаточным для них провиантом и щедрым кормом для животных, избрать для сражения равнину, удобную для маневрирования, делать ежедневные смотры своим войскам, укреплять их дисциплину и преданность ⁵³. Весь последующий ход подготовки к сражению, дислокация войск на поле боя, его ход, применение и действия колесниц, непосредственная борьба царей и победа Александра, бегство побежденных и погоня за ними — изложено, как у Курция. Ничего нового, по сравнению с ним, Диодор не сообщает ⁵⁴.

Еще более кратким предстает рассказ Юстина. Он ничего не добавляет к нашим сведениям об этой битве,

---

⁴⁸ Curt. IV, 16, 11—15.

⁴⁹ Там же, 26.

⁵⁰ Там же, 12, 13.

⁵¹ Diod. XVII, 53, 3.

⁵² Там же, 61, 3.

⁵³ Там же, 53, 1—4; 61, 1.

⁵⁴ Там же, 56, 1—3; 57, 1—6; 58, 1—5; 59, 1—7; 60, 2—3.

которую считает самой кровопролитной⁵⁵. Все то немногое, что им изложено, может лишь подтвердить факт принадлежности автора к традиции, идущей от Клитарха⁵⁶.

Таким образом, в источниках о Гавгамельском сражении мы можем отчетливо различать три традиции, ведущие свои истоки от Птолемея, Каллисфена и Клитарха и поэтому дающие разнообразные толкования отдельных сторон этого важнейшего события восточных походов. Эти особенности далеко не всегда учитывают представители буржуазной историографии⁵⁷.

Много внимания сражению при Гавгамелах уделил Ф. Энгельс, который подчеркивал, что для таких противников, каких Александр имел перед собой в этом сражении, его две большие фаланги явно были непобедимыми⁵⁸. Исход сражения решили катафракты, которые использовались Александром для решающего маневра⁵⁹. Ф. Энгельс здесь определяет общие принципы кавалерийской тактики и решающее значение конницы в разгроме персидского войска в этой битве, указывает на взаимодействие различных родов войск в бою. Он отмечает, что Гавгамельское сражение было наиболее славным для македонской конницы, которая составляла крайнее правое крыло боевого порядка армии Александра, в то время как фессалийская конница составляла ее левое крыло. Попытки персов обойти его с фланга натолкнулись на смелый маневр Александра, в решительный момент выдвинувшего свежие силы из тыла, чтобы в свою очередь обойти противника. Кроме того, Александр устремился в промежуток, создавшийся у персов между левым крылом и центром, отделил их левое крыло от остальной части армии, совершенно смял его и преследовал на значительное расстояние. Вынужденный

⁵⁵ Just. XI, 4, 2.

⁵⁶ Там же, 13, 1—11; 14, 1—5; ср. Polyæn, IV, 3, 6; 17 и сл.

⁵⁷ U. Wilcken. Op. cit., S. 122—125. Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 221.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 16. Ф. Энгельс численность армии Александра в Гавгамельском сражении исчисляет в 56 тыс. человек. Она состояла из двух больших фаланг гоплитов (около 30 тыс. человек), двух полуфаланг пелтастов (16 тыс.), 4 тыс. конницы и 6 тыс. иррегулярных войск (там же, стр. 17).

⁵⁹ Там же, стр. 17, 26.

прийти на помощь своему собственному левому флангу, он очень быстро собрал свою конницу и, пройдя позади вражеского центра, обрушился с тыла на персидское правое крыло. Сражение было, таким образом, выиграно, и Александр с той поры считается одним из лучших кавалерийских командиров всех времен. Он хорошо усвоил и умело осуществлял основные принципы кавалерийской тактики: нападать на пехоту, когда она находится в походном порядке или во время ее перестроения, атаковать конницу преимущественно во фланг; пользоваться каждой брешью в линии противника, чтобы, устремившись в нее и развертываясь затем вправо и влево, обойти с фланга и с тыла войска, расположенные около этого прорыва; закреплять победу стремительным и беспощадным преследованием разбитого врага⁶⁰.

Эта решающая битва обогатила военную практику новым опытом ведения боя⁶¹. Этот опыт включал в себя не только хорошую предварительную подготовку, разведку, учет конкретной обстановки, но и согласование действий всех частей боевого порядка, комбинированное применение пехоты и конницы. Успех, достигнутый последней, был своевременно закреплен и развит голплитами, что позволило захватить решающие пункты позиций противника и укрепиться в них. В этом бою усложнился боевой порядок, а в связи с этим усложнилось и руководство боем. Появились впервые в истории военного искусства прообразы резерва, в виде второй линии македонского боевого порядка. Это, а также использование конницы для преследования побежденного противника были важными тактическими нововведениями Александра.

Битва при Гавгамелах знаменует собой важную веху в стратегических и тактических экспериментах македонского царя.

---

⁶⁰ К. Марке и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 298—299. Ф. Энгельс обращает внимание на то, что после Александра мы уже не слышали об этой превосходной греческой и македонской коннице. В Греции снова стала преобладать пехота, а в Азии и Египте конные войска быстро пришли в упадок.

⁶¹ См.: И. Е. Рагин. Указ. соч., стр. 231—234; А. А. Строков. История военного искусства, т. 1. М., Воениздат, 1955, стр. 76—77.

§ 2. Крушение Древнеперсидского государства (330 г. до н. э.)

Битва на Гавгамельской равнине была одной из самых тяжелых и ответственных во всей войне Александра на Востоке. Эта битва уничтожила основные силы персидской армии, нанесла смертельный удар персидской государственной машине и открыла победителю жизненные центры самой Персии⁶².

Побежденный Дарий, отчаявшись, оставил на поле сражения свои сокровища, колесницу и оружие и бежал в коренные области своего государства. Все основные источники единогласно утверждают, что персидский царь сначала бежал в Мидию. Имеются разночтения лишь по вопросу о том, почему он держал путь именно туда. Из приверженцев апологетической традиции лишь один Арриан объясняет это тем, что в Мидию большому войску пройти трудно. Кроме того, Дарий якобы полагал, что Александр после победоносного сражения отправится в Сузы и Вавилон и проникнуть в Индию сможет с большим опозданием⁶³. Тем временем Дарий предполагал уйти дальше вглубь страны, к парфянам, в Гирканию, вплоть до Бактрии, уничтожая все на пути, создавая невозможные условия для дальнейшего продвижения противника⁶⁴. Была также надежда на заговор против македонского царя среди его непосредственного окружения⁶⁵. Дарий надеялся также на дальнейшее развитие греческого движения против Александра, которое, однако, в 331 г. до н. э. уже потерпело поражение. Керст считал вероятным, что оно могло повлиять на решение персидского царя отступать дальше на Восток⁶⁶. У Курция имеются определенные указания на то, что Дарий, потерпев поражение при Гавгамелах, остается непреклонным в своем решении продолжать борьбу. После битвы он собрал друзей и воинов, перед которыми изложил свой план действий. В какой-то мере он напоминает отвергнутый им и его сатрапами план Мемнона в начале

⁶² W. Tarn. Op. cit., vol. I, p. 31.

⁶³ Arr. III, 16, 1—2.

⁶⁴ Там же, 19, 1.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ J. Kaerst. Geschichte des hellenistischen Zeitalters, Bd. I, 1901, S. 314.

войны, который мог тогда существенно изменить ход всей кампании, но который уже не мог ничего решить на последнем ее этапе. Уверенный в том, что Александр, насыщенный в добыче, будет помогать захвату самых богатых городов, Дарий рассчитывал оставить последние завоевателю, а самому отправиться в нетронутые далекие области его царства, где без особого труда можно найти силы для организации сопротивления⁶⁷. Пусть Александр захватит его сокровища и золото! Отягощенный добычей, он ослабит свою военную мощь⁶⁸. И хотя воины и друзья приняли этот план Дария с явным недоверием, как признак полной безнадежности, он не переставал поучать их, что потеря богатейших городов Вавилона и Суз еще не есть потеря всего, что «войны ведутся не золотом, а железом; нужны люди, а не кровли городов» («ferro geri bella, non auro; viris, non urbium tectis») ⁶⁹. Даже после того, как Александр захватил важнейшие центры Персидского царства, Дарий больше готовился к битве, чем к продолжению бегства⁷⁰. Он имел с собой более 40 тыс. воинов, в том числе 38 тыс. пехотинцев и 3300 всадников, преимущественно бактрийцев⁷¹. Он убеждал их выступить против чужеземного врага⁷². Обещал им, что сам живым не откажется от власти, надеялся на поворот судьбы, умолял их проявить мужество.

Диодор, хотя и очень кратко, но довольно определенно говорит о намерении персидского царя не сдаваться. В Экбатанах он собрал всех, кто уцелел после битвы и бегства, вооружил безоружных, начал переговоры с соседними племенами, укрепляя свои позиции в Бактрии и в глубине Азии⁷³.

Таким образом, в исторической традиции вырисовываются две точки зрения: апологетическая — отрицает решимость Дария организовать сопротивление, признает лишь возможность отхода вглубь страны и внутренних социальных потрясений в лагере Александра, как факторов, тормозивших продвижение завоевателя; оппозицион-

---

⁶⁷ Curt. V, 1, 4—5.

⁶⁸ Там же, 6.

⁶⁹ Там же, 7—8.

⁷⁰ Там же, 8, 2.

⁷¹ Там же, 3—4.

⁷² Там же, 10—12, 16.

⁷³ Diod. XVII, 64, 1—2.

ная — наоборот, подчеркивает непреклонную волю побежденного царя к победе над врагом. Нам понятны истоки этих двух версий, одна из которых возвеличивает македонского полководца и умаляет роль и значение его противника, другая — в критическом плане представляет первого и отводит достойное место второму. Конечно, приходится всегда учитывать это своеобразие источника и при установлении его объективности принимать во внимание логическую связь событий, предшествовавших данному факту и последовавших за ним.

Дарий уходом в Мидию оставлял противнику южные области своего государства, прежде всего важные столицы Вавилон и Сузы. Он правильно предвидел и разгадал дальнейший план Александра, который из Арбел направился прямо в Вавилон. Курций говорит об ограблении Александром царского дворца в Арбелах, полного богатой персидской казны; там было взято 4 тыс. талантов и много ценных вещей⁷⁴. Диодор указывает в числе захваченных трофеев большое изобилие съестных припасов, немало драгоценностей и персидскую сокровищницу, в которой находилось 3 тыс. талантов серебра⁷⁵. Арриан и Плутарх, по уже понятным нам причинам, об этом эпизоде ничего не говорят, так как этот факт может набросить тень на их «непогрешимого» героя.

Что касается пребывания Александра в Вавилоне, то все источники обращают внимание на хорошую встречу там греко-македонского войска со стороны местного населения. Александр приблизился к городу с войском в полном боевом порядке, готовый вступить в открытую борьбу с возможным сопротивлением. Но последнего не последовало. Арриан указывает, что навстречу Александру всем народом вышли вавилоняне с правителями и жрецами, каждый с дарами. Город, кремль и казна были отданы⁷⁶. Он объясняет этот факт тем, что вместо непопулярной политики персов в этой стране, проявивших нетерпимость к религиозным чувствам ее жителей, Александр, наоборот, эти чувства поддержал, создал условия для их укрепления, ничего существенно не менял в общественной жизни города.

---

⁷⁴ Curt. V, 1, 10.

⁷⁵ Diod. XVII, 64, 3.

⁷⁶ Arr. III, 16, 3.

Более красочно встречу Александра с вавилонянами описывает Курций. Многие из них, ожидая скорее увидеть македонского царя, стояли на стенах, еще больше их вышло навстречу. Среди них был и хранитель крепости и царской казны Багофан. Последний, чтобы не отстать в усердии от сатрапа Мазея, перешедшего на сторону македонян и сдавшего Александру крепость (конец октября 331 г. до н. э.), устлал весь путь цветами и венками; стада мелкого скота, табуны лошадей, львы и пардусы в клетках были преподнесены в качестве подарков; маги, халдеи, всадники, роскошно украшенные, приветствовали Александра, который, стоя на колеснице, торжественно вступил в город, а потом и в царский дворец. На другой день он осматривал имущество Дария и денежные запасы⁷⁷. О радостной встрече македонской армии в Вавилоне упоминает и Диодор⁷⁸.

В Вавилоне Александр провел больше 30 дней⁷⁹. Оппозиционная к нему традиция отмечает, что царь задержался в этом городе дольше, чем где-либо, потому что здесь имелся недостаток во всем необходимом и располагало радушие жителей. Верная своим принципам, она обращает внимание на отрицательные стороны пребывания там Александра. Испорченные нравы, пьянство, разврат, царившие в Вавилоне, причинили большой вред военной дисциплине македонских войск. Последние оказались бы расслабленными, если бы перед ними был настоящий враг⁸⁰.

Из Вавилона Александр отправился в столицу Элама Сузы, куда он дошел (в декабре 331 г. до н. э.) за 20 дней⁸¹. Согласно Арриану, Александр по дороге встретил сына сузийского сатрапа и гонца с письмом от Филоксена, который был македонским царем сразу же после сражения отправлен в Сузы. В этом письме извещалось, что жители Суз сдадут город и казну⁸². Лишь у Диодора имеется одна подробность о походе в направлении Суз. Македонское войско через шесть дней достигло области ситакенов, в которой оно провело много дней.

⁷⁷ Curt. V, 1, 19—23.

⁷⁸ Diod. XVII, 64, 4.

⁷⁹ Curt. V, 39; ср. Diod. XVII, 64, 4.

⁸⁰ Curt. V, 1, 36—39.

⁸¹ Arr. III, 16, 7.

⁸² Там же, 6.

Здесь было большое обилие всего необходимого, армия могла отдохнуть от усталости; здесь Александр укрепил войско людским пополнением и хорошими военачальниками, внимательно распределил награды, улучшил снабжение солдат, возвысил своих командиров. Этими мерами, по утверждению Диодора, он еще больше расположил свое войско к себе, сделал его послушным и дисциплинированным, рвущимся к подвигам⁸³.

Источники единодушны в подтверждении той легкости, с которой Александру удалось взять Сузы. Сатрап Сузианы перс Абулит отдал город без всякого сопротивления. Заслуживает внимания указание автора оппозиционной версии о том, что Абулит сделал это по приказу самого Дария, чтобы искусно отвлечь Александра захватом города и сокровищ, держать его в бездеятельности и тем самым дать возможность персидскому царю подготовиться к войне⁸⁴. Это еще раз подтверждает позицию оппозиционных к Александру историков, стремившихся доказать решимость Дария бороться со своим противником до конца. Между тем Александр пытался из захвата Вавилона и Суз извлечь не только военные, но и политические последствия. Опираясь на эти два города, он отсюда мог надеяться принудить Дария, лишённого основных корней власти, отказаться от нее. Если бы персидский царь попытался организовать новое сопротивление, то его противник, будучи хозяином южных областей Персидского государства, получил бы широкие возможности для дальнейших наступательных операций⁸⁵. Забрав огромные драгоценности и сокровища (в январе 330 г. до н. э.), он покинул Сузы и отправился в коренные области Персии навстречу персидскому царю. Через четыре дня его войска подошли к реке Тигр, называемой местными жителями Пассатигр. Она начинается в горах уксиев и впадает в Персидское море⁸⁶. Переправившись через реку, македонская армия вошла в плодородную землю уксиев, которую с большим войском охранял родственник Дария Мадат⁸⁷.

---

⁸³ Diod. XVII, 65, 2—4.

⁸⁴ Diod. XVII, 65, 5; ср. Curt. V, 2, 8.

⁸⁵ J. Kaerstl. Op. cit., S. 307.

⁸⁶ Curt. V, 3, 1—2; Diod. XVII, 67, 2.

⁸⁷ Curt. V, 3, 4.

После покорения области уксиев Александр разделил свои военные силы с Парменионом. С ним он послал менее подвижную часть своего войска, весь обоз, фессалийскую конницу, союзников, наемников и тяжеловооруженных эллинских гоплитов. Эта часть войска направилась по удобной широкой проезжей дороге, которая велась прямо в сердце персидской области⁸⁸. Сам Александр с отрядом легковооруженных воинов, по Курцию, с пехотой, конницей «друзей», всадниками-«бегунами», агрианами и лучниками, по Арриану, двинулся через горы и вступил в Персиду, где ему преградил путь Ариобарзан, ее стратег и полководец Дария⁸⁹. По свидетельству Арриана, Ариобарзан, имея до 40 тыс. пехотинцев и до 700 всадников, преградил ворота Персии стеной и расположился перед ней лагерем, чтобы не пропустить здесь Александра⁹⁰. Курций называет их Сузскими воротами, а Диодор — Сузиевыми скалами⁹¹. Оба историка указывают на другое количество войск у персидского сатрапа: 25 тыс. человек пехоты и 300 всадников — по Диодору, и такое же количество пехоты без всадников — по Курцию⁹². Характерно увеличение количества войск у Ариобарзана в апологетической традиции. О том, что это сопротивление было исключительным, свидетельствуют все источники. Арриан вынужден признать, что Александр не мог взять стену штурмом, что многие солдаты были ранены недоступным сверху врагом. Он вынужден был оставить в лагере Кратера с его полком, полком Мелеагра и небольшим числом лучников и всадников для продолжения штурма стены, а сам с войском пошел по трудной и узкой дороге в обход, как ему указали пленные. Ему удалось перебить сторожевые посты противника, который попал между двух огней. С одной стороны, на персов нажимал Александр, с другой — солдаты Кратера, поведшего людей на штурм стены. Многие персы были перебиты или побибли, срываясь в паническом бегстве с крутых обрывов⁹³. Правда, Плутарх

⁸⁸ Arr. III, 18, 1.

⁸⁹ Arr. III, 18, 1—2; Curt. V, 3, 16—17.

⁹⁰ Arr. III, 18, 2.

⁹¹ Curt. V, 3, 17; Diod. XVII, 68, 1. Как у Курция, так и у Диодора здесь географическая неточность: собственно Персия находится позади Сузских ворот, а не перед ними.

⁹² Там же.

⁹³ Arr. III, 18, 3—9.

отмечает, что в то время, когда Дарий находился в бегах, Персиду защищали самые благородные и мужественные из персов⁹⁴. В антиалександровской традиции сложность операции и тяжесть борьбы с персами излагается более отчетливо. Так, Курций оставил нам красноречивое, возможно, несколько преувеличенное, описание военного столкновения, которое поставило Александра в затруднительное положение. Воины Ариобарзана скатывали на македонскую армию с высот огромные камни, которые при своем падении увлекали за собой другие части горных пород, и все это с большой силой падало и давило не только отдельных людей, но и целые отряды. Летели в них также со всех сторон камни из пращей и стрелы. Их избивали, как диких зверей. С гневом и яростью македоняне хватались за выступы скал и, поддерживая друг друга, старались подняться, чтобы настигнуть врагов. Но сами скалы, охваченные множеством рук, отрывались и обрушивались на тех, кто за них ухватился. Курций говорит о страдании македонского царя от огорчения и стыда, что так опрометчиво завел войско в это ущелье «Персидских ворот». Счастье его непобедимости здесь сильно пошатнулось. Не имея другого выхода, он вынужден был дать сигнал к отступлению⁹⁵. Попытка лобовой атакой взять штурмом перевал потерпела поражение. С этим рассказом Курция полностью согласуются указания Диодора, в которых также подчеркивается бессилие Александра перед лицом мужественного сопротивления персов⁹⁶.

Нетрудно заметить сгущение красок у Курция и Диодора, хотя все историки, которые сообщают об этом событии, черпают сведения о нем из одного и того же источника⁹⁷. О том, что для всех них существовал один и тот же источник, может свидетельствовать дальнейшее изложение этого события — о том, как Александр мучи-

---

⁹⁴ Plut. Alex. 37.

⁹⁵ Curt. V, 3, 17—23.

⁹⁶ Diod. XVII, 68, 2—3.

⁹⁷ Античная традиция о покорении персидской племенной области остается не совсем ясной. Известие Арриана (III, 18, 3 и сл.) романтически приукрашено, видимо, исходя из Клитарха. Описание Диодора (XVII, 68) и особенно Курция (V, 3, 16 и сл.) некоторыми историками признается сомнительным. (См. J. Kaser s. f. Op. cit., S. 310).

тельно искал выход из создавшегося положения и этот выход ему подсказали пленные. Арриан говорит об этом кратко, подчеркивая превосходство военной стратегии македонского царя. Курций отмечает, что в поисках выхода последний стал суеверным и только при помощи плешника-ликийца прошел через лесные тропинки. Пленник вел отряд Александра через труднопроходимые скалы и откосы, на которых внезапно терялся след. Отряд увязал в снегу, наметенном ветром. Характерно указание историка, что только от верности и настроения одного пленника зависело спасение царя; если бы он обманул, то македонян можно было бы захватить, как диких зверей («...quasi feras bestias ipsos posse deprehendi») ⁹⁸. Но пленник не обманул. При этих обстоятельствах царь оставил Филоту, Кена, Аминту и Полисперхонта с отрядом легковооруженных, чтобы они продвигались медленно, а сам с оруженосцем и агемой пошел вперед по крутой тропинке, претерпевая много мучений. Путь оказался трудным, воинов охватило отчаяние, они с трудом удерживали слезы. Но, преодолев страх, они вошли на выступающую вершину, подошли к врагам с тыла и убили вступивших с ними в сражение. В это же время выводил своих воинов для занятия теснины Кратер, а Филота с Полисперхонтом, Аминтой и Кеном, которым было приказано идти другим путем, навели на врагов страх ⁹⁹. Интересно и другое указание Курция. Хотя со всех сторон сверкало македонское оружие, персы, теснимые с двух сторон, все же дали примечательное сражение («memorable tamen proelium edunt») ¹⁰⁰. Безоружные пополняли ряды вооруженных. Они валили македонян на землю и пронзали их отнятым у них же оружием. Сам Ариобарзан с 40 всадниками и 5 тыс. пехотинцев проврался через строй македонян, учинив там большое кровопролитие. Стремясь занять столицу области город Персеполь, он возобновил сражение, в котором погиб ¹⁰¹.

---

⁹⁸ Curt. V, 4, 19.

⁹⁹ Там же, 2—4, 10—30.

¹⁰⁰ Там же, 31.

¹⁰¹ Curt. V, 4, 32—34. По Арриану, Ариобарзан не погиб, а бежал в горы. Трудно решить, основывается ли то, что сообщает Курций (V, 4, 30) об атаке группы войск, находившихся под командованием Филоты, Аминты и Кена, на смешении с атакой Птолемея (Arr. III, 18, 9), или мы видим здесь обычную пута-

В таком же ключе, как и Курций, только с меньшими подробностями, рассказывает этот эпизод Диодор¹⁰².

Покончив с трудным сопротивлением персов, Александр спешно двинулся на Персеполь, захватив там и в Пасаргадах царскую казну¹⁰³. Курций и Диодор, верные своей концепции, подчеркивают, что Александру удалось легко захватить эти главные персидские города вследствие измены хранителя персидской казны Тиридата. Диодор называет его правителем Персеполя. В письме Тиридата, посланном Александру, указывалось, что если он опередит войска, которые идут сохранить город для Дария, то он овладеет городом, который Тиридат ему выдаст. Александр, оставив пехоту, со всадниками прибыл к Араксу, спешно перекинул мост через него из бревен разрушенных им близлежащих селений и переправился через реку¹⁰⁴.

В источниках совершенно определенно говорится о решимости Александра строго наказать персов. Даже Арриан признает, что он действовал безрассудно, сжигая дворец персидских царей и не вникая благоразумному совету Пармениона не губить собственное имущество и не восстанавливать против себя местное население¹⁰⁵. Но Александр ответил, что он желает наказать персов за их вторжение в Грецию, за разрушение ими Афин, за зло, причиненное грекам. Более подробно об этом говорит Курций: македонский царь на совещании командиров войск тщательно поясняет необходимость разрушения столицы персидских царей, откуда выходили бесчисленные полчища и начинались преступные войны против Европы¹⁰⁶. Курций рисует алчность и жестокость македонян и их царя в городе. Между самими македонскими войсками имели место вооруженные столкновения из-за добычи. Они разрывали на части царские одежды, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, рубили пленных, умерщвляли бедных, насиловали женщин. Пощады не было никому. Сами жители целыми семьями

ницу Клитарховской версии, изложенной у Арриана (ср. Polyaeu, IV, 3, 27).

¹⁰² Diod. XVII, 68, 4—7.

¹⁰³ Arr. III, 18, 10.

¹⁰⁴ Curt. V, 2—4; Diod. XVII, 69, 1—2.

¹⁰⁵ Arr. III, 18, 11.

¹⁰⁶ Curt. V, 6, 1.

бросались со стен и погибали или поджигали свои дома и в них заживо сгорали¹⁰⁷. Захваченную здесь добычу сам Курций считает невероятно большой, ибо сюда персы свезли богатство со всей Персиды; золото и серебро лежали грудями, одежда было великое множество, утварь собрана не только нужная для употребления, но и ради роскоши. В сокровищнице этого города было 120 тыс. талантов. К этой сумме прибавилось после занятия Пасаргад еще 6 тыс. талантов. Для того, чтобы вывезти эти деньги, Александр приказал пригнать вьючный скот и верблюдов из Суз и Вавилона¹⁰⁸. Впрочем, Курций указывает, что царь вскоре израсходовал почти все, что взял в этом городе, на награды¹⁰⁹. О страшном избиении пленных победителями сообщает и Плутарх. Он не упоминает о точном количестве денег, найденных в Персеполе, но ограничивается общим указанием о том, что их было столько же, сколько в Сузах; прочее добро и утварь вывезли на 10 тыс. подвод и 5 тыс. верблюдов¹¹⁰. Указания Диодора о грабеже Персеполя и расправе с его населением в общем совпадают с данными Курция и являются лишним подтверждением их принадлежности к одной историографической традиции. Самый богатый из всех существовавших под солнцем городов был подвергнут безжалостному ограблению. Диодор сообщает, что опьяненные победой македоняне, врываясь в дома, убивали всех мужчин и расхищали огромное имущество и драгоценности. Унесено было много серебра и золота, множество роскошных одежд. Жадность победителей, занимавшихся грабежом, была настолько ненасытна, что они вступали в драку друг с другом; некоторые, разрубив мечом самые роскошные материи, забирали свою долю; некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора. Женщин в их уборах волокли силой, увозя в рабство¹¹¹. Диодор упоминает так же, как и Курций, о 120 тыс. талантов золотом и серебром, взятых Александром в сокровищницах столицы Персидского царства. Желая взять часть этих денег с собой для военных нужд,

¹⁰⁷ Curt. V, 6, 4--6.

¹⁰⁸ Там же, 3, 9.

¹⁰⁹ Там же, 19.

¹¹⁰ Plut. Alex. 37.

¹¹¹ Diod. XVII, 70, 2--6.

а другую поместить на сохранение в Сузах, он потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов и 3 тыс. вьючных верблюдов. Они и перевезли все в указанные места ¹¹².

Таким образом, все источники не оставляют сомнений в жестокой расправе Александра и его войск с самым враждебным из азиатских городов. Завершением этой расправы было сожжение дворца персидских царей. Арриан только упоминает об этом событии ¹¹³. Плутарх поворотит о нем с подробностями, подчеркивая, что у Александра не было специально продуманного намерения уничтожить персидский дворец, что это совершилось внезапно, в состоянии аффекта во время пирушки, под воздействием пьяных слов любовницы Птолемея гречанки Фаиды. Последняя сказала, что за все страдания, которые она претерпела, скитаясь по Азии, она будет вознаграждена, когда сможет поиздеваться над гордыней персидских царей, и предложила поджечь дом Ксеркса, сжегшего Афины; ей самой хотелось бы подложить огонь; пусть пойдет молва, что женщины сильнее отомстили персам за Элладу, чем знаменитые военачальники Александра. После этих слов поднялись крики одобрения, и сотрапезники стали уговаривать и подгонять друг друга. Царь, увлеченный общим порывом, с венком на голове и факелом в руках, пошел впереди. Спутники его окружили дворец. Узнав, в чем дело, с факелами бежались и остальные македоняне. Они надеялись, что уничтожение царского дворца положит конец походу. Плутарх сообщает, что Александр пожалел об этом поступке и велел тушить пожар ¹¹⁴.

По существу, ничего нового по этому вопросу мы не найдем в антиалександровской версии. Курций и Диодор сообщают те же самые сведения, что и Плутарх, правда, с оттенком большего осуждения действий Александра, послушавшего пьяную распутницу, проявившего больше алчности, чем сдержанности. Царь первым поджиг дво-

---

¹¹² Diod. XVII, 71, 2—3.

¹¹³ Arr. III, 18, 11.

¹¹⁴ Plut. Alex. 38. Из этого сообщения возникла традиция, которая подчеркивала раскаяние царя в этом поступке.

рец и тем самым дал пример воинам бросать в огонь горючий материал¹¹⁵.

Характерно, что все авторы, кроме Арриана, подчеркивают, с одной стороны, внезапность этого поступка, с другой — его греческую направленность. Зажженный многочисленными светильниками «дворец и все вокруг» было результатом мести за кощунство, совершенное Ксерксом, царем персидским, на афинском акрополе¹¹⁶. Что касается македонян, то они принимали участие в этом предприятии или просто подражая царю, или в надежде на быстрое возвращение домой¹¹⁷.

При более внимательном анализе античной традиции о поведении македонян в Персеполе и о поджоге царского дворца, в ней обнаруживается ряд противоречий¹¹⁸. Прежде всего, вызывает недоумение жестокое обращение Александра с персидской столицей, которая ему не оказала ни малейшего сопротивления. Почему он не ограничился оккупацией города, а принял решение его уничтожить, за исключением царских памятников? Существует мнение, что в этом акте отражено сострадание македонского полководца при виде изуродованных греков. Эпизод о последних имеется только в антиалександровской традиции. Так, Курций рассказывает, как на встречу Александру вышел жалкий отряд людей — греческие пленники, числом до 4 тыс. (по Юстину и Диодору, их было 800 человек), которых персы подвергли мучительным пыткам; у одних они отрезали ноги, у других — руки и уши, на теле третьих выжгли буквы варварского языка, тем, кто знал какое-нибудь ремесло и был мастером своего дела, оставили только члены, которыми они работали, все остальные отрубили. Вследствие этих издевательств они потеряли обычный облик людей; че-

---

¹¹⁵ Curt. V, 7, 3—7, 10—11; Diod. XVII, 72, 1—6. Сообщение Курция довольно противоречиво, особенно если учесть его антиалександровскую направленность. Его указание (V, 7, 10), что македоняне стыдились поступка своего царя, опровергается Плутархом (Plut. Alex. 38) и находится в странном контрасте с собственным рассказом Курция о грабеже со стороны македонских солдат.

¹¹⁶ Plut. Alex. 38; Diod. XVII, 72, 6.

¹¹⁷ Curt. V, 7, 6—7; Plut. Alex. 38.

¹¹⁸ См. М. Уилер. Пламя над Персеполем. М., 1972, стр. 22—23.

ловеческим в них можно было признать только голос¹¹⁹. Эта картина вызвала чувство сострадания у македонского царя, который даже не мог удержать слез и обещал отправить их на родину. Выйдя на вал, греки стали обсуждать, чего им просить у царя: одни хотели места для поселения в Азии, другие — возвращения домой. Мнение первых выразил кумеец Евктелеон, который подчеркнул, что дома их ждут насмешки, что семьи в Греции их давно забыли, что они обзавелись семьями здесь, которые нельзя бросить. Кроме того, путь на родину слишком долг и тернист для инвалидов¹²⁰. Афинянин Фаетет высказал противоположную точку зрения. Он говорил, что им надо стремиться вырваться из этой неволи на родину, к родным нравам, святыням, к родному языку. Но это мнение разделяли немногие. В преобладающем большинстве греки решили остаться на Востоке¹²¹. Александр согласился с ними, выдал каждому по 3 тыс. драхм, прибавил к этому по 10 одежд, а также крупный и мелкий скот и семена, чтобы отведенные им земли могли быть обработаны и засеяны¹²². Диодор еще добавляет, что они были освобождены от всех царских податей, правителям было отдано приказание следить за тем, чтобы их не обижал никто¹²³.

Если этот эпизод и имел место, то вряд ли он давал право Александру жестоко расправиться с Персеполем, все население которого не могло быть ответственным за это злодеяние над пленными греками. Не могут объяснить этого поступка и трудности и потери, которые испытывал Александр от войск Ариобарзана. Само по себе вполне закономерное, решительное сопротивление захватчикам имело не один прецедент; результатом их не было разрушение городов (за исключением Фив и Галикарнаса).

Как уже было сказано выше, сам Александр мотивировал свой поступок стремлением удовлетворить «предков» греков за грабежи и злодеяния армии Дария и Ксеркса в различных эллинских городах в период греко-персидских войн. Но известно, что сама Македония во-

¹¹⁹ Curt. V, 5, 5—7; Diod. XVII, 69, 2—4.

¹²⁰ Curt. V, 5, 9—16.

¹²¹ Там же, 17—23.

¹²² Там же, 24.

¹²³ Diod. XVII, 69, 8.

все не пострадала от нашествия персов, а имела с ними тесные контакты, в то время как сам Александр позднее показал свою исключительную жестокость по отношению к греческому городу. Кроме того, неясно, почему он пощадил Сузы, где эллины были оскорблены и унижены. По этому поводу П. Клоше выдвигает следующую гипотезу: обеспокоенный бурным волнением в Греции и, не зная еще о его конце, он хотел привлечь общественное мнение эллинов, отомстив за их предков, которые подвергались персидской агрессии. Разрушение города, откуда исходила часть этой агрессии, ярко бы показало «филлэллинизм» Александра. В то же время его армия, уже сильно пострадавшая, которую ожидало новое длительное напряжение сил, обогатилась бы обильными ресурсами¹²⁴. После ужасов резни и грабежа город познал ужас пожара, в результате которого был сожжен царский дворец. По мнению Клоше, сравнительно недавние раскопки в Иране частично опровергли изложение Диодора: замысел поджога возник не во время оргии, а в результате зрелого размышления¹²⁵. Это согласуется с уже ранее высказанными предположениями Керста о том, что пожар царского дворца был мероприятием продуманным, рассчитанным как на эллинов, так и на восточные народы. Эллинам оно должно было показать, что цель панэллинского похода достигнута, злодеяния, совершенные Ксерксом над эллинскими святынями, отомщены¹²⁶. Жителям Востока это должно было служить знаком, что власть Ахеменидов закончилась, что персидское ярмо разбито и на его место вступает теперь новое великое царство. Поджог дворца был не столько поступком личной мести Александра, сколько символическим актом¹²⁷. Несколько позднее, вступив в столицу Мидии, Александр проделал еще один шаг в этом направлении. Он отпустил фессалийскую конницу и эллинские союзные контингенты на родину, оставляя у себя на службе добровольцев¹²⁸. Уволенные солдаты достигли побережья под руководством одного македон-

¹²⁴ См. P. Clouhé. Alexandre le Grand, p. 55.

¹²⁵ Там же, стр. 57.

¹²⁶ Arr. III, 18, 12; Strabo, XV, 3, 6, стр. 730.

¹²⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 310.

¹²⁸ Arr. III, 19, 5 и сл.; Diod. XVII, 7, 4, 3. Ошибочно относят отправку эллинов ко времени после смерти Дария.

ского командира, а затем с помощью гиппарха Менея перебрались на Эвбею. Это мероприятие, проведенное в ответственный момент тяжелого преследования Дария, должно было означать, что война, которую «Александр и эллины» вели против персов, закончилась, что панэллинская цель похода достигнута, искупление обид, нанесенных эллинам Ксерксом, исполнено. Теперь войну больше не ведет Коринфский союз, и Александр больше не является союзным полководцем эллинов; его дальнейшие военные предприятия не имели больше никакой связи с панэллинскими идеями и целями. В политике Александра более отчетливое выражение получало не македонское начало, как думает П. Клоше, а восточное¹²⁹. Новое азиатское царство не нуждалось даже в моральном тыловом прикрытии в виде Эллинского союза, особенно после того, как было подавлено антимакедонское восстание в Спарте. Собственные цели Александра встали в резкое противоречие с панэллинской программой. Она не согласовывалась с его открытым стремлением стать наследником завоеванной и побежденной державы Ахеменидов.

В Персии Александр пробыл около четырех месяцев. Это время он использовал частью для того, чтобы дать македонскому войску отдых, частично для подчинения непокорных со времен персидской власти воинственных племен и народностей в пограничных местностях¹³⁰. Весной, приблизительно в апреле 330 г. до н. э., Александр вновь отправился в Мидию против разбитого персидского царя. По пути он вторгся в землю паретаков и подчинил их¹³¹. По Диодору, одними персидскими городами он овладевал силой, другие привлек к себе добротой¹³². Прибыв в Мидию, Александр узнал, что у Дария нет боеспособного войска, что его союзники скифы и кадусии своего обещания не сдержали и на помощь к нему не пришли, поэтому Дарий решил бежать. Это вызвало поспешное его преследование со стороны Александра. По сообщению Бисфана, сына Оха, царствовавшего над

¹²⁹ P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 59.

¹³⁰ То, что Курций (V, 6, 17 и сл.) сообщает об этом, в известной степени, подтверждается Непархом у Страбона (XI, 13, 6, 524) и у Арриана (Ind. 40, 6 и сл.).

¹³¹ Arr. III, 19, 2.

¹³² Diod. XVII, 73, 1.

персами до Дария, у последнего было 6 тыс. пехотинцев, 3 тыс. всадников и около 7 тыс. талантов, взятых у мидян¹³³. Это указание Арриана о количестве войск у персидского царя находится в большом противоречии с данными Курция, который количество его войск увеличивает в 5 раз¹³⁴. Это связано с общей тенденцией Арриана показать неспособность Дария к дальнейшему сопротивлению. Когда последний вскоре бежал из Экбатан, Александр занял этот город, где собирался предпринять важные решения. В частности, деньги, вывезенные из Персеполя, он поручил Пармениону переправить в Экбатаны, положить их в кремль и передать Гарпалу¹³⁵. Сам же царь с конницей из «друзей», наемными всадниками, которыми командовал Эригий, с македонской пехотой, с лучниками и агрианами продолжал преследовать Дария. За 11 дней он достиг Раги (юго-восточнее Тегерана), местности, расположенной в 80 км от Каспийских ворот. Узнав, что Дарий уже перешел Каспийские ворота, удаленные на один день пути, Александр разрешил войску пятидневный отдых, после чего продолжал преследование персидского царя. Преследование оказалось тяжелым, солдаты были измучены и отставали, лошади падали. Но Александр, невзирая ни на что, спешил вперед, дошел до Каспийских ворот, перешел через них и продвигался, пока страна была обитаемой.

Что же происходило в это время в лагере персидского царя? Одно ясно, что Дарий не использовал возможности, предоставленной ему задержкой Александра, не собрал новых войск ни в Мидии, ни в южных провинциях и бежал в восточные сатрапии. Арриан указывает, что многие из тех, кто бежал вместе с Дарием, покинули его и вернулись каждый к себе домой; немало было и таких, которые сдались Александру¹³⁶. К последнему прибыли из Дариева лагеря один из знатных вавилонян Багистан и с ним Антибел, один из сыновей Мазея. Они сообщили, что Набарзан, хилярх в коннице, бежавший с Дарием, Бесс, сатрап Бактрии, и Барсаент, сатрап арахотов и драггианов, арестовали Дария. Это

---

¹³³ Arr. III, 19, 5.

¹³⁴ Curt. V, 8, 3—4.

¹³⁵ Arr. III, 19, 5—7.

¹³⁶ Там же, 20, 2.

известие заставило Александра еще более торопиться. Он взял только «друзей» и всадников-«бегунов», отобрал в пехоте самых сильных людей, снабдив их двухдневным продовольствием, и двинулся, не ожидая отряда Кена, еще раньше посланного за фуражом. Кратеру с оставшимися войсками было приказано следовать за ним. Достигнув лагеря, откуда к нему выезжал Багистан, он узнал, что Дария, как арестованного, везли в крытой повозке. Его власть при поддержке бактрийской конницы и прочих варваров, бежавших вместе с персидским царем, перешла к Бессу. Артабаз, его сыновья и греческие наемники противились этому, но, будучи бессильны воспрепятствовать намерениям Бесса и его сторонников, свернули с большой дороги и ушли в горы¹³⁷.

Согласно сообщениям Арриана, план персидских заговорщиков состоял в следующем: в случае преследования их Александром выдать ему Дария, за что они надеялись получить щедрую награду. Если же преследование будет прекращено и Александр повернет обратно — собрать большое войско, при помощи которого сообща закрепить за собой власть. До реализации этого плана всем распоряжается Бесс как родственник Дария и как сатрап страны, на территории которой происходят эти события¹³⁸. Узнав об этом плане, Александр ускорил погоню, несмотря на крайнее утомление людей и лошадей. По указанию местных жителей он избрал труднопроходимую, но более короткую дорогу и устремился вперед с небольшим отрядом. Основное войско следовало за ним. Настигнув беглецов, которые шли без оружия и в беспорядке, Александр легко преодолел сопротивление немногих из них, а большинство бежало без боя¹³⁹. Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барсаент нанесли Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников. Персидский царь умер от ран раньше, чем его увидел Александр¹⁴⁰. Последний отослал его тело в Персию, распорядившись похоронить его со всеми почестями в

---

¹³⁷ Агр. III, 20, 2.

¹³⁸ Там же, 21, 5.

¹³⁹ Там же, 20, 2.

¹⁴⁰ Там же, 21, 10.

царской усыпальнице¹⁴¹. Таков был конец Дария, погибшего от козней самых близких к нему людей.

Общая картина преследования у Плутарха такая же, как у Арриана. И здесь упоминается исключительная трудность пути по безводной местности, но с некоторыми подробностями, характерными для плутарховых жизнеописаний. Плутарх довольно подробно рассказывает о благородном поступке Александра, изнемогавшего от жажды и отвергнувшего воду нескольких македонян, везших ее для своих сыновей, потому что этой водой он не мог напоить весь свой обоз¹⁴². Зато мы ничего не найдем у него о той трагедии, которая разыгралась в лагере Дария накануне его гибели. Сообщаются некоторые сведения о смерти персидского царя, которые имеют цель идеализировать характер и поведение победителя. Один воин из его отряда Полистрат нашел в повозке исколотого дротиками умирающего Дария, который попросил у него воды. «Самое большое из моих несчастий — сказал Дарий Полистрату, — в том, что я не могу отплатить добром за добро. Александр отблагодарит тебя. Александру же воздадут боги за его доброту к моей матери, жене и детям». Плутарх указывает, что Александр опечалился несчастьем Дария, завернул его тело в свою хламиду и отослал к его матери, а Бесса-убийцу, захватив впоследствии, казнил лютой смертью: два стройных дерева согнули вершиной к вершине, убийцу привязали к обоим, затем деревья отпустили, они стремительно выпрямились, разорвав тело пополам¹⁴³.

В рассказе Диодора — лишь одно упоминание об отступлении Дария, о пленении его Бессом и об изменническом убийстве¹⁴⁴. Упоминается также о царском погребении Дария Александром. Впрочем, приводится мнение двух историков, что Александр застал еще персидского царя живым, выслушал его просьбу о наказании убийц и обещал эту просьбу выполнить. Он отправился в погоню за Бессом, но тот значительно опередил преследователей и бежал в Бактрию. Александр повернул обратно, отказавшись от преследования¹⁴⁵. Между

¹⁴¹ Arr. III, 22, 1.

¹⁴² Plut. Alex. 42.

¹⁴³ Там же, 43.

¹⁴⁴ Diod. XVII, 73, 1—2.

¹⁴⁵ Там же, 3—4.

тем Бесс вместе с Набарзаном, Барсаентом и многими другими добрался до Бактрии и стал призывать ее население к защите своей свободы. Заявляя, что будет предводителем в этой борьбе, он объявил себя царем; набирая солдат, заготовлял много вооружения и ревностно занимался тем, что насущно требовалось в данный момент ¹⁴⁶. Позднее, во время среднеазиатского похода, когда Бесс был предан его собственным приятелем Гобареном и выдан Александру, последний отдал Бесса на казнь брату Дария и другим его родственникам. Они всячески издевались над ним и изувечили его: разрубали тело на мелкие куски и стреляли кусками из пращей ¹⁴⁷.

Подробное описание всех этих событий дает Курций. В этом описании совершенно отчетливо вырисовывается не только стремление Дария бороться с Александром, но и наличие в непосредственном окружении персидского царя двух разных мнений относительно дальнейших действий ¹⁴⁸. К первому относился бывший сатрап Фригии Геллеспонтской Артабаз и греческие наемники, ко второму — Набарзан и Бесс. Артабаз, один из старейших друзей царя, сразу заявил, что он последует за царем в бой, победит или умрет вместе с ним ¹⁴⁹. Начальник греческих наемников Патрон приказал своим надеть на себя оружие, находившееся в обозе, и быть готовыми исполнять его приказания ¹⁵⁰. Сам он убеждал Дария положиться на него, поставить царский шатер в греческом лагере и доверить ему охрану царя. Как чужестранец, он не просил бы этого, если бы был уверен, что другие ее хорошо выполнят. («*Si crederem alium posse praestare*»). Патрон указывал, что они остаются верными Дарию, как и прежде, что они потеряли Грецию, что у них нет никакой Бактрии и вся их надежда на него ¹⁵¹. Он предупреждал о кознях Бесса и Набарзана. Но Дарий не принял предложения наемника, мотивируя это тем, что он никогда не отступится от своих единомышленников и любую превратность судьбы предпочитает испытать среди своих

---

¹⁴⁶ Diod. XVII, 74, 1—2.

¹⁴⁷ Там же, 83, 7—9.

¹⁴⁸ Ср.: A. R. Burn. Op. cit., p. 166.

¹⁴⁹ Curt. V, 9, 1.

¹⁵⁰ Там же, 11, 1.

¹⁵¹ Там же, 5—6.

и не станет перебежчиком ¹⁵². Персидский царь ко всему этому понимал, что людей, со стороны которых нужно было бояться преступлений, было 30 тыс., у Патрона же — всего 4 тыс.; если бы он доверился ему, осудив вероломство соплеменников, он, как ему казалось, этим оправдал бы собственное убийство ¹⁵³. Отказавшись от греческой защиты, Дарию не на кого было опереться. В это время Набарзан и Бесс заключили между собой преступный союз и решили с помощью тех войск, которые находились под их командованием, схватить царя и заключить в оковы. Они имели намерение или передать царя живым Александру, если он их настигнет, получив за свое предательство благодарность и большое вознаграждение, или в случае возможности избежать встречи с македонским полководцем — убить Дария, захватив его власть, и возобновить войну ¹⁵⁴. Уверенность в успехе их замысла внушала им те области, которыми они управляли, со своими богатыми людьми, оружием, обширностью пространств ¹⁵⁵. Подготавливая этот замысел, Набарзан поставил Дарию определенные условия: передать на время власть и командование Бессу, пока враг не уйдет из Азии. Только таким путем можно было добиться победы над врагом. Бактрия еще не тронута, инды и саки остались верны, множество народов, армий, много тысяч пехотинцев и всадников готовят силы для возобновления войны (ad renovandum) ¹⁵⁶. Это предложение было Дарием с негодованием отвергнуто. Он готов был заколоть предателя, если бы его не окружили бактрийцы с Бессом ¹⁵⁷. Последний вместе с Набарзаном отделил свои войска от прочих воинских частей, готовясь тайно выполнить свой план. Их попытка увлечь за собой персов не увенчалась успехом. Персы единодушно подтвердили свою верность царю. Артабаз, выполнявший все обязанности главнокомандующего, проверял их готовность, а Дария, предавшегося печали и отчаянию, успокаивал и ободрял.

---

¹⁵² Curt. V, 11, 11.

¹⁵³ Там же, 12, 4.

¹⁵⁴ Там же, 9, 2.

¹⁵⁵ Там же, 10, 3.

¹⁵⁶ Там же, 9, 2—7.

¹⁵⁷ Клоше ошибается, указывая на то, что в конечном счете Дарий принял предложение Бесса. (См. P. Clouche. Alexandre le Grand, p. 58).

Это обстоятельство затрудняло Бессу и Набарзану осуществить свои намерения. Открыто схватить царя при помощи воинов-бактрийцев оказалось невозможным. Поэтому они притворно принесли раскаяние в своем стремлении отделиться и просили прощения у царя. Одновременно их агенты тайно вели агитацию среди персов, убеждая их не подставлять свои головы под всеобщее крушение, а перейти на их сторону, следовать за ними в Бактрию, которая готова принять их с подарками и таким изобилием, какого они себе не представляют¹⁵⁸. Своим раскаянием они усыпили бдительность царя и получили возможность снова к нему приблизиться. Даже после того, как Дарий, сам почувствовав назревание заговора, поведал Артабазу о предложении греческого наемника Патрона перейти в лагерь греков, он, выслушав его разумный совет о необходимости принять это предложение, не принял никаких мер предосторожностей. Вскоре по лагерю пошел слух о том, что Дарий покончил с собой. Этот слух вызвал замешательство и переполох среди персов, которым воспользовались Бесс и Набарзан. Они захватили царя, заковали его и посадили в грязную повозку. Деньги и имущество его были разграблены. Персы, оставшиеся без царя, на третий день присоединились к бактрийцам, а Артабаз с греческими наемниками направился в Парфию. Между тем Александр, узнав от перебежчиков и особенно от вавилонянина Багистана о пути следования Дария и его пленении, ускорил преследование. Перед своими командирами он поставил совершенно конкретную задачу: захватить Дария живым¹⁵⁹. К Александру стали приходять перебежчики, которые, осудив преступника Бесса, указали точное его местопребывание. Беспорядочное войско Бесса, хотя по численности имело преимущество, но при приближении Александра обратилось в бегство. При таких обстоятельствах Бесс и другие соучастники его замысла убеждали Дария с повозки пересечь на коня и спастись бегством. Он отказался. Тогда они забросали его копьями, убили двух слуг царя и сами скрылись — Набарзан в Гирканию, а Бесс с немногими всадниками — в Бактрию. Их отряды, оставшись без предводителей, стали рассеиваться. Часть

¹⁵⁸ Curt. V, 9, 7—9.

¹⁵⁹ Там же, 13, 4.

из них, оказавшая сопротивление, была уничтожена конницей Никанора, другая часть взята в плен. Курций говорит, что пленных было больше, чем тех, кто мог их пленить. Рассказ о том, как македонянин Полистрат обнаружил повозку с персидским царем, внезапно обрывается, так как конец V книги Курция в рукописях не сохранился. Уже в следующей VI книге, в которой излагается среднеазиатский поход, имеются указания на дальнейшую судьбу Бесса. Александр в речи перед войсками подчеркивает преступление Бесса, который убил своего царя и хочет захватить свободный престол, поэтому он желает раздавить его, пока тот напуган и едва владеет своим рассудком, и хочет скорее видеть его распятым на кресте¹⁶⁰. Тем временем Бесс объявил себя царем Артаксерксом и собрал скифов и другие народы, жившие по реке Яксарт¹⁶¹. Вскоре он был изолирован. Его единомышленник Набарзан сдался добровольно Александру и был им прощен, а Барсаент, боясь наказания, бежал в Индию¹⁶². При приближении македонского царя бактрианцы разбежались по своим селам, покинув Бесса, который переправился с кучкой друзей через Окс и стал собирать новое войско в Согдиане¹⁶³. Там он вскоре был пленен Спитаменом, Датаферном и Катеном и выдан Александру¹⁶⁴. Последний передал Бесса брату Дария Оксафру, чтобы его распяли на кресте и, отрубивши уши и нос, пронзили его стрелами, а потом сохранили труп, не позволяя садиться на него даже птицам. Оксафр обещал выполнить его приказание. Впрочем, Александр отсрочил эту казнь, чтобы совершить ее на том месте, где Бесс убил Дария¹⁶⁵. Катастрофа персидского царя в античном предании, особенно исходящем от Клитарха, изображается в романтическом освещении как превратность судьбы последнего Ахеменида, не только побежденного в открытом бою, но и изменнически преданного своими приближенными. Его судьба противопоставляется судьбе победоносного, достигшего вершины

¹⁶⁰ Curt. VI, 3, 14—15.

¹⁶¹ Там же, 13. У Курция вместо реки Яксарт (совр. Сыр-дарья) ошибочно указывается Танаис.

¹⁶² Там же, 4, 8—14; 7, 36.

¹⁶³ Там же, VII, 4, 21.

¹⁶⁴ Там же, 19—26.

¹⁶⁵ Там же, 5, 40, 43.

человеческой славы, власти и счастья македонского царя¹⁶⁶. Рассказы о конце Дария, главным образом, в подробном описании Курция, в своей сущности могут являться сообщением из кругов греческих наемных отрядов Дария, сопровождавших его в бегстве и в то же время прославлявших своими известиями свою собственную верность¹⁶⁷. В этих сообщениях немало риторически украшенных частностей, которые мешают выяснению существа самого события и в позднейшей историографии вызвали два крайних подхода к изложению этого материала. Так, Дройзен совершенно некритически использует его, а Низе вообще отбрасывает эти сообщения как не заслуживающие доверия¹⁶⁸. Ни одну из таких точек зрения принять нельзя.

Если попытаться выяснить действительные причины этой катастрофы, нужно учесть ту роль, которую играли среднеазиатские сатрапы в системе Персидского государства. Военное поражение Дария после Гавгамел ускорило внутренний распад его царства. Измена сатрапов — яркое тому подтверждение. Даже в последнее время перед трагической развязкой царя предали персидский сатрап Персеполя Тиридат и начальник города Пасаргады Гобар¹⁶⁹. Сам Дарий, обращаясь к воинам, которые бежали вместе с ним, сетовал на то, что предатели и перебежчики царствуют в его городах¹⁷⁰. Что касается восточно-иранских сатрапов, то их зависимость от персидского царя всегда была относительной, особенно в период развала Персидского государства. Но планы и намерения нового македонского завоевателя их пугали и страшили. Керст полагает, что в это время началась общая национально-иранская (*national-iranische*) реакция против македонского завоевания, которая затем продолжалась особенно в Бактриане и Сузиане¹⁷¹. Это же подчеркивает и Берве, который считает, что вокруг Бесса как сильнейшей личности образовалось национальное движение сатрапов и знати восточных стран — Набарзана, Барсаента, Сатибарзана, Оксиарта и др., целью кото-

¹⁶⁶ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 322.

¹⁶⁷ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, № 212, S. 106.

¹⁶⁸ И. Г. Дройзен. Указ. соч., стр. 372 и сл.; Niese, I, 101, 1.

¹⁶⁹ Curt. V, 5, 2—4, 6, 10; Diod. XVII, 69, 1—2.

¹⁷⁰ Curt. V, 8, 9.

¹⁷¹ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 322.

рых было энергичное сопротивление македонскому вторжению¹⁷². Не считая Дария способным к сопротивлению, они решили покончить с ним и передать Бессу руководство этим антимакедонским движением¹⁷³. Но неожиданно быстрое продвижение Александра не оставило Бессу времени, чтобы собрать силы, а принудило к поспешному бегству. Когда летом 330 г. до н. э. около Гекатомпила Сатибарзан и Барсаент по его поручению убили Дария, они тут же отправились в свои сатрапии, чтобы организовать дальнейшую борьбу против македонян¹⁷⁴.

Смерть Дария избавила Александра от всякого препятствия к его стремлению стать законным преемником персидского царя и даже позволила ему действовать как «мстителю» за его убийство. Он не замедлил осудить поступок Бесса, объявить борьбу с ним как с изменником персидского царя. Это было важно как для своей армии, так и для местного населения.

Погоня за убийцей законного представителя персидской царской власти, с одной стороны, и желание стать полным хозяином всего персидского наследства — с другой, определили последующий срезнеазнатский поход Александра.

---

¹⁷² H. Вегве. *Op. cit.*, Bd. II, № 212, S. 106—107.

¹⁷³ См. речь Набарзана у Курция (V, 9, 3 и сл.) Мысль о том, что Бесс думал выдать Дария, чтобы завоевать благосклонность Александра (Агг. III, 21, 5; Curt. V, 9, 2) не подтверждается дальнейшим поведением его. Бесс позднее, уже будучи пленен, действительно дал такое объяснение Александру (Агг. III, 30, 4). Но это объяснение не выражало его истинных намерений.

¹⁷⁴ О том, что Бесс имел крепкие позиции в восточном Иране, свидетельствует его влияние среди местной и даже индийской знати. Так, у него искал помощи индийский царь Сисикотт (Агг. IV, 30, 4), к нему обратился Сатибарзан после своего бегства из Арии (Агг. III, 28, 2; Diod. XVII, 78, 1; Curt. VII, 4, 40); Бесс сам стал назначать сатрапов.

Глава третья

ПУТЬ К ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫМ САТРАПИЯМ

§ 1. Среднеазиатский и индийский походы (330—326 гг. до н. э.)

Среднеазиатский поход отражен в источниках довольно противоречиво и не всегда согласованно¹. В известной мере это объясняется тем, что именно на это время падает полоса острых конфликтов в самой армии Александра и крупных выступлений местного населения против него. Эти события заинтересовали античных историков гораздо больше, чем само передвижение частей македонской армии по среднеазиатским землям.

Арриан сообщает, что, придя в Экбатаны, Александр послал Пармениона с чужеземцами, фракийцами и прочей конницей через землю кадусиев в Гирканию. Клиту, который остался в Сузах по болезни, он приказал явиться в Экбатаны, взять македонян, которые были там оставлены для охраны денег, и идти к парфянам, куда он сам собирался направляться². Сам же тем временем устремился за Дарием³. Затем Александр пошел на парфян. В первый день расположился лагерем у Каспийских ворот; на второй прошел через ворота и двигался вперед, пока страна была обитаема. Он запасся здесь провиантом, услышав, что дальше лежит пустыня⁴. Узнав об аресте Дария, Александр отобрал в пехоте самых сильных и выносливых людей и двинулся в погоню⁵.

---

¹ Этому вопросу посвящена третья глава кандидатской диссертации Р. М. Рахмановой «Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход Александра Македонского» (Л., 1964).

² Агг. III, 19, 7, 8.

³ Там же, 20, 1.

⁴ Там же, 3—4.

⁵ Там же, 21, 2.

Когда же он узнал о гибели персидского царя, то, дождавшись своих войсковых частей, оставшихся во время погони под руководством Кратера, отправился в Гирканию, чтобы подчинить талуров⁶. Против них он послал Кратера с его полком, полком Аминты, лучниками и немногочисленной конницей; сам же повел большую и наиболее легкую часть войска по самой короткой и очень трудной дороге; Эригий получил приказ идти с чужеземцами и остальной конницей по самой длинной проезжей дороге. Таким образом, македонская армия была разделена на три части, каждая из которой решала свою тактическую задачу. Когда эти задачи были выполнены, армия снова объединилась в самом большом городе Гиркании Задракарты⁷. После этого Александр пошел на мардов, прошел значительную часть их страны, затем снова вернулся в Задракарты, где пробыл 15 дней. Спустя две недели он пошел к парфянам, а оттуда к границам Арии и в Сузию, город Арии⁸.

Таким образом, по Арриану, вовсе не следует, что имел место сначала поход в Парфию, а потом в Гирканию. В Гирканию и к парфянам были направлены одновременно отдельные подразделения армии под командованием Пармениона и Клита. Сам же Александр отправился туда на завершающем этапе покорения Гиркании.

У Плутарха поход в Гирканию был осуществлен не во время преследования Дария, а после его трагической гибели, и не с частью войска под руководством Пармениона, а с «войском самым свежим» под его собственным руководством⁹. Тут он увидел морской залив с пресной водой. Это был северный залив Гирканского, или Каспийского моря. Отсюда Александр снарядился в Парфию¹⁰.

С известием Плутарха о том, что Гирканский поход был предпринят после смерти Дария, согласуются данные Диодора¹¹. Согласно этим данным, Александр сам отправился в Гирканию и через три дня расположился

---

⁶ Arr. III, 23, 1—2.

⁷ Там же, 23, 6—7.

⁸ Там же, 24, 1; 25, 1.

⁹ Plut. Alex. 43—44.

¹⁰ Там же, 45.

¹¹ Diod. XVII, 74, 1, 3.

лагерем возле богатого города, называемого Гекатомпиллом. Затем он подчинил себе Гирканию и смежные с ней племена. Он завладел всеми городами этой страны, вплоть до Каспийского моря, которое иногда называют Гирканским¹². Пройдя по побережью Гиркании, он вторгся в страну мардов, земли которых опустошил огнем¹³. После этого Александр снова возвращается в Гирканию, где произошла его встреча с царицей амазонок¹⁴. Диодор ничего не говорит о Парфянском походе.

Что касается Курция, то по его утверждению Александр сам отправился к парфянам после смерти Дария¹⁵. Через Парфию он проник к границам Гиркании. Для защиты Парфии оставил Кратера с отрядом Аминты, придав им подразделение из 1200 воинов — всадников и лучников. Сам же со своей фалангой и конницей стал лагерем в долине, подводящей к Гиркании¹⁶. Он прошел по обширной ее равнине, подойдя к городу Арвы, который Арриан называет город Задракарта¹⁷. Здесь он соединился с Кратером и Эригием, которые привели с собой главу племени талуров — Фрадата¹⁸. Вступив в крайние районы Гиркании, Александр встретился с Артабазом¹⁹. Наконец, у границ Гиркании он совершил поход против мардов²⁰. Известие о встрече царя с предводительницей амазонок полностью совпадает с данными Диодора²¹. После этого события Курций отправляет Александра в Парфию²². Таким образом, хотя у древних авторов имеются несогласованные известия, тем не менее бесспорным остается пребывание Александра в Парфии и к северу от нее в Гиркании.

Все источники, за исключением Плутарха, согласуются в том, что последующий поход македонских войск в Арию — область к югу от Бактрианы — вызван изменой сатрапа ариев Сатибарзана, который пошел со своим войском к Бессу. Александр, желавший предпринять

¹² Diod. XVII, 75, 1; 76, 1.

¹³ Там же, 76, 2, 5.

¹⁴ Там же, 77, 1.

¹⁵ Curt. VI, 2, 12.

¹⁶ Там же, 4, 2—3.

¹⁷ Там же, 4, 15, 20, 23; ср. Arr. III, 23, 6.

¹⁸ Curt. VI, 4, 24.

¹⁹ Там же, 5, 1.

²⁰ Там же, 11—12, 17, 20—21.

²¹ Там же, 24—26; Diod. XVII, 77, 1.

²² Curt. VI, 5, 32.

поход на Бактрию, вынужден был, по словам Арриана, изменить свое решение, и вместе с конницей «друзей», всадниками-дротометателями, лучниками, агрианами и полками Аминты и Кена спешно двинулся на Сатибарзана и ариев. Через два дня он подошел к Артакоане²³. После расправы с ариями он с войском, которое оставил с Кратером и которое теперь теперь прибыло, пошел в землю зарангов против управлявшего их страной Барсаента — одного из убийц Дария и соратника Бесса²⁴. При приближении македонян, Барсаент бежал к индам, которые выдали его Александру.

Поход в Арию совершенно отсутствует у Плутарха, как, кстати, и другие среднеазиатские походы.

Диодор сообщает те же сведения о выступлении Александра против Сатибарзана, которые имеются у Арриана. Диодор только добавляет, что в течение целого месяца царь овладел всеми городами в этой сатрапии и отправился в Гирканию²⁵. Там он поселился во дворце Дрангены и дал отдых войску.

Получив известие о прибытии Сатибарзана из Бактрии с большим конным войском в Арию, Александр выслал против него часть своего войска под начальством Эригия и Стасанора, а сам за несколько дней подчинил область Арахозию²⁶. За этими действиями последовало выступление против парапамисадов — жителей Параламиса, страны, лежащей на крайнем севере, заваленной снегом, недоступной для других народов по причине чрезвычайных холодов²⁷.

После осады множества других городов, уничтожив сопротивляющихся, Александр подошел к утесу по названию Аорн²⁸. Взятием этой недоступной местности Диодор приводит армию Александра непосредственно в Индию²⁹.

С Аррианом и Диодором согласуются известия и Курция относительно Сатибарзана, его измены и борьбы с

---

²³ Агг. III, 25, 5—6.

²⁴ Там же, 8.

²⁵ Diod. XVII, 78, 1—2, 4.

²⁶ Там же, 81, 3; 83, 4—6.

²⁷ Там же, 82, 1.

²⁸ Там же, 85, 1.

²⁹ Там же, 86, 1.

ним³⁰. Курций упоминает о штурме скалы, которую осаждал Кратер, а затем сам Александр, о взятии этой скалы при помощи большого пламени, образовавшегося в результате вспыхнувших от палящего солнца деревьев³¹. В отличие от Диодора, это событие имело место раньше похода против парапамисадов. Приняв новое пополнение, царь вступил в страну воинственного племени дрангов, сатрап которого Барсаент, боясь наказания, бежал в Индию³². Поставив нового сатрапа над армиями, Александр велел объявить поход в страну аримаспов, где пробыл два месяца. Затем он покорил арахозиев и дал им нового наместника³³. Наконец, перед походом в Бактрию Александр отправился в суровую холодную страну парапамисадов, где его войско терпело голод, холод и отчаяние. Многие погибли от непривычного холодного снега, многие обморозили ноги, у большинства же людей пострадали глаза³⁴.

Итак, все источники упоминают о походе Александра в Гирканию. С некоторыми разночтениями Арриан, Диодор и Курций говорят о парфянском походе и о походе в Арию. Далее, Диодор прибавляет выступление в Арахозию и Парапамис, а Курций — поход против дрангов (у Арриана — зарангов), в страну аримаспов и к парапамисадам.

Следует отметить, что области Парфии, Гиркании, Арии, Дрангианы, Арахозии и Парапамиса являются областями, близко соприкасающимися со Средней Азией, но не собственно Средней Азией. Это было укрепление тыла для вступления македонской армии в среднеазиатские области, на территории которых развернулись особые драматические события. О них будет сказано дальше. Здесь же мы хотим отметить лишь основные маршруты войск Александра и подчеркнуть, что продвижение его войск по непосредственной территории Средней Азии определялось не столько намерениями самого царя, сколько необходимостью противостоять мощной волне антимакедонских выступлений. Более определенно эти маршруты очерчены у Арриана.

---

³⁰ Curt. VI, 6, 20—22.

³¹ Там же, 23—31.

³² Там же, 36.

³³ Там же, 7, 3, 1, 4—5.

³⁴ Там же, VII, 3, 6—12.

Арриан указывает, что, покoнчив с загов0ром Филоты, Александр пошел в Бактрию. Сделать это вынудили его опасные действия Бесса³⁵. Он прибыл в Драпсак, дал войску отдохнуть и повел его на самые большие города в бактрийской земле Аорн и Бактры, которые взял с ходу³⁶. После этого двинулся к реке Окс (Амударья), которую форсировал в течение пяти дней³⁷. Преодолев эту трудную глубоководную преграду, он спешно направился туда, где по его сведениям, находился Бесс с войском. Пленение Бесса приостановило продвижение греко-македонского войска в этом направлении. Вынужденное обстоятельствами, оно двинулось к столице Согдианы — в Мараканду. Оттуда взяло курс к реке Танаис³⁸. В связи с усилившимся антимакедонским движением в центре Согдианы Александр решил укрепить свой тыл взятием ряда городов³⁹. После этого отправил в Мараканду часть войск, а сам переправился через Танаис для борьбы со скифами⁴⁰. Однако, узнав о печальной участи своих войск в Согдиане, Александр был вынужден пойти к Мараканде, чтобы преследовать Спитамена до самой пустыни. Повернув обратно, он, опустошая, прошел по всей стране, которую орошает Политимет⁴¹.

Прибыв к Зариаспу «пока зима не сломалась», Александр решает идти обратно в Согдиану с частью войска, а командиров Полисперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра оставляет в Бактрии, приказав им следить за страной⁴². После гибели Спитамена войско Александра расположилось на отдых в суровое зимнее время в окрестностях Наутаки⁴³. В самом начале весны под руководством своего полководца оно пошло к согдийской скале, где собралось много согдийцев. С огромным трудом овладев согдийской скалой, а несколько позднее и скалой Хориена, Александр пошел на паретаков⁴⁴. Оставив на их усмирении Кратера и других командиров, сам он двинулся в

³⁵ Агг. III, 28, 1.

³⁶ Там же, 1.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, 30, 6, 7.

³⁹ Там же, IV, 2, 2—6.

⁴⁰ Там же, 3, 6; 4, 4—6.

⁴¹ Там же, 6, 5—6.

⁴² Там же, 7, 1; 15, 7; 16, 1.

⁴³ Там же, 18, 1—2.

⁴⁴ Там же, 18, 4—7; 19, 1—6; 21, 1—10.

Бактрию, куда через некоторое время вернулся и Кратер. Из Бактрии в конце весны 327 г. до н. э. Александр с войском пошел на индов⁴⁵.

В целом рассказ Курция о среднеазиатском маршруте Александра менее четкий, чем у Арриана, хотя основные направления движения войск совпадают. Это Бактрия и Согдиана, это действия Бесса и Спитамена, это переправа через Танаис и борьба с азиатскими скифами⁴⁶. Курций описывает весьма подробно захват скалы согдийца Аримаза, захват, который принес Александру «больше известности, чем подлинной славы»⁴⁷. Историк говорит о походе в страну Базаира (область Бактрианы), в Ксениппы, (северо-западная часть Согдианы), на даков, в область Согдианы Габаза, находящуюся к востоку от Наутаки, где македонское войско пережило страшную бурю, обрушившуюся с громадной силой и погубившую 2 тыс. воинов⁴⁸. Всех этих подробностей нет у Арриана. Они, эти подробности, акцентируют внимание на трудности похода и сложности обстановки, в которой оказался здесь честолюбивый полководец. Покончив со всеми делами в этих местах, говорит Курций, Александр «направил свои помыслы на войну с Индией»⁴⁹. Весной 327 г. до н. э. был предпринят важный по своему значению поход в Индию, к которому он тщательно готовился. В эту подготовку включались разведка и дипломатия.

Уже во время войны 328 г. до н. э. мы находим определенные указания на проект индийской экспедиции. Арриан прямо говорит, что тогда мысли Александра были заняты Индией⁵⁰. Персидский сатрап в индийской пограничной области Сисикотт перешел от Бесса к Александру и стал его верным, преданным советником. Еще в Согдиану явилось посольство от Таксила, первого большого индийского владыки на той стороне Инда, чтобы предложить ему свою поддержку при походе в Индию. Сын Таксила и наследник его власти Мофис известил Алек-

---

⁴⁵ Агг. III, 22, 2—3.

⁴⁶ Curt. VII, 4, 22; 5, 1, 13—19; 6, 10; 8, 30—39, 10, 10.

⁴⁷ Там же, VIII, 1, 1.

⁴⁸ Там же, 1, 7, 10; 2, 14; 4, 1—8, 13.

⁴⁹ Там же, 5, 3.

⁵⁰ Агг. VI, 15, 5.

сандра, что он будет воевать вместе с ним против непокорных индов⁵¹.

С начала лета 327 г. до н. э. Александр пошел по кратчайшему пути — через Гиндукуш в Александрию на Парапамисе и оттуда в Никею. Перейдя реку Копен, он предложил местным вождям присоединиться к нему и поддержать его мероприятия. Александр был намерен, использовав вражду племен, завоевать Индию при помощи самих индов. Это, конечно, не означает, как думает П. Клоше, что македонский царь собирался идти в Индию не как завоеватель, а как соратник местных князей⁵². В действительности, интересы Александра и ряда индусских вождей здесь совпадали. Первый надеялся при помощи вторых завоевать страну, вторые при помощи первого — бороться со своими соперниками внутри страны. Этим объясняется, почему многие из них, прежде всего Таксил, пришли к нему с ценными подарками и со слонами⁵³.

Александр разделил свое войско на две колонны. Первую колонну под командованием Гефестиона и Пердикки он послал по прямой дороге к Инду с определенной задачей приготовить все для переправы через реку. Все земли, лежавшие на их пути, им было приказано покорять силой или присоединять на договорных началах⁵⁴. В эту часть македонского войска входили полки Горгия, Клита и Мелеагра, половина конницы «друзей» и вся наемная конница. Ей были приданы отряды Таксила и других индусских вождей. Поставленную македонским царем задачу эта колонна выполнила без особого труда. Она покорила после 30-дневной осады сильнейший опорный пункт противника, оставила крепость и укрепления для защиты связи, построила корабли, которые можно было легко разбирать, перевозить на повозках, а затем снова собирать. Наличие многих рек в этих местах делало такой способ кораблестроения необходимым⁵⁵.

⁵¹ Diод. XVII, 86, 5.

⁵² P. Clouhé. Alexandre le Grand, p. 85—86.

⁵³ Arr. IV, 22, 6; ср. Curt. VIII, 10, 1; Strabo, XV, стр. 697.

⁵⁴ Arr. IV, 22, 7.

⁵⁵ Curt. III, 10, 3. Местные жители Индии не были знакомы с македонским способом ведения войны, но и сами македоняне не знали форм военных действий этих народов. По свидетельству греческих писателей Элиана, Ктесия, Филострата и Фемисгия, они в то время, по-видимому, обладали даже какими-то протех-

Другая колонна, возглавляемая царем и включавшая большую часть тяжелой пехоты, половину конницы гетайров, лучников и копьеносцев, двигалась вдоль левого северного берега Копена. Ей приходилось в конце лета, осенью и зимой 328—327 гг. до н. э. преодолевать с трудом мужественное сопротивление защитников городов и горных крепостей.

После месячного отдыха армия Александра весной 326 г. до н. э. была готова перейти Инд. В своих дальнейших операциях македонский царь надеялся опереться на могущество и влияние царя Таксила, государство которого лежало непосредственно восточнее реки Инд. Его владения, как рассказывает Плутарх, не уступали величиной Египту, отличались большим плодородием и превосходными пастбищами⁵⁶. Это был тот самый царь, который еще раньше послал послов к Александру в Согдиану с богатыми дарами⁵⁷. Теперь же он поспешил навстречу его армии. Ранее он с почестями принял Гефестиона и бесплатно отпустил хлеб для его войска, а несколько позднее отправил Александру много крупного скота и около 3 тыс. быков, а также 56 слонов⁵⁸. Это добровольное присоединение одного из сильнейших индийских царей к македонскому царю было вызвано прежде всего желанием использовать военные силы завоевателя для ослабления или полного сокрушения своих могущественных соседей. Такими соседями были, в первую очередь, Пор (греки называли его Паурава), который по ту сторону Гидаспа владел значительным государством, и владетель области Кашмира Абисар. Пор и Абисар были в союзе и враждовали с Таксилем. Отсюда готовность последнего опереться против них на помощь извне.

Когда весной 326 г. до н. э. Гефестион, проявивший хорошие качества организатора, успешно наладил переправу через Инд и уже начал строительство флота, Таксил оказал помощь строительству моста доставкой продовольствия, послал после завершения этого строительства свою конницу с богатыми подарками. Подойдя к

ническими средствами, использовавшимися в военных целях. В состав этих средств в больших количествах могла входить селитра. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 196—197).

⁵⁶ Plut. Alex. 59.

⁵⁷ Arr. IV, 22, 5; Diod. XVII, 86, 3.

⁵⁸ Curt. VIII, 12, 6, 11.

Инду, Александр увидел мост, уже наведенный Гефестионом, два 30-весельных корабля и множество судов поменьше. Сюда от Таксила прибыли дары: талантов 200 серебра, 3 тыс. быков, годных на убой, больше 10 тыс. овец, 30 слонов, 700 всадников. Ему сообщили, что этот индийский царь в знак дружбы и расположения обязался отдать Таксилу — главный, самый большой и богатый из городов, расположенный между Индом и Гидаспом. Александр совершил жертвоприношение и устроил у реки состязания, конные и гимнастические⁵⁹.

На рассвете Александр перешел Инд и, вступив на землю индов, прежде всего направился к Таксиле, где его дружественно приняли, за что Александр дал им окрестной земли, сколько они пожелали⁶⁰. Это был первый индийский город, мирно встретивший македонян, если не считать город Нису, который был основан, по греческим легендам, Дионисом, а потому Александром пощажён и объявлен по просьбе жителей свободным⁶¹. Город Таксила был расположен на холме, у подножья которого протекала река; вокруг простиралась плодородная земля, вдали возвышались снежные цепи Гималаев. Это было бойкое место: здесь скрещивались торговые пути верхних стран через долину Кабула с западными странами. Благодаря своему положению и присоединению к государству Александра, город имел перспективу вырасти в один из важных торговых центров всей империи⁶².

В Таксиле к Александру прибыло посольство Абисара, царя горных индов. Будучи тайным союзником Пора, он сам не отважился явиться, а послал своего брата и знатнейших людей. С богатыми дарами пришли также послы от номарха Доксарей⁶³. Упорствовал лишь один Пор, который решительно отклонил требование Александра о покорении. Он был храбрым воином, владел на востоке Гидаспа обширным плодородным районом и мог выставить огромную армию. Кроме своих военных

---

⁵⁹ Arr. V, 3, 5. Ни Птолемей, ни Аристокл, которым следует Арриан, не говорят о том, как был построен мост через Инд. Арриан предполагает, что мост наводили на судах (Arr. V, 7, 1).

⁶⁰ Arr. V, 8, 2.

⁶¹ Arr. V, 1, 3—6; 2, 1—7; ср. Curt. VIII, 10, 10.

⁶² Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 345.

⁶³ Arr. V, 8, 3; ср. Curt. VIII, 13, 1.

сил, Пор надеялся на поддержку Абисара, которая не оправдалась, а также на климатические условия, которые должны были задержать македонскую армию.

Когда Александр объявил Пору, что он должен уплатить дань и встретить его у границы своего государства, Пор ответил, что лишь одно из этих требований будет исполнено: он встретит вступающего в его страну царя, но сделает это с оружием в руках⁶⁴.

Предстояла битва не только между Александром и Пором, но также между македонской и индийской техникой оружия, техникой боя. Индийское военное искусство уходило корнями ко времени эпохи Вед. Позднее была создана конница и для атаки использованы конные отряды, но вместе с тем не выходил из употребления старый способ борьбы на колесницах, правда, с течением времени значительно усовершенствованный. Все это требовало конного ведения боя. Очень опасными для противника представлялись боевые слоны. Медлительные в самостоятельной атаке, они, однако, значительно укрепляли ряды сражающихся, являлись важным заслоном для наступающей пехоты и отражали любую атаку конницы⁶⁵. При умелом обращении слоны могли прорваться сквозь любую пехоту. Управление слонами требовало высокого мастерства и большого искусства. В противном случае раненый слон в ярости мог столь же успешно топтать своих.

Полагают, что слоны были танками в античные времена. В действительности, они имели в войске три применения: 1) служили заслоном от конницы врага; 2) атаковали вражескую пехоту; 3) врывались в укрепления. Лишь последнее действие можно сравнить с действием танка⁶⁶.

Явное превосходство над врагом инды имели в стрельбе из лука. Они достигли в этом деле такой точности, ловкости и дальности, что стрела пробивала и щит, и нагрудную броню, сражая противника наповал. Именно

---

⁶⁴ Curt. III, 13, 2.

⁶⁵ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 347.

⁶⁶ После смерти Александра индийские слоны стали монополией Селевкидов. Другие — Карфаген и Птолемей — употребляли африканских слонов. (См.: W. Tarn. The Hellenistic military and naval Developments. New-York, 1966, p. 93—95).

такой стрелой был ранен в Индии сам Александр; пу-
щенная с близкого расстояния, она пробила панцирь и
вонзилась глубоко в ребро, оставив опасную рану, чуть
не оказавшуюся смертельной⁶⁷.

В мае — июне 326 г. до н. э. Александр направился к
Гидаспу во главе многочисленных воинов, из которых
5 тыс. индов были присланы Таксиллом и его соседями⁶⁸.
Это была пора сильных ливней и бурь, когда дороги
превращались в сплошные рытвины и грязь. В это вре-
мя Гидасп из Гималаев нес значительные массы воды с
большой силой, разливаясь в бурное море. Пор стал ла-
герем по ту сторону реки со всеми своими войсками,
чтобы не пустить врага через реку или напасть на него
во время переправы.

Александр послал Кена обратно к Инду, чтобы ра-
зобрать суда, на которых они преодолели этот водный
рубеж, и доставить их к Гидаспу. Этот приказ царя был
с точностью выполнен: суда были разобраны по частям
и на подводах доставлены до самого берега Гидаспа,
где они снова были собраны и готовы для выполнения
боевой задачи⁶⁹. Кроме того, Александр позаботился о
создании плотов из кожаных мешков, наполненных се-
ном. Однако он не осмелился форсировать широкую и
бурную реку на виду вражеского войска и слонов. Ему
приходилось готовиться к переправе тайно, стремясь
усыпить бдительность противника. Он разделил свою
армию на множество отрядов, часть из которых под его
началом совершала различные рейды по стране, опусто-
шая ее как вражескую, и одновременно изучая возмож-
ность наиболее удобной и наименее опасной переправы.
Другие отряды были разсланы в разные направления⁷⁰.
Эта маневренность отдельных воинских подразделений
не давала Пору ни минуты покоя, держала его и воинов
в постоянном напряжении и в то же время придавала
ему уверенность в том, что противник решил остаться
на берегу реки, пока вода не спадет, и переправа не ста-
нет возможной в разных местах⁷¹. Однако эта уверен-

---

⁶⁷ См. Д. Косамбн. Культура и цивилизация древней Индии.
М., «Прогресс», 1968, стр. 142.

⁶⁸ *Аг.* V, 8, 5.

⁶⁹ Там же, 4—5; 12, 4.

⁷⁰ Там же, 9, 2.

⁷¹ Там же, 3—4.

ность обманула его. Мероприятия Александра по форсированию реки — тайком, стремительно, незаметно — были своевременно не поняты противником. На этом и был построен весь план переправы. Она исключалась в том месте, где на берегу Гидаспа расположился лагерь Пор. Множество слонов и хорошо вооруженное большое войско легко могло напасть на выходящих на берег македонян, а слоны своим могучим видом и ужасным ревом перепугали бы лошадей. Чтобы обмануть противника относительно места и времени переправы, Александр ночью разослал по берегу в разные стороны всадников и приказал им имитировать попытку форсирования реки воинственными криками, шумом и грохотом, какие бывают при переправе. Пор вынужден был подходить к этим местам со своими слонами, чтобы противодействовать форсированию, но каждый раз убеждался, что эти действия были ложными, и возвращался в свой лагерь. Когда Пор перестал реагировать на эти действия македонской конницы и ограничился только выдвиганием сторожевых постов по берегу, Александр начал тщательную подготовку к переправе. Берег в месте форсирования был покрыт лесом и кустарником, а посреди реки находился остров, лесистый и совершенно безлюдный, который хорошо маскировал переправу войск.

Чтобы окончательно ввести в заблуждение Пору и создать видимость, что здесь находится вся македонская армия, в главном лагере была оставлена часть ее вместе с 5 тыс. индов под начальством Кратера. Ему было приказано вступить в бой, если противник устремится против главных сил Александра, или же в случае победы и бегства Пору⁷². Между главным лагерем и местом форсирования реки расположились наемная конница и пехота под руководством Мелеагра, Аттала и Горгия. Эти отряды должны были начать переправу, когда будет замечено, что инды уже ввязались в битву⁷³.

---

⁷² Arr. V, 11, 3—4. Курций, не отрицая этого маневра Александра, дает ряд иных подробностей, чем Арриан. Он вообще не упоминает Кратера, а говорит о Птолемеи и Аттале. Первый получил приказ царя на протяжении многих дней делать вид, что готовится переправа, а второй, внешне похожий на Александра, был одет в царский наряд, находился вокруг царского шатра, чтобы создать видимость присутствия здесь самого царя, не помышляющего о переправе. (Curt. VIII, 13, 18—22).

⁷³ Arr. V, 12, 1.

Ночью, в крошечной тьме, во время сильной грозы и проливного дождя началось форсирование реки Гидасп на мечах и судах. Наблюдательные посты Пора заметили македонское войско только тогда, когда оно обогнуло остров и было уже совсем близко от берега⁷⁴. Александр первым вступил на берег, а вслед за ним 5 тыс. всадников и 6 тыс. гипаспистов с легкой пехотой. Но здесь обнаружилась неожиданная трудность. Из-за незнания местности македонская армия оказалась не на левом берегу реки, а на втором большом острове, отдаленном от земли протоком. Поднявшаяся от ливня вода затрудняла поиск брода, а когда он был найден, идти через него оказалось трудно⁷⁵. Едва это препятствие было преодолено и войско выстроено в полном боевом порядке, как появился противник. Александр думал, что он имеет перед собой всю армию Пора, но это была лишь небольшая часть ее во главе с его сыном. О численности этого отряда и его действиях Арриан приводит три версии: 1) версия, идущая от Аристубула и повествующая о том, что сын Пора явился с 60 колесницами к переправе, когда Александр еще не завершил ее, но они не помешали ему спокойно переправиться на берег и без особого труда были обращены в бегство; 2) согласно второй версии (авторы ее не называются), инды во главе с сыном Пора вступили в сражение с Александром, в результате которого он был ранен, а его конь Буцефал погиб; 3) версия, идущая от Птолемея (ей следует и Арриан), согласно которой Пор послал своего сына с 2 тыс. всадников и 120 колесницами навстречу переправлявшейся македонской армии⁷⁶.

Выяснив в точности силы индов, Александр стремительно обрушился на них своей конницей и одержал над ними полную победу. В этом столкновении пало 400 индов вместе с их предводителями. Были захвачены колесницы, которые оказались очень тяжелыми, бесполезными в сражении и беспомощными в отступлении по грязной, размытой земле⁷⁷. Спасшиеся бегством всадники сообщили Пору о случившемся. Пор решил всей своей

---

⁷⁴ Агр. V, 12, 4.

⁷⁵ Там же, 13, 3.

⁷⁶ Там же, 14, 2—6.

⁷⁷ Там же, 15, 2.

армией дать бой Александру. Так, в мае 326 г. до н. э. началась знаменитая битва при Идаспе. Главное известие о ней, как и о предыдущих сражениях, приводится у Арриана на основании изображения Птолемея, который сам находился в окружении царя и опирался как на свои собственные воспоминания, так и на компетентные наблюдения своих современников.

Численность войска Пора Арриан определяет следующим образом: около 4 тыс. всадников, 300 колесниц, 200 слонов и около 30 тыс. пехотинцев⁷⁸. Оставив в лагере несколько слонов и небольшое число воинов, чтобы отпугивать от берега всадников Кратера, Пор со своим войском устремился на Александра и выстроился для боя против македонской армии на ровном месте, удобном для конной атаки и маневрирования. В первой линии находились боевые слоны, во второй — пехота; часть пехота была выстроена в интервалах между слонами. Пехота стояла также на флангах; по обеим ее сторонам была выстроена конница, а перед ней с обеих сторон находились колесницы⁷⁹.

Александр, видя сосредоточение сил индов в центре, где вперед были выдвинуты слоны, а в промежутках между ними стояли густые ряды пехоты, решил использовать свое превосходство в коннице и нанести удар по левому флангу противника. Против его правого фланга был выставлен Кен с гиппархией Деметрия и его собственной, в задачу которого входила атака вражеской конницы левого фланга с тыла в случае ее выдвижения вперед навстречу правому крылу македонской армии. Наконец, фаланга тяжелой пехоты под руководством Селевка, Антигена и Таврона имела приказ вмешаться в сражение в том случае, когда станет очевидным, что боевой порядок индов расстроен⁸⁰.

Битва началась с того, что Александр двинул против левого крыла индов около тысячи конных лучников, чтобы они тучей стрел и стремительным натиском привели в смятение вражеских воинов на этом фланге. Туда же кинулся он сам вместе с всадниками-«друзьями»,

---

⁷⁸ Агг. V, 15, 4.

⁷⁹ Там же, 7.

⁸⁰ Там же, 16, 2—3.

стараясь ударить на них, пока они еще в замешательстве не успели выстроить свою конницу⁸¹.

Для того, чтобы отразить действия македонской конницы, Пор отовсюду стянул своих всадников, которые поскакали наперерез Александру, и конница Кена, как это предполагалось, оказалась у них в тылу. В результате инды вынуждены были действовать своей конницей на два фронта: большую и лучшую часть бросить против Александра, остальных — на Кена⁸². Это сразу же вызвало замешательство в рядах индов. На их левом крыле возникла бешеная давка из конницы, колесниц, пехоты и слонов, которые сами себе больше всего мешали. Используя этот момент, Александр напал на центр вражеского войска. Не дожидаясь его удара, инды бросились врассыпную к слонам, «как к спасительной стене». В таких условиях начался специфический бой, отличный от всех предыдущих. Впервые в истории македонского военного искусства бой велся с применением большого количества слонов. Когда их вывели против конницы, македонская пехота двинулась против слонов, поражая их и их вожakov дрютиками. В это время конница индов бросилась на конницу македонян, но одолеть их не смогла. Македонская конница, превосходя своих врагов силой и боевым опытом, стала маневрировать в зависимости от обстановки, то нападаая на слонов, то отступая перед ними⁸³. Арриан пишет, что когда слоны были отеснены и загнаны в узкие места, то они, толкаясь и топча людей, наносили вред своим не меньше, чем врагам. Раненые слоны без вожakov беспорядочно бродили по полю битвы, бросались на тех и других, расталкивали людей, топтали и убивали их. Особенно от них пострадали сами инды, двигавшиеся между слонами, в то время как македоняне обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, и копьями преследовали их, когда они поворачивались к своим. Наконец, говорит Арриан, животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять⁸⁴. В этих условиях Александр окружил все вра-

---

⁸¹ Arr. V, 16, 4.

⁸² Там же, 17, 1.

⁸³ Там же, 2—4.

⁸⁴ Там же, 17, 7.

жёское войско своей конницей, а его пехота шла в бой самым тесным строем, сомкнув щиты. Во взаимодействии этих частей он наседавал на врага со всех сторон, многих перебил и обратил в бегство. Окончательно подавила сопротивление индов переправа Кратера и других македонских военачальников с отрядами македонской армии, оставленных на правом берегу Гидаспа. Видя победу Александра, они беспрепятственно переправились через реку и усилили избиение отступавших врагов⁸⁵. Началось преследование.

В этом сражении, по несколько увеличенным данным македонской стороны, погибло и стало жертвой преследования индов-пехотинцев немногим меньше 20 тыс., всадников около 3 тыс. Погибли также два сына Пора, все командиры, вожаки слонов, возничие вместе с колесницами, которые все были изрублены⁸⁶. Сам Пор, человек большого мужества и отваги, в отличие от персидского царя Дария, сражался до конца и раненым попал в руки Александра.

Арриан нарисовал довольно идиллическую картину встречи двух враждебных полководцев. Внешность, храбрость и энергия Пора произвели на Александра необычайное впечатление, и он пожелал спасти его. Посланный к нему, чтобы передать волю македонского полководца о прекращении сопротивления, Таксил едва не погиб от руки своего старинного врага. Но Александр стал посылать к нему одного человека за другим, пока тот не согласился идти к Александру. Последний вышел к нему навстречу и первый спросил его, чего он для себя хочет. Пор ответил: «Чтобы ты обращался со мной по-царски». Александр, которому понравился этот ответ, сказал, что он это сделает ради самого себя. «А ты попроси ради самого себя, что тебе мило». Пор ответил, что в его просьбе заключено все. Александр вручил Пору власть над его индами и прибавил к его прежним вла-

---

⁸⁵ Arr. V, 18, 1. Сведения о потере у македонян Арриан, наоборот, дает слишком заниженные. Так, из 6 тыс. пехотинцев Александра, принимавших участие в первой схватке, потеряно самое большее 80 человек; конных лучников, которые начали сражение, погибло 10 человек; всадников «друзей» около 20, прочих всадников человек 200. (Arr. V, 18, 3).

⁸⁶ Arr. V, 19, 1—3.

дениям еще другие. С того времени стал Александру Пор верным другом ⁸⁷.

Изложение этих событий у Плутарха дано в виде письма Александра, которое вряд ли можно рассматривать как достоверное ⁸⁸. Керст считает, что оно сочинено на основании хорошего, особенно птолемеевского и аристубуловского, предания ⁸⁹. Дельбрюк, наоборот, полагает, что оно написано безграмотным в военном отношении человеком ⁹⁰. В плутарховом, довольно кратком, изложении имеется ряд точек соприкосновения с Аррианом. Почти идентичным является описание подготовки и осуществления македонянами переправы через Гидасп, первой стычки с отрядом индов, непосредственного сражения с Пором, встречи Пора с Александром и укрепления последним его власти ⁹¹. Можно указать лишь на различие в определении количества войск Пора, которое в сравнении с Аррианом сокращено. Плутарх указывает, что Пор выставил против македонян только 20 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников и что с этим небольшим войском инды решительно сопротивлялись. Плутарх обращает внимание и на большое значение этой битвы в дальнейших судьбах восточных походов: она расхолодила македонян, которым уже не хотелось идти по Индии дальше ⁹².

Иное количество войск Пора мы встречаем у Курция. Оно определяется 85 слонами необычайной силы, 300 колесницами и почти 300 тыс. пехотинцев, в том числе стрелков с такими тяжелыми стрелами, что им было трудно стрелять. Самого Пора вез слон, который был выше остальных: оружие, украшенное золотом и серебром, делало еще более величественной и без того редкую по росту фигуру царя. Его дух соответствовал его физической силе ⁹³.

Курций более отчетливо выражает трудности, с которыми встречались македоняне: их страшил не только вид

---

⁸⁷ Arr. V, 19, 1—3.

⁸⁸ См.: E. Pridik. *De Alexandri Magni epistolarum commercio*. Berlin, 1893, S. 104.

⁸⁹ J. Kaerst. *Op. cit.*, p. 364, примечание.

⁹⁰ Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 190.

⁹¹ Plut. Alex. 60.

⁹² Там же, 62.

⁹³ Curt. VIII, 13, 6—7.

врагов, но и стихия быстрой и бурной реки, которую им предстояло перейти. И река, и враг привели их в ужас, говорит историк⁹⁴.

В изображении самой битвы Курций среди ее участников приводит других действующих лиц, чем Арриан. Так, во главе отряда, высланного Пором против подошедшего вражеского войска, был не его сын, а брат Гатес; против правого фланга индов Александр выслал Пердикку со всадниками, а в числе нападающих на центр их указано имя Леонната вместо Селевка у Арриана⁹⁵. У Курция мы находим более подробное описание действий колесниц и слонов в боевой обстановке. На каждой колеснице ехало шесть человек: двое со щитами, двое стрелков, остальные возницы, тоже вооруженные. Когда дело доходило до рукопашной, последние бросали вожжи и металы в неприятеля множество дротиков. В день битвы сильный дождь размыл поля, и тяжелые, малоподвижные колесницы вязли в грязи. При первом столкновении с македонскими всадниками они сбивали их с ног, но в это же время сами колесницы застревали на скользких и непроезжих местах, и возницы соскальзывали с них. Испуганные кони опрокидывали некоторые колесницы не только в рытвины, но и в реку⁹⁶. Беспорядочное движение колесниц по всей линии фронта заставило Пору разделить слонов, а за ними поместить пехоту и стрелков. Слоны, стоявшие среди воинов, издали были похожи на башни. Они вызывали у македонян страх и намерение бежать от них, внося смятение в ряды македонского войска⁹⁷. Против них Александр выслал легковооруженных агриан и фракийцев, которые пустили в слонов и в их погонщиков массу стрел. Эти действия вызвали у слонов ярость. Они хоботом схватывали вооруженных смельчаков и через голову подавали их своим погонщикам. По утверждению Курция, битва оказалась безрезультатной: македоняне то преследовали слонов, то бежали от них. Этот переменный успех длился до того времени, пока воины Александра не стали топорами-копидами подрубать слонам ноги и хоботы. Обес-

---

⁹⁴ Curt. VIII, 13, 8, 11; ср. Polyæn, IV, 3, 9, 22.

⁹⁵ Там же, 14, 5, 15.

⁹⁶ Там же, 7—8.

⁹⁷ Там же, 13, 22.

силев от ран, слоны в бегстве валили своих, а погонщики падали на землю и были раздавлены. В итоге сами инды вынуждены были в страхе перед слонами, которых больше не могли укротить, бросать поле боя⁹⁸.

Более определенно, чем в других источниках, у Курция изображен Пора, решительный и смелый, не идущий на компромиссы. Покинутый многими, он продолжал сражаться, но и сам стал мишенью врагов. Уже девять раз его ранили в спину и грудь, он потерял много крови, и силы его были исчерпаны, но и в этих условиях продолжал он бороться, пока, весь израненный вражескими стрелами, не упал со слона и не попал вместе с остальными индами в руки победителей. Но когда македоняне захотели снять с Пора доспехи, его слон начал нападать на них, не допуская их к своему хозяину, которого он поднял себе на спину. Пора был захвачен только тогда, когда его слон был прикончен⁹⁹. Остальные события, следующие за пленением Пора, и встреча его с Александром в общем не отличаются от данных Диодора.

Некоторые новые подробности мы находим в изложении Диодора. Прежде всего он дает совершенно иное количество войск индов в битве при Гидаспе. По его расчету, у Пора было: конницы около 3 тыс. человек, колесниц больше тысячи и 130 слонов¹⁰⁰. Кроме того, Диодор указывает на союз Пора с соседним царем Амбисаром, войско которого было немногим меньше его собственного. Александр боялся их объединения и пытался напасть на Пора прежде, чем это объединение осуществится. Всю расстановку армии Пора перед битвой Диодор сравнивает с укрепленным городом: слоны в их грозном воинском уборе стояли как башни; солдаты между ними играли роль простенков¹⁰¹. Описание слонов в битве близко к изложению Курция. Слоны вступали в бой тогда, когда македонская конница уничтожила все колесницы. Используя огромную массу своих тел и свою могучую силу, слоны топтали врагов вместе с их оружием, других охватывали хоботом и, поднимая вверх, швыряли на землю; люди умирали страшной смертью, многие

---

⁹⁸ Curt. VIII, 14, 30.

⁹⁹ Там же, 38—40.

¹⁰⁰ Diod. XVII, 87, 2.

¹⁰¹ Там же, 5.

были насквозь пронзены клыками и тут же выпускали дух¹⁰². Македоняне у Диодора боролись против слонов теми же методами, о которых сообщил нам Курций. С ним согласуется и описание последних действий Пора¹⁰³.

Диодор приводит сведения о потерях, которые отличаются от других известий. По Диодору, в этом сражении индов пало больше 12 тыс., среди них двое сыновей Пора и самые славные военачальники; в плен взято больше 9 тыс.; поймано 80 слонов. Что касается македонян, то они потеряли всего 280 всадников и больше 700 пехотинцев¹⁰⁴.

Наконец, сообщения Юстина об этой битве очень фрагментарны. Юстин — единственный из историков, кто сообщает о поединке между Александром и Пором. Когда началось сражение, последний приказал своему войску напасть на македонян, а сам пожелал вступить с их царем в бой один на один. Александр не замедлил принять вызов, но в первой же стычке конь его был ранен, и он упал с коня на землю. Спасли его телохранители¹⁰⁵.

Поскольку в источниках имеются значительные разночтения по целому ряду вопросов этой битвы, в буржуазной историографии мы редко найдем ее конкретный разбор. Большинство буржуазных историков ограничиваются общей оценкой этого последнего большого сражения в военной деятельности Александра¹⁰⁶.

Совершив по случаю победы жертвоприношения и устроив гимнастические и конные состязания на берегу Гидаспа в том месте, где Александр перешел реку в первый раз со своим войском, он дал последнему 30-дневный отдых. Припасов было в изобилии¹⁰⁷.

После отдыха македонский царь двинулся во внутренние области Индии, продолжая свой поход в восточ-

¹⁰² Diod. XVII, 88, 1.

¹⁰³ Там же, 3—6.

¹⁰⁴ Там же, 98, 2—3.

¹⁰⁵ Just. XII, 8, 1—4.

¹⁰⁶ См.: J. Kaerst. Op. cit., S. 364; U. Wilcken. Op. cit., S. 170; W. Tarn. Alexander the Great, p. 350—351; Н. С. Голицын. Указ. соч., стр. 400—410; Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 186—193. В советской военной науке эта битва рассмотрена у И. Е. Разина. (См. указ. соч., стр. 241—246).

¹⁰⁷ Arr. VI, 4, 2.

ном направлении к реке Акесину. Кратер с частью войска был оставлен для того, чтобы укрепить основанные в этих местах города, а сам Александр во главе половины конницы «друзей», отборных пехотинцев, всех конных лучников отправился в богатую, густонаселенную страну главгаников, по словам Аристубула, или главсов, по словам Птолемея. Здесь он без особого труда подчинил около 37 городов, многие из которых имели население более 10 тыс. Большое число селений, которые он взял, не уступали по многолюдству городам ¹⁰⁸.

Эти приобретения Александр присоединил к государству Пора. Таксил, который до сих пор сопровождал войска, после примирения его с Пором был отослан домой. Вскоре был отослан к себе домой и Пор с определенным заданием — привести к Александру индийских рекрутов. Арриан сообщает, что в это время к Александру пришли многочисленные посольства: от Абисара, отдавшего себя и страну свою во власть македонского царя, от независимых индов и от Пора, другого индийского царька. Тогда же пришел сюда и Фратаферн, сатрап Парфии и Гиркании, и привел оставленных у него фракийцев ¹⁰⁹.

Следуя за своими индусскими союзниками и верным сатрапом Фратаферном, Александр пошел дальше вдоль предгорья Гималаев в юго-восточном направлении. Вскоре подошел он к следующей большой индийской реке — к быстрому Акесину. Переправа через нее оказалась очень трудной. Переправлялись на судах и мехах. Особенно пострадали те, которые погружались на суда. Многие из тех судов вместе с воинами наскakивали на высокие подводные камни, разбивались и тонули ¹¹⁰. С трудом переправившись через реку, Александр оставил здесь на берегу Кена, чтобы подготовить переправу для Кратера с остальными воинами, транспортом и провиантом ¹¹¹.

Сюда должен был прийти и Пор с набранными воинами и слонами. Сам же он решил преследовать его племянника, который раньше давал ему обещания, а

---

¹⁰⁸ Агр. V, 20, 4.

¹⁰⁹ Там же, 5, 6.

¹¹⁰ Там же, 8, 9.

¹¹¹ Там же, 21, 1.

потом изменил им. Дорога была труднопроходимой. Ее преграждали огромные девственные леса. В лесах вызвали удивление большие банановые деревья и дикие павлины. Но особенно многочисленны были ядовитые змеи, после укуса которых наступала мгновенная смерть¹¹². От этих змей, которые кишели кругом, и на марше, и в лагере пострадало много воинов. Не зная, как с ними бороться, и чтобы уберечь себя от змеиного яда, они стали подвешивать постели к деревьям и большую часть ночи проводили без сна. Македонские врачи оказались бессильны против яда змей, и только инды могли помочь лечить их укусы. Узнав от местных жителей, какой корень служит противоядием, они избавились от своих страхов¹¹³.

На всем пути следования Александр в подходящих местах ставил сторожевые посты, чтобы Кратер и Кен «в поисках продовольствия могли спокойно обойти значительную часть этой земли»¹¹⁴. Гестеион с частью войска был отправлен в землю отпавшего Пора для его покорения и присоединения его земель к государству другого Пора, оставшегося верным македонскому царю. Сам Александр переправился через следующую большую реку Гидраот с меньшим трудом, чем через Акесин.

Александр направился к Гифасису, предпоследней среди рек Пенджаба, и остановился на некотором расстоянии от крупного укрепленного города, который считался столицей царства софитов; глава его Софит в сопровождении большого кортежа и своих сыновей вышел к нему навстречу в пурпурном платье, украшенном золотом, и в сандалиях, усыпанных драгоценными камнями. Он вручил Александру скипетр и много подарков, чем и сохранил свое царство, богатое соляными копиями, серебрянными и золотыми рудниками¹¹⁵. Покорился Александру и сосед Софита Фегей¹¹⁶. Именно от него Александр узнал подробности о стране, лежащей по ту сторону Гифасиса: этот обширный район омывается величайшей из рек всей Индии — Гангом — и населен му-

¹¹² Curt. IX, 1, 12; ср. Diod. XVII, 90, 6.

¹¹³ Diod. XVII, 90, 7.

¹¹⁴ Arr. V, 21, 4.

¹¹⁵ Curt. IX, 1, 24—30; Diod. XVII, 91, 4—8; 92, 1; Strabo, XV, стр. 698—699.

¹¹⁶ Там же, 1, 4.

жественными и трудолюбивыми племенами прасиев и гандаров. Их царь Ксандрам владеет обильными ресурсами, а также большой военной силой: 20 тыс. всадников, 200 тыс. пехотинцев, 2 тыс. колесниц и 4 тыс. боевых слонов¹¹⁷. Пор подтвердил эти сведения. Эти рассказы, говорит Арриан, еще больше подстрекнули Александра в его желании идти дальше, достичь Ганга и, плывя по нему, достигнуть океана, где, по мнению некоторых авторов VI и V вв. до н. э. заканчивается обитаемый мир¹¹⁸.

У берегов Гифасиса войско Александра опять соединилось вместе. Прибыли сюда Кратер и Кен с их подразделениями и транспортом, а также Пор. Позади оставались все трудности, которые доставляли переправа через реки, болезни, дикие леса и ядовитые змеи. С переправой через Гифасис должен был начаться последний отрезок завоевания всего Востока. Но эта задача оказалась невыполненной. Его войско отказалось от продолжения похода. В силу этих обстоятельств он вынужден был прекратить поход и отдать приказ о возвращении.

§ 2. Возвращение (326—324 гг. до н. э.)

Возвращение в Переднюю Азию македонского войска было сопряжено с большими трудностями как вследствие сложности пути, так и ввиду серьезного сопротивления местных племен и народностей. Эти трудности усугублялись еще тем, что нельзя было в силу различных обстоятельств совершать поход, не разделив армии. Александр вынужден был решиться на разделение войска. В начале ноября 326 г. до н. э. закончилось строительство флота, экипаж которого под руководством Неарха, включавший эллинов, финикийцев и египтян, состоял из 33 триерархов (из которых 24 македонские). Александр посадил на суда 8 тыс. человек и сам сел на триеру¹¹⁹. Все суда двинулись в строгом порядке, на

---

¹¹⁷ Diod. XVII, 93, 2; ср. Arr. V, 25, 1. Курций вместо «гандары» называет племя «гангариды», вместо царя Ксандрама называет царя Аграмма. Количество слонов исчисляет 3 тыс. (Curt. IX, 2, 3—4).

¹¹⁸ Arr. V, 25, 2.

¹¹⁹ Количество кораблей флота Александра в источниках указывается по-разному. Арриан, ссылаясь на Птолея, указывает, что кораблей было множество, 30-вёсельных около 80; всех же

определенном расстоянии один от другого, чтобы избежать столкновений. Ни с чем нельзя было сравнить шум от плеска весел, пишет Арриан, от крика командиров и восклицаний гребцов; эхо разносилось по пустынным лесам, стоявшим по обе стороны реки. Вид большого количества лошадей на баржах потряс местных жителей¹²⁰. Остальная часть войск во главе с Кратером, Гефестионом и сатрапом Индии Филиппом шла по берегу. Через несколько дней эти силы соединились там, где сливались Гидасп и Ажесин, чтобы позднее снова разделиться. В месте слияния этих рек образуются страшные водовороты, где вода кипит и вздымается волнами, как на море. Страшный рев ее и грохот изумил и утратил воинов Александра. Предстояла решительная борьба с водной стихией. Особенно пострадали военные корабли; двое столкнулись и разбились; много людей погибло. Более легкие суда были выброшены на берег. В сильной быстрине чуть не погиб сам царь¹²¹. Лишь тогда, когда река расширилась, течение стало не таким быстрым, а водовороты не такими сильными, корабли смогли причалить к правому берегу и стать в тихой воде.

Поздней осенью 326 г. до н. э. Александр выступил со своим флотом из Гидаспа. По обеим сторонам реки двигались большие отряды под командованием Кратера и Гефестиона. Последних с их отрядами он отправил вперед, а сам поплыл вниз по реке¹²². Ему приходилось неоднократно приставать к берегу, чтобы сломить сопротивление живущих в этих прибрежных местностях народностей. По утверждению Арриана, Александр подчинил себе живущих по Гидаспу индов: одни покорились добровольно, тех, которые брались за оружие, он усмирял силой¹²³.

судов — грузовых и военных, старых и вновь построенных — было немногим меньше 2 тыс. (Arr. VI, 2, 4). Но тот же Арриан в другом месте (Ibid. 19, 7) ограничивает количество судов в целом 800. Керст объясняет наличие двух сведений у одного автора совпадением в звучании этих чисел (J. Kaerst. Op. cit., S. 367; ср.: K. Müller. Geographi Graeci minores, Bd. I, S. 35). Курций (IX, 3, 22) и Диодор (XVII, 95, 5) дают в общем одинаковые сведения о числе кораблей: они считают, что их было 1 тыс.

¹²⁰ Arr. VI, 3, 2—4.

¹²¹ Там же, 4, 4—5; 5, 1—3; Curt. IX, 4, 9—13.

¹²² Arr. VI, 4, 1—2.

¹²³ Там же, 2.

В январе 325 г. до н. э. Александр, которого тяжелое ранение вынудило на длительное бездействие, возобновил поход на юг, увеличив количество судов¹²⁴.

Когда в городе Паттале, где Инд разделяется на два больших рукава, были устроены гавань и верфь, Александр решил спуститься по первому рукаву до его впадения в море¹²⁵. Царь и его лучшие суда плыли вниз по западному рукаву дельты, по левому берегу которого сопровождал флот 10-тысячный отряд солдат. Это путешествие оказалось очень тяжелым. Прежде всего, оно не было обеспечено надежной разведкой; отсутствовали проводники, так как местные инды, хорошо знавшие лоцманское дело, демонстративно разбежались, не желая служить захватническим целям македонян¹²⁶. У последних было смутное представление о пути, по которому следовали. Неизвестно было, далеко ли до океана, куда стремился Александр, какое живет здесь население, каковы особенности малоизвестной реки и возможности беспрепятственного плавания по ней военных судов.

Уже в самом начале путешествия стало очевидным, что тяжело ориентироваться во время марша без проводителей. К тому же большим препятствием стал юго-западный муссон, который на второй день принес сильную бурю. Эта буря вместе с начавшимся приливом погнала воду против течения. Сильный ветер метал суда в разные стороны, большая часть их была повреждена, а некоторые 30-весельные корабли совсем разбиты¹²⁷.

Только после того, как пострадавший флот был починен и македонские воины насильно заставили местных жителей выполнять роль лоцманов, экспедиция Александра нашла правильный путь к морю. Несколько воинов было спущено с корабля на берег, чтобы расспросить у кочевников подробности о стране. На вопрос,

---

¹²⁴ Arr. VI, 4, 14, 4.

¹²⁵ Там же, 18, 2. Александр верил, что Инд впадает в Нил. Он утвердился в этом мнении, когда на Инде и Индаспе были обнаружены крокодилы, а на Акесине — цветы лотоса. Однако, на основе известий, поступивших от местных жителей, вскоре стало ясно, что речная система Инда несет свои воды в исключительно большое море, что не может быть речи о его впадении в Нил. Александр должен был отказаться от полюбившейся ему гипотезы. (См. Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 366, 377).

¹²⁶ Arr. VI, 18, 4; Curt. IX, 9, 9.

¹²⁷ Arr. VI, 18, 4.

далеко ли море, кочевники ответили, что ни о каком море они не слышали, но что на третий день можно дойти до горькой воды, сменяющей сладкую; было понятно что так люди говорили о море, не зная его других свойств ¹²⁸. На третий день действительно подошли к морю. Проводники направили суда в канал, где и собрался весь флот. Неожиданно его настигло бедствие морского прилива и отлива, с которым македоняне не знали как бороться. Им казалось, что они видят чудеса или проявления гнева богов ¹²⁹. Море продолжало подниматься и набегать на берега. Волны разбросали весь флот. Началась паника и суматоха. Корабли стали сталкиваться и мешать друг другу, весла обламываться. Курций говорит, что создавалось впечатление не о стоянке одного флота, а о морском сражении между двумя вражескими флотами. Носы кораблей ударялись о кормы, задние корабли, напирая на передние, сбивали их с курса; в раздражении люди доходили до рукопашных схваток ¹³⁰. Спутников Александра повергло в еще больший ужас, когда вода неожиданно с шумом отступила, и суда оказались на мели. Корабли опрокидывались одни на нос, другие на борта. Берега были завалены снаряжением, оружием, обломками. По берегу ползли страшные морские чудовища, выброшенные морским прибоем. Когда затем вода поднялась и обрушился угрожающей волной прилив, поднятые суда, особенно те, которые не были прочно укреплены на месте, под напором воды или наскакивали друг на друга, или ударялись о берег и разбивались ¹³¹.

В этих условиях Александр, исправив прежнюю оплошность, послал два разведывательных судна, которые вывели флот к острову Киллуту. У Плутарха он назван Скилуотипидой ¹³². Этот остров был достаточно велик, имел воду и пристань ¹³³. Александр же с неповрежденными судами поплыл дальше и вышел в открытое море, где достиг другого острова, расположенного на востоке. На плотках и двух островах были совершены пышные жертвоприношения в честь Посейдона. Затем он вернул-

---

¹²⁸ Curt. IX, 9, 6.

¹²⁹ Там же, 10.

¹³⁰ Там же, 9, 16—17.

¹³¹ Arr. VI, 19, 2.

¹³² Plut. Alex. 66.

¹³³ Arr. VI, 19, 3.

ся обратно в Патталу, где застал сооруженную крепость и Пифона, выполнившего все данные ему поручения. Александр поручил Гефестиону приготовить все для укрепления гавани и построить верфь¹³⁴. Сам же он спустился по другому восточному рукаву Инда, чтобы выяснить, каким рукавом легче доплыть до моря. Во время плавания он достиг большого лимана, образованного разливом реки, не испытывая тех препятствий, которые встречались в западном рукаве; затем осмотрел побережье с востока на запад, приказал рыть здесь колодцы для мореплавателей, после чего вернулся в Патталу. По его указанию на лимане началось строительство новой гавани и новой верфи. Здесь был оставлен гарнизон, собрано продовольствие для войска на четыре месяца, заготовлено все необходимое для берегового плавания¹³⁵. Во главе флота был поставлен Неарх, которому вменялось в обязанность из Инда достичь Персидского залива. В конце октября 325 г. до н. э., когда подул восточный муссон, благоприятный для плавания, флот отправился в путь. Еще раньше, в конце августа, Александр из Патталы пошел со всем войском по реке Арабию, где началось покорение местных жителей. Через неделю после оставления Инда Александр беспрепятственно пересек страну арабитов, затем овладел плодородной областью оритов, большинство которых было убито или поработщено. Войско Александр разделил на три части: во главе одной поставил Птолемея, во главе второй — Леонната. Птолемею было приказано опустошать побережье; Леоннат с той же целью отправился вглубь страны; предгорья и горную область стал разорять сам Александр. Диодор указывает, что всюду пылали пожары, шли грабежи и убийства. Количество убитых исчислялось десятками тысяч. Гибель этих племен наполнила ужасом соседей, и они сдались царю¹³⁶. После этого последний двинулся к гедросам, проникая таким образом в Гедрозию (Белуджистан). Это была знойная и безводная страна, которая подвергла македонских солдат ужасным страданиям от жары, голода и жажды.

Этот двухмесячный поход македонского войска по пустыне получил в античном предании яркое, но несколь-

¹³⁴ Arr. VI, 20, 1.

¹³⁵ Там же, 5.

¹³⁶ Diod. XVII, 104, 6.

ко утрированное описание. Прежде всего сильно преувеличенное изображение мы находим у Арриана. В этой пустыне, по рассказу Аристобула, росло много деревьев, дающих мирру. Финикийские торговцы, сопровождавшие войско, немало поживились древесной смолой с мирровых кустарников, которая грузилась ими на ослов и мулов. Финикийцы собирали также множество благовонных корней нарда. Была в этой части пустыни и другая растительность¹³⁷. Но когда Александр оттуда пошел по побережью гадросов, оно оказалось совершенно пустынным. Посланный конный отряд в поисках колодцев и стоянки судов доложил ему о встрече нескольких рыбаков, живших в крохотных халупах, сложенных из раковин. Воды у них очень мало. Они с трудом достают ее, разрывая пальцами прибрежный песок с гальками¹³⁸. Натолкнувшись внутри страны на запасы хлеба, Александр тотчас отправил его к побережью. Голодные солдаты разломали царские печати и разделили между собой этот хлеб. Это самовольное, но вынужденное действие царь оставил безнаказанным¹³⁹. Солдаты резали лошадей и мулов, питаясь их мясом, командирам же докладывали, что животные пали от жары и от усталости. Александр должен был смотреть на это сквозь пальцы¹⁴⁰.

Все трудности, которые перенесло македонское войско в Азии, не идут ни в какое сравнение с теми, которые ему пришлось перенести здесь. Жгучий зной, отсутствие воды погубили много людей и еще больше животных. Как люди, так и животные увязали в раскаленном сыпучем песке. Войско по этому бесконечному морю могло продвигаться только с большим напряжением. Повозки застревали в песке, поэтому солдаты их изрубили в куски¹⁴¹. Длинные переходы очень утомляли солдат. Переходы совершали почти все время ночью, но потребность в воде гнала их вперед. Для того чтобы достичь колодца или источника, эти переходы часто продолжались и днем. Поход совершался с исключительной быстротой, судьбой отдельных людей пренебрегали; кто не

¹³⁷ Агг. VI, 22, 4—7.

¹³⁸ Там же, 23, 2—3.

¹³⁹ Там же, 4—5.

¹⁴⁰ Там же, 25, 1.

¹⁴¹ Там же, 2.

успевал, тот отставал и умирал. Больные, измученные усталостью, зноем и жаждой не могли найти помощь и спасение. Арриан говорит, что большинство погибло в песках, утонув в них, словно в море¹⁴². Новая беда обрушилась на войска во время отдыха у мелководного горного ручья. Неожиданно из-за дождей в северных горах разразилась ливень, долина наполнилась водой. Поток погубил много женщин и детей, сопровождавших войско. Солдаты с трудом спаслись, но сооружения и мулы исчезли с водой¹⁴³. Во время похода не раз сбивались с пути. Определять его по звездам ночью и по солнцу днем проводники не умели. Среди глубоких, всюду одинаковых песчаных наносов не было ни одного признака, по которому можно было угадать дорогу¹⁴⁴.

Согласно Арриану, Александр переносил все тяготы вместе со своими воинами и стремился своим личным примером поднять их мужество. Когда несколько солдат в неглубоком овраге нашли немного застоявшейся воды и принесли ее в шлеме Александру, как настоящее сокровище, он поблагодарил их, но на глазах у всех вылил ее, так как она не могла утолить жажды всех воинов. Арриан хвалит Александра за этот поступок¹⁴⁵.

Преодолевая большие опасности, 60 дней пробыли через страшную пустыню македонские воины. Наконец, они дошли до Пуры, гедрозийской столицы, расположенной в богатом, плодородном месте, где им дали отдых¹⁴⁶.

О бедствиях, которые выпали на долю македонского войска в Гедрозии, сообщает нам и Страбон¹⁴⁷. В этом сообщении мы также находим указания о трудностях получения продовольствия, о голоде, о мучениях людей среди глубокого раскаленного песка. Дорвавшись до колодцев, люди бросались в них с полным вооружением и погибали. Погибали от солнечного удара, от волн горного потока, от диких растений, от ядовитых змей.

---

¹⁴² Агр. VI, 25, 3.

¹⁴³ Там же, 5.

¹⁴⁴ Там же, 26, 4.

¹⁴⁵ Там же, 2—3.

¹⁴⁶ Там же, 27, 1.

¹⁴⁷ Strabo XV, 4, стр. 722.

Сведения довольно общего характера об этом походе оставил нам Диодор¹⁴⁸. Он пишет, что в пустыне, куда вступил Александр, вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода; войско пало духом; сам Александр был во власти печали и заботы: страшное зрелище представляла собой смерть этих людей, которые превзошли всех своей воинской доблестью, и теперь бесславно погибали в пустыне от голода и жажды.

Что касается рассказа Курция, то он и в этом случае находится в русле антиалександровской традиции. Он говорит о страшном голоде, который терпели македоняне в пустыне. Они вынуждены были питаться кореньями пальм, а когда этой пищи стало не хватать, закалывали вьючных животных, не жалели и лошадей; и когда не стало скота, чтобы возить поклажу, они предавали огню взятую у врага добычу, ради которой и дошли до этих крайних восточных стран. За голодом последовали болезни. Нездоровая пища, трудности пути и подавленное состояние духа способствовали их распространению. В связи с недостаточностью вьючного скота, солдаты сами тащили на себе оружие. Перед их глазами стояли ужасы предстоящих бедствий, от которых они старались быстрее уходить. На частые крики о помощи больных и отстающих не обращали внимания: сострадание заглушалось чувством страха. Основной причиной стольких страданий был, по твердому убеждению Курция, сам Александр. Поэтому его мучили горе и стыд. Он вынужден был обратиться за помощью к сатрапу парфян Фратаферну и другим начальникам ближайших сатрапий, чтобы спасти от голода войско. Только эта помощь и спасла его¹⁴⁹.

Все источники подтверждают, что этот поход по пустыне стоил многих усилий и жертв. Плутарх говорит, что Александр погубил столько людей, что из боеспособного войска не вывел из Индии и четвертой части¹⁵⁰. Эти данные, возможно, сильно преувеличены, однако потеря большого количества личного состава армии никем не оспаривается.

---

¹⁴⁸ Diod. XVII, 105, 6—7.

¹⁴⁹ Curt. IX, 10, 11—19; ср. Diod. XVII, 105, 7.

¹⁵⁰ Plut. Alex. 66.

Из Пуры в конце ноября 325 г. до н. э. Александр двинулся в Карманию. Арриан приводит рассказ некоторых писателей, что Александр объехал всю Карманию на колеснице в сопровождении своих гетайров, играя роль нового Диониса. Арриан считает этот рассказ не заслуживающим доверия, так как об этом не упоминают ни Аристокбул, ни Птолемей, чьим свидетельствам он следует¹⁵¹. Лишь одно признает историк, полагаясь на Аристокбула, что Александр принес в Кармании благодарственную жертву за победу над индами, за спасение своего войска в земле гадросов, а также организовал музыкальные и гимнастические состязания¹⁵².

Плутарх упоминает об этом событии, как о действительно имевшем место. Праздничная процессия через Карманию длилась семь дней. Александр, его «друзья» и солдаты днем и ночью предавались пьянству; по всей дороге солдаты из больших бочек черпали вино чашами, рогами, фракийскими кубками и пили за здоровье друг друга; одни шли вперед, другие укладывались тут же наземь. Вся местность была полна звуками свирелей, флейт, лир и возгласами вакханок. Беспорядок в этом бродячем шествии соединялся с вакхической разнузданностью¹⁵³. Еще более ярко эту вакханалию изображает Курций. И в этом случае выделяется отчетливо антиалександровская направленность. Александр, в его интерпретации, вознесся в своей гордости выше человеческого предела, о чем свидетельствуют эти разнузданные вакханалии. Дороги, через которые проходил его путь, были устланы венками из цветов, у дверей домов поставлены сосуды с вином. В течение семи дней командиры и солдаты предавались излишествам. Курций подчеркивает, что вследствие этого их военная мощь так ослабла, что они легко могли стать добычей побежденных, если бы среди последних нашлось мужество выступить. Одна тысяча трезвых воинов была вполне достаточна, чтобы захватить всю эту праздную армию¹⁵⁴.

Вероятность этого события полностью отрицать вряд ли возможно, особенно если принять во внимание пре-

---

¹⁵¹ Arr. VI, 28, 1—2.

¹⁵² Там же, 3.

¹⁵³ Plut. Alex. 67.

¹⁵⁴ Curt. IX, 10, 25—27.

одоление тех трудностей, которые претерпели македонские воины во время похода по Гедрозии. Отсутствие упоминания об этом в источниках Арриана еще ничего не говорит, так как стремление апологетической традиции уменьшить теневые стороны деятельности Алкесандра вполне понятно.

В Кармании Александр соединился с отрядами Кратера. Вскоре он узнал о судьбе своего флота, связь с которым на время была прервана. Прибывшие адмирал Нearch и кормчий Онесикрит сообщили, что флот благополучно провел свое плавание и весь экипаж остался невредим.

Об отважном морском предприятии, о плавании Нearchа от Инда до Персидского моря и до устья Тигра, Арриан обещал написать особо, следуя собственному сочинению Нearchа¹⁵⁵. Это обещание он выполнил в своей работе «Индика»¹⁵⁶. Главным образом из нее узнаем, что флот покинул Патталу немного раньше, чем намечалось. После ухода оттуда Александра начались открытые антимакедонские выступления местного населения, в результате которых была блокирована дельта. В этих условиях не оставалось никакого другого выбора, как начать в конце сентября поход и переждать северо-восточный муссон в гавани, расположенной западнее восточной области. Поход вдоль побережья оказался трудным. Он пролегал частью между берегами и островами, часто по мелям, подводным камням и при сильном прибое; опасно было путешествие из-за приливов и отливов. Отсутствие достаточных знаний о побережье и должного транспорта в большей части и создавали эти навигационные трудности. К ним прибавились трудности, связанные с проблемой продовольствия и координацией действий с сухопутными войсками. Лишь единственный раз Нearch получил помощь от сухопутного войска. Это было еще в стране оритов, где, несмотря на бурю в конце октября 325 г. до н. э., он, добравшись до их побережья, встретил Леонната, который снабдил его продовольствием на 10 дней¹⁵⁷. После этого всякая связь с

---

¹⁵⁵ Arr. VI, 28, 6.

¹⁵⁶ Arr. Ind. 20 и сл.; ср.: K. Müller. *Geographi Graeci minores*. Bd. I, S. 332 и сл.; см. ВДИ, 1940, № 2, стр. 219—263.

¹⁵⁷ Arr. Ind. 23, 5 и сл.

Александром прекратилась, налево простиралось море с его дельфинами и стадами китов, направо — побережье, на котором росли одинокие пальмы. В пути редко встречались с людьми.

Несмотря на эти трудности, путешествие Неарха было проведено образцово. Македонский флот без особых потерь прошел мимо пустыни в Карманию. Несмотря на рифы, волнения на море и другие морские опасности, Неарх в конце ноября добрался до Карманийского побережья, где встретил радостную весть, что Александр со своим войском находится внутри страны на расстоянии около пяти дней пути. Неарх приказал тотчас разбить лагерь, а сам с македонянином Архием и несколькими другими сопровождающими отправился искать царя¹⁵⁸. В это время галпарх данного района, солдаты которого случайно набрели на флот Неарха, сообщил об этом Александру¹⁵⁹. Высланная им навстречу поисковая команда вскоре встретила наварха. Его самого и его спутников трудно было узнать. Они обросли волосами, были покрыты грязью, одежда их была просолена от морской воды, сами они выглядели до крайности изможденными и измученными, бледные от бессонницы и всяких других лишений¹⁶⁰. Когда они 20 декабря 325 г. до н. э. появились перед Александром после почти четырехмесячного отсутствия, царя охватила большая радость от того, что вместе с Неархом спаслись и флот, и войско. Это известие обрадовало его больше, чем оккупация всей Азии, — так клялся он Зевсу эллинов и Амону ливийцев¹⁶¹. Прибывшие воины рассказывали о трудностях своего плавания, о невероятной величине приливов и отливов, о сильных порывистых ветрах, об огромных морских животных, погружавшихся в море от солдатского крика, грохота оружия и звука труб¹⁶². В честь благополучного возвращения был устроен большой праздник с играми и торжественным шествием¹⁶³. В сопровождении

---

¹⁵⁸ Arr. Ind. 33, 5, 7.

¹⁵⁹ Там же, 34, 1.

¹⁶⁰ Там же, 7.

¹⁶¹ Там же, 35, 8.

¹⁶² Diod. XVII, 106, 4—7; Curt. X, 1, 10—15.

¹⁶³ Arr. Ind. 36, 3.

большого кортежа Александр и Неарх шли рядом, увенчанные цветами, венками, под ликующие возгласы солдат. Адмиралу и его подчиненным вручили роскошные подарки.

Когда празднества завершились, было решено, что Неарх проведет флот в Сузы через Персидский залив и устье Пассатигра. Гефестион должен будет двигаться туда по дороге, идущей вблизи побережья с основным ядром армии. Сам Александр с легкой пехотой и конницей отправится дальше на север и дойдет до места назначения через города Пасаргады и Персеполь.

В марте 324 г. до н. э. все собрались опять вместе. Неарх повел свои корабли вдоль персидского побережья, где повсюду имелись деревни, даже города, под руководством надежного местного лэцмана, хорошо знавшего весь путь следования. Даже перед устьем Тигра, богатым мелями, стояли предупредительные знаки¹⁶⁴. Большую часть войска Гефестион из-за зимы провел через южную Персию. Сам Александр шел дорогой через горы выше Пасаргад и Персеполя.

Со вступлением в Сузы всех частей войска экспедиция была завершена. Длительное отсутствие Александра и проникавшие известия о многочисленных тяжелых испытаниях, выпавших на долю македонян в Индии и на обратном пути, основательно пошатнули основы его власти, для восстановления и упрочения которой были приняты экстраординарные меры.

Из Суз Александр вместе с войском посетил устье Тигра, затем летом отправился через Опис в Экбатаны. После того, как следующей зимой Александр расправился с горными племенами косеев, он разбил лагерь в Вавилоне¹⁶⁵. По сообщению Страбона, именно Вавилону было отдано предпочтение по сравнению с другими резиденциями персидских царей. Сюда Александр собрал захваченные персидские сокровища, которые сначала находились в Экбатанах. По-видимому, Вавилон он намеревался сделать столицей своего огромного государ-

---

¹⁶⁴ Arr. Ind. 38, 8; 41, 2.

¹⁶⁵ Arr. VII, 15, 1—3.

ства ¹⁶⁶. В этом городе в основном прошел последний год его жизни.

---

¹⁶⁶ Ф. Шахермейр считает, что Вавилон не был столицей государства Александра, так как в нем не было аппарата государственных служб, верховного управления государством. Осуществлял управление сам царь и его лагерь с соратниками. Поэтому столица была там, где был царь, а постоянной столицы государство не имело, поскольку лагерь Александра был подвижным. По мнению историка, Александр, учитывая географическое, торговое, культурное положение города, его религиозное значение, намеревался сделать Вавилон не столицей, а крупнейшим центром всей Передней Азии. Через него было решено установить связь по морю с Евфратом, он был связующим пунктом между Западом и Востоком, был выходом к океанской торговле, началом морского пути в Индию. (Fg. Schachermeyr. Op. cit., S. 417—420).

Часть вторая

МЕРОПРИЯТИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕИ

Глава первая

НОВОВВЕДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА НА ВОСТОКЕ

§ 1. Организация управления

Среди большой, можно сказать, необозримой литературы о восточных походах нельзя указать ни одной работы, которая бы специально освещала вопрос об организации управления в огромном государстве Александра Македонского¹. Он обычно попутно решается в связи с изложением самих восточных походов, причем до сих пор нет единого мнения о характере и значении этой организации. Так, Ю. Белох, нигилистически относящийся к Александру, вообще отрицает за ним всякую инициативу в административном устройстве его империи². Другие историки считают, что хотя Александр и не смог сокрушить принципы персидского управления, но в их применение он внес совсем новый дух, более логичные и гуманные взгляды³, свободно перестраивал установленный порядок сатрапий и до самой смерти трудился над улучшением организации своего огромного государства⁴. Однако все эти высказывания не являются достаточно убедительными, так как базировались на очень ограниченном материале; их авторы рассматривали вопрос в

¹ Этот вопрос попутно рассматривает немецкий историк Берве. См. Н. Berge. Das Alexanderreich auf prosopographischen Grundlage. Bd. II. München, 1926.

² J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd. IV. Berlin — Leipzig, 1927, S. 290—294.

³ P. Jouguet. L'imperialisme macedonien et l'hellenisme de l'Orient, p. 126—127.

⁴ U. Wilcken. Griechische Geschichte. Berlin, 1962.

общем виде, без конкретного выяснения особенностей в самом административном строении государства на разных этапах македонского завоевания.

Организация управления завоеванными территориями, упорядочение старой или создание новой администрации были одним из важных вопросов политики Александра на Востоке. Сложность этой задачи в том, что в создаваемом огромном государстве уже сложились и устоялись различные формы правления, соответствовавшие местным традициям. Строго обдуманного плана в этом отношении у Александра не было и быть не могло, так как процесс государственной организации находился на стадии своего становления и, по существу, остался полностью не завершенным. Македония и Греция составляли самую незначительную часть государства Александра. Его господство простиралось на обширные и различные по своим социально-экономическим и этническим признакам области, прежде входившие в состав крупных восточных империй. В этих условиях власть Александра не могла основываться ни на принципах, которые удерживали его гегемонию в Греции, ни на традициях, которые в Македонии укрепляли его царскую власть.

Государство Александра состояло из трех крупных комплексов: в первый входили страны восточной части Средиземноморского бассейна — Греция, Малая Азия, Сирия, Египет; ко второму относились области центральной Азии — Иран, долина Тигра и Евфрата; третий представляли дальневосточные земли. Каждый из этих комплексов не имел единства в управлении. Образовавшиеся в результате завоеваний, они стали поэтапно объектом административных экспериментов Александра, поиска приемлемых форм господства над покоренным населением. Земли, которые включали в себя Малую Азию, Сирию и Египет, образовывали географическое и политическое целое, находились на берегах Средиземного моря. Море разделяло и соединяло их в одно и то же время. Ф. Альтгейм считает, что объединение восточно-средиземноморского бассейна под македонским руководством достигло действительного единства и длительного существования⁵. Но на самом деле такого единства не

---

⁵ Fr. Altheim. *Alexander und Asien*. Tübingen, 1953, S. 65.

было ни в экономическом, ни в социальном, ни в общественном отношениях.

Завоевание восточно-средиземноморских стран завершилось в 331 г. до н. э. В ходе завоеваний Александр не был в состоянии отменить административные принципы империи и сохранил прежние сатрапии. Вначале он ограничивался простой заменой персидского сатрапа македонским, который назначался обычно из числа гетайров. Так, одним из первых македонских сатрапов был Калас, сын Гарпала. Он принадлежал к знатному роду эллимотидов; в 336/35 гг. до н. э. ушел в Малую Азию с Парменионом как преемник Аттала⁶. После перехода македонских войск через Геллеспонт командовал фессалийской конницей, стоявшей первой на левом фланге⁷. Калас был назначен сатрапом Геллеспонтской Фригии⁸, которой до него управлял Артабаз. Летом 333 г. до н. э. в подчинение Каласу вошла Пафлагония, сатрапия знатного перса Арсита⁹. Согласно Арриану, Арсит, руководивший при Гранике пафлагонской конницей, сбежал с поля битвы во Фригию и там покончил с собой, так как персы считали его виновником своего тогдашнего поражения¹⁰. Пафлагонцы прислали к Александру посольство с заявлением, что народ их сдается ему, вступает с ним в переговоры, но просит не входить в их землю с войском¹¹.

Другого знатного македонянина, по-видимому, брата Пармениона, Асандра, Александр назначил в 334 г. до н. э. правителем Лидии и остальных областей, подвластных Спифридату. Асандр получил столько конницы и легковооруженных солдат, сколько при данных обстоятельствах казалось нужным¹². Позднее, летом 331 г. до н. э. Асандра заменил один из его «друзей» — Ме-

---

⁶ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, № S. 397.

⁷ Arr. I, 14, 3; Diod. XVII, 4.

⁸ Arr. II, 4, 1—2.

⁹ Arr. I, 17, 1; Curt. III, 1, 24.

¹⁰ Arr. I, 16, 3. Характерно, что Александр дал Каласу не македонский титул, а древнеперсидский титул «сатрап», который был известен населению уже сотни лет. С этим титулом Калас получил те полномочия, которые имел Арсит. (См.: U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 81).

¹¹ Arr. II, 4, 1.

¹² Там же, I, 17, 7.

нандр¹³. Оставив свою сатрапию, он по поручению Александра стал заниматься набором войска¹⁴. Характерно, что и здесь не было смешения персидского сатрапа. Последний без боя оставил столицу Сарды, ее цитадель и казну, после чего жители прекратили сопротивление. Нам, наконец, известно, что сатрапом Великой Фригии был назначен македонский полководец, будущий активный участник борьбы диахов Антигон¹⁵. Правда, источники не говорят, при каких обстоятельствах это назначение произошло.

Как видим, в Малой Азии на первых порах македонянами замещались только те сатрапии, которые в силу разных причин оставались без управителей. В других случаях Александру, выдававшему себя в этих местах за освободителя поработенных народов, приходилось считаться с тем аппаратом управления, который сложился здесь до него, как это было в Карию, Каппадокии и Киликии. Так, Карию он отдал Аде, дочери Гекатомпа, местной правительнице. В результате династических раздоров она удержалась только в одной части страны — Алинде. Когда Александр вторгся в Карию, Ада вышла ему навстречу. Александр вернул ей Алинду, не пренебрег именем сына, ибо это делало его законным наследником старой Ады, а когда взял Галикарнас и завладел остальной Карией, то вручил ей правление всей страной¹⁶. Правда, верховная власть осталась за Александром. Ада получила только гражданские функции. Военное руководство было поручено македонянину. Это отделение гражданского и военного управления, которое Александр здесь впервые совершил, проявилось и позднее¹⁷. В данном случае он поручил «окраину» Карию своему командиру Птолемею с 3 тыс. наемников и 200 всадников с

---

¹³ Агг. III, 6, 8.

¹⁴ В 329/28 гг. до н. э. Асандр прибыл в Запасу вместе с Неархом во главе 3 тыс. пехотников и 500 всадников, большей частью, вероятно, наемников (Агг. IV, 7, 2; Curt. VII, 10, 12). После прибытия к Александру в Бактрию мы больше ничего не слышали об Асандре; то ли царь ближайшему родственнику Парменнона больше не поручал никакой службы, то ли Асандр выбыл из-за своей болезни или смерти из войска.

¹⁵ Курций ошибочно называет Антигона сатрапом Лидии вместо Великой Фригии. Ср. Агг. I, 29, 3.

¹⁶ Агг. I, 23, 7—8.

¹⁷ См.: U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 85.

задачей овладеть цитаделями Галикарнаса. По завоевании Каппадокии Александр оставил часть ее территории под властью местного правителя; другая часть осталась за Сибишкой — каппадокийским царьком, по мнению одних, а по мнению других, — человеком персидского происхождения¹⁸. Согласно Курцию, Александр в начале 333 г. назначил наместником Каппадокии Абистамена, выдававшего себя за перса¹⁹.

При завоевании Киликии Александр встретил упорное сопротивление со стороны ее сатрапа, знатного перса Арсама²⁰. Персидский полководец Арсам, руководитель киликийской конницы при Гранике, решил, правда, с опозданием, применить отвергнутый в начале войны план Мемнона. Он стал опустошать Киликию огнем и мечом, уничтожать все, что может оказаться полезным неприятелю, превращать все в пустыню, чтобы голой и бесплодной оставить землю, которую он не мог защитить²¹. Не имея возможности сохранить для персов Тарс при стремительном приближении Александра, Арсам поспешно бежал оттуда к Дарию²². В сражении при Иссе он был убит²³. Лишь после этой битвы Александр назначил сатрапом Киликии своего телохранителя Балакра, сына Никанора²⁴. В этом случае выдвижение на пост руководителя сатрапии македонянина произошло в результате ожесточенного сопротивления, оказанного Александру персидским сатрапом, и только после его гибели, когда фактически Киликия оказалась без представителя власти.

Сказанное выше свидетельствует о том, что в то время Александр не имел никакого плана создания своей администрации. Он действовал по обстоятельствам²⁵. Следует учесть, кроме того, что не вся Малая Азия даже к концу восточных походов была завоевана. Александру

¹⁸ См.: P. Clouche. *Alexandre le Grand*, p. 21—22.

¹⁹ Curt. III, 4, 1; ср. Arr. II, 4, 2.

²⁰ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II S. 4

²¹ Curt. III, 4, 5. Правда, то, что сообщает Курций о планомерном опустошении страны Арсамом, не согласуется с Аррианом, который об этом событии умалчивает (см. Arr. II, 4, 5).

²² Arr. II, 4, 5.

²³ Arr. II, 11, 8.

²⁴ Arr. II, 12, 2; ср. H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, S. 200; Diod. XVIII, 22, 1.

²⁵ Ср.: Marcello Fortina. *Alessandro Magno e l'ellenismo* In: *Nuove questioni di storia antica*. Milano, 1968, p. 222.

приходилось даже в захваченных сатрапиях поручать своим сатрапам заканчивать покорение. Так, сатрапу Фригии Каласу пришлось применить силу против пафлагонцев, которые лишь притворились, что покорились Александру²⁶. В то же время самому Каласу вифинцы под предводительством своего династа Баса нанесли тяжелое поражение²⁷. В Каппадокии власть Александра не распространилась за Галис и была очень шаткой; Ариараф всегда считался хозяином гор и имел свою столицу в долине Ириса в Гризиуре; Антигон был вынужден разбить ликийцев, которые, спустившись с гор, заняли равнину между Каппадокией и Фригией; катонийцы остались независимыми; мизенцы, граничившие с сатрапией лидян, проявляли непослушание. Позднее киликийский сатрап Балакр погибнет при попытке взять писидийские крепости Ларанда и Изора²⁸.

При такой сложной ситуации Александр вынужден был проводить гибкую политику, подчиненную нуждам македонского государства. Она, конечно, не предполагала идеи содружества между Александром и восточными народами, как об этом думает Клоше²⁹, а в большей мере вызывалась потребностями момента, стремлением укрепить свои позиции и удержать варварские силы на далеком расстоянии от Эгейского моря и европейских областей, подчиненных Македонии. Из семи малоазийских сатрапий по существу только одна Каппадокия, и то по эту сторону Галиса, управлялась представителем местной знати. Царство старой Ады, находившееся под протекторатом Александра, здесь не в счет. Все остальные сатрапии оставались за македонянами и лишь одна за греком, давно связавшим свою жизнь с Македонией³⁰. Персидской администрации вовсе не остается, поэтому разделения гражданской и военной функций в управлении мы здесь еще не видим. Назначенные македонские сатрапы объединяли гражданскую и военную власть,

²⁶ Arr. II, 4, 1; ср. Curt. III, 1, 23.

²⁷ Мемнон. FHG. III, стр. 536 и сл.; Strabo. XVII, стр. 563.

²⁸ Diod. XVIII, 22, 1.

²⁹ P. Clôche. Op. cit., p. 26—27.

³⁰ Фригия Геллеспонтская (Калас); Лидия (Асандр, затем с 331 г. Менандр), Кария (царство старой Ады, затем сатрапия Асандра); Ликия (Неарх); Великая Фригия (Антигон); Каппадокия (Сибикта); Киликия (Балакр, затем Сократей).

отделялись только финансы, о чем говорит то, что наряду с этими сатрапами не упоминаются стратеги. Это обстоятельство непосредственно подтверждается для Каласа, Антигона, Асандра, Балакра, Менона, Аминты³¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Малой Азии военно-административные функции в управлении Александр пытается закрепить за македонянами. Характерно, что греки Европы не получили ни одной сатрапии. Критянин Неарх, назначенный сатрапом Ликии и Памфилии, был близким другом Александра. Зато в управление финансами допускались греки. Так, в Лидии взимание налога было поручено греку Никию. Но казной армии заведовал знатный македонянин Гарпал, возможно, при сотрудничестве людей греческого происхождения. Когда он бежал, то был заменен македонянином и неким Филоксеном. Это значит, что Александр, широко рекламируя свободу малоазийским грекам, на деле ограничивал эллинскую власть в Малой Азии, что особенно ярко видно в его отношении к малоазийским греческим городам. По существу ни один из них не пользовался полной независимостью. Многие из них, объявленные автономными, могли свободно управлять своими делами. Но обладание этим преимуществом зависело от воли Александра. Другие города платили дань, выдавали заложников и содержали македонский гарнизон. Никакой союзный договор не связывал царя с азиатскими греками, и они не имели даже той слабой юридической гарантии, какую имели греки Европы в «Лиге эллинов». Кроме того, они утратили (за некоторым исключением) право чеканить монету. Александр завладел монополией на чеканку золота и серебра, и его монетное дело имело полную власть в Малой Азии. Наконец, предоставленные части азиатских греков преимущества не были их исключительной привилегией, так как наряду с ними разные варварские народы тоже были объявлены автономными или освобождены от налогов³².

Осуществляя окружение восточного Средиземноморья, Александр должен был искать новые формы правления для Сирии и особенно для Египта.

---

³¹ Arr. I, 17, 7; II, 13, 7; IV, 22, 3; Diod. XVIII, 22, 2.

³² P. Clouche. Op. cit., p. 29—30.

Сведения авторов об управлении Сирией в период восточных походов довольно туманны и местами неверны³³. Сирия включала три района: на юге — Палестину, затем Келесирию и Сирию «между двумя реками». Во времена персидского владычества страна в целом образовывала сатрапию с несколькими наместничествами. Эти три района были в свою очередь объединены с финикийскими городами и, вероятно, с Киликией, которые древние скорее связывали с Сирией, чем с Малой Азией. Полностью эта обширная сатрапия не была подчинена македонской администрации. Так, Иерусалим остался верен Дарию. Даже после взятия Газы Александру пришлось проявить благорасположение к иерусалимскому населению, чтобы укрепить свое влияние в этих местах. Административным центром сатрапии была Келесирия. Именно ее Александр передал в управление Андромаху³⁴. При нем мы впервые встречаем открытое недовольство местного населения господством македонян. Судьба Андромаха оказалась трагической. Его сожгли заживо самариты. Курций говорит, что царь был сильно опечален известием о гибели Андромаха. Предав казни лиц, погубивших его военачальника, он поставил на место погибшего сатрапа Менона, сына Кердима³⁵, знатного македонянина, участника восточных походов с самого их начала. Характерно упоминание Арриана о том, что Менон был назначен сатрапом только что завоеванной Сирии, названной Келесирией, в конце 333 г., после битвы при Иссе³⁶. Это значит, что данная сатрапия полностью не была покорена македонянами, которые должны были военной силой удерживать свою власть: Менону Александр придал для охраны страны союзную конницу³⁷.

Сатрапы, вероятно, менялись Александром довольно часто. В скором времени Менона сменил Аримна, который оказался недостаточно расторопным, слишком вяло занимался приготовлением того, что было приказано ему приготовить для войска, направляющегося в глубь стра-

---

³³ Arr. II, 13, 7; III, 6, 8; 8, 6; IV, 7, 2; 13, 4.

³⁴ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, S. 76.

³⁵ Curt. IV, 8, 9. Курций ошибается, назвав Менона Мемноном. Ср. H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, S. 514.

³⁶ Arr. II, 13, 7.

³⁷ Там же.

ны. Вскоре он был заменен Асклепидором, сыном Эвники. Этот сатрап находился на посту более продолжительное время. Еще в 327 г. во время заговора «пажей» в Средней Азии Асклепидор упоминается как сирийский сатрап, сын которого Антипатр принимал участие в выступлении против македонского царя³⁸.

Управление Сирией показывает всю сложность положения македонской администрации в завоеванной стране. Здесь и недовольство местного населения завоевателями, и затруднения, связанные с интересами завоевательных походов. Для обеспечения верности сатрапий Александр пытался ставить во главе их македонян, преданных ему друзей, которые, однако, не всегда оказывались на высоте положения и часто сменялись. Смена вызывалась также потребностями общей системы руководства, когда тот или иной сатрап должен был быть перемещен в другую область, а чаще всего выполнять важное военное поручение царя. Но частая смена руководителей завоеванных областей не создавала крепких традиций в управлении, мешала выработке определенных, более устойчивых норм его.

Тир, который постигла ужасная участь Фив, и его район стали управляться македонским сатрапом Келесии³⁹.

Когда македонскому царю добровольно сдался финикийский город Сидон, он, как утверждает Курций, сменил царствовавшего там Стратона, поддерживаемого Дарием. Хотя Стратон сдал город, он был отстранен от управления под предлогом того, что он это сделал не столько по своей воле, сколько по воле народа. Гефестиону было поручено поставить там царем человека из сидонцев, которого он признает достойнейшим⁴⁰. Далее Курций излагает рассказ о приглашении на царство Абдолонима, которому Александр передал не только все царское имущество Стратона, но и многое из персидской добычи, подчинив его власти и область, прилегающую к городу⁴¹. Рассказ о приглашении на царство Абдолонима передают и другие авторы⁴².

³⁸ Arr. III, 6, 8.

³⁹ P. Clouche. Alexandre le Grand, p. 35—36.

⁴⁰ Curt. IV, 1, 16.

⁴¹ Там же, 17—23.

⁴² Just. XI, 10, 8 и сл.; Diod. XVII, 46, 6, 47; ср. Liv. III, 10.

Эта романтическая история, если в ней вообще есть какая-то истина, может свидетельствовать о том, как Александр при организации управления должен был учитывать местные особенности, обычаи и традиции.

Завоеванием Египта, распространением своего господства на берега Нила Александр закончил окружение восточного Средиземноморья.

Занимая исключительно важное положение, Египет, став позднее сатрапией, подчинялся особому режиму. Он не имел сатрапа и пользовался наибольшей автономией⁴³, с децентрализованным управлением. Такой политикой Александр надеялся лучше обеспечить доходы для государства от этой богатой страны⁴⁴. После отделения западных и восточных пограничных областей, Ливии и граничащей с Аравией области управление страной было доверено лицам египетского происхождения, наделенным исключительно гражданскими полномочиями. Интересно, что Александр сначала имел намерение возродить разделение на верхний и нижний Египет, назначив двух номархов — египтян Долоаспа и Петисия, и только после того, как последний отказался от своей должности, этот план не был проведен в жизнь. Македоняне получили командование главными гарнизонами (в Пелузе и Мемфисе), флотом и действующими войсками. Гарнизон Мемфиса командовал Панталеон из Пидны, а гарнизоном в Пелузе — Полемон из Пеллы. Наемники находились под командованием этолийца Ликида⁴⁵. В стране было оставлено сравнительно большое количество солдат, важнейшие пункты заняты гарнизонами завоевателей, флот предназначался для защиты побережья. Стратегами войска, оставшегося в Египте, Александр назначил Певкета, сына Макартата,

---

⁴³ Arr. III, 5, 6; Curt. IV, 8, 5.

⁴⁴ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 199—200. После ухода Александра из Египта последний был разделен на три административных района: собственно Египет (дельта и долины), ливийские границы Дельты и аравийские границы ее (т. е. район перешейка и, может быть, Синай). Ливийские границы не имели никакого отношения к Киренаике, которая не считалась владением Александра. См.: «L'Antiquité classique». Brussel, 1960, t. XXIX, 2. Pasc., p. 374—372.

⁴⁵ Наемники составляли гарнизон Дария; они иногда получали участки земли. (См. W. Tarn. Alexander the Great, p. 44).

и Балакра, сына Аминты⁴⁶. Управление соседней Ливией получил Аполлоний, сын Харина, а управление Аравией — Клеомен из Навкратиса. Оба они были греками. Последнему было приказано оставить номархов управлять их номами по местным обычаям, самому же ведать податными сборами, собирать налоги с этих земель, а также со всего Египта⁴⁷. По существу Клеомен стал во главе вновь созданного центрального финансового управления страны⁴⁸. Вследствие своего происхождения из Навкратиса Клеомен был близко знаком с египетскими условиями жизни, имел большой опыт. Должность финансиста выдвигала его на первое место. В конечном итоге Клеомен присвоит или получит полномочия сатрапа⁴⁹.

Подобную Египту организацию финансовой администрации получили финикийско-сирийские и малоазиатские области, благодаря чему сделались едиными сбор налогов и налоговое управление в этих странах⁵⁰. Эти финансовые центры давали возможность более эффективно использовать налоги, взимаемые с новых подданных.

Арриан указывает, что Александр имел в Египте и своих «наблюдателей». Известны секретарь Эгност и два инспектора. Историк объясняет факт разделения власти над Египтом между многими людьми как следствие особых природных условий египетской земли. Египет представляет собой естественную крепость. Поэтому Александр и счел небезопасным вручить управление им одному человеку⁵¹.

Итак, довольно широкое участие в административном управлении Египтом принимали туземцы и греки, но

⁴⁶ Arr. III, 5, 1—6. Ср. Curt. IV, 8, 4. Курций вместо Балакра называет родосца Эсхила.

⁴⁷ Arr. III, 5, 6; Curt. IV, 8, 5.

⁴⁸ Характерно, что тот самый Клеомен, которому Александр передал финансовое правление с целью сохранения своего положения, позднее также встал на сторону Птолемея. (См. Just. XIII, 4, III).

⁴⁹ Ф. Шахермейер, характеризуя Клеомена как чрезвычайно опытного финансиста, ростовщика, спекулянта и проныру, неправоммерно полагает, что в основе его деятельности «лежали капиталистические принципы и методы» (Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 200).

⁵⁰ Arr. III, 6, 4.

⁵¹ Там же, 5, 7.

военная власть оставалась в руках завоевателей. Персидской администрации здесь тоже не видно.

В течение 331—330 гг. до н. э. Александр завершил завоевание центральной Азии, вследствие чего встал вопрос об организации управления в центральных областях. Ассирия и Вавилония, которые при Дарии являлись 11-м номом, при Александре составили две сатрапии, само сердце империи и, может быть, ее самую богатую часть, при персах платившую громадный налог⁵².

Вавилон был самым большим и богатым городом государства с разношерстным населением. Он платил высочайшую дань, содержал во время каждого четвертого месяца в году гвардию и двор и сверх этого вносил налог сатрапу. Вавилон вел большую транзитную торговлю. Он имел высокоразвитое ремесло, хорошо орошенную и поэтому плодородную землю.

Своим географическим положением Вавилония через Евфрат и Оронт была связана с центральной Азией дорогой, которая пересекала горы Загра и скалы Багистана, вела к Экбатанам, Бактриане и границам Индии. Благодаря таким связям Вавилон во времена расцвета мог распространять свое влияние на восток и запад. Море, которое омывало болотистые берега Вавилонии, было самым теплым и богатым на земле, так как там добывали драгоценные жемчужины; и это море связывало Вавилон с Аравией и даже Индией. Наконец, земля в Вавилонии была самой благоприятной для возделывания зерновых культур, и в этом смысле ее можно было сравнить с Египтом⁵³.

Когда Александр прибыл в Вавилон, один из лучших персидских полководцев Мазей — сатрап Месопотамии — сдал крепость победителю (конец октября 331 г. до н. э.) и показал примерную преданность, что обеспечило ему управление сатрапией до конца жизни. Он не только сохранил сатрапию, но даже получил право чеканить монету⁵⁴.

Благосклонность Александра к Мазею и его сыновьям Курций объясняет двумя причинами: во-первых, при несдаче крепости македонянам предстояла бы трудная

---

⁵² Herod. III, 82.

⁵³ Herod. I, 193; Strabo, XVI, 1, 9. стр. 739.

⁵⁴ Arr. III, 16, 4.

осада столь укрепленного города; во-вторых, добровольный переход на сторону победителя столь знатного и прославленного в недавних сражениях полководца мог своим примером побудить к такому же поведению и других⁵⁵. Это был первый случай, когда Александр передал сатрапию персу, случай знаменательный, как первое звено в той системе мероприятий, которая должна была проложить путь к сближению между греко-македонянами и азиатским населением⁵⁶. Правда, здесь еще идея сближения не получила более определенного выражения. Поэтому вряд ли правомерно, как это делает Альтгейм, говорить о политике примирения, с которой будто бы в это время выступил Александр⁵⁷. Малообоснованным нам кажется и мнение Вилькена о том, что уже в поступке с Мазеем налицо стремление Александра перетянуть на свою сторону персидское дворянство (?!) и вообще поставить персов рядом с македонянами⁵⁸. Идея сближения лишь позднее воплотится в реальную действительность. К осуществлению этой задачи Александр подходил очень осторожно. Оставляя власть персидским сатрапам, он ограничил ее только гражданскими функциями. Передав в руки персов гражданское управление сатрапией, Александр, как и в Египте, военную власть оставил в руках своих соотечественников. Один из них, Агафон из Пидны, командовал 700 македонян и 300 наемников, размещенными в цитадели. Аполлотор из Амфиполя и Менета из Пеллы были поставлены стратегами Вавилонии и всех сатрапий до Киликии⁵⁹. Особый чиновник был поставлен во главе налогового сбора и управления. Арриан указывает, что этим чиновником был Асклепидор, сын Филона⁶⁰.

Так, под контролем македонской власти складывались отношения завоевателей центральной Азии с одной из самых передовых цивилизаций Востока⁶¹. Такую политику разделения власти Александр проводит

⁵⁵ Fr. Altheim. Op. cit., S. 67.

⁵⁶ J. Kaerst. Op. cit., S. 308; Stringtellow Barr. The Will of Zeus. A history of Greece from the origins of Hellenic culture to the death of Alexander. New York, 1961, p. 408.

⁵⁷ Fr. Altheim. Op. cit., S. 67.

⁵⁸ U. Wilcken. Griechische Geschichte, 1962, S. 248.

⁵⁹ Arr. III, 16, 4; Diod. XVII, 64, 5; Curt. V, 2, 43.

⁶⁰ Arr. III, 16, 4.

⁶¹ P. Clouché. Op. cit., p. 47—48.

в большинстве других центральных областей, как было, например, в Сузиане, сатрап которой не сопротивлялся победителям. По указанию Курция, управлявший этой областью при Дарии Абулит выслал навстречу Александру своего сына с обещанием сдать Сузы, а затем встретил его сам с обильными подарками⁶². Среди них были быстрые в беге выючные верблюды и 12 слонов, вывезенных Дарием из Индии. Войдя в город, Александр взял из сокровищницы невероятное количество денег — 50 тыс. талантов чистого веса серебра в слитках⁶³. Оставив мать Дария и его детей в этом городе, он возвратил сатрапию Абулиту. Ему были оставлены, как и сатрапу Вавилонии, административные функции, но и на этот раз македоняне сохранили за собой военную власть. Гарнизон города Сузы в 3 тыс. македонских ветеранов Александр передал под командование своему приближенному, знатному македонянину Архелаю, сыну Феодора, назначив его стратегом; фуражком на акрополе назначил одного из его друзей Мазара, по Курцию — Ксенофила; охрану сокровищ поручил Калликрату⁶⁴. Что касается самой Персии, то при Ахеменидах она, естественно, не была сатрапией и не платила дани. При Александре она фактически стала сатрапией, во главе которой вначале был оставлен персидский сатрап, позднее замененный Певкестом, македонянином из Миезы, одним из тех, кто с наибольшим усердием проникся идеями Александра⁶⁵. Эта же политика не изменилась и в отношении других сатрапий центральных областей: Кармании, Паратасены, Мидии. Сатрап Кармании покорился Александру и потому сохранил свои функции. В это время Кармания находилась под управлением Аспастея, покорившегося в 330 г. до н. э., затем отдана Сибиртию, который вскоре получил новое назначение и на посту сатрапа Кармании был заменен одним из друзей Александра — активным участником восточных походов Тлеполемом, сыном Пифонакса, правившего сатрапией еще в 323 г. до н. э.⁶⁶ Сатрапия Паратасены

---

⁶² Curt. V, 2, 8—10.

⁶³ Там же, 11.

⁶⁴ Arr. III, 16, 9; ср. Curt. VI, 17, 2; 2, 16; Diod. XVII, 64, 4, 65.

⁶⁵ Arr. VI, 30, 2.

⁶⁶ Там же, 27, 1; Ind., 36, 8.

была доверена сыну послушного сатрапа Сузианы — Оксафру⁶⁷. Даже Мидия, этот прекрасный источник рекрутских наборов и коней, поставляемых всей Азии, Мидия с ее особенно живучими традициями Ахеменидов, сохранила персидского сатрапа. На этот пост Александр назначил летом 330 г. до н. э. знатного перса Оксидата.

Доверие к нему было вызвано тем, что Дарий посадил его в тюрьму, содержал в оковах и хотел казнить. В 331/30 гг. он был освобожден Александром и получил в управление Мидию⁶⁸. Лишь позднее ею правил один из преданных Александру людей.

Через плоскогорье, простиравшееся от севера Экбатан до юга Аракса, Мидия соприкасалась с Арменией, населенной тогда иранским народом, по крайней мере до Евфрата, а к западу от него, в том районе, который позднее будет назван Малой Арменией, — армянами и ассирийцами. Александр там никогда не был, тем не менее он поручил управление ею персу Мифрену, сдавшему ему крепость в Сардах⁶⁹. Таким образом, в центральных областях империи характерно преобладание персидских правителей.

В 330—327 гг. до н. э. Александр начал покорение восточных сатрапий. В этих местах политика широкого привлечения к управлению прежней персидской администрации заменялась политикой использования местных туземных сил одновременно с силами македонскими. Македоняне, главным образом, сменяли мятежных и недоброжелательных персов. Так, в Парфии и Гиркании, объединенных, кажется, одним правлением, сатрапом назначен был знатного происхождения парфянин Атминапа, до этого всемерно содействовавший упрочению македонского влияния на Востоке. Будучи изгнан по неизвестным причинам царем Артаксерксом Охом, он прибыл в Македонию к царю Филиппу и, по-видимому, приобрел там много друзей⁷⁰. В 332 г. до н. э. мы видим его в Египте, где вместе с Мазеем он развил успешную деятельность по присоединению страны к Александру⁷¹. Во время пребывания царя в Мемфисе он присоединился

⁶⁷ Arr. III, 8, 5; 16, 6; 19, 2; VII, 4, 1; ср. Curt. V, 2, 8.

⁶⁸ Arr. III, 20, 3; IV, 2, 11.

⁶⁹ Arr. III, 16, 5; Diod. XVII, 64, 6.

⁷⁰ Curt. VI, 4, 25.

⁷¹ Arr. III, 22, 1.

к нему и находился при нем, а в 330 г. до н. э. получил в управление свою родную область. Но и к этому туземному помощнику своих завоеваний Александр приставил одного из гетайров в качестве «надзирателя». Позднее в Парфии мы видим верного македонскому царю сатрапа Фратаферна. Зато в Арахозии, простиравшейся к востоку от Дрангианы, ее мятежный сатрап Барсаент был заменен знатным македонянином Меноном, располагавшим 4600 солдат⁷². Он сохранил эту сатрапию до своей смерти в 325 г., после его управлял Сибиртий, долгое время находившийся при штабе македонской армии⁷³. Укрепление данной сатрапии македонским руководством было в известной мере обусловлено военными соображениями. Задача укрепления пограничных областей требовала людей особых военных знаний и в то же время проверенной политической надежности, требовала объединения всех сил в военном командовании. Опыт, приобретенный Александром в борьбе с мятежными сатрапами, побудил его поставить Арахозию под исключительно македонское управление. Восстание Саттибарзана в Арии явилось для Александра уроком, заставившим его в пограничных областях чаще прибегать к помощи македонских гетайров⁷⁴. Даже в Бактрии и Согдиане, подчиненных в то время одному руководителю, сатрапом был Артабаз, ранее приближенный Дария, потом преданный друг Александра. После увольнения от должности вследствие старости он был заменен македонянином Клитом, а после гибели последнего — Аминтой, сыном Николая⁷⁵. Александр оставил в распоряжение Аминте 10 тыс. пехотинцев и 3500 всадников⁷⁶, что является свидетельством большой важности поста, доверенного ему и показывает, какое большое войско требовалось для гарнизонов во вновь завоеванных областях. В 323 г. до н. э. сатрапия находилась под главенством Филиппа.

Проникнув в 327 г. до н. э. в долину Кабула и организовав сатрапию Парапамисадов, Александр покинул иранский мир, чтобы вторгнуться в индийский. В Индии,

⁷² Curt. VII, 3, 5; ср. Arr. III, 28, 1.

⁷³ Curt. IX, 10, 20.

⁷⁴ P. Jouguet. Op. cit., p. 94—95.

⁷⁵ Arr. IV, 17, 3; Curt. XIII, 2, 14.

⁷⁶ Arr. IV, 22, 3.

где имели место неоднократные восстания против Александра, он вынужден был проводить двойственную политику: оставлять владения за теми, кто выражал ему свою преданность и почтение, и жестоко наказывать тех, кто выступал против его господства. Так, Таксил, который уже ранее посылал послов к македонскому царю в Согдиану и при его вступлении в Индийскую страну приветствовал его личным появлением и богатыми подарками, какие у индусов считались ценнейшими, сохранил за собой все свои владения, да еще увеличил их⁷⁷. Однако, несмотря на исключительную послушность Таксила, Александр, тем не менее, разместил гарнизон в его столице и одновременно основал в стране восточнее Инда сатрапию, управление которой доверил Филиппу, сыну Махаты⁷⁸. Территория, ему подвластная, включала земли маллов и оксидраков, союзников царств Пора, Абисара и Таксила⁷⁹. На него возлагались по существу военные задачи⁸⁰. Александр указал ему, что сатрапия его доходит до впадения Акесина в Инд, и для охраны ее оставил ему всех фракийцев, лучников, сколько было необходимо⁸¹. Другой соотечественник Александра — Пифон — получил в сатрапию страну от слияния Инда с Акесином до моря. К ней была придана и вся береговая полоса индийской земли⁸².

На индийской почве, по-видимому, имело место аналогичное отделение военного командования от гражданской администрации, как это вообще проводилось в бывшем Персидском государстве. Только в Индии местные вожди, поставленные сатрапами, пользовались, вероятно, большей самостоятельностью, хотя они и должны были участвовать в войске Александра⁸³.

Даже Пор, организовавший крупное сражение против македонян, будучи побежден ими, не потерял господства над своими землями. Но Александр жестоко расправился с Астисом, Муссиканом и другими, которые не хотели покориться и поднимали против него восстания⁸⁴.

⁷⁷ Агг. IV, 22, 6; V, 8, 2.

⁷⁸ Агг. V, 8, 3.

⁷⁹ A. Robinson. Alexander the Great, 1947, p. 203.

⁸⁰ J. Kaerst. Op. cit., p. 362—363.

⁸¹ Агг. VI, 15, 2.

⁸² Агг. VI, 15, 4.

⁸³ Там же, V, 8, 5; 21, 2.

⁸⁴ Там же, IV, 22, 8; VI, 17, 1.

Положение в Индии заставило Александра отдать ряд сатрапий под управление македонян: одному из его друзей Никанору; Филиппу, сыну Махата; Пифону, сыну Агенора⁸⁵.

Таким образом, организационные принципы административного устройства огромного государства не были одинаковыми для всех частей его и не были слепо заимствованы от предшественников Александра. Эти принципы создавались постепенно с учетом особенностей завоевания тех или иных областей и отношения их населения к этим завоеваниям.

Административной единицей державы Александра в целом оставалась, как и при персидских царях, сатрапия. Но Александр пытался совершенствовать управление ею, закрепить в ней свое господство. Это совершенствование имело цель уничтожить безграничную и часто бесконтрольную власть сатрапов, какой она была при господстве персов. Этим объясняется разделение власти сатрапов и ограничение их функций. Поэтому нельзя считать правильным утверждение С. И. Ковалева о том, что македонские сатрапы получали все права и обязанности старых сатрапов⁸⁶.

Еще в царстве Ахеменидов, особенно в раннем его периоде, гражданское управление, главным образом взимание налогов, было в известной степени отделено от военного командования. Над властью стоявших во главе провинций сатрапов существовал центральный контроль, в основном через царских посланцев, так называемых офтальмоев⁸⁷. Но, как мы указывали раньше, этот центральный контроль был в большинстве своем лишь номинальным. В Персидской державе сохранилась большая независимость отдельных сатрапов, что таило в себе величайшую угрозу для состояния государства. Сатрапы все более объединяли все полномочия власти в своих областях и даже присваивали себе высшее военное командование и право чеканки собственной монеты⁸⁸. Такой самостоятельности Александр не допускал. При нем функции сатрапа, как правителя данной местности,

⁸⁵ Arr. IV, 28, 6; V, 8, 3; VI, 15, 4.

⁸⁶ С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, стр. 33—34.

⁸⁷ Х е п. С у г о р. VIII, 6; О е с о п, 4, 5 и сл.

⁸⁸ Arr. III, 6, 8; J. Kaerst. Op. cit., S. 260.

урезываются, вводится принцип разделения власти. Разделение власти было мероприятием, направленным против господствовавшей до сих пор персидской системы, которая позволяла отдельным сатрапиям вырастать в большие единовластные округа⁸⁹. Теперь сатрап уже не исполнял сразу и военные, и административные, и финансовые, и фискальные функции; он выполнял одну из них, в лучшем случае — две, очень редко — три, но почти никогда — все. Во многом это зависело от военно-стратегического значения той или иной области и от «благокадежности» сатрапа, возможно, и от географического положения данного района. Особенно стремится Александр отделить налоговое управление от военного командования.

Принцип разделения власти более регулярно начал применяться со времени оккупации Вавилона, когда сатрапия впервые отдавалась под управление персов⁹⁰. В это время были разделены три функции власти: гражданская, военная, финансовая. Персы никогда не имели военной власти⁹¹. Было бы, однако, ошибкой считать, что этот принцип введен только потому, что обстоятельства требовали привлечения к административному управлению персов. Нам известны случаи, когда разделение власти применялось в областях, где сатрапами были македоняне⁹², разделение власти имело принципиальное значение, выражающееся в том, чтобы ослабить само-

⁸⁹ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 309.

⁹⁰ Так, наряду с сатрапом-персом Мазеем известны стратеги Апполодор и Меней, которые командовали войсками сатрапии, а Арифен из Пидны командовал цитаделью. (Агг. III, 16; Diod. XVII, 64, 5; Curt. V, 1, 40—44). Этот же принцип встречаем в Сузиане, где Абулит — сатрап, а гетайр Мазар — фурарь; в управлении Парфией и Гирканией, где рядом с гражданским правителем Амминасем находился Тлеполем, носивший, может быть, титул «епископа» («episcopo») или инспектора войск (Агг. III, 16, 9; III, 22, 1); в Парапамисадах, где вначале правил персидский сатрап Тирпасп, затем Оксиарт, а новая столица Александра имела правителя Никанора (Агг. IV, 22, 5). В Арии Анаксипп выполнял функции сатрапа рядом с сатрапом Сатибарзаном (Агг. III, 25, 7).

⁹¹ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 52.

⁹² Например, в Лидии Павсаний командовал крепостью в Сардах, тогда как Асандр был сатрапом (Агг. I, 17, 7); Филипп, сын Махата, управлял Пекелангисом, в то время как Никанор был сатрапом Западной Индии и Тоас, армией командовал Леоннат (Агг. VI, 22, 2—3).

стоятельность местной администрации за счет усиления руководящей власти царя.

Для выполнения этой задачи из прерогатив сатрапа изымается финансовое и налоговое управление, что значительно ограничивало его власть.

В большинстве случаев финансовые полномочия были у сатрапов изъяты. Рядом с сатрапом находилось должностное лицо, взимавшее налоги и контрибуцию; таким был Никий в Лидии, Асклепидор в Вавилоне, Калликрат в Сузиане, Тиридат в Персии⁹³. Возвращаясь из Египта, на пути к Арбелам Александр обнаруживает намерение образовать более широкие финансовые округа; Каран из Берои должен был взимать налоги в Финикии, а Филоксен — в завоеванной Азии⁹⁴.

Таким образом, на Ближнем и Среднем Востоке функционировали четыре финансовых директора, отвечавшие вместе с тем за связь и за снабжение: Клеомен в Египте, Филоксен в Малой Азии, Менес в Сирии и Киликии и Антимен, управлявший вместо Гарпала финансами Вавилона, Сузианы, Мидии и Персии. Эти финансовые директора были независимы от сатрапов⁹⁵.

Следует, однако, отметить, что политика налогообложения была довольно гибкой. Она дифференцировалась в зависимости от разных обстоятельств⁹⁶.

Во главе сатрапий Александр пытался ставить своих людей, если прежний правитель очень провинился, погиб или сбежал, или же оставлял бывшего там сатрапа, если он сдавался ему добровольно и обещал верно служить. Особенно характерна в этом отношении судьба Артабаза, приближенного Дария, поддержавшего плененного царя даже тогда, когда Бесс со своими сторонниками замыслил его убийство⁹⁷. В Гиркании Артабаз прибыл к Александру со своими сыновьями и был ласково принят царем⁹⁸. Он поставил его сатрапом Бактрии. В этой должности Артабаз находился до тех пор, пока сам не попро-

⁹³ Arr. I, 17, 7; III, 16, 4; Curt. V, 2, 16.

⁹⁴ Arr. III, 6.

⁹⁵ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 441.

⁹⁶ См.: О. М. Зельдина. Налоги и подати в державе Александра Македонского. — «Вопросы истории СССР и всеобщей истории». Сб. студенческих научных работ. Пед. ин-т им. А. И. Герцена. Ученые записки, т. 470. Л., 1971, стр. 103—110.

⁹⁷ Curt. III, 13, 13; V, 9, 1; ср. Arr. III, 21, 4.

⁹⁸ Arr. III, 23, 7; Curt. VI, 5, 1—6.

сил уволить его по старости: ему шел 95 год⁹⁹. Но уйдя с поста сатрапа, он, как указывает Курций, подвел своих девять сыновей к руке царя, моля богов, чтобы «они жили, пока будут полезны Александру»¹⁰⁰. Однако плохая работа и особенно мятежные настроения и действия сатрапов были достаточной причиной не только смещения, но и безжалостной расправы с ними. Так, например, сатрап Сирии Аримна был смещен и заменен Асклепидором за то, что он слишком вяло занимался приготовлением всего, что было приказано ему приготовить для войска, направляющегося вглубь страны¹⁰¹. Сатрап гадросов Аполлофон был уволен с должности за то, что не выполнил ни одного поручения Александра¹⁰². Абулита и его сына Оксафра Александр велел казнить за худое управление Сузами¹⁰³.

Когда сатрапы пытались выйти из повиновения, запимались грабежом и насилием, допускали всевозможные безобразия по отношению к покоренным народам, Александр принимал более крутые меры наказания. Источники изобилуют множеством фактов расправ Александра с непокорными сатрапами, причем среди них бывали иногда и македоняне. Так, узнав о том, что сатрап Мидии Оксидат «против него злоумышлял», Александр заменил его сразу Антипатром¹⁰⁴. Заподозрив сатрапа Кармании Аспаста в том, что он затевал какой-то переворот во время пребывания царя в Индии, последний учинил тщательную проверку доноса, чтобы потом предпринять суровые меры воздействия¹⁰⁵. Особенно жестокой была расправа Александра с сатрапами Арии — Сатибарзаном и Арсаком. В свое время Сатибарзан — знатный перс, участник битвы при Гавгамелах, принадлежавший к группе Бесса, убившей Дария¹⁰⁶. Он получил от македонского царя в управление сатрапию, которой раньше управлял, так как явился к нему добровольно и сообщил важные сведения об антимакедонских действиях

---

⁹⁹ Arr. III, 29, 1; IV, 17, 3.

¹⁰⁰ Curt. VI, 5, 1—6.

¹⁰¹ Там же, III, 6, 8.

¹⁰² Arr. VI, 22, 2; 27, 1.

¹⁰³ Там же, VII, 4, 1.

¹⁰⁴ Arr. IV, 18, 3.

¹⁰⁵ Curt. IX, 10, 29.

¹⁰⁶ Arr. III, 8, 4; 21, 9—10.

Бесса¹⁰⁷. Но, оставив ему сатрапию ариев, которой он владел еще при Дарии, Александр, по утверждению Арриана, счел нужным послать туда одного из «друзей» своих — Анаксиппа, которому дал около 40 всадников-дротометателей, чтобы поставить по селениям сторожевые посты во избежание обид, которые могли причинить ариям войска, проходящие мимо¹⁰⁸. Однако вскоре Александр узнал, что Сабитарзан изменил ему. Он убил Анаксиппа и его всадников, вооружил ариев и решил идти со своим войском к Бессу, чтобы вместе с ним напасть на македонян. Александр поспешил в погоню за Сатибарзаном¹⁰⁹. С новым появлением Сатибарзана на земле ариев там началось целое антимакедонское восстание. На его подавление были посланы, кроме «друзей» Александра — Эригия и Карана, перс Артабаз и сатрап Парфии Фратаферн. Между македонянами и ариями произошла жестокая битва, в которой погибли как Сатибарзан, так и Эригий¹¹⁰. За подавлением восстания последовала жестокая расправа, обращение в рабство участников антимакедонских выступлений. Сатрапом ариев был назначен знатный перс Арсак¹¹¹, но его управление длилось недолго. Вскоре Александр приказал одному из своих «друзей» Стасанору арестовать Арсака и занять его место. Поводом для ареста послужило подозрение Александра, что Арсак злоумышляет против него¹¹². Когда Александр вступил в землю мусиканов, ему сообщили о поведении назначенного им сатрапа Парапамиса Териольта. Он учинил ему допрос и, уличив во многих «проявлениях алчности и высокомерия», приказал казнить¹¹³. Сатрапом назначил Оксиарта. В наказание за мятеж во владениях индийского царя Самба, подстрекаемого мусиканами, Александр разрушил города, продал в рабство туземцев, вешал или распинал мусиканов и брахманов.

Примеры эти говорят о том, что организация управления никогда не выходила из поля зрения Александра.

---

¹⁰⁷ Curt. VI, 5, 3, 13; Arr. III, 25, 1—2.

¹⁰⁸ Arr. III, 25, 1—2.

¹⁰⁹ Curt. VI, 6, 3, 20, 25; Arr. III, 25, 5—6.

¹¹⁰ Arr. III, 28, 2; Curt. VII, 3, 2; VII, 4, 33—37.

¹¹¹ Arr. III, 25, 7.

¹¹² Arr. III, 25, 5; IV, 18, 1, 3.

¹¹³ Curt. IX, 8, 8—9.

Жестокие меры, которые он применял по отношению к сатрапам, накладывали на них большую ответственность за свои поступки, заставляли быть предельно точными и держали в страхе, что больше всего гарантировало от отпадения сатрапий.

Такие суровые меры применялись Александром не только в отношении сатрапов, но и по отношению к стратегам. Так, он казнил Клеандра и Ситалка, на которых жаловались местные жители и войско. Арриан указывает, что они разрывали могилы, грабили храмы, дерзко относились к подданным, творили всякие несправедливости¹¹⁴. Александр узнал об этом от их собственных войск и нашел жалобы на них правильными. Виновных пытали и предали смерти; царь не принял во внимание, что Ситалк происходил из фракийской знати, а Клеандр был македонским аристократом, братом Кена, что они в свое время выполнили ответственное задание Александра по физическому устранению Пармениона. Казнь этих важных стратегов произвела большой эффект на других правителей¹¹⁵. Стратег Герокон вначале был оправдан. Но когда затем жители Суз уличили его в ограблении храма, он не избег казни¹¹⁶. На Орксина, управлявшего Персией после смерти Фрасаорта, много жаловались. Его обвиняли в том, что он грабил храмы, царские гробницы, несправедливо казнил многих персов. Когда обвинение подтвердилось, Александр приказал казнить Орксина, а на его место поставить Певкеста, своего телохранителя, человека, преданного ему, проверенного в сражениях с маллами, когда он своим телом прикрыл царя и спас его от гибели¹¹⁷. Арриан указывает, что кроме устрашения назначенных сатрапов и стратегов, эта мера внушала уважение к царю покоренных народов и добровольно сдавшихся на милость победителя¹¹⁸. Арриан, следуя за апологетической традицией, пытается доказать, что македонский царь такими мерами стремился внушить народу мысль о том, что в государстве, подвластном

---

¹¹⁴ Arr. VI, 27, 3—4.

¹¹⁵ A. R. Burn. *Alexander the Great and the hellenistic Empiria*. London, 1947, p. 234.

¹¹⁶ Arr. VI, 27, 5.

¹¹⁷ Там же, 30, 1—2.

¹¹⁸ Там же, 27, 5.

Александр, правители не могут обижать подданных ¹¹⁹. Судя по Арриану, можно предположить, что жестокая расправа над отдельными сатрапами проводилась из-за любви к своим подданным. Но это далеко не так. Прежде всего Александр заботился об укреплении своей власти в огромной державе, для чего не остановился бы и перед истреблением целого племени ¹²⁰.

На особом положении в державе Александра находились так называемые независимые племена, или «автономные области». Арриан говорит об автономных племенах оксидраков, абастанов, согдов, ориотов и других ¹²¹. Эти племена признавались Александром независимыми после того, как они изъявляли ему свою покорность и приносили дары. Однако предоставленная независимость не избавляла их ни от податей, ни от гарнизона. Сбор податей, поставка военных сил, допуск гарнизона — все это оставалось в руках победителей, вернее, во власти царя.

Государство Александра оказалось весьма разншерстным. Оно не было однородным организмом и состояло из различных частей.

Македония осталась вне нового государственного образования. Александр доверил ее Антипатру, как своему заместителю ¹²².

В состав нового государства не входила и Греция. Коринфский союз формально был автономным, но Александр являлся гегемоном его исполнительной власти и стратегом в войне с персами. Поэтому Греция должна была подчиняться его приказам ¹²³.

Греки Малой Азии не входили в Коринфский союз. Александр выделил их из управления сатрапами и дал им своеобразную независимость, но под верховным надзором своего ставленника. В процессе завоеваний создавались и укреплялись сатрапии.

В связи с этим государственно-правовое положение самого Александра было различно. В Македонии он счи-

---

¹¹⁹ Arr. VI, 27, 5.

¹²⁰ Там же, V, 19, 6.

¹²¹ Там же, VI, 4, 5; 15, 1.

¹²² Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 213.

¹²³ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 140.

тался царем, в Греции — гегемоном, в Азии — повелителем, в духе Ахеменидов¹²⁴.

Несмотря на это, а может быть, именно поэтому в личности царя сосредоточивались все важнейшие государственные функции. Он стремился править сам и лично отдавать приказы, осуществлять в государстве высшую власть.

Совет 10 телохранителей был не только штабом, но и чем-то вроде министерства.

Внутри армии Александра вызревали многие институты, предназначавшиеся позднее стать государственными учреждениями¹²⁵. В его штабе сплетались не только нити военной и политической администрации, но и совершались экономические и торговые акции¹²⁶.

Ф. Шахермеир считает, что империя должна была органически развиваться, однако не по пути государственной бюрократии, а по пути личного управления Александром¹²⁷. В действительности, бюрократический, чиновничий аппарат стал создаваться и расширяться.

Македоняне, которым царь передал управление завоеванными областями, должны были быть не чем иным, как его чиновниками, орудием царской власти. Несмотря на то, что крупные дела империи решались вокруг Александра его военным советом, мы находим в управлении и чисто гражданские должности: кроме института «хилиархии», совмещавшего в себе и военные, и гражданские обязанности, — архиграмматика, царскую канцелярию, руководителя финансов¹²⁸.

¹²⁴ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 230.

¹²⁵ P. Jouguet. *Op. cit.*, p. 90.

¹²⁶ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 407.

¹²⁷ Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 411, 458.

¹²⁸ Институт «хилиархии», введенный Александром в последние годы его жизни, был заимствован у персов. Это было должностное лицо, которое командовало тысячью телохранителей царя царей. Возможно, Александр поручал хилиарху командование конницей гетайров или, по крайней мере, всей агемой; некоторые же историки склонны считать, что хилиарх — нечто вроде премьер-министра. В последние годы эту должность занимал Гефестион. У нас нет оснований считать, что эта должность имела только военный характер. Архиграмматик — первый секретарь царя. Этот пост занимал Эвмен Кардийский, отец которого в свое время примкнул к Филиппу. Эвмен является инициатором и издателем официального журнала, где были описаны все действия царя, который стал позднее известен под названием «Царские эфемериды». Ежедневная запись царских действий была в обычае у персов, но

Руководителем финансов был Гарпал, который считался главным казначеем государства. Ему подчинялись финансовые управители, каждый из которых отвечал за область из нескольких сатрапий¹²⁹.

Характерно, что в источниках свидетельства о назначении финансовых чиновников ограничиваются сатрапиями с давно сложившейся государственной властью, как Мидия, Финикия, Египет, Вавилония¹³⁰. Что касается окраинных сатрапий, то там, вероятно, специальных чиновников для сбора налогов не было. Там население вносило дань, которую определял непосредственно сам Александр¹³¹.

Однако централизация финансового дела не могла уничтожить многочисленных злоупотреблений, которые тяжелым грузом ложились на плечи налогоплательщиков. Коррупция и хищения со стороны чиновников не исчезли и при новом правителе.

Не отвергал вымогательства сам Гарпал. Будучи начальником казны, он ее неоднократно обкрадывал. Руководитель финансов Египта Клеомен разорял египетских купцов, грабил греческие города, наживался при помощи всяких злодеяний¹³². Преемник Гарпала Антимен сделал попытку ввести систему страхования, которая должна была предотвратить эти беспорядочные

вполне возможно, что такой же обычай существовал при македонском дворе, по крайней мере, со времени правления Филиппа. Он укоренился при эллинистических дворах. Эвмен не только вел журнал, но следил за всей перепиской царя. Позднее, при дворе Птолемея, наряду с гипомнемалографом, который ведал актами, мы находим эпистологофа, прототипом которого, вероятно, и был Эвмен.

Наряду с царской канцелярией существовала казна, охрану которой Александр поручил одному из своих друзей, знатному македонянину из Эллиотида Гарпалу, физические несовершенства которого делали его непригодным к военной службе. Гарпал был настоящим руководителем финансов. Александр удерживал его на этом посту, несмотря на его первую измену во время Иссы, до того дня, когда в 325 г. до н. э. он бежал из Вавилона в Грецию. Центральная касса государства размещалась вначале в Сузах, затем в Экбатанах, а потом в Вавилоне.

¹²⁹ A. Robinson. *Op. cit.*, p. 215; Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 239

¹³⁰ *Arr.* I, 17, 7; III, 6, 4; *Curt.* IV, 8, 5.

¹³¹ *Arr.* V, 29, 5; IV, 14, 2. См. О. М. Зельдина. Указ. соч., стр. 108.

¹³² *Arr.* VII, 23, 6.

вымогательства ¹³³, но она работала плохо, особенно в отсутствие Александра ¹³⁴.

Став хозяином огромных персидских денежных богатств, Александр решил в 330 г. до н. э. разделить военную и государственную казну, которые до этого времени следовали вместе с войском. Последняя была оставлена в Экбатанах под руководством Гарпала, который должен был не только стеречь эти богатства, но и заниматься чеканкой денег ¹³⁵. Прежнюю систему накопления сокровищ персидскими царями Александр принципиально отбросил. Миллионные драгоценности, которые ему достались в резиденциях, он пустил в обращение путем чеканки золотых и серебряных монет, причем вместо разнообразных чеканок Александр создал единую государственную монетную систему, способствовавшую развитию денежного хозяйства на Востоке ¹³⁶. Сложность здесь заключалась в том, чтобы урегулировать десятичную систему персидских монет с двенадцатичной системой Филиппа II. В Персии обращающейся монетой был золотой дарик, в Македонии — золотой статер. Александр прежде всего в сатрапиях ввел монометаллизм, установив монополии на серебро. Монета должна была быть исключительно серебряной; впоследствии он принял аттические стандарты, как более простые: 1 статер = 20 драхам. Они были приняты в Азии, чем Александр избежал конкуренции с афинскими монетами и практически сделал их торговым партнером ¹³⁷. Из обращения было изъято персидское золото, так как когда запасы богатства Дария поступили в обращение, золото упало в цене.

Приведение монет к единой системе способствовало развитию торговли. Явным доказательством большого влияния этой денежной реформы на экономическую жизнь служит тот факт, что тетрадрахма Александра

---

¹³³ См. Arist. Oec. II, 34.

¹³⁴ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 128.

¹³⁵ В Экбатанах казна состояла из 180 тыс. талантов. (См. Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 239).

¹³⁶ U. Wilcken. Griechische Geschichte, S. 260.

Профессор Гарвардского университета Ричард Фрай выступает против этого установившегося традиционного мнения, с его точки зрения Александр не ввел, да и не был в состоянии ввести единую монетную систему в своей державе. (См. Р. Фрай. История Ирана М., 1972, стр. 181—182).

¹³⁷ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 130.

чеканилась еще несколько столетий после его смерти ¹³⁸.

Александр продолжал использовать почти все существовавшие персидские монетные дворы, кроме Тира и Газы ¹³⁹. Эти монетные дворы, видимо, контролировались царскими служащими, но кому они подчинялись, неизвестно ¹⁴⁰.

Основываясь на изложенном выше, следует сделать вывод, что уже при Александре были заложены основы будущей бюрократической системы эллинистических государств.

§ 2. Градостроительная деятельность

Среди хозяйственно-экономических мероприятий по устройству империи Александра большое значение имело градостроительство. Для этой стороны деятельности македонский царь не нашел образца в империи Ахеменидов. Поэтому проблему урбанизации он должен был решать самостоятельно, своими непроторенными путями ¹⁴¹. По этим путям позднее пошли эллинистические цари, особенно сирийские.

Во время восточных походов Александр не только разрушал непослушные города, а подчинившиеся ему укреплял и благоустривал, но и воздвигал на важных стратегических местах и торговых путях новые.

Участь Фив — красноречивый пример безжалостного отношения к тем городам, которые пытались отстоять свою независимость. Сопrotивляющийся город был срыт до основания, земля его разделена между союзниками македонян, а жители проданы в рабство ¹⁴².

¹³⁸ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 406.

¹³⁹ Главный двор был в Амфиполе, второй по значению — в Вавилоне; следующие — финикийская группа (Сидон, Библ, Дамаск); Тарс и Александрия на Иссе с независимым киприйским монетным двором; Александрия Египетская. Существовали еще и многие другие дворы, включая Пеллу — македонскую столицу.

¹⁴⁰ W. Tapp. *Op. cit.* p. 130—131, N. L. Hammond. *A history of Greece to 322 B. C.* Oxford University Press, Amen House. London (Glasgow, New York, Toronto, Melbourne, Wellington), 1959, p. 596.

¹⁴¹ Еще Исократ советовал Филиппу II построить города в Азии и поселить там бездомных купцов (Isocr Phil. § 106), а также тех, кто лишен ежедневного пропитания (§§ 120—121). Но отец Александра не осуществил этого пожелания Исократа.

¹⁴² Arr. I, 9, 9. Так Александр действовал и позднее. Во время

Что касается малоазийских городов, то отношение к ним определялось общими принципами македонской политики в Малой Азии. Придерживаясь этих принципов, Александр возрождал те города, которые в его время утратили былое величие. Так, в Илионе, после битвы при Гранике, он украсил храм Афины и обещал поднять поселение до уровня полиса, восстановить его постройки, жителей объявить независимыми и свободными от податей, храм сделать знаменитым и учредить священные игры¹⁴³. Смирна представляла собой лишь группу деревень, город был почти пуст. Но мезийцы просили Александра восстановить город¹⁴⁴. Ионийцы возобновили свои собрания на Панноне в Микале. Клазомены, которые из-за страха перед персами располагались лишь на острове, обрели доверие и восстановили свои кварталы на континенте¹⁴⁵. В Эритрее начались работы по строительству высокого мыса Мимаса для соединения с островом¹⁴⁶. В Приене Александр построил храм Афине. Эфесцам он предложил за свой счет восстановить храм Артемиды, сгоревший в 356 г. до н. э. в день его рождения, но при условии, что его имя будет отмечено в надписи. Эфес отказался. Но Милет добился поддержки Александра, чтобы закончить реставрацию храма Бранхидов.

Александр пытался всюду оказывать знаки внимания эллинским традициям. Города Малой Азии и архипелага рассматривались им как союзники и входили в Коринфскую лигу. Трудность заключалась в том, чтобы примирить автономию этих маленьких государств с суверенной властью царя. У последнего не было одинакового отношения ко всем городам. Правда, все эти города даже под властью персов пользовались эллинской конституцией, поэтому не было никакого резона ее отменить. Но обычно персидские сатрапы покровительствовали олигархии и особенно тирании. Поэтому Александр был вынужден, чтобы придать своему походу антиперсидский

его пребывания в Индии у реки Хой, где он был ранен при взятии первого города, попавшего ему на пути, куда скрылись беглецы, он приказал срыть город и так же поступать с другими, которые не будут сдаваться добровольно (Arr. IV, 2, 2—3).

¹⁴³ Strabo, XIII, 1, 26—27, стр. 594.

¹⁴⁴ Plin. Sec. V, 3; Paus. VII, 5, 2.

¹⁴⁵ Paus. VII, 3, 5.

¹⁴⁶ Там же, II, 1—5.

характер, всюду восстанавливать демократию и выступать как враг тиранов. В борьбе за овладение островами тираны то свергались, то возводились в зависимости от того, на чью сторону переходили города: Александра или персов¹⁴⁷. Вождей антимакедонской партии он ссылал на далекую Элефантину.

Неодинаковое отношение Александра к малоазиатским городам выразилось в разной степени их зависимости от него. Многие, как Митилена, Тенедос, как будто имели даже договор с Александром¹⁴⁸. Арриан, который указывает на это, не приводит никаких доказательств того, что эти договоры были основаны на равноправных началах. В наших источниках нет ни одного города, с которым бы обращались как с союзником. Существование многих так называемых автономных и свободных городов доказывало, что все остальные не были таковыми. Имела место различная степень независимости и подчинения этих городов, определить которую с достаточной достоверностью мы не в состоянии.

Самым убедительным знаком подчинения городов могло казаться наличие и содержание в них царского гарнизона. В общем, вначале Александр старался держиваться от того, чтобы ставить своих солдат в греческие города без стратегической необходимости (см. Митилена, Приена). Позднее, когда вспыхнул конфликт между царской властью и свободой городов, первая попытается опереться на вооруженные силы. Наконец, в последние годы жизни Александра под надзором гарнизона проходило возвращение изгнанников с Хиоса, а в момент смерти царя имелся македонский отряд на Родосе.¹⁴⁹

Другим признаком подчинения городов был налог — форос. В принципе облагать налогом свободную землю было нельзя. Обложению могла подвергнуться земля, которая считалась собственностью царя. Так, эдикт подтверждал, что «приенцы в налоге» пользуются автономией и свободой, но жители территории, которую царь рассматривал как собственную, платили форос¹⁵⁰. Осво-

---

¹⁴⁷ P. Jouguet, *Op. cit.*, p. 101—102.

¹⁴⁸ Arr. II, 1, 4; 2, 2.

¹⁴⁹ Diod. XVIII, 1.

¹⁵⁰ Там же, IX, 1.

бождены от фороса были Илион, Эритрея и повсеместно ионийские и эолийские города¹⁵¹. Но аспендийцы, наказанные Александром, от него не избавились¹⁵².

Все свободные города на общие нужды платили *συντάξις*. Этот синтаксис свидетельствует о том, что и свободные города подчинялись воле царя и власти его сатрапов. В ежедневную жизнь городов царь старался не вмешиваться, позволяя им решать ряд своих внутренних задач. Свои решения он передавал городам через послов. Иногда города получали царские указы, которые воспринимались ими, как приказы, или, по меньшей мере, превращались в декреты конституционным путем. Видимо, царь осуществлял высший надзор за законодательством и руководством каждого города. Известно, что Хиос для проведения реформы конституции учредил номографов, но их решения должны были утверждаться самим Александром.

Так обстояло дело с городами Малой Азии, на землях которых Александру приходилось широко популяризовать демагогический лозунг освобождения греков от персидского гнета.

Выйдя за пределы Малой Азии и укрепившись в районе Средиземного моря, Александр начал политику основания новых городов. Этой политике суждено было иметь важные последствия. Ее углубили и расширили последователи Александра, особенно селевкидские цари¹⁵³. В исторической литературе существует мнение о том, что македонский царь Филипп, будучи сам ревностным основателем городов, внушил эту страсть сыну, который свою первую «Александрию» основал во Фракии уже в 340 г. до н. э. Эту точку зрения отстаивает Лэммонд¹⁵⁴. Плутарх действительно указывает, что когда Филипп отправился в поход против византийцев, 16-летний Александр остался полноправным распорядителем македонских дел и государственной печати. Он

---

¹⁵¹ Diod. X, 37.

¹⁵² Arr. II, 26, 2; 27, 3.

¹⁵³ См.: А. Ранович. Александр Македонский и греческие города Малой Азии. — «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 63; W. Tarn. Alexander the Great. Vol. I, p. 133.

¹⁵⁴ См.: N. L. Hammond. A history of Greece to 322 v. c. Oxford University Press; amen House. London (Glasgow, New York, Toronto, Melbourne, Wellington), 1959, p. 596.

покорил во Фракии восставших медов, взял их город, изгнал оттуда жителей и, заселив его переселенцами из различных мест, назвал его своим именем — Александрополем¹⁵⁵. Здесь, по существу, имело место не основание нового города, а лишь переименование старого. Поэтому это событие не может считаться началом градостроительства Александра.

Ф. Шахермейр предполагает, что Александр вынашивал мысль о градостроительстве в первые годы своего правления, но не позднее. Он считает, что первый город, который в Передней Азии носил имя Александра, находился в заливе Исса. Город был основан там, где великая персидская государственная дорога, идущая из глубины страны, подходила к морю. То, что этот город не играл такой важной исторической роли, как его египетская сестра, была, по мнению Шахермейра, связано с тем, что европейская торговля в Передней Азии не была никогда такой значительной, как европейская торговля в Египте¹⁵⁶. Но предположения историка об основании Александром новых городов в Передней Азии, в частности, Александрии при Иссе — спорны и основаны на ненадежных сведениях традиции¹⁵⁷.

В первом ряду основанных городов следует отметить Александрию Египетскую. Об основании этого города более или менее подробно извещают все основные источники¹⁵⁸. Арриан указывает, что Александр из Мемфиса поплыл вниз по реке к морю, там он избрал место, чрезвычайно подходящее для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Он сам разметил знаками, где должны быть установлены агора и храмы, по каким местам должна проходить городская стена¹⁵⁹. Арриан считает достоверным рассказ о том, что царь описал круг, по которому рассчитывал обвести город стенами, мукой, привезенной воинами в бочках.

---

¹⁵⁵ Plut. Alex. 9.

¹⁵⁶ Fr. Schachermeyr. Alexander der Grosse, S. 201.

¹⁵⁷ См.: U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 108.

¹⁵⁸ К сожалению, археологические данные не дают нам столь существенных результатов, которые получены при раскопках Олифа, Делоса, Приены, Помпеи или Остии (см. Антонио Гарсио-и-Бельидо. Социальные проблемы урбанизации в античном Средиземноморье. М., «Наука», 1970, стр. 9—10).

¹⁵⁹ Агг. III, 1, 4—5.

По мнению прорицателя, это предсказывало городу богатство и изобилие¹⁶⁰.

Плутарх пишет, что Александр захотел оставить о себе память в виде большого и многолюдного города, названного его именем. И далее рассказывается легенда о том, что Александр, выбрав приблизительно место для города, ночью увидел удивительный сон, как к нему приходит старец и показывает, где лучше всего построить город, — на острове Фарос. Проснувшись утром, Александр поспешил к данному острову и действительно увидел замечательнейшее место для построения задуманного города. После этого он приказал разметить место и составить план построения будущего города¹⁶¹.

Некоторые новые детали приводят Курций и Диодор. Согласно известию первого, Александр хотел построить этот город на самом острове Фаросе, но он ему показался мал для большого города. Тогда он выбрал для него место между морем и болотом, все это пространство охватил стенами длиной в 80 стадиев и оставил там людей наблюдать за постройкой города. Как и Арриан, Курций приводит предание, правда, с другими подробностями, о том, что когда царь, по македонскому обычаю, ячменем обозначал черту будущих стен города, налетели птицы и поклевали ячмень. Прорицатели разъяснили, что этот город всегда будет убежищем многим чужеземцам и будет снабжать много земель продовольствием¹⁶².

Что касается Диодора, то он добавляет важные подробности. Александр приказал построить город своего имени, недалеко от гавани Фарос, между озером и морем, в очень удобном месте. Он сам вымерил место и умело разделил его на кварталы. Благодаря искусному расположению улиц, удивительных по своим размерам и красоте, удобству места, выбранного для постройки, город разросся, стал многолюдным, красивым и богатым, так что впоследствии многие считали его первым в мире. Александрия выделялась размерами, обилием предметов роскоши, красотой дворца, роскошными домами и храмами¹⁶³.

---

¹⁶⁰ Arr. III, 2, 1—2.

¹⁶¹ Plut. Alex. 26.

¹⁶² Curt. IV, 8, 1—2, 6.

¹⁶³ Diod. XVII, 52.

Из всех этих сведений можно сделать вывод, что построенный по плану знаменитого родосского архитектора Дейнократа, на чрезвычайно удачном месте у устья Нила, город должен был стать лучшим портом Египта, хорошо защищенным от морских ветров и песка, важнейшим узлом торговых путей, ведущих из Средиземного моря далеко на восток и юг¹⁶⁴. Это обстоятельство определило быстрый рост нового города и превращение его в крупнейший экономический и культурный центр древнего мира¹⁶⁵. Египетский порт будет затем разделен на две части (торговый порт на западе, более обширный военный порт на востоке) плотиной, соединяющей город с островом Фарос. Канал свяжет морской порт с внутренним портом, расположенным на озере Мерестис. По другим каналам корабли из Нила попадут в Красное море. В 280 г. до н. э. будет построен знаменитый маяк.

Лишь один этот город был создан на западе: все другие, большие и малые Александрии, а также военные укрепления — на восток от Тигра в Персии, Средней Азии, Индии, на пустынных берегах Гедрозии¹⁶⁶.

Два города основал Александр после битвы при Гавгамелах¹⁶⁷. Одной фразой Арриан упоминает кавказскую Александрию, которая была основана тогда, когда Александр подошел к горе Кавказ¹⁶⁸. В древнее время кавказскими обычно называли горы Ирана и Гиндукуш.

Согласно указанию Курция, город был основан после перевала через Кавказ у подножья горы, к которой, по древним преданиям, был прикован Прометей¹⁶⁹.

---

¹⁶⁴ См.: С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, стр. 54.

¹⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс в «Международных обзорах» (обзор первый), сравнивая города в разные исторические эпохи, для древнейшей эпохи выделяли три важнейших города, среди них — и Александрию. То, что в древности представляли Тир, Карфаген и Александрия, в средние века Генуя, Венеция, чем до сих пор были Лондон и Ливерпуль, — центрами мировой торговли, — этим становятся теперь Нью-Йорк и Сан-Франциско, — отмечали основоположника марксизма. (Соч., т. 7, стр. 232).

¹⁶⁶ См. История таджикского народа, т. 1, М., 1963, стр. 272.

¹⁶⁷ A. Robinson. Alexander the Great, p. 130.

¹⁶⁸ Arr. III, 28, 4; ср. V, 1, 5.

¹⁶⁹ Curt. VII, 3, 19, 22.

По сведениям Диодора, Александр построил здесь два города — Александрию Кавказскую большую и на расстоянии одного дня от нее, у пещеры Прометея, второй город, тоже Александрию¹⁷⁰. Плиний старший упоминает и другие города: Картана (Гариана), Астуразия Критская, колония Кадрузия¹⁷¹.

На реке Танаис была основана Александрия Танаисская¹⁷². Вернувшись к берегам Танаиса, Александр решил основать на реке город, обвел стенами все место, занятое лагерем. Сами воины, соревнуясь друг с другом строили город и построили его очень быстро. На 17-й день после возведения укреплений были отстроены городские дома¹⁷³.

Ряд городов Александр основал на землях Бактрии и Согдианы. Страбон говорит о 8 городах, которые македонский полководец заложил в этих местах. Юстин упоминает 12 городов¹⁷⁴. Это различие немецкий историк А. Гутшмид объясняет механической ошибкой переписчика. Он высказал предположение, что вместо 8 городов Страбона у Юстина первоначально фигурировали 7 городов плюс Александрия на Танаисе, но переписчик вместо VII ошибочно написал XII. Такую ошибку графически допустить совсем не трудно¹⁷⁵. Против этого предположения решительно выступил Э. Мейер, хотя серьезных возражений выдвинуть не смог. В советской науке предположение А. Гутшмида признается вполне правдоподобным¹⁷⁶.

Если возможно таким образом сблизить указания двух наших античных источников, то 8 названий городов и военных колоний можно указать. Из них, однако, мы имеем определенные сведения об основании Александром в пределах границ Средней Азии всего лишь 3 городов: Александрии на Оксе (т. е. Амударье),

¹⁷⁰ Diod. XVII, 83, 1.

¹⁷¹ Plin. H. N., VI, 61.

¹⁷² Arr. IV, 1, 3; 3, 6; 4, 1; ср. Plin. VI, 43; Ptol. I, 11, 7.

¹⁷³ Курций (VII, 6, 25, 26) и Юстин (XII, 5) указывают срок в 17 дней, Арриан (IV, 4, 1) — 20 дней.

¹⁷⁴ Strabo, XI, 11, 4, стр. 517; Just. XII, 5, 13; ср. Arr. IV, 16, 3.

¹⁷⁵ A. Gutschmid. Geschichte Irans und seiner Nausariänder von Alexander dem Grosse bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen, 1888.

¹⁷⁶ История таджикского народа, т. 1, М., 1963, стр. 272—273.

Александрии на Яксарте (Сырдарье) и Александрии в Маргиане. Курций сообщает о походе Александра через реки Ох и Окс к Маргиане, где было основано 6 крепостей — 2 к югу, 4 — к востоку от города Маргония (Мерв) — на близком расстоянии друг от друга, чтобы взаимная помощь могла быть оказана быстро¹⁷⁷. Среди этих городов были Александрия и Гераклея¹⁷⁸. Для этой цели к Мерву была специально отправлена Александром македонская экспедиция. Керст, однако, полностью отрицает как возможность такой экспедиции в оазис Мерв, так и строительство в этом регионе городов. С его точки зрения, поход от Амударьи туда через туркменскую пустыню был связан с такими трудностями, что не был бы обойден нашими источниками полным молчанием¹⁷⁹.

Такую точку зрения разделяет в советской науке И. Н. Хлопин, который приходит к выводу, что Маргиана, окруженная пустынями, избежала греко-македонского нашествия, в первую очередь, из-за своего окраинного и заходустного положения в империи Ахеменидов¹⁸⁰.

Как Керст, так и Хлопин, не учитывают, однако, того обстоятельства, что бывали случаи, когда экспедиция, в которой Александр сам лично не участвовал, оказывалась вне сферы особых интересов древних авторов. Очевидно, это был тот случай, когда поход был совершен одним из полководцев Александра, а поэтому, как и в других подобных случаях, не привлек внимания историков¹⁸¹.

Керст, а за ним И. Н. Хлопин считают совершенно искаженным сообщение Курция об основании в этом месте 6 городов. По мнению Керста, в этом сообщении имеются в виду те же самые основания городов, которые упоминаются у Арриана и Диодора¹⁸². Керст и

¹⁷⁷ Curt. VII, 10, 15.

¹⁷⁸ Plin. H. N., VI, 16, 18.

¹⁷⁹ J. Kaerst. Op. cit., S. 346.

¹⁸⁰ См. И. Н. Хлопин. Александр Македонский в Маргиане. — Сб. «Античность и современность». М., «Наука», 1972, стр. 190.

¹⁸¹ См.: W. Tarn. Alexander the Great, vol. II, 1948; Ф. Я. Косыке. Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием. — ВДИ, 1962, № 1, стр. 123.

¹⁸² Ср. у Диодора указатель содержания кн. XVII, 8 с Curt. VII, 10, 16. Переход Окса упоминается в этой связи в точности,

Хлоппин сомневаются даже в таком надежном источнике, как Плиний, который определенно сообщает о постройке Александрополя в Маргиане¹⁸³. Между тем правильность этого сообщения подтвердили проведенные разведочные раскопки в 1938 г. в старом Мерве и в 1953 г. в Серахсе¹⁸⁴. Раскопки обнаружили в основании этих городов слой, датируемый временами македонского завоевания, подтвердив тем самым достоверность известий античных и среднеазиатских авторов о постройке македонянами в этих местах Александрии¹⁸⁵. В соседних областях были основаны: Александрия арианская в Арии, Александрия в Арахозии, Александрия-Бактры¹⁸⁶. Последняя со временем стала настолько мощной, что была в состоянии около 208 г. до н. э. целых два года сопротивляться натиску Антиоха III¹⁸⁷. Были на среднеазиатских землях созданы и другие города-укрепления. Ряд городов был построен в Индии. В окрестностях Базир Александр возвел ряд укрепленных пунктов, среди которых выделялся построенный Гефестионом и Пердиккой город Оробатида¹⁸⁸. На том месте, где произошло сражение с Пором, Александр приказал Кратеру основать 2 города в государстве Пора, там, где можно было бы контролировать проход Гидаспа: на восточном берегу новый город был назван

как у Арриана (IV, 15, 7). Рассказ о завоевании замка Армаза входит у Курция в общую, в основном, с Аррианом традицию (ср. Curt. III, 1, 1, сл. и Arr. IV, 16).

¹⁸³ Plin. N. H. VI, 47. Большинство советских ученых не отрицает сведений этого источника. См.: М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. — ВДИ, 1951, № 4, стр. 95; История Туркменской ССР, т. I, кн. I. Ашхабад, 1957, стр. 73; З. И. Усманова. Эрк-Кала. — Тр. ЮТАКЭ, т. XII, Ашхабад, 1963, стр. 85—87; она же. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-Калы. — Тр. ЮТАКЭ, т. XIV. Ашхабад, 1969, стр. 47; Р. М. Рахманова. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и походы Александра Македонского. Автореф. канд. дис. Л., 1964, стр. 21 и другие работы.

¹⁸⁴ См.: Б. Б. Пиотровский. Разведочные раскопки на Гяур-Кале в старом Мерве. — Материалы ЮТАКЭ, I, стр. 36; А. Марушенко. Старый Серахс, стр. 198—199.

¹⁸⁵ Ф. Я. Коське. Указ. соч., стр. 124.

¹⁸⁶ В. Бактриане, где Зариаспа стала Бактррой, по утверждению Птолемея, основаны 3 Александрии (см. Ptol. VI, 12, 6; Curt. VIII, 23, 14).

¹⁸⁷ М. Уилер. Указ. соч., стр. 51.

¹⁸⁸ Arr. VI, 28, 4.

Никией («город Победы») в честь недавней победы на Гидаспе, а другой на западном берегу — Букефалами («город Коня») в память о павшем от старости и изнурения во время азиатского похода любимом коне македонского полководца¹⁸⁹. Плутарх говорит, что другому новому городу Александр дал имя своей любимой собаки Периты, которую он сам вырастил¹⁹⁰. Александр основал города своего имени в наиболее важных пунктах Нижнего Инда. Перейдя через Гидраот, он застал уже выстроенный город, построить который поручил Гефестиону¹⁹¹. По приказу Александра был также построен город и верфи в устье слияния реки Акесина в Инд¹⁹². На самом Инде Александр также укрепил город и построил другую верфь¹⁹³. Еще один город, названный Александрией, был заложен перед походом в землю мусиканов¹⁹⁴. Были созданы и другие города и укрепления, которые в большинстве своем были стерты с лица земли в период завоеваний Чандрагупты¹⁹⁵.

Новые города выросли на пустынных берегах Гедрозии после возвращения македонской армии из индийского похода. Среди них город, построенный Гефестионом на земле оритов¹⁹⁶. По плану Александра, основанный на этом удобном месте город должен был стать большим и богатым. Имелась Александрия в устье Арбия, у ихтиофагов. Новую Александрию Александр основал в Кармании, где македонский полководец останавливался по возвращении из Индии, после драматического перехода через пустыню Гедрозии¹⁹⁷.

Сколько всего городов построил Александр, достоверно неизвестно. Ссылаясь на Плутарха, ему приписывают основание 70 городов. К этому свидетельству нужно относиться весьма осторожно. Здесь имеет место явное преуве-

---

¹⁸⁹ Arr. V, 19, 4; Curt. IX, 1, 6; 3, 23; Diod. XVII, 95; Plut. Alex. 61.

¹⁹⁰ Plut. Alex. 61.

¹⁹¹ Arr. V, 29, 2—3.

¹⁹² Arr. VI, 15, 2; Steph. Bys. S. V. 'Αλεξάνδρεια, 5.

¹⁹³ Arr. VI, 15, 4; Steph. Bys. S. V. 'Αλεξάνδρεια, 14.

¹⁹⁴ Curt. IX, 8, 8.

¹⁹⁵ W. Tarn. Alexander the Great. vol. II, 1948, p. 237.

¹⁹⁶ Arr. VI, 21, 5. Основание города Александрии в этой области упоминается Диодором (XVII, 104, 8; ср. Curt. IX, 10, 7; Plin. H. N. VI, 97).

¹⁹⁷ P. Clouche. Alexandre le Grand, p. 99—100.

личение. Возможно, что в это число включены и многочисленные опорные пункты и незначительные поселения, которые сравнительно быстро создавались, а затем бесследно исчезали. В это количество могли войти и ранее существовавшие города, которые были Александром Македонским модернизированы. Не исключена вероятность, что в раздорах и бурях последующих времен известия о многих городах были потеряны. И лишь такие города, как Герат, Кандагар, Ходжент и др., показывают с достаточной ясностью, что многие города, созданные во время восточных походов, не были эфемерными, а в трансформированном виде даже дошли до наших дней.

Впрочем, число 70 принимается лишь некоторыми из современных исследователей. Безоговорочно признает это число американский историк Робинсон¹⁹⁸. Его поддерживает американский ученый Хэммонд, который, однако, добавляет, что в число городов могут войти не только те, которые Александр основал, но и те, которые он предполагал основать¹⁹⁹. Мортимер Уилер, крупный специалист по истории культур древнего Востока в Америке, сомневается в утверждении Плутарха о 70 городах, но с уверенностью указывает, что «число их было велико»²⁰⁰. Преобладающее же большинство ученых не признает за достоверное указание Плутарха. В советской науке высказывается мнение, что Александр основал немногим более десятка городов²⁰¹. В буржуазной историографии Г. Лэмб называет 13 Александрий или более²⁰². В. Тарн полагал, что 16 Александрий были определено, другие возможны²⁰³. А. Боннар считает возможным принять максимальное число в 16 городов²⁰⁴. В литературе приводится и число 34, хотя среди

---

¹⁹⁸ A. Robinson. Alexander the Great. p. 218.

¹⁹⁹ N. L. Hammond. Op. cit., p. 639.

²⁰⁰ Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем, стр. 45.

²⁰¹ См.: История таджикского народа, т. I. М., 1963, стр. 272; ср. «Всемирная история», т. II. М., 1956, стр. 222—223.

²⁰² Harold Lamb. Alexander of Macedon. Garden city, New York, 1950, p. 132.

²⁰³ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 133; vol II, p. 234.

²⁰⁴ А. Боннар. Указ. соч., стр. 171.

них существование многих названных городов поставлено под сомнение ²⁰⁵.

С какой целью была предпринята Александром политика градостроительства, политика, которая затем представляла целую эпоху в истории эллинизма? В исторической науке нет единого мнения о причинах градостроительной политики Александра. Проводилась ли эта политика по заранее намеченному плану, или она вытекала из насущных потребностей самих восточных походов? Дройзен впервые высказал мнение, что градостроительство было глубоко продуманной мерой для того, чтобы соединить воедино Запад и Восток. Благодаря новым городам, писал он, Эллада «насытилась сверхизобилием Азии», а Азия «утолила жажду греческого гения» ²⁰⁶. Это мнение Дройзена в разных вариантах принималось последующими историками. Американский историк Робинсон полагает, что в основу градостроительства Александра легла его идея объединения народов, что эта идея служила политической цели — «амальгированию империи» ²⁰⁷. Другой американский историк С. Барр считает, что во время своих походов Александр планировал города, которые должны были служить торговле и защищать завоеванное ²⁰⁸. Французский историк Бенуа-Мешен указывает, что построенные города служили как бы золотыми застежками на широкой мантии империи и являлись административными, культурными, военными и торговыми центрами, играя роль администраторов и объединителей. От этих городов, как от двора, исходили лучи влияния, которые пропитывали постепенно если не все население, то, по крайней мере, господствующие классы. Между ними установился длительный обмен материальными изделиями, моральными концепциями и эстетическими формами ²⁰⁹.

²⁰⁵ См.: Dr. Tschirikower. Die hellenistischen Städtegründung. Leipzig, 1927, S. 145—146; P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 118.

²⁰⁶ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1, стр. 376 и сл.

²⁰⁷ C. A. Robinson. Alexander the Great. New York, 1947, p. 218.

²⁰⁸ Stringfellow Barr. The Will of Zeus. A history of Greece from the origins of Hellenic culture to the death of Alexander J. B. Lippincott Company Philadelphia and New York, 1961, p. 417.

²⁰⁹ Benoist-Mechin. Alexandre le Grand on la Réve depassé Clairfontaine, Lauzanne, 1964, p. 188.

Исходя из таких рассуждений, во французской историографии А. Боннар и П. Клоше, в немецкой историографии Г. Бенгтсон полагают, что при постройке городов их основатель с гениальным взором предусмотрел их будущее. В качестве доказательства ученые приводят города: египетскую Александрию, Александрию в Арии, в Арахозии и на Яксарте, которые получили высокое развитие²¹⁰. А. Боннар, в частности, указывает, что Александрия Египетская, по замыслу Александра, построившего ее в результате гениальной интуиции, согласно требованиям зарождавшегося урбанизма, должна была стать центром греко-варварского края, послужить «мостом» между Востоком и Западом²¹¹.

По мнению А. Робинсона, Александрия Египетская должна была стать коммерческим и административным центром бассейна Средиземноморья и вместе с тем звеном связи между Западом и Востоком²¹². Кроме того, она по существу заменила торговую деятельность Тира²¹³. Ее основание было вызвано большой ролью, которую Александр придавал Средиземному морю как связующему фактору своего мирового государства. Этот город, по мнению Ф. Шахермейера, прежде всего должен был стать торговым. Поэтому Александр издал указ о том, что все перегрузки товаров из устья Нила должны совершаться здесь. Так, через Александрию предполагалось снабжать эллинов египетским зерном, а греческое вино и оливковое масло доставлять в Египет через Александрию; папирус и слоновую кость хотели здесь обменивать на изделия греческого ремесла. Тем самым эта чудесная надежная совокупность обоих торговых партнеров благодаря Александрии должна была стать плодотворной действительностью²¹⁴. П. Клоше подчеркивает, что Александр, запланировав двойной

---

²¹⁰ H. Bengtson. Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die Römische Kaiserzeit. München, 1960, S. 351—352.

²¹¹ См.: А. Боннар. Указ. соч., стр. 167—168.

²¹² A. Robinson. Указ. соч., стр. 111.

²¹³ После разрушения Тира Александрия Египетская должна была стать центром средиземноморской торговли, тем более, что она могла легко иметь связь с Египтом по канонийскому рукаву. Это имело также большое значение для Красного моря и всего Востока (см. Collection Genies et Prealites Alexandre le Grand, 1962, p. 84—85).

²¹⁴ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 202.

порт, приказав соорудить плотину от берега до острова Фарос, хотел сделать Александрию не простым административным и военным пунктом, а конкурентом и наследником Пирея, Родоса и Сиракуз²¹⁵. Александрия действительно вскоре стала большим городом, открытым рынком, на котором встречались все народы тогдашнего мира. Спустя 75 лет после смерти Александра этот город стал уже величайшим городом Востока после Карфагена и Антиохии. Там было большое население, которое, по Диодору, достигло 300 тыс. человек. Не зря тогдашние писатели считали его вторым городом после Рима²¹⁶. Бесспорен тот факт, что блестящие успехи Александрии привели к упадку Пирея в III в. до н. э. и что основание крупного египетского порта, так способствовавшего обогащению страны Нила, очень серьезно угрожало интересам Родоса, Сиракуз и старой греческой колонии Навкратис²¹⁷. Но действительно ли Александр хотел, чтобы его инициатива имела такие последствия? Для ответа на этот вопрос у нас нет никаких свидетельств.

По мнению других ученых (в немецкой историографии — Ф. Тегера; в английской — В. Тарна), политика градостроительства имела, главным образом, культуртрегерскую миссию. Эти города должны были, по их мнению, стать центрами греческой культуры, слияния Востока и Запада. Так, Ф. Тегер строительство новых городов Александром на Востоке связывает исключительно с желанием македонского полководца создать новые центры греческой культуры и искусства²¹⁸. Таким образом, акцентируется его культуртрегерская роль.

²¹⁵ P. Cloche. *Op. cit.*, p. 39.

²¹⁶ См. В. Уилер. Александр Великий. СПб, 1899, стр. 107. В конце эпохи Птолемеев Александрия растянулась более чем на 5 км и имела в окружности 18 км. Ее общая площадь была, таким образом, примерно такой же, как и Рима. См. Антонио Гарсиа-и-Бельидо. Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье. М., 1970, стр. 9—10.

²¹⁷ До Александра город Навкратис посредничал в торговле между Египтом и Эгейским морем. Но теперь, когда Александр дал стране морскую гавань, которая имела большую экспортную способность и могла выгодно использовать огромные богатства страны, был положен конец длительной изоляции Египта. См.: U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 109.

²¹⁸ Fr. Taeger. *Das Allertum*, S. 411; ср.: U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 261.

Александр, по М. Уилеру, разбрасывал города, словно сеятель, предпочитая пустынные, малообитаемые области Азии. Эти города, по мнению американского историка, стали не столько окраинными пунктами новой власти на обширных завоеванных территориях, сколько центрами распространения эллинистического гуманизма. Их руководящая роль сводилась к умиротворению, но не столько мерами карательными, сколько методами цивилизации²¹⁹. Это мнение, по существу, разделяет и Тарн, который утверждает, что в Средней Азии «Александр достиг части мира, где города были почти неизвестны». Отсюда вытекает, что урбанизация этого региона имела немаловажное культурное значение. Города должны были стать центрами эллинизма на Востоке: должны были способствовать распространению греческой культуры и науки. По образному выражению Тарна, города Александра были предназначены для того, чтобы ускорить «сплавление» Европы и Азии на базе греческой культуры²²⁰. Однако, рассматривая этот вопрос с точки зрения своей пресловутой теории «братства народов», Тарн не учел того обстоятельства, что факты, на которых он строит свои выводы, противоречат действительности: даже из письменных источников видно, что в Средней Азии и прилегающих областях еще до восточных походов Александра было множество городов²²¹. Среди них военно-административный центр Бактры, Мараканда; торговые центры: Кирополь в Согде и др.²²² Археологические данные подтвердили наличие

---

²¹⁹ М. Уилер. Указ. соч., стр. 45, 88.

²²⁰ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 134.

²²¹ См. В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии, М., 1950, стр. 16—20.

²²² Греки, вступившие в пределы Зеравшанской долины, признали, что уже тогда Самарканд был цветущим городским поселением, имел цитадель, особую внешнюю стену протяжением около 10,5 км. Город был расположен возле крупной реки Политимет (совр. Зеравшан), орошавшей долину. Сохранилась легенда о том, что когда Александр осмотрел Самарканд, он воскликнул: «Все, что я слышал о красотах города — все правда, за исключением того, что он более прекрасен, чем я мог представить себе». См.: Ю. Н. Алескеров. Самарканд. Ташкент, «Узбекистан», 1967, стр. 9, 24; И. В. Пьянков. Мараканда. — ВДИ, 1970, № 1, стр. 43; он же. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. — В кн. «Древний Восток. Города и торговля». Ереван, 1973, стр. 127—130.

ряда поселений городского типа еще в первой половине I тыс. до н. э. во многих областях Средней Азии, например, Кюзели-Гыр в Хорезме, Гяур-Кала в Маргиане, Елькен-теке в Парфии, Шурбашат в Фергане и др.²²³. В античных источниках немало сообщений о среднеазиатских городах, которые были очагами сопротивления²²⁴. Все это говорит о самостоятельном пути экономического развития среднеазиатского населения, которое градостроительство Александра не воспринимало как культурную миссию. Это «культуртрегерство» не применимо не только к Средней Азии, но и к Индии. Раскопки в Мохенджо-Даро и открытие городов в долине Инда свидетельствуют о том, что городская жизнь и отлично организованная система городского устройства в долине Инда уже была известна в III тыс. до н. э.²²⁵. Индийские исторические предания относят возникновение такого города, как Таксила, к глубокой древности. Арриан называет Таксилу величайшим и наиболее процветающим из всех городов между Индом и Гидаспом²²⁶.

Специалисты-индологи подчеркивают, что вторжение Александра Македонского в Пенджаб вообще не оказало продолжительного влияния на жизнь, культуру и историю Индии. Только небольшая часть ее, и притом окраинная, попала под власть завоевателей и то ненадолго. Поэтому их влияние здесь оказалось несравненно меньшим, чем в других странах Азии; показателем этого является отсутствие в индийских источниках каких-либо упоминаний о вторжении в Индию Александра.

Есть ученые (в американской историографии В. Уилер, в немецкой — У. Вилькен и Ф. Шахермейр), которые определяют основную причину градостроительства как экономическую. Так, Уилер утверждал, что покро-

---

²²³ См.: История таджикского народа, т. 1, М., 1963, стр. 273; Р. М. Рахманова. Средняя Азия V—IV вв. до н. э. и поход А. Македонского (автореф. канд. дис.). Л., 1964, стр. 9.

²²⁴ См. Б. А. Литвинский. Древний среднеазиатский город (местные традиции и иноземные модели). — В кн. «Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.)». Ереван, 1973, стр. 112.

²²⁵ См. Д. Касамби. Культура и цивилизация древней Индии. М., «Прогресс», 1968, стр. 64.

²²⁶ См. Г. Ф. Ильин. Древний индийский город Таксила. М., Изд-во вост. лит-ры, 1958, стр. 6—7.

вительство торговле и оживленному сношению народов всегда было заветной мечтой Александра²²⁷. Вилькен обращал внимание на торговую роль новых городов, особенно города, основанного на египетском берегу. Само избрание места для этого города было свидетельством того, что в данном случае исключался военный мотив. По мнению Вилькена, тот, кто хотел завоевать Египет, должен был концентрировать свои военные силы не на побережье, а в Мемфисе или около него. Локализация города на побережье имела главным образом торговую цель²²⁸. Построенные города и судовые верфи у южного края Пенджаба, утверждает Шахермейр, должны были в бассейне Инда управлять судоходством и вместе с тем способствовать западно-восточной торговле из Арахозии со странами Ганга²²⁹.

Большая группа ученых разных направлений и политической ориентации (из американской историографии — Катрлз, Хэммонд, Лэмб; немецкой — Керст; советской — Ф. Я. Косыке, Крякшарян, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин) видят в градостроительстве средство для контроля коммуникаций Александра и политики окружающих народов, для связи сельской местности с гарнизонами, барьер против кочевников. Исходя из этого подчеркивается военная цель при строительстве новых городов, которые выполняли функции опорных пунктов греко-македонских войск.

Так, американский античник Катрлз полагает, что новый город на реке Яксарт (Сырдарья), основанный Александром, был призван служить центром операций для вторжения в Скифию и барьером против кочевников, населявших обширную страну за рекой²³⁰. Александрия Эсхата, по мнению Хэммонда, была основана как база для «вторжения в Скифию»²³¹. Наконец, Л. Лэмб утверждает, что в Средней Азии города, окруженные степями и вооруженные гарнизонами, были основаны в качестве стратегических постов²³². Такую же функцию выполня-

---

²²⁷ В. Уилер. Александр Великий, стр. 107.

²²⁸ U. Wilcken. Op. cit., S. 108.

²²⁹ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 376.

²³⁰ A. J. Cutrules. Op. cit., p. 226.

²³¹ N. L. Hammond. Op. cit., p. 628.

²³² H. Lamb. Op. cit., p. 256.

ло и градостроительство в Индии²³³. По существу, эту же мысль еще ранее высказал Керст, который считал, что в пограничных областях города служили прежде всего военными опорными пунктами для власти Александра. Правда, он добавляет при этом, что в дальнейшем они должны были стать носителями культуры и центрами новой жизни²³⁴. Города в наиболее важных пунктах нижнего Инда должны были также стать центрами и бастионами системы власти, основанной на личности Александра, который с помощью этих городов надеялся связать устье Инда со всем своим остальным государством²³⁵.

Военную цель в строительстве Александрии Маргианской подчеркивает в советской науке Ф. Я. Косыке. Маргиана занимала военное стратегическое положение на пути к прежде покоренным областям Арии, Арахозии и Гиркании. Эти области играли активную роль²³⁶.

В действительности строительство городов отвечало задачам сегодняшнего дня, военным, административным и экономическим потребностям того времени.

Прежде всего, по мере продвижения по стране в условиях постоянного и жестокого антимакедонского движения Александр вынужден был создавать опорные военные поселения с греко-македонскими гарнизонами²³⁷. Поэтому в первую очередь города имели военно-административное значение (исключением была Александрия Египетская, которая решала как бы двойную задачу — экономическую и стратегическую одновременно). Затем, в зависимости от обстоятельств, они решали следующие задачи.

1. *Защита от возможных нападений соседей.* Так, например, основанные на Гиндукуше города и соседние крепости должны были контролировать коммуникации, обеспечить связь сельской местности с гарнизонами. Как утверждает Арриан, Танаис был построен как защита от возможного нападения скифов. Этот город должен

---

²³³ Н. L a m b. Op. cit., p. 302.

²³⁴ J. Kaerst. Op. cit., S. 342.

²³⁵ Там же, стр. 369—370.

²³⁶ Ф. Я. Косыке. Указ. соч., стр. 123; ср. М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 159.

²³⁷ Там же, стр. 120.

был стать для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров²³⁸. Согласно Курцию, основание крепостей в Маргиане, двух из них к югу, четырех — к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, было связано с необходимостью оказания взаимной помощи. Расположенные на высоких холмах, они должны были служить уздой для покоренных племен. Ныне, указывает Курций, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали²³⁹. Основанная новая Александрия на арабской границе должна была усилить защиту Халдеи от набегов кочевников.

2. *Укрепление важнейших стратегических путей.* Так, строительство Александрии Кавказской на перекрестке трех военных дорог, ведущих к востоку, к Пенджабу, как и ряда других городов на территории будущего Афганистана, объясняется важностью этой страны, где сосредоточивались важнейшие стратегические пути и располагались все вспомогательные службы македонской армии. Через эти пути шло снабжение продовольствием во время военной кампании в Индии²⁴⁰. Нужно было здесь заложить прочные основы, поселить своих людей, поставить своих управителей, потому что все эти пункты должны были служить опорой новой власти на Востоке²⁴¹.

3. *Надзор за завоеванной страной.* Эту функцию выполняли главным образом города, основанные в Индии. По словам Арриана, Александр превратил многие города, построенные в Индии (Оры и Массаги, Оробатида и др.), в укрепленные пункты для надзора за страной²⁴². Он надеялся, что новые города, заселенные колонистами, окажут сопротивление всем попыткам нападения²⁴³.

Вместе с этим, как указывает тот же Арриан, Александр использовал также для своих целей и уже существовавшие города, предварительно укрепив их. Так,

---

²³⁸ Arr. IV, 1, 3.

²³⁹ Curt. VII, 11, 16—17.

²⁴⁰ Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand. Hachette, 1962, p. 198—199.

²⁴¹ С. И. Ковалев. Александр Македонский. Л., 1937, стр. 78.

²⁴² Arr. IV, 28, 4.

²⁴³ Curt. X, 2, 8.

было приказано укрепить город Патталу, где Инд делится на несколько рукавов, и построить здесь значительные судовые верфи и крупный порт. Город стал центром связи между океаном, Индией и Персией.

Пифону Александру поручил заселить отстроенные города, навести порядок среди местных, кое-где восставших индов и вернуться к нему в Патталу²⁴⁴. Выстроить в Паттале крепость поручалось Гефестиону. Одновременно с этим были посланы в близлежащую пустыню люди рыть колодцы, чтобы сделать эту землю пригодной для заселения²⁴⁵. Очевидно, в Индии Гефестион построил обычные укрепленные придорожные города вдоль пути, служившие средством надзора за этой обширной страной²⁴⁶.

Все эти примеры не оставляют сомнения в том, что основанные Александром города имели в первую очередь военно-административное значение.

В соответствии с вышеуказанными задачами для основания городов выбирались места, которые с полным основанием могли служить этой цели: на берегах судоходных рек, на пересечении больших транспортных путей²⁴⁷. Об этом красноречиво говорит строительство Александрии Египетской. Знаменитый родосский архитектор Дейнократ, вызванный из Эфеса, где он восстанавливал храм Артемиды, был известен размахом и дерзостью своих конструкций²⁴⁸. После основательного обсуждения с местными знатоками было найдено лучшее место для нового города, западнее рукава Нила, недалеко от острова Фарос. Последний представлял морскую гавань, защищенную от северных и западных прибоев. Вместе с тем это была единственная на всем побережье гавань, которой не угрожали идущие с нильской дельты массы ила²⁴⁹. Учитывались здесь также и здоровый климат, и хорошее снабжение питьевой водой, и надежное положение между морем и озером Марейтис²⁵⁰.

---

²⁴⁴ Arr. VI, 17, 4.

²⁴⁵ Там же, 18, 1.

²⁴⁶ Ф. Я. Косыке. Указ. соч., стр. 302.

²⁴⁷ W. Tarn. *Alexander the Great*, p. 133—134.

²⁴⁸ *Collection Genies...*, p. 83—84.

²⁴⁹ U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 108.

²⁵⁰ Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 202.

План строительства города был набросан Дейнократом по обычной в те времена схеме, которую ввел в V в. Гипподам из Милета: в основе лежали две широкие улицы в форме креста, обрубленного с правого угла. К ним параллельно примыкали остальные узкие улицы, так что целое состояло из прямоугольного или квадратного квартала домов.

Весь город имел форму македонской хламыды²⁵¹. Александр сам определил важнейшие улицы города, расположение рынка и храмов²⁵². На скалистом мысе, который стоял напротив восточной точки Фароса, он приказал соорудить царский дворец Локенай, где надеялся бывать иногда в будущем. Оттуда до порта на озере Меотис должна была пролегать, с севера на юг, широкая улица. Она пересекала под прямым углом Канонийскую улицу, длиною в 3 км, которая должна была перерезать город с востока на запад. Между берегом моря и Канонийской улицей должны были возвышаться храмы и общественные постройки. Сам город должен был быть разбит с запада на восток на три квартала: на западе — египетский квартал Ракотис, в центре — только греко-македонский квартал; что касается восточного, то, возможно, Александр думал его заселить сирийцами и финикийцами. В действительности, он был заселен главным образом евреями²⁵³.

Как правило, города строились на новых местах, в ряде случаев около существовавших населенных пунктов, в которых продолжало жить и прежнее население²⁵⁴. Прежние поселения укреплялись, обносились стеной, в пределах которой закладывались новые государственные и общественные здания. Так, сама Александрия Египетская присоединилась к уже существовавшему поселению, к маленькой египетской рыбацкой деревне по имени Ракотис²⁵⁵. Александрия в Маргиане была также, вероятно, основана на месте уже существовавшего поселения²⁵⁶. Александрия Эсхата возник-

²⁵¹ Collection Genies..., p. 83—84.

²⁵² U. Wilcken. Op. cit., S. 109; Fr. Schachermeyr. cit., S. 202.

²⁵³ Collection Genies..., p. 83—84.

²⁵⁴ U. Wilcken. Op. cit., S. 243.

²⁵⁵ Там же, стр. 110.

²⁵⁶ История таджикского народа, т. 1. М., 1963, стр. 173.

ла на территории населенного пункта, созданного уже в первой половине IV в. до н. э. местными уструшанско-сакскими племенами²⁵⁷. В стране оритов новый город был построен возле деревни Рамбакия²⁵⁸.

Силами войск, обычно по приказу Александра, строились только городские стены, а дальнейшее строительство поручалось самим колонистам²⁵⁹. Исключением может служить опять-таки Александрия Египетская. В ее строительстве участвовали много греческих строителей, техников, художников различного рода²⁶⁰. Если Дейнократ осуществлял общий план строительства, то автором городской канализации был лучший специалист по гидротехнике — Калас²⁶¹.

О том, что новые города, как правило, строились в удобных и выгодных местах, с учетом их стратегического назначения для защиты от нападения врагов, а также природных условий, которые способствовали экономическим связям с другими городами для укрепления единства всей империи, подтверждается решением трудной проблемы локализации этих древних городов. Трудность этой проблемы заключается в том, что далеко не все Александрии археологически исследованы, а те, которые подвергались такому изучению, не дали ожидаемых результатов. Лучше других исследована советскими археологами Александрия Эсхата (дальняя или крайняя), представлявшая собой чрезвычайно важный пункт на стыке важнейших местных и международных караванных дорог, на путях, уходивших через Среднюю Азию в Китай²⁶². Еще 1832 г. в русской историографии было высказано мнение, что этот город находился на месте Ходжента (современный Ленина-

---

²⁵⁷ Н. Н. Негматов в своей докторской диссертации «Ходжент и Уструшана в древности и средневековье» (М., 1968, рукопись) отрицает основание Александром Македонским Александрии Эсхаты по той причине, что этот населенный пункт существовал до греко-македонских походов (стр. 57). Но использование существовавших поселений и уже обжитых мест для новых городов широко практиковалось македонским полководцем, охотно дававшим этим новым городам свое имя.

²⁵⁸ Arr. VI, 21, 5.

²⁵⁹ U. Wilcken. Op. cit., S. 243.

²⁶⁰ Там же, стр. 110.

²⁶¹ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 203.

²⁶² История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Изд-во ЛГУ, 1958, стр. 25.

бад)²⁶³. Эту точку зрения два года спустя высказал Дройзен, указывая, что именно этот пункт по своему стратегическому положению, а также как узел торговых путей больше всего соответствовал планам Александра. Эта точка зрения, по существу, не поколеблена и в современной науке²⁶⁴. Специально занимающийся этим вопросом проф. Н. Н. Негматов вначале помещал Александрию Эсхату точно на цитадели города Ленинабада (Ходжента), но затем пришел к выводу, что локализовать ее надо в пределах всего современного города Ленинабада или же его ближайших восточных или западных окрестностей²⁶⁵. Простор для исследований в части подобных заключений суживается наличием реки Сырдарья (Яксарта) к северу от Ленинабада. Понски останков этой Александрии Эсхаты пока оказались безуспешными²⁶⁶.

О локализации других городов мы знаем гораздо меньше. Так, Александрию Кавказскую Керст локализует вблизи современного Чарикара, недалеко от реки Кабул²⁶⁷. П. Клоше предполагает, что этот город находился на территории современного Баграма, в 40 км

Александрией дальней или крайней она называлась только потому, что Александр признал персидскую границу вдоль Сырдарьи границей своих завоеваний на северо-востоке. Хронологически же самая дальняя Александрия заложена в 326 г. до н. э., когда Александр на последней стадии своего похода перевалил Гиндукуш и проник в глубину Пенджаба (см. М. Уилер. Указ. соч., стр. 45).

²⁶³ См.: А. Левшин. Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей, ч. I. СПб, 1832, стр. 244.

²⁶⁴ История таджикского народа, т. I, стр. 256. Исключением является мнение американского историка Л. Каммингса, находящееся в явном противоречии с данными источников. Он считает, что Александр просто переименовал Кирополь в Александрию Эсхату. Единственный аргумент, который историк выдвигает при этом, заключается в том, что военные цели, которые стояли перед основателем Кирополя и основателем Александрии, якобы были одинаковы, и этим целям соответствовало стратегическое положение местности современного Ходжента-Ленинабада. (См. L. Cuming's. Alexander the Great, p. 286—288).

²⁶⁵ Н. Н. Негматов. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье. Автореф. докт. дис. М., 1968, стр. 9.

²⁶⁶ См. Б. А. Литвинский, Н. О. Турсунов. Ленинабадский картер и луврская ваза Сосибия. — ВДИ, 1971, № 3, стр. 92.

²⁶⁷ Kaerst. Op. cit., S. 339—340.

от Кабула ²⁶⁸. М. Уилер утверждает, что на месте современного Баграма находилась туземная столица Каписа, возле или в пределах которой была основана Александрия Кавказская ²⁶⁹.

Александрия на Оксе (Амударье) локализуется предположительно в районе нынешнего Куляба Таджикской ССР ²⁷⁰. Александрия Арийская, основанная на возвышенной местности, могла гордиться своим поистине царским положением, которое обеспечивало ей дальнейшую жизнь вплоть до сегодняшних дней под именем Герат ²⁷¹. Город Бактры, расположенный у высохшего ныне притока Окса в северной части Гиндукуша, на степных, некогда плодородных равнинах теперешнего Афганского Туркестана, в наше время представлен городком Балх ²⁷². В каких-нибудь 40 милях к северу от него, на другом берегу Окса, где сейчас круто поднимаются высокие холмы, возможно, была еще одна Александрия. Она была основана на месте доалександровской Тарматы или Тармиты. Это имя впоследствии возродилось в названии современного Термеза ²⁷³.

Другие известные нам города локализуются следующим образом: Александрия в Арахозии — у современного Кандагара; Александрия на Акесине — в окрестности Вазиробада; Александрия у устья Акесина — у Панкинада; Александрия в дельте возле Патталы — у Хайдаробада; Александрия в Кармании — у современного Галахкирда (или Гулажирда); Александрия у устья Арбия — возле Максата (Махкида) и т. д.

Указанные выше задачи учитывались и при заселении вновь построенных городов, состав населения которых нам, к сожалению, известен явно недостаточно. Так, о населении Александрии Египетской мы можем судить

²⁶⁸ P. Cloche. *Alexandre le Grand*, p. 68.

²⁶⁹ М. Уилер. Указ. соч., стр. 64. Историк при этом оговаривается, что у нас пока нет точных сведений о том, что город стоял на месте Каписа, равно как нет определенных указаний на то, что он там не стоял.

²⁷⁰ Б. Гафуров. *История таджикского народа*, т. I. М., 1949, стр. 62.

²⁷¹ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 332; Fr. Schachermeur. *Op. cit.*, S. 257.

²⁷² В. В. Григорьев. *Поход Александра Великого в Западный Туркестан*. — *ЖМНП*, ч. 217, сентябрь — октябрь, 1881, стр. 39.

²⁷³ М. Уилер. Указ. соч., стр. 51.

лишь по источникам более позднего времени. Какое было население в первое десятилетие основания этого города, нам, по существу, неизвестно. Лишь позднее состав населения становится настолько разнородным, что принимает интернациональный характер, соединяя население трех континентов, которые обрамляли Средиземное море и империю Александра²⁷⁴. Наряду с македонянами, греками город должен был принять в большом количестве и аборигенов, если не в качестве полноправных граждан, то во всяком случае в качестве свободных поселенцев. Прежде всего это были египтяне соседних областей, а также иудеи и сирийцы, проживавшие в Египте, и другие иностранцы²⁷⁵.

Более или менее точные сведения о составе населения мы имеем собственно только об Александрии Кавказской и Александрии на Танаисе (Яксарте). Курций указывает, что в Александрии Кавказской получили разрешение поселиться 7 тыс. македонских ветеранов и, кроме того, воины, уже непригодные для военной службы²⁷⁶. Эти сведения Ю. Керст считает преувеличенными²⁷⁷. Но такое значительное количество поселенцев упоминает и Диодор. Последний указывает, что в Александрии Кавказской и в другой Александрии на расстоянии одного дня пути были поселены 6 тыс. варваров и 3 тыс. из числа людей, сопровождавших войско, и тех наемников, которые пожелали здесь обосноваться²⁷⁸.

---

²⁷⁴ Collection Genies..., p. 83—84.

²⁷⁵ U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 110; Fr. Schlegelmeier. Op. cit., S. 203. Испанский историк Антонио Гарсиа-и-Бельидо, специально занимающийся проблемой урбанизма в античном Средиземноморье, указывает, что в Александрии Египетской жили представители всех рас — прежде всего греки и евреи, затем эфиопы, индийцы, китайцы, негры, германцы, и, естественно, египтяне. В двух из пяти кварталов города жили евреи. Большое предместье Ракотис (к западу от города), плотно заселенное мелкими торговцами и ремесленниками, в непосредственной близости от порта Киботос, населяли евреи. Еврейское население к началу II в. до н. э. находилось также на востоке города в квартале Регия. (См. Антонио Гарсиа-и-Бельидо. Указ. соч., стр. 10).

²⁷⁶ Curt. VII, 3, 23.

²⁷⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 342.

²⁷⁸ Diod. XVII, 83, 2.

В Александрии на Танаисе, согласно Арриану, Александр хотел собрать массу поселенцев²⁷⁹. Она была заселена эллинскими наемниками, теми из соседей-варваров, которые пожелали там поселиться, и теми македонскими солдатами, которые уже не годились для военной службы или считались начальством «мятежными»²⁸⁰. По Курцию, в городе поселили пленников (*incolae novae urbi dati Captivi*), которых Александр выкупил у их господ²⁸¹.

По Диодору и Курцию следует, что в восточных областях, особенно в Бактрии и Согдиане, было поселено большое число эллинских наемников²⁸². Так, Александрия Эсхата в Согдиане (Ходжент) была населена отрядом греческих наемников, освобожденными от службы македонскими ветеранами и всеми местными жителями, которые пожелали там поселиться. Таким образом, население города было смешанным; оно одновременно включало и македонских ветеранов, и греческих наемников, и туземцев.

Арриан оставил нам некоторые сведения и о населении других городов. Так, в Александрию, основанную на земле парапамисадов, было переселено некоторое число окрестных жителей, а также солдаты, которые уже не годились для военной службы²⁸³.

В городах, построенных в Индии (город Аригей, города у Акесина и Паллаконы и др.), Александр поселил окрестных жителей по желанию, а также солдат и наемников, которые по старости или болезни не могли быть использованы для военной службы²⁸⁴.

Таким образом, население вновь построенных городов было довольно пестрым. Оно состояло из македонских, греческих и местных элементов. Обычно это были ветераны, уже непригодные к активному несению службы, мятежные солдаты, греческие наемники и местные элементы, собранные с окружающей территории. В городах Средней Азии Александр оставлял особенно много людей, недовольных его политикой. Для выявления недовольных

²⁷⁹ Arr. IV, 1, 4.

²⁸⁰ Arr. IV, 4, 1; Just. XII, 5, 12.

²⁸¹ Curt. VI, 7, 27.

²⁸² Diod. XVII, 99, 5; Curt. IX, 7, 1 и сл.; ср. Paus. I, 25, 5; VIII, 52, 5.

²⁸³ Arr. IV, 22, 5.

²⁸⁴ Arr. IV, 24, 7; V, 29, 3; VII, 21, 7; ср. Diod. XVII, 102, 4; Curt. IX, 8, 8.

проверялись письма, посланные воинами на родину. Не-надежные люди расселялись обычно в самых отдаленных колониях ²⁸⁵.

Если александровская традиция обычно говорит о добровольном переселении людей в города, то антиалександровская традиция подчеркивает насильственное переселение, указывает на то, что в городах оставлялись «мятежные» солдаты.

Вероятно, заселение городов было не только добровольным, но и принудительным. Чаще всего этой мере подвергались преческие наемники, затем некоторые македоняне, которые уже больше не были пригодны к военной службе или же были включены после заговора Филоты в отряд штрафников. Теперь они были сосланы в далекую Азию без надежды возвратиться домой. Они стали, в сущности, изгнанниками. Это произошло против их воли, и если даже царь спрашивал их согласия, то это не было настоящей добровольностью, а было мерой вынужденной. Теперь они должны были жить среди совершенно чужих людей, в не менее чужой стране, в трудных климатических условиях, не понимая причин своей сложной судьбы.

По мнению Ф. Шахермейра, все это произошло потому, что жил *один человек*, достигший сверхчеловеческого и осмеливающийся на сверхчеловеческое, чувствующий себя богом и думающий превзойти всех героев ²⁸⁶.

О том, что принудительные переселенцы были недовольны своим положением, свидетельствуют следующие факты. Когда в 325 г. до н. э. до греческих поселенцев Бактрии и Согдианы дошло обманчивое известие о смерти Александра, тотчас восстали 3 тыс. самых недовольных, захватили Бактрию и стремились с оружием в руках добиться возвращения на родину. Диодор указывает, что эллины-поселенцы в Бактрии и Согдиане, уже давно с трудом терпевшие житье среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что Александр опасно ранен в борьбе с маллами и оксидраками или даже убит, восстали. Они перенесли много трудов, чтобы вернуться домой ²⁸⁷. Добивались они возвращения и после этого события,

---

²⁸⁵ Just. XII, 5, 8; ср. Diod. XVII, 80, 4; Curt. VII, 2, 35—38.

²⁸⁶ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 291.

²⁸⁷ Diod. XVII, 99, 5—6.

о чем свидетельствует указание Диодора, что после смерти Александра они стремились осуществить свое намерение и что были перебиты македонянами 23 тыс. колонистов²⁸⁸. Об этом мятеже греков свидетельствует и Курций. Когда Александр боролся в Индии, греческие солдаты убили нескольких влиятельных лиц из своей среды, стали пускать в ход оружие, захватили считавшуюся в безопасности и поэтому плохо охранявшуюся крепость Бактры. Вожаком их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, сколько чтобы вернуться на родину²⁸⁹. Хотя Афинодор был убит своим соперником неким Бикином, но и последний имел цель вернуться на родину, в Грецию, что он и осуществил вместе с другими, покинувшими колонию, предоставленную им царем²⁹⁰. Таким образом, спокойствие этого региона полностью не было восстановлено. Когда в 323 г. до н. э. Александр действительно умер, то среди поселенцев имелись восставшие, которые были готовы продолжать борьбу за возвращение домой²⁹¹.

Источники, к сожалению, не дают возможности подробно проследить соразмерность отдельных этнических групп городского населения в первые годы градостроительной политики Александра.

В речи Кена, произнесенной в Индии, указывается, что в основанных Александром городах были поселены эллины²⁹². В Бактрии греков было так много, что когда они восстали после смерти Александра, то смогли создать армию в 20 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников²⁹³. Это дало возможность французскому историку П. Жуге с определенностью говорить о беспорном греческом характере заселения новых городов²⁹⁴. Но приведенные

²⁸⁸ Diod. XVII, 99, 5—6.

²⁸⁹ Curt. IX, 7, 1—2.

²⁹⁰ Там же, 7, 11.

²⁹¹ Diod. XVIII, 7, Г. А. Кошеленко считает, что события 325 и 323 гг. до н. э. представляют собой два этапа одного и того же движения среди греческих колонистов. См. Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. — ВДИ, 1972, № 1, стр. 60.

²⁹² Arr. V, 27, 5.

²⁹³ См.: P. Jouguet. Op. cit., p. 124—125.

²⁹⁴ Там же, стр. 104. Вилькен также указывает, что в основанных городах в качестве колонистов были поселены прежде всего

выше примеры достаточно ясно говорят о том, что наряду с греками поселенцами были македоняне, наемники различных мест и местные жители. Последние должны были срастаться с македонскими и эллинскими поселенцами, объединяться с ними интересами общего местожительства, городской жизнью. Керст с уверенностью утверждает, что заселение новых городов находилось в связи с «политикой смешения» Александра и было предназначено, в основном, для того, чтобы служить эффективным средством этой политики²⁹⁵. Конечно, при такой пестроте населения частые смешения греко-македонских элементов с местными были неизбежны, в результате чего возникло много брачных союзов. Такие браки, естественно, могли облегчить политику объединения, слияния и смешения народов, к которой стремился Александр. Последний, согласно Тарну, имел в виду в дальнейшем прислать новых жителей, и более всего европейских женщин, чтобы покончить с риском, что города станут совершенно азиатскими²⁹⁶. Американский ученый Гарольд Лэмб утверждает, что существовал суровый и тщательно продуманный план заселения новых городов²⁹⁷. Однако у нас нет достаточных доказательств, убедительно подтверждающих мнение о том, что у македонского завоевателя имелась строго продуманная программа слияния и смешения народов. Лишь Диодор приводит эту программу, намеченную в царских инструкциях, которые Пердикка зачитал македонянам после смерти царя. Они содержали план будущего. По этому плану, Александр предполагал «объединение многих городов в один, перемещение людей из Азии в Европу и обратно, чтобы объединить два великих континента браками и союзами, и чтобы жили они в согласии, дружбе и родстве»²⁹⁸.

Если мы знаем не много о составе городского населения, то не больше мы знаем о внутреннем устройстве этих городов. До нас не дошла ни одна их конституция. Нам неизвестно, одинаковыми ли правами пользовались

греческие воины, многие тысячи которых оставались в этих новых городах; македоняне оседали в незначительном числе, вероятно, больше всего ветераны. (U. Wilcken. Op. cit., S. 243).

²⁹⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 342.

²⁹⁶ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 134.

²⁹⁷ H. Lamb. Alexander of Macedon. New-York, 1950, p. 256.

²⁹⁸ Diod. XVIII, 4, 4.

там жители различного происхождения или нет. Можно с большой долей вероятности предположить, что в городах не было социальной гармонии. В них происходила острая социальная и политическая борьба. Она, видимо, определялась тем, что разные слои городского населения пользовались не одинаковыми правами. Об этом хотя бы может свидетельствовать тот факт, что местное население не принадлежало к числу граждан нового полиса, а граждане составлялись исключительно из греков и македонян²⁹⁹. Македонян было меньшее количество. Основой оставались греческие наемники. По мнению американского историка Робинсона, они своим образом жизни внушали варварам необходимость и превосходство греческой культуры³⁰⁰. Но даже среди самих греков не было равенства. В их среде имели место частые распри. На это указывает Курций, когда рассматривает греческое восстание в Бактрах³⁰¹. Тогда рядовые греки убили несколько влиятельных лиц из своей среды и побудили варваров присоединиться к мятежу.

Большинство из того, что мы знаем о городах Александра, относится к Александрии Египетской. Она была основана на царской земле и состояла из греческой корпорации и, вероятно, других корпораций — фракийцев, персов и др.; каждая имела определенные автономные права. Возможно, македоняне были в несколько привилегированном положении. Греческая корпорация имела наибольшее значение; греки были «горожане»-александрийцы. Конституционный закон, данный Александром, создал официальных служащих греческого типа и установил их обязанности. Их власть распространялась на весь город. Тарн полагает, что там не было ни *consilium*'а, ни ассамблеи (собрания), но существовали автономные суды, которые независимо от царя учреждали частные законы, сформулированные «городским законом» и царским предписанием. Первый базировался или был взят из кодекса какого-нибудь ведущего греческого города и мог быть выработан специальной комиссией³⁰². Характерно, что все обитатели были практически подчи-

---

²⁹⁹ U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 243; ср. Р. Фрай. *Наследие Ирана*, стр. 183.

³⁰⁰ A. Robinson. *Op. cit.*, p. 218.

³⁰¹ Curt. IX, 7, 1—11.

³⁰² W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 135.

нены не только царскому предписанию, широко базирующемуся на греческих представлениях, но также и «городскому закону», который в принципе был персональным законом греческих «горожан». Таким образом, развивался местный закон, охватывающий весь город. И, возможно, Александр намеренно хотел использовать греческий закон, как и политические права, как одну из мер объединения смешанного городского населения.

Таким образом, Александрию Египетскую Александр организовал как греческий полис с одновременным поселением местных жителей, не давая им, однако, греческого гражданского права³⁰³. По поводу этой Александрии Ф. Шахермейр указывает, что новая Эллада высадилась у ворот дельты, открыла Египту ойкумену и подчинила себе ее богатства³⁰⁴. С точки зрения автора, Александрия Египетская должна была стать представительным рассадником греческой полисной городской системы, со всей ее богатой культурой и ее цивилизаторскими достижениями³⁰⁵. Выяснилось нечто новое, пишет Ф. Шахермейр, чего не было ни в Персии, ни в Мидии, ни в Гиркании и ни в Парфии,— греческий полис должен был играть свою роль *зародышевой клетки, будущей государственной цивилизации* (курсив мой. — А. Ш.) не только на переднем Востоке, но и в Иране. Таким образом, полисная цивилизация предусматривалась и по отношению к иранцам. Она должна была произойти из мест, населенных воинами-ветеранами, и распространяться среди местных жителей³⁰⁶.

Несколько иное мнение высказывает американский историк Г. Лэмб³⁰⁷. Он выступает против мнения тех историков, которые указывают, что Александр устанавливал греческую систему в Азии. Его новую империю он называет македоно-персидской. С точки зрения Г. Лэмба, Александр, стремясь заселить новые города по новому образцу, никогда не забывал своего раннего опыта с неподатливыми и богатыми городами собственной Греции. Он хотел устроить азиатские Афины на этих плодород-

---

³⁰³ U. Wilcken. Op. cit., S. 110.

³⁰⁴ Fr. Schachermeier. Op. cit., S. 204.

³⁰⁵ Там же, стр. 202.

³⁰⁶ Там же, стр. 258.

³⁰⁷ H. Lamb. Op. cit., p. 241.

ных землях, но он не хотел делать дубликат подлинной Пеллы или Афин, или особенно Спарты³⁰⁸.

Немецкий историк Вилькен считает, что основанные Александром города в Египте, Восточном Иране и Индии назывались полисами³⁰⁹. Все источники, как правило, построенные Александром города называют термином «полис» или «*city*». Но, видимо, в них вкладывался смысл, не идентичный с понятием города-государства классической Греции³¹⁰. Кроме того, Арриан в одном случае, когда речь идет о поручении Гефестиону в Паталах выстроить крепость, вместо слова «полис» употребляет термин «*αἰκρά*», т. е. именно крепость, а не город³¹¹. Курций же в трех случаях вместо «*city*» употребляет слово «*oppidum*», т. е. военное укрепление. В первом случае он говорит о крепостях, построенных в Маргиане³¹²; в остальных двух — когда речь идет о построении городов в Индии³¹³.

Положение новообразованных городов было различно. Некоторые города называли себя городами-государствами, а другие были военными колониями, которые управлялись согласно конституции, которую получили от Александра³¹⁴.

Возможно, что одним из различий между городами и

---

³⁰⁸ H. Lamb. Op. cit., p. 257.

³⁰⁹ U. Wilcken. Op. cit., S. 110.

³¹⁰ А. Даватур полагает, что военные города представляли собой «правильно организованные греческие полисы». (См. А. Даватур. Политики и политика Аристотеля. М.—Л., 1965, стр. 34). Г. А. Кошеленко, наоборот, считает, что в этих городах вообще не было полисного устройства. Была единоличная власть поставленных Александром гипархов, ответственных только перед ним и сменяемых только им. Именно это положение ущемляло интересы греков, которые в городах вместо полисного самоуправления получали единоличную власть, вместо господства над покоренным местным населением оказывались вместе с ним в одном городе. Это приводило к разным столкновениям. Г. А. Кошеленко ищет причины восстания в Бактрии и Согдиане в страстном желании греков найти в Азии греческий образ жизни, в стремлении быть гражданами полиса, членами полисного коллектива (Г. А. Кошеленко. Указ. соч.—ВДИ, № 1, 1972, стр. 64, 71, 74—76).

³¹¹ Arr. VI, 18, 1.

³¹² Curt. VII, 10, 15.

³¹³ Там же, IX, 3, 23; 8, 8.

³¹⁴ A. Robinson. Op. cit., p. 218. Военные колонии были, например, в Сирии, там, где позднее будет основана Пелла-Апамея. Одними солдатами-инвалидами был основан город в Вавилонии. (См.: P. Jouguet. Op. cit., p. 104—105).

военной колонией было то, что город был абсолютным владельцем земли, в то время как участок земли колонии оставался царским. Царь сохранял право конфискации.

Мы не можем утвердительно сказать, намеревался ли Александр дать городам автономные греческие права, которые они действительно получили позднее³¹⁵. Многие города были, вероятно, не автономными греческими городами, а городами смешанного типа. Можно согласиться с П. Жуге, который полагает, что перед царской властью не могло быть и речи об их независимости. Александр был слишком ревнив к своей власти, чтобы пожертвовать тем могуществом, которое отдавали в руки монарха азиатские традиции, и он, конечно, не отказался бы от всех царских владений, которые непосредственно находились под его властью³¹⁶. Царская власть была представлена правителем — образцом, (ἐπί τῆς πόλεως и στρατήγός τῆς πόλεως), который позднее встретился в Александрии и других местах. Арриан называет гиппарха Александрии Кавказской; когда этот гиппарх был смещен, городом стал управлять Никанор.

Известно, что большое число образованных городов получило греческие институты (советы, собрания городских чиновников). Кроме Александрии Египетской, муниципальные институты греческого типа имели города Александрия в Арии, Арохозии, Маргиане и Согдиане³¹⁷. Тем не менее эти города существенно отличались от старых городов Эллады. В отличие от последних, которые считались суверенными государствами, они подчинялись власти правителя, которого назначал царь³¹⁸. Ему они платили налоги. Во многих городах стояли македонские гарнизоны. Их автономия, постоянно отменяемая, ограничивалась управлением местными делами. Кто избирался на общественные должности и кто допускался к участию в народном собрании, остается неизвестным.

На жизнь и своеобразие новых городов не мог не иметь влияния и внешний фактор. Эти города находились в сложном окружении в большинстве своем первобытной периферии племенного мира, а также местных, враждеб-

³¹⁵ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 104—105.

³¹⁶ P. Jouguet. *Op. cit.*, p. 104—105.

³¹⁷ N. J. L. Hammond. *Op. cit.*, p. 626.

³¹⁸ U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 243.

но настроенных обществ³¹⁹. Стремление Александра установить взаимодействие городов с этими силами далеко не всегда достигало цели. Нередки были случаи военного нападения на эти города. Сам Арриан вынужден был признать, говоря об Александрии на Танаисе (Яксарте), что варвары, жившие по соседству с рекой, захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по их городам³²⁰. Вследствие антимакедонской борьбы многие города были разрушены и сожжены. Такую участь испытали из наиболее значительных македонских центров Александрия Маргианская и Александрия в Нисейе на территории Северной Парфии³²¹. Основанные македонянами в областях Парфии и Маргианы города-крепости, как показывают археологические данные, были уничтожены вскоре после отхода основной армии завоевателя³²².

Более тщательное археологическое исследование городов, несомненно, расширит круг наших представлений относительно ряда еще мало исследованных проблем политики градостроительства Александра. Только археология может ответить на вопрос о преемственности, т. е. показать, что было на месте городов до их строительства и как они продолжали свое развитие в эллинистических государствах. Только археология может выяснить планировку, архитектурные формы, общие и различные черты отдельных городов. Только археология уточнит и углубит наши познания об имущественной дифференциации, социальном строе и экономическом развитии городов, об их связях с варварской хорой.

§ 3. Обоожествление. Поиски социальной опоры

Шаткость государства, основанного при помощи оружия, была довольно хорошо известна самому Александру. Поэтому он стремился найти новые, более действенные средства для укрепления жизнеспособности своей империи. Кроме мероприятий по организации своей ад-

³¹⁹ См. А. М. Хазанов. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы). — «Советская этнография», 1971, № 6, стр. 17 и сл.

³²⁰ Arr. IV, 1, 4.

³²¹ Plin. N. H. 47.

³²² Ф. Я. Косыке. Указ. соч., стр. 124.

министрации и градостроительной деятельности, Александр нашел эти средства в своем обожествлении, в использовании восточных обычаев, в привлечении персов к управлению, в кровном смешении народов.

Среди буржуазных ученых можно встретить немало высказываний о том, что в обожествлении Александра нужно усматривать его религиозность и суеверие, его благоговейное отношение ко всяким небесным знамениям, его стремление услышать ответ о своем божественном происхождении. Французский историк Жак Мадель даже считает возможным видеть в Александре языческий прообраз Христа, похожего на персонажей Ветхого завета³²³.

Однако все мероприятия по обожествлению Александра имели более глубокую почву и определялись более вескими причинами. Характерно, что после битвы при Гранике Александр послал в афинский Парфенон 300 комплектов персидского воинского снаряжения в качестве подарка с надписью: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии»³²⁴. Таким образом, тогда Александр назвал себя сыном Филиппа и вовсе не думал об обожествлении. Тарн указывает, что идея обожествления зародилась у Александра задолго до того, как он прибыл в Азию, под влиянием двух главных политических деятелей его юности — его учителя Аристотеля и Исократа³²⁵. Так, Исократ писал Филиппу, что если он (Филипп) завоеует Персию, ему ничего не останется сделать, кроме как стать богом³²⁶. Аристотель говорил, что Александр не имеет равных³²⁷. Он утверждал, что высший правитель должен себя держать как бог среди людей³²⁸. Однако эти утверждения — явно недостаточные доказательства для того, чтобы признать стремление Александра к обожествлению в начале своей деятельности. Эта мысль пришла к нему позднее, когда встал вопрос о проведении в жизнь восточной политики.

---

³²³ Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand. Hachette, 1962, p. 84—85, 109—110.

³²⁴ Arr. I, 16, 7.

³²⁵ W. T a r n. Alexander the Great, 1948, vol. I, p. 79—80.

³²⁶ Isocr. Epist. 3.

³²⁷ Arist. Frg. 659.

³²⁸ Arist. Pol. III, 13, 1284a, 10—13.

Как известно, власть восточных правителей покоилась на божественном праве. В Египте они считались богами, в Вавилонии и Ассирии выдавали себя за представителей местного бога, у персов они почитались за божественное происхождение их могущества³²⁹.

Это божественное право, не характерное для эллинского мира, Александр пытался использовать для укрепления своей власти. Одним из проявлений этой политики была забота о местных богослужениях и культах, которая отчетливо носила антиперсидский характер. Так, в Тире Александр совершил торжественное жертвоприношение Гераклу, который тирийским населением почитался как бог Мелкарт. Андре Боннар видит в этом поступке лишь величие македонского царя, который сам имел божественное происхождение. «Разве бы он, пораженный своим собственным гением, — восклицает швейцарский ученый, — стал это требовать, если бы действительно не был сыном Зевса?»³³⁰. В действительности же здесь имелись в виду совсем земные цели.

В Вавилоне Александр поднял престиж местного культа, униженного персами со времен Ксеркса. При них храм Бела-Мардука был превращен в развалины, а золотая статуя бога украдена Ксерксом³³¹. В первое свое пребывание там Александр приказал восстановить разрушенное Ксерксом святилище³³². Он также принес жертвы богу страны по местному ритуалу. Этим он пытался завоевать симпатии населения³³³.

Александр проявил большое уважение к египетским божествам. Он принес жертву в храме Мемфиса богу-быку Апису, по египетскому обычаю, а также другим божествам, в том числе и греческим богам, распространенным в этой стране. Этот поступок находился в подчеркнутой противоположности с поведением персидских царей Камбиза или Артаксеркса III, которые преступно зарезали Аписа. Естественно, что подобные церемонии весьма способствовали склонению на его сторону жре-

³²⁹ P. Jouguet. *Op. cit.*, p. 83.

³³⁰ A. Bonnard. *Op. cit.*, p. 166—167.

³³¹ Herod. I, 183.

³³² *Агг.* III, 16, 3; Strabo, XVI, с. 738. До конца жизни Александра эта работа по восстановлению храма не была завершена.

³³³ См. Е. Э. Бертельс. Роман об Александре. М. — Л., 1948, стр. 11.

цов, обладавших большой силой и влиянием. В принципе только фараон имел право приносить такие жертвы.

А. Боннар не видит в этих акциях никакого политического расчета Александра. Он объясняет это тем, что македонский царь был глубоко религиозен, поэтому проникся верой в других богов. В Египет он прибыл не только за тем, чтобы, окружив Средиземное море, лишить персов всякой морской базы, а себе приобрести редкий титул фараона. Он прибыл прежде всего за тем, чтобы найти ответ на вопрос, который волновал его с детства. Имела ли божественное начало его мать Олимпиада, беспрестанно предававшаяся божественным экстазам, и он сам, ее сын? Боннар полагает, что именно это Александр хотел знать, именно поэтому он предпринял путешествие в храм Зевса-Амона³³⁴. Вилькен выводит поход в оазис Сива из религиозной потребности Александра спросить оракула Амона о своем будущем перед предстоящей решающей битвой с Дарием³³⁵. Шахермейр полагает, что паломничество к Амону только из религиозной потребности для такой пылкой и вольной натуры, как Александр, нельзя считать невозможным. Вместе с тем он указывает и на другие моменты, среди которых важное место занимает настойчивое желание македонского царя разрешить непостижимую и невероятную задачу о своем предназначении³³⁶. Более прав старый Ю. Керст, который усмотрел в обожествлении Александра, политический смысл, связанный с обширными планами его завоеваний³³⁷. Трудная экспедиция через пустыню в храм не была только приключением или романтическим порывом. Керст полагает, что отправиться в путь, полный опасностей, чтобы у оракула Амона узаконить себя как наследника древних фараонов от бога, Александра побудило не внимание к египетскому населению. Чтобы утвердиться на троне египетских фараонов, ему не нужно было совершать поход в пустыню; эту власть он получил уже в Мемфисе³³⁸.

Античная традиция окружила поход Александра че-

³³⁴ A. Bonnard. Op. cit., p. 167—168.

³³⁵ U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 111; U. Wilcken. Griechische Geschichte, S. 246.

³³⁶ Fr. Schachermeyr. Alexander der Grosse, S. 204—205.

³³⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 294.

³³⁸ Там же.

рез песчаный океан в оазис Сива таинственной загадкой, которую историки пытаются объяснить по-разному.

Арриан говорит, что Александра охватило желание отправиться к Амону, предсказания которого «сбываются в точности...»³³⁹. Он отправился туда, рассчитывая, что в точности узнает о том, что его касается. До Паретония Александр шел по пустыне вдоль моря, откуда он повернул на юго-запад по направлению к святилищу. Дорога шла сыпучими песками среди безводной пустыни. Трудности марша умножались резким южным ветром, который нес навстречу македонянам песок, уничтожавший дорожные знаки. Из этого затруднительного положения, указывает Арриан, их вывело божественное вмешательство: обильный дождь принес облегчение от невыносимой засухи и жары, а две змеи (по Птолемею) или два ворона (по Аристубулу), появившиеся внезапно перед войском, взяли на себя функцию проводников и указали ему дорогу к оракулу и обратно³⁴⁰. Арриан дает довольно красочную характеристику местности и обстановки, в которой находился храм Амона. Он говорит о чудесном оазисе среди сплошной безводной пустыни. Этот оазис приводил Александра в восторг. Его восхищали плодовые деревья, маслины и финиковые пальмы, источник, вода которого в разное время суток бывает холодной, теплой и горячей; крупная и чистая, как хрусталь, соль, которую в готовом виде выкапывали из земли и отправляли по всей стране³⁴¹. Но что было с Александром в самом храме, куда он так стремился, Арриан почти ничего не говорит. Он ограничивается только туманным указанием на то, что Александр спросил бога и, услышав ответ, который, по его словам, пришелся ему по душе, вернулся в Египет³⁴². Что он спросил у оракула и какой ответ получил от него, остается невыясненным.

Почти то же самое, что и Арриан, излагает Плутарх относительно пути Александра в оазис и о трудностях, с которыми ему пришлось на этом пути встречаться. Но у Плутарха мы уже имеем более подробные сведения о событиях, которые имели место в самом святилище.

---

³³⁹ Агр. III, 3, 1.

³⁴⁰ Там же, 3, 5.

³⁴¹ Там же, 4, 1—3.

³⁴² Там же, 4, 5.

Он сообщает, что оракул Амона приветствовал Александра от имени бога, как от имени отца. На вопрос македонского царя, не скрылся ли от него кто-либо из убийц его отца, жрец ответил, что отец у него не смертный человек. На другой вопрос, сможет ли он стать владыкой всех людей, он получил удовлетворительный ответ. При этом жрец, желая из любезности обратиться к нему по-гречески «сын мой», спутался в буквах и сказал «сын Зевса», Александр обрадовался этой ошибке, — так и пошла молва, что он сын Зевса. После этого он принес богу великолепные дары, а людям раздал деньги. Плутарх указывает, что в письме к своей матери Александр сообщал, что получил какие-то таинственные предсказания, о которых он, вернувшись, расскажет только ей³⁴³. Так как последнего никогда не произошло, то Александр унес свою тайну с собой в могилу. Обращая на себя внимание два момента в изложении Плутарха. С одной стороны, сообщается, что Александр слушал в Египте философа Псаммона, который внушил ему, что бог правит всеми людьми, что он является отцом всех людей, что начало властвующее и управляющее есть начало божественное³⁴⁴. Здесь отмечается божественный характер власти. С другой стороны, подчеркивается, что Александр не был одурманен мыслью о своей божественности, но что он использовал ее в отношениях с варварами, и очень осторожно и редко в отношениях с греками. Божественность была для македонского завоевателя «средством для порабощения других»³⁴⁵.

В антиалександровской традиции поход Александра к оракулу Амона описывается в общих чертах так же, как в апологетической традиции. У Курция тот же малодоступный по трудности путь, те же бесплодные, пышущие невыносимым жаром пески, тот же освежающий дождь, те же вороны, выполнявшие роль проводников³⁴⁶. Мы находим у Курция близкое к Арриану описание оазиса с его богатой растительностью, обильными источниками пресной воды, удивительно мягким климатом³⁴⁷.

³⁴³ Plut. Alex. 27.

³⁴⁴ Там же, 28.

³⁴⁵ Там же.

³⁴⁶ Curt. IV, 7, 6—15.

³⁴⁷ Там же, 7, 16. Совершенно одинаково, как у Арриана, указывается на источник, меняющий температуру воды в разное время суток (Curt. IV, 8, 22).

Курций лишь сообщает подробности об обитателях самого оазиса и их ближайших соседях.

Курций более определенно отвечает на вопрос, почему Александр предпринял эту сопряженную с большими трудностями экспедицию. Его побуждало страстное желание дойти до храма Амона, которого он считал своим прародителем, или хотел, чтобы его таковым считали³⁴⁸. Значит, Александр шел туда с заранее продуманной целью, которую там полностью достиг. События, разыгравшиеся в самом храме, излагаются, за исключением хронологической последовательности так же, как у Плутарха. Жрец устанавливает родство Александра с богом. Александр принимает с благодарностью это решение жреца, который, продолжая льстить ему, объявляет, что он будет правителем всех земель. На вопрос царя, наказаны ли убийцы его отца, он получил ответ, что убийцы Филиппа наказаны, но отец Александра недоступен для преступления, и что сам царь будет непобедим, пока будет жить³⁴⁹. В отличие от других источников, Курций указывает на то, что вопрошал оракула не только Александр, но и его друзья, которым разрешалось воздавать божеские почести царю-победителю³⁵⁰. Царь не только позволял называть себя сыном бога, но даже отдал об этом приказ; он хотел этим возвеличить славу своих подвигов³⁵¹.

Ничего нового по этому вопросу не сообщает Диодор. За исключением некоторой конкретизации и детализации, им передается та же версия о трудном пути по безводной пустыне, о прелестях оазиса, о жителях его и его окрестностей. В храме жрец приветствует Александра как сына бога, тот принимает этот титул только с условием, если бог даст ему власть над всей землей. Жрец объявил, что просьба эта будет исполнена³⁵². Доказательством его рождения от бога будет его успех в великих предприятиях. Не знавший раньше поражений, он отныне будет вообще непобедим³⁵³.

---

³⁴⁸ Curt. IV, 7, 8.

³⁴⁹ Там же, 25—27.

³⁵⁰ Там же, 28.

³⁵¹ Там же, 30.

³⁵² Diod. XVII, 51, 1—2.

³⁵³ Там же, 3—4.

Таковы самые общие сведения античных авторов о важном событии в истории восточных завоеваний. Получить ясную картину об этом событии при состоянии наших источников очень трудно. Мы находимся здесь под известным гипнозом той традиции, которая преувеличивала и приукрашивала легенды и выдумки, происходившие в основном из лести царю³⁵⁴. Подчеркнуто выразительное описание похода Александра к храму Амона, полное драматизма и божественного вмешательства, которое мы находим во всех источниках, в основных чертах исходит от Каллисфена³⁵⁵.

Вполне допустимо, что поход в Ливийскую пустыню был очень трудным, и это предприятие, малооправданное в глазах современников, было не менее опасным, чем остальные. Многие казалось непонятным и вызывало удивление. Была ли нужда в том, чтобы Александру самому подвергаться опасностям пути? Разве нельзя было завоевателю отправить к оракулу Амона своих послов? Если этого не было, то, по-видимому, Александр, действительно, придавал слишком большое значение ответу оракула и всему этому мероприятию.

Разные источники сообщают, что Александру была предвещена богом постоянная победа и власть над миром. По существу это соответствует традиции фараонов, по которой бог обещает фараону победу, бросает к его ногам все страны и все чужие области, обещает ему разбить все народы, «соединенные в его руке». Поэтому, согласно египетским обычаям, вполне вероятно, что верховный жрец храма Амона сообщил Александру правовой титул и все прерогативы, связанные с ним, которые были обычны для египетских царей.

Но верховный жрец святилища не только приветствовал Александра как законного носителя власти. Почти все источники (за исключением Арриана) сообщают, что Александр назван сыном бога. Именно это наименование было тем, за чем был совершен поход в оазис; потому что прежде всего в этой особой связи Александра с Амоном проявился божественный характер его власти.

---

³⁵⁴ J. Kaerst. Op. cit., S. 297.

³⁵⁵ Не исключена вероятность, что Каллисфен, как и Птолемей, был среди сопровождавших Александра в храм Амона. (См.: Fr. Schachtermeug. Op. cit., S. 208).

Именно в этом суть значения посещения храма Амона для политики Александра. Официальная версия, представленная у Арриана, эту суть скрывает.

А. Боннар, идя за этой версией, указывает, что когда Александр вышел из храма, друзья бросились расспрашивать его, о чем шел разговор внутри святилища. Но Александр ответил им молчанием. О чем говорило это молчание? Оно говорило, пишет Боннар, о душе, созерцавшей тайну, которая ей открылась. Только обнаружением божественности своего рождения, только убеждением, что он был сыном не Филиппа, а самого бога Амона-Ра, можно объяснить глубину царского молчания. Он узнал у бога, «все, что хотел узнать», — единственный ответ, который он процедил сквозь зубы³⁵⁶. Между тем в собственных интересах самого Александра было, чтобы тайна, окутывавшая его посещение святилища, была не полностью сохранена, ибо он хотел при помощи своего обожествления укрепить свою власть, представить ее в первостепенном величии, заставить в нее поверить подвластные народы. Религиозное обоснование, которое получила в Египте власть Александра, имело для него большое значение. Кроме того, македонскому завоевателю было также важно перетянуть на свою сторону жречество, игравшее большую роль в Египте и в странах Востока вообще. Это должно было облегчить ему задачу завоевания и создания нового государства.

Но почему именно обожествление произошло в Египте, в храме Амона? Керст высказывает мысль о том, что Александр хотел через оракула бога получить прежде всего эллинский мир для своего царства, а через посредничество греков также остальной мир³⁵⁷. Для этого еги-

---

³⁵⁶ A. Bonnard. Op. cit., p. 168.

³⁵⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 294. Вилькен считает, что египетский апофеоз Александра имел для него чисто локальное значение и что вне Египта не ощущалось никаких последствий его (U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 106, 197). Но это не совсем так. Хотя в Иране, как и в персидской Азии, не знали ни Амона, ни бога-царя, ни усыновления богом, однако, для Александра зажгли иранский царский огонь, как это делали прежде для Ахеменидов. Сдержанно вела себя большая часть македонян, на родине которых это понятие было чуждо. Правда, Филипп II во время свадьбы в Эгах (336 г. до н. э.) приказал нести перед народом свою собственную статую с изображением 12 главных македонских богов. Тем самым он приравнивал себя к ним. В этом можно предположить греческое влияние

петский бог, который придал власти Александра святость своего авторитета, был очень удобен. Храм Амона в Ливийской пустыне, недалеко от крупной греческой колонии Кирены, был известен грекам не меньше, чем египтянам. Именно там был истинный синкретизм между эллинским Зевсом и египетским Амоном. Из Кирены его культ распространился по всей Греции. В то время как авторитет Пифии падал, авторитет Амона неимоверно возрастал. Таким образом, бог Амон считался не только египетским богом. Он толковался у эллинов как Зевс-Амон. Эта связь бога Амона с Грецией намечается с V в. до н. э. Она становится более активной в начале IV в. до н. э. Известно, что многие греческие государства и различные греческие общественные деятели неоднократно обращались к оракулу бога перед важнейшими, ответственными решениями. Так, афинский полководец Кимон, замысливший обширные военные планы и державший свой флот в водах Кипра, отправил послов к оракулу Амона, поручив испросить у бога некое тайное прорицание³⁵⁸. Во время Пелопоннесской войны, при подготовке сицилийской экспедиции, к Алкивиаду от Амона явились какие-то провидцы передать предсказание, что афиняне захватят всех сиракузян³⁵⁹. Еще более характерен пример Лисандра, одного из видных людей Спарты, который замыслил государственный переворот. Для проведения в жизнь задуманного он пытался подкупить Пифию и склонить на свою сторону додонских жриц. Но когда эта попытка потерпела неудачу, он отправился к Амону, у которого искал защиты, за что обещал много золота его прорицателям³⁶⁰. Хотя эта попытка и неуспешалась успехом, но сам факт обращения греческого государственного деятеля к египетскому богу примечателен. Из сообщения Павсания мы узнаем, что культ Амона у лакедемонян вообще находился в особом уважении³⁶¹. Что касается афинян, то они называли одно из своих «свя-

---

Благосклонно отнеслись к почитанию царя греки Ионии, которые воспринимали Александра как их освободителя от персидского ига. (См.: Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 211, 434—436).

³⁵⁸ Plut. Cimon, 18.

³⁵⁹ Plut. Nikias, 13.

³⁶⁰ Plut. Lys. 24—25.

³⁶¹ Paus. III, 18, 3.

тых» судов Амонисом³⁶². В разных местах упоминается у них оракул бога Амона наряду с оракулами эллинов в Дельфах и Додоне³⁶³.

Бог Амон благодаря своей связи с греческим миром поднялся до уровня эллинских богов. Александр вел свой род от Геракла. Как новый Геракл, он мог встать в подобные личные отношения с Амоном, как его божественный предок к Зевсу, и одновременно мог сохранить и усилить свою царскую власть, благодаря обожествлению, которое она получила от бога. В последний год своей жизни Александр проявил настойчивое желание иметь свой культ у греков³⁶⁴.

В 324 г. до н. э. он был обожествлен декретом афинского народного собрания лишь городами Коринфской лиги. Но даже в этих городах он не признавался единственным богом или наивысшим божеством³⁶⁵. Весной 323 г. до н. э. к Александру пришли греческие послы и увенчали его венком, как нового бога. Однако они пришли от имени отдельного государства, а не от союза³⁶⁶. Обожествление Александра не отразилось на организации империи. Он ни в коем случае не был ее богом, официального культа не получилось.

В целом, стремление Александра своим обожествлением завоевать эллинский мир, успеха не имело. Греки восприняли этот акт безразлично или даже враждебно.

В «Пестрых рассказах» Элиана передается, что когда афинянин Демад предложил в народном собрании объявить Александра тринадцатым богом, все были возмущены, и Демад был приговорен к штрафу за такое неслыханное предложение³⁶⁷. В ответ на требование Александра, чтобы эллины объявили его богом, лакедемоняне вынесли постановление: «Если Александру угодно быть богом, пусть будет». Элиан подчеркивает, что это было сказано истинно по-лаконски, с насмешкой над

---

³⁶² Arist. frgm. ed. Rose, frgm. 443; Polit. Ath. 617.

³⁶³ Aristoph. Vögel, V, 619, 716; Платон. Законы, V, 9.

³⁶⁴ Вилькен отрицает наличие этого намерения у Александра. (См. U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 196; U. Wilcken. Griechische Geschichte, S. 246).

³⁶⁵ W. Tarn. Op. cit., S. 140.

³⁶⁶ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 438.

³⁶⁷ Claudii Aeliani Varia Historia ed. R. Hercher. Lipsiae MDCCCLVI, V, 12.

безрассудством человека, уверовавшего в свою божественную природу³⁶⁸.

Но если греческий мир в общем оставался равнодушен к идее обожествления Александра, то Восток, где доктрина о божественном праве царской власти получила широкое распространение, создавал благоприятную почву для укрепления единства в столь различных частях огромного государства Александра Македонского.

Александр стремился достигнуть укрепления своей империи не только обожествлением своей особы. Для этой цели он стал также широко использовать и вводить в быт восточные обычаи.

Рассеявшись по всей Азии, греки и македоняне могли и без ведома царя перенимать местные обычаи, нравы. Однако последний считал необходимым предпринять ряд специальных мер для сближения своих воинов с местным населением.

Чем была вызвана такая политика?

Тарн объясняет это тем, что Александр стремился ко всеобщему братству людей, к союзу рас, к миру и согласию (по-гречески — *ὁμόνεια*) всего человечества³⁶⁹. По мнению Шахермейера, деятельность македонского полководца была направлена только на создание мирового братства, государства общественного вспомоществования, построенного на основе всеохватывающей дружбы и любви³⁷⁰. А. Боннар по существу поддерживает теорию Тарна о «всеобщем братстве». Он подчеркивает, что Александр хотел утвердить дружбу, провозгласить равенство и братство между греками и варварами, оформить высший греческий гуманизм³⁷¹. Это его стремление ко всемирному братству, которое сопутствовало ему на протяжении всей его жизни, как и греческий гуманизм, были восприняты, по мнению Боннара, из греческой литературы³⁷². Гомер, поэмы которого Александр страстно

³⁶⁸ Claudii Aeliani Varia Historia ed. R. Hercher. Lipsiae MDCCCLVI, II, 19.

³⁶⁹ См. Н. А. Зенкина. В. Тарн и его «концепция братства». Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории». Тезисы докладов. М., 1972, стр. 23—24. См. более подробно в подготовленной автором под нашим руководством кандидатской диссертации «Историческая концепция В. Тарна» (1973).

³⁷⁰ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 495—496.

³⁷¹ A. Bonnard. Op. cit., p. 178—179.

³⁷² Там же стр. 181—182.

любил, перечитывал перед сном, клал их под подушку рядом с мечом, учил о братстве, которое перед лицом всеобщей смерти объединяет всех людей: греков и варваров, друзей и врагов — в единую общность. Произведения Эсхила, одного из трех великих трагиков Афин, Александр взял с собой в поход и перечитывал их много раз. Солдат Саламина Эсхил, среди развалин сожженных Афин, среди опустошенных захватчиком оливковых и виноградных рощ, написал поэму «Персы» — трагедию о жалости к персам, заставляя единодушно биться сердца своего народа в унисон рыданиям побежденного врага... Аристофан, смело выступивший в осажденных Афинах против яростных потоков демагогии, в своих пьесах поднял мечту о радостном мире, о мире для всех друзей и врагов. Этот гуманизм, — указывает Боннар, — провозгласивший любовь ко всем людям, вскормил своим молоком идею и дела Александра. Не будучи греком, он не имел того предрассудка, что люди делятся на две непримиримые расы — греков и варваров, и не разделял той шовинистической лихорадки, которая потрясла Грецию и проявилась в конце V и в IV вв. до н. э. В произведениях писателей и философов антагонизм между греками и варварами стал аксиомой. Даже в своем шедевре «Ифигения» Еврипид вложил в уста несчастной дочери Агамемнона стих, который оправдывал ее жертву: «Варвар рожден для рабства, а грек — для свободы». Платон в «Республике» указывал, что варвары «по природе» являются врагами греков. Ненависть, которую питают греки к ним, «естественна», нужно с ними воевать и беспощадно их уничтожать. Аристотель — наставник Александра — говорил, что варвары не только являются таковыми «по природе», но они, кроме того, являются «по природе» рабами. Поэтому в письме к самому Александру, отрывки из которого сохранились у Плутарха, Аристотель советовал царю «обращаться с греками как отец, с варварами — как властелин; с первыми — дружелюбно и фамильярно, а со вторыми так, как обращаются с животными или растениями». Александр не принял этой программы.

По утверждению Боннара, первый план и замысел экспедиции Александра уже показывает, что он имел намерение истинного философа, который не думал о приобретении богатств и земель, а стремился к обеспечению

всеобщего мира, согласия, союза и связи между всеми людьми, живущими друг с другом. Расистская теория, как указывает Боннар, ставшая в Греции традиционной и углублявшая в эллинской душе пропасть между греками и варварами, была заменена самыми дерзкими и плодотворными революциями Александра, какие когда-либо знала история; они ввели новое понятие гуманности, где дискриминация осуществлялась между порядочными людьми и злодеями. Самой страстной мечтой Александра, по мнению Боннара, было устранить различие между греками и варварами и создать единство в пестром и покоренном им античном мире. Этот реалистический принцип, освященный богом, с которым он беседовал в тиши египетского храма, дал возможность Александру выработать простые понятия для конкретного действия. Эти понятия исходили из того, что бог является отцом всех людей, а все люди, независимо от того, греки они или варвары, являются братьями. Поэтому все народы, известные Александру, должны питать друг к другу одинаковые чувства и жить в согласии. Причем все люди должны быть не пассивными подданными царя, а участвовать вместе с ним в управлении государством ³⁷³.

Такова точка зрения на этот вопрос Андре Боннара. Прогрессивный швейцарский ученый, непримиримый враг расистской теории и практики современных расистов и шовинистов, создал для Александра идеализированную программу, главным содержанием которой является устройство утопического для классового общества государства на идеалах равенства и братства.

Для того, чтобы более объективно определить значение тех нововведений, которые осуществлены Александром на Востоке, надо прежде всего выяснить, что о них говорят источники — как те, которые относятся к апологетической традиции, так и те, которые относятся к антиалександровской традиции.

Арриан указывает, что введение восточных обычаев Александром осуществлено довольно поздно. До пребывания македонской армии в Средней Азии мы о них ничего не слышим. Лишь в эпизоде с Бессом и Клитом имеются указания об этом. Так, по восточным обычаям Александр казнил Бесса, приказав отрубить ему нос и кончики ушей, отвести его в Экбатаны и там казнить

³⁷³ A. Bonnard. Op. cit., p. 181—182.

перед толпой мидян и персов³⁷⁴. Арриан осуждает такое жестокое наказание и не одобряет варварского обычая увечить человеческое тело. Историк также порицает царя за то, что он в это время увлекся мидийской и персидской роскошью и жизнью варварских царей, совершенно отличной от жизни подданных. Он сменил родную македонскую одежду на мидийскую, вместо головного убора надел тюрбан побежденных персов³⁷⁵. При изложении трагедии с Клитом указывается на то, что у Александра вошло в привычку пировать по-новому, по-варварски и что вообще у него росла склонность к варварским обычаям³⁷⁶.

По Плутарху, Александр лишь после смерти Дария, когда македонская армия отправлялась в Парфию, как-то на досуге впервые одел варварскую одежду. Этот факт Плутарх пытается объяснить желанием македонского царя приобщиться к местным нравам для достижения умиротворения, а македонян — примирить с переменной в их образе жизни³⁷⁷. Александр стал все более усваивать местный образ жизни; коренных же обитателей приучать к обычаям македонским³⁷⁸.

Курций упоминает о пристрастии царя к иноземным обычаям, главным образом, к нездоровым попойкам и увеселениям, после сообщения о восстании Агиса и о натянутых взаимоотношениях Антипатра с Александром³⁷⁹. Только в Парфии последний дал волю своим страстям и сменил сдержанность и умеренность (*continentiamque et moderationem*) на высокомерие и распутство (*in superbiam ac lasciviam vertit*)³⁸⁰.

Гражданская одежда македонских царей признавалась им уже не подходящей для его величия. Поэтому он надел на голову пурпурную с белым диадему, какую носил Дарий, и оделся в одежду персов, не боясь дурного предзнаменования от замены знаков отличия победителя одеждой побежденного³⁸¹. Из сочинения Курция мы

---

³⁷⁴ Arr. IV, 7, 3.

³⁷⁵ Там же, 4.

³⁷⁶ Там же, 8, 2, 4.

³⁷⁷ Plut. Alex. 45.

³⁷⁸ Там же, 47.

³⁷⁹ Curt. VI, 2, 1.

³⁸⁰ Там же, 6, 1.

³⁸¹ Там же, 4.

впервые узнаем, что Александр одел в персидские одежды своих друзей и всадников — командиров войск против их воли, хотя они и не решались протестовать³⁸². Вместе с персидскими доспехами Александр перенял и персидские обычаи. В его дворце было 360 наложниц, как и у Дария, окруженных толпами евнухов³⁸³.

По свидетельству Диодора, Александр после возвращения в Гирканию решил, что намерения его осуществлены и власть непоколебима. В это время ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азиатских царей. Он надел персидскую диадему, хитон беловатого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма, кроме штанов и кандии. Спутникам своим он дал багряные одежды, а на лошадей надел персидскую сбрую. По примеру Дария, он окружил себя наложницами, которых было не меньше, чем дней в году³⁸⁴.

Наряду с применением Александром восточной одежды в источниках Арриана и Курция имеются указания о введении им проскинесиса — обычая, имевшего большое значение на Востоке. В связи с событиями, происшедшими в Средней Азии с Клитом, Арриан подчеркивает, что Александр не только восхищался обычаями персов и мидян, не только переменял одежду, но и переделал дворцовый этикет и потребовал, чтобы ему кланялись в землю³⁸⁵. Курций подтверждает наличие проскинесиса, но подчеркивает требование македонского царя, чтобы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц; постепенно Александр приучал их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками.

Таким образом, идущее от Клитарха предание позволяет проследить решающие шаги, предпринятые Александром в Гиркании или Парфии по введению персидской одежды и персидского придворного церемониала. Эти мероприятия не являлись простыми, Александр не заблуждался насчет сопротивления, которое они могли вызвать у македонян. Поэтому он действовал со всей осторожностью, вводил восточные обычаи постепенно³⁸⁶.

³⁸² Curt. VI, 2, 1, 7.

³⁸³ Там же, 8.

³⁸⁴ Diod. XVII, 77.

³⁸⁵ Arr. IV, 9, 8.

³⁸⁶ Diod. XVII, 77, 7.

В новой одежде он показывался, прежде всего, перед варварами и дома, затем перед всеми остальными³⁸⁷. Эти мероприятия больше походили на нащупывания и попытки, чем на решение³⁸⁸.

Арриан не упоминает о нововведениях в одежде и церемониале до зимы 329/28 гг. до н. э., следовательно, до пребывания в Балхе. Как долго и последовательно вводились новшества, показывает то обстоятельство, что только с 329 г. до н. э. и пока в отдельных случаях, появляется царский титул на азиатских чеканках монет Александра.

В источниках отсутствует единодушие по поводу того, какой была новая царская одежда. Одни говорят, что она была персидской или мидийской, другие утверждают, что в ней были объединены элементы македонского и персидского происхождения. Македонскими были пурпурная хламида и головной убор. Белый хитон и диадема являлись персидскими. Таким образом, персидская диадема, белый с драгоценными камнями шерстяной пояс были объединены с типично македонским головным убором *causia*. Не употреблялись только персидские штаны, пальто с рукавами и тиара³⁸⁹. На смертном одре Александра положили вместе с македонской хламидой и персидский хитон. Голова была украшена персидской диадемой.

Плутарх замечает, что Александр убирал все необычные элементы, устранял все лишнее, слишком пышное и трагическое, все утрированное и бросающееся в глаза, вследствие своей скромности. Он объединил персидские и македонские элементы, чтобы как «правитель над обоими народами и как царь, любящий своих подданных, приобрести посредством почитания персидской одежды благосклонность побежденных». Александр желал, чтобы «они в продолжительной любви остались преданными македонянам, и чтобы они не ненавидели их подобно врагам». Целью его было примирение обоих народов.

Что касается нового церемониала в форме проскинесиса, то до сих пор существуют разные толкования по

---

³⁸⁷ Plut. Alex. 45.

³⁸⁸ Fr. Altheim. Op. cit., S. 81.

³⁸⁹ Плутарх утверждает, что Александр никогда не носил тиары, широких панталон и обычно сохранял одеяние и манеры воинственного царя македонян (Plut. Alex. 45).

поводу конкретного выражения этого обряда³⁹⁰. Некоторую ясность вносят раскопки в Персеполе. На одном из рельефов изображена аудиенция персидского царя Дария, позади которого стоит Ксеркс. У их ног знатный перс, выделявшийся высоким головным убором, особым знаком выражает свое глубокое почитание, посылая царям воздушный поцелуй. Следовательно, проскинесис предполагал, как об этом говорит этимология слова, не падение ниц, а жесты воздушного поцелуя, выражавшие почитание. Вероятно, Александр, учитывая, что этот обычай трудно навязать грекам и македонянам, и не требовал чего-либо другого.

На другом рельефе перед тронем изображены два бруска с конусообразным текстом. Они имели форму сосуда для курения. В них горел священный огонь перед тронем Ахеменидов. Перед тронем Александра также находился очаг или алтарь, на котором в честь царя перед проскинесисом сжигали ладан³⁹¹.

Кроме этих обычаев, Александр перенял у персов некоторые звания и титулы.

Не исключено, что у македонского царя сохранился обычай присваивать титул благодетеля лицам, оказавшим большую услугу империи. Возможно, что некоторые придворные должности — камергер, великий раздатчик хлеба, великий виночерпий, — встречающиеся у диадохов, существовали уже при Александре и были либо персидского, либо индийского происхождения³⁹².

Подобно персидскому царю, Александр окружил себя «родственниками», — титул, который будет встречаться в эллинистических царствах.

Известно, что после бунта в Опиде царь на третий день приказал прийти к нему знатым персам, разделил, исключая македонян, командующие места между персами и дал македонским отрядам, в особенности «эпигонам», по македонскому образцу имена: «персидская агема», «персидские педзетайры» и т. д.; многих персидских знатных людей он назначил своими «родственниками», которые по персидскому обычаю имели право при-

³⁹⁰ См.: U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 158; W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 79; Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse*, S. 304 u. w.

³⁹¹ Fr. Altheim. *Op. cit.*, S. 83.

³⁹² P. Jouguet. *Op. cit.*, p. 9.

ветствовать царя поцелуем. На празднике примирения, на котором участвовали 9 тыс. приглашенных, во время еды сидели македоняне вместе с Александром, затем шли персы и знатные люди из других племен.

Греческие жрецы и персидские маги совершали вместе священнодействия. Царь совершал молитву, в которой вымаливал «согласие и общность власти для македонян и персов». Яснее не могла быть выражена мысль о государстве, которое ему мерещилось³⁹³.

Параллельно с использованием восточных обычаев практиковалось привлечение персов к управлению государством. Это было связано не с тем, как думает Жуге, что Александр проникся чувством симпатии к своим новым подданным, особенно к персам, храбрость которых и лояльность по отношению к своему царю его восхищали³⁹⁴. Мероприятие это было вызвано более практически соображениями. Оно диктовалось необходимостью управления огромным государством и укрепления завоеванных территорий.

Как уже было сказано, со времени пребывания в Вавилоне, Александр допускал персов к управлению страной. Постепенно они стали занимать все более и более высокое положение.

Принимая на службу персидскую знать, победоносный царь сначала выражал этим, что он не противостоит персидскому народу как враг, а только борется с разбитым персидским царем, который не хочет признать его высшее право победы, власть над Азией. Керст подчеркивает, что идея единого государства, которое должно объединить под властью Александра различные народности, проявилась уже сильнее, чем противоречия между эллинами и варварами, выросшие из персидской кампании³⁹⁵.

Диодор указывает, что Александр завел в своем дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших персов, в том числе брата Дария Оксафра³⁹⁶. По утверждению Курция, Гефестион получил приказание своего

---

³⁹³ Fr. Altheim. Op. cit., S. 84.

³⁹⁴ P. Jouguet. Op. cit., p. 86—87.

³⁹⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 308.

³⁹⁶ Diod. XVII, 77, 4.

царя собрать всех пленных во дворце, отделить благородных от черни (*ibi singulorum nobilitate spectata secrevit a vulgo, quorum eminebat genus*) и только из первых выделить людей для своей администрации³⁹⁷. Это говорит о том, что он приближал только восточную знать и только ее представителей использовал в своих целях. Что касается самих восточных народов, то они интересовали его мало; он надеялся держать их в узде при помощи местной знати. Этот социальный водораздел четко и последовательно проводится Александром³⁹⁸.

Персидская и местная знать не только участвовала в управлении государством, но и стала занимать важные посты в армии. Так, число македонских гетайров увеличилось за счет конных бактрийцев, согдов, арахотов, залангов, ариев, парфян и персов. Они были зачислены по лохам в конницу «друзей» и влились в пятую гиппархию³⁹⁹. Кроме того, родственники персидской знати были приняты в царскую агему⁴⁰⁰. Когда македонские ветераны взбунтовались в Описе, Александр роздал командные посты персам и поставил персидскую личную охрану. Наряду с македонскими отрядами были сформированы персидская агема и персидские педзатайры и аргираспиды.

Вернувшись в Вавилон, Певкест, завоевавший сердце царя тем, что он, будучи македонянином, изучил персидский язык, облачился в мидийскую одежду, став преданным защитником восточной политики Александра. Он привел ему 20 тыс. персидского войска. Они были хорошо обучены, зачислены в македонские полки под руководством македонских командиров⁴⁰¹.

Наконец, на пути в Индию Александр приказал набрать из восточных сатрапий 30 тыс. юношей, вооружить их, обучить и привести к нему. Он хотел, чтобы они были заложниками и воинами⁴⁰².

³⁹⁷ Curt. VI, 2, 9.

³⁹⁸ В буржуазной историографии обычно этот водораздел размыт. В ней именно подчеркивается мысль, что Александр не стремился использовать только господствующую верхушку, а хотел создать только один господствующий народ. (См.: F. G. Schachert *et al.*, *Op. cit.*, S. 430).

³⁹⁹ Arr. VII, 6, 3—4.

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же, 23, 1, 3—4.

⁴⁰² Curt. VIII, 5, 1; ср. Plut. Alex. 71.

Последним из мероприятий Александра в его восточной политике было заключение брачных союзов с представителями восточных народов, чтобы путем смешения крови соединить победителей и побежденных.

Первый пример показал сам Александр. Еще в 327 г. до н. э., когда он овладел опорными пунктами повстанцев в Бактрии и Согдиане, он женился на Роксане, которая считалась самой красивой девушкой в Персидском государстве. Она была дочерью Оксартга, бактрийца — по Арриану, перса — по Курцию⁴⁰³. Этот брак с Роксаной — хорошо известный исторический факт⁴⁰⁴. Но источники оценивают его по-разному. Арриан прямо указывает, что одобряет Александра за этот поступок⁴⁰⁵. С одобрением отзывается об этом браке Плутарх за то, что Александр варваров возвысил как одноплеменников своей жены, и они стали относиться к нему с большой любовью, уважая чистоту его поведения⁴⁰⁶.

Отрицательно отзывается об этом браке Курций. «Царь Азии и Европы, — говорит он, — взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем, чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира и попойки из числа покоренных»⁴⁰⁷.

Свою свадьбу с Роксаной Александр устроил по персидским обычаям⁴⁰⁸. Однако последователей у него в этом долгое время не было. Его пример оставался без подражания. Лишь несколько лет спустя, Александр приказал 80 близким друзьям жениться на дочерях из самых знатных домов Персии. Эти браки также были совершены по персидским обычаям, и одновременно Александр снова женился на двух ахеменидских прин-

⁴⁰³ Arr. VII, 4, 4; ср. Curt. X, 4, 11.

⁴⁰⁴ Strabo, IX, 11, 4; Plut. Alex. 47; Arr. IV, 19, 5; Diod. XVIII, 3, 3; Curt. VIII, 4, 23 и сл.; Just. XII, 15, 9; XIII, 2, 5 и сл.

⁴⁰⁵ Arr. IV, 19, 5—6.

⁴⁰⁶ Plut. Alex. 47.

⁴⁰⁷ Curt. VIII, 4, 29—30.

⁴⁰⁸ Этот ритуал свадебного обряда подробно описывает лишь один Курций (VIII, 4, 27). Он указывает, что царь приказал принести по отцовскому обычаю (Patrio more) хлеб, который разрезали мечом пополам и давали отвесть жениху и невесте. У македонян это считалось священным залогом брака. Использование хлеба в брачном ритуале имело широкое распространение у многих народов. См.: «Antiquité classique», Brussel, 1955, t. XXIV, fasc. 1, 24 année.

цессах: на старшей дочери Дария и младшей из дочерей Оха⁴⁰⁹. Как само собой разумеющееся, Александр воспринял восточную полигамию. Самых знатных девушек Востока он просватал за самых знатных македонян⁴¹⁰. Так, Гефестيون также женился на дочери Дария Дрипедиде, Кратер — на племяннице бывшего персидского царя Амастрине, дочери Оксарты. Другие «друзья» породнились с семьями сатрапов. Пердикка получил в жены дочь сатрапа Мидии Атропата, телохранитель Птолемей и царский секретарь Эвмен — дочерей сатрапа Артабаза, Неарх женился на дочери Барсины и Ментора. Лишь один Селевк женился на Апаме, дочери Спитамена, злейшего и непримиримого врага Александра⁴¹¹.

В это же время многие командиры и рядовые воины также женились на азиатских женщинах. Когда были составлены поименные списки, их оказалось больше 10 тыс.⁴¹².

В феврале 324 г. до н. э. в Сузах были организованы исключительно пышные свадебные празднества, которые длились 5 дней подряд⁴¹³. На них приглашено было

---

⁴⁰⁹ Агг. VII, 4, 4. Арриан называет дочь Оха Параситиду и старшую дочь Дария Барсины. Плутарх называет ее Статирой. (Plut. Alex. 70).

⁴¹⁰ Plut. Alex. 70.

⁴¹¹ Агг. VII, 4, 4—6.

⁴¹² Агг. VII, 4, 8.

⁴¹³ Элиан в своих «Пестрых рассказах» говорит, что свадьбы Александра и его друзей были необыкновенными. На них были приглашены представители всех родов войск, члены посольств и прибывшие на торжество эллины. Пиршество шло под звуки военной трубы: когда гостям надлежало явиться, трубили сбор, в конце праздника — отступление. Не было недостатка в музыкантах и актерах как комических, так и трагических, прибыли также и индийские фокусники, которые превзошли своим искусством всех своих соперников из других стран.

Палатку самого Александра разделяли и поддерживали потолки 50 позолоченных столбов. Потолок был вызолочен и украшен дорогими узорными тканями. Внутри в первом ряду было размещено 500 персов-мелофоров, воинов, вооруженных копьем, древко которого было украшено золотым яблоком. Эти воины были в пурпурных и оранжевых стелах. Дальше выстроились 1000 лучников, одетых в цвет пламени и крови, а впереди них — 500 вооруженных серебряными щитами македонян. В середине палатки стояло золотое кресло, сидя на котором царь, со всех сторон окруженный стражами, принимал посетителей. Снаружи вдоль стен кольцом располагались 1000 македонян и 10 тыс. персов. Никто не смеливался приблизиться к Александру, так велик был страх

3 тыс. гостей⁴¹⁴. Вступившие в брак получали свадебные подарки в зависимости от своего сана или доблести. Кроме того, Александр заплатил из собственных средств солдатские долги⁴¹⁵.

Во всем этом У. Вилькен усматривает высокое политическое значение, жест примирения царя с его бывшими врагами, симптом того, что идея Александра об уравнинии персов и других иранских народов с македонянами, идея, которая первоначально направлялась как необходимая в военной области, развилась в последние военные годы в мысль о смешении этих обоих народов⁴¹⁶. Эта мысль повторяется у Марселя Ренара и Жана Серве, которые видят в этих браках примирение, слияние между персами и македонянами, оправдание идеи Александра объединить синкретическим образом греческую и восточную цивилизации⁴¹⁷.

А. Боннар полагает, что идею слияния народов Александр вынашивал со времени откровения, которое ему сделал оракул Зевса-Амона в Египте. Он осуществлял эту идею потому, что не хотел больше иметь подданных, а жаждал видеть людей, сочетавшихся в равенстве и счастье. Он был влюблен в человечество. Он говорил не о греке и варваре,— он говорил о человеке. Общие свадьбы Боннар квалифицирует как первые братания Востока с Западом, которые заложили основы согласия и дружбы. Александр хотел, чтобы они были вечны и всеобщими⁴¹⁸. Эта идея о братстве продолжена Зеноном, Христом, французской буржуазной революцией⁴¹⁹.

Однако для такой идеализации восточной политики Александра источники оснований не дают. В официальной версии о причинах, вызвавших эти мероприятия македонского царя, почти ничего не говорится. Они отчетливо раскрываются в антиалександровской традиции. Так, Курций обращает внимание на то, что Александр сам не

перед ним с тех пор, как высокомерие и удача сделали из него тирана. (Элиан. «Пестрые рассказы», VIII, 7; IX, 3).

⁴¹⁴ Plut. Alex. 70.

⁴¹⁵ Arr. VII, 5, 1—3.

⁴¹⁶ U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 152.

⁴¹⁷ Antiquité classique, Brussel, 1955, t. XXIV, fasc. 1, 24, année, p. 29—30.

⁴¹⁸ A. Bonnard. Op. cit., p. 186—187.

⁴¹⁹ Там же, стр. 175—177, 189—190.

верил в прочность своих завоеваний и искал средства, чтобы укрепить узы непрочной империи ⁴²⁰. Как земные плоды требуют времени, чтобы созреть, так и племена и народности, привыкшие к иной власти и иным нормам жизни, имевшие другую религию, другие нравы и язык, должны иметь время и возможность приспособиться к новым условиям. Победа над ними не обеспечивает прочности положения. Покоренных сдерживает оружие, а не их расположение. Кто боится нас в нашем присутствии, говорит Александр, тот станет врагом в наше отсутствие. Он называет покоренных людей дикими зверьми, посаженными в клетки (*cum feris bestiis res est, quas captas et inclusas*) ⁴²¹. И брачный союз персов с македонянами Александр определяет не как шаг к слиянию народов, а как меру для укрепления его власти (*ad stabiliendum regnum pertinere*) ⁴²². Александр вынужден признать, что столь большим государством нельзя управлять иначе, как передавая кое-что этим народам и участь у них ⁴²³. Восточная политика, однако, не была самоцелью. Она была средством для достижения основной цели — мирового господства.

---

⁴²⁰ Curt. VI, 3, 5—6.

⁴²¹ Там же, 3, 8.

⁴²² Там же, VIII, 4, 25.

⁴²³ Там же, VI, 8, 13.

Глава вторая

ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ

§ 1. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра

Основная и заветная цель Александра — достижение мирового господства. То, что такие миродержавнические устремления у него действительно были, признает преобладающее большинство историков. Особняком стоит здесь известный английский античник Тарн, вообще начисто отрицающий эту проблему. По его мнению, Александр к такой цели вовсе не стремился, и поэтому завоевания последнего не были направлены на создание мировой державы. Это простая выдумка «последующих дней, которая существует и в настоящее время»¹. Он считает, что Александр пересекал Дарданеллы не с какой-либо точной целью захвата всей Персидской державы². Подтверждением того, что Александр к мировому господству не стремился, Тарн считает тот факт, что, завоевав Пенджаб, он не сделал попытки удержать страну и вручил ее Пору как независимому монарху. Не так должен был поступить завоеватель мира. Он даже никогда не называл себя так, как это делали ахеменидские цари. «Едва

¹ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 121—122, а также приложение. — Vol. II, p. 378—399. Уже в 1921 г. в статье о планах Александра Тарн отрицает стремление Александра завоевать мир. (См.: *Alexander's $\nu\lambda\omicron\upsilon\mu\eta\tau\alpha$ and the world — kingdom*. (J. H. S. XLI, 1921, p. 1—17). В 1923 г. в статье «Alexander and the Ganges» (J. H. S. XLIII, 1923, p. 93—101) мы видим продолжение доказательств его точки зрения. В 1939 г. в статье «Alexander's Plans» (J. H. S. LIX, 1939, p. 124—135). Тарн возвращается к теме работ 20-х гг. — к доказательству отсутствия у Александра миродержавнических идей. Эти же мысли развиваются и в его 2-томной обобщающей работе об Александре.

² W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 9.

ли можно предположить, — пишет английский историк, — что, желая объединить всех людей, он должен был желать сперва завоевать их». Это было бы простой спекуляцией, и история не имеет права приписывать такие идеи Александру³. Тарн не разделяет мнения многих ученых, полагавших, что завоевание Индии было связано с осуществлением миродержавнической идеи македонского полководца. Он указывает, что Индия Александру была неизвестна, но для него она представляла часть империи Дария I, и вторжение его туда было только необходимостью и неизбежным завершением его завоевания этой Персидской монархии. Поэтому индийский поход не имеет ничего общего с идеей завоевания мира, которую Александр не разделял⁴. Предположение, что Александр хотел удовольствоваться властью только над Персией, совершенно произвольно⁵. Оно находится в резком противоречии со всеми основными источниками, которые не оставляют сомнения в том, что у Александра была программа завоевания мира, а не только Персидского государства. Поэтому точка зрения Тарна на этот вопрос не может быть принята. Однако небезынтересно понять, почему такой знаток античных источников, как Тарн, заведомо искажает их, чтобы подтвердить свою точку зрения относительно отсутствия у Александра даже стремления к мировому господству. Дело в том, что признание миродержавнических устремлений Александра вошло бы в резкое противоречие с выдвинутой им концепцией «братства», которая предполагала союз с завоеванными, слияние народов и их партнерство в управлении государством. Не к мировому господству, по Тарну, стремился македонский полководец. Он мечтал о

---

³ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 122.

⁴ W. Tarn. *Op. cit.*, vol. I, p. 86, 99. Эту мысль поддерживает и А. Робинсон, который полагает, что Александр повернул автоматически к единственной оставшейся части Персидской империи, которую он еще не видел. (См.: A. Robinson. *Op. cit.*, vol. I, p. 169—170). Но в отличие от Тарна, Робинсон уверен, что для Александра в то время захват Персидской империи был равносильен завоеванию мира. Поэтому поход в Индию был одновременно завоеванием пограничных районов Персидской державы и достижением границ мирового государства. (Там же, стр. 74, 151).

⁵ Против такой произвольной трактовки вопроса выступал еще Керст. (J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 394).

всеобщем благоденствии, мире и счастье, о «союзе сердец» (φιλότης), любви и гармонии между людьми⁶.

Идея Александра о союзе с завоеванными, о всеобщем братстве людей заслуживает раздумий, пишет Тарн. «Она может разбить глупое, но широко распространенное мнение о том, что человек, чья жизнь была одна из удивительнейших в истории, простой завоеватель»⁷.

Александр не был завоевателем. Он мечтал, как думал английский историк, о союзе с покоренными, о государстве, в котором восторжествуют мир и братство⁸.

---

⁶ Впервые эту концепцию «братства», ставшую основной темой творчества Тарна, он изложил в «The Cambridge ancient history» и в работах по истории эллинистического Востока. В 1933 г. в лекции, прочитанной в Британской Академии наук, Тарн продолжал развивать свою идею о всеобщем братстве, союзе рас и их партнерстве в управлении государством. Лекция эта была напечатана в журнале «Proceedings of the British academy» (XIX, 1933, p. 123—166) под заглавием «Alexander the Great and the unity of Menkind». Окончательное оформление эта точка зрения получила в 2-томной монографии об Александре Македонском, изданной в 1948 г. В ней имеется особый раздел «Братство и союз».

⁷ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 400.

⁸ Точка зрения Тарна уже в его время в англо-американской историографии встретила как сторонников, так и противников. Английский историк Дж. Мин идею Тарна о братстве объявляет научной и убедительной. Он считает Тарна родоначальником этой теории, подчеркивает, что Александр был «не только первым практическим осуществителем этой теории, но и одним из ее создателей». (См. рецензию Дж. Мина на труд Тарна «Alexander the Great and the unity of Menkind» в журнале «The Journal of Hellenic studies», LIII, 1933, p. 321). Американский ученый Робинсон в своей рецензии на книгу «The Cambridge ancient history» (Am. J. Phil. LXX, 1949, № 2, p. 192—202) устанавливает приоритет Тарна в создании «концепции братства» и называет его первым историком, «который доказал несомненный факт великой мечты Александра». Противниками «концепции братства» Тарна являются американский ученый Фит, подвергший критике основное положение теории Тарна (см. Am. J. Phil. VIII, 1937, p. 59, 129), американский ученый Л. В. Каммингс и английский историк А. Р. Берн. Вопреки Тарну, они говорят о стремлении Александра к мировому господству. Ф. Шахермейр указывает, что Александр мечтал о создании нового земного мира, пытался его объединить в государственном единстве, в котором «все остальные части должны были распститься, чтобы затем возникнуть как единственное целое». Историк полагает, что мысль о всемирном единстве космополиса была правильной и была лучшим объяснением будущего (стр. 484, 490). Р. Фрай считает идею Тарна о всеобщем братстве людей весьма неясной. Невозможно доказать, — пишет он, — что не только политика Александра, но также и его идеи оказали настолько сильное влияние на некоторых философов, что

Весь исторический материал этой эпохи никак не подтверждает этой точки зрения Тарна.

Что касается большинства историков, признающих миродержавнические устремления Александра, то и среди них не существует единого мнения, главным образом по вопросу о том, когда и как сложилась идея мирового господства в завоевательных планах Александра, претерпевала ли она эволюцию или была результатом заранее сложившейся продуманной программы. Этот вопрос оказался далеко не праздным.

Одни ученые считают, что Александр сразу же, с самого начала похода, заявил себя сторонником завоевания всей Азии, и никакой эволюции идея мирового господства не претерпевала⁹. К ним прежде всего относятся западногерманский античник Ф. Альтгейм и австрийский — Ф. Шахермейр. План завоевания мира, говорит, Альтгейм, Александр постоянно носил в своем сердце. И потом, что был бы за Александр без плана о мировом господстве и без мирового господства¹⁰. Немного раньше Шахермейр указывал, что «намерение завоевать всю Ойкумену появилось у Александра еще в юношеские годы»¹¹. Оно возникло сначала как мечта, но «как мечта титана», которого позднее охватило желание «жить для осуществления этой мечты»¹². Возвращаясь к этому вопросу в своем большом труде по греческой истории, Шахермейр уточняет, что мысль о завоевании мира не была самостоятельно оформлена Александром, а была перенята им от владык древнего Востока¹³.

Предшественником Альтгейма и Шахермейра был Керст, в более осторожной форме полагавший, что Алек-

---

он стал считаться первоиздателем представления об идеальном мировом государстве стоиков — представления, занявшего столь важное место в учении Зенона. Несомненно лишь, что масштабы завоеваний Александра поражали не только его современников, но и позднейших философов. (Ричард Фрай. Наследие Ирана. М., 1972).

⁹ Fr. Altheim. *Alexander und Asien*. Tübingen, 1953, S. 62, 67.

¹⁰ Там же, стр. 105.

¹¹ Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse. ingenium und Macht*. Wien, 1949, S. 331.

¹² Там же, стр. 73.

¹³ Fr. Schachermeyr. *Griechische Geschichte*. Stuttgart, 1960, S. 266; ср. A. R. Burn. *Op. cit.*, p. 16.

сандр в начале своей персидской кампании думал о крупных новых приобретениях, возможно, даже уже о завоевании Персидской державы¹⁴. К ним впоследствии примкнул французский ученый Левек, который считает, что в Александре уже в начале его экспедиции жила «мечта или скорее проект универсальной империи»¹⁵. В советской историографии К. С. Мусиенко в своей кандидатской диссертации, посвященной оппозиции в армии Александра, считает возможным утверждать, что мечта о мировом господстве возникла у группировки Александра даже перед его походом¹⁶.

На чем основаны все эти утверждения? Большинство из упомянутых историков не приводит никаких доказательств в подтверждение своей точки зрения. Те же, которые пытаются их найти, не могут привести ничего надежного. Керст, например, делает свой вывод на основании того, что Александр перед походом на Восток очень щедро распоряжался царскими доходами в пользу своих друзей, назначил Антипатра своим заместителем в Македонии с весьма значительными полномочиями и воинскими силами. Это указывает, по мнению Керста, на намерение долгого отсутствия Александра и на план широко задуманных дел¹⁷. Первая часть доказательств Керста основана на известном указании Плутарха о том, что все царские доходы Александр перед походом роздал своим друзьям, охотно «удовлетворял просьбы берущих и просящих и таким образом растратил большую часть того, что имел в Македонии»¹⁸. Следует отметить, что это упоминание Плутарха не находит никаких подтверждений в других источниках, что не может не вызывать сомнений в его достоверности. Кроме того, если даже признать это утверждение Плутарха фактом, то в нем нельзя усмотреть наличия у македонского царя какой-то осознанной программы широких завоеваний. Об этом здесь Плутарх ничего не говорит. Щедрость Александра может быть объяснена его желанием задобрить друзей, идущих с ним в поход с целью рабежа и захватов, и

---

¹⁴ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 254.

¹⁵ P. Leveque. *L'aventure grecque*. Paris, 1964, p. 343.

¹⁶ К. С. Мусиенко. Оппозиция в армии Александра Македонского. Л., 1966 (канд. дис., рукопись), стр. 50—51.

¹⁷ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 254.

¹⁸ Plut. Alex. 15.

и друзей, оставшихся дома, которым было вменено в обязанность охранять Македонское государство от внешних и внутренних врагов. Этим собственно и объясняется, почему Антипатр получил в Македонии особые полномочия и солидное военное подкрепление. О том, что Александр имел в виду именно это соображение, свидетельствуют последующие действия Мемнона, намеревавшегося перенести центр тяжести войны на территорию самой Македонии.

Другим доказательством наличия миродержавнических устремлений Александра на начальном этапе его восточных походов выдвигается легенда о «гордиевом узле». Так, французский историк Жан Реми-Паланк считает, что, разрубив мечом этот узел, Александр был уверен в победе. Древний оракул предсказал ему азиатскую империю, которая станет отныне его честолюбивой мечтой¹⁹. К. С. Мусиенко полагает, что эта легенда была предназначена обосновать притязания Александра на завоевание всей Азии²⁰. Шаткость такого утверждения очевидна. Прежде всего, источники передают это не как действительный факт, но как легенду, поэтому все они употребляют слова: «рассказывают», «утверждают»²¹. Сам Арриан, от которого мы могли бы ожидать более определенных указаний, вынужден признать: «как действительно обстояло дело у Александра с узлом, я утверждать не могу»²². Кроме того, следовало бы установить время создания этой легенды. Указание К. С. Мусиенко о том, что она была создана во время посещения Александром Гордия или несколько позднее, является лишь логическим ударением, не подкрепленным фактами. Скорее всего эта легенда могла сложиться тогда, когда Азия была уже завоевана.

---

¹⁹ Jean-Remy Palanque. Les imperialismes antiques. Paris, 1960, p. 63.

²⁰ К. С. Мусиенко. Указ. соч., стр. 60.

²¹ Arr. II, 3, 2 и сл.; Pinf. Alex. 18; Curt. III, 1; 14—18; Just. XI, 7, 5 и сл. (Первоначальное изложение о «гордиевом узле» мы находим у Юстина и Арриана). В этой связи ни на чем не основано утверждение американского профессора Броуновского университета Чарльза Александра Робинсона о том, что история с гордиевым узлом так же известна, как и достоверна. (A. Robinson. Alexander the Great, 1947, p. 7, 8).

²² Arr. II, 3, 8.

Все эти обстоятельства не дают нам права полагать, что у Александра был план мирового господства на начальном этапе восточных походов. В это время такого намерения у него не было даже по отношению к Азии, всему Персидскому государству²³.

Вторая группа ученых, также отрицающая эволюцию идеи мирового господства у Александра, считает, что эта идея отчетливо выступает перед нами только в конце похода, в Индии. Выразителем этой точки зрения является известный немецкий историк Вилькен. Он писал: «Александр хотел быть мировым владыкой, который измерял бы свое государство до естественных границ Ойкумены. Походом в Индию он хотел начать осуществлять идею мирового господства...»²⁴. Вряд ли может быть принята эта точка зрения, отрицающая диалектику развития, сбрасывающая со счетов зигзаги и изменения в восточной политике в процессе завоеваний.

Третья группа историков, не отрицающая миродержавнических устремлений Александра, отказывается установить время возникновения этих устремлений. К ним относятся Л. Омо, Ж. Мадоль и др. Так, например, известный античник Франции Л. Омо, отмечая осторожный и трезвый план Филиппа II, ограниченный присоединением к Македонии Малой Азии, противопоставляет ему Александра, который, «применяясь к обстоятельствам, не замедлил заглянуть гораздо выше и дальше»²⁵. Эти историки не пытаются проанализировать конкретный материал, определенно показывающий этапы в завоевательных планах Александра.

Четвертая группа историков полагает, что к идее мирового господства Александр пришел постепенно. Среди них: П. Жуге, П. Клоше, А. Эймар, Ж. Вольтер, Ж. Ромен, А. Боннар, М. Фортина и др. Александр, по словам

---

²³ Эту мысль высказал уже С. И. Ковалев в своей научно-популярной книге «Александр Македонский» (1937 г.). Начиная весной 334 г. до н. э. поход, Александр, по справедливому мнению С. И. Ковалева, точно не знал, как далеко пойдет в глубь Персии. Во всяком случае, планы греков и Филиппа не шли дальше «освобождения греков» от персов, т. е. дальше завоевания Малой Азии. Возможно, что Александр начал поход с этим именно планом (стр. 44—45).

²⁴ U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 163; ср.: U. Wilcken. Griechische Geschichte, 1962, S. 253.

²⁵ L. Homo. Alexandre le Grand. Paris, 1951, p. 127.

Жуге, вынашивал самые широкие замыслы, но не мог в случае необходимости их не откладывать и приближался к цели постепенно²⁶. Еще более определенно говорит об этом П. Клоше, который указывает, что в начале похода для Александра речь шла лишь о том, чтобы возобновить «прерванную попытку своего отца»²⁷. К данной группе историков принадлежит и автор этих строк. М. Фортина приходит к выводу, что только в ходе развернувшихся событий и благодаря огромному успеху, который сопровождал действия на азиатской земле, Александр уточнил конечную цель, которой он добивался²⁸.

На основе критики источников и анализа апологетической и антиалександровской традиций мы приходим к выводу, что сначала Александр выступает с филэллинской программой и ею маскирует планы захвата малоазийских земель. Так, высадившись в Малой Азии, он принес жертву греческим богам и особые почести воздал героям эллической Греции Патроклу и Ахиллу, стремясь показать, что свое будущее он связывает с греческим прошлым и настоящим²⁹. Скромное местечко Илион было провозглашено «автономным» и освобождено от налогов. Победив при Гранике персов, Александр отправил в афинский Парфенон 300 трофейных щитов; им отправлены на тяжелые работы 2 тыс. пленных греческих наемников, сражавшихся на стороне исконных врагов эллинов.

Победу при Гранике Александр широко объявил как победу Коринфского союза. Персов он называл по терминологии панэллинской пропаганды варварами, а посылку греческих наемников на принудительные работы в Македонию мотивировал тем, что они сражались против эллинов на стороне варваров вопреки решению союза эллинов, хотя сами являлись эллинами³⁰. Наконец, он

---

²⁶ P. Jouguet. L'imperialisme macedonien et l'hellenisation de l'Orient. Paris, 1926, p. 7—8.

²⁷ P. Cloche. Alexander le Grand. Paris, 1954, p. 13.

²⁸ Marcello Fortina. Alessandro Magno e l'ellenismo. Milano, 1968, p. 199—210.

²⁹ Еще перед началом военных действий Александр на берегу Херсонеса фракийского принес жертву Протезиляю. Преодолев Геллеспонт, он приказал воздвигнуть алтарь в честь Геракла и Афины на равнине Скамандр. Со своим другом Гефестионом он украсил цветами могилы Патрокла и Ахилла (Arr. I, 11, 5, 6).

³⁰ Arr. I, 16, 6—7.

восстанавливал демократические свободы и религиозные федерации в пользу городов Трояды и освобожденной Ионии.

По мнению французского историка Жана-Реми Паланка, Александр до весны 333 г. до н. э. хотел в отместку за персидские войны вырвать у великого царя только азиатское побережье от Трояды до Памфилии, или, по выражению Исократ, «от Киликии до Синопа». Дело изменилось, когда он пришел во Фригию. Там он решает продолжать свой путь на Восток. Паланк объясняет это двумя причинами: во-первых, получением подкрепления македонской армии и ободряющим известием о смерти Мемнона; во-вторых, тем, что разрубив мечом гордые узел, он был уверен в победе, обещанной тому, кто его развяжет. Однако, как мы указывали выше, вряд ли можно считать эти причины основными в определении курса дальнейших завоеваний Востока.

Источники обеих традиций приводят первые указания о планах завоевания Азии Александром в связи с его выступлением перед войсками накануне битвы при Иссе. У Арриана эту речь Александр произносит не перед всем войском, а только перед командным составом³¹. Доказав стратегам, илархам и предводителям союзных войск важность победы в предстоящем сражении, он подчеркнул, что в отличие от битвы при Гранике, где борьба шла с сатрапами Дария, здесь под руководством самого персидского царя соберется самый цвет персов и мидян, племена, населяющие Азию и подчиненные им. Поэтому этим сражением завершится покорение Азии и будет положен конец многочисленным трудам греко-македонского войска³². В этих словах нельзя усмотреть определенно новой программы завоевания Азии. Речь идет только о том, что уничтожение основных сил Персии, естественно, приведет к завоеванию македонянами Азии. Стремление Александра господствовать над ней здесь не обнаруживается. Наоборот, подчеркивается мысль о том, что этим событием и завершается завоевание.

Другую картину нам рисует антиалександровская традиция. У Курция Александр выступает не перед командным составом, а перед войсками с разными речами,

---

³¹ Arr. II, 7, 3.

³² Там же, 7, 6.

соответственно чувствам каждого: македоняне — победители в многочисленных войнах Европы — отправились не только по его, но и по своей воле покорить Азию и самые дальние страны Востока (*ad Subigendam Asiam atque ultima orientis*)³³. Они покорят себе не только персов, но и все остальные народы (*omnibus gentibus imposituros iugum*). Бактрия и Индия станут македонскими провинциями³⁴. Победа откроет перед ними все. Весь Восток станет их добычей. Греков он воодушевлял к битве, призывая к отмщению персам за их дерзость, за разрушение и сожжение ими греческих храмов и городов, за нарушение ими всех божеских и человеческих законов³⁵. Призыва к покорению всего Востока, обращенного к македонянам, в данном случае не наблюдается. Иллирийцам и фракийцам приказано смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, как на сулящую добычу. Они должны отнять ее у слабых народов и обменять свои голые скалы, промерзшие от вечного холода, на богатые поля и луга персов (*campis agrisque*)³⁶.

Таким образом, если в апологетической традиции программа завоевания Азии еще отсутствует, то в анти-александровской версии она отчетливо выражена. Зато во время мирных переговоров Дария мы имеем обратную картину. Арриан указывает, что в ответном письме персидскому царю Александр назвал себя владыкой всей Азии, требовал, чтобы он не обращался к нему как к равному, а считал его своим господином³⁷. У Курция Александр, упрекая Дария в злых замыслах против Греции и Македонии, против его отца Филиппа, говорит, что он обороняется от войны, а не идет войной. Подчинив большую часть Азии, он обещает ему в случае покорности без выкупа возвратить пленную им царскую семью. В переписке Александр просит не забыть, что Дарий должен адресовать письма не просто царю, а своему царю³⁸. Здесь уместно усмотреть известное смешение содержания речи Александра перед битвой при Иссе с его ответным письмом Дарию во время мирных переговоров.

³³ Curt. III, 10, 4.

³⁴ Там же, 5.

³⁵ Там же, 8.

³⁶ Там же, 10, 10.

³⁷ Arr. II, 14, 8—9.

³⁸ Curt. IV, 1, 13—14.

Характерно, что агрессивная программа завоевания Востока высказана в данном случае только Курцием. В других источниках она не получила отражения до событий в Финикии. Даже Диодор, который близок с Курцием по своей исторической традиции, сообщает, что только во время персидских переговоров Александр выражает свое намерение сражаться за единовластие; ибо при двух самодержцах мир не может пребывать в мире, как при двух солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка³⁹. При этом Александр в общем даже не возражает против того, чтобы Дарий продолжал царствовать, если он будет выполнять его приказания⁴⁰.

Стремление Курция представить огромные завоевательные планы Александра уже на раннем этапе его восточных походов понятно, если учесть его желание показать македонского полководца в критическом плане. Но исторически созданная Курцием речь перед воинами накануне второго крупного сражения с персами не может быть оправдана. В самом деле, на чем базировалось категорическое утверждение Александра до битвы при Иссе, что македонянам суждено не только покорить Азию, но и завоевать все остальные народы до Индии? Разве не считалось бы простым бахвальством молодого царя выдвижение такого грандиозного плана, когда врагу было дано только одно сражение, когда вражеская армия еще полностью сохранила свои силы, когда несметные богатства персов оставались еще нетронутыми? Положение изменилось во время осады Тира. Ей предшествовали победоносная для македонян битва при Иссе, поражение персов на Средиземном море, бегство Дария в коренные области своего государства. В этих условиях слова о покорении, т. е. завоевании Персидского государства, имели под собой известное основание⁴¹. Еще более отчетливо эти слова прозвучат перед битвой у Гавгамел, когда Александр объявит, что в сражении этом воины будут бороться не за Келесирию, Финикию или Египет, как раньше, а за всю Азию; решаться будет, кто должен

---

³⁹ Diod. XVII, 54, 5.

⁴⁰ Там же, 6; ср. Just. XI, 12, 14.

⁴¹ С. И. Ковалев полагает, что Александр еще в Финикии во время переговоров с Дарием выступил с притязаниями на мировое господство. Но это утверждение не может быть подкреплено источниками. (См. ВДИ, 1946, № 3, стр. 56).

править⁴². Характерно, что в данном случае у Арриана Александр так же высказывает эти мысли не войску, а своим военачальникам, которые должны ободрить своих подчиненных, подготовить их к решающей битве⁴³. У Курция, наоборот, Александр здесь снова выступает перед воинами. Правда, его выступление непосредственно не касается вопроса завоевания Азии. Оно содержит указание об отчаянии персов, о неустойчивости персидского войска и о необходимости сохранить мужество в предстоящем сражении⁴⁴. Обращает на себя внимание явное противоречие в изложении Курция. Перед битвой при Иссе, когда еще ничего по существу не было решено, Александр выдвигает грандиозную программу завоевания мира, а накануне последнего сражения у Гавгамел он утверждает совершенно обратное: македонские воины, пройдя столько земель, оставив позади себя столько рек и гор, должны теперь проложить себе путь на родину к пенатам своею собственной рукой («...iter patriam et penates manu esse faciendum») ⁴⁵. Как бы то ни было, но когда Александр вел переговоры с Дарием, он потребовал лишь господства над Азией, т. е. над государством Ахеменидов. Тогда стояла перед ним только эта цель.

В источниках есть указание о том, что о больших завоевательных планах Александр поставил в известность египетских жрецов в храме Амона и просил у них помощи в их осуществлении. Так, Диодор указывает, что Александр высказал там свои требования иметь «власть над всей землей»⁴⁶. Курций говорит, что египетский жрец, льстя ему, объявил, что он будет «правителем всех земель»⁴⁷. По Юстину, жрец даровал Александру победу «во всех войнах и власть над всеми землями»⁴⁸. Наконец, Плутарх сообщает, что жрец предсказал Александру будущее: «стать владыкой всех людей»⁴⁹. Нетрудно заметить здесь неопределенность суждений. Кроме того, нельзя исключить и такой возможности, что

---

⁴² Arr. III, 9, 6.

⁴³ Там же, 5—8.

⁴⁴ Curt. IV, 14, 2—6.

⁴⁵ Там же, 7.

⁴⁶ Diod. XVII, 51, 2.

⁴⁷ Curt. IV, 8, 26.

⁴⁸ Just. XI, X.

⁴⁹ Plut. Alex. 27.

эти предполагаемые переговоры в храме Амона были обнаружены позднее, когда миродержавнические устремления получили более определенное выражение. В связи с этим интересно высказывание Плутарха, который в Египте прочит Александру статью владыкой всех людей, а после битвы при Гавгамелах лишь провозглашает его царем Азии⁵⁰. Кстати, и это утверждение не находит подтверждения в исторической традиции. Поэтому это единственное сообщение не дает права делать определенные выводы. Ф. Шахермейр полагает, что такое провозглашение царем Азии могло последовать только со стороны македонского войскового собрания и поэтому представляло собой акт государственно-правового значения. Вместе с азиатским царством (*Βασιλεία τῆς Ασίας*) имелся в виду сан «великого царя» Ахеменидов⁵¹. Но в действительности такого провозглашения македонским войсковым собранием не состоялось. Это собрание не могло назначить царя Азии законным преемником Ахеменидов, так как это находилось вне его компетенции. Царь Македонии и гегемон Коринфского союза не был совместим в понимании войска с царем Азии. Сам Александр, чтобы не отпугивать македонян, подходил очень осторожно к идее о мировом господстве. Об этом свидетельствуют многие факты. О подобном направлении говорит поведение Александра по отношению к Бессу, который после смерти Дария в 330 г. до н. э. или в начале 329 г. до н. э. действительно провозгласил себя царем Азии, т. е. Ахеменидского государства. Он надел стоячую тиару и персидскую столу великого царя, следовательно, провозгласил себя преемником убитого персидского царя. Когда Бесс попал в руки Александра, последний выступает как мститель за убитого Ахеменида, а не как преемник того. Бесс был бунтовщиком, но бунтовщиком против последнего персидского царя, а не против Александра. Поэтому ему предусматривалось одно обвинение в неверности Дарию. Согласно этому был приведен в исполнение приговор победителя, а обвиняемый передан брату убитого для расправы с ним по восточным обычаям. Этот факт показывает, насколько Александр ловко маскировал от

---

⁵⁰ Plut. Alex. 34.

⁵¹ Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse*, S. 227.

своих воинов свои миродержавнические притязания. В связи с этим характерен и другой факт. Спустя некоторое время после смерти Дария еще в Парфии Александр перенял перстень с печатью своего предшественника. Но для Европы он запечатывал указы собственным перстнем, а для Азии — перстнем Дария. Это говорит о том, что македонское царство и господство над Азией еще разделялись. То, что подходило для Европы, не подходило для Азии, и наоборот. Наконец, значение имеет тот факт, что вместе с победой над персидским царем Александр не сделал никакой попытки узурпации Ахеменидского царского титула. Он никогда не появлялся как «царь Вавилона». Он никогда не носил титула царя Азии⁵², никогда не называл себя «царем царей»⁵³. В надписях и монетах до 329 г. до н. э. появляется «царь Александр»⁵⁴. Впервые в его надписи из Приены в мае 334 г. до н. э. отсутствует и название Македонского царства. Оно отсутствует и там, где его можно было бы ожидать — в надписи-посвящении в Линдах.

Ф. Альтгейм полагает, что в титуле «царь Александр» заложена идея мирового господства. По его мнению, этот титул противопоставляется царю царей Дарию и является более монументальным. Он не «царь царей», а просто царь. Ему и позднее не нужны были ни добавления, ни изменения. Кто так назывался, был с самого начала мировым владыкой. Тот факт, что этот титул и претензии на него появились уже в 334 г. до н. э., Альтгейм объясняет тем, что уже тогда в нем чувствовалось непосредственное будущее⁵⁵. С таким утверждением со-

---

⁵² Утверждение А. Пальяро о том, что македонское войско присвоило Александру титул «Царь Азии», ни на чем не основано. (См.: A. Pagliaro. *Op. cit.*, p. 186).

⁵³ Юстин говорит, что Александр, получив власть, «приказал именовать себя царем всех стран мира» (Just. XII, 16, 9). Здесь, однако, все сказано в очень общей форме. Когда и какую власть он получил, в других источниках в такой категорической форме не говорится.

⁵⁴ Подобно Александру, еще до него, титул царя в греческих надписях имели Крез в Лидии и Псамметик в Египте. Но вряд ли Александр знал об этих предшественниках. После Александра, когда Деметрий Полнокрет вместе со своим отцом Антигоном надел диадему и присвоил себе и ему титул «царя», они в этом подражали Александру. От этого пути отошел Кассандр. Он снова стал называть себя «царем македонии Кассандром».

⁵⁵ Fr. Altheim. *Op. cit.*, S. 104.

гласиться нельзя. То обстоятельство, что Александр не менял своего титула с начала похода, свидетельствует о том, что он тщательно скрывал перед македонянами свои миродержавнические планы, подчеркивая свое неизменное отношение к соотечественникам, доказывая, что он не принял ахеменидских титулов, которые символизировали господство над миром, а сохранил свой старый титул, в котором эта идея не выражена. Даже в 329 г. до н. э., когда наступило изменение на чеканенных в Македонии монетах, Александр впервые встречается в азиатских чеканах, где он изображен вообще без приобщения царского титула.

Как уже было сказано, Александр при переговорах, которые последовали после победы при Иссе, требовал, чтобы Дарий признал его «как господина всей Азии». Это понадобилось ему для признания действительной победы, а не для государственно-правового оформления. Но фактически господином он смог называться после победы над Дарием. Это закреплено в 330 г. до н. э. на посвящении в Линдах.

Александр было выгодно как можно дальше спрятать от воинов свои миродержавнические устремления. Поэтому он пытается как можно дольше держаться за титул гегемона Коринфского союза, хотя в ряде случаев действовал независимо от синедриона, особенно во время значительных успехов в Сирии и Египте и победы над персидским флотом. Даже после битвы при Гавгамелах Александр выступает не только как завоеватель Азии, но демонстративно и как гегемон греческого союза⁵⁶. Даже сожжение царских дворцов в Персеполе выдавалось как месть за обиды Греции, как судебное наказание

---

⁵⁶ Так, например, после победы Александр устроил эллинский праздник, еще раз подчеркив свою роль победителя в панэллинской войне мести. В качестве гегемона и стратега-автократора он распорядился, чтобы в греческих союзных городах было свергнуто господство тиранов и восстановлена автономия, в то время как Антипатр повсеместно покровительствовал господству тирании. Александр обещал платейцам восстановить город, так как их предки боролись против персов. Позже он послал кротонийцам Южной Италии часть добычи за то, что их правитель когда-то один из всех италиков сражался вместе с эллинами при Саламине. Этим он пытался придать своим завоеваниям панэллинскую окраску. (См.: U. Wilcken, *Alexander der Grosse*, S. 128; Fr. Schachermeyr, *Alexander der Grosse*, S. 227).

за невзгоды, которые когда-то принесли персы грекам. Казалось бы, этим актом был полностью выполнен план, порученный синедрином в Коринфе Александру, но последний считал для себя важным сохранить и дальше звание преческого гегемона⁵⁷. В этом нельзя видеть, как это считает Вилькен, двойственность военных целей Александра⁵⁸. Это была ширма, и здесь нельзя согласиться с Альтгеймом, который утверждает, что Александр продолжал идти по следам своего отца Филиппа, предполагавшего вести персидскую войну как поход мести за разрушение в Элладе святыни и действовал в качестве гегемона Коринфского союза, от синедриона которого он получил свое задание⁵⁹.

Пребывание Александра в Средней Азии и особенно поход в Индию расширили круг его представлений и отчетливо оформили его идею стать владыкой мира. Согласно Курцию, во время раскрытия заговора «пажей» Александр в своей речи против заговорщиков указывает, что он пришел на Восток не из-за жажды золота или серебра, а с целью покорить весь мир (*orbem terrarum subacturos venire*)⁶⁰. Хотя в других источниках такого утверждения мы не найдем, но бесспорен факт, что сам поход в Индию был предпринят для осуществления вышеуказанной программы⁶¹.

Ученые, которые отрицают стремление Александра к мировому господству, усматривают в индийском походе

---

⁵⁷ Об этом свидетельствует ряд фактов: так, от греческих наемников Дария, просивших у Александра милости, он потребовал прежде всего капитуляции, ибо они нарушили решение эллинов, по которому ни один грек не мог нести военную службу у персов. Когда капитуляция произошла, он приказал тем из них, кто вступил на службу к персам еще до основания Коринфского союза, свободно вернуться на родину, а тех, которые поступили к персам позднее, хотя и помиловал, но с условием продолжать службу в его войске. Точно так же Александр поступал и по отношению к греческим посольствам при персидском дворе, которые затем явились к нему. Так, посольство Синопа, не принадлежавшее к Коринфскому союзу, было отпущено на свободу, афинское и спартанское он приказал задержать: афинское — потому, что оно было отослано после заключения союза; спартанское — потому, что суд над побежденными спартанцами еще не состоялся.

⁵⁸ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 98.

⁵⁹ Fr. Altheim. *Op. cit.*, S. 66.

⁶⁰ Curt. VIII, 9, 17.

⁶¹ См.: Jean Remy Palanque. *Les imperialismes anti-ques*. Paris, 1960, p. 67—68; cp. Arr. IV, 15, 6; Diod. XVII, 89, 5.

только его намерение лично захватить Персидское царство во всем объеме.

В этом случае Александр во время индийского похода был ни кем иным, как последователем Дария, считавшего индов подданными своего государства. Однако известно, что держава Ахеменидов во время ее наибольшего расширения владела только внешними пограничными областями Индии. Нельзя не согласиться с утверждением Керста о том, что Александру не надо было делать таких обширных приготовлений, покорять Пятиречье, стремиться проникнуть в «конец Азии» лишь для того, чтобы получить эти пограничные области. Александр, пишет Керст, видел в Индии особый мир, не находившийся в тесной связи с Персидским государством. Покорение этого нового мира открывало весьма обширную перспективу действительно мирового господства. Индийский поход не является естественным следствием господства над Персидской державой как таковой, а был новым обширным предприятием на пути к полному мировому господству. Именно это было конечной целью Александра, решающим содержанием дела его жизни⁶².

Точку зрения Керста разделяет и Вилькен, который подчеркивает, что поход в Индию был осуществлен не только для завоевания или восстановления власти Ахеменидов, а имел принципиально большее значение. Этот поход должен был привести Александра к восточному концу земли⁶³.

Географические представления об Индии были у Александра, как и у всех ученых того времени, довольно

---

⁶² J. Kaerst. Op. cit., S. 359—360.

⁶³ U. Wilcken. Op. cit., S. 162. В буржуазной науке, однако, имеется тенденция гипертрофировать личный мотив в индийском походе. С точки зрения Керста, индийская страна, полная чудес, занимала фантазию, возбуждала любопытство и порыв к открытию. При проникновении в этот чудесный мир в душе завоевателя вставали образы эллиских сказаний: Геракл и Дионис сопутствовали этому походу. (J. Kaerst. Op. cit., S. 361). Более отчетливо эту мысль проводит Ф. Шахермейр. Он указывает, что в Александре опять возродился сын Зевса, который хотел, идя по Азии, подражать Гераклу и Дионису и перещеголять их. В трудных условиях далекого пути Геракл использовался как пример для уставалого воина, а Дионис как путеводная звезда в походе (Fg. Schachermeyr. Alexander der Grosse, S. 335—338). О сильном влиянии на Александра мифологических традиций, о его стремлении возродить и дополнить деятельность Геракла и Диониса, — говорит П. Клоше. (P. Clouhé. Alexandre le Grand, p. 84).

туманные⁶⁴. Даже Аристотель считал Индию самой восточной и самой крайней частью земли, где кончается мир, омывавшийся океаном⁶⁵. Достижение этого края земли выражало стремление македонского завоевателя стать мировым владыкой, который измерял бы свое государство до естественных границ Ойкумены. В этой связи проблема Инда особенно занимала Александра⁶⁶. На Гифасисе Александр, по-видимому, впервые во всей полноте открыл войску существование этой программы, и то после того, как он шатолкнулся на непреклонное сопро-

---

⁶⁴ Единственным греком, который до Александра посетил Индию и сообщил о ней как непосредственный свидетель, был иониец Скилак из Карианды. Его послал туда Дарий, чтобы выяснить, где Инд впадает в море. Он поплыл к морю вниз по течению на восток, навстречу восходящему солнцу, затем по морю на запад и приплыл в гавань Египта. Итоги своего путешествия Скилак описал в специальном сочинении. Это произведение затем использовал Гекатей при описании Земли, в качестве единственного источника, сообщавшего сведения об Индии. Эти сведения в свою очередь у Гекатея позаимствовал Геродот, который к ним добавил отдельные сюжеты, взятые у знакомых персов, недостаточно хорошо информированных. Примерно через 50 лет после Геродота, врач персидского царя Ктесий создал первую монографию об Индии, в которой восхвалял ее как страну чудес. Часто встречаясь с жителями Индии при персидском дворе, Ктесий узнавал от них разные сказки, которые он обрабатывал в своем сочинении с целью ошеломить воображение читателя. Именно у Ктесия есть рассказы о карликах, живших в Индии; о людях с длинными ушами, с собачьими головами; о дереве с металлическими корнями, притягивавшими к себе птиц и овец; о грифах, стороживших золото; о слонах, использовавшихся для разрушения городских стен; о солнце, увеличенном в 10 раз; о горячем море, в котором рыбы уходят с его поверхности; об огромных исполинах и бесчисленных народах, населявших эту страну (ср. *Агг.* V, 4, 3). Нам неизвестно, обратился ли Ктесий при написании своего труда об Индии к сведениям Скилака, зато достоверно известно, что Аристотель знал сочинение древнего мореплавателя и использовал его. От Аристотеля узнал о Скилаке Александр. Во время подготовки в Согдиане к индийскому походу он через своих ученых, вероятно, получал об Индии и некоторую другую литературу. И все же ни Скилак, ни другие данные не давали полного представления об этой стране. Особенно неизвестной оказалась та часть ее, которая находилась за Гангом.

⁶⁵ *Arist. Meteor.*, I, 13, 15. Индия означала для Александра равнину Инда. Позади нее на небольшом расстоянии, как он думал, был океан, и его он стремился достигнуть, исследовать его берега и укрепить восточную границу мировой империи, о создании которой он мечтал. (См.: *A. Robinson. Alexander the Great*, p. 170; *Collection Genies...*, p. 195—196).

⁶⁶ *F. Schachermeyr. Op. cit.*, S. 363.

тивление своих воинов, отказавшихся следовать дальше в неизвестность ⁶⁷.

В античной традиции и по этому важному вопросу имеются разночтения. У Арриана македоняне пали духом, собирали сходки, на которых одни, более смиренные, только оплакивали свою участь, а другие твердо заявляли, что не пойдут дальше за Александром, после того как последний под воздействием рассказов о богатой земле за Гифасисом решил двинуться туда ⁶⁸. Здесь нет ясной программы завоевания мира. Александр не раскрывает воинам своих карт. Свою программу он излагает не им, а командному составу. Именно военачальникам было объявлено, что «границами нашего государства будут границы, которые бог назначил земле» ⁶⁹. Для достижения этих границ нужно, по мнению Александра, пройти до реки Ганга и до Восточного моря, последнее соединяется с Гирканским. Александр обещает показать македонянам и их союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским, и Гирканское море, сливающееся с Индийским. Гирканское, т. е. Каспийское, море, по его мнению, подобно Красному морю и Персидскому заливу, представляло собой вогнутость всей земли, омываемой океаном. Он хотел идти дальше, чтобы соединить все эти заливы большого моря, которое омывало землю. Александр имел намерение совершить на кораблях круговое путешествие от Персидского залива в Африку вплоть до Геракловых столбов ⁷⁰. Вернуться назад опасно. Непокоренные народы увлекут за собой покоренных, и всеобщее восстание ниспровергнет все завоевания македонян. Все плоды тяжелого труда будут потеряны. Неужели македоняне, покорившие столько земель, испугались опасностей, которые разделяет с ними он, их царь? Потом, когда мир будет покорен, он каждого одарит добром с избытком... Тех, которые захотят вернуться в Македонию, отошлет или отведет сам, а те, которые пожелают остаться с ним, станут предметом зависти со стороны удалившихся от него ⁷¹. Ответом было прубое молчание. Речь царя не убедила присутствующих.

⁶⁷ См.: F. Taeger. Charisma. Stuttgart, 1957, S. 213.

⁶⁸ Агр. V, 25, 1—2.

⁶⁹ Там же, 26, 2.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, 3—7.

У Курция Александр выступает со своей программой не перед военачальниками, а перед собранием воинов, зная, что у последних с ним не одинаковые стремления. Он лелеет в душе завоевание всего мира. Воины же желают положить конец опасностям⁷². Из жажды славы и ненасытной страсти к подвигам Александр ничего не считал недоступным для себя, слишком отдаленным. Однако он был не всегда уверен в решимости македонян, состарившихся в боях и лагерной жизни, следовать за ним в погоне за новой добычей. Поэтому он убеждает их не поддаваться малодушию, не бояться вражеской пехоты и конницы, местных слонов, широких рек. Они с ним пойдут скоро к восходу солнца, к океану, откуда, завоевав край света, вернутся на родину победителями (*Inde victores perdomito fine terrarum revertemur in patriam*)⁷³.

Александр не только убеждал воинов, но и просил их не вырывать из его рук пальмовой ветви, а когда в ответ встретил упорное молчание, стал угрожать, что обманутый и брошенный врагом, он пойдет дальше один со скифами и бактрийцами⁷⁴. Не помогли и угрозы. Воины не разделяли идеи мирового господства своего вождя. Их чаяния выразил один из македонских командиров Кен, сын Полемократа. Он сказал, что если царь не хочет принуждать, а хочет убедить их, пусть выслушает его, который будет говорить не от себя и полководцев, а от имени «большой части войска»⁷⁵. Его годы и раны, полученные в сражениях, дают ему право сказать прямо, что необходимо положить конец завоеваниям македонян и преков. Очень мало осталось в живых старых воинов, с которыми Александр вступил в Азию, и нельзя осуждать их за то, что они желают возвратиться на родину к своим семьям⁷⁶. Пусть Александр ведет их, тоскующих по родной земле, домой. Он там сам увидится со своей матерью, наведет порядок в Греции и украсит храмы родины профетями. Тогда, если он захочет новых подвигов, никто не воспрепятствует ему начать новый поход в Азию, Европу или Африку. Для этого он наберет новых,

⁷² Curt. XI, 2, 11.

⁷³ Там же, 26.

⁷⁴ Curt. IV, 2, 32—33.

⁷⁵ Arr. V, 27, 2.

⁷⁶ Там же, 6—7.

молодых воинов, заменив ими утомленных и престарелых. Нужно быть умеренным в счастье,— заканчивает свою речь Кен среди всеобщего одобрения.

В интерпретации Курция речь Кена не содержит существенных отличий от текста Арриана, но некоторые важные различия все же можно заметить. Здесь уже воины просили Кена выступить от их имени. Кен говорит о том, что они выполнили все, что могли взять на себя смертные⁷⁷. Дальнейший поход не по их силам. Об этом говорили и другие вожди, преимущественно пожилые⁷⁸.

Обе версии античной традиции признают, что откровенной речью Кена Александр был недоволен и даже удивлен⁷⁹. И это будет особенно понятно, если вспомнить, кем для него был Кен.

Кен был знатным македонянином из области Элимиотиды, руководил при Александре таксисом педзетайров, рекрутированных из этой области⁸⁰. В этом качестве мы его встречаем в битве против трибаллов и в центре македонского расположения при Гранике⁸¹. При Иссе Кен появляется со своим таксисом на правом фланге между Никанором и Пердиккой⁸². Он принимал активное участие в штурме Тира, вошел со своим таксисом со стороны порта в город и участвовал здесь во всеобщей расправе⁸³. Как и при первых двух больших битвах, он при Гавгамелах появляется в качестве руководителя своего таксиса в центре, рядом с гипаспистами⁸⁴. В этой битве он был опасно ранен стрелой⁸⁵. Но вскоре после этого мы встречаем Кена за выполнением других важных поручений Александра: вместе с Аминтой, Филотой и, возможно, с Полисперхонтом он разрушает мост через Аракс, позднее занимается доставкой фуража, выполняет карательную функцию против воинствующих мардов, против мятежного сатрапа ариев Сатибарзана, против Спитамена⁸⁶. В тяжелых условиях в Средней Азии ему

⁷⁷ Curt. IX, 3, 7.

⁷⁸ Там же, 17.

⁷⁹ Arr. V, 28, 1.

⁸⁰ Diod. XVII, 57, 2.

⁸¹ Arr. I, 6, 9; 14, 2.

⁸² Arr. II, 8, 3; Curt. III, 9, 7.

⁸³ Arr. II, 28, 2; 24, 3.

⁸⁴ Arr. III, 11, 9; Diod. XVII, 57, 2; ср. Curt. IV, 13, 28.

⁸⁵ Arr. III, 15, 2; Diod. XVII, 61, 3; Curt. IV, 16, 32.

⁸⁶ Arr. III, 18, 6; 20, 4; 21, 1; 24, 16; 25, 6; IV, 17, 3.

поручались важные самостоятельные операции⁸⁷. Во главе своего таксиса мы встречаем Кена в начале индийского похода, во время экспедиции против аспасиев и ассакенов, базиров и др.⁸⁸ Он принимал активное участие в битве при Гидаспе, успешно справившись с важным заданием Александра⁸⁹. Вплоть до событий при Гифасисе Кен выполняет все приказания своего царя.

Все источники не оставляют сомнения в том, что среди гетайров Александра Кен стоял особенно близко к нему. Он был среди его «друзей» рядом с Гестеционом, Кратером, Эригием и считался преданным и верным помощником царя⁹⁰.

Кен был связан с Парменионом родственными узами. Он был женат на его дочери. Но когда был раскрыт заговор Филоты, вместе с Гестеционом и Кратером он настаивал, чтобы от Филоты добились правды пытками⁹¹. Он обвинял его сильнее всех остальных, называя его предателем царя, страны и войска⁹². Кен остался предан Александру и после трагической гибели своего тестя Пармениона. Все это говорит о том, что он не разделял программы оппозиции, возглавляемой Филотой и направленной против мероприятий восточной политики Александра. Но когда последний развернул перед войсками грандиозный план мирового господства, Кен без колебаний выступил против этого плана, выразив мнение большинства командного состава и всего войска. Этот факт характерен. Он свидетельствует о том, что план Александра вызвал новое размежевание в среде македонской знати. Из числа тех, кто поддерживал царя в его намерениях против антиалександровской оппозиции, выделяется часть знатных македонян, которая отвергает миродержавнические идеи своего полководца. Александр в Индии, возможно, преодолел бы сопротивление своих воинов, если бы нашел поддержку в своем командном составе. Отсутствие этой поддержки насторожило его, удивило и заставило после больших внутренних колебаний прекратить поход.

⁸⁷ Arr. IV, 16, 23; Curt. VIII, 1, 1.

⁸⁸ Arr. IV, 24, 1; 25, 6; 27, 5—7; 28, 8; Curt. VIII, 10, 21.

⁸⁹ Arr. V, 16, 3; Plut. Alex. 60; ср. Curt. VIII, 14, 15—17.

⁹⁰ Arr. VI, 21, 1; Curt. IV, 8, 17.

⁹¹ Curt. VI, 11, 10—12.

⁹² Там же, 9, 30.

Обращает на себя внимание и тот факт, что через несколько дней после произнесения своей речи Кен умер. Арриан спешит указать, что Кен скончался от болезни⁹³. Курций, хотя и говорит, что Александр был опечален этим событием, но тут же приводит брошенные им с оттенком иронии слова, что Кен произнес свою длинную речь, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию⁹⁴. Кен умер в возрасте 40 лет. Упоминания о его болезни не было. Не исключена вероятность, что речь у Гифасиса и послужила причиной его внезапной кончины.

Впрочем, в речи Кена было высказано и предложение, которое Александру предоставляло возможность скрыть свою неудачу на Гифасисе и использовать ее в своих целях.

У Арриана Кен убеждает Александра возвратиться на родину, а после этого, если он пожелает, с другим контингентом снова организовать поход на индов, живущих на Востоке, или к Эвксинскому морю, или же против Карфагена и Ливийских земель⁹⁵. В свое представление о мировом господстве Александр внес новое понятие о внешнем океане, который объединял и охватывал всю землю. Об этом имеется упоминание у Курция при изложении речи Кена, которая заканчивается словами, что если Александр твердо решил проникнуть дальше в Индию для достижения моря, которое сама природа сделала пределом человеческих устремлений, он не может этого добиться, завоевав доступные южные области. Зачем окольным путем искать славу, которая находится под твоей рукой? Здесь, как и там, ты встретишь океан⁹⁶. Океан, которого Александр не достиг, был в дельте Ганга, но этот океан он мог найти в устье Инда. Для этого было достаточно построенного на Гидаспе речного флота, на котором изнуренная армия могла достигнуть моря.

Отказ войска у Гифасиса идти к Гангу в буржуазной науке оценивается не как бунт, в котором македонская оппозиция, состоявшая из широких масс воинов, выступила против миродержавнической политики царя, а как результат истощения физических и духовных сил войска, настроение которого ухудшилось от тропических дождей,

⁹³ Arr. VI, 2, 1.

⁹⁴ Curt. IX, 4, 20.

⁹⁵ Arr. V, 27, 7.

⁹⁶ Curt. IX, 3, 13—14.

непрерывно низвергавшихся на воинов в течение 70 дней со времени выступления из Таксилы⁹⁷. С такой точкой зрения согласиться нельзя, хотя и отрицать трудностей пути, в какой-то мере также сказавшихся на решении армии прекратить поход, тоже нельзя⁹⁸. Следует учесть, что эта армия в Индии не была однородной, из чего, однако, совершенно не вытекает, как думает А. Боннар, что отказались следовать за Александром лишь европейские солдаты: греки, македоняне⁹⁹. На самом деле Александр вразумлял не только македонян, но и союзников, упоминая скифов и бактрийцев¹⁰⁰. Если македонян отпугивали планы мирового господства, то восточные контингенты не хотели подвергаться превратностям индий-

---

⁹⁷ Так, Керст говорит, что сопротивление армии Александру было не сопротивлением против его политики всемирной власти, а выражением физического и морального истощения войска. Напряжение и страдания прошедших битв и маршей усилились в высшей степени благодаря затяжным ливням. Воины думали, что перед ними новые бои и трудности. (J. Kaerst. Op. cit., S. 366). В Индии армия Александра, говорит Робинсон, так измучилась от сильной жары пенджабского лета с его переменными ливнями и зноем, что воины морально и физически не имели сил для дальнейших походов и битв. (См.: A. Robinson. Op. cit., S. 193).

В Индии, подчеркивает Ф. Шахермейр, прежде всего диктовал муссон с его потоками ужасного летнего дождя, которые исчерпали все силы воинов. Климат этой страны был неожиданностью для Александра. Здесь он наткнулся на географическую и климатическую реальность, которая осталась для него непреодолимой. Если бы царь во время дождей отдыхал под индийским осенним солнцем, то войско вряд ли отказалось бы идти дальше. В тропическом дожде он, в конце концов, нашел своего победителя. Именно это обстоятельство, считает историк, стало трагической судьбой похода (Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 338, 343—344, 356—357).

По выражению французского историка Жака де Бурбон Бюссе, в Индии усталость, климат, страх перед неизвестностью взяли верх. Армия отказалась следовать дальше за своим капризным любимцем. (Collection Genies..., p. 237).

О постоянных проливных дождях, сломивших упорство самого властного повелителя, говорит и П. Клоше. Он считает, что против Александра объединились люди, стихия и боги (P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 93—94). Такая точка зрения господствует в буржуазной историографии. См. также: И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I, стр. 304; U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 174; Cumming's. Alexander the Great. Boston, 1940, p. 356; H. Lamb. Alexander of Macedon. N.—Y., 1946, p. 310.

⁹⁸ Diod. XVII, 94, 1—3.

⁹⁹ A. Bonnard. Op. cit., p. 175—176.

¹⁰⁰ Arr. V, 25, 3; 26, 2, 4; Curt. IX, 2, 32—33.

ской природы. Они устали не только от жары, ливней, лихорадки. Они устали не только физически, но и морально. Они еще видели смысл в завоевании Персии, но после этого уже не понимали, что делают и куда идут ¹⁰¹. Этим можно объяснить, почему Александр не встретил сочувствия во всей своей армии.

Будучи побежденным своей армией, Александр при общем одобрении своих воинов после сооружения памятника в честь похода отдал приказание вернуться обратно. Но маршрут обратного пути был продуман именно с целью достижения великого моря. Он повернул свой путь туда, говорит Курций, где можно добиться, даже с меньшей опасностью, такой же славы, которая ожидала его в долине Ганга ¹⁰². На берегах Гидаспа ему приготовили флот, гребцов и матросов, которых набрали из финикийцев, киприотов, карийцев и египтян, сопровождавших македонское войско ¹⁰³. Во главе этой морской экспедиции был поставлен адмирал Неарх. Ему вменялось в обязанность познакомиться с прилегающей к морю страной, ее обитателями, пристанями, колодцами, людскими обычаями, с тем, чтобы выяснить, плодородна она или бесплодна ¹⁰⁴.

Несмотря на трудности, с которыми была сопряжена подобная экспедиция, Александр решил отправить флот с Неархом в Персидский залив к месту впадения Евфрата и Тигра ¹⁰⁵. Сам он спустился по другому рукаву Инда к морю, оттуда вернулся в Патталу, где Гефестион по приказу своего царя укреплял гавань и построил верфь для значительного флота ¹⁰⁶.

¹⁰¹ W. T a r n. Alexander the Great, vol. I, p. 98.

¹⁰² Curt. IX, 4, 20.

¹⁰³ Arr. V, 1, 1, 6.

¹⁰⁴ Arr. VII, 20, 10.

¹⁰⁵ Arr. VI, 19, 55; ср. Curt. IX, 10, 3; X, 1, 10, 16. Неарх своей экспедицией установил морскую связь между Индом и Евфратом, между двумя великими реками, в бассейне которых процветали два самых древних цивилизованных мира. См.: Collection Génies..., p. 212—213; U. Wilcken. Griechische Geschichte. Berlin, 1962, S. 254. Вряд ли можно согласиться с точкой зрения А. Пальяро о том, что посылка флота под командованием Неарха вдоль побережья Индийского океана до Персидского залива вызвана одним лишь любопытством Александра, которое было отражением живых научных интересов, возбужденных в душе юноши обучением Аристотеля (Antonino Pagliaro. Alexandro Magno. Ed. Torino, 1960, p. 39).

¹⁰⁶ Arr. VI, 20, 1, 4.

Апологетическая традиция ничего больше не добавляет к попыткам Александра практически осуществить свои миродержавнические идеи во время его пребывания в Индии. Но в антиалександровской традиции имеются указания на то, что еще в Индии во время морской экспедиции Александр делал новые широкие завоевательные планы, которые снова вызвали недовольство со стороны македонских войск. Курций указывает, что после покорения всех стран к востоку от моря Александр намеревался переправиться в Африку, затем, пройдя просторы Нумидии, направить свой поход на Гадес, оттуда проникнуть в Испанию (Иберию) и пройти мимо Альп к побережью Италии, а отсюда без особого труда перебраться в Эпир. Поэтому он отдает приказ правителям Месопотамии заготовить строительный материал на Ливанских горах для флота, Кипр для этой же цели должен был предоставить медь, пеньку, паруса¹⁰⁷.

Наряду с этим совершенно определенно звучит у Курция мотив сопротивления армии идеям мирового господства. Так, во время борьбы македонян против оксидраков и маллов, которые считались самыми воинственными племенами Индии, македонские воины стали выступать с мятежными речами против царя: их ведут за пределы звезд и солнца, заставляют проникать в места, самой природой скрытые от глаз человеческих. Александр, обеспокоенный волнением воинов, созвал их на сходку, старался убедить их в том, что враги эти воинственные и что кроме них никто больше не сможет помешать им достигнуть предела земли и своих страданий. Он уже предвидит океан, уже чувствуется дыхание моря. Пусть они не лишают его той славы, к которой он стремится¹⁰⁸. Своим близким друзьям — Кратеру, Птолемею и другим Александр говорил, что они уже недалеко от предела мира¹⁰⁹. Друзья его на этот раз не высказали возражений, просили беречь себя, ибо без него они все пропадут, а с ним останутся непобедимыми¹¹⁰.

Из всего этого видно, что идея завоевания мира не

---

¹⁰⁷ Curt. X, 1, 17—18.

¹⁰⁸ Там же, 4, 16, 18—19.

¹⁰⁹ Там же, 6, 20.

¹¹⁰ Там же, IX, 6, 7.

покидала Александра даже и после неудач в Индии ¹¹¹. Но именно там выяснилось, что его представления о том, как велик мир, были далеко неясными. Поэтому, возвратившись из индийского похода, в последние годы своей жизни он предпринял ряд мер по организации экспедиций, в обязанность которых входило уточнить тот путь, по которому ему предстояло пройти, и определить те земли, которые должны войти в его мировое государство. В связи с этим встал вопрос об овладении морями для соединения между собой различных частей Ойкумены. Для осуществления этой цели были организованы морские экспедиции, которые Александр или предпринимал сам, или они проводились по его заданию. Так, была в 323 г. до н. э. подготовлена разведывательная экспедиция в Гирканию, чтобы исследовать Каспийское море; Александр послал туда Гераклида, сына Аргея, с кораблестроителями. Они должны были рубить лес на Гирканских горах и строить военные корабли по греческому образцу. Гераклиду предстояло выяснить, не является ли Гирканское море внутренним, а если нет, то с какими морями оно связано: впадает ли в него Черное море, или же Великое море, обойдя индос с Востока, вливается в Гирканский залив? ¹¹² Вокруг Каспия живет немало племен, в него впадают различные судоходные реки, многие из которых македонянам неизвестны, как неизвестно и само начало этого моря ¹¹³. Наряду с этим обдумывался план проникновения по Черному морю до меотидских болот ¹¹⁴. Все это предстояло выяснить. Намечалось ввести колонии и создать торговые города — вторую Финикию — на побережье и островах Персидского залива.

---

¹¹¹ Ф. Шахермейер безосновательно указывает, что за годами похода последовала пауза мира, когда Александру захотелось больше не спешить никуда, пожить удобно и роскошно и предаться великолепным праздникам по желанию сердца. См.: Fr. Schachermeier. *Op. cit.*, S. 390.

¹¹² Arr. VII, 16, 1—2. Со времен Геродота ионийские географы полагали, что это море на севере соединялось с океаном. (См.: Plut. Alex. 44). Здесь, вероятно, смешивается позднейшее представление о четырех больших заливах океана с древним учением ионийской географии. Геродот (I, 202), считавший, что Каспийское море — замкнутый водоем, по-видимому, полемизирует с воззрениями ионийских географов. (См.: J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 396—397).

¹¹³ Arr. VII, 16, 3—4.

¹¹⁴ Fr. Altheim. *Op. cit.*, S. 109.

Однако запланированное Александром плавание по Каспийскому морю не состоялось; из-за его смерти оно сорвалось ¹¹⁵.

Три экспедиции одновременно, также, вероятно, в 323 г. до н. э., были посланы с флотом для разведки Аравийского полуострова ¹¹⁶. Три мореплавателя на своих судах — друг Нearcha Архий из Пеллы, Андросфен из Фасоса и Гиерон из Сол, что на Кипре, — спешили туда на 30-весельных кораблях. Архий дошел только до острова Тила ¹¹⁷, не осмеливаясь проникнуть дальше. Андросфен последовал за ним, прошел вдоль некоторой части Аравийского полуострова, достиг Тила и остановился там на долгое время. Отчет, который Андросфен представил после своего возвращения, имел очень много ценных сведений о чудесных источниках, о пышных зарослях пальм в оазисе, об апельсинах и овощах и др. Все эти сведения были тщательно использованы Теофрастом в его истории растений. Самым успешным оказалось плавание Гиерона. Ему было приказано обогнуть на судах весь полуостров до Египта и Гериополя, до Суэцкого канала. Он проплыл вдоль значительной части Аравии, не осмеливаясь идти дальше. В это же время из Египта вышел в путь другой корабль под руководством Анаксикрита. В его задачу входило, плывя в обратном направлении, достичь Месопотамии. Однако ни один из них не достиг цели. Тем самым трудный отрезок побережья оставался все еще неисследованным. Вернувшись к Александру, Гиерон сообщил ему, что полуостров поражает своей величиной: он лишь немного меньше земли индов и глубоко вдается в Великое море. Люди, плывшие с Нearchом от индов, видели эту землю, прежде чем повернуть в Персидский залив ¹¹⁸.

Арриан признает, что к завоеванию Аравии подстрекали Александра как природные богатства страны, где

---

¹¹⁵ Оно частично осуществилось позднее, в путешествии Патрокла, адмирала Селевка Никатора, который пришел к выводу, что Каспийское море связано с океаном. (Strabo, II, с. 74; XI, с. 518; Plin. II, 167; VI, 58).

¹¹⁶ См.: Н. Bengston. Griechische Geschichte. 2. Auf. München, 1960, S. 343.

¹¹⁷ Маленький остров, лежащий перед устьем Евфрата, Александр назвал Икаротом. (См.: Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 446—447).

¹¹⁸ Arr. VII, 20, 7—9.

растет корица, на лугах — нард, из деревьев вытекают мирра и ладан, а из кустов — киннамон, так и наличие вокруг Аравийского побережья множества островов с гаванями, в которые может войти флот и возле которых можно основать города, в будущем цветущие и богатые ¹¹⁹.

По словам Аристубула, Александр застал в Вавилоне флот, поднявшийся под руководством Неарха из Персидского моря вверх по Евфрату, и другой, прибывший из Финикии до Евфрата в разобранном виде по суше, а затем отправленный вниз по течению реки до Вавилона. Второй флот был усилен в Вавилоне тогдашними киприотами, которые доставляли снаряжение для строящихся кораблей ¹²⁰. Экипажи кораблей, прислуга и опытные специалисты морского дела набирались из Финикии и прибрежных стран со Средиземноморья. В Финикию и Сирию был послан некий Маккал из Клазомен с 500 талантов для набора морских наемников ¹²¹. У Вавилона была вырыта гавань, где могли пристать 1000 военных кораблей, возле гавани были выстроены верфи ¹²². На воде часто производились военные учения и маневры, соревнования капитанов и гребцов. Победители получали в награду венки ¹²³.

По словам Арриана, Александр готовил флот, чтобы напасть на арабов под тем предлогом, что они были единственными, кто не прислал к нему посольства и ни-

---

¹¹⁹ Агг., VII, 20, 2. Представления греков об Аравийском полуострове были не совсем правильными. Им казалось, что Аравия — это страна богатств, в то время как на самом деле она была пустынной. Их сбил с толку тот факт, что ценные продукты, прежде всего пряности, идут оттуда. Но в действительности сама Аравия и торговое население, живущее на побережье Персидского залива, получали часть своего богатства от продажи индийских продуктов. Ф. Шахермейр делает предположение о том, что, возможно, Александр догадывался об очень важном: вся торговля с Индией зависит от овладения Аравией; именно оттуда, а не вдоль Гедросии идут собственно пути в страну чудес. Это в будущем могло создать возможность для прямой связи между Египтом и Индией. Она была бы тем значительнее, что между Нилом и Красным морем такая связь уже и без того имелась. (См.: *Fg. Schachermeug. Op. cit., S. 449*).

¹²⁰ Агг. VII, 19, 3—5.

¹²¹ Там же, 5.

¹²² Там же, 3—5.

¹²³ Там же, 23, 5.

чем не высказал ему доброжелательства и уважения. Арриан однако вынужден признать, что в действительности Александр был просто ненасытен в своих завоеваниях ¹²⁴.

Стремление Александра повсюду по возможности достичь моря Керст ставит в связь с его цивилизаторской деятельностью. Он называет Александра «великим мировым открывателем». На овладение всей Ойкуменой его толкали интересы эллинской науки, идея распространения эллинской культуры, смешения воедино народов ¹²⁵. Грабительский характер восточных походов затушевывается. Еще большая степень идеализации последних имеет место в работе Робинсона, в которой Александру приписывается не только создание нового лучшего мира, но и новая концепция равенства народов, основанная на идее содружества людей. Эта идея, говорит историк, нашла выражение «в волнующем предвидении святым Павлом того мира, в котором будут не греки и не японцы, не варвары и не скифы, не рабы и не свободные». Робинсон серьезно полагает, что эта идея мирового управления могла бы быть развита и осуществлена, если бы не ранняя смерть Александра ¹²⁶.

Из служебных заметок (*ὑπομνήματα*), найденных в царском тайном архиве после смерти Александра, следовало, что аравийская экспедиция была задумана только как пролог к еще более грандиозным планам ¹²⁷. Эта экспе-

¹²⁴ Arr. VIII, 19, 6.

¹²⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 395—396 и сл. Керста повторяет Ф. Шахермейр. Он прямо указывает, что Александр выступил в свой поход за пределы Персидского государства совсем не как агрессор и завоеватель. (См.: Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 455).

¹²⁶ A. Robinson. Op. cit., p. 19—20, 138, 220.

¹²⁷ Эти заметки, известные как завещание Александра, сохранились у Диодора, достоверность которого в данном случае вызывает у многих историков сомнение. Некоторые полностью принимают сведения Диодора, заимствованные у Гieronима из Кардии. На этой точке зрения стоит И. Г. Дройзен (История эллинизма, т. II, прим. 69, стр. 126). Авторитет Гieronима признает и Шахермейр (Указ. соч., стр. 454). Решительно отрицает принадлежность этого отрывка Диодору и ценность его Тарн (W. Tarn. Alexander's *ὑπομνήματα* and the world kingdom. Inst., 41, 1921, p. 7). Тарн считает, что изложенные в этом отрывке грандиозные планы Александра — легенда, созданная значительно позднее и ничего общего не имеющая с истиной. Абсолютно не-

диция мыслилась Александром только началом для присоединения Запада, которое, он, «безмерный в своих попытках завоевания», планировал последним. Для осуществления этих планов предполагалось сооружение флота из 1000 кораблей в Финикии, Сирии, Киликии и на Кипре, проведение дорог от Ливии до Геркулесовых столбов по побережью, переселение из Европы в Азию и из Азии в Европу, смешение населения, создание городов¹²⁸. Средиземноморская экспедиция должна была совершить поход против Карфагена, виновного в том, что он оставался верен своей метрополии — Тиру, против других морских племен, ливийцев и иберийцев, а также против прибрежных стран до Сицилии. В связи с этим характерно свидетельство о том, что Александр на далеком востоке приказывает доставить ему «Сицилийскую историю» Филиста, государственного деятеля Дионисия I, благодаря которой он мог получить подробные сведения о борьбе западных греков с карфагенянами и итальянскими соседями.

Многочисленные посольства средиземноморских стран, прибывшие в Вавилон, чтобы Александр рассудил их взаимные споры, показали, что эти народы считали македонского царя способным заинтересоваться странами Средиземноморья¹²⁹. По выражению Ф. Шахермей-

---

исторически считает мемуары, найденные после смерти Александра, и Робинсон (Указ. соч., стр. 194).

¹²⁸ Diod. XVIII, 4, 35. Примерно то же самое, что и Диодор, сообщает Курций относительно завоевания Средиземноморского бассейна: подчинив все морские области Востока, перейти из Сирии в Африку, покорить Карфаген, пройти через Нумидию, направляясь к Гадесу, у Геракловых столбов перейти в Иберию, затем в Италию, а оттуда в Эпир (Curt. X, 17—18). Не исключена вероятность, что в уловениях отражаются основные тенденции миродержавнической политики Александра, возможно, преувеличенные фантазией античных авторов и позднейшими наслелениями.

¹²⁹ Ср. Arr. VII, 15, 4 и сл., Diod. XVII, 113, 2 и сл.; Just. XII, 13, 1 и сл. Какие государства и народы отправили послов к Александру, точно выяснить не удастся. Ф. Шахермейр ручается только за то, что были послы ливийцев, бретанов, луканов и тирренов (стр. 453). Арриан прибавляет еще как вероятных: карфагеня, эфиопов, европейских скифов, кельтов и иберов (Arr. VII, 15, 4). Французский историк Жан-Реми Паланк (Jean-Remy Palanque. Op. cit., p. 68—69), как и некоторые другие, в числе посольств, прибывших к Александру, называет и римское посольство. О нем упоминает Клитарх. Страбон по другому поводу

ра, «сам Запад втянул Александра в свои проблемы»¹³⁰. Это гармонировало с планами самого завоевателя. Арриан отмечает, что именно после этих посольств Александр и самому себе, и окружающим стал казаться владыкой мира¹³¹.

Поход на Запад требовал изменения старого состава македонского войска, не разделявшего миродержавнических идей своего царя. Поэтому в Описе на Тигре он решил отделаться от своих ветеранов, выставив невинный предлог — усталость воинов. Он обещал наградить их, а воспитание прижитых ими на Востоке детей взять на себя, чтобы «во всем воспитывать их по-македонски», а когда они войдут в возраст, самому привести их в Македонию и передать отцам¹³². Арриан вынужден признать, что это были неверные и неопределенные обещания уходящим¹³³. Воины быстро разгадали маневр Александра. Раздраженные тем, что он не изменил своих решений и огорченные окончательной невозможностью примирить его интересы с интересами Македонии и македонян, воины кричали, что пойдут домой все, пусть он воюет один вместе со своим отцом Амоном¹³⁴. Александр в гневе стал осыпая их упреками, приказал схватить подстрекателей и вести их на казнь.

сообщает, что Александр принял жалобу о латинских морских разбойниках. Однако это противоречит Арриану, который не упоминает посольства из Рима. Птолемей, на которого опирается Арриан, приводит список полномочных посольств, направленных в Вавилон, взятый им из журнала, в котором каждое посольство регистрировалось. Среди этих посольств из Италии было три: бруттий, луканы, тиррены. Если бы в журнале было написано римское посольство, Птолемей не мог бы его пропустить из списка. Отсюда Тарн делает вывод о том, что Рим никогда не направлял посольства к Александру. История с римским посольством была выдумана в конце I в. до н. э. Характерно, что об этом посольстве не упоминает также никто из римских писателей. Кроме того, не в духе республиканского Рима было направлять послов для оказания почестей иностранным царям, тем более, что речь шла о царе далеких земель, с которым не было связей и от которого нельзя было ожидать какой-либо пользы. (См.: Antipino Pagliaro. Op. cit., p. 396).

¹³⁰ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 456.

¹³¹ Arr. VII, 15, 5.

¹³² Там же, 12, 2.

¹³³ Там же, 5; Plut. Alex. 71.

¹³⁴ Arr. VII, 8, 2, 3.

В антиалександровской традиции Курция при описании бунта в Описе более отчетливо показано несогласие армии с планами ее полководца. Воины, забыв о всякой дисциплине, проводили мятежные беседы по всему лагерю, заявляли, что никуда отсюда больше не пойдут, кроме как на родину. Среди воинов были не только те, которые должны были уйти в Македонию, но и те, с которыми Александр был намерен продолжать поход. Все жаловались, все были недовольны¹³⁵. Однако это не приостановило македонского завоевателя. Он замыслил новые походы и новые завоевания. По словам Арриана, он не усидел бы спокойно на месте, довольствуясь приобретенным, если бы даже прибавил к Азии Европу, а к Европе — острова бреттанов. За этими пределами стал бы он искать еще чего-то неизвестного и вступил бы, если бы не было с кем, в состязание с самим собой¹³⁶.

Уже будучи больным, Александр объявил военачальникам свои распоряжения относительно выступления в поход; сухопутные войска должны быть готовы к выступлению через 4 дня, а флот, на котором будет находиться он, отплывает через 5. В последующие дни, когда болезнь быстро прогрессировала и трагический исход был уже предопределен, Александр не переставал отдавать приказания и распоряжения своим командирам о начале грандиозного похода¹³⁷. Только преждевременная смерть в 323 г. до н. э. помешала ему устремиться на завоевание новых земель в Средиземноморье, а его преемники поспешили порвать с его несбыточной мечтой о мировом господстве, и идеи миродержавничества предали забвению.

Таким образом, идея завоевания мира, которую Александр унес с собой в могилу, претерпевала известную эволюцию. Она отсутствовала в первоначальной программе восточных походов. Завоевание Персидского царства, ставшее возможным после значительных побед над персидским оружием, влекло за собой господство над Азией. Отчетливую форму миродержавническая идея приняла во время индийского похода, когда были очерчены конкретные границы, которые предстояло достигнуть, исследовать и приобрести. Но осуществить это Александру не

---

¹³⁵ Curt. X, 2, 12—13, 16—17.

¹³⁶ Arr. VII, 1, 4.

¹³⁷ Там же, 25, 2—5.

удалось. Созданное в его мечтах мировое государство стало распадаться, как карточный домик, как только перестало биться неуемное сердце македонского полководца.

Признание факта эволюции идеи мирового господства вызывает необходимость в пересмотре установившихся взглядов на различие программ Филиппа и Александра в начале восточного похода, а также на социальные основы способствующих и противоборствующих сил в процессе осуществления завоевательных планов Александра.

Обращает на себя внимание тот факт, что его командный состав, состоявший из македонской знати, начал восточные походы в полном единстве, но в ходе завоеваний разделился на две противоборствующие силы: на соратников Александра и на противников его восточной политики. При осуществлении своей основной цели он опирался не только на свою армию, но и на преданную группу сторонников его действий и замыслов.

§ 2. Армия и военные преобразования Александра

Главной опорой Александра в осуществлении его завоевательных планов и политики на Востоке являлась македонская армия, хорошо оснащенная, отмобилизованная, проверенная и испытанная в боях на Балканах. Созданная усилиями Филиппа II военная организация Македонии отличалась правильной соразмерностью войсковых частей, органическим соединением разных видов оружия и точным определением образа боевых действий и места в боевом строю. Впервые в военном искусстве различное вооружение, различные военные подразделения образовали тактическое единство, выступали в тесном тактическом союзе друг с другом.

Македонская армия состояла в основном из двух родов войск: пехоты и конницы, — каждый из которых подразделялся на тяжелую, среднюю и легкую. Центром армии, ее «спинным хребтом» была знаменитая фаланга, которая предназначалась исключительно для генеральных сражений. Она насчитывала примерно 16—18 тыс. человек и состояла прежде всего из тяжелой пехоты, соответствовавшей старому греческому строю копьеносцев¹³⁸. Главное различие во времена Александра между

¹³⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 15.

греческим гоплитом и македонским фалангитом заключалось в том, что последний имел больший щит и более длинное легкое копье¹³⁹. Воины тяжелой пехоты строились в колонну из 16 рядов. Они защищались щитами и были вооружены мечами и длинными 5—7-метровыми копьями. Копья задних рядов ложились на плечи воинов, стоявших впереди. Такая пехота представляла собой несокрушимую ударную силу. Ее сравнивали со зверем, к которому нельзя было приблизиться¹⁴⁰. Она долгое время считалась непобедимой, пока не была вытеснена более совершенным строем — римским легионом¹⁴¹. Большую роль играли легковооруженные лучники, копейщики и пращники, набранные вне царства из фракийских, пеонийских, иллирийских и других стрелков и пращников. Легковооруженная пехота состояла из 4 тыс. фракийцев, 1 тыс. агриан, 1 тыс. критян и др. Эти легковооруженные войска Александр впервые применил в качестве регулярной части армии. Они разобщали противника или преследовали его.

Большое значение в македонской армии имела конница, которая как род войск была впервые создана в Маке-

---

¹³⁹ W. Tarn. Hellenistic military and naval developments. New-York, 1966, p. 72.

¹⁴⁰ Фаланговая система, однако, страдала и крупными недостатками, отчетливая характеристика которых дана в работе Ф. Энгельса «Армия» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 16). Эта фаланговая система выявила полное отсутствие маневренности и уязвимость флангов, ей не хватало гибкости. Фаланга была сильна только на ровном месте, где все ее части были связаны между собой. Там она могла противостоять нападению неприятеля и опрокидывать его тяжестью своего натиска. (Polyb. XVIII, 29). Но как только фаланга приводилась в расстройство условиями местности, продолжительным движением или действиями неприятелей, все ее преимущества исчезали. При ломке строя образовывались интервалы, куда без труда мог проникнуть неприятель и совершенно нарушить построение.

Два крупных недостатка фаланги обнаружил Александр на Востоке. Первый заключался в трудности сдерживания линии. Так, при Иссе и Гавгамелах подразделениям фаланги не удалось сдержать линию. В обоих случаях это вызвало угрозу для македонского полководца. Второй — в трудности образования фронта для фаланги с определенной скоростью. Фланг фаланги всегда был чрезвычайно уязвим, должен был иметь хороший тыл. (См.: W. Tarn. Hellenistic military and naval developments, p. 13—14).

¹⁴¹ Polyb. XVIII, 28—32; Plut. Emil. IX, XIII, XVIII—XXI; Flamin. IV, VIII.

донию. Еще при Филиппе II после присоединения Халкидики была создана конница из этой области, как греческая, так и местная. Также важна была и фессалийская конница. Особенно хорошо служила в бою греческая конница, поэтому позднее Александр набирал ее побольше¹⁴². В коннице 1800 (позднее — 2 тыс.) «друзей» занимали лидирующее положение. Эта тяжелая часть конницы состояла из знати, делилась на 8 территориальных илов (эскадронов) под общим командованием Филоты¹⁴³. Первый эскадрон под руководством Клита был «царским» и предводительствовал сам Александром. Другая часть тяжеловооруженной конницы в 1800 человек была фессалийской. Средняя часть конницы состояла из диммахов, равных пелтастам пехоты и сражавшихся в конном и пешем строю. Было также более 700 человек легковооруженной конницы пеонийцев, фракийцев и македонян¹⁴⁴. Кроме них существовал и постоянный конный отряд лучников (акробалистов).

Из конницы как рода войск в ходе борьбы старались извлечь ряд выгод: а) сражаться с конницей врага; б) зайти с фланга или в тыл пехоты; в) прорваться через вражеский строй. Александр извлекал все эти три выгоды. Широко использовался метод прорыва конницей вражеского строя. Когда при Гавгамелах линия персов растянулась и образовала брешь, македонская конница этим воспользовалась. Правда, бывали случаи, как при Иссе, когда конница Александра прорвала строй персов без бреши в нем.

Конницу Александр располагал с флангов от пехоты. Имелось крыло для защиты и для нападения. Возможно, что при Иссе Александр использовал метод охвата с фланга или тыла. Подражатели Александра пробовали

---

¹⁴² A. R. Burn. *Alexander the Great and the hellenistic Empiria*. London, 1947, p. 85—86.

¹⁴³ Тяжелая конница (катафракты) пользовалась большим вниманием Филиппа и Александра. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 16—17). Эта закованная в броню македонская знать богатели за счет военной добычи, была связана с царем узамы боевого товарищества и представляла грозную силу. Она вела атаку обыкновенно в сомкнутом строю, продолговатой или клинообразной колонной, а иногда также и в линейном построении. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 298). В сражениях тяжелая конница играла роль ударного кулака.

¹⁴⁴ A. Robinson. *Alexander the Great*, p. 63—65.

атаковать конницей, но сам он (кроме Иссы) почти не атаковал в начале, а ждал удобного и выгодного момента. Это отличительная черта его тактики. Так, при Гранике им атакована персидская конница лишь после того, как были выяснены ее численность и та роль, которую в данной битве могла сыграть пехота¹⁴⁵.

Тесный союз легковооруженных войск и конницы с фалангой в большой степени объясняет непобедимость македонской военной машины.

Ядром армии были македонские крестьяне и знать. Первые служили в пехоте, вторая составляла конницу¹⁴⁶.

Армия Александра имела интендантскую и медицинскую службы. Была и служба информации, которая собирала сведения о маршрутах, местах лагерей, переходах. Их записи, проверенные Александром, долгое время составляли базу для изучения географии Азии. Здесь была группа ученых: историк Аристофан, он же архитектор и географ, который после своего отбытия в Афины вместо себя послал Каллисфена из Олинфа — племянника Аристотеля, официального историка и придворного философа; Анаксагор и Демокрит со своим учеником Пирреном — основателем скептической школы; Онесикрит — моряк, киник и писатель романов; географы, ботаники и другие ученые, которые, кроме всего прочего, собирали информацию и образцы коллекций для Аристотеля.

Историки, философы и поэты составляли в армии Александра разновидность отдела пропаганды, в обязанности которого входило формирование общественного мнения, идеологическое оправдание военных предприятий молодого македонского полководца¹⁴⁷.

В армии была и разведка. Вперед посылались небольшие группы разведчиков и наблюдателей в каждом направлении, чтобы узнать о политических, военных и социально-экономических отношениях той страны, которую предстояло завоевать; разведать дорогу, строящиеся мосты, возможные препятствия и определить позицию вражеских сил и других источников опасности.

---

¹⁴⁵ W. Tarn. *Hellenistic military and naval developments*, p. 65—66; ср. J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 257.

¹⁴⁶ Ср. Antonino Pagliaro. *Alessandro Magno*. Ed. Torino, 1960, p. 67.

¹⁴⁷ A. Pagliaro. *Op. cit.*, p. 76.

Разведчики обычно были легковооруженные, состоявшие из представителей стран одриссов, трибаллов, иллирийцев, априан и верхней Македонии. Все они были прекрасными стрелками¹⁴⁸.

За армией следовал значительный артиллерийский парк и осадные машины.

Метательные и осадные орудия — изобретение греков¹⁴⁹. Вероятно, первым греком, употребившим в дело все известные машины (башни, таран, катапульты), был Дионисий Сиракузский (при осаде в 398 г. до н. э.). Позднее эти военные машины стали известны в Македонии, хотя пути проникновения туда сведений о них не могут быть с точностью установлены. Филипп II имел уже башни, таран, катапульты. В 340 г. до н. э. при осаде Перинфа, а затем Византия он использовал катапульты со стрелами. Хотя обе осады македонского царя провалились, именно с этого времени открывается новая эра в искусстве осады, начинается век осадных машин в греческом мире¹⁵⁰.

Александр применял катапульты с камнями. Они впервые появились при осаде Тира¹⁵¹. Самым замечательным орудием была вращающаяся катапульта, уже известная в македонской армии. Эта катапульта была двух типов: а) катапульта, метавшая дротики; б) катапульта, метавшая камни. В ее устройстве применялись женские волосы и конские хвосты¹⁵². Из катапульта так же выстреливали горящий материал. Тараны ломали стены, делали в них проломы для осаждавших воинов.

Хотя катапульты были предназначены для осады, Александром сделана интересная попытка употребить их как полевую артиллерию. Он вез их через всю Азию и применил при Яксарте (Сырдарья) и Аорне.

Полевая и осадная артиллерия находилась под командованием инженера Диада (фессалийца, способ-

---

¹⁴⁸ U. Wilcken, *Alexander der Grosse*, S. 225—226.

¹⁴⁹ Правда, ассирийские цари знали башни, поднимающие стрелков до уровня стен. То, что знала Ассирия, знали и Сирия, и Финикия, позже — Карфаген. (См.: W. Tarn, *The hellenistic military and naval developments*, p. 102).

¹⁵⁰ W. Tarn, *Op. cit.*, p. 106—119; U. Wilcken, *Griechische Geschichte*, Berlin, 1962, S. 216.

¹⁵¹ Plut. *Mor.* 219, A; ср. Plin. *N. H.* VII, 201.

¹⁵² Polyb. IV, 56, 3; 300.

ствовавшего взятию Тира). Диад улучшил башни, таран и катапульту, изобрел портативные осадные лестницы и тараны на колесах.

В специальных технических частях, артиллерийских и инженерных войсках в большом количестве служили фракийцы, считавшиеся также превосходными землекопами. Инженерами, вызывавшими восхищение современников, и полиоркетами, которые руководили ими, были в большинстве своем греки. В армии были саперы для осадных работ и изготовления понтонов, водные и горные инженеры и архитекторы, подобные Дейнократу, заложившему пород Александрию.

Артиллерия и осадные машины, столь необходимые на войне, имели тот недостаток, что затрудняли движение колонн. Обоз оказался довольно значительным; он включал военных слуг и повозки, везущие оружие и снаряжение для лагеря. Позднее он увеличился за счет женщин и солдатских детей. В таком длительном и далеком походе это было неизбежной помехой.

Что касается флота, то он насчитывал от 160 до 180 судов. Флот этот был выставлен Афинами и другими морскими державами греческих союзников, а потому и назывался «греческим флотом»¹⁵³. В его состав входили корабли новейшего типа; наряду с триерами были также и тетреры и пентеры. По словам Арриана, при армии Александра имелся постоянный парк из легких судов¹⁵⁴.

Следует отметить, что этот флот играл в походах второстепенную роль. Он сначала был очень осторожно введен в действие. Это диктовалось прежде всего количественным превосходством персидского флота, насчитывавшего около 400 военных судов и включавшего первоклассные финикийские и кипрские суда¹⁵⁵. Составленный из азиатских греков и особенно финикийцев, он превосходил флот Александра также мощью и маневренностью. Поэтому македоняне вначале не чувствовали себя хозяевами моря, и греко-македонские коммуникации не имели полной безопасности, пока не были завоеваны берега Малой Азии и Финикии.

¹⁵³ A. R. Burn. *Op. cit.*, p. 86.

¹⁵⁴ Агг. III, 5; ср. Ф. Энгельс. Военный мост. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 155.

¹⁵⁵ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 69; A. Pagliaro. *Op. cit.*, p. 71.

Александра не покидала забота и о новом сильном и боеготовом флоте, который должен был состоять прежде всего из киприйско-финикийского контингента. Как и прежде, главными опорными пунктами флота были Тир, Кипр и, вероятно, Родос. На Родосе время от времени имелся македонский гарнизон. Особый отряд из 30 судов, используемый для локальных потребностей, находился в устье Нила.

Однако вся сила Александра была основана на сухопутном войске, прежде всего на его македонском ядре, которое ему оставил Филипп.

Во главе всего греко-македонского войска стоял Александр. Он постоянно находился при сухопутной армии, его сопровождали царские пажы (*βασιλικοὶ παιδῆς*), набравшиеся из молодежи македонской знати. Штаб из 10 командиров «соматофилаки» составлял его совет. Имелись также и телохранители, называвшиеся соматофилаками, иногда гипаспистами; эти понятия часто смешиваются. Наконец, опорную элиту составляла гвардия из отряда (агема) гипаспистов, или гетайров, и, может быть, из агема фалангитов. Эта армия была основной опорой в многочисленных завоеваниях Александра. Пока армия была ему послушна, пока она беспрекословно шла за ним, он не знал поражений. В этом есть и большая заслуга его командного состава, часть которого разделяла планы своего полководца и всемерно способствовала их выполнению.

Македонская армия считалась лучшей армией того времени. Имея сравнительно долгий опыт ведения войны и располагая различными возможностями действия, она стала самой сильной военной машиной на Балканах. Но выйдя на простор Востока, эта военная машина оказалась в совершенно иных условиях, должна была приспособиться как к этим условиям, так и к новым грандиозным задачам, вытекавшим из новой исторической ситуации, из миродержавнических завоевательных планов Александра Македонского. В связи с этим изучение количественного и качественного состава войск, технического вооружения его, модернизации стратегии и тактики, социально-политической сущности военных преобразований имеет важное научное значение. Между тем до сих пор этих вопросов историки касались лишь мимоходом, попутно, в связи с рассмот-

рением восточных походов в целом, не изучая их специально¹⁵⁶.

Рассмотрение комплекса этих вопросов мы начнем с выяснения численного состава македонской армии, данные о котором в источниках противоречивы. Из древних авторов лишь один Диодор указывает, что Александр оставил Антипатру для защиты македонских границ и надзора за Грецией 12 тыс. пеших и 1500 конных воинов¹⁵⁷. Немецкий историк Вилькен полагает, что это количество составляло половину состава всего македонского войска¹⁵⁸. Эту точку зрения поддерживает современный военный историк, французский генерал М. Карпонтье¹⁵⁹. Другие историки дают разноречивые сведения о войске, переправившемся с царем в Азию. Так, во французской историографии П. Жуге полагает, что воинов могло быть около 32 тыс. человек пехоты и 5 тыс. всадников, т. е. 37 тыс. человек¹⁶⁰. П. Клоше тоже указывает эту цифру. По его мнению, армия состояла преимущественно из македонян, фракийцев, леонийцев и иллирийцев, к которым присоединились около 15 тыс. греков (в частности, 1500 фессалийских всадников и

---

¹⁵⁶ Известным исключением может служить работа Тарна (*The hellenistic military and naval developments*. New-York, 1966). Она впервые была напечатана в 1930 г. и состоит из трех лекций по военной истории, прочитанных автором весной 1930 г. в Кембридже. В 1966 г. она была в Нью-Йорке перепечатана по разрешению кембриджской университетской прессы. Основные проблемы, затронутые Тарном, следующие: 1) история пехоты; 2) применение в сражениях животных (коней, слонов); 3) использование осадных машин и кораблей, а также развитие методов ведения войны в эллинистическое время. Хронологические рамки этой работы очень обширны — от Александра до Августа. Кроме того, автор затрагивает и более раннюю эпоху классической Греции, чтобы как можно ярче показать то новое, что внесено в военное искусство во времена Александра. В данной работе Тарна имеется ряд интересных наблюдений. Однако в целом проблема далеко не разрешается. Впрочем, такой задачи в публичных лекциях автор, по-видимому, и не ставил.

¹⁵⁷ Diod. XVII, 17, 5.

¹⁵⁸ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 68.

¹⁵⁹ *Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand*. Hachette, 1962, p. 255—256.

¹⁶⁰ P. Jouguet. *L'imperialisme macédonienne et l'hellenisme de l'Orient*, p. 11; ср. Г. Дельбрюк. *История военного искусства*, т. I, стр. 161.

5 тыс. наемников)¹⁶¹. Английский историк А. Берн считает, что армия Александра состояла в пехоте из 13 тыс. македонян, 12 тыс. греков, 7 тыс. союзников; в коннице — из 1800 македонян, столько же фессалийцев, 6 тыс. греков и, кроме того, из пеонийцев и агрианов, число которых не обозначено¹⁶². А. Боннар приводит примерную цифру: 30 тыс. человек пехоты и 5 тыс. конницы, т. е. 35 тыс. человек¹⁶³. Советские ученые указывают также эту цифру¹⁶⁴. Она фигурирует у Арриана, который подчеркивает, что отправляясь к Геллеспону, Александр вел с собой пеших, легковооруженных и лучников немного больше 30 тыс., а всадников свыше 5 тыс.¹⁶⁵. Эти данные совпадают с данными Диодора, за исключением числа всадников, которых он насчитывает 4500 человек¹⁶⁶. Но Плутарх, касаясь количественного состава войска, говорит, что одни называют как *наименьшее число* 30 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы, другие же как *наибольшее* — 43 тыс. пехоты и 5 тыс. конницы¹⁶⁷.

Если рассмотреть сведения, которые нам сохранили античные источники, о численности войск Александра при переправе в Азию, то мы получим следующую картину:

по данным Каллисфена (Polyb. XII, 19 и сл.), пехота составляла 40 тыс.;

по данным Анаксиомена (Plut. de fort. Alex. I, 3; ср. Alex. 15), пехота составляла 43 тыс., конница — 5500;

по данным Птолемея (Plut. de fort. Alex. I, 3), пехота составляла 30 тыс., конница — 5 тыс.;

по данным Аристубула (там же), пехота составляла 30 тыс., конница — 4 тыс.;

---

¹⁶¹ P. Clouche. Alexandre le Grand, p. 14; Marcello Fortina. Alessandro Magno e l'ellenismo. In: Nuove questioni di storia antica. Milano, 1968, p. 200.

¹⁶² A. R. Burn. Op. cit., p. 81—82.

¹⁶³ Andre Bonnard. La Civilisation grecque, p. 162—163.

¹⁶⁴ См.: К. Колобова и Л. Глускина. Очерки истории древней Греции. Л., 1958, стр. 319; История древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. М., 1962, стр. 385; Всемирная история, т. II, стр. 214.

¹⁶⁵ Arr. I, 11, 3.

¹⁶⁶ Diod. XVII, 17, 4.

¹⁶⁷ Plut. Alex. 15.

Диодор (XVI, 17, XVII, 17, 4) суммирует в общем итоге: пехоты 30—32 тыс.; конницы 4500—5100;
по Юстину (XI, 6, 2), пехота — 32 тыс., конница — 4500;

Ливий (IX, 19, 5) приводит цифру для пехоты 30 тыс., для конницы — 4 тыс. Арриан (I, 11, 3), как уже было указано, соответственно 30 тыс. и 5 тыс.;

Фронтин (Strat. IV, 2, 4) указывает общее количество для пехоты и конницы в 40 тыс. воинов.

Эти данные показывают разницу в пешем войске в различных источниках примерно на 10 тыс. человек; в коннице соответственно на 500—1000 человек.

Стремление объяснить эту разницу у Каллисфена и Анаксимена по отношению к остальным источникам тем, что у первых двух включается ядро армии, которое с 336 г. до н. э. стояло в Малой Азии, является несостоятельным. Данные других источников относятся только на те войска, которые Александр имел при своем уходе из Македонии. Диодор ясно говорит, что речь идет о силах после переправы через Геллеспонт. Войска, стоявшие в Азии, должны были быть включены в их число. Отправленные заранее, они по мнению Ю. Белоха, должны были в последующие годы быть возвращены обратно в Македонию¹⁶⁸. Самое большое число войск дает Анаксимен. Оно повторяется дважды, в двух местах, что исключает ошибки в тексте. Белох считает, что это большое число получено в результате некоторого увеличения составных частей пеших войск¹⁶⁹.

Очевидно, большего доверия заслуживают данные Птолемея, который, благодаря своему положению командира в ближайшем окружении царя, мог располагать лучшими сведениями.

Особый интерес представляет выяснение качественного состава войск Александра. Известно, что его армия включала три элемента: 1) собственно македонскую армию; 2) эллинические контингенты, набранные в европейской Греции по условиям Коринфского конгресса; 3) наемников¹⁷⁰.

---

¹⁶⁸ К. Beloch. Griechische Geschichte, Bd. III, T. 2. Berlin — Leipzig, 1923, S. 322—323.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand, 1962, p. 254—255.

Диодор указывает, что когда Александр переправился из Европы в Азию, он произвел тщательный осмотр своего войска, при котором оказалось в пехоте: македонян 12 тыс., союзников 7 тыс., наемников 5 тыс.; все они были под начальством Пармениона. Затем следовали 5 тыс. одрисов, трибаллов и иллирийцев и 1 тыс. лучников, так называемых агриан. В коннице македонян было 1,5 тыс., ими командовал сын Пармениона Филота; фессалийцев 1,5 тыс. под командой сына Гарпала Каллата; эллинов под руководством Эригия — 600 человек; разведчиков из фракийцев и леонов под началом Кассандра — 900 человек ¹⁷¹.

Из этого расчета следует, что в армии Александра македонян было 13 500 человек, т. е. меньше половины ¹⁷². Остальных составляли греки из Коринфской лиги (7 тыс. человек), греческие наемники (5 тыс. человек), а также контингенты фракийцев, агриан и других балканских народов. Обращает на себя внимание и тот факт, что 7-тысячная эллинская пехота союзников фактически не вводилась в бой. Она главным образом использовалась в качестве гарнизонов в основанных городах и для защиты коммуникационных линий ¹⁷³. Создается впечатление, пишет Вилькен, что Александр держал у себя греческий контингент, кроме фессалийцев, больше в качестве заложников, которые должны были помочь ему укрепить спокойствие в Элладе. По этой причине он осторожно в действия был введен сначала так называемый «греческий флот» ¹⁷⁴. Вилькен объясняет это чувством недоверия Александра к союзникам, контингент которых он призвал в таком количестве для доказательства того, что предпринятый поход на Восток являлся панэллиническим походом мести. По выражению одного французского историка, греческие контингенты в армии Александра были лишь символом ¹⁷⁵. Они да-

¹⁷¹ Diod. XVII, 17, 3—4.

¹⁷² П. Клоше ошибочно полагает, что как в начале похода, так и позднее македонский элемент преобладал в армии Александра (Alexandre le Grand. Paris, p. 26—27). В действительности, в количественном отношении этот элемент никогда не преобладал.

¹⁷³ Collection Génies et Prealités. Alexandre le Grand, p. 256; W. Tarn. Alexander the Grand, vol. I, p. 10; Marcello Fortina. Op. cit., p. 200.

¹⁷⁴ U. Wilcken. Op. cit., S. 68.

¹⁷⁵ Collection Génies et Prealités. Alexandre le Grand, p. 73.

вали соответствующую окраску пропаганде Александра в Греции, что имело для него важное значение, поскольку немало греков одновременно сражалось на стороне Дария.

Все это свидетельствует о том, что уже с начала похода армия Александра не была однородной, отдельные части ее использовались в бою различно. Но преобладающей компактной массой оставались все же македоняне. Из их среды избирались основной командный состав, пажы, телохранители.

По мере продвижения вперед к Александру поступали подкрепления из Македонии, Греции, Фракии. Мы, к сожалению, не знаем, как часто они поступали и в каком количестве. Источники сохранили нам отрывочные сведения об этом, но сведения довольно любопытные. Так, Арриан утверждает, что после взятия Галикарнаса и отправки отряда македонян домой, Александр приказал полководцам Кену и Мелеагру будущей весной привести ему из Македонии подкрепление из возвратившихся на родину отрядов. Одновременно он дал этим полководцам поручение вербовать наемников в Пелопоннесе¹⁷⁶. Тот же Арриан сообщает, что это поручение было выполнено, когда армия Александра пришла в Гордий. Туда к нему прибыли македоняне, которых он до начала зимы послал на родину. Вместе с ними пришло и набранное войско под командой Птолемея, Кена и Мелеагра: пеших македонян было 3 тыс., всадников около 300; финикийских всадников 200; элейцев 150 человек¹⁷⁷. Курций в данном случае точного количества войск, пополнивших армию Александра, не указывает. Он только упоминает, что в Пафлагонии Александр, приняв только что прибывшее из Македонии пополнение, направился в Каппадокию¹⁷⁸.

---

¹⁷⁶ Arr. I, 24, 1; ср. Curt. III, 1, 1.

¹⁷⁷ Arr. I, 29, 4. Арриан ограничивает приведенное из Македонии подкрепление в 3 тыс. пехотинцев и 300 всадников. По Каллисфену у Полибия (XII, 19, 2), это было 5 тыс. пехотинцев и 800 всадников. Примечательно то, что число, которое Полибий, ссылаясь на Каллисфена, приводит относительно общих сил македонского войска при отходе с поля боя при Иссе, прямо соответствует сообщаемому Аррианом в указанном месте числу войск, прибывших из Македонии.

¹⁷⁸ Curt. III, 1, 24.

Другое упоминание Арриана касается прибытия в Сидон Клеандра, сына Полемократа, вернувшегося из Пелопоннеса с 4 тыс. эллинских наемников¹⁷⁹. Курций указывает, что к Тиру подошел флот с острова Кипра и вместе с ними Клеандр, недавно прибывший в Азию с греческими солдатами. Ни конкретного количества судов, ни числа других родов войск здесь опять не указывается¹⁸⁰.

Наконец, третье упоминание Арриана связано с присылкой войск Антипатром Александру в Мемфис: около 400 эллинов-наемников под командованием Менета, сына Гегсандра, и около 500 всадников из Фракии с Асклепидором, сыном Эвника, во главе¹⁸¹. Характерно, что в этом случае прибывшие контингенты не содержали ни одного македонянина. Все они были наемниками.

О другом случае рассказывает Курций. Торопясь вступить в Египет, Александр послал из Газы одного из своих лучших командиров Аминту, сына Андромена, с 10 триерами для нового набора солдат¹⁸². Чтобы добиться посылки македонских войск на Восток, он не останавливался перед самыми суровыми средствами. Трудности получения рекрутов были особенно велики, так как одновременно должен был вооружаться Антипатр для борьбы с восстаниями во Фракии и непримиримой, угрожавшей Македонии, Спарте.

Аминта выполнил свое важное поручение. Он призвал на службу даже любимцев Олимпиады, за что она платила ему ненавистью и клеветой. Вероятно, во время похода в Вавилон прибывали к Александру первые колонны пехотинцев, на вербованных войск под руководством Аминты. Последний привел от Антипатра 6 тыс. человек македонской пехоты и, кроме того, 500 македонских всадников, с ними 600 фракийцев и 3,5 тыс. траллов. Прибыли и наемники из Пелопоннеса — до 4 тыс. пехотинцев и 380 всадников. Тот же Аминта привел в качестве телохранителей 50 взрослых сыновей из

---

¹⁷⁹ Arr. II, 20, 5.

¹⁸⁰ Curt. V, 3, 11.

¹⁸¹ Arr. III, 5, 1.

¹⁸² Curt. IV, 6, 31.

македонской знати¹⁸³. Те же цифры приводит и Диодор. Расхождение имеется у него только в отношении количества всадников, прибывших из Пелопоннеса. Курций считает, что их было всего 380 человек, а Диодор — немного меньше 1000¹⁸⁴.

Другие на вербованные отряды, вероятно, подходили во время марша в Сузы и в самих Сузах. Пехотинцы распределялись между полками по племенам, а всадники назначались в конницу «друзей»¹⁸⁵.

Курций указывает, что когда Александр перешел из Персиды в область Мидии, он встретился с пополнением войска из новобранцев, шедших из Киликии. Пехотинцев было всего 5 тыс.; всадников — 1 тыс. Теми и другими командовал афинянин Платон¹⁸⁶.

Зимой 329/28 гг. до н. э., по данным Курция, к Александру в Среднюю Азию подошли большие пополнения греческих наемников из западных областей. Курций указывает, что в этом году он получил пополнение в 16 500 пехотинцев и 2500 всадников, т. е. 19 тыс. человек¹⁸⁷.

Значительное пополнение Александр ожидал для осуществления индийской кампании. В это же время он послал офицеров для вербовки солдат, чтобы привести свежие силы, на этот раз из Македонии¹⁸⁸. Правда, отсюда лишь в 323 г. до н. э. прибыл контингент конницы. Наконец, имеются данные у Диодора о том, что на обратном пути у реки Акесин из Эллады к Александру пришли под командой стратегов союзники и наемники: пешего войска больше 30 тыс., всадников немного меньше 3 тыс. Привезено было полное и превосходное воору-

---

¹⁸³ Curt. V, 1, 40—42. Характерно, что среди подкреплений, которые Александр получил в конце 330 г., Курций называет 6 тыс. человек из Лидии *Pergedius miles*, как он говорит и 300 всадников из этой страны. Следовательно, и жители Малой Азии привлекались тогда к военной службе. (Curt. VI, 6, 35). Подчеркивает Курций (VII, 10, 12) и прибытие отрядов из Сирии и Лидии на зимние квартиры в Бактру в 329/28 гг. до н. э. (Ср. Arr. IV, 7, 2).

¹⁸⁴ Diod. XVII, 65, 1.

¹⁸⁵ Arr. III, 16, 10—11.

¹⁸⁶ Curt. V, 7, 12.

¹⁸⁷ Там же, VII, 10, 11—12.

¹⁸⁸ См.: Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse*, S. 332; ср. Arr. IV, 18, 8.

жение для 25 тыс. пехотинцев и на 100 талантов лекарственных снадобий. Все это было роздано солдатам ¹⁸⁹.

Если на основании этих данных произвести общий подсчет контингентов, прибывших в разное время на Восток в качестве пополнения армии Александра, то этот подсчет даст внушительную цифру 81 950 человек ¹⁹⁰. Из них македоняне составляли лишь 9900 человек (т. е. всего 12%), греки 43 750 человек, варварские племена и наемники 28 300 человек. Таким образом, греки, варвары и наемники составляли преобладающее большинство войск, пополнивших на Востоке военную машину македонского царя. Варварские вооруженные силы в более широких масштабах, чем это случалось раньше, стали привлекаться на службу в войске Александра. Это прежде всего вызывалось крайней необходимостью. Сил македонян, а также тех эллинских наемников, которые поступили на службу к Александру после падения власти Ахеменидов, было явно недостаточно для чрезвычайного расширения военных задач. Уже сохранение вновь покоренных стран требовало весьма значительных людских резервов. Когда нам сообщают, что Александр перед своим вступлением в Индию оставил под командованием Аминты в Бактрии 10 тыс. пехотинцев и 3,5 тыс. всадников, это является доказательством не только большой важности поста, доверенного

¹⁸⁹ Diod. XVII, 95, 4.

¹⁹⁰ Подсчет сделан нами на основании приведенных данных источников. Его следует считать приблизительным, суммарным, показывающим общую тенденцию. Источники не дают нам возможности сделать более точные подсчеты. Это связано с тем, что не все авторы указывают цифры пополнения. Кроме того, имеются между этими авторами разночтения или лишь общие указания о послке войск Александру, без уточнения количества (особенно у Курция). Не всегда удается установить количество по родам войск. Например, о прибывшем в Сидон контингенте указывается лишь число без подразделения на пехоту и конницу. Источники дают возможность установить следующую картину:

пополнение	пехота	конница	итого
1) прибыло в Гордий	3000	550	3 550
2) прибыло в Сидон (Финикию)	не указ.	не указ.	4 000
3) прибыло в Египет	400	500	900
4) прибыло в Вавилон	13 500	2 000	15 500
5) прибыло в Мидию	5 000	1 000	6 000
6) прибыло в Ср. Азию	16 500	2 500	19 000
7) прибыло в Индию	30 000	3 000	33 000

Аминте, но одновременно показывает, какое большое количество войск было необходимо для гарнизонов во вновь завоеванных областях¹⁹¹. Постоянные эти пополнения были включены в основной состав армии и послужили македонскому царю причиной введения организационных изменений в войсках. В силу особенностей источников установить эти изменения мы можем только в общих чертах. Прежде всего, к первоначальным 6 полкам (таксисов) македонской фаланги, как это, во всяком случае, было еще в битве у Гавгамел, был создан еще новый седьмой полк. В более позднее время мы находим большее число таких полков. В начале индийской кампании их было по меньшей мере 11¹⁹². Другое распределение мы видим также у конников и гетайров, образованных раньше по местным или городским округам. Последнее определенное упоминание о формировании войск по племенам и местностям мы находим вскоре после битвы при Гавгамелах, в конце 331 г. до н. э.¹⁹³ Во время распределения воинов в конницу гетайров Александр создал новую организацию, разделив до сих пор не разделенные подразделения конницы (илы) на 2 эскадрона (лоха) и дав каждому из них своего собственного командира эскадрона — лохага. Этим должна была быть придана подразделениям большая подвижность. Это мероприятие явилось началом военных реформ, осуществленных позднее¹⁹⁴.

С военной и политической стороны сущность походов Александра изменилась коренным образом после его победы над персидским царем. Армия Дария была разбита и рассеяна. Время больших сражений прошло. На смену им пришла малая война, с особой, свойственной ей тактикой, которая требовала нового руководства войском и другого войска. В новых условиях партизанской борьбы противников македонская фаланга нуждалась в большей гибкости и маневренности. Особенно в Средней Азии, в борьбе с отличными конными отрядами бактрийцев и согдийцев, тяжеловооруженная македонская фаланга не могла вообще найти применение, вследствие

---

¹⁹¹ Arr. IV, 22, 3; ср. J. Kaerst, *Op. cit.*, S. 357.

¹⁹² Ср. Arr. IV, 22, 1, 7; 24, 1, 10.

¹⁹³ Arr. III, 16, 11.

¹⁹⁴ U. Wilcken, *Alexander der Grosse*, S. 132.

чего Александр нуждался в новой тактике, предполагавшей при наступлении разобшение войска на отдельные колонны, которые благодаря объединению различных видов оружия под руководством единого командира могли бы быть самостоятельны и находчивы, но в случае необходимости опять собираться вместе¹⁹⁵. Фаланга, которая не была в состоянии участвовать в стремительных походах и вести успешную борьбу с новой тактикой противника, которого предстояло покорить, стала, по выражению Ф. Энгельса, излишней¹⁹⁶. Македонская фаланга стала уступать место легким войскам и коннице¹⁹⁷. Наряду с фалангой, гипаспистами и греческими наемниками Александр еще с самого начала преобразовал критских стрелков из лука, фракийских и агрианских метателей копий¹⁹⁸. С течением времени лучники все больше увеличивались в числе и применялись чаще. Их подразделения комбинировались с фалангой и гипаспистами. Эти войска пополнялись местными людьми, особенно персами. Последние принесли в македонскую армию свое специфическое оружие и свою тактику. Основным оружием был персидский лук, который Александр «поднял из пренебрежения и забвения и объединил с фалангой»¹⁹⁹.

---

¹⁹⁵ U. Wiicken. *Alexander der Grosse*, стр. 146.

¹⁹⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 355—356.

¹⁹⁷ Fr. Altheim. *Alexander und Asien*, S. 73—74.

¹⁹⁸ Критские лучники и агриане довольно высоко ценились Александром за их высокие боевые качества. Они встретили и сломили атаку скифских колесниц при Гавгамелах, решили исход битвы при Яксарте, сражались против слонов Пора и предназначались быть прикрытием одной из главнейших атак в первый день при Аорне, которая, однако, не произошла. О поражении агриан нет свидетельств. Имеется одно свидетельство о поражении критян. Во время балканского похода по пути к Дунаю, когда местные племена напали на повозки впереди армии, критяне были отброшены, а агриане выступали. Александр, как указывает Тарн, это помнил, и через несколько лет при Яксарте он лично повел критян через реку впереди армии, чтобы очистить место для высадки другнх. Так он дал возможность взять реванш. Что касается агриан, то они были в каждой идущей колонне, которой руководил Александр, и играли важную роль в его генеральных сражениях. Они никогда не восставали, не роптали, не звали назад. (W. Tarn. *The hellenistic military and naval developments*, p. 21—22; A. R. Burn. *Op. cit.*, p. 85).

¹⁹⁹ Fr. Altheim. *Op. cit.*, S. 74.

Более резкие изменения произошли в коннице, в том роде войск, который сыграл исключительно важную роль в победе при Гранике, Иссе и Гавгамелах.

В Иране и Средней Азии, особенно после подавления оппозиционных настроений в среде непосредственного окружения Александра, тяжеловооруженная конница гетайров, находившаяся раньше под командованием Филоты, была разделена на две части под руководством новых командиров Гефестиона и Клита. Даже своим лучшим друзьям Александр не доверял больше общего командования всей конницей. Бажные изменения произошли и в личном составе. Сходит со сцены прежнее руководство, которое заменяется «друзьями» Александра и вождями педзатайров, ставших командирами конных или смешанных частей войск (Клит, Пердикка, Кен, Пифон, Кратер, Леоннат)²⁰⁰.

Начиная с 328 г. до н. э., Александр усиливал конницу, включив в свою армию бактрийскую, согдийскую, а вскоре и иранскую, скифскую и дахейскую конницу, но в качестве особых вспомогательных частей. Впервые встречаются в северной Индии также конные стрелки из лука. Они состояли из дахейцев, живших на северо-восточной иранской границе²⁰¹.

Одновременно с этим развивалась тактика, основанная на преимуществах военной системы степняков-кочевников. Эта тактика предполагала усиление подвижности и маневренности, развитие стремительного натиска и организацию преследования²⁰².

В македонской армии стал шире практиковаться рассыпной строй. Свою силу он особенно показал в борьбе с Пором. Битва при Гидаспе является первой битвой, которая была выиграна не в наступлении. Предоставив отдых только что пришедшей на поле боя фаланге, Александр приказал коннице рассыпаться цепью по тактике кочевников. Согласно этой тактике конные

---

²⁰⁰ Агг. VII, 12, 4.

²⁰¹ Тарн полагает, что включение Александром в состав армии конников восточных областей являлось продолжением установленной Ахеменидами традиции набирать войска из сатрапий и ряда других областей (W. Taft, Alexander the Great, vol. I, p. 72).

²⁰² А. Росляков. Из истории военного искусства туркмен. — Труды Ашхабадского гос. пед. ин-та им. М. Горького, вып. I. Исторические науки. Ашхабад, 1947, стр. 47—54.

лучники должны были начать наступление на левое крыло конницы противника и градом стрел внести в его ряды смятение. Способ борьбы, которым пользовались парфяне, позднее не без успеха был применен Александром²⁰³.

После Иссы и Гавгамел фаланга была применена еще только в битве против слонов Пора. Она уступила место легким войскам и коннице²⁰⁴. Тарн не без основания утверждает, что если бы Александр не использовал в Средней Азии рассыпной строй, он, несомненно, разделил бы судьбу Красса при Каррах²⁰⁵.

После битвы при Гавгамелах перед походом в Индию Александром были сформированы новые вооруженные подразделения; особенно легковооруженная конница, так называемые гиппоконтисты (всадники, мечущие копья), которые, вероятно, как и гиппотоксоты (всадники с луками), образовывались из варваров²⁰⁶.

Военные реформы Александра, начавшиеся в 331 г. до н. э., стали проводиться поэтапно. Незначительные военные изменения, проводившиеся в армии в 331 г. до н. э., закончились через 4 года, в 327 г. до н. э., перед вторжением в Индию более важными реформами, которые в военном и политическом отношении способствовали развитию нового по характеру войска²⁰⁷.

Все эти важные преобразования имели два основных результата политического и военного характера. Политический результат военных реформ состоял в том, что они привели к ослаблению и даже к полному уничтожению определяющей роли в армии политических противников политики Александра. Для этого осуществлялись следующие мероприятия:

1. Верховное командование над всей тяжелой пехотой (педзатайры), принадлежавшее первоначально Пармениону, верховное командование над всей конницей знати (гетайры), принадлежавшее его сыну Филоте, командование над легкой конницей, принадлежавшее Гегелоху, другу Пармениона,— были ликвидированы. Появились и новые люди у руководства армией: Кратер

²⁰³ Fr. Altheim. Op. cit., S. 76.

²⁰⁴ Там же, стр. 73.

²⁰⁵ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 69.

²⁰⁶ Agr. III, 24, 1 и сл.

²⁰⁷ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 293—295.

занял место Пармениона, Пердикка стал телохранителем, Селевк командовал гипаспистами, выдвинулся Кен после его победы над Спитаменом.

2. Подразделения педзатайров и, вероятно, тысячи гипаспистов в организационном отношении стали самостоятельными, и их число увеличилось. Что касается подразделений конницы из знати, то они были сделаны независимыми друг от друга и, кроме того, благодаря присоединению к ним легкой конницы, а также греческой — образовали самостоятельную гиппархию. Этим было окончательно уничтожено организационное единство и значительно подорвана военная мощь конной знати, склонной к оппозиции. Александр мог сейчас, учитывая те или иные обстоятельства, из какой-либо гиппархии вместе с любым подразделением педзатайров или с гипаспистами малого войска образовать вид военной группировки или же опять распустить ее.

Военный результат реформ состоял в применении новых видов оружия и тактики боя.

1. Начиная с 331 г. до н. э., почти не было воинского пополнения из Македонии ²⁰⁸. С этого времени стали прибывать очень сильные контингенты вновь набранных греческих наемников. Это обстоятельство заставило чисто македонский вид оружия пополнить греческим.

2. Включение в армию местного элемента и новые условия ведения войны привели к необходимости использования и восточного оружия и восточных форм ведения войны.

Военные нововведения дали возможность Александру использовать по мере надобности объединенный удар и применить хорошо согласованные друг с другом отдельные части войска ²⁰⁹.

В Индии у Таксилы Александр реорганизовал свою конницу. Он отделил агему и подчинил ее своему собственному командованию, а из остальных (кроме конных копьеметателей и наемников) он составил 5 гиппархий, по 1 тыс. в каждой, из них первые 4 содержали

---

²⁰⁸ Утверждение Вилькена о том, что на далекий Восток всегда прибывали пополнения не только из Греции, но и из Македонии, не подтверждается источниками.

²⁰⁹ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 294.

по эскадрону в 300 человек и были дополнены восточными иранскими всадниками. Командирами 4 гиппархий были Гефестион, Пердикка, Кратер, Кен. Пятая гиппархия под командованием Деметрия состояла главным образом из иранцев²¹⁰.

В то время как Александр почти во всех центрах своих сатрапий был вынужден оставлять более или менее сильные греко-македонские гарнизоны, которые там обычно оседали, укреплялись, вживались в местную жизнь, проникались местными обычаями и постепенно теряли строго военный характер, местные элементы, вошедшие в ряды македонской армии, приобщались к македонской дисциплине и начали эллинизироваться²¹¹.

Войско, которое Александр привел в Индию, как числом, так и своим составом и организацией было совершенно другим, чем в первые 4 года азиатского похода, так как были введены изменения частично уже во время восточно-иранских битв.

Войско Александра стало очень пестрым. Оно объединяло многие тысячи персов, бактрийцев, согдиан, а также дахейцев и саков с македонянами и греческими наемниками. Введение сильного восточного элемента в военную машину ослабило ее македонскую основу. Это обстоятельство, с одной стороны, таило много политических противоречий, с другой — вызывало необходимость внедрения военных новшеств.

Достоверно численность армии в индийском походе не установлена. Осенью 326 г. до н. э. войско Александра должно было вместе с пришедшими сюда индийскими отрядами составлять более 120 тыс. человек²¹². Правда, эта цифра в науке оспаривается²¹³. Но для нас

²¹⁰ W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 92—93.

²¹¹ *Collection Genies et Prealites. Alexandre le Grand*, p. 73.

²¹² *Arr. Ind.* 19, 5; ср. *Curt. VIII*, 5, 4; *Plut. Alex.* 66. Последний приводит цифру 120 тыс. человек пехоты и 15 тыс. конницы.

²¹³ Ее поддерживают Жуге (*Указ. соч.*, стр. 91—92) и Вилькен (*Alexander der Grosse*, S. 165). Г. Дельбрюк, наоборот, не считает правдоподобным количество войск Александра в индийском походе, которое исчислялось в 100—120 тыс. человек. Во все отвергая данные Курция, он также указывает, что Арриан в «Анабасисе» не дает никакого общего числа войск, упоминая это число только в «Индике». Дельбрюк делает предположение, что древний историк здесь принимал в расчет и массовые призывы индий-

в данном случае имеет значение не количество, а качество войск, которые, по данным Арриана, состояли в Индии из «всевозможных варварских народов, вооруженных всеми возможными способами»²¹⁴. Ряд народностей, как финикийцы, египтяне, киприоты, малоазиатские и островные греки, упоминаются Аррианом как моряки²¹⁵. Воины Арахозии, Парапамиса, Бактрии, Согдианы и из страны дахов — как всадники²¹⁶. Все это говорит о довольно пестром этническом составе армии Александра, участвовавшей в индийской кампании. Тут были старые заслуженные македоно-эллинские отряды, большей частью вооруженные новым оружием, прибывшим с Запада, тут было значительное пополнение из наемников и вновь набранных фракийцев, которое только что прибыло на Гифасис, тут были всадники из Арахозии, Согдианы и Скифии, тут были индийские контингенты, отряд боевых слонов²¹⁷.

Наряду с традиционным незначительным притоком

ских царьков, из которых многие были фиктивными. Но и помимо этого остается неизвестным, откуда явилось это число и достоверно ли оно. С его точки зрения, цифры в «Индике» взяты из сомнительного источника. (См. Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. I, стр. 186). Американский историк Чарльз Александр Робинсон полагает, что в указанное Плутархом число воинов, ушедших с Александром в Пенджаб, включаются также женщины и дети, ученые и писатели, и поэтому это число оказывается таким большим. (A. Robinson. Alexander the Great. New-York, 1947, p. 74). Более категоричным в суждениях по этому вопросу является Тарн. Он считает цифру, указанную в источниках, смехотворной. По его мнению, армия, вторгнувшаяся в Индию, если даже все подразделения были полностью укомплектованы, не превышала 30 тыс. человек. Это означает, что она была меньшей силой, чем та, с которой Александр пересек проливы; но если считать всех жен и детей, солдат и моряков, техников и писателей, торговцев и следующую за лагерем вспомогательную прислугу, то число людей в лагере Александра было действительно большим. По выражению М. И. Ростовцева, армия стала движущимся государством. (См.: M. Rostovtzeff. The social and economic History of the Hellenistic World, vol. I. Oxford, 1941, p. 143—147).

²¹⁴ Arr. Ind. 19, 5.

²¹⁵ Arr. Ind. 18.

²¹⁶ Arr. V, 3; 12, 2.

²¹⁷ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 327. Такая пестрота качественного состава армии Александра была вызвана новой сложной обстановкой, в которой македонский полководец оказался на Востоке, а не тем, как думает Робинсон, что армия становилась «школой смешения рас» (A. Robinson. Op. cit., p. 173).

наемников из Греции и Малой Азии, мы видим и значительный набор персидских войск в соответствии с новым отношением Александра к персам, а также в связи со значительными потерями вследствие битв и тягот войны²¹⁸.

Перед походом в Индию, как отмечает Плутарх, Александр поручил сатрапам восточных сатрапий тщательно отобрать молодых персов из персидской знати в количестве 30 тыс.²¹⁹ Их он назвал «эпигонами» и приказал обучить по македонскому образцу, писать и говорить по-гречески. Обученные македонской тактике и вооружению, они появились во время пребывания Александра в Сузах в его лагере. На параде в Сузах эти молодые персы были включены как самостоятельный отряд в состав армии. При реорганизации войска, которая была необходима после возвращения из Индии, Александр соединил македонские и персидские отряды конницы, в которую включены были также кроме персов лучшие всадники из племен бактров, согдийцев, парфян и других представителей среднеазиатского населения.

Если до сих пор азиатские контингенты, набравшиеся сатрапами, составляли отдельные соединения, никогда не смешивавшиеся с македонскими формированиями, то после свадб в Сузах Александр счел момент подходящим для непосредственного включения персов в основные соединения армии, особенно в конницу²²⁰.

Так, в Сузах началось формирование новой конницы. Старые гиппархии (временно их число было понижено до 4, а затем опять увеличено до 5) сохранили только свое имя. Прежде каждая из них состояла из илы, гетайров и из сотей других македонских и греческих всадников. Теперь доступ в них был открыт для персов и представителей местных племен. Отдельные, особо выдающиеся персы из знатных семей, в част-

---

²¹⁸ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 144.

²¹⁹ Plut. *Alex.* XLVII.

²²⁰ Конница, как известно, до этих нововведений считалась привилегией македонской аристократии. Теперь эти привилегии и древнемакедонские институты разрушались, что и вызвало крайнее недовольство многих македонян. (См.: Benoist-Mechin. *Alexandre le Grand on la Reve depasse*. Clair fontaine. Lauzanne, 1964, p. 166—167).

ности, брат Роксаны и сыновья сатрапов, чья лояльность не вызывала сомнений, даже были приняты в «агему-гвардию», самый знатный отряд македонской конницы ²²¹.

После того как в Описе ушли домой не менее 1500 македонских всадников, в каждой гиппархии осталось едва ли больше сотни македонян, остальное количество состояло из греков и иранцев. Таким образом, особое положение илы по сравнению с другими подразделениями было ликвидировано. Все это означало перемену, которая предоставляла иранским элементам блестящее положение в войске ²²². Александр даже намеревался ввести персидские отряды в македонскую армию с их собственным персидским вооружением ²²³. Эта форма, если бы она действительно была проведена, вышла бы, по выражению Керста, за рамки прежних военных нововведений и означала бы даже определенную варваризацию македонской фаланги ²²⁴. Источники не дают нам возможности создать отчетливой картины того, как и в каком объеме хотел Александр провести эти мероприятия. Мы поэтому можем лишь констатировать самый факт такого стремления, осуществление которого должно было привести к изменениям в самой македонской тактике.

В Вавилон Певкест привел 20 тыс. обученных военному делу персов, а также косеев, тапуров и другие воинственные отряды, набранные из соседних горных областей и вооруженные дротиками и луками ²²⁵. Эти отряды были зачислены в македонскую фалангу. Новые отряды пришли из Кари и Лидии, а конница из Македонии. Подкрепления, привлеченные Александром из разных местностей прежнего Персидского государства, не только из населенных иранскими племенами областей, но из западной Малой Азии, показывают, как он старался непрерывно развивать и совершенствовать новые вооруженные силы для осуществления новых военных задач ²²⁶.

²²¹ Arr. VII, 6; Diod. XVII, 108 и сл.; P. Clouet. Alexandre le Grand, p. 106.

²²² Fr. Schachermeier. Op. cit., S. 403.

²²³ Arr. VII, 23, 3 и сл.

²²⁴ J. Kaerst. Op. cit., S. 378.

²²⁵ Arr. VII, 23, 1; Diod. XVII, 110, 2.

²²⁶ J. Kaerst. Op. cit., S. 418; см. Arr. VII, 23, 1.

Приход новых военных сил, в особенности 20 тыс. персов, побудил Александра в 324 г. до н. э. к еще более глубоким военным реформам. Они по существу были только начаты, но до конца не проведены. Вместо прежнего видимого равноправного соединения македонских и персидских войсковых частей, которое было совершено в Описе скорее в пылу спора, чем по спокойному рассуждению, теперь должно было, по выражению Вилькена, произойти действительно смешение обоих народов в военном единстве, что более соответствовало его политическим интересам²²⁷. Это означало полнейший отказ от старой македонской фаланги. Александр сам разрушил армию, которую создал его отец Филипп и которая была инструментом его собственного успеха²²⁸. Последние часы существования фаланги наступили тогда, когда были отпущены македонские ветераны в Описе и в некоторых полках оставалось не более 200 македонян. Если мы примем во внимание, что количество греческих элементов, вошедших в состав армии с 330 г. до н. э., значительно уменьшилось из-за оставления их в восточной пограничной армии и из-за потерь в гедрозийской пустыне, то мы увидим, что в основных отрядах пехоты осталось не больше половины старого состава. От старого войска осталось только 13 тыс. пехотинцев и 2 тыс. всадников. Причем из них около 4—5 тыс. македонян. Остальные могли состоять из греческих наемников. В огромной армии македоняне составляли самое большее четырнадцатую часть²²⁹.

Время и обстоятельства настоятельно требовали важных нововведений, над которыми работал в течение всего последнего года Александр. В этой связи дошла до нас ценная деталь его тактической реформы по расчленению фаланги в глубину. На 16 рядов каждой боевой единицы фаланги было решено только 4 сделать македонскими: 3 первых ряда и последний. Остальные 12 рядов оставались азиатскими, вооруженными лу-

---

²²⁷ U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 217.

²²⁸ Г. Лэмб полагает, что Филипп создал гражданскую армию, а Александр армию наций (G. Lamb. *Op. cit.*, p. 349). Эту мысль проводит и Катрлз (A. Cutrules. *Op. cit.*, p. 300). Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что даже изменившийся состав армии сделал ее армией наций.

²²⁹ F. Schachermeug. *Op. cit.*, S. 406.

ком или коротким копьем²³⁰. Каждая самая меньшая войсковая часть — декадархий — должна была состоять из 4 македонян, 2 из которых — декастеры — были вооружены как педзатайры, 2 были командирами — декадарх и демуарит, и из 12 персов, вооруженных частично луками, частично дротиками. Таким образом, декадархий состоял из 16 человек, из которых руководящее ядро: декастер, демуарит и декадарх были македонянами. Вооруженные, они стояли на 3 самых первых местах. Заключаящим был также македонский гоплит. Таким образом, командование оставалось в руках македонян. Здесь впервые было испробовано органическое соединение различных видов оружия в одном подразделении²³¹.

Следует, однако, отметить, что этот своеобразный военный эксперимент был вызван условиями восточной жизни и определялся восточной политикой Александра. В самой Македонии и на Балканах старая фаланга, естественно, продолжала существовать. Но эксперимент остался экспериментом. После смерти его автора македоно-персидское войско никогда не вступало в действие. Военные мероприятия Александра в этом направлении его последователями были отброшены.

Однако изменение состава армии во время похода не меняло ее основной сути. Поэтому нельзя согласиться с точки зрения Ф. Шахермейра, который считает, что Александр прежде всего в новой армии видел «совсем не инструмент для ведения войны, а инструмент политики внутреннего компромисса»²³². Неверно и утверждение американского историка Александра Джеймса Катрлза, который писал, что армия македонского полководца имела только цель обеспечить международную безопасность его царства, «была готовым инструментом войны, чтобы установить всеобщий мир...»²³³. Совсем не отвечает действительности указание Тарна на то, что македоняне привнесли в войну

---

²³⁰ A. Burn. *Op. cit.*, p. 248; P. Cloche. *Alexandre le Grand*, p. 111—112.

²³¹ U. Wilcken. *Op. cit.*, S. 218; Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 405.

²³² Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 406.

²³³ Cutrules Alexander James. *Invictus. A history of Alexander the Great*. Vantage Press. New-York, 1958, p. 300, 331.

честность и доверчивость, что они, как правило, не практиковали зверства. «Македонская война была более гуманна, чем греческая и римская». Ссылаясь на Полибия (Полюб. XVIII, 3, 4—8), он утверждал, что ни один город не был разрушен в течение века Александра. Выискивая примеры гуманного отношения к врагу, он забыл о судьбе Фив, Галикарнаса и многих других городов²³⁴. В действительности войско Александра с самого начала восточных походов выполняло программу завоеваний, направленную на покорение и эксплуатацию земель и богатств Востока. В ходе осуществления этой программы ее экономические и политические аспекты усложнялись, а новые обстоятельства реализации этой программы с неумолимой необходимостью требовали совершенствования военной машины применительно к новым условиям. Этому вопросу на протяжении целого десятилетия невиданной до того времени по размаху военной кампании штабом македонской армии придавалось большое значение.

На основе военного опыта своих предшественников, главным образом Ификрата, Эпаминонда и Филиппа, Александр и его соратники умело организовали свои военные силы, используя при этом не только македонян, но и другие народности, прежде всего греков и фракийцев, позднее народности Востока. Александр и его соратники отказывались от шаблонов и традиций, устаревших в новых условиях, овладевали новым тактическим мастерством, искусно применяя его в различных ситуациях²³⁵. Огромные расстояния, пройденные по неизвестным странам Востока, требовали очень высокой степени организованности. Александр искал и находил простейшие пути к победе, опрокидывал все устоявшиеся правила ведения войны.

Александр сумел овладеть разными тактиками боя. Он первый широко применил тактику соединения оружия, был мастером комбинировать различные виды оружия. Он воевал зимой, доказав преимущества зим-

---

²³⁴ W. Tarn. The hellenistic military and naval developments. New-York, 1966, p. 49.

²³⁵ Тарн подчеркивает, что «македоняне революционизировали войну». С его точки зрения, «великие перемены заключались не в том или ином техническом усовершенствовании, а в придании нового духа». W. Tarn. The Hellenistic military..., p. 49.

них кампаний. Этого ни один из древних полководцев не пробовал до него делать. Так, Александр атаковал горные племена зимой, когда снег держал их в долинах.

Александром был введен метод активного достижения врага и немедленной его атаки, без отдыха. Сам он говорил, что своим успехом обязан тому, что никогда ничего не откладывал. Скорость передвижений и стремительность ударов доведены им до предела. Отдых он давал в разных местах по-разному.

Очень важным элементом атаки Александра был принцип разделения марша единой атаки. Он ввел схему марша в двух главных подразделениях: одно имело все, что необходимо было для преодоления препятствий на марше, другое шло налегке. Когда же должно было наступить сражение, вся армия соединялась вновь. Принцип Александра: «идти раздельно, но воевать вместе»²³⁶.

Опираясь на богатый опыт Филиппа II, его сын придавал большое значение преследованию противника до конца. Александр первый предпринял преследование после большой битвы. Он также обращал внимание на важность морального эффекта.

Вместе с тем нельзя забывать указания Ф. Энгельса о том, что «каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории применением новых комбинаций, является либо изобретателем новых материальных средств, либо первый находит правильный способ применения новых средств, изобретенных до него»²³⁷.

Армия Александра использовала все достижения, имевшиеся в области развития военного дела и техники того времени. Боевой путь греко-македонских войск на Восток, стратегия и тактика их полководца, способы борьбы внесли много нового в военное искусство, способствовали его дальнейшему развитию.

Однако, чтобы избежать идеализации выдающихся личностей в области военного дела, следует не забывать важнейшего положения марксизма о том, что все орга-

---

²³⁶ W. Tarn. Alexander the Great, vol. I, p. 125—126; Iozef Modvzejewski. Alexander Macedonski. Warszawa, 1961, s. 268.

²³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 513.

низационные, тактические и стратегические формы армии не могли быть созданы полководцами, как бы гениальны они ни были. Их выдвигала сама жизнь, социально-экономические условия того или иного исторического периода. Гениальные полководцы, правильно поняв современные им условия, подмечая возникшие новые формы войны и боя, лишь приспособляют способ ведения боя к новому оружию и к новым бойцам²³⁸. Ничто так не зависит от уровня производительных сил и характера производственных отношений, как армия, ее организация, стратегия и тактика²³⁹. И это положение должно быть решающим при рассмотрении сущности всех военных преобразований Александра.

§ 3. Соратники Александра

Среди соратников Александра прежде всего следует назвать красавца и атлета Гефестиона, сына Аминтора, македонянина из Пеллы²⁴⁰. Он был самым любимым из друзей царя, вырос вместе с ним, был поверенным всех его тайн и в качестве ближайшего личного друга в кругу гетайров занимал с самого начала единственное в своем роде положение²⁴¹.

Активное участие Гефестиона в восточных походах подтверждается многочисленными фактами. Он выполнял ответственные задания Александра: упорядочил управление городом Сидон²⁴², руководил походом флота от Тира до Египта²⁴³, выполнял ряд дипломатических поручений. В битве при Гавгамелах, во время которой был ранен, сражаясь рядом с царем, Гефестион встречается как начальник телохранителей (σωματοφύλακῆς)²⁴⁴. Это была его первая военная должность²⁴⁵. После процесса Филоты он вместо этой должности получает новую, а именно — руководство одной из двух

²³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 171.

²³⁹ Там же, стр. 650.

²⁴⁰ Arr. VI, 28, 4; Arr. Ind. 18, 3.

²⁴¹ Curt. III, 12, 16; Ps. Call. I, 18; Arr. II, 12, 6; Just. XII, 12, 11; Diod. XVII, 37, 5; ср. Arr. VII, 14, 6; 16, 1; Diod. XVII, 114, 1, 3.

²⁴² Diod. XVII, 47, 1 и сл.; Curt. IV, 1, 15 и сл.

²⁴³ Curt. IV, 5, 10.

²⁴⁴ Arr. III, 15, 2; Diod. XVII, 61, 3; Curt. 16, 32.

²⁴⁵ См.: Н. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 357.

гиппархий, на которые тогда была разделена конница гетайров²⁴⁶. Другую гиппархию получает Клит. По-видимому, это руководство он сохраняет до большой реформы гиппархий, имевшей место в 329/27 гг. до н. э. В эти годы особенно ярко проявляются стратегические способности Гефестиона. Подтверждением этому могут служить его действия в Согдиане и Бактрии²⁴⁷. С этого времени он почти везде появляется на ответственных постах и становится первым полководцем царя. Когда начался индийский поход, Гефестион вместе с Пердиккой получил командование над частью войска, состоящей из таксис Гордия, Клита и Мелеагра, а также из половины конницы гетайров и конных отрядов наемников. Мы, к сожалению, не знаем, кто из них имел главное руководство. Нам известно, что в Индии они оба, сопровождаемые Таксилем, укрепляли здесь позиции македонян²⁴⁸. В битве при Гидаспе видим Гефестиона в качестве руководителя гиппархии в наступающей македонской коннице²⁴⁹. Вскоре после этой битвы во главе двух таксисов, со своей гиппархией и гиппархией Деметрия, а также с лучниками, Гефестиону поручалось завоевать область Пора и прилегающие к ней земли. Несколько позднее он был назначен командующим триерами речного флота, боролся с непокорными местными племенами, основал по приказу Александра города, сооружал пристани и верфи, вместе с ним разделял труднейший поход через Гедрозию.

У Гефестиона не было никаких колебаний в проведении восточной политики. Планы Александра он всецело принимал и никогда не критиковал, был непримиримым противником антиалександровской оппозиции, участвовал в осуждении Филоты, выступил против Каллисфена и оклеветал его.

Александр баловал и возвышал Гефестиона, оказывал ему самые высокие почести. Для него он создал звание «хилиарха», подымавшее его до первого высо-

---

²⁴⁶ Arr. III, 27, 4; ср. Diod. XVIII, 3, 4; Appian, Syr. 57.

²⁴⁷ Arr. IV, 16, 2—3; Curt. VIII, 1, 1, 10; ср. Strabo, XII, 517; Just. XII, 5.

²⁴⁸ Arr. IV, 22, 7—8; Curt. VIII, 10, 2—3; 12, 6—15.

²⁴⁹ Curt. VIII, 14, 15. Здесь Гефестион уже выступает в новой должности гиппарха, образовавшейся с 329 г. до н. э., а не в прежней форме командования половиной конницы гетайров.

копоставленного лица в государстве. Должность хилиарха осталась за ним пожизненно и не была никем заменена даже после его смерти²⁵⁰. Гиппархия, которой он командовал, должна была носить его имя навсегда. Когда Гефестион в октябре 324 г. до н. э. византично заболел лихорадкой и неожиданно в расцвете сил скончался, Александр три дня оплакивал его как самого близкого и дорогого человека. По стране был объявлен всеобщий траур. Тело Гефестиона было перевезено в Вавилонию. Похороны происходили с большой пышностью²⁵¹. В его погребальный костер Александр бросил оружие, золото, серебро и драгоценную персидскую одежду²⁵². Гефестион стал почитаться как герой²⁵³.

Не менее ценным соратником Александра был Кратер, знатный македонянин из области Орестиды²⁵⁴. Он являлся одним из самых значительных полководцев царя, находился в числе его гетайров²⁵⁵. По всей вероятности, с начала восточных походов, Кратер руководил таксисом педзатайров, рекрутированных из его родной области Орестиды²⁵⁶. В этой должности он находился при Гранике на левом крыле македонской фаланги вместе с Мелеагром и Филиппом. В битве при Иссе, выполняя ту же обязанность, он командовал пехотой левого крыла, т. е. таксисами Аминты, Птолемея, Меле-

---

²⁵⁰ Arr. V, 21, 5; VI, 2, 2; 4, 1; 13, 1; 15, 4—5; 17, 4; 18, 1; 20, 1; Arr. Ind. 18, 3; 19, 1; Curt. IX, 1, 35; Diod. XVII, 91, 1; 93, 1. Ф. Шахермейр видит в Гефестионе соратника царя (F. G. Schachermeyr, Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien, 1970, S. 36).

²⁵¹ Сюда были доставлены 3 тыс. музыкантов, певцов, артистов, атлетов для исполнения погребального обряда. Александр построил Гефестиону роскошный надгробный памятник, наподобие вавилонских храмов-башен. Больше 240 золотых носовых частей судов украшали первый этаж, орлы и змеи — следующий. Третий украшали звери на охоте, четвертый — бой кентавров из золота, пятый — быки и львы, тоже из золота. Выше этого до самой вершины размещалось различное западное и восточное вооружение. На все это была истрачена огромная сумма денег, исчислявшаяся в 10 тыс. талантов (См.: F. G. Schachermeyr, Op. cit., S. 423).

²⁵² Элиан. Пестрые рассказы, VII, 8; XII, 7.

²⁵³ Arr. VII, 14, 2 и сл.; Diod. XVII, 114, 4; 115; Polyen. IV, 3, 31.

²⁵⁴ Arr. Ind. 18, 5.

²⁵⁵ Curt. IX, 6, 6.

²⁵⁶ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 446.

агра, которые находились в его подчинении²⁵⁷. Сам Кратер был здесь под командованием Пармениона, который начальствовал над всем левым флангом²⁵⁸. В последующих военных действиях Кратер продолжал занимать руководящее место среди командиров таксисов, а в случае отсутствия Пармениона — исполнять его должность. Им было проявлено большое мужество при осаде Тира²⁵⁹. В битве при Гавгамелах он сражался со своим таксисом на левом крыле фаланги педзатайров, будучи командующим всей пехоты левого фланга²⁶⁰. Кратер блестяще выполнил операцию против уксиев, вместе с Парменионом перевез персидские драгоценности в Экбатаны, с главной массой войска участвовал в преследовании побежденного Дария²⁶¹.

Свою преданность Александру и его делу Кратер показал как в труднейшей среднеазиатской кампании, так и в не менее трудном индийском походе. Когда обстоятельства требовали от Александра разделения македонской армии, Кратер получил руководство одной из трех частей войска. В Гиркании он участвовал вместе со своим таксисом против тапуров; в Арии, во время опасного возмущения местных племен, был оставлен командовать большей частью войска²⁶². С 329 г. до н. э. Кратер выступает как верный помощник Александра по борьбе с антимакедонским движением в Бактрии и Согдиане. Он был послан для осады сильной крепости Кирополя, участвовал в борьбе со скифами, разбил в победоносном бою конные отряды Спитамена и изгнал их вместе со скифами из Бактрии. Позднее, в 327 г. до н. э., Кратер продолжал решительно уничтожать все очаги антимакедонских выступлений в Средней Азии²⁶³. После выполнения этого своего поручения он примкнул к главной армии, с которой и совершил поход в Индию. Там Кратер продолжал беспрекословно выполнять поручения Александра по покорению новых земель, по

²⁵⁷ Arr. I, 14, 3; II, 8, 4.

²⁵⁸ Arr. II, 8, 4; Curt. III, 9, 7.

²⁵⁹ Arr. II, 18, 6; Curt. IV, 3, 1, 11; Polyæn. IV, 13.

²⁶⁰ Arr. III, 11, 10; Diod. XVII, 57, 3.

²⁶¹ Arr. III, 17, 4—5; 18, 4; 21, 2; Curt. V, 4, 14—34; 6, 11.

²⁶² Arr. III, 23, 2, 6; 25, 6, 8; Curt. VI, 4, 2.

²⁶³ Arr. IV, 2, 2; 17, 1—2; Curt. VII, 6, 16; 7, 9 и сл., 9, 20—22; VIII, 1, 6.

строительству новых городов и укреплений, по собиранью фуража²⁶⁴. Ему пришлось здесь и командовать флотом, и снова покорять племена, и усмирять мятежников²⁶⁵.

До самой своей смерти Кратер оставался верен Александру. Он решительно выступил против антиалександровского заговора Филоты и немало способствовал неблагоприятному исходу процесса. С Кратером и несколькими другими приближенными советовался Александр ночью перед арестом Филоты; вместе с Гефестионом и Кеном Кратер энергично выступал за применение против него пыток, по Курцию, даже лично присутствовал при этих пытках²⁶⁶. Берве в этом склонен признать факт ревнивой вражды против сына Пармениона, надменное поведение которого особенно раздражало Кратера, любившего всячески подчеркивать свое высокое положение²⁶⁷. Возможно, в этом признании и есть доля истины. Но нельзя отрицать и того, что Кратер видел в Филоте политического противника и опасного врага самого Александра. Кратер, по Курцию, старался убедить царя, что с подобного рода людьми ему придется бороться за свою жизнь. У него много врагов в своей среде, их следует остерегаться. Что касается Кратера и других преданных друзей царя, то они готовы преследовать этих врагов²⁶⁸. Тот факт, что Александр послушался совета Кратера, — лишнее свидетельство его доверия к своему преданному и испытанному полководцу.

О том, что Александр продолжал высоко ценить Кратера, имеются еще и некоторые другие доказательства. Так, во время больших свадебных торжеств в Сузах Кратер был женат на ахеменидской принцессе Амастерине, дочери брата Дария Оксиарта²⁶⁹. После бунта в Описе в 324 г. до н. э. ему было поручено не только руководство отпущенными на родину ветеранами, но и управление Европой вместо Антипатра. Перенять управление Европой означало руководить Македо-

---

²⁶⁴ Arr. IV, 22, 1—2; 23, 5; 24, 7; 25, 5; V, 20, 2; VI, 15, 7; Curt. VIII, 5, 2.

²⁶⁵ Arr. VI, 15, 5; 27, 3; Ind. 18, 5; Curt. IX, 8, 3; X, 1, 9.

²⁶⁶ Plut. Alex. 48; Curt. VI, 8, 17; 11, 10, 14—19.

²⁶⁷ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 222.

²⁶⁸ Curt. VI, 8, 8—9.

²⁶⁹ Arr. VII, 4, 5.

нией, Фракией и Фессалией и «охранять» эллинскую свободу. В то же время Антипатр обязан был привести молодых македонян на смену отосланным домой. Вместе с Кратером в качестве его помощника был отправлен и Полисперхонт, на случай если с полководцем, уже ослабевшим и больным, что-нибудь случится в пути ²⁷⁰.

Это поручение было свидетельством большого доверия, которое оказывал Александр Кратеру. Он продолжал считать его самым верным и, по выражению Арриана, дорожил им пуще глаза ²⁷¹. Здесь, как и раньше, принимался в расчет и тот факт, что Кратер был любим македонянами и пользовался огромным влиянием ²⁷².

Новый ответственный пост требовал не только наличия военных и политических качеств, но и неременной покорности царю, его планам и делам. Всеми этими качествами Кратер, безусловно, обладал, и в его верности и преданности Александру не сомневался.

Исключительной верностью царю отличался другой близкий к нему человек — знатный македонянин Пердикка, сын Оронта, из области Орестиды ²⁷³. При Александре, с самого начала его деятельности, он появляется в полном расцвете своих сил. Впервые мы его встречаем во время битвы с трибаллами в роли руководителя таксиса педзатайров, набранных в областях Орестиды и Линкестиды ²⁷⁴. В этом качестве он участвовал в штурме фиванских укреплений, во время которого был опасно ранен ²⁷⁵.

По утверждению Плутарха, перед восточными походами, когда Александр щедро одаривал своих «друзей», Пердикка отклонил богатые подарки царя, желая разделить с ним надежду на будущее ²⁷⁶.

²⁷⁰ Arr. VII, 12, 3—4. Кратер вышел из Описа с 11 тыс. ветеранов примерно в августе 324 г. до н. э. Вероятно, перезимовал в Сирии и находился до самой смерти в Киликии (Diod. XVIII, 4, 12, 1).

²⁷¹ Arr. VII, 12, 3; ср. Curt. VI, 8, 2.

²⁷² Plut. Eum. 6.

²⁷³ Arr. I, 14, 2; VI, 28, 4; Ind. 18, 5. Курций (X, 7, 8) считает Пердикку происходящим из царского рода. В действительности он происходит из знати Орестиды (ср. Thuc. II, 80), которая, несомненно, была связана родственными узами с царской фамилией.

²⁷⁴ Arr. I, 6, 9; Diod. 57, XVII, 2.

²⁷⁵ Diod. XVII, 12, 3; ср. Arr. I, 8, 1.

²⁷⁶ Plut. Alex. 15.

Руководителем своего таксиса Пердикка появляется в битве при Гранике, затем во время внезапного ночного, правда, безуспешного нападения на Галикарнас, а также на правом крыле в сражении при Иссе²⁷⁷. Самостоятельное командование он получил перед Тиром, когда царь, приняв поход против арабов, оставил его вместе с Кратером командовать войском при осаде города²⁷⁸. При Гавгамелах Пердикка снова появляется во главе своего таксиса из линкестов и орестов в центре македонян²⁷⁹. В последний раз он встречается руководителем таксиса в конце 331 г. до н. э. во время борьбы за персидские горные перевалы²⁸⁰. Позднее он всегда руководил большим контингентом войск. Это повышение по должности, очевидно, было связано с назначением его царским телохранителем в 330 г. до н. э.²⁸¹ С этих пор как в Средней Азии, так и в Индии он выполняет важные поручения Александра. Во время согдийской кампании он участвовал в осаде Кирополя и городов мамакенов, весной 328 г. до н. э. командовал третьей колонной македонских войск, вместе с Леоннатом и Птолемеем руководил осадными работами в труднодоступных местах²⁸².

Когда начался индийский поход, Пердикка вместе с Гепестионом был назначен руководителем отдельной части армии, направлявшейся к Инду в сопровождении Таксила и других индийских царьков. Вероятно, Пердикка командовал отрядами пехоты, а Гепестион конницей. Оба полководца имели задание покорить все земли, лежащие на их пути, или силой присоединить их на договорных началах, а также все приготовить для переправы через Инд²⁸³. Это поручение ими было успешно выполнено²⁸⁴. От Инда Пердикка отправился с войском царя к Гидаспу и принимал участие под его командованием в битве против Пора²⁸⁵. Впервые он появляется

---

²⁷⁷ Arr. I, 14, 2; 20, 5; II, 8, 3; Curt. III, 9, 7.

²⁷⁸ Curt. IV, 3, 1.

²⁷⁹ Arr. III, 11, 9; Diod. XVII, 57, 2.

²⁸⁰ Arr. III, 18, 5.

²⁸¹ Curt. VI, 8, 17.

²⁸² Curt. VII, 6, 19—21; Arr. IV, 21, 4.

²⁸³ Arr. IV, 22, 7.

²⁸⁴ Arr. IV, 28, 5; 30, 9.

²⁸⁵ Arr. V, 12, 1.

здесь в качестве гиппарха, следовательно, руководителем конницы, реорганизованной со времени вторжения в Индию. В самой битве он вместе с Гефестионом руководил наступлением конницы против левого крыла противника²⁸⁶. В дальнейшем принимал участие в покорении городов, в усмирении непокорных маллов, абастенов и др.²⁸⁷.

Пердикка был опытен, смел и отважен, не раз подвергался опасностям, был тяжело ранен²⁸⁸. Элиан в «Пестрых рассказах», отмечая смелость соратника Александра Пердикки, приводит эпизод о том, как последний вошел в пещеру, служившую логовом львице, и унес оттуда ее детенышей. Этот его поступок вызвал всеобщее восхищение²⁸⁹. Человек необычайного мужества, самый воинственный среди телохранителей Александра, он был одновременно способен и на все жестокости, и на обидчивое высокомерие, которое его позднее сделало нелюбимым²⁹⁰.

Пердикка отличался непререкаемой верностью царю и отдал на службу своему хозяину все свои способности и силы.

Источники не отмечают ни одного случая неповиновения со стороны Пердикки. В качестве телохранителя он присутствовал при подготовке ареста Филоты, пытался помешать разгневанному царю в убийстве Клита и нигде ничем не высказывал своих симпатий представителям оппозиции.

Во время большого свадебного праздника в Сузах Пердикка женился на дочери Атропата, сатрапа Мидии²⁹¹. Вскоре после ухода Кратера на запад и смерти Гефестиона, позади которых Пердикка до сих пор стоял, он начинает выдвигаться на первое место. Это подтверждается многими фактами. Именно Пердикке Александр поручил перевезти труп Гефестиона в Вавилон²⁹². Он стал достойнейшим преемником Гефестиона в первой гиппархии конницы гетайров, хотя гиппархия сохра-

---

²⁸⁶ Curt. VIII, 14, 15.

²⁸⁷ Arr. VI, 6, 4, 6; Curt. IX, 1, 19.

²⁸⁸ Curt. IV, 16, 32; Diod. 61, 3.

²⁸⁹ Элиан Пестрые рассказы, XII, 39; ср. III, 23.

²⁹⁰ Diod. XVIII, 33, 2; Just. VIII, 8, 2; Memnon, frgm. 4, 3.

²⁹¹ Arr. VII, 4, 5.

²⁹² Diod. XVII, 110, 8.

нила название и военный знак своего бывшего командира, а новый командир не получил звания хилиарха своего предшественника²⁹³. В последние дни жизни царя Пердикка особенно был близок к нему. Об этом говорит то, что умирающий Александр именно ему передал царский перстень с государственной печатью как своему преемнику²⁹⁴.

Среди телохранителей Александра, его верных друзей и советников, был Птолемей из горной западной Македонии, области Эордеи, будущий царь Египта²⁹⁵. Его генеалогия удивительно приукрашена впоследствии льстецами и подхалимами египетского двора, связывавшими происхождение Птолемея с побочной линией царей, объявившими его даже сыном Филиппа²⁹⁶. По всей вероятности, он происходил из македонской знати. П. Клоше даже считает, что Птолемей принадлежал к мелкой или средней македонской знати²⁹⁷.

Достоверно известно, что накануне восточных походов Птолемей уже принадлежал к близким друзьям Александра. В 337/36 гг. до н. э. в числе других друзей Александра он был выслан Филиппом из Македонии или из-за на шумевшей истории с Пиксадором, о которой нам повествует Плутарх, или вследствие ссоры между царем и сыном по поводу женитьбы на Клеопатре. Но после гибели Филиппа Александр возвратил своих друзей обратно и предоставил им высокие посты²⁹⁸.

В первые годы похода на Восток Птолемей назван только один раз, а именно: после битвы при Иссе, в окружении Александра. Затем в 331/30 гг. до н. э. он встречается в борьбе за персидские горные перевалы, где ему, по-видимому, было поручено самостоятельное

---

²⁹³ Diod. XVIII, 3, 4; Plut. Eum. 1; Arr. VII, 14, 10.

²⁹⁴ Этот факт не вызывает сомнений. О нем говорят почти все источники, за исключением Арриана (Diod. XVII, 117, 3; XVIII, 2, 4; Curt. X, 5, 4; Just. XII, 15, 12). Молчание Арриана показывает лишь на то, что его источник Птолемей пытался, по возможности, умолчать о значении своего противника в критические для македонской армии дни.

²⁹⁵ Arr. VI, 28, 4; Ind. 18, 5.

²⁹⁶ Curt. IX, 8, 22; Paus. 1, 6, 2.

²⁹⁷ P. Clouhé. La dislocation d'un empire. Paris, 1959.

²⁹⁸ Plut. Alex. 10; Curt. III, 6, 5.

командование 3 тыс. пехотинцев²⁹⁹. Более активное участие он начинает принимать с того времени, когда Александр осенью 330 г. до н. э. после гибели Филоты назначил его телохранителем вместо подозреваемого в заговоре Деметрия³⁰⁰. В следующем, 329 г. до н. э., Птолемей возглавляет первую самостоятельную экспедицию против Бесса, Спитамена и Датаферна. Арриан, опираясь на мемуары Птолея, подробно описывает это мероприятие, особенно пленение Бесса³⁰¹. Весною 328 г. до н. э. Птолемей назначается командующим одной из 5 македонских колонн, на которые Александр разделил свое войско во время похода в Согдиану, а в 327 г. до н. э. он наблюдает за окопными работами, которые организовал Александр для взятия неприступных скал³⁰². Он же сообщает своему царю об открытии источника нефти³⁰³.

Особенно активную деятельность Птолемей развернул во время индийского похода. Здесь он ведет ожесточенную борьбу с царьками местных областей, с местными племенами, собирает фураж, захватывает добычу противника, особенно огромные стада скота³⁰⁴.

Значительную роль сыграл Птолемей в завоевании городов и крепостей. Курций указывает, что он взял очень много городов³⁰⁵. Птолемей сам подробно повествует о взятии Аорны, труднодоступной скалы, и о своем активном участии в этой операции³⁰⁶.

В дальнейшем во время битвы при Гидаспе Птолемей упоминается только в качестве спутника Александра, но затем, во время битвы за Сангалу, он с тремя хилиархиями гипаспистов, всеми агрианами и таксисом стрелков из лука показал умение и мужество в борьбе с индийскими племенами³⁰⁷. После этого Птолемей по неизвестной причине снова отходит на задний план. Мы находим его только в качестве одного из триерархов

---

²⁹⁹ Arr. III, 18, 9.

³⁰⁰ Там же, 27, 5.

³⁰¹ Там же, 29, 7; 30, 5.

³⁰² Там же, IV, 6, 2; 21, 4.

³⁰³ Там же, 15, 8.

³⁰⁴ Там же, 24, 3—5, 8; 25, 3—4.

³⁰⁵ Curt. VIII, 10, 21.

³⁰⁶ Arr. IV, 29, 1; 30, 4.

³⁰⁷ Arr. V, 23, 7; 24, 3.

флота на Гидаспе³⁰⁸. Но позднее, на земле оритов, он руководит третьей частью войск и участвует в грабеже местных племен³⁰⁹. Наконец, в самом конце похода он вместе с царем, во главе части войска, идет походом на косеев и безжалостно их уничтожает³¹⁰.

Однако при всем этом Птолемей, как полководец, не выделялся среди других полководцев македонской армии. Надо принять во внимание и то обстоятельство, что об основных его военных успехах мы узнаем в основном из его собственных сообщений, которые не всегда объективны. Правда, и Курций называет его отважнейшим бойцом и еще более ценным помощником в мирное время³¹¹. Но в целом военная деятельность Птолемея в период восточных походов не раскрыла в нем всех качеств его характера. В частности, в то время еще никому не были известны его большие способности администратора и правителя, которые обнаружались в последующие четыре десятилетия на посту руководителя Египта.

Какими бы ни были военные дарования Птолемея, для Александра он отличался испытанной верностью, являлся одним из наиболее надежных советников. В общем, он послушно, а иногда превосходно служил завоевателю Азии, правда, не всегда участвуя во всех его начинаниях. Однако нигде Птолемей не выступает против мероприятий царя, наоборот, часто выполняет его ответственные поручения. Верность ему была проверена и во время оппозиционных выступлений. Птолемей старался помешать расправе с Клитом, по Арриану, удаляя последнего, а по Курцию, удерживая Александра³¹². Когда ему стало известно о наличии заговора «пажей», он незамедлительно донес об этом царю³¹³. Чем платил последний за эту верность Птолемею, ничего определенно сказать нельзя. Почести, которыми Александр наделил во время празднеств в Сузах своих военачальников, были оказаны, естественно, и ему. Он был награж-

---

³⁰⁸ Arr. Ind. 18, 5.

³⁰⁹ Arr. VI, 5, 6; Diod. 104, 5; Curt. IX, 10, 6—7.

³¹⁰ Arr. VII, 15, 3.

³¹¹ Curt. IX, 8, 23.

³¹² Arr. IV, 8, 9; ср. Curt. VIII, 45—48.

³¹³ Arr. IV, 13, 7; ср. Curt. VIII, 6, 22.

ден, как и другие, золотым венком, женился на Артакаме, дочери Артабазана³¹⁴.

Клитарховская традиция говорит о большой популярности Птолемея у царя и у его войска. Он считался царским любимцем, был любим всеми воинами за его доблесть и щедроты, которыми он осыпал всех³¹⁵. В какой-то мере в правильности этого факта приходится сомневаться, так как эта традиция в данном случае больше преклоняется перед правителем Египта, чем перед полководцем Александра. От нее, вероятно, и идет известие о тяжелом ранении Птолемея в области Самба и о чудесном его исцелении. По этому рассказу, Птолемей был опасно ранен стрелой, отравленной смертельным ядом, которым местные жители намазывали деревянные, закаленные на огне стрелы. Царь, утомленный сражением и тревогой, не отходил от него и даже велел перенести в его палатку свою постель. Во сне царю явился дракон, который держал в пасти целебную от яда траву, объяснил ее свойства и указал, где она растет. Этот корень он приказал Александру растереть и приложить к ране. Многие принялись искать эту траву и корень, а когда траву разыскали, он растер ее, обложил ею тело Птолемея и дал ему выпить. Боль сейчас же прекратилась, в скором времени рана зарубцевалась, и больной выздоровел. Знакомство с этим полезнейшим растением спасло и остальных, лечившихся таким же способом³¹⁶.

Если подробности этого факта явно приукрашены, то сам факт ранения и проявления заботы о своем телохранителе со стороны Александра мог быть вполне правдоподобен.

В целом источники дают нам право характеризовать Птолемея как человека, в котором сочетались трезвый ум, мужество и проницательность. Эти качества, в разной степени проявившиеся во время восточных походов, получили еще большее развитие в длительный период его господства над Египтом.

Телохранителем Александра и верным его помощни-

---

³¹⁴ Arr. VII, 4—6; ср. Plut. Eum., 1.

³¹⁵ Curt. IX, 8, 24; Diod. XVII, 103, 6.

³¹⁶ Curt. IX, 8, 22 и сл.; Diod. XVII, 103, 6; Just. XII, 10, 3; Strabo, XV, стр. 723.

ком был также Леоннат, сын Антея, из высшей македонской знати Орестиды, родственник дома царя³¹⁷. Он был ровесником Александра и воспитывался вместе с ним.

Согласно указаниям Диодора, Леоннат был уже телохранителем у Филиппа и во время гибели последнего летом 336 г. до н. э. вместе с Пердиккой и Атталом расправился с убийцей Павсанием. Но при Александре в первые годы восточного похода мы его сначала встречаем в числе гетайров царя выполнявшим не столько военные, сколько дипломатические поручения³¹⁸. В частности, после битвы при Иссе он был послан к пленным персидским женщинам, к ближайшим родственникам Дария, чтобы сообщить им о милости Александра.

В 332/31 гг. до н. э. в Египте Леоннат был назначен на должность телохранителя умершего от болезни Арриба, начальника телохранителей царя, которую он исполнял до 323 г. до н. э.³¹⁹ В этом звании он принимал участие в процессе над Филотой, на ночном военном совете, подготовлявшем арест последнего, находился во время катастрофы с Клитом, стоял на вахте вместе с Птолемеем у входа к царю, когда был раскрыт заговор «пажей». Он и Птолемей сообщили об этом заговоре³²⁰.

Все это говорит о том, что в политическом отношении Леоннат оставался благонадежным, нигде и ни в чем не сочувствовал оппозиционерам.

В военных делах Леоннат проявляется главным образом на последнем этапе восточных походов, в Индии. В Средней Азии он вместе с Пердиккой и Птолемеем наблюдал за осадными работами, но в Индии мы его видим в битвах с местными племенами. Он воевал на земле аспасиев, где был ранен, ему были приданы таксысы Аттала и Балакра в борьбе против индов³²¹. Он принимал активное участие в битве при Гидаспе³²².

³¹⁷ Arr. VI, 28, 4; Ind. 8, 3; Curt. X, 7, 8.

³¹⁸ Arr. II, 12, 5; Curt. III, 12, 7; Diod. 37, 3; Strabo, IX, стр. 434; Plut. Alex. 21.

³¹⁹ Curt. III, 5, 5; IV, 24, 10; VI, 28, 4.

³²⁰ Curt. VI, 8, 17; VIII, 6, 22.

³²¹ Arr. IV, 21, 4; 23, 3; 24, 10; 25, 3.

³²² Как утверждает Курций (VIII, 14, 15), в этой битве с Пором Александр предложил Леоннату совместно с Антигоном и Тавроном напасть на центр вражеского войска и оттеснить его с линии фронта. Но Арриан вместо Леонната называет Селевка (V, 16, 3).

Особенно прославился Леоннат в борьбе за известный город маллов, где он поднялся вслед за Певкестом по лестнице на стену, и оба с исключительным мужеством прикрыли своими телами Александра, который в пылу боя спрыгнул со стены в крепость³²³.

Царь впоследствии особенно оценил как самопожертвование, так и большие военные способности своего телохранителя, и стал поручать ему руководство большими контингентами войск. Так, с 1 тыс. всадников и 8 тыс. человек легкой и тяжелой пехоты ему было поручено идти по острову к Патталу в направлении, параллельном флоту, плывшему вниз по Инду³²⁴. Вскоре после этого Леоннат был оставлен с большим количеством солдат у берега большого озера, в то время как сам Александр пошел по направлению к морю³²⁵.

Когда македонская армия готовилась к походу на запад, Леоннат, по всей вероятности, был послан с частью войска для сооружения артезианских колодцев в засушливой местности, по которой лежал путь армии Александра³²⁶. Затем он соединился с царем и руководил одной из колонн во время операции в стране оритов. Вместе с двумя другими колоннами, возглавляемыми Гестеионом и Птолемеем, он разорял эту страну и грабил ее богатства³²⁷. Ему было приказано привести в порядок дела оритов, чтобы больше расположить их к сатрапу³²⁸. Во главе оставленного ему войска он одолел в бою восставших оритов и их соседей в количестве 8 тыс. человек пехоты и 400 конницы. По сообщению Непарха, мятежники потеряли 6 тыс. человек и своего предводителя, в то время как Леоннат потерял, по видимому, только 15 всадников и несколько пехотинцев, а также сатрапа Аполлофана³²⁹. Послав царю сообщение о происшедшем сражении, Леоннат все дела в стране оритов привел в порядок и приехал к Александру, в окружении которого мы опять видим его в Сузах. За свое мужество, особые заслуги в подавлении опасного

³²³ Arr. VI, 9, 3; 10, 1—2; ср. Curt. IX, 5, 15, 17.

³²⁴ Arr. VI, 18, 3.

³²⁵ Arr. VI, 20, 3.

³²⁶ Curt. IX, 10, 2.

³²⁷ Diod. XVII, 104, 5—6; ср. Curt. IX, 10, 6—7.

³²⁸ Arr. VI, 22, 3.

³²⁹ Arr. VII, 5, 5; Ind. 23, 5.

восстания, а возможно, и в спасении царя в городе маллов, он был награжден наряду с другими телохранителями золотым венком³³⁰.

Несмотря на сравнительно кратковременную роль, которую Леоннат сыграл при Александре, она выдвинула его в ряды видных полководцев своего времени, талант которого не смог в полной мере развиться из-за ранней его смерти³³¹. Он лишь на год пережил своего царя.

К близким друзьям Александра следует отнести и Неарха, который впоследствии станет его главным адмиралом. Отец Неарха Андротим, родом из города Лато на Крите, жил в Амфиполе, куда переселился уже после рождения своего сына Неарха³³². Критянин по происхождению и македонянин по подданству, Неарх, по выражению французского историка Альбера Шамдора, был и остается одной из самых крупных фигур «греческого морского империализма», отдавший Александру свои блестящие организаторские способности³³³.

Неарх — друг юности Александра, был выслан Филиппом из Македонии в 337 г. до н. э. вместе с другими друзьями его сына, затем последним возвращен обратно³³⁴.

С самого начала восточных походов Неарх пребывал в числе македонских гетайров и принимал активное участие в новой администрации, которую Александр пытался создать на Востоке. Так, уже в 334 г. до н. э. он был назначен наместником Ликии и Памфилии³³⁵. Когда Александр находился в Средней Азии, Неарх привел к нему в 328/29 гг. до н. э. греческих наемников³³⁶. С этого времени царь использует его в военных делах. Так, когда македонская армия вторглась в землю ассакенов, Неарх участвовал в разведывательном по-

---

³³⁰ Arr. VII, 5, 5.

³³¹ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 235.

³³² Arr. III, 6, 5; Ind. 18, 4, 10; Diod. XIX, 69, 1; Polyæn, V, 35; Dittenb. Syll. 1, 266.

³³³ Collection Genies et Prealités. Alexandre le Grand. H., 1962, p. 205—206.

³³⁴ Arr. III, 6, 6; Plut. Alex. 10.

³³⁵ Arr. III, 6, 6; Just. XIII, 4, 15.

³³⁶ Arr. IV, 7, 2.

ходе к городу Дирту во главе легковооруженных агриан³³⁷.

Выдающаяся деятельность Нearchа как морского командира начинается с осени 326 г. до н. э., когда ему было поручено строительство речного флота на Гидаспе, над которым он был назначен главнокомандующим³³⁸. По словам Птолемея, которому преимущественно следует Арриан, флот состоял из 2 тыс. кораблей, в числе которых около 80 были 30-весельными³³⁹. Этот флот в Индии выполнял важные задания: после многодневного плавания он достиг устья быстрого Акессина, преодолевая на своем пути сложные водовороты и теснины, доплыл до области маллов и продолжал путешествие по рекам Акессину и Инду до Патталы³⁴⁰.

Летом 325 г. до н. э. Нearch был назначен навархом флота, а главным кормчим его — Онесикрит. В новом качестве Нearchу было поручено искать морскую дорогу к Евфрату, морскую связь между Индией и Вавилоном, а также произвести точную разведку моря, его побережья и прибрежных стран³⁴¹. Затем флот отправился в долгое плавание вдоль страны оритов и ихтиофагов до арабского предгорья, столкнувшись с большими трудностями и разными опасностями³⁴². После многочисленных лишений Нearch встретился с Александром в одном из городов внутренней Кармании. Эта встреча была исключительно сердечной. Она являлась красноречивым доказательством того большого внимания, с которым относился к нему Александр. По собственному описанию македонского адмирала, царь праздновал счастливое возвращение с большой пышностью и согласился лишь после настоятельной просьбы самого Нearchа отпустить его еще раз в дальнейшее плавание³⁴³. Когда в марте 324 г. до н. э. он опять встретился с царем, то был отмечен празднеством в его честь и на-

---

³³⁷ Arr. IV, 30, 5.

³³⁸ Там же, 3; Ind. 18, 10.

³³⁹ Там же, 4.

³⁴⁰ Там же, 5, 4, 6; 13, 1; 19, 7—9.

³⁴¹ Arr. VII, 20; 10; Ind. 20, 2—8; 32, 9; Plut. Alex. 66; Diod. XVII, 104, 3; Curt. IX, 10, 3.

³⁴² Arr. VII, 20, 9; Ind. 32, 7; 33, 3—8; 34.

³⁴³ Arr. Ind. 36, 1—8; Plut. Alex. 68.

гражден золотым венком³⁴⁴. Во время больших свадебных торжеств он женился на дочери Барсины и Ментора; следовательно, состоял в родстве с царем³⁴⁵. После этих торжеств Неарх поплыл по реке Эвлее к морю вместе с флотом, на котором сначала находился Александр, а затем пошел с армией до Вавилона³⁴⁶. С тех пор Неарх, вероятно, остался в столице новой державы и принимал участие в строительстве флота, предназначавшегося для аравийской экспедиции. Летом 323 г. до н. э. он был назначен командующим этим флотом и готовился к отплытию, выполняя приказ уже смертельно больного Александра³⁴⁷. После смерти последнего готовящаяся экспедиция не была осуществлена, а сам Неарх стал снова сатрапом Личии и Памфилии и принимал участие в борьбе диадохов.

В записках Неарха отчетливо проявляется почитание и преданность Александру. Их взаимное уважение и доверие не нарушались на протяжении всей восточной кампании. Александр ценил в Неархе не только его преданность царским идеям, но и большое знание морского дела, так что он как бы дополнял завоевателя суши на море³⁴⁸.

В числе друзей и соратников Александра следует отметить также Эригия и его брата Лаомедонта. Первый был назначен гиппархом союзников³⁴⁹. Он показал себя как преданный командир и храбрый воин. Александр считал его в числе «славных вождей». Будучи уже пожилым человеком, он никому не уступал «в силе духа и тела»³⁵⁰. Доказательством этого были его действия в стране ариев и смелый поединок против предавшего Александра Сатибарзана, а также его гибель от мятежных элементов в Средней Азии, которая очень опечалила македонского царя³⁵¹.

Что касается брата Эригия Лаомедонта, то он был одним из преданных проводников восточной политики

---

³⁴⁴ Arr. Ind. 42, 9.

³⁴⁵ Arr. VII, 4, 6.

³⁴⁶ Там же, 7, 1; 19, 3; Plut. Alex. 73.

³⁴⁷ Arr. VII, 25, 4.

³⁴⁸ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 272.

³⁴⁹ Arr. III, 6, 6.

³⁵⁰ Curt. VII, 4, 34.

³⁵¹ Curt. VII, 4, 33—38; VIII, 2, 40.

Александра. Хорошо владея двумя языками и зная персидское письмо, он стал ведать пленными персами.

На последнем этапе восточных походов в число царских телохранителей были приняты: Лисимах, сын Агафокла; Пифон, сын Кратера, и Певкест³⁵². Лисимах считался наиболее энергичным, решительным и смелым среди полководцев Александра³⁵³. По своему происхождению он был представителем высшей придворной рабовладельческой знати³⁵⁴. Получив обычное для македонской знати того времени образование и являясь почти сверстником Александра, он принял активное участие в походе на Восток в качестве одного из его приближенных военачальников³⁵⁵. Особенно он выдвинулся в последнем, индийском, походе, где в битвах показал себя человеком мужественным, решительным и настойчивым. Об этих качествах свидетельствует также случай его борьбы со львом, который одни историки рисуют как обычную охоту на льва, другие — как результат гнева Александра, приказавшего бросить Лисиимаха в клетку со львом за сочувствие его к одному из представителей антимакедонской оппозиции Каллисфену³⁵⁶. Какова бы ни была действительная причина поединка со львом, все источники говорят о победе Лиси-

³⁵² Arr. VI, 28, 4.

³⁵³ Diod. XVIII, 32; Arr. Succ. Alex. 7.

³⁵⁴ Лисимах был сыном одного из придворных македонского царя Филиппа II — Агафокла. Некоторые историки, например, Евсевий (I, 233, 4) считают Агафокла выходцем из Фессалии; другие — Плутарх (Demetr. 44), Павсаний (Описание Эллады, I, 9, 5), Юстин (XV, 3, 1), Арриан (VI, 28, 4) называют его македонянином. Особое мнение по вопросу о происхождении Лисиимаха имел Феопомп, который считал его потомком Пенеста. Очевидно, это мнение было отражением недоброжелательного отношения к Агафоклу — отцу Лисиимаха, как чужеземцу, со стороны придворной македонской знати. (См. М. И. Гусева. Борьба фракийских племен против македонского владычества в конце IV — начале III вв. до н. э. — «Уч. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XI, кафедра всеобщей истории, 1957, стр. 97).

³⁵⁵ Античные авторы называют Лисиимаха в числе 7 наиболее близких к Александру лиц — копеевцев царя, или телохранителей. По своему должностному положению эти лица стояли выше сатрапов (Arr. V, 13, 1; V, 24, 6; VI, 28, 4).

³⁵⁶ Смелость поведения Лисиимаха особенно ярко рисует Юстин, описывая жестокость Александра в отношении Каллисфена и сочувствие к нему Лисиимаха (Just. XV, 3; ср. Plut. Alex. 55).

маха, вступившего с ним в единоборство и убившего его.

Все эти качества Лисимаха объясняют, почему он смог в 323 г. до н. э. получить пост наместника Фракии и играть важную роль в эпоху диадохов.

Что касается Пифона, то он также был смелым и храбрым командиром. В Индии спас Александру жизнь Певкест, заслонив своим телом царя³⁵⁷. За этот поступок благодарный царь сделал его наместником Персии. В этом звании он проявил себя осторожным и предусмотрительным. Александр еще больше ценил его за то, что он был одним из активных приверженцев восточной политики. Он изучил персидский язык, придерживался персидских обычаев и одежды, легко воспринял персидский образ жизни³⁵⁸.

Александр имел в числе своих соратников не только командиров и руководителей разных военных подразделений, но и людей гражданских, которые оказывали ему большую помощь в организации управления государством. К таким людям следует отнести Гарпала и Эвмена.

Гарпал, сын Махата, вероятно, из македонской знати Элимиотиды, был другом Александра с юношеских лет, изгонялся вместе с другими его друзьями из Македонии и был возвращен тотчас же назад после гибели Филиппа³⁵⁹. Вследствие своего физического недостатка он не был пригоден к службе в войске и нашел применение в гражданском управлении, а именно: в качестве заведующего военной кассой. Возможно, что эта должность ему была поручена с начала военного похода³⁶⁰. Правда, незадолго перед битвой при Иссе, летом 333 г. до н. э., он, послушавшись Тавриска, бежал из македонской ставки, жил некоторое время в Мегаре, снова возвратился к Александру в 331 г. до н. э. в Тир и был им полностью прощен³⁶¹. Об этом свидетельствует то, что Гарпалу было поручено не только руководство военной кассой, которой некоторое время руководили Каран и Филоксен, но и управление, после за-

³⁵⁷ Plut. Alex. 63; Curt. IX, 5, 14—17.

³⁵⁸ Arr. VI, 30, 2—3.

³⁵⁹ Arr. III, 6, 1; Plut. Alex. 10.

³⁶⁰ Arr. III, 6, 6.

³⁶¹ Там же, 6, 7; ср. Plut. Alex. 41.

хвата богатств Ахеменидов, сосредоточенной первоначально в Экбатанах государственной казны. Для защиты этой казны в его распоряжение было придано 6 тыс. македонян и некоторое число легковооруженных солдат и всадников ³⁶².

Под руководством Гарпала в Экбатанах в последующие годы происходила чеканка монет, которая имела большое значение в экономике нового государства Александра. Из Экбатан он позднее был переведен в Вавилон, где ему была доверена охрана сокровищ и поступлений ³⁶³. Он был оставлен здесь правителем и старался украсить царские сады и дворец греческими растениями ³⁶⁴. С самим царем Гарпал находился в постоянном контакте. Особенно после смерти Пармениона он стал чрезвычайно важной фигурой. Наряду с выполнением финансовых обязанностей ему доверялись и важные военные мероприятия. Об одном из таких мероприятий нам говорит Курций. Он сообщает, что Гарпал послал войску в 326 г. до н. э. в Индию позолоченное и посеребренное оружие для 25 тыс. человек, которое прибыло вместе с 7 тыс. пехотинцев, по-видимому, наемных Гарпалом осенью того же года на Гидаспе ³⁶⁵. Следовательно, ему, как любому сатрапу, разрешалось вербовать воинов ³⁶⁶.

Пользуясь доверием царя, во время пребывания последнего в Индии, он окружил себя роскошью, тратил большие средства. Много денег из государственной казны шли на его безудержные, расточительные прихоти: рыбу для своего стола он приказывал доставлять из Красного моря. Для своих утех им выписывались из Афин гетеры Пифионика и Гликерия, казенные деньги использовались не по назначению ³⁶⁷.

---

³⁶² Arr. III, 19, 7.

³⁶³ Diod. XVII, 108, 4.

³⁶⁴ Plut. Alex. 35; ср. Theophrast. Hist. Plant. IV, 4, 1.

³⁶⁵ Curt. IX, 3, 21.

³⁶⁶ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 143.

³⁶⁷ На своих куртизанок Гарпал потратил значительные суммы денег. После смерти Пифионики он потратил более 200 талантов на ее гробницу в Вавилоне и на памятник в Афинах. Построив храм и алтарь, он оказал ей божественные почести, как Афродите-Пифионике. Ее заменила Гликерия, с которой он переселился в Тарс, где, пренебрегая своим долгом, опять устроился в царском дворце, приказал почитать гетеру подобно царице и соорудил ей

Когда Александр стал жестоко наказывать сатрапов, уличенных в измене, нерадивости или лихоимстве, Гарпал, испугавшись наказания, бежал в Аттику, наняв 6 тыс. солдат и захватив 5 тыс. талантов серебра. Вскоре он отплыл из Тинара на Крит, где был изменнически убит Фиброном, одним из своих друзей³⁶⁸. Так непостоянство одного из соратников Александра привело его к трагической гибели.

Совсем другого порядка был соратник царя Эвмен из Кардии во Фракии. Его отец находился в дружбе с Филиппом II. С 20-летнего возраста Эвмен стал секретарем царя и в этой должности находился до смерти последнего, т. е. в течение 7 лет. Еще в конце правления Филиппа Эвмен обнаружил выдающиеся административные способности и гибкий ум. Таким же почетом, наравне с ближайшими друзьями и товарищами царя, он пользовался при Александре, который сумел по заслугам оценить его верность, способности и ум. Он получил должность главного писца при македонской армии, а впоследствии, во время похода в Индию, был назначен полководцем с правом самостоятельного командования. Когда Пердикка заменил умершего Гефестиона, Эвмен принял от первого должность начальника конницы³⁶⁹. В Сузах Александр женил Эвмена на сестре своей персидской супруги Барсины³⁷⁰, чем лишний раз высказал свое благорасположение к своему верному соратнику. Это благорасположение царя к греку вызвало ненависть македонской знати к последнему, особенно Гефестиона. Сам Александр нередко был вынужден вмешиваться в эти распри, чтобы установить хотя бы относительный мир среди своих соратников. Этот факт заслуживает особого внимания, ибо он показывает, что даже среди единомышленников Александра не было полного единства и взаимопонимания. Это связано с тем, что само окружение македон-

---

в Спарте бронзовую статую. Через Гликерию он завел связи с Афинами, куда намеревался бежать в случае, если Александр возвратится. (См.: Fg. Schachermeyr. Op. cit., p. 393, 432; A. Burg. Op. cit., p. 234).

³⁶⁸ Diod. XVII, 108, 4—8; Curt. X, 2, 2—3.

³⁶⁹ Plut. Eum. 1.

³⁷⁰ Plut. Eum. 1; ср. Curt. X, 3, 12.

ского царя по своему социальному составу не являлось однородным.

Источники указывают на интересную деталь: самыми близкими друзьями Александра были Гепестион и Кратер. Гепестион был ему «дороже глаза»; Кратером он тоже дорожил «лучше глаза»³⁷¹. Первый одобрял всю восточную политику македонского царя и переменил вместе с ним образ жизни; второй оставался верен родным обычаям. Первый помогал ему в сношениях с местным населением, второй — с греками и македонянами³⁷². По словам Диодора, самым любимым другом Александра был именно Гепестион³⁷³. Его он любил, а Кратера уважал³⁷⁴. Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гепестион, Александр воскликнул: «Кратер любит царя, а Гепестион Александра»³⁷⁵. Плутарх в биографии Александра указывает, что между Гепестионом и Кратером существовала тайная вражда и «столкновения между ними бывали часто». В Индии они даже кинулись друг на друга, схватившись за мечи; «друзья» бросились на помощь каждому. Александр с трудом примирил их, поклялся, что любит их больше всех, но вместе с тем резко заявил, что если он узнает о новой ссоре, он убьет или обоих или зачинщика³⁷⁶.

Таким образом, между Кратером и Гепестионом возникли определенные противоречия, которые не раз разряжались ссорой и борьбой. Берве, не признавая никаких политических причин в этой вражде, считает, что здесь, по всей вероятности, действовала и определенная ревность Кратера по отношению к надменному царскому любимцу³⁷⁷.

Гепестион и Кратер олицетворяли те группировки, которые образовались среди самих единомышленников из окружения царя. Не случайно Александр приказал именно Кратеру сопровождать в Македонию 10-тысячный отряд македонских ветеранов. Он должен был за-

---

³⁷¹ Arr. VII, 14, 6; 12, 3.

³⁷² Plut. Alex. 47.

³⁷³ Diod. XVII, 37, 5; 114, 3.

³⁷⁴ Plut. Alex. 47.

³⁷⁵ Diod. XVII, 114, 1—2.

³⁷⁶ Plut. Alex. 47.

³⁷⁷ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 226.

тем, как уже было сказано выше, взять на себя управление Македонией, Фракией и Фессалией и охрану эллинской свободы. Антипатру, ставшему самым могущественным полководцем в Европе и врагом Александра, последний приказал привести молодых македонян на смену отосланным с Кратером войскам³⁷⁸.

Характерно, что вторым командиром ветеранов, а во время болезни Кратера его заместителем стал Полисперхонт³⁷⁹. Связь его с Кратером прослеживается источниками довольно определенно. В то же время известно, что Полисперхонт часто защищал перед царем свое собственное мнение. Так, во время битвы при Гавгамелах он был согласен с Парменионом, а не с Александром³⁸⁰. Он выступил против обычая проскинесиса, насмеялся над этим обычаем, за что был по приказу Александра заключен под стражу и после долгой немилости царя был им прощен³⁸¹. В этом поведении Полисперхонта и находится причина того, что он несмотря на свой возраст и свое знатное происхождение никогда не получал высокого самостоятельного командования.

Заслуживает внимания и другой факт: один из ближайших друзей Александра Кен, резко изобличивший противников своего царя, в Индии решительно выступил против его дальнейших завоеваний.

Все это говорит о том, что часть из них осмелилась критиковать некоторые из его мероприятий и, наконец, часть из них, правда, незначительная, особенно в конце восточных походов, прямо выступила против этих мероприятий.

К. К. Зельин в 1963 г. издал статью «К вопросу о социальной основе борьбы в македонской армии в 330—328 гг. до н. э. (Заговор Филоты)», главным образом основанную на просопографических данных, разбор которых, по его мнению, дает прочную основу для выводов по социальной истории того времени³⁸². Ценность

³⁷⁸ Arr. VII, 12, 4.

³⁷⁹ Arr. VII, 12, 4; Just. XII, 12, 8.

³⁸⁰ Curt. IV, 13, 7.

³⁸¹ Curt. VIII, 5, 22—23; 6, 1; ср. Arr. IV, 12, 2.

³⁸² Нам представляется, однако, что данные просопографии нельзя переоценивать. Они являются лишь справочным средством и, к сожалению, далеко не всегда показывают происхождение тех

просопографии заключается прежде всего в том, что она позволяет перейти от исследования данных индивидуального характера к изучению известного комплекса отношений. Она содействует выработке конкретных представлений о социально-экономических отношениях, о процессах, происходивших в обществе. В этой статье автор впервые обратил внимание на то, что сторонники Александра, наиболее преданные ему люди, происходят или из Верхней Македонии, т. е. являются представителями верхнемакедонской знати, или из греков, приближенных к македонскому двору и осевших на завоеванных Филиппом землях на фракийском побережье (Неарх, Эригий), или, наконец, из знатных македонян столицы — города Пеллы, близких ко двору и воспитывавшихся вместе с Александром (Гефестион, Леоннат, Лисимах и др.)³⁸³.

Для выяснения вопроса о сторонниках и противниках политики Александра К. К. Зельин обращается к известиям о составе македонской армии. По его мнению, набор в армию происходил по принципу: всадники из Нижней, пехота из Верхней Македонии. Причем в сражениях расположение войск было таково, что предводителями таксисов являлись верные помощники Александра, родом большей частью из Верхней Македонии. Так, в битве при Гавгамелах в числе предводителей таксисов находим Кена, Пердикку, Мелеагра, Полисперхонта, Аминту, сына Андромена, на левом фланге — Кратера, Эригия.

К. К. Зельин утверждает, что ни один из «друзей» Александра не вышел из среды командиров тяжело-

---

или иных деятелей или те социальные группировки, из которых они вышли.

Берве собрал сведения из источников, и они являются удобным справочным материалом, но не больше. Поэтому группировать сторонников и противников по их происхождению, как это делает К. К. Зельин, вряд ли правильно. Правда, сам Зельин указывает в более поздней работе, что не следует преувеличивать значения просопографических сведений, а главное — заниматься их исследованием в отрыве от исторической обстановки изучаемого периода. (См. К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в Египте II—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 20).

Само собой разумеется, мы не ратуем за отказ от использования этого вида источника.

³⁸³ Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 262.

вооруженной конницы Нижней Македонии. Тот факт, что сподвижники Александра происходили из Верхней Македонии, объясняется автором тем, что еще при Филиппе в правящую среду стали все более вступать новые элементы: знать верхнемакедонских областей и греки. Эти наблюдения интересны, но они требуют уточнений.

Действительно, сподвижники Александра в большинстве своем являются представителями знати Верхней Македонии и города Пеллы. Такие его преданные друзья, как Кратер и Пердикка, происходили родом из верхнемакедонской области Орестида, Птолемей и Пифон — из Эордеи, Гарпал — из Элимиотиды, Гефестион, Леоннат, Лисимах — из Пеллы. Такие, как Неарх, Эвмен, Эригий, — греки по происхождению, являются выходцами из Фракии и островных греческих городов.

Характерно, что источники не дают нам никаких сведений о происхождении противников Александра. В одном единственном случае привлеченные к суду как соучастники антиалександровского заговора Аминта, сын Андромена, и его братья Аттал, Полемон и Симмия указываются как выходцы из Тимфеи. И то все они были судом оправданы, так что их вряд ли можно считать противниками Александра. Во всех остальных случаях происхождение его противников неизвестно. Но из этого нельзя сделать вывода о том, что все они происходят из Нижней Македонии. Да дело собственно и не в этом.

Указание места происхождения сподвижников Александра связано с тем, что последние упоминаются вместе с теми военными подразделениями, которыми они командовали, в верхнемакедонских названиях которых сохранились воспоминания о прежней независимости отдельных областей Македонии³⁸⁴.

К. К. Зельин обратил внимание на то, что большинство соратников Александра командовали таксисами (Пердикка, Кен, Мелеагр, Аминта, сын Аминты Филипп, Полисперхонт). Один из главных военачальников Кратер командовал таксисами фаланги или же всей фалангой.

Следует здесь, однако, уточнить тот факт, что во время восточных походов не все сподвижники Алек-

---

³⁸⁴ Diod. XVII, 57, 2; Curt. IV, 13, 28; Arr. I, 2, 5; III, 11, 8.

сандра руководили таксисами, а те, которые имели это руководство, получили его не в начале похода, а где-то к концу этого похода. Такие командиры, как Кратер и Пердикка, командовали таксисами с начала похода до его конца; Полисперхонт получил таксис во время битвы при Иссе; Гестеион — лишь в Индии, а такие, как Птолемей и Леоннат, таксисов вовсе не имели и лишь в Индии первый временно руководил таксисами педзатайров Филоты и Филиппа, а второму были там приданы таксисы Аттала и Балакра.

Таксисы являлись составными частями фаланги, представлявшими пехоту македонской армии. Для комплектования пехоты Македония разделялась на 6 округов, в то время как конница комплектовалась из 15 округов. Мы не можем в точности сказать, что все эти 6 округов, из которых комплектовалась пехота, находились на территории Верхней Македонии. Но если даже предположить такую возможность, из которой вытекает логический вывод о том, что Александра поддерживали представители верхнемакедонских областей, то она еще не объясняет, почему именно в их лице он нашел себе опору.

В самом деле, кажется на первый взгляд невероятным, чтобы представители знати Верхней Македонии, знати, лишенной самостоятельности усилиями нижнемакедонских царей, стали надежной опорой македонского царя на Востоке. Известно, что уже при Александре мы не находим больше самостоятельных верхнемакедонских областей и их руководителей. Последние находятся главным образом на службе в македонской армии и при дворе царя, командуют отдельными воинскими подразделениями, в названиях которых сохранились воспоминания о прежней независимости отдельных областей Македонии³⁸⁵. Так, потомок тимфейских царей Полисперхонт стал лишь командиром подразделения тимфейцев; Пердикка, принадлежавший к царскому роду, был одним из командиров македонской армии. К царскому роду, возможно, принадлежали Леоннат и другие командиры македонской армии³⁸⁶.

³⁸⁵ См. А. С. Шофман. История античной Македонии, ч. I, стр. 175.

³⁸⁶ Diod. XVII, 57, 2; Arr. II, 12, 2; IV, 28, 4; Curt. X, 7, 8.

Ко времени Александра борьба с тенденциями децентрализации верхнемакедонских племен была окончена. Представители верхнемакедонской знати не могли больше рассчитывать на возвращение своих прежних позиций. Оставалось только укрепиться в новом положении приближенных царя и разделять с ним его завоевательные планы. Будучи лишены многих преимуществ у себя на родине, они надеялись на богатом Востоке найти возмещение своих потерь, а также получить новые приобретения. Кроме того, многие из них были связаны с Александром узами личной дружбы и были преданы ему. Так, бежавшие от угроз Филиппа из Македонии Гарпал, Птолемей, Неарх, Эригий и его брат Лаомедонт были не только сразу возвращены Александром обратно, но и получили важные поручения в армии и государстве.

Но в командном составе македонской армии были не только соратники Александра. Им противостояли его противники, которые находились в оппозиции к македонскому царю, не разделяли как его восточной политики, так и его миродержавнических устремлений. Среди них были Парменион и его сын Филота, Клит и историограф Каллисфен, наместник Македонии Антипатр и его сыновья Кассандр и Иоллай.

Наличие двух противоборствующих сил в армии, в непосредственном окружении царя создавало напряжение и трудности при решении не только военных, но и политических проблем и усложняло решение тех задач, которые перед собой поставил Александр.

ПРОТИВОБОРСТВО В АРМИИ ПОЛИТИКЕ АЛЕКСАНДРА

§ 1. Парменион и его сын Филота

В 330 г. до н. э., когда македонская армия вела трудную борьбу с патриотическими силами Средней Азии, Александр проявил неблагодарный акт жестокости по отношению к своему главному полководцу Пармениону, отдав тайное приказание его убить. Выполнить это приказание было поручено Полидаманту. Хотя Полидамант считался одним из «друзей» македонского царя, но последний решил забрать в качестве заложников его молодых братьев, пока поручение не будет выполнено. Переодевшись в арабскую одежду, Полидамант с двумя провожатыми арабами на быстрых одногорбых верблюдах отправился через пустыню в Мидию, где Парменион командовал гарнизоном. Прибыв туда, он передал письма Александра военачальникам, к которым должно было перейти командование над войсками гарнизона. В этих письмах была решена участь Пармениона¹⁻². Ничего не подозревая о кознях, 70-летний полководец прогуливался в роще, окруженный своими помощниками, которым царь предписал совершить убийство. Он радостно встретил Полидаманта, стал читать письмо от царя и подложное письмо от уже убитого старшего сына Филоты, и в этот момент погиб. Один из его военачальников Клеандр вонзил ему в бок меч, а затем перерезал горло; остальные также пронзили его, уже мертвого³. Обезглавленное тело, по требованию воинов,

---

¹⁻² Arr. III, 26, 3; Curt. VII, 2, 17—23; Plut. Alex. 49; Strabo, XV, 724.

³ Curt. VII, 2, 24—27.

было предано земле, голова его послана Александру⁴. Так закончил свою жизнь один из самых близких его сподвижников⁵.

Трагический конец выдающегося македонского полководца оставил глубокий след на репутации Александра и тяжелое впечатление у македонян, особенно у соратников Пармениона с ранних времен. Прежде всего его убийство вызвало серьезную озабоченность со стороны наместника Македонии, влиятельного полководца филипповских традиций — Антипатра. Но и в более широких кругах македонского войска катастрофа Пармениона произвела беспокойство и вызвала недовольство; Александр распорядился применить самые строгие меры против тех, кто высказывал недовольство⁶. Юстин указывает на недовольство среди близких к Александру людей, говорит о ропоте среди воинов, которым «не приходится ждать ничего лучшего»⁷.

Парменион еще при Филиппе был самым верным его помощником и преданным полководцем, с большим успехом выполняя его многочисленные военные и дипломатические мероприятия. Уже в первые годы своего правления Филипп высоко оценил его военный талант и назначил командующим. На этом посту он оказал ему много услуг. Готовя поход на Восток, Филипп послал его в 336 г. до н. э. вместе с Атталом в Малую Азию с ядром македонских войск⁸.

---

⁴ Curt. VII, 2, 32. Указание Юстина (Just. XII, 5, 2—3), что Парменион перед казнью был подвергнут пыткам, не подтверждается никакими другими источниками.

⁵ Некоторые источники сообщают, что Парменион был убит по решению македонского войска (Diod. XVII, 80, 1; Curt. VI, II, 30). Это вряд ли правдоподобно. Птолемей ничего не знает об этом, а он не преминул бы снять вину с Александра и сослаться на решительный приговор македонского войскового суда, если бы такое состоялось. Он не раз указывал на соучастие Пармениона как определенное, однако считает возможным, что Александр приказал убить своего полководца только из страха перед возможными враждебными его намерениями.

⁶ См.: Plut. Alex. 49; Diod. XVII, 80, 4; Curt. VII, 2, 35—36; ср. Just. XII, 4, 4 и сл. (Последний сильно преувеличивает). Рассказ о том, что Александр сам дал повод солдатам писать письма на родину, чтобы познакомиться с их мнением, выражает тенденцию, главным образом Юстина, к неблагоприятному изображению Александра.

⁷ Just. XII, 5, 4—8.

⁸ Diod. XVI, 91, 2; XVII, 2, 4; Just. IX, 5, 8; Polyæn. IV, 44, 4; ср. Arr. II, 14, 3.

Когда после трагической гибели Филиппа правлению Александра угрожали большие опасности внутри и извне, а всеобщее замешательство, вызванное внезапной смертью царя, создало благоприятную почву для осуществления честолюбивых устремлений родовой оппозиции,— в этих тяжелых условиях решительно поддержали молодого Александра отличные полководцы Филиппа: в Македонии — Антипатр, в Малой Азии — Парменион.

Парменион отверг мятежные планы своего зятя Аттала, злейшего врага Александра, и твердо сохранял верность молодому царю⁹. Для Александра он остался испытанным руководителем и получил высший военный пост¹⁰. Его сыновья также занимали важные должности в македонской армии.

Парменион ушел на Восток вместе с тремя своими сыновьями. Никто из них не пришел обратно в Македонию. Младший сын Гектор, юноша в цветущем возрасте, особенно любимый Александром, нелепым образом погиб в Египте на Ниле. Желая догнать царя, спускавшегося по реке, он посадил с собой на маленькое судно больше людей, чем оно могло вместить. Лодка потонула, и люди оказались в воде. Гектор долго боролся с бурной рекой, но мокрая одежда и тяжелая обувь мешали ему плыть. С большим трудом он достиг берега, но от страха и сильнейшего напряжения вскоре здесь же на берегу умер. Курций указывает, что царь был сильно опечален потерей Гектора, и найдя его тело, похоронил с пышностью¹¹.

Второй сын Пармениона Никанор командовал эллинским флотом при Милете, а при Иссе и Гавгамелах — агемой пехоты и щитоносцами, охраняя правый фланг¹². В Средней Азии он скончался от болезни¹³. Его смерть, по утверждению Курция, вызвала всеобщую скорбь. Больше всех был опечален сам Александр. Он очень хотел задержаться и присутствовать на похоронах, но нужда в припасах и поднявшееся антимакедонское движение заставили его торопиться. Поспешив

⁹ Diod. XVII, 5, 2.

¹⁰ Curt. IV, 13, 4; Just. XII, 5, 3.

¹¹ Curt. IV, 8, 7—9.

¹² Arr. I, 18, 4; II, 8, 3; III, 11, 8—10; Curt. III, 9, 7.

¹³ Arr. III, 25, 4.

навстречу Бессу, он предоставил в распоряжение Фило-
ты 2600 воинов, чтобы отдать все почести покойному
брату¹⁴.

Если младший и средний сыновья Пармениона были
почитаемы и любимы Александром, а их смерть горько
оплакивалась им, то со старшим сыном Филотой и его
отцом он безжалостно расправился. Влияние Парме-
ниона и Филоты в македонской армии было настолько
значительным, что этот поступок Александра не может
быть объяснен только личными качествами характера.
Причину такого поступка надо искать в тех сложных
процессах, которые имели место в македонской армии,
в самой Македонии и на Востоке.

К сожалению, источники противоречивы в сужде-
ниях по данному вопросу. В них можно совершенно
определенно наметить две тенденции — антипарменио-
новскую традицию (Арриан, Плутарх) и парменионов-
скую (Курций, Диодор, Юстин). Антипарменионовская
традиция сопровождается обычно апологией Алек-
сандра. Парменионовская связана с враждебным отно-
шением к македонскому царю и к его политике. Нельзя
сказать, что обе эти традиции строго проводят свои
линии. Есть у них точки соприкосновения в оценке
деятельности Пармениона, но есть и существенные рас-
хождения. Обе традиции смыкаются при определении
его роли в армии вообще и в восточной кампании —
в частности. Так, Арриан указывает, что Пармениона
слишком высоко ценил не только Александр, но и все
войско, не только македонское, но и чужеземное; часто
в очередь и без очереди командовал он им по приказу
Александра и к общему удовольствию¹⁵. По свидетель-
ству Плутарха, полководец из людей старшего поколе-
ния был самым близким к Александру¹⁶. Курций назы-
вает Пармениона уважаемым гражданином, славным
полководцем¹⁷. Диодор подчеркивает, что Парменион
считался первым другом македонского царя¹⁸.

Согласно обеим традициям, Парменион со своими
сыновьями принимает активное участие во всех основ-

¹⁴ Curt. VI, 6, 18—19.

¹⁵ Arr. III, 26, 3—4.

¹⁶ Plut. Alex. 49.

¹⁷ Curt. VI, 9, 27.

¹⁸ Diod. XVII, 80, 1.

ных сражениях. Так, по Арриану, при Грайике Парменион командовал левым флангом, Филота стоял на правом крыле с «друзьями»-всадниками, лучниками и агрианами-дротометателями. Под командованием Никанора находились «друзья»-щитоносцы¹⁹. Мужественная борьба Пармениона и фессалийской конницы в этой битве подтверждается Диодором²⁰. При Иссе Парменион продолжал командовать, как и в других сражениях, левым флангом²¹. Арриан указывает, что в битве при Гавгамелах всей конницей «друзей» командовал Филота, агемой щитоносцев — Никанор, а всем левым флангом — по-прежнему Парменион²². С этим известием согласуются указания Курция²³. Некоторое расхождение имеется в оценке степени участия македонского полководца в этом сражении. Плутарх, выражающий антипарменионовскую традицию, сообщает, что Пармениона вообще обвиняют в том, что в этом решающем столкновении македонской армии с войсками Дария Парменион вел себя нерадиво и вяло. Теснимый с обеих сторон врагами, он попросил у Александра помощи, чтобы удержать лагерь и обоз. Царь с гневом ответил, что Парменион потерял голову и не способен соображать. Плутарх склонен объяснить такое поведение полководца или старостью, лишившей его прежней отваги, или, как указывает Каллисфен, тем, что самовластие Александра его тяготило, высокомерие вызывало в нем зависть²⁴. В парменионовской традиции у Курция подчеркиваются ожесточенность борьбы на левом фланге и трудности, которые удалось преодолеть его командующему. Парменион энергично воспользовался новой возникшей благоприятной обстановкой на поле брани, поднял упавший дух своих воинов, которые бросились на противника, начавшего поспешным маршем отступление²⁵. Диодор указывает, что когда Парменион попросил помощи у Александра, тот, преследуя Дария, далеко оторвался от войска и вернулся ни с чем.

¹⁹ Arr. I, 14, 1—2.

²⁰ Diod. XVII, 19, 6.

²¹ Arr. II, 8, 4; Curt. III, 9, 8—9.

²² Arr. III, 11, 8—9.

²³ Curt. IV, 13, 26—27, 35.

²⁴ Plut. Alex. 32—33.

²⁵ Curt. IV, 16, 1—7.

Парменион, искусно пуская в ход фессалийскую конницу и погубив многих, с трудом повернул вспять варваров, смертельно напуганных бегством Дария²⁶.

В интерпретации обеих традиций, за некоторыми исключениями, Парменион, кроме военных операций, выполняет важные поручения Александра. Он переправляет много пехоты и конницы из Сеста в Абидос²⁷. Он берет города, захватывает важные стратегические пункты, прокладывает путь победоносным македонским войскам. Его посылают в Дамаск для захвата богатств Дария²⁸. Именно ему поручается тщательно охранять пленников и захваченную огромную добычу. Он назначается правителем Сирии, ему поручается переправить деньги, вывезенные из Персеполя в Экбатаны, положить их в кремль и передать Гарпалу²⁹.

В обеих традициях изложены разногласия между Александром и его полководцем, главным образом, по военным вопросам. Они выражены в такой форме, что Парменион, как умудренный опытом, дает советы молодому царю, которые им обычно отвергаются. В антипарменионовской традиции подчеркивается мысль о том, что, отвергая советы старого полководца, царь оказывался правым и, стало быть, более дальновидным и решительным в ратном деле. Так, перед битвой при Гранике, когда Александр выстроил все войско в боевую готовность, Парменион советовал стать лагерем на этом берегу реки. Он исходил из того, что враг, у которого пехота значительно уступает македонской, не осмелится стать вблизи от них; тем самым противник даст возможность македонянам легко переправиться на рассвете, еще не успев построиться. Переходить реку сейчас он считает опасным; она глубоководная, ее берега высоки и обрывисты, поэтому войско нельзя вести через реку вытянутым строем. «Первая же неудача будет тяжела и для нашего положения сейчас и сделает сомнительным исход всей войны». Александр не послушался совета, сказав, что перейдя Геллеспонт, он не отступит перед этим ручьем³⁰. Арриан подчеркивает,

²⁶ Diod. XVII, 60, 7.

²⁷ Arr. I, 11, 6.

²⁸ Arr. II, 11, 10; 15, 1; Curt. III, 12, 27; 13, 16.

²⁹ Curt. IV, 1, 4; Arr. III, 19, 7.

³⁰ Arr. I, 13, 3—6; ср. Plut. Alex. 16.

что царь, выполняя свою волю, достиг успеха. При осаде Милета Парменион советовал Александру завязать морское сражение, полагая, что «победа принесет великую пользу для всего дела». Это предложение также не было принято, признано ошибочным, а морская битва — несвоевременной³¹. Арриан оправдывает такое решение Александра. Кстати сказать, факты такого рода имеются только в антипарменионовской традиции. Лишь в одном случае, при оценке сражения у Гавгамел, обе традиции более или менее совпадают. У Арриана, перед Гавгамелами на военном совете Парменион предложил стать здесь лагерем и осмотреть всю местность. Впервые его мнение здесь победило. Войска стали в том порядке, в каком должны были идти в сражение³². Но когда Парменион убеждал Александра напасть на персов ночью внезапно, Александр отверг это, подчеркнув, что ему, Александру, стыдно красть победу, он должен одержать ее в открытом бою, без хитростей³³. Курций уточняет ситуацию в пользу Пармениона. Последний, предлагая не давать общего боя, указывает на важность ночного внезапного нападения. Почти все были согласны с ним, но Александр не согласился. Вместе с тем царь сильно призадумался и с опозданием стал сравнивать свой план с предложением Пармениона³⁴.

Лишь в одном случае Арриан поддерживает Пармениона и оценивает действия Александра как безрассудные. Этот случай касается поджога персидского дворца. Македонский полководец не советовал царю сжигать этот дворец, чтобы не губить собственного имущества, но Александр ответил, что желает отомстить персам за греков³⁵. Наконец, последнее сближение двух традиций, кроме военных вопросов, мы наблюдаем в инциденте в Тарсе при болезни Александра. Парменион в письме к нему просил остерегаться врача Филиппа, будто бы подкупленного Дарием, чтобы его отравить. По свидетельству Арриана, отдав письмо читать Филиппу, царь сам без страха выпил приготовленное им лекарство, которое

³¹ Arr. I, 18, 6--9.

³² Arr. III, 9, 4.

³³ Там же, 10, 2.

³⁴ Curt. IV, 12, 21; 13, 4--10.

³⁵ Arr. III, 18, 12.

спасло его от гибели³⁶. Курций указывает, что Филипп был подкуплен Дарием за 1000 талантов и обещанием выдать за него свою сестру. Это письмо очень беспокоило Александра, и он принял решение после долгих раздумий лишь через несколько дней³⁷.

Во всех этих случаях нельзя найти причин, которые бы в какой-то мере оправдали убийство Пармениона. Арриан сделал предположение, что Александр считал невероятным, чтобы Парменион не принимал участия в заговоре сына, а если даже в нем и не участвовал, то теперь, после гибели Филоты, страшно было оставлять в живых его отца³⁸. У Диодора есть указание на то, что сам Парменион был даже вдохновителем заговора Филоты³⁹. Но здесь одни предположения. Доказательств его причастности к делу Филоты источники не приводят никаких. То, что под пыткой сын оговорил отца, не доказательство.

Характерно, что весь эпизод с посольством Дария и военным советом, в котором были изложены две различные программы действий Пармениона и Александра, в антипарменионовской традиции вовсе опущен. Арриан довольно подробно излагает мотивы Дария, приславшего к македонянам послов с просьбой отпустить царскую семью, заключить дружбу с Александром и стать его союзником. Александр не принял этих условий. В ответном письме он обвинил персов в том, что их предки вторглись в Македонию и Грецию и наделали там много зла. Они помогли врагам Филиппа участвовать в заговоре на его жизнь, всячески пытались разрушить установленный Александром мир в Элладе. Заслуживает внимания в этом ответе утверждение македонского царя о том, что он стал владыкой всей Азии и завоевания будет продолжать⁴⁰. Но Парменион здесь совершенно не участвует. В парменионовской же традиции отчетливо представлены две противоположные программы восточных походов. Отклоняя неоднократные предложения Дария, Александр объявляет свое решение его преследовать, пока он не будет убит, не огра-

³⁶ Arr. II, 4, 8—11.

³⁷ Curt. III, 6, 4—8.

³⁸ Arr. III, 26, 3—4.

³⁹ Diod. XVII, 80, 1.

⁴⁰ Arr. II, 14, 1—8.

ничиваться землями до Евфрата, продолжать во что бы то ни стало войну. Дарий должен считаться вторым, вернее, он должен уступить ему господство в Азии, ибо «мир не может управляться двумя солнцами и вместить два величайших царства при неприкосновенности земель» («Ceterum nec mundus duobus solibus potest regi, nec quo summa regna salvo statu terrarum potest habere») ⁴¹.

Курций указывает, что на военном совете никто не решался высказать своего мнения, и только Парменион смело его изложил. Он считал вполне удовлетворительными результаты первых македонских побед, результаты, которые были бы упрочены семейным и политическим союзом с персидским царем. Возможно, он также боялся, что армия все больше удаляется от Эллады, где остались многочисленные активные и решительные враги Македонии ⁴². Поэтому Парменион советовал царю не отклонять персидские предложения, которые намного превышали надежды Филиппа. При этом ему приписывают изречение: «Если бы я был Александром, я принял бы предложение». На это Александр возразил: «Я тоже, если бы я был Парменионом». Если эти высказывания обоих в их дословном тексте и не идентичны, то все же у нас нет причин сомневаться в основном содержании диалога между царем и его самым опытным полководцем. Последний уже раньше советовал отпустить за выкуп пленников из Дамаска. Это увеличило бы македонскую казну и освободило бы большое количество македонских воинов, несших охрану. Он и на этот раз настойчиво советует царю обменять одну старуху и двух девушек — обузу в пути и боевых действиях — на 30 тыс. талантов золота. Но главное он не разделяет плана дальнейших завоеваний. Богатым царством, по его мнению, можно овладеть при помощи договоров, а не войны, да и никто никогда не обладал на протяжении от Истра до Евфрата столь обширными и отдаленными землями. Не о дальнейших походах надо думать, а о закреплении того, что есть. Эта мысль выражена в словах: «Лучше оглядываться на Македонию, чем взирать на Бактрию и индусов» («Macedoniam

⁴¹ Curt. IV, 11, 15—23.

⁴² P. Cloche. Alexandre le Grand, 44—45.

quoque respiceret potius, quam Bactra et Indos intineretur»). Курций подчеркивает, что эта речь Пармениона была неприятна царю ⁴³.

Это по существу все, что мы знаем из источников о разногласиях между Александром и Парменионом. В этих разногласиях вряд ли были личные мотивы, хотя в исторической традиции, в основном ведущей к Каллисфену, указания на это имеются ⁴⁴.

Таким образом, в античной исторической традиции совершенно отчетливо вырисовываются две точки зрения на сущность взаимоотношений Александра с его главным полководцем. Это различие вызвано неодинаковыми позициями античных авторов в отношении самих восточных завоеваний и роли в них македонского завоевателя.

Антипарменионовская и парменионовская традиции из античной историографии перешли к историкам нового времени, которые, хотя и с других идейных позиций, продолжали сохранять эти две точки зрения на деятельность Пармениона. Одна часть историков, к которым принадлежат Дройзен, Кромайер, Тарн и др., неизменно принижают роль македонского полководца. Дройзен вообще не дает критики источников. Он говорит о Парменионе как об одном из подчиненных командиров, который не имел своей инициативы, а только выполнял приказы Александра. Дройзен ни разу не удосужился дать македонскому полководцу подробную характеристику. У Кромайера Парменион просто «старый рубака», не имевший никакой политической программы. Тарн указывает, что с тех пор, как Парменион пересек Дарданеллы, Александр постоянно пренебрегал его советами, и успех ему постоянно сопутствовал; Парменион потерпел неудачу при Гавгамелах, и его враги, включая Каллисфена, намекали на то, что он особенно не жаждал победы Александра. С того времени послед-

---

⁴³ Curt. IV, 11, 11—13; ср. Diod. XVII, 54, 3—6.

⁴⁴ Каллисфен, который находился в главной квартире Александра, мог быть осведомлен о ходе греко-персидских переговоров. У Каллисфена есть известное предвзятое отношение к Пармениону (Plut. Alex. 33). Однако это не означает, что разговор между Александром и его главным полководцем вообще основывается на выдумке Каллисфена.

ний оставил его в качестве связного, и Кратер упорно занимал его место помощника ⁴⁵.

В противовес историкам, придерживающимся антипарменионовской традиции, в буржуазной историографии имеет место возвеличивание роли Пармениона наряду с пренебрежением и враждебным отношением к Александру и его деятельности. Эта тенденция особенно ярко проявляется в трудах уже упомянутого немецкого историка Ю. Белоха.

Белох считает Пармениона величайшим полководцем своего времени и одним из величайших полководцев всех времен ⁴⁶. Все достижения восточной кампании историк связывает с Парменионом. Выступая против придворных писателей, приложивших много сил, чтобы доказать, что Александр в своих суждениях и действиях был самостоятелен, он, наоборот, старается доказать, что Александр во всем зависел от Пармениона. Последний руководил им при походе в Иллирию и затем в Фивы, участвовал в обсуждении плана восточного похода ⁴⁷, руководил переправой войска через Геллеспонт ⁴⁸. Во время восточного похода до смерти Дария он всюду упоминается как первый после царя, для которого им решались во всех битвах труднейшие задачи. Он командовал обороной флангов и, где нужно было, сам руководил войском, как например, зимой 334/33 гг. до н. э. в Малой Азии, осенью 333 г. в Киликии, летом 333 г. в Мидии.

По мнению Белоха, Парменион оказал решающее влияние на весь ход азиатской кампании ⁴⁹. До смерти Дария он вообще оставался на своем руководящем месте. Правда, потом Александр воспользовался первым случаем, чтобы свергнуть всемогущего полководца. Лишь после этого Александр фактически принял верховное командование, которое до сих пор имел только номинально. Крупных стратегических и тактических задач решать было не надо, ибо перед ним не было больших вражеских армий, кроме небольших ополчений

---

⁴⁵ W. Tarn. Alexander the Great, vol. II, p. 63.

⁴⁶ J. Beloch. Griechische Geschichte. Bd. IV. Berlin—Leipzig, 1927, S. 300.

⁴⁷ Diod. XVIII, 16, 2.

⁴⁸ Arr. I, 11, 6.

⁴⁹ J. Beloch. Op. cit., Bd. IV, S. 295.

царьков⁵⁰. Трудности заключались, в сущности, в огромных пространствах; поскольку Александр преодолел их, он прочно занял свое место среди полководцев первой величины.

Проанализировав контрверзы источников, Белох приходит к выводу, что взаимоотношения Александра с Парменионом в них так искажены, что несостоятельность их суждений может быть без труда доказана. Так, несостоятельным он считает указание Диодора о том, будто бы Парменион советовал Александру отложить азиатский поход и что этот совет был отклонен Александром⁵¹. Плутарх, как известно, стоит на прямо противоположной точке зрения. По Плутарху, Парменион уговаривал Александра вступить в Азию и настаивал на этом⁵².

Белох считает утверждение Плутарха правильным. Парменион, который сам воевал в Азии, лучше, чем кто-либо другой, знал, что поход уже затянулся.

Указания Арриана и Плутарха о совете Пармениона при Гранике и об отказе от этого совета Александра Белох считает риторической уловкой, ибо если бы царь действительно так сделал, как это сказано в источниках, он был бы не полководцем, а Дон-Кихотом. Историк принимает в данном случае указание Диодора, сведения которого об этой битве он считает лучшими. По этим данным, Александр сделал в точности так, как хотел Парменион⁵³.

В противовес Арриану, оправдывавшему поступок Александра, который не принял предложения своего полководца о необходимости дать бой персидскому флоту перед Милетом, Белох принимает сторону Пармениона. Прозорливость последнего в этом вопросе объясняется тем, что позднее нельзя было подавить численное превосходство врага, так как в тот момент персидский флот не мог снять осаду с Милета и еще на следующий год в своем распоряжении для наступления

⁵⁰ J. Beloch. *Op. cit.*, Bd. IV, S. 301.

⁵¹ Diod. XVII, 16, 1. Поводом для этой версии послужил более поздний совет Пармениона Александру заключить брак с Барсиной, чтобы не оставить государство без наследника. (Aristob. frgm. 7; Plut. Alex. 21).

⁵² Plut. Alex. 49.

⁵³ J. Beloch. *Op. cit.*, S. 207; ср. Diod. XVII, 19, 3.

против Греции имел не более 100 кораблей⁵⁴. Победа уничтожила бы в зародыше все сепаратистские устремления в Греции; иначе сложилось бы такое общественное мнение, что господство на море без боя уступили врагу и отказались от островов и крепкой связи с родиной. Но Александр сделал обратное тому, что он должен был сделать; он не хотел рисковать боем и решил распустить собственный флот из боязни поражения, так что у врага на море были развязаны руки. Это привело бы к катастрофе, если бы у персидского флота было лучшее руководство и если бы воодушевление персидской войной, господствовавшее в Греции, не связало руки «национальной партии». Опытный полководец, пишет Белох, лучше мог судить о положении, чем 22-летний царь⁵⁵. Для него остается «психологической загадкой», почему Александр, постоянно равнявшийся к энергичным действиям, не нашел здесь мужества для битвы⁵⁶.

Указания Плутарха, Курция и Юстина о тарсовском инциденте с врачом Филиппом во время болезни Александра (у Арриана ничего не говорится о Парменионе) Белох считает «подлой исторической фальшивкой», а утверждение о том, что персидский царь обещал врачу Александра в жены свою дочь, — абсурдным.

Вздорными и лживыми Белох считает высказывания источников и относительно переговоров Александра и Дария после битвы при Иссе⁵⁷. Правда, сам Арриан считает это не точным, поэтому дополняет словом «говорят», «рассказывают». У Птолемея и Аристубула ничего об этом не сказано. Белох считает, что Александр пошел на эти переговоры с Дарием и хотел принять эти условия, потому что тогда у него не было надежды на большее⁵⁸.

Говоря о битве при Гавгамелах (или Арбелах), Белох также подвергает сомнению сведения источников⁵⁹. Он обращает внимание на то, что и здесь у Ар-

---

⁵⁴ Arr. III, 3, 14.

⁵⁵ J. Beloch. Op. cit., S. 298.

⁵⁶ Ответ на этот вопрос см. в нашей работе «История античной Македонии», ч. II, стр. 119 и сл.

⁵⁷ Arr. II, 25, 2; Plut. Alex. 29; Diod. XVII, 54, 4. Курций относит этот факт к битве при Арбелах. (Curt. IV, 11, 11).

⁵⁸ J. Beloch. Op. cit., S. 297.

⁵⁹ Arr. III, 1, 2; Plut. Alex. 31; Curt. IV, 13, 4.

риана стоит слово «рассказывают». С его точки зрения, Гавгамелы — это шедевр Пармениона, сумевшего исправить здесь грубую ошибку Александра, который двинулся направо, не обращая внимания на то, может ли левый фланг следовать за ним. Этим он чуть не разгромил собственную боевую линию, и только героическое сопротивление Пармениона вражескому перевесу сил спасло в этот день македонян, конечно, наряду с ошибками неприятеля, которые бывают при каждой победе. Наконец, в вопросе о поджоге царского дворца в Персеполе Белох считает совет Пармениона более разумным, чем действия Александра. Последний тотчас же приказал потушить пожар, т. е. он в данном случае поступил так, как этого хотел Парменион⁶⁰.

Решительно отвергая свидетельства источников, которые не согласуются с его точкой зрения, Белох называет их пошлыми выдумками, которые не встретили серьезных возражений, а потому зашли так далеко. Белох указывает, что придворные историки Александра были озабочены тем, чтобы отнять у Пармениона его посмертную славу, и они это сделали самым коварным образом⁶¹. В защиту этой славы и выступает он.

В советской науке вопросом македонской оппозиции в армии Александра довольно подробно занимался С. И. Ковалев. Вопросы взаимоотношений Александра с Парменионом затронуты им в двух статьях⁶². Он считает, что разногласия по отдельным вопросам между Александром и Парменионом начались с самого начала азиатского похода⁶³. Первое расхождение имело место при Гранике, второе — при Милете, где С. И. Ковалев оправдывает Пармениона, третье — в Тарсе во время болезни Александра.

Все эти случаи, по мнению С. И. Ковалева, касались конкретных вопросов и не носили принципиального характера⁶⁴. Первый факт проявления оппозиции Пар-

⁶⁰ Plut. Alex. 38.

⁶¹ J. Beloch. Op. cit., S. 289.

⁶² С. И. Ковалев. Переговоры Дария с Александром и македонская оппозиция. — ВДИ, 1946, № 3; он же. Александр, Филота и Парменион. (Из истории македонской оппозиции в армии Александра). — «Учен. зап. ЛГУ», серия исторических наук, вып. 14, 1949.

⁶³ ВДИ, 1946, № 3, стр. 46.

⁶⁴ Там же, стр. 46—49.

мениона имел место в Финикии. Мнения столкнулись здесь не по какому-нибудь чисто военному случаю, а по вопросу исключительной важности. Парменион оказался в оппозиции, потому что не разделял универсалистских стремлений Александра. Вопрос о принятии или отклонении персидских предложений был прежде всего вопросом политическим⁶⁵. Парменион решил его так, как диктовала ему его принадлежность к македонской знати, ограниченной в своем кругозоре, связанной всеми корнями с Балканским полуостровом, или еще уже, с Македонией, воспитанной в традициях Филиппа, планы которого едва ли шли дальше создания Балканской «империи» со включением в нее западной части Малой Азии⁶⁶. Эту же мысль еще раньше по существу высказал Керст, который в совете Пармениона и ответе Александра по поводу посольства Дария видел первое отчетливое выражение фактической противоположности, которая образовалась между традициями политики Филиппа и тенденциями господства Александра. Зоркий наблюдатель, каким, безусловно, был Парменион, мог предчувствовать то, что политика, проводимая Александром по преследованию своего противника глубоко внутрь Персидского государства, имела свой собственный центр тяжести в основании нового великого царства в Азии, мало связанного с македонским отечеством. Это, говорит Керст, было большим и важным решением, которое принял Александр, когда отклонил мирные предложения Дария. Традиции македонского «народного» царства должны были отступать перед планами мирового господства: пути, которыми пошел новый азиатский царь, расходились с путями, которые были указаны прежней историей Македонии, политикой Филиппа⁶⁷.

Между тем на совете в связи с посольством Дария Парменион не выражает еще никакого протеста против восточной политики Александра. Да и сама эта политика еще ни в чем особенно не проявилась, чтобы вызвать осуждение.

⁶⁵ ВДИ, 1946, № 3, стр. 56.

⁶⁶ Там же, стр. 56. См. также: U. Wilcken, *Alexander der Grosse und die hellenistische Wirtschaft*, S. 48; U. Wilcken, *Alexander der Grosse*, S. 102; J. Kaerst, *Op. cit.*, S. 379.

⁶⁷ J. Kaerst, *Op. cit.*, S. 289—290.

Пармениона нельзя причислить к числу противников восточных походов. В обеих традициях совершенно определенно подчеркивается инициатива его в этом вопросе. По Плутарху, он был единственным, кто уговаривал македонского царя вступить в Азию или особенно на этом настаивал⁶⁸. Это же утверждение мы находим у Курция, согласно которому Парменион первый открыл царю путь в Азию, с ним он разделял все опасности, во всех сражениях командовал одним из флангов: он был первым другом Филиппа и преданным Александру⁶⁹. Его преданность может быть подтверждена многими фактами. Кроме тех, о которых уже было сказано, заслуживает внимания еще один любопытный факт, приведенный Аррианом. В Фаселиде, когда царю донесли, что против него замышляет начальник фессалийской конницы Александр, брат Геромена и Аррабея, причастных к убийству Филиппа, Парменион резко осудил действия заговорщика. Попавшего в плен Сисина, связанного последнего, он арестовал и отправил его под стражей к царю. Этот факт — неопровержимое доказательство того, что македонский полководец не только охранял жизнь царя, но и был непримиримым противником той оппозиции, которая физически устранила отца Александра⁷⁰. Курций приводит другое указание, подтверждающее преданность полководца своему царю. Когда Александр перехватил письма Дария, в которых персидский царь подбивал греческих солдат убить его, он хотел огласить эти письма на военной сходке, твердо уверенный в преданности и расположении к нему греков. Но Парменион сумел его убедить не делать этого опрометчивого шага; не следует доводить до слуха солдат таких соблазнительных вещей: вель царь ничем не защищен от козней какого-либо одного преступника, а для алчности нет ничего запретного⁷¹.

В источниках ни в данном случае, ни в других нет ни одного указания о том, что Парменион участвовал в заговоре против Александра. После всего, что мы знаем

---

⁶⁸ Plut. Alex. 49.

⁶⁹ Curt. VII, 1, 3.

⁷⁰ Arr. I, 25, 1—5.

⁷¹ Curt. IV, 10, 17.

о нем, мы можем считать его участие в заговоре в высшей степени невероятным. Об этом говорит не только его испытанная верность Филиппу и Александру, но и озабоченность судьбами самой македонской армии, ибо физическое устранение царя в тогдашних условиях, среди враждебной или, по крайней мере, чужой страны, должно было произвести лишь всеобщее замешательство. Керст даже предполагает, что если бы Парменион знал о намерениях своего сына против жизни Александра, он попытался бы отговорить его от этого⁷². Тем не менее Александр перед войском, судившим Филоту, называет Пармениона преступником, главой заговора. Филота является только его орудием⁷³. Основанием для такого обвинения было перехваченное письмо полководца к его сыновьям Никанору и Филоте, в котором было сказано: «Сначала позаботьтесь о себе, затем о своих; так мы достигнем желаемого». Александр усмотрел в этом месте тайный намек, который был понятен для сыновей и в то же время вводил в заблуждение неосведомленных людей в случае, если письмо будет перехвачено⁷⁴. В действительности это письмо для серьезных подозрений не давало повода. Дело было в другом. Идеи Пармениона, которые были им высказаны на военном совете в связи с посольством Дария, получили в дальнейшем более широкое распространение среди той части македонской знати, которая противопоставилась как восточной политике Александра, так и его намерениям новых завоеваний. Эти намерения особенно четко определились после смерти персидского царя и захвата всего его царства. Появился новый курс Александра, отличный от программы Филиппа⁷⁵. Всякие дискуссии и особенно критику этого нового курса Александр решительно пресекал. Выступать открыто против этого курса было крайне рискованно. И хотя образовался фронт молчания, оппозиция возникла и устами Пармениона заявила о себе. По выражению Ф. Шахермейра, Парменион вместе с тенью Филиппа стоял между планами Александра и их осуществлением.

⁷² J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 335.

⁷³ Curt. VI, 9, 4—5.

⁷⁴ Там же, 9, 13—15.

⁷⁵ Benoist-Mechin. *Alexandre le Grand ou la Rêve de passe*. Clairfontaine. Lausanne, 1964, p. 154.

«В Филиппе и Парменионе, а не в варварах видел царь собственных врагов своей мировой цели»⁷⁶. Поэтому Александр под видом выполнения особых поручений отдалял от себя старого полководца, а в походах по возможности не прикреплял к нему македонских войск, чтобы они отвыкли от руководства ими Пармениона⁷⁷. Когда эти меры македонскому царю показались недостаточно эффективными, он решил освободиться от него при помощи насилия.

Опасаясь распространения идей старого полководца, Александр отобрал тех македонян, которые дурно говорили о нем; тех, кто негодовал по поводу гибели Пармениона; тех, кто в письмах, отправленных родным в Македонию, дурно отзывался о царских намерениях. Он соединил их в один отряд, который назвал «отрядом беспорядочных», так как боялся, чтобы они своим ропотом и свободными речами не развратили остальное войско⁷⁸. Эта боязнь не была напрасной. В македонской армии становилось все больше недовольных, среди которых все определеннее вынашивалась мысль о физическом устранении царя. Началась подготовка заговоров. Первым из них был заговор, с которым античная традиция связывает старшего сына Пармениона Филоту, начальника македонской конницы, который после самого царя и своего отца занимал самое выдающееся место в войске. Насколько мы можем заключить из сохранившейся до нас традиции, по своему существу он был характерным представителем македонской знати, отважным и смелым, щедрым для своих друзей и соратников и в то же время гордым и даже надменным по отношению к тем, кто не принадлежал к его кругу⁷⁹. Полный честолюбивого стремления играть в событиях решающую роль, Филота наталкивался на новую политику царя, шедшую вразрез с его собственными политическими взглядами, которые в кругу знати он открыто пропагандировал.

Филота в течение многих лет был связан с Александром чувством дружбы и взаимного доверия. Он состоял

---

⁷⁶ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 265—266.

⁷⁷ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 193.

⁷⁸ Curt. VII, 2, 35—37.

⁷⁹ J. Kaerst. Op. cit., S. 333—334.

в близком родстве с важными представителями македонской знати и царского дома, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали первым после Александра по могуществу, выносливости, щедрости и верности друзьям⁸⁰. Его активное участие в крупнейших внешнеполитических акциях Македонского государства не вызывает сомнения. Недаром восставшие фиванцы потребовали от Александра выдачи Филоты и Антипатра⁸¹.

В восточных походах сын Пармениона участвует с самого начала. Причем накануне этих походов он выступает как руководитель только части македонской конницы, каждый раз противостоявшей правому флангу противника. Так было во время борьбы с трибаллами, так было и в битве с Главкием, царем тавлантиев⁸². При вступлении македонских войск в Малую Азию Филота получает командование всей конницей⁸³. Вместе с лучниками и агрианами-дротометателями он выступает на правом фланге при Гранике⁸⁴. Из Милета был послан со всадниками и 3 таксисами пехоты для предотвращения высадки персидского флота в Микале⁸⁵. Затем продолжал выполнять важные поручения царя⁸⁶. При Иссе и Гавгамелах он руководил правым крылом всей конницы, продолжал выполнять свои функции начальника конницы вплоть до прибытия в столицу Дрангианы Фраду, где разразилась над ним катастрофа.

В Дрангиане был раскрыт заговор против Александра. Филота был обвинен как соучастник заговора, предан войсковому суду македонян и этим же судом приговорен к смерти. Истинная картина этого процесса в источниках запутана и искажена риторикой. Попытку распутать ее сделал С. И. Ковалев⁸⁷.

Мы знаем очень мало о ходе событий. Единственно определенный пункт в традиции, сохранившийся у Пто-

⁸⁰ Plut. Alex. 48.

⁸¹ Там же, 11.

⁸² Arr. I, 2; 1, 5; 5, 9.

⁸³ Diod. XVII, 4; ср. Curt. VI, 9, 21.

⁸⁴ Arr. I, 14, 1.

⁸⁵ Там же, 19, 8.

⁸⁶ Strabo, XIV, стр. 676.

⁸⁷ См. С. И. Ковалев. Александр, Филота и Парменион. — «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 14, 1949, стр. 280—308.

лемея, гласит о том, что Филота был обвинен перед войсковым судом македонян и признан его участниками виновным в заговоре, потому что он, по его собственному признанию, знал изменнический план, но утаил его от царя. Это единственное надежное сообщение, которое дошло до нас об этой катастрофе. Все остальное остается во многом неясным и туманным. Апологетическая традиция говорит о событиях в самом общем виде. Арриан, опираясь на известия Птолемея, лишь упоминает о том, что в македонском собрании воинов Александр выступил обвинителем Филоты, особенно возмущаясь тем, что последний знал о готовящемся против царя заговоре и не сказал о нем ни слова, хотя по два раза в день бывал в царской палатке⁸⁸.

Более подробно дело Филоты излагается в антиалександровской традиции Курцием Руфом. Пока дело было вынесено на суд войскового собрания, оно было изучено лично Александром, затем на совещании его друзей и только потом передано на рассмотрение собрания воинов.

Призвав Филоту к себе, Александр укорял его в том, что он скрывал заговор. «Чем теснее наша дружба,— говорил он,— тем более преступно твое укрывательство»⁸⁹. В ответ на это Филота будто бы обнял царя, утверждая, что не придавал значения доносу, и просил, чтобы о нем судили по прошлому, а не по его неумышленной ошибке. Царь дал ему правую руку в залог возобновления дружбы и сказал, что ему действительно кажется, что Филота пренебрег доносом, а не скрыл его по злему умыслу⁹⁰.

Таким образом, если верить Курцию, в личной беседе с Филотой Александр был вполне удовлетворен, а Филота прощен. Но здесь на сцену выступает другая сила — «друзья» Александра, которые на тайном своем совещании в отсутствие обвиняемого дают иное направление делу.

Ярым противником Филоты на этом совещании оказался Кратер, который ненавидел его и искал удобного случая, чтобы расправиться с ним. В речи Кратера не

---

⁸⁸ Arr. III, 26, 1—3.

⁸⁹ Curt. VI, 7, 32.

⁹⁰ Там же, 7, 35.

было конкретных обвинений, но вся она проникнута нескрываемой враждебностью и ненавистью к Филоте. Кратер предостерегает царя от гуманных решений по отношению к этому человеку, который, даже получив прощение, не переменится, ибо он зашел далеко и всегда снова сможет составить заговор. Кратер указывает на опасность, которая исходит от отца Филоты Пармениона, стоявшего во главе большой армии и пользовавшегося большим влиянием у македонских солдат. Парменион не будет относиться равнодушно к судьбе своего сына. Кратер подчеркивает, что Александру придется бороться с этими людьми за свою жизнь⁹¹. Кратер напоминает царю, что у него уже достаточно врагов, которых он, Кратер, и его единомышленники готовы преследовать беспощадно и решительно. «Берегись врагов в своей среде! — восклицает Кратер. — Если ты справишься с ними, я не боюсь ничего извне»⁹².

Другие участники совещания выступили также против Филоты. Они не сомневались, что последний злоумышленно скрыл заговор, так как был его главой. Правда, доказательств веских в пользу своей версии, так же как Кратер, не приводят.

Характерно, что кроме Кратера были заинтересованы в строгом наказании Филоты Кен, Эригий, а также телохранители Пердикка и Леоннат. Именно они приняли меры, чтобы отрезать путь к Пармениону, для чего закрыли все выходы из лагеря, подступы к жилищу Филоты. Отрядом Афаррия он был схвачен сонный, закован в цепи и с закрытой головой введен в шатер царя⁹³. Эти же люди с согласия Александра решили назначить над обвиняемым следствие, чтобы выявить остальных участников заговора. Следствие было организовано с пристрастием. По инициативе и под непосредственным влиянием Гефестиона, Кратера и Кена он был подвергнут жестоким пыткам⁹⁴.

Истерзанный изощренными орудиями пыток, Филота признал, что слушал речи погибшего в сражении Гегелоха, который выступал против обожествления Алек-

---

⁹¹ Curt. VI, 8, 8—9.

⁹² Там же, 8, 2—9.

⁹³ Там же, 8, 17—22.

⁹⁴ Там же, 11, 10, 15.

сандра. Гегелок, сын Гиппострата, знатный македонянин, с самого начала принимал участие в восточных походах. Он руководил разведкой перед битвой при Граннике, образовал флот на Геллеспонте для возвращения захваченных персами островов, проводил этим флотом операции большого размаха, при Гавгамелах участвовал в качестве иларха конницы гетайров. Он был другом Пармениона и резко выступал против обожествления царя. «Мы потеряли Александра,— говорил он,— потеряли царя и попали под власть тирана... ценой нашей крови мы создали бога, который пренебрегает воинами»⁹⁵. Гегелок будто бы сообщил Филоте об антиалександровском заговоре, который собирается возглавить, и просил об участии в нем его и Пармениона. Последний однако считал этот шаг несвоевременным, пока жив Дарий. При жизни персидского царя смерть Александра была бы только на руку Персии, но при иной ситуации физическое устранение Александра доставило бы участникам этого акта весь Восток. Такой план был принят и скреплен взаимными клятвами. Поводом для недовольства царем было уничтожение им старых македонских порядков и традиций. Филота, однако, даже под пыткой говорил о том, что о раскрытом заговоре ничего не знает. Но когда пытки усилились, он признался во всем том, чего от него требовали члены следственной комиссии⁹⁶. «Скажи, Кратер, что ты желаешь услышать от меня?» — произнес измученный Филота. Он обещал сказать своим палачам то, чего они от него добивались⁹⁷.

Характерно, что накануне следствия в собрании воинов Филота полностью отрицал свое участие в каком-либо антиалександровском заговоре. Он отметил, что на этот счет совесть у него чиста, свою невиновность подтверждал следующими доказательствами: 1) никто не называл его среди заговорщиков; 2) когда пришли его арестовать, он крепко спал спокойным сном, как не могут спать преступники, терзаемые угрызениями совести; 3) единственная его вина в том, что он не сооб-

⁹⁵ Arr. I, 13, 1; III, 2, 5—6; 11, 8; Curt. III, 1, 19; IV, 5, 22, VI, 11, 22—25.

⁹⁶ Curt. VI, 11, 22—30; ср. Diod. XVII, 80, 1—2.

⁹⁷ Curt. II, 17, 19.

шил Александру о разговоре юношей; но эта вина незначительна, он не поверил пустым словам, как в свое время не поверил сам Александр Пармениону, когда тот предупреждал царя о кознях против него врача Филиппа ⁹⁸.

Александр не слышал этих объяснений Филоты, так как покинул собрание перед тем, как тот начал речь в свою защиту. Перед самим собой царь уже осудил Филоту на смерть, но, сохраняя старые македонские традиции, выступил перед войском в качестве обвинителя. Зачинщиком и главой заговора он назвал Пармениона, орудием которого служил его сын Филота ⁹⁹. Это тяжкое обвинение подкрепляется рядом примеров из опасного поведения последнего. Во-первых, Филота присоединился как друг и союзник к Аминте, составившему в Милете заговор против Александра. Во-вторых, Филота выдал свою сестру замуж за злейшего врага Александра — Аттала. В-третьих, когда Александр написал Филоте по праву близкой дружбы о том, что он стал сыном бога, то тот ответил, что поздравляет его с принятием в сыны богов, но жалеет тех, кому придется жить под властью превысившего удел человека. Это, по мнению Александра, признаки того, что Филота завидует его славе и отточил против него свой меч ¹⁰⁰. В-четвертых, царь прочел захваченное письмо Пармениона как вещественное свидетельство виновности его самого и его сына. И, наконец, в-пятых, несмотря на то, что Парменион был поднят на большую высоту, имел под своей властью богатую Мидию и много тысяч граждан и союзников, а Филота поставлен во главе конницы — лучшей части армии, обоим этого было мало ¹⁰¹. Александр приходит к выводу, что преступные замыслы Филоты связаны с его страстной жадной царской властью ¹⁰². Тот факт, что никто из заговорщиков не выдал его, объясняется Александром тем, что они, признавшись сами, не упомянули о нем, боясь его ¹⁰³.

---

⁹⁸ Curt. VI, 10, 13—14, 34—35.

⁹⁹ Там же, 9, 5.

¹⁰⁰ Там же, 17—20.

¹⁰¹ Там же, 21—22.

¹⁰² Там же, 11.

¹⁰³ Там же, 1—16.

На этом собрании против Филоты выступил его родственник, муж его сестры, Кен. Он обвинял его сильнее всех остальных, ставил ему в вину предательство царя, страны и войска ¹⁰⁴. Другой полководец, Болон, храбрый воин, старый солдат, вышедший из простого народа, на собрании говорил о надменности Филоты, о его богатстве, о его повозках, груженных золотом и серебром ¹⁰⁵. Но ни Кен, ни Болон не привели ни одного довода для доказательства участия Филоты в заговоре.

Выступил против Филоты и полководец Аминта. Он тоже не привел никаких доказательств вины его. Но поднял вопрос, который вызвал беспокойство Александра. Обращая внимание воинов на то, что важно беречь жизнь своего начальника и полководца, в противном случае они будут игрушкой в руках своих врагов и станут, подобно телу, лишённому головы,— он между прочим подчеркнул, что их предали варварам, что никто не вернется на родину, к своим пенатам.

Курций указывает, что речь Аминты была не так приятна царю, как тот надеялся, ибо, напомнив солдатам об их семьях и родной стране, он сделал их менее усердными к совершению новых подвигов ¹⁰⁶.

К чему же свелось конкретное обвинение Филоты со стороны той части командного состава, которая была заинтересована в гибели начальника македонской конницы?

Враги Филоты могли его лишь упрекнуть в высокомерии, в стремлении восхвалять свою доблесть и свои заслуги ¹⁰⁷. Плутарх пишет, что высокомерие Филоты, его богатства и роскошь в образе жизни считались недопустимыми; в той важности и в том величии, какие он придавал себе, было что-то поддельное и грубое ¹⁰⁸.

Резкое выступление против Филоты простого командира Болона, вышедшего из народа, в известной степени было ответом на то презрение, которое оказывал сын Пармениона, типичный представитель македонской

---

¹⁰⁴ Curt. VI, 9, 30—33.

¹⁰⁵ Там же, 11, 1—7.

¹⁰⁶ Там же, 9, 28—29.

¹⁰⁷ Там же, 8, 8—9.

¹⁰⁸ Plut. Alex. 48; 40; ср. Curt. VI, 8, 3.

знати, по отношению как к побежденным персам, так и к своим рядовым воинам¹⁰⁹.

Другие соратники Александра из-за соперничества и зависти недолюбливали Филоту и, с давних пор питая к нему ненависть, осыпали его клеветой¹¹⁰. Они стали убеждать Александра в том, что легкомысленно думать, будто бы простой и незначительный человек мог отважиться на покушение. Заговорщик был только орудием в руках более сильной личности. Заговорщиков, говорили они, надо искать среди тех, кому всего выгоднее было скрыть заговор¹¹¹. Намек был явный на Филоту.

Даже в апологетической традиции мы не имеем ясных указаний на действительную виновность Филоты. Арриан только в общих словах указывает, что люди, раскрывшие заговор, привели явные улики, разоблачавшие Филоту и его единомышленников¹¹². Но какие это улики — неизвестно.

Птолемей и Аристокласс рассказывают, что о заговоре Филоты Александру доносили еще в Египте, но он не придавал этому значения. Старинная дружба, почет, оказываемый им Пармениону, доброе отношение к его сыну — все сделало донос не заслуживающим доверия¹¹³.

В одном месте только Плутарх говорит о том, что однажды подвыпивший Филота стал рассказывать своей любовнице Антигоне о своих военных подвигах; себе и отцу он приписывал самые большие дела. Александра называл мальчишкой, который пожал плоды их трудов. Антигона не сумела или не захотела сохранить этот единственный разговор в тайне, и он стал достоянием Кратера. Кратер привел Антигону к Александру, который выслушал ее и велел ей остаться при Филоте согладатом¹¹⁴.

Эти указания Плутарха, однако, тоже ничего определенного о непосредственном участии Филоты в анти-александровском заговоре не говорят. Это указание интересно лишь тем, что снова мы видим Кратера,

---

¹⁰⁹ Curt. V, 2, 13—15; VI, 11, 4; Diod. XVII, 66, 3—7.

¹¹⁰ Plut. Alex. 48, 49.

¹¹¹ Там же, 49.

¹¹² Arr. III, 26, 1—3.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Plut. Alex. 48.

ищущего причин для обвинения своего противника Фило́ты.

Таким образом, ни один источник не оставил нам достоверных сведений об участии Фило́ты в заговоре, как его инициатора и руководителя.

Несмотря на подробное изложение процесса Фило́ты, которое мы имеем, главным образом, у Курция Руфа, мы знаем очень мало надежных сведений об этом событии. Арриан предлагает лишь краткие и большей частью неясные сведения о нем. Следуя за Пто́лемеем, он пытался сгладить существо и ожесточенность конфликта. У него полностью отсутствует эпизод пыток, хотя все другие писатели — Курций, Плутарх, Диодор — о них вспоминают. У Арриана решающую роль в судьбе Фило́ты играет суд войскового собрания, в то время как другие делают главное ударение на допрос его перед гетайрами¹¹⁵.

Только при критическом использовании сообщений Диодора, Курция и Плутарха можно дать более или менее правильное истолкование этих трагических событий¹¹⁶.

Характерно, что тем же войсковым собранием, которое осудило Фило́ту, были оправданы Аминта, сын Андромена, и его братья, люди из македонской земли, находившиеся в близких связях с ним. Этот факт имеет место в обеих традициях.

Аминта, Симмия, Аттал и Полемон, как близкие друзья Фило́ты, были обвинены как участники заговора. Причиной возбуждения против них обвинения было бегство их младшего брата Полемона, узнавшего, что Фило́ту подвергают пыткам. Кроме того, вызвало подозрение стремление начальника конницы выдвигать этих людей на высокие и почетные должности и приблизить их к себе. Они действительно приблизились к нему и накануне раскрытия заговора имели с ним тайное свидание. Наконец, писец Антифан при коннице, когда потребовал от Аминты, чтобы он по обычаю выделил часть своих лошадей тем, кто их потерял, получил надменный ответ, который можно истолковать как выпад против царя¹¹⁷.

¹¹⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 332.

¹¹⁶ Там же, стр. 395.

¹¹⁷ Curt. VII, I, 12—16.

На суде Аминта энергично защищался перед македонянами. Он говорил, что не признает за собой вины в намеренном оскорблении царя. У него нет никакой ненависти к Александру¹¹⁸. Аминта не отрицал дружбы с Филотой. Из этой дружбы он, Аминта, извлек большую пользу. Но Филота и Парменион были приближенными самого царя. Мы же поклялись, что будем иметь «общих с тобой врагов и друзей»¹¹⁹.

Войсковое собрание сняло с Аминты обвинение. Оправданный, он тут же попросил разрешения отправиться за братом и привести его к Александру. Такое разрешение он получил, и когда в тот же день привел брата, с него было снято уже всякое подозрение¹²⁰.

Таким образом, друзья Филоты были полностью оправданы, а сам Филота, вина которого по существу также не была доказана, был убит. Если бы существовали доказательства его вины, Птолемей, конечно же, не умолчал бы о них, а человек, который знал имена заговорщиков и довел до сведения о них царю, не указал имени Филоты.

Мы видели, что в этом убийстве были заинтересованы как соратники Александра, так и сам Александр. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что в командном составе македонской армии шла острая борьба верхов. Группировавшиеся вокруг царя командиры македонской пехоты пытались оттеснить от него руководителей македонской конницы и самим занять ключевые позиции в македонской армии.

Что касается самого Александра, то его отчуждение, а затем и ненависть к Филоте были вызваны мотивами не столько личного свойства, сколько общим характером восточной политики. Царя оскорбляли достигшие его ушей неосмотрительные высказывания Филоты относительно обожествления Александра, его политики смещения народов, его зазнайство за счет труда и успехов других. В гневе и раздражении он часто бросал против царя неподобающие речи¹²¹.

Эти высказывания не только омрачали взаимные от-

¹¹⁸ Curt. VII, 1, 21—22.

¹¹⁹ Там же, 29.

¹²⁰ Arr. III, 27, 1—3.

¹²¹ Curt. IV, 7, 25—32; Just. XI, 7—12; Plut. Alex. 27—28, 49; Diod. XVII, 51; Arr. III, 4, 5; Strabo, XVII, 1, 43.

ношения, но укрепляли убеждение царя в том, что речь идет о серьезной опасности для него и его политики и что необходимо принять энергичные меры защиты¹²². В этой необходимости старались убедить его соратники. Общая обстановка в армии и среди окружения Александра способствовала укреплению уверенности в этой необходимости. Антиалександровский заговор, безотнositельно к тому, участвовал ли в нем Филота или нет, фактически имел место и таил в себе большую опасность. Правда, источники не дают нам возможности проследить социальную направленность и основные движущие силы этого заговора. Арриан, верный своей апологетической традиции, вообще ничего о заговоре не говорит. Эта традиция не заинтересована в обнажении социальных противоречий.

Плутарх называет руководителем заговора македонянина, простого человека из Халестры — Лимна. Кто этот Лимн и какова его программа — неизвестно. Автор ограничивается только известием о том, что Лимн, задумав заговор против Александра, пригласил участвовать в нем юношу Никомаха, который не только отказался от этой затеи, но и рассказал об этом своему брату Кебалину. Последний, желая передать эти сведения о покушении царю непосредственно, дважды попросил Филоту представить его Александру, но тот под разными предлогами не выполнил его просьбы; тогда он обратился к другому, и царь узнал о готовящейся расправе с ним. При попытке схватить Лимн оказал сопротивление и был убит¹²³.

Более подробно, по понятной причине, мы узнаем о заговоре из трудов антиалександровской традиции.

У Курция Руфа мы имеем некоторые новые сведения. Лимн, которого он называет Димном, был приближенным царя, человеком среднего положения¹²⁴. Под клятвой молчания он открывает Никомаху тайну о наличии заговора, имевшего цель убить на третий день царя. В этом заговоре участвует Димн вместе со смелыми и выдающимися мужами (*fortibus viris et illustribus*)¹²⁵. Он выболтнул Никомаху участников заговора:

¹²² J. K a e r s t. Op. cit., S. 355.

¹²³ Plut. Alex. 49.

¹²⁴ Curt. VI, 7, 2.

¹²⁵ Там же, 6.

это — Деметрий, один из телохранителей Александра, Певколай и Никанор, Афобет, Иолай, Диоксен, Археполис и Аминта¹²⁶. Во всем остальном сведения почти идентичны с тем, что выше было приведено из Плутарха¹²⁷.

Диодор называет заговорщика, как Плутарх, Лимном. Он один из «друзей» царя, за что-то упрекал его и увлеченный пнемом решил составить против него заговор¹²⁸. Последующий рассказ повторяет Плутарха и Курция Руфа¹²⁹.

Таким образом, из источников мы не можем сделать заключения о причинах возникшего заговора. Но поскольку он возник в среде непосредственного окружения царя и имел целью его физическое устранение, можно предположить наличие в этой среде определенного недовольства восточной политикой Александра, которая именно в это время начинала получать свое отчетливое выражение.

К. К. Зельин в упомянутой статье выступает против той точки зрения, которая утверждает, что оппозиция связана с недовольством так называемой ориенталистической политикой Александра. В частности, он полагает, что нет основания связывать теснейшим образом два явления — заговор Филоты и оппозицию восточным обычаям, вводимым Александром¹³⁰.

Нам представляется, что ближе к истине стоит С. И. Ковалев, который усматривает именно эту связь. Все, что нам известно об этом заговоре, говорит о том, что противники Александра, особенно в Египте, выступили против его обожествления. Последнее было огромным шагом в сторону ориентализации македонской политики и разрыва с традициями старой македонской монархии¹³¹.

По мнению К. К. Зельина, в заговоре Филоты проявились прежние противоречия македонского общества.

¹²⁶ Curt. VI, 7, 14—15; 11, 35; ср. Arr. III, 27, 5.

¹²⁷ Там же, 16—30.

¹²⁸ Diod. XVII, 79, 1.

¹²⁹ Там же, 2—16.

¹³⁰ К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 269.

¹³¹ С. И. Ковалев. Александр, Филота и Парменион. — «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 14, 1949, стр. 282.

Оппозиция вышла из среды вождей всадников-гетайров, в борьбе против которой Александр опирался на знать Верхней Македонии в лице предводителей педзатайров и на своих «друзей» из Пеллы. «В глубине Азии при изменившейся обстановке, в рамках великой мировой державы продолжалась та же борьба, обнаружилась та же противоречия, какие наметились в сравнительно небольшом Македонском государстве¹³².

Таким образом, К. К. Зельин отрицает восточную почву оппозиции, не признает в качестве ее основы новых изменений в македонской армии и политике на востоке и совершенно не объясняет, почему же оппозиция выступила против Александра. Отдельные интересные наблюдения автора не вскрывают, однако, основных причин, побудивших оппозицию к активным действиям.

Вряд ли можно принять такое категорическое утверждение.

§ 2. Клит и Каллисфен

Спустя два года после подавления антиалександровского восстания и гибели Филоты жертвой необузданной ярости Александра стал его молочный брат Клит, сын Дропида, погибший в 328 г. до н. э. во время праздника Дионисия, который справляли македоняне в Маракаде.

Александр в то время стал не только в полной мере победителем над Персидской державой, но и проводником новой восточной политики, которую хотел противопоставить своей прежней чисто греко-македонской политике. С другой стороны, это было время утомительной и изматывающей борьбы со среднеазиатским населением, особенно в Бактрии и Согдиане, выступившим против македонского нашествия.

Событие, связанное с Клитом, нашло в источниках различные толкования.

В апологетической традиции довольно определенно проходит мысль о критике Клитом восточной политики македонского царя. Прежде всего подвергаются осуждению восточные обычаи, которые к этому времени усиленно внедрялись в среду македонян.

---

¹³² К. К. Зельин. Указ. соч., стр. 270.

Арриан подчеркивает, что Клит уже давно и явно огорчился и растущей склонностью Александра к варварским обычаям, и лестью, которую ему расточали ¹³³. Так, царь изменил македонскому обычаю и принес жертву Диоскурам. В дальнейшем им определил жертвоприношение ¹³⁴. У него вошло в привычку пировать по-новому, по-варварски. Воображая себя в глубине души сыном Амона, Александр потребовал, чтобы ему кланялись в землю; восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал дворцовый этикет ¹³⁵.

Менее отчетливо проходит противопоставление Филиппа Александру. Согласно Арриану, когда некоторые стали припоминать то, что сделал Филипп, Клит стал превозносить последнего, а Александра и его дела приижать ¹³⁶. Почему Филиппу отдается предпочтение перед его сыном, источником не раскрывается. Клит, разгоряченный вином, стал резко поносить Александра, который приписал себе подвиги, совершенные македонянами. Он стал похваляться, что спас Александра в битве при Гранике ¹³⁷. Александр не в силах был переносить эти пьяные дерзостные речи и был готов совершить непоправимое.

Характерно, что в отличие от дела Филоты, в трагическом исходе которого соратники Александра были заинтересованы, здесь они, наоборот, старались удерживать царя от рокового шага. Арриан говорит, что когда Александр в гневе хотел броситься на Клита, его удержали собутельники. Он призвал щитоносцев, никто не явился на зов. Ему пришлось констатировать, что его положение ничем не отличается от положения Дария, который оставался царем по имени, когда его схватили Бесс и его единомышленники ¹³⁸. Телохранитель Птолемей вытащил Клита через ворота, по всей вероятности, желая спасти его от пибели ¹³⁹.

---

¹³³ Агг. IV, 8, 4.

¹³⁴ Там же, 2.

¹³⁵ Там же, 9, 9.

¹³⁶ Там же, 8, 6.

¹³⁷ Там же, 5—7.

¹³⁸ Там же, 8.

¹³⁹ Там же, 9.

Однако все эти предостережения соратников Александра не увенчались успехом. Александр поразил Клита сариссой, от чего последний тотчас же скончался¹⁴⁰.

Арриан довольно подробно описывает раскаяние Александра после убийства. Царь намеревался покончить с собой, считая, что недостойно жить после того, как в пьяном виде убил своего друга¹⁴¹. Он оплакивал его три дня, ничего не ел и не пил, хотел броситься на сариссу¹⁴². Софист Анаксарх взял на себя миссию утешения. Он доказывал Александру, что все, что идет от великого царя, должно почитаться справедливым, что его воля выше требования морали. Этими словами ему удалось утешить Александра¹⁴³.

Арриан сильно порицает Клита за его дерзкое поведение с царем, а Александра, оказавшегося во власти двух пороков — гнева и пьянства, жалеет¹⁴⁴.

Близок к Арриану в изложении событий, связанных с участием Клита, Плутарх. В его интерпретации Клит также выступает против восточной политики Александра. Он иронически относится к обожествлению царя, которого македоняне своею кровью и ранами подняли так высоко, что дали ему возможность отречься от своего отца Филиппа и выдать себя за сына Амона¹⁴⁵. Клит выступает также против политики сближения с персами. Он не может примириться с тем, что мидийские палки гладят македонян, а последние просят у персов разрешения пустить их к своему царю¹⁴⁶. Если Александр не хочет говорить открыто со свободными людьми, пусть живет с варварами и рабами, которые будут падать ниц перед его персидским поясом и беловатым хитоном¹⁴⁷.

В отличие от Арриана Плутарх говорит о старых и молодых воинах, по-разному относившихся к восточным мероприятиям Александра. Вылившая молодежь пела

---

¹⁴⁰ Агг. IV, 8, 8.

¹⁴¹ Там же, 9, 2.

¹⁴² Там же, 3—4.

¹⁴³ Там же, 7—8.

¹⁴⁴ Там же, 8, 5; 9, 1.

¹⁴⁵ Plut. Alex. 50.

¹⁴⁶ Там же, 51.

¹⁴⁷ Там же.

песню, написанную на позор и осмеяние полководцев, недавно разбитых варварами. Старшие воины выразили неодобрение такому поведению, стали бранить поэта и певца. Но Александр и его соратники поощряли молодых¹⁴⁸.

Плутарх считает Клита дерзким и чванливым человеком. Он совершил свой поступок в пьяном виде. Александр не мог спокойно смотреть, как он возмущает македонян, и поэтому расправился с ним еще свирепее, чем с Филотой, хотя и сделал это не намеренно, а по несчастному случаю¹⁴⁹.

Как и Арриан, Плутарх говорит о том, что телохранители Александра пытались всячески спасти Клита и отрезвить царя. Когда Александр стал в гневе искать меч, чтобы пронзить им своего обидчика, телохранитель Аристон успел этот меч убрать. Трубач отказался трубить тревогу, за что получил от Александра удар кулаком. Клита крепко держали друзья и с трудом вытолкали его из комнаты. Он тут же вошел в другие двери и смело и презрительно стал декламировать стихи из еврипидовой «Андромахи». Схватив копье у кого-то из копьеносцев, Александр пронзил им Клита¹⁵⁰. Затем наступило раскаяние, желание наложить на себя руки. Этот эпизод излагается идентично с арриановским. Только у Арриана царя утешает софист Анаксарх, у Плутарха эту функцию выполняет прорицатель Аристандр, который напоминает Александру его сон о Клите: будто он сидит вместе с сыновьями Пармениона, которых уже не было в живых. Сон этот подтверждал, что все случившееся давно было предопределено судьбой. Под влиянием этих утешений Аристандра Александр стал успокаиваться¹⁵¹. После своего страшного поступка под влиянием некоторых своих приближенных он предался роковому заблуждению, что его воля является высшим законом.

В антиалександровской традиции с большей определенностью противопоставляются две принципиально разные точки зрения, высказанные Александром и Кли- том.

---

¹⁴⁸ Plut. Alex., 50.

¹⁴⁹ Там же, 13, 50

¹⁵⁰ Там же, 51.

¹⁵¹ Там же, 52, ср. 50.

В отличие от Плутарха, который считает Клита дерзким и чванливым, Курций дает ему высокую оценку как старому воину Филиппа, который в свое время прославился многими важными подвигами¹⁵². Клит у реки своим щитом прикрыл Александра, сражавшегося с непокрытой головой, и мечом отрубил Резаку руку, которую тот занес над головой. Двое племянников Клита погибло под Милетом в македонском войске¹⁵³. Сестру Клита Гелланику (Ланику), воспитавшую Александра, царь любил как свою мать. По этой причине он доверял Клиту большую часть своего государства. Когда Артабаз из-за преклонного возраста был освобожден от должности сатрапа, его сатрапия была передана Клиту¹⁵⁴.

На пиру, разгорячившись от вина, Александр намеренно кичился своими делами, что было тягостно слушать всем. Он принижал победу Филиппа при Херонее, над греческими наемниками, над иллирийцами. В первом случае великий подвиг был совершен им, но злоба и зависть его отца лишили сына заслуженной славы. Когда вспыхнула распря между македонскими воинами и греческими наемниками, Филипп, получив ранение, остался лежать среди общей свалки, ради безопасности притворившись мертвым. В это время Александр вынужден был прикрывать своим щитом отца и сохранил ему жизнь, собственноручно убивая тех, кто пытался напасть на него. Что касается войны против иллирийцев, то Александр победоносно вел ее сам, без участия Филиппа¹⁵⁵.

Таким образом, Александр противопоставлял себя Филиппу, чем были довольны молодые и недовольны старики, которые долго служили под командованием Филиппа.

У Курция, как и у Плутарха, имеет место сопоставление стариков (*seniores*) и юношей (*iuvenes*).

В отличие от Александра Клит выступает в защиту Филиппа и Пармениона, в защиту воинов, которые и создавали славу македонскому оружию.

---

¹⁵² Curt. III, 1, 20.

¹⁵³ Там же, 2, 8.

¹⁵⁴ Там же, 1, 19, 21.

¹⁵⁵ Там же, 1, 23—25.

Клит продекламировал стихи Еврипида, которые, правда, говорили о преках, необоснованно упоминавших на трофеях имена не тех, кто обеспечил победу, а только имена царей, незаслуженно присвоивших себе славу, добытую чужой кровью. У Еврипида говорится:

«..как ложен суд толпы! когда трофей
у эллинов победный ставит войско
между врагов лежащих, то не те
прославлены, которые трудились,
а вождь один себе хвалу берет...»¹⁵⁶

Александр явно понял намек, был огорчен и раздражен им. Огорчения усилились, когда Клит начал вспоминать дела Филиппа и его войны в Греции, ставя все это выше деяний Александра¹⁵⁷. Клит осмеливался защищать Пармениона, похвала которому особенно оскорбила царя¹⁵⁸. Выступая против обожествления последнего, Клит насмехался над оракулом Юпитера, которого Александр считал своим отцом¹⁵⁹. Клит также выступал против дальнейших завоеваний, считал, что население покоренных земель будет все время оказывать македонянам сопротивление. Он, в частности, подчеркивал, что мятежная Согдиана, которую Александр дал ему в управление, никогда не будет покорена и не может быть покоренной¹⁶⁰.

В ходе спора между Александром и Клитом выявляется разное отношение к ним со стороны молодых и старых воинов. На молодых опирается царь, старые сочувствуют Клиту¹⁶¹. Как и другие авторы, Курций также приводит явные доказательства того, что «друзья» царя, которые жаждали смерти Филоты, пытаются всячески удерживать его от совершения убийства. Птолемей и Пердикка, Лисимах и Леоннат даже отняли у Александра копье. Птолемей и Пердикка умоляли его не предаваться столь сильному гневу¹⁶². Но удержать его от этого поступка они не смогли, и он убил Клита

---

¹⁵⁶ Еврипид. Андромаха, стр. 684 и сл. (перевод И. Ф. Анненского).

¹⁵⁷ Curt. VIII, 1, 28—30, 34.

¹⁵⁸ Там же, 42.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, 35.

¹⁶¹ Там же, 31, 36—37.

¹⁶² Там же, 47—48.

копьем со словами: «Отправляйся теперь к Филиппу, Пармениону и Атталу»¹⁶³.

Дальше идет описание раскаяния царя, угрызений совести, желаниа покончить с собой.

Сомневаться в искренности раскаяния вряд ли нужно. Вполне возможно, что такое раскаяние действительно имело место. Но этим раскаянием основы конфликта не устраняются.

Таким образом, сохранившиеся известия античных авторов о трагической гибели Клиты, несмотря на частные различия, не противоречат друг другу в своей основе¹⁶⁴.

Если непосредственный повод к ссоре Клиты с Александром передается по-разному, то корни конфликта в македонском военном лагере в обеих традициях в общем одинаковы. Они выросли из того глубокого недовольства старых полководцев и командиров филипповского времени той политикой, которую Александр проводил в Азии. Превращение им Македонского царства в опрощенную азиатскую державу растворило все македонское в ее восточную сущность.

Если во время спора особенно выпячивались личность Филиппа и его заслуги, то это происходило не столько из-за выражения личных к нему симпатий со стороны старших македонских командиров, сколько потому, что при нем более ярко и отчетливо проявилась та

---

¹⁶³ Curt. 52.

¹⁶⁴ Ф. Шахермейер, обобщая данные источников, полагает, что на пиру, на котором имели место трагические события, речь шла о Диоскурах и Геракле, дела которых льстецам казались незначительными в сравнении с подвигами Александра. Это импонировало последнему не только по причинам сугубо личного свойства, но и потому, что этим он мог опять подхлестнуть свое войско к новым военным акциям. Решающей причиной для открытой ссоры историк считает насмешливое пение стихов греческих случайных поэтов, в которых говорилось об уничтожении македонского отряда на Политимете. Сам царь был виновен в несчастье, так как слишком слабо соразмерил силы войск и недостаточно подкрепил свой приказ. Ему могло понравиться, что ошибку приписали только командирам, участникам битвы, хотя они сражались до последней возможности. Старые командиры стали здесь громко выражать свое недовольство поэтами, которых одобрял царь. Этот разговор захватил Клиты, который вступил в словесный поединок с Александром в защиту погибших друзей. (См.: Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 299).

политика Македонского государства, которой на Востоке пренебрег Александр.

В источниках антиалександровской традиции подчеркивается мысль о том, что толчок для выступления против царя дало его принижение заслуг Филиппа, в источниках апологетической традиции — недовольство Клита благосклонностью Александра к персидским обычаям. Но между обеими традициями нет противоречия, так как Филипп был для той части командного состава, которую представлял Клит, выразителем македонских традиций, утраченных в новых условиях державы Александра.

Клит совершенно не жаловался на пренебрежение к нему со стороны царя; напротив, он пользовался его большим доверием и благосклонностью, Александр не забывал, что он обязан ему жизнью. При Гавгамелах ему было поручено командование «царской илою» конницы гетайров¹⁶⁵. После трагической гибели Филоты ему было передано вместе с Гефестионом командование над македонскими гетайрами, а после отставки прежнего сатрапа Артабаза, вручена огромной важности сатрапия¹⁶⁶. Правда, здесь следует иметь в виду, что Клит получил командование только половиной конницы, остальная половина была передана Гефестиону. Кроме того, через несколько месяцев разделение конницы было уничтожено и как подразделение войска вообще расформировано. Что касается руководства сатрапией Бактрии, то это назначение вряд ли было доказательством особого к нему расположения Александра. Обращает на себя внимание такой факт. После гибели Клита на эту должность был назначен Аминта, тогда не имевший никакого самостоятельного руководства. Если учесть, что Александр в последние годы не брал сатрапов из числа полководцев армии и что Менаандр, получив такой пост в северо-восточных районах Индии, осмелился отказаться принять его, за что был Александром казнен, то назначение Клита, командира знатнейшего из всех отрядов войска, означает странное исключение. В действительности новое его назначение означало удаление из армии, изоляцию, лишение влия-

¹⁶⁵ Arr. III, 11, 8; Diod. XVII, 57, 1; Curt. IV, 13, 26.

¹⁶⁶ Arr. IV, 17, 3; Curt. VIII, 1, 19.

ния. Здесь напрашивается невольное сравнение с положением Пармениона, оторванного от действующей армии и отправленного в тыл, в Экоатаны. Вероятно, что и причины здесь были одинаковыми. Но если Парменион не высказывал своей позиции открыто, то Клиту развязало язык вино¹⁶⁷. В своих высказываниях он выражал не столько свое личное недовольство, сколько загрозил надежды и чаяния той части македонских военачальников, которая не хотела отказываться от своих прежних прав и преимуществ перед варварами, от своего господствующего положения, которое приходилось делить с покоренным населением. Эти антиалександровские настроения являются логическим продолжением тех настроений, жертвой которых стал Филота¹⁶⁸.

Нуждается в объяснении и тот непреложный факт, что античная традиция единодушна в оценке «друзей» Александра во время катастрофы Клита. Совершив жестокий акт насилия и грубого произвола над Филотой, их врагом и соперником, они пытались удержать царя от убийства Клита. По всей вероятности, такая позиция определялась тем, что с Клитом в данном случае не был связан организованный заговор, и убийство его выглядело не как наказание политического противника, а как личная расправа. В тяжелых условиях среднеазиатской жизни такой вывод был опасен и мог создать лишние осложнения в македонской армии. Кроме того, Клит для «друзей» Александра не представлял опасности. Он не занимал таких ключевых позиций в армии, как Филота. За ним не стояла грозная македонская конница с ее далеко идущими претензиями. Военный авторитет Клита также не был так высок, как авторитет сына Пармениона. Поэтому противоречия между Клитом и царем в глазах македонских воинов должны были выглядеть инцидентом личного характера.

Можно согласиться с выводами С. И. Ковалева о том, что хотя конфликт с Клитом носил личную форму и его смерть была в известном смысле случайной,

---

¹⁶⁷ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 297.

¹⁶⁸ J. Kaerst. Op. cit., S. 350.

столкновение в этом конфликте двух тенденций, двух социальных сил было явлением закономерным¹⁶⁹.

Убийство Александром Клита было дальнейшим развитием тех противоречий среди македонской знати, которые получили особенно яркое выражение в жестокой казни Филоты и в заговоре Димна¹⁷⁰.

Вслед за катастрофой с Клитом античные источники связывают трагические события с Каллисфеном. Арриан излагает судьбу историографа Александра после гибели Клита, подчеркивая, что хотя эти два события хронологически не совпадают, между ними было много общего по существу¹⁷¹.

Каллисфен, сын Демотима, родом из Олинфа, по материнской линии племянник Аристотеля и ученик его¹⁷². В своей деятельности официального историографа и придворного философа он испытал всю тяжесть зависимости от власти имущих и за попытку быть самостоятельным в своих суждениях поплатился жизнью.

С Македонией Каллисфен был связан задолго до восточных походов. Прежде всего она сыграла печальную роль в судьбе его родины. Олинф, самый сильный и влиятельный город на македоно-фракийском берегу, глава Халкидского союза, сначала был союзником Македонского государства. Но затем, ужаснувшись широких завоеваний македонского царя Филиппа II, перешел на сторону Афин. В 352 г. до н. э. с афинянами был заключен мир, и тогда по приказу отца Александра македонские войска начали войну против Олинфа. В 348 г. до н. э. он был взят при помощи подкупа и измены, а потом сожжен¹⁷³. Имущество жителей его подверглось разграблению, большинство населения было продано в рабство; и лишь немногие получили убежище в других греческих городах. Возможно, что среди них был и совсем еще юный Каллисфен.

---

¹⁶⁹ С. И. Ковалев. Александр и Клит. — ВДИ, 1949, № 3, стр. 72—73.

¹⁷⁰ Там же, стр. 69.

¹⁷¹ Агг. IV, 14, 4.

¹⁷² Dittenberger. Sylloge, I, 275; Агг. IV, 10, 1; Plut. Alex. 55. Фрагменты о Каллисфене полностью даны у Плутарха (52—55) и Арриана (IV, 10—11). Они собраны в работе: А. Robinson. Alexander the Great. New-York, 1947, vol. I, p. II.

¹⁷³ Dem. IX, 56.

Во-вторых, 5 лет спустя, в 343 г. до н. э., Каллисфен сам появляется в Македонии в сопровождении своего дяди и учителя Аристотеля. В это время последний был приглашен Филиппом II в пределы его государства в качестве воспитателя Александра Македонского. Аристотель принял это приглашение и около 3 лет прожил в македонском местечке Миэзе вместе со своим воспитанником и другими представителями македонской молодежи. Здесь Каллисфен работал совместно с Аристотелем в качестве его научного помощника. Кроме того, он продолжал трудиться над своим сочинением по истории Греции, которое, подобно Ксенофону, назвал «*Ελληνικά*». К началу походов Александра в Азию оно, вероятно было уже опубликовано. Этот труд, посвященный главным образом «священной войне», был составлен в македонских интересах¹⁷⁴. По выражению немецкого историка Ф. Альтгейма, Каллисфен продолжил в нем то, что начал Исократ своим «Филиппом»¹⁷⁵.

Вопрос о том, участвовал ли Каллисфен в восточных походах с самого начала или примкнул к македонской армии, когда она находилась во внутренней Азии, остается спорным¹⁷⁶. Не исключена вероятность, что Каллисфен участвовал в походе с самого начала. Дошедшие до нас фрагменты его труда (25, 33, 35), говорящие об отливе моря в Памфилии, о битве при Иссе и о чудесах с египетским богом Амоном, непременно предполагают свидетельство очевидца.

В качестве историографа Каллисфен был рекомендован македонскому царю самим Аристотелем¹⁷⁷. Такая рекомендация решала все. Тем более, что сам Александр хорошо знал его не только как племянника своего учителя, во время продолжительного пребывания того в

¹⁷⁴ Diod. XVII, 117, 8, ср. XVI, 14, 4; Athen. XIII, 10, стр. 560 BC.

¹⁷⁵ Fr. Altheim. *Alexander und Asien*. Tübingen, 1953, S. 85.

¹⁷⁶ H. Berve. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. II. München, 1926, S. 192—193.

¹⁷⁷ Аристотель, отправив на Восток своего племянника, сам отклонил ходатайство своего ученика о том, что он будет сопровождать его. Но между ними в первые годы похода была деятельная переписка. Два трактата Аристотеля «О колонизации» и «О монархии» были написаны в качестве совета Александру и, очевидно, повлияли на проведение политики завоеваний. См. В. Уилер. *Александр Великий*, 1900, стр. 37.

Македонии, но и как автора греческой истории, которая по существу была историей македонской¹⁷⁸. На эту цель участия Каллисфена в восточных походах определенно указывает Юстин¹⁷⁹. Арриан приводит слова, будто бы сказанные Каллисфеном, что он прибыл к Александру не за славой для себя, а чтобы прославить его в своем труде, который он найдет для мира¹⁸⁰. Арриан не считает справедливыми каллисфеновские слова о том, что дела Александра зависят от оценки их Каллисфеном, но не отрицает роли Каллисфена как придворного историко-графа.

И действительно во время восточных походов Каллисфен тщательно писал официальное произведение о делах Александра «*Πράξεις Ἀλεξάνδρου*»¹⁸¹. Одновременно с этим основным занятием он находился в постоянном научном контакте с Аристотелем, которому сообщал свои научные наблюдения над природой до сих пор малоизвестных стран.

Официальное произведение Каллисфена охватывало события от времени перехода Александра в Азию до последней битвы с персидским царем на Гавгамельской равнине. Работа осталась незаконченной из-за трагической смерти ее автора. Он стал жертвой того, чьи подвиги прославлял. Здесь мы сталкиваемся с явным противоречием. Известно, что произведение Каллисфена было по своему характеру панегирическим, чрезвычайно субъективным. Оно безгранично прославляло деяния Александра и даже подчеркивало его божественное происхождение. Тимей и Полибий упрекали Каллисфена в угодничестве¹⁸². В связи с этим остается непонятным, почему македонский царь так жестоко расправился с историком, который в своей «Истории» восторгался его военным талантом, его бесстрашием, его победами. Очевидно, причину этой психологической загадки надо искать в обстоятельствах, приведших к ухудшению отношений Калли-

---

¹⁷⁸ H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 193.

¹⁷⁹ Just. XII, 6, 17.

¹⁸⁰ Arr. IV, 10, 2.

¹⁸¹ Когда Каллисфена спрашивали, почему он написал «*Hellenica*» лучше, он воскликнул: «Потому что когда я писал «*Hellenica*», я был голоден, но когда составлял «*Деяния Александра*», я был насыщен». (Thomson. Vatic. 367).

¹⁸² Polyb. XII, 126, 2, 23, 8. Ср. XII, 2 б.

сфена с царем, затем к разрыву этих отношений и, наконец, к трагической развязке. Обстоятельства эти носили глубокий политический характер.

Официальная версия стремится обвинить во всем Каллисфена и оправдать его казнь.

Арриан характеризует Каллисфена как человека простого и сурового, не одобрявшего восточной политики Александра¹⁸³. Он упоминает сообщение «некоторых» о связях Каллисфена с Филотой, одним из вдохновителей антимакедонского заговора. Арриан приводит их завуалированный разговор, основная мысль которого заключается в необходимости физического устранения царя. На вопрос сына Пармениона о том, кого особенно чтят в Афинах, историкограф Александра ответил, что чтят Гармония и Аристогитона, потому что они убили одного из двух тиранов и уничтожили тиранию. На другой вопрос, сможет ли тираноубийца найти убежище в любом эллинском государстве, Филота получил утвердительный ответ в отношении Афин¹⁸⁴.

Ссылаясь на то, что «рассказывают другие», а не на надежные свидетельства, Арриан приходит к выводу, что Каллисфен противился новому обычаю проскинесиса, воспринятому Александром от персов¹⁸⁵. Спор об этом вызвал ссору. Инспирированный Александром и одним из его близких друзей Гефестином, этот спор возник во время пиршества, на котором присутствовали эллины, македоняне и знатные персы. Автор произведения «О царстве» Анаксарх из Абдеры, который уже раньше прославлял Александра после убийства им Крита, кате-

¹⁸³ Arr. IV, 10, 1.

¹⁸⁴ Там же, 10, 3—4.

¹⁸⁵ Персы в присутствии своего царя становились на колени и касались лбом земли. Этому обычаю, который греки называли «проскинесис», давали следующее объяснение: персы видели в своем монархе если не бога, то по крайней мере человека, которого избрал и покровительствует ему верховный их бог; следовательно, они преклонялись перед царем как перед образом бога, который правит, по их мнению, вселенной. Преемник Дария, естественно, был расположен к тому, чтобы его подданные оказывали ему такие же знаки почтения. Для местных народов это было привычно. Что касается греков, то они считали, что подобные почести должны оказываться только богам; македоняне в свою очередь, повинувшись своему монарху, не испытывали к нему, за исключением некоторых людей, никакого религиозного почтения. (См.: P. S i o c h é. Op. cit., p. 79).

горически отстаивал претензии царя. Он говорил, что гораздо правильнее почитать богом Александра, чем Диониса и Геракла. Поэтому справедливо будет, если македоняне окажут божеские почести своему царю¹⁸⁶. Соучастники плана одобрили речь Анаксарха. Они заявили, что желают земно поклоняться Александру, в то время как большинство македонян с чувством неудовлетворения и досады хранили тягостное молчание¹⁸⁷. С возражениями Анаксарху выступил Каллисфен, который, не отрицая достоинств Александра, считал, что нельзя уподоблять людей богам, возводить людей на недостижимую высоту и оказывать им преувеличенные почести¹⁸⁸. Он хвалил Александра как человека, подчеркнув однако, что человеку божественные почести отдавать нельзя¹⁸⁹. Эти слова Каллисфена пришлись по душе македонянам, но чрезвычайно разозлили Александра, который вынужден был отменить земные поклоны, хотя самые знатные персы продолжали выполнять этот обряд¹⁹⁰.

Во вложенной в уста Каллисфена большой речи о проскинесисе у Арриана находится характерное место, заслуживающее особого упоминания¹⁹¹. Каллисфен призывает царя взвесить, будет ли он заставлять эллинов, свободнейших людей, кланяться ему в землю. Это высказывание очень напоминает известный совет Аристотеля своему царственному ученику¹⁹². Арриан приводит также и другой рассказ, по которому Каллисфен повел себя бестактно, нарочно не исполнив обряда поклонения Александру¹⁹³.

Арриан считает вполне естественным, что Александр возненавидел Каллисфена за неуместные высказывания и высокомерие, за неумение держать себя. Поэтому Арриан вполне доверяет тем, кто обвиняет Каллисфена в том, что он участвовал в заговоре юношей против Алек-

---

¹⁸⁶ Arr. 10, 6—7.

¹⁸⁷ Там же, 11, 1.

¹⁸⁸ Там же, 11, 2—5.

¹⁸⁹ *Cutrules Alexander James. Invictus. A history of Alexander the Great*, p. 240.

¹⁹⁰ Arr. IV, 12, 1—2.

¹⁹¹ Arr. IV, 11, 8, ср. Curt. VIII, 5, 19.

¹⁹² Arist. frgm. 658 (Rose).

¹⁹³ Arr. IV, 12, 3—6.

сандра; другие даже говорят, что он поднял их на этот заговор¹⁹⁴.

В отличие от Арриана, Плутарх, используя перипатетическую литературу, в основном говорит о Каллисфене благосклонно. Историограф изображен как человек серьезный и независимый, вокруг которого толпилась молодежь. Вместе с тем его жизнь нравилась «людям постарше»¹⁹⁵. Каллисфен фигурирует здесь как любитель свободы, противник тирании; как ученик Аристотеля он презирал варваров и отрицал персидские обычаи¹⁹⁶. Он оставался последовательным учеником своего учителя. По Плутарху, Анаксарх выступает антагонистом Каллисфена. В их диалоге отчетливо проявляется социальный смысл. Когда за обедом зашла речь о временах года, Каллисфен иносказательно выразился, что климат тут гораздо холоднее и суровее, чем в Элладе; на это Анаксарх парировал, указав, что здесь действительно холодно Каллисфену, потому что на родине он ходил зимой в стареньком плаще, а сейчас он укрывается тремя коврами¹⁹⁷. Анаксарх категорически отстаивал претензии царя на божеские почести. Каллисфен выступил против этих претензий. Впрочем, в противопоставлении Каллисфена и Анаксарха нельзя не видеть тенденциозности перипатетиков — сторонников учения Аристотеля, которые окружили Каллисфена ореолом мученичества.

Плутарх указывает, что Каллисфен, приглашенный на пир, чтобы произнести похвальную речь македонянам, произнес ее с необычайным красноречием. Александр заявил, что величие этой темы облегчает задачу оратора, и попросил последнего проявить свой талант: раскритиковать тех, кого он только что прославил. Тогда, «отрекшись от прежнего», Каллисфен прошелся на счет македонян и самого Филиппа с такой суровостью и резкостью, что обидел Александра. Выполняя волю царя, он стал обвинять македонян, чтобы они стали лучше, узнав о своих недостатках, и подчеркнул, что только раздоры среди греков сделали Филиппа великим и сильным. Это,

---

¹⁹⁴ Arr. IV, 12, 7.

¹⁹⁵ Plut. Alex. 53.

¹⁹⁶ W. T a r n. Alexander the Great, vol. I, p. 80; Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 308.

¹⁹⁷ Plut. Alex. 52.

по указанию Плутарха, породило у македонян и у Александра жестокую к нему ненависть¹⁹⁸.

Если этот рассказ, приводимый Плутархом, верен, то он дает понять, что олинфянин не всегда проявлял осторожность в отношениях с Александром и не старался во что бы то ни стало щадить обидчивость последнего.

По Плутарху, Каллисфен решительно отвергал обряд земного преклонения перед Александром и открыто высказал то, о чем думали, негодуя в душе, даже лучшие из пожилых македонян¹⁹⁹. Когда совершался обряд земного поклонения, Каллисфен пытался его игнорировать, чем навлек на себя неприязнь царя. Эта неприязнь стала для него роковой. Плутарх сообщает: перед алтарем, воздвигнутым в зале для пиршества, друг Александра принес золотую чашу, которую последний попросил, и предложил совершить возлияние в честь царя; затем, бросившись к ногам его, получил от него поцелуй. Это был ритуал, который только что был предметом жестокого спора. Все гости повторили движения друга Александра, Каллисфен же только, совершив возлияние, приблизился к царю, чтобы получить поцелуй. Но один из гетайров отговорил царя обнимать человека, который не опустился перед ним на колени, и Александр отказал в поцелуе. Каллисфен принял этот отказ с насмешкой, заявив во всеуслышание: «Ухожу одним поцелуем беднее»²⁰⁰.

Плутарх указывает, что против Каллисфена выступили Гефестион, Лисимах, Деметрий, Гагنون²⁰¹.

Таким образом, из апологетической традиции Арриана и Плутарха явствует, что Каллисфен свое мнение нередко выражал с бесцеремонной резкостью²⁰². На эту особенность его характера обращал внимание и Аристотель, который отрицал у него благоразумие в обращении с людьми²⁰³.

При трактовке событий этой традиции кажется, на первый взгляд, весьма вероятным предположение, что между Александром и Каллисфеном уже задолго до ка-

¹⁹⁸ Plut. Alex. 53.

¹⁹⁹ Там же, 54.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Там же, 54—55.

²⁰² Arg. IV, 12, 2.

²⁰³ Plut. Alex. 54. Cp. Diog. Laert. V, 4—5.

тастрофы развивались противоречия. Но в действительности для такого вывода у нас нет достаточных данных. Даже последняя часть исторического произведения Каллисфена, которая, во всяком случае, была написана после гибели Пармениона, не дает достаточного повода для такого утверждения. Кроме того, мы не можем с достоверностью сказать, оказали ли влияние на многие положения Каллисфена процесс над Филотой и убийство Клита. Поэтому ряд ученых считает, что только действия вокруг проскинесиса с их последствиями являлись основной причиной возникших противоречий между Александром и Каллисфеном и гибели последнего ²⁰⁴.

В антиалександровской традиции дело Каллисфена непосредственно связано с восточной политикой царя, в частности, со стремлением последнего обожествить свою персону ²⁰⁵. Для этого он приказал македонянам ввести персидский обычай проскинесис. Окружавшие царя льстецы, особенно Агис из Аргоса и Клеон из Сицилии, всячески подогревали это его намерение ²⁰⁶. На пиру, в присутствии не только македонян и ближайших друзей царя из греков, но и знатных персов, Клеон напоминал, до какой степени персы поступают мудро, становясь на колени перед великим царем, авторитет которого был необходим для спасения империи. Александр тем более заслуживал поклонения, что его беспримерные подвиги доказали его божественную натуру.

В ответ на такую льстивую речь Клеона, требовавшего божественных почестей для Александра, Каллисфен изложил свою точку зрения. Он не нападает на царя, хочет, чтобы его жизнь была долгой, а величие — вечным; однако уверен, что обожествлять человека при жизни нельзя, обожествление возможно только после его смерти ²⁰⁷. Кроме того, Каллисфен в принципе высказывается против введения иноземных и чуждых обычаев. Его девиз: довольствоваться своими собственными обычаями.

---

²⁰⁴ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 444 и сл.; H. Berge. *Op. cit.*, Bd. II, S. 195.

²⁰⁵ Curt. VIII, 5, 6. У Курция (VIII, 8, 22) и Юстина (XII, 6, 17) имеется мнимая речь Каллисфена после убийства Клита. Она дается в риторическом и враждебном по отношению к Александру изображении.

²⁰⁶ Curt. VIII, 7—8.

²⁰⁷ Там же, 5, 16.

«Я не стыжусь своей родины, — говорит он, — и не желаю учиться у побежденных тому, как мне почитать царя. Выходит, они победители, раз мы принимаем от них законы, как нам жить»²⁰⁸.

Курций указывает, что все Каллисфена принимали как защитника общественной свободы (*vindex publicae libertatis*) и слушали его с сочувствием, одни — с молчаливым согласием, другие — особенно старики — с возгласами одобрения²⁰⁹.

Характерно, что против обычая проскинесиса, проведение которого было инспирировано Агисом и Клеоном по указке самого Александра, выступил не только Каллисфен, но и Полисперхонт, один из преданных друзей царя²¹⁰. Курций этим подчеркивает, что не только грек Каллисфен, но и представитель македонской знати Полисперхонт отрицательно отнеслись к введению этого обычая, воспринимая его как унижение²¹¹. Они оба оказались вследствие этого в немилости у царя. Александр Полисперхонта простил, а Каллисфена подверг пытке, которая привела его к могиле²¹².

Курций рисует Каллисфена как человека с твердым независимым характером, единственного, кто удерживался от раболепия перед Александром (*quasi solus Macedonas paratos ad tale obsequium moraretur*)²¹³.

Таким образом, оба направления в античной традиции совпадают в той части, где речь идет о том, что Каллисфен своим своеобразным поведением изолировал себя от других историков и литераторов, от македонских командиров, от жизни придворного лагеря²¹⁴.

Рассказы Арриана и Курция о Каллисфене во многом соприкасаются, что указывает на наличие у представителей обеих традиций какого-то общего источника. Некоторые особенности в интерпретации этого материала вытекают уже из принадлежности авторов к различным традициям. Но все их данные не оставляют сомнения в том, что после конфликта с Александром над Каллисфеном,

²⁰⁸ Curt. VIII, 19.

²⁰⁹ Там же, 20.

²¹⁰ Там же, 22.

²¹¹ Там же, 23.

²¹² Там же, 6, 1; 9, 21.

²¹³ Там же, 5, 13.

²¹⁴ Plut. Alex. 53; Arr. IV, 10, 1.

несмотря на то, что за его плечами стоял Аристотель, нависла серьезная угроза, и его положение «царского приближенного» было утрачено, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Последние дни и трагический конец Каллисфена источники связывают с заговором «пажей», раскрытым весной 327 г. до н. э., незадолго до начала индийского похода.

Мотивы заговора «пажей» в исторической литературе оцениваются по-разному. Ю. Керст и У. Вилькен считают, что они были чисто личными и не имели политического характера²¹⁵. А. Боннар даже полагает, что юноши «пажи» из-за ребячества или почти ради игры задумали убить царя²¹⁶.

В советской науке этот вопрос был предметом изучения С. И. Ковалева. В своей статье «Заговор пажей» он пытается вскрыть социальные причины этого заговора и определить то место, которое имело это событие в общем антимакедонском движении²¹⁷.

Не все источники дают достаточно полное и ясное толкование этому событию.

Александровская традиция, заинтересованная в смягчении социальных конфликтов и в оглаживании внутренних противоречий в македонской армии, сравнительно мало уделяет внимания заговору «пажей».

Арриан пытается объяснить данное событие мотивами личного порядка. Он приводит версию о том, что главный участник заговора Гермолай на охоте убил кабана, которого Александр упустил. Последний в гневе приказал высечь Гермолая на глазах остальных юношей и отнял у него лошадь²¹⁸. Оскорбленный Гермолай решил мстить Александру, для чего стал собирать единомышленников. Он привлек на свою сторону Сострата, сына Аминты; Антипатра, сына Асклепиодора, сирийского сатрапа; Эпимена, сына Арсея; Антиклея, сына Феокрита, и Филоту, сына фракийца Карсида²¹⁹. Простая случайность нарушила их план. На следующий день Эпимен

---

²¹⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 353; U. Wilcken. Op. cit., S. 159.

²¹⁶ Andre Bonnard. Civilization grecque. Lauzanne, 1959, p. 186—187.

²¹⁷ ВДИ, 1948, № 1, стр. 34—42.

²¹⁸ Arr. IV, 13, 2.

²¹⁹ Там же, 3.

раскрыл план своему другу, который, в свою очередь, рассказал другим, и через Птолемея все стало известно Александру. Последний велел схватить всех, кто был замешан в заговоре, пытать, а затем казнить²²⁰.

Перед войсковым собранием Гермолай заявил, что он действительно составил заговор, и свой поступок объяснил следующими обстоятельствами: а) дерзостным самонадеянием Александра, которое невозможно терпеть свободному человеку; б) несправедливым убийством царем Филоты и его отца, Клита и других людей; в) введением восточных обычаев, в частности, земных поклонов и мидийской одежды; г) постоянными попойками Александра. Все это, по мнению Гермолая, невозможно было переносить, и он решил освободить от всего этого себя и остальных македонян²²¹.

Более детально заговору «пажей» уделяет внимание антиалександровская традиция. В отличие от Арриана, Курций пытается доказать, что заговор был организован тщательно и, бесспорно, имел политическую подкладку.

Сведения Курция о самом Гермолае и организованном им заговоре против Александра, хотя и более подробные, по существу совпадают с известиями Арриана²²². На собрании воинов Гермолай, у Курция, произносит пространную антиалександровскую речь, в которой прямо указываются причины, вызвавшие организацию заговора: заговорщики решили убить царя, во-первых, потому что он стал обращаться с ними, как с рабами; во-вторых, его руками или руками его друзей были жестоко убиты те, которые доставляли ему славу и победу, а именно: Аттал, Филота, Парменион, линкестиец Александр и Клит; в-третьих, кровь македонян царь проливает, как воду, ненужную и грязную; в-четвертых, 30 тыс. мулов возят награбленное ему золото, в то время как воинам нечего увезти домой, кроме никому ненужных шрамов; в-пятых, он надел на македонян ярмо новых обычаев, ввел персидские одежды и персидский образ жизни. Стало бытие, они стремились уничтожить персидского царя, а не македонского, и преследовали его по праву войны, как перебежчика. И, наконец, в-шестых, он хотел, чтобы маке-

²²⁰ Arr. IV, 13, 7; 14, 3.

²²¹ Там же, 14, 2.

²²² Там же, 9, 12; Curt. VIII, 6, 7—25.

доняне бросались перед ним на колени и приветствовали его, как бога. Всего этого не могут выносить свободно-рожденные, которые не хотят и не могут терпеть царской гордыни ²²³.

Перед лицом конкретных обвинений Александр был вынужден защищаться. Аргументы его защиты, приведенные Курцием, не всегда убедительны. Наказание Гермояла на охоте объясняется царем не его жестокостью, а древними македонскими обычаями ²²⁴. Что касается убийств, которые он совершил над отдельными представителями командного состава, то эти убийства так или иначе носили политический характер, ибо он убивал своих личных врагов, которые не хотели ему покориться ²²⁵. Александр опровергает обвинение в жадности, обратив внимание на то, что в походах обогатился не столько он, сколько все его войско: те, которые ничего не имели, кроме оружия, имеют сейчас много золота, рабов и вражеских трофеев ²²⁶. Не отрицая своего намерения привлечь персов к управлению, а персидские обычаи привить македонянам, он объясняет это тем, что без проведения этих мер в жизнь нельзя управлять таким большим государством ²²⁷. Что касается его обожествления, то оно не противоречило делам, которые он совершил, его цели покорить весь мир ²²⁸.

Этот обмен речами маловероятен. Александр не допустил бы, чтобы обвиняемый в резкой форме публично критиковал политику царя. Но, как правильно указывает С. И. Ковалев, эти речи интересны для нас как показатель отношений к событиям античной историографии. Речь Гермояла у Курция представляет яркий образец враждебной Александру традиции, которая неотступно присутствует в наших источниках ²²⁹.

С заговором «пажей» непосредственно связывается трагическая судьба историографа Александра.

Каллисфен был учителем царских «пажей», пользовался у них большим авторитетом, находился в тесной

---

²²³ Curt. VIII, 7, 1—3.

²²⁴ Там же, 8, 3.

²²⁵ Там же, 5—8.

²²⁶ Там же, 9.

²²⁷ Там же, 10—13.

²²⁸ Там же, 14—17.

²²⁹ ВДИ, 1948, № 1, стр. 36.

связи с ними²³⁰. Во враждебной по отношению к нему традиции особо подчеркивается, что он среди пажей вел речи о свободе, выступал против тирании, высказывался как враг деспотизма²³¹. Об этом в грубой и неприкрытой форме было доложено царю, который охотно поверил этим слухам. Многочисленные враги Каллисфена с особым удовольствием распространяли и муссировали эти слухи. И добились своего. Ненависть царя против Каллисфена вспыхнула с новой силой²³². Предположив, что он знал о заговоре или даже участвовал в нем, Александр в бактрийском городе Кариаты приказал арестовать его с тем, чтобы позднее строго наказать²³³.

Согласно указаниям Аристобула и Птолемея, заговорщики назвали Каллисфена человеком, внушившим им этот дерзкий поступок²³⁴. Большинство же рассказывает, что Александр сразу поверил наветам на Каллисфена, потому что давно питал к нему ненависть. Плутарх указывает, что Гермолая побудил на царевбийство Каллисфен, хотя сам Александр в письмах к Кратеру, Атталу и Алкете вынужден был признать, что участники заговора даже под пытками не оговорили Каллисфена²³⁵.

У Курция Гермолай в ходе процесса подчеркивал, что Каллисфен не принимал никакого участия в заговоре, и он страдает совершенно невинно²³⁶. Александр же, наоборот, пытался убедить воинов, что Каллисфен как учитель «пажей» считался своим среди заговорщиков и их единомышленником²³⁷. Сам Курций полагает, что Каллисфен не был повинен в заговоре и что Александр без суда и следствия замучил человека, отличавшегося благородными качествами и поступками²³⁸.

Разноречивы и сведения о самой смерти Каллисфена. Они собирались в ряде отдельных рассказов, не согласованных друг с другом²³⁹. Неизвестно точно, был ли он

²³⁰ Arr. IV, 14; Plut. Alex. 53; Laert. Diog. V, 5; cp. Just. XV, 3, 6.

²³¹ Arr. IV, 10; Plut. Alex. 55.

²³² Arr. IV, 14, 3.

²³³ Strabo, XI, 517; Arr. IV, 7 и 22; Plut. Alex. 55.

²³⁴ Arr. IV, 14, 1.

²³⁵ Plut. Alex. 55.

²³⁶ Curt. VIII, 7, 8—9.

²³⁷ Там же, 8, 19.

²³⁸ Там же, 21—22.

судим²⁴⁰. Но достоверно то, что он погиб «ужасной смертью», подвергнувшись «наказанию», которое для него предназначил ревностный поклонник персидских нравов²⁴¹.

По словам Птолемея, излагавшего более или менее правдиво ход событий, Каллисфена по приказу Александра пытали и повесили²⁴². Согласно Аристубулу, арестованного Каллисфена везли в железной клетке за войском в цепях; он заболел и вскоре в заключении скончался²⁴³. Наконец, Плутарх приводит указание Харета о том, что Александр держал своего противника 7 месяцев в тюрьме, чтобы судить его потом в присутствии Аристотеля. Но в Индии, когда Александр был ранен, Каллисфен, заеденный паразитами, умер²⁴⁴. По Харету выходит, что Каллисфена не убили, а он умер своей смертью. Но это не согласуется с более достоверными источниками, каким является Птолемей. Кроме того, сам Плутарх приводит слова Александра в письме к Антипатру, где он обещал наказать самолично Каллисфена и «тех, кто прислал его». Этими словами он прямо указывал на Аристотеля, воспитателя и родственника историкографа. О жестокой казни Каллисфена повествует и Юстин²⁴⁵. Согласно его данным, Каллисфену отрезали уши, нос и губы и приказали было бросить его в ящик с собакой для устрашения других. Лисимах, который привык слушать Каллисфена, пожалел его, подвергнувшегося наказанию не за какие-либо преступления, а за свободу речи, и снабдил его ядом, чтобы помочь ему в его несчастье. Узнав об этом, Александр так разгневался, что бросил Лисимаха в клетку льва. Лисимах вступил с ним в единоборство и победил царя зверей.

Убийством Каллисфена Александр был достаточно скомпрометирован в греческом мире. Омрачающее это событие действовало на отношения между Александром

²³⁹ J. Kaerst. Op. cit., S. 352.

²⁴⁰ Как грека, Каллисфена не могло судить македонское войсковое собрание. Александр имел намерение поставить его перед союзным судом синедриона в Коринфе, но он отказался от этого намерения. (См.: U. Wilcke n. Op. cit., S. 160).

²⁴¹ P. Cloche. Op. cit., p. 82—83.

²⁴² Arr. IV, 14, 3; ср. Curt. VIII, 21; Ptol. 138F, 17.

²⁴³ Arr. IV, 14, 3; ср. Aristob. 139L, 33.

²⁴⁴ Plut. Alex. 55.

²⁴⁵ Just. XV, 3, 3—7.

ром и его учителем Аристотелем. Особенно сильное негодование оно вызвало в аристотелевской школе перипатетиков, которая считала Каллисфена своим. Один из представителей этой школы Теофраст выразил свою скорбь по поводу трагического конца своего друга в специальном сочинении «Каллисфен, или о печали». В этом труде отчетливо высказана мысль о том, что Александр неверно воспользовался своим счастьем²⁴⁶. Этим высказыванием представитель перипатетиков, а также стоики положили начало отрицательной оценке деятельности Александра, как одного из опьянённых своей властью и ослепленных своим счастьем тиранов,— оценке, которая получила в историографии дальнейшее развитие и превратилась в традицию антиалександровского направления²⁴⁷.

Клит и Каллисфен представляли два общества — македонское и греческое. Оба они по разным причинам отвергли новую концепцию Александра. Причем первый исходил из интересов Македонии, ее старых традиций, второй — Греции. Как верный ученик Аристотеля, автора теоретического трактата о принципах освоения и эксплуатации Востока, Каллисфен выражал интересы греков, принявших участие в восточных походах, а также отстаивавших идеалы полиса против универсальной монархии Александра²⁴⁸.

Сам Аристотель делал попытку оказать влияние на Александра и написал адресованные ему два трактата²⁴⁹. Во фрагменте «О царстве» он настоятельно рекомендует ему прислушиваться к советам истинных философов, следовать им. В ходе завоеваний тот не принял советов учителя, не следовал его наставлениям, направ-

---

²⁴⁶ Diog. Laert. V, 44; Cic. Tuscul. III, 29; U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 160.

²⁴⁷ Руководители перипатетической школы, к которой принадлежал Каллисфен, писали об Александре с той же злостью, как Демосфен о Филиппе. (См.: Arr. IV, 10, 5; Plut. 47, 9; Curt. VIII, 5, 5).

²⁴⁸ По словам Плутарха (De Felix Fort. I, 6), Аристотель советовал Александру относиться к грекам как глава (ἡγεμονικός), а к варварам как патрон (δωροδοκός), заботясь о первых как о друзьях и близких, обращаясь со вторыми как с животными и растениями.

²⁴⁹ См.: E. Barker. The life of Aristotle and the composition and structure of the Politics. — Class. Rev. vol. XLV, London, 1937.

ля свои усилия не на подчинение мира верховной власти греков, а на создание мировой державы, состоящей из различных по своему общественному устройству, религии, народным обычаям стран²⁵⁰.

Наблюдая живые факты действительности, Аристотель в своих теоретических работах пытался учитывать изменения, которые происходили на исторической сцене, но ощущение крушения своих надежд, естественно, тяготило²⁵¹. Это чувство испытывал и Каллисфен.

До тех пор, пока панэллинская идея греками воспринималась как реальность, Каллисфен был одним из близких сторонников македонского царя²⁵². В первый период похода он даже чрезмерно восхвалял его мероприятия и сделал значительный вклад в создание мифа о его обожествлении²⁵³. Тогда Каллисфен мог вполне оправдать то, что Александр был объявлен сыном бога. Но во второй период похода он считает нужным решительно отвергнуть простираемые ниц перед монархом, как варварский обычай, глубоко чуждый эллинскому сознанию.

Такая эволюция Каллисфена от ревностного сторонника Александра до его хулителя была вызвана потерей перспектив, реальным осуществлением восточной политики царя, в которой интересы греков меньше всего учитывались. Идеал Каллисфена — добавить Азию к Греции — оказался не осуществленным. Это вызвало недовольство, это привело к трагической развязке.

---

²⁵⁰ См. П. Шандор. О логике Аристотеля. Будапешт, 1961, стр. 34, 62.

²⁵¹ См. Г. А. Кошеленко. Аристотель и Александр. (К вопросу о подлинности письма Аристотеля к Александру, о политике по отношению к городам). — ВДИ, № 1, 1974, стр. 38—41. Автор статьи, в частности, обращает внимание на то, что Аристотель в последние годы своей жизни, стремясь приблизить свои теоретические изыскания к изменившейся действительности, работал над проблемой сочетания в единой системе монархии и полиса со средней конституцией (политией), которую он считал идеальной формой организации для греков.

²⁵² См. Г. А. Кошеленко. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. — ВДИ, № 1, 1972, стр. 76.

²⁵³ В истории деяний Александра, которую Каллисфен написал немного позднее 330 г. до н. э. и отправил в Грецию для публикации, был еще хвалебный тон. (См. Antonino Pagliaro. Op. cit., p. 274).

§ 3. Антипатр и его сыновья

Противники Александра действовали не только в его восточной армии, но и в самой Македонии, где их вдохновителем был ее наместник, выдающийся македонский полководец Антипатр.

Тот факт, что из всех македонских полководцев Антипатр один занимал первое место в государстве после царя, лучше всего свидетельствует о его преданности царскому дому.

Уже во время Филиппа II Антипатр появляется в качестве выдающегося полководца и дипломата в многочисленных предприятиях царя²⁵⁴. Он отличался своим умом, полководческими и дипломатическими способностями, особенно в отношениях с греками, был высокообразован, близок к Аристотелю и Исократу. Последний посылал к нему письма²⁵⁵. Антипатр считался незаурядным писателем и оставил после себя, кроме истории иллирийских походов Филиппа, две книги собственных писем²⁵⁶. С Филиппом его связывали узы большой и сердечной дружбы. Свою верность Антипатр сохраняет и по отношению к сыну Филиппа. После убийства последнего он решительно стал на сторону Александра, чем, вместе с другими его соратниками, содействовал более безболезненному укреплению нового царя на престоле. Эту преданность Александр по достоинству оценил и не только выдвинул его на одно из первых мест в государстве, но и выполнил труднейшую просьбу полководца — облегчить судьбу его зятя Александра, линкестийца, ближайшие родственники которого были замешаны в убийстве Филиппа. Он был помилован²⁵⁷.

²⁵⁴ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, S 94.

²⁵⁵ Suidas. *Aelian. V. N.* XIV, 1; *Isocr. ep.* IV, ep. III, 1.

²⁵⁶ Suidas. *ep. Cic. de offic.* II, 14, § 48.

²⁵⁷ В антиалександровской традиции подчеркивается, что Александр Линкестийский вместе с Павсанием участвовал в заговоре, целью которого было убийство Филиппа; но он первый приветствовал Александра как царя, поэтому избежал казни, но не обвинения; а просьбы Антипатра сдерживали законный гнев царя (*Curt.* VII, 1, 6—7). В александровской традиции роль Антипатра в облегчении участи Александра-Линкестийца не подчеркивается. Здесь только указывается, что подозрение, которое лежало на нем, было снято, потому что он явился к царю во дворец и признал его власть, за что не только был прощен, но и получил высокие должности (*Arr.* I, 25, 1—2).

Еще до восточных походов и во время их подготовки Антипатр выполнял важные поручения. Так, он остался в качестве управляющего государством, когда Алéксандр в 335 г. до н. э. осуществлял свой балканский поход. Мы видим Антипатра и выполняющим дипломатические функции. Поэтому всем казалось вполне естественным, что во время похода в Азию весной 334 г. до н. э. именно он был назначен управляющим государства македонян и стратегом Европы с войском в 12 тыс. пехотинцев и 1,5 тыс. всадников²⁵⁸. Эту должность Антипатр выполнял с тонким знанием дела, следуя интересам царского дома Македонии. Эти интересы требовали выполнения по крайней мере трех неотложных задач: во-первых, защитить границы государства и македонское влияние в Эгейском бассейне от опасного плана Мемнона — перенести войну на европейское побережье; во-вторых, не допускать никаких антимакедонских движений на Балканах; в-третьих, оказывать систематическую помощь контингентами и средствами воюющей македонской армии на Востоке.

Поскольку в первые годы восточных походов персидский флот господствовал в Эгейском море, Антипатр всегда считался с возможностью внезапной высадки вражеского флота и поднятия антимакедонского восстания в Элладе, как его действительно планировал персидский главнокомандующий Мемнон. Учитывая эту опасность, Антипатр весной 333 г. до н. э. послал своего наварха Протея собирать в Эвбее и Пелопоннесе военные корабли для несения охраны островов и самой Эллады. Тщательно наблюдая за персами, ставшими на якорь у Сифна, Протей в ночном сражении одержал победу, захватив 8 из 10 судов противника вместе с экипажем²⁵⁹. Победа укрепила побережье, а вместе с ней уверенность македонян в возможности защиты от персов своих коммуникаций.

Борьба Антипатра с антимакедонскими восстаниями на Балканах также свидетельствовала о том, что наместник Македонии добросовестно выполняет свои обязанности по защите тех земель, которые находились в сфере влияния его наместничества. Подавление им восстания

---

²⁵⁸ Агг. I, 11, 3; Diod. XVII, 17, 5; XVIII, 12, 1; Just. XI, 7, 1.

²⁵⁹ Агг. II, 2, 4—5.

во Фракии и в Греции, особенно в Пелопоннесе, усилило его авторитет и влияние.

Антипатр выполнял и третью свою задачу по усилению македонской армии на Востоке новыми контингентами. Так, весной 333 г. до н. э. от Антипатра в Гордий прибыли из Македонии 3 тыс. пехотинцев, 300 всадников, а также 200 фессалийских и 150 эолийских всадников, через год, т. е. весной 332 г. до н. э., наварх Антипатра Протей явился к Александру под Тиром на 50-весельном корабле²⁶⁰. Зимой 332/31 г. до н. э. наместник Македонии послал царю в Египет 400 эллинских наемников под командой Менета, сына Гегесандра, и около 500 всадников из Фракии во главе с Асклепидором²⁶¹. Собственные военные силы таяли по мере новых военных операций, поэтому Александр уже в конце 332 г. до н. э. был вынужден послать Аминту, сына Андромена, в Македонию с 10 кораблями для нового набора солдат²⁶². Под главным контролем Антипатра были предприняты большие наборы войск и вербовка наемников в Элладе. Эти мероприятия имели тот результат, что к концу 331 г. до н. э. Аминта привел к Александру посланных Антипатром воинов: 6 тыс. пехотинцев и 500 всадников — македонян; 3,5 тыс. пехотинцев и 600 всадников — фракийцев; 4 тыс. пехотинцев из Пелопоннеса и всадников немного меньше 100, наконец, были присланы 50 юношей для службы в царской охране²⁶³.

Таким образом, за один только 331 г. до н. э. Александр получил от Антипатра новых солдат количеством почти в половину той армии, с которой начал военные походы на Восток.

Между Македонией и штаб-квартирой, между Александром и Антипатром всегда поддерживалась связь. Существовала довольно регулярная информация о ходе дел. Так, Александр посылает извещение Антипатру об итогах сражения при Иссе, упоминает подробности о своем незначительном ранении²⁶⁴. В письмах к наместнику продолжают идти сведения о среднеазиатских делах,

²⁶⁰ Arr. II, 20, 2.

²⁶¹ Там же, III, 5, 1.

²⁶² Diod. XVIII, 49, 1; Curt. IV, 6, 30.

²⁶³ Diod. XVII, 65, 1; ср. Curt. V, I, 40—41; VII, 1, 40; Arr. III, 16, 10.

²⁶⁴ Plut. Alex. 20.

о тяжелой борьбе со скифами²⁶⁵. Позднее излагались в них и социальные отношения в македонской армии, в частности, заговор «пажей». В этих письмах он обвиняет Каллисфена в измене, сообщает, что заговорщики были побиты македонянами камнями, а философа и тех, кто прислал его, накажет сам²⁶⁶. Извещения шли в Македонию из Индии, до окончания походов, вероятно, не только от царя, но и от ряда его полководцев²⁶⁷.

Все это может создать впечатление о том, что в отношениях между Антипатром и Александром не происходило никаких изменений. Между тем развившееся постепенно внутреннее отчуждение между ними перешло в неприязнь и вражду. Можно проследить связь этого отчуждения с восточной политикой Александра.

Курций указывает, что недовольство Александра обнаружилось во время антимакедонских выступлений в Пелопоннесе, когда он, желая победы над врагом, открыто высказал свое недовольство успехами Антипатра, считая, что слава другого наносит ущерб его собственной²⁶⁸. Но эти указания не согласуются с данными Арриана, который утверждает, что Александр не только был заинтересован в победе Антипатра, но и щедро финансировал все его военные расходы²⁶⁹.

Разногласия между наместником и царем произошли несколько позднее и совсем по другому поводу. В античной традиции мы также не найдем по этому поводу единого мнения.

В источниках выдвигается версия о том, что разногласия между Александром и Антипатром возникли из-за вражды между последним и матерью царя Олимпиадой. О том, что такая вражда действительно существовала, сомневаться не приходится. Арриан указывает, что как

---

²⁶⁵ Plut. Alex. 46.

²⁶⁶ Там же, 55.

²⁶⁷ Там же, 57; ср. Arr. VII, 12, 7. Антипатр был отцом многочисленных сыновей, среди которых нам известны Кассандр, Иолай, Никанор, Плейстарх, Филипп, Александр. У него было также много дочерей, старшая из которых была женой линкестийца Александра (Just. XII, 14, 1). Фила позднее была замужем за Кратером, Никая — за Пердиккой, Евридикка — за Птолемеем. Эти родственные связи помогли Антипатру в получении информации о восточных делах.

²⁶⁸ Curt. VI, 1, 18.

²⁶⁹ Arr. III, 16, 10.

Антипатр, так и Олимпиада не переставая писали Александру письма, полные обвинений и взаимного недоброжелательства. Наместник писал о высокомерии Олимпиады, о ее резкости, о вмешательстве во все дела. Она же в свою очередь писала, что уважение и почет, оказываемые Антипатру, вокружили ему голову, что он забыл, кому он этим обязан; что он считает себя вправе занять первое место в Македонии и Элладе²⁷⁰.

Плутарх пишет, что матери своей Александр послал много даров, но не позволял ей вмешиваться ни в государственные дела, ни в распоряжения по войску. Она упрекала его за это, но он спокойно переносил ее недовольство²⁷¹.

Хотя все наветы матери производили на Александра большое впечатление, он, однако, не изменял своего отношения к Антипатру и даже приказывал ему в письме держать при себе охрану, потому что против него составляется заговор.

Таким образом, александровская традиция не усматривает во вражде Олимпиады и Антипатра причин для коренных разногласий между последним и царем. В стремлении сгладить социальные противоречия эта традиция осталась верной себе.

В антиалександровской традиции глубокое отчуждение между Антипатром и царем объясняется не этими домашними интригами, а более глубокими причинами, вызванными восточной политикой. Македонию, благодаря ее наместнику, не удалось склонить к мысли о необходимости мирового государства. Антипатр отверг обожествление монарха по своим взглядам на Македонское царство, а также из-за религиозных опасений и относился без сочувствия к политике объединения, в которой он, как представитель македонской знати, видел принижение своего народа и его положения и, как друг Аристотеля, усматривал вину перед эллинской культурой²⁷². Кроме того, гибель Филоты и Пармениона заставила содрогнуться и «друзей»²⁷³. Парменион был старинным боевым другом Антипатра, и его ничем не оправданная смерть уси-

---

²⁷⁰ Arr. VII, 12, 6—7.

²⁷¹ Plut. Alex. 39.

²⁷² H. Verre. Op. cit., Bd. II, S. 94.

²⁷³ Diod. XVII, 118, 1.

лила неприязнь македонского наместника к царю. К этому прибавилась и почти одновременная смертная казнь зятя Антипатра Александра-Линкестийца. Все это создавало потрясающее впечатление от катастрофы, которая нависла над непокорной македонской знатью²⁷⁴. Перед глазами Антипатра стояла судьба Пармениона.

Приказ Александра передать Кратеру власть над Македонией, а Антипатру прибыть с новым контингентом войск в Вавилон апологетическая традиция ставит в связь со стремлением царя не углублять имеющихся разногласий между Антипатром и Олимпиадой. Поддавшись, наконец, наветам матери на Антипатра, он пожелал удалить его из Македонии. Это удаление, однако, не означало опалу²⁷⁵. В антиалександровской традиции этот факт связывается с неблагонадежностью Антипатра, не разделявшего политики царя. Курций указывает, что в армии были такие, которые думали, что Кратер с отрядом ветеранов был послан для убийства Антипатра²⁷⁶. Его самого и его сыновей царь особенно боялся, говорит Плутарх²⁷⁷.

Этот приказ царя вследствие его скорой смерти не был осуществлен Антипатром. Нам неизвестно, как бы последний взялся за его осуществление, если бы этого чрезвычайного обстоятельства не было. Вполне естественно, что, получив указание отправиться на Восток, старый полководец боялся участи Пармениона²⁷⁸. Он предпринял меры предосторожности и первым нанес удар руками своих сыновей и единомышленников. К Александру были посланы его сыновья Иолай и Кассандр. Иолай был главным виночерпием, Кассандр, недавно приехавший из Македонии, чтобы отразить обвинения, которые делегации македонян, фракийцев и иллирийцев выдвинули против своего регента, был удивлен новыми обычаями, введенными Александром. Когда Кассандр первый раз явился свидетелем проскинесиса, он назвал царю громко рассмеялся, чем вызвал страшный припадок бешенства Александра. Но, сдержав себя, расвирепевший Александр схватил его обеими руками за волосы и стукнул

²⁷⁴ Diod. XVII, 89, 1—4; Just. XII, 14, 1—2.

²⁷⁵ Arr. VII, 12, 4—6; cp. Just. XII, 12, 9.

²⁷⁶ Curt. X, 10, 15.

²⁷⁷ Plut. Alex. 74.

²⁷⁸ Just. XII, 14, 5.

об стенку²⁷⁹. С этих пор Кассандр испытывал глубокую злобу и отвращение к Александру. Александр внушил ему ужас, который не оставлял его многие годы. Став уже царем Македонии и властителем Греции, пишет Плутарх, Кассандр, прогуливаясь однажды по Дельфам, при виде статуи Александра затрясая всем телом, волосы у него встали дыбом, он едва пришел в себя, у него кружилась голова от страха²⁸⁰.

Характерно, что даже преждевременная смерть Александра в неполных 33 года остается загадочной и связывается также с Антипатром и его семьей. Умер ли македонский царь естественной смертью или пал жертвой политического заговора,— это вопрос, который до сих пор остается открытым. В исторической литературе, как правило, последняя возможность отрицается. Так, Дройзен считает, что Александр заболел лихорадкой, волнения последнего времени и многочисленные пиры усилили его болезненную восприимчивость. Другие известия о смерти Александра он объявляет выдумками «с добрым или худым намерением», которые не считает нужным даже опровергать²⁸¹. Александр, страшно истощенный работой, передрыганиями и душевными возбуждениями всякого рода, заболел лихорадкой вследствие крайней неумеренности и в несколько дней сошел в могилу,— писал другой историк Г. Ф. Герцберг²⁸². Керст полагал, что Александр был поражен болезнью, которая, по-видимому, была вызвана как опромочными волнениями и возбуждением прошлых военных походов, так и болотистым климатом Вавилона и неправильным образом жизни, особенно длительными пиршествами²⁸³. У Александра была тропическая лихорадка, утверждает австрийский историк Ф. Шахермейр. По его мнению, короткое расстояние между приступами дает возможность предположить, что эта тропическая малярия имела в данном случае тяжелейшую форму своего проявления²⁸⁴. Шахермейр полагает, что тело, ставшее восприимчивым к болезни

---

²⁷⁹ См.: A. R. Burn. Op. cit., p. 235.

²⁸⁰ Plut. Alex. 74.

²⁸¹ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1, стр. 398—399.

²⁸² Г. Ф. Герцберг. История Греции. Пер. с нем. СПб, 1881, стр. 558.

²⁸³ J. Kaerst. Op. cit., S. 419.

²⁸⁴ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 462—463.

и крайне ослабленное ежедневными атаками малярии, кажется, подхватило еще одну болезнь, вероятнее всего, воспаление легких, поэтому жар больше совсем не проходил²⁸⁵. Ни одним словом не обмолвился автор о возможности иного толкования. Это же мнение, по существу, повторяет и французский историк П. Клоше. Он считает, что во время одного из пиршеств ужасный приступ лихорадки свалил царя, который после 8—10 дней страданий скончался. Приведенные в замешательство такой внезапной смертью многие современники считали, что он был отравлен. Клоше не согласен с этим. Он пишет, что очень нездоровые климатические условия болотистой страны, а также излишества, тревожения и раны, которые подорвали здоровье царя, дают достаточное объяснение этому событию²⁸⁶.

Ничего нового по этому вопросу мы не найдем и в советской историографии. Так, С. И. Ковалев повторяет мысль о том, что организм Александра, истощенный нечеловеческим напряжением последних лет, не выдержал малярии²⁸⁷. А. Б. Ранович также говорит, что Александр умер от болезни, о других версиях даже не упоминает²⁸⁸. Все эти утверждения, однако, базируются на одностороннем изучении источников, представляющих официальную версию.

Официальная версия сообщает, что Александр после возвращения в Вавилон заболел какой-то тяжелой формой восточной лихорадки, от которой вскоре скончался. Но эта версия вызвала сомнение еще в самой античной историографии. И хотя в ней отчетливо вырисовываются два течения — апологетическое и антиалександровское, в каждом из сочинений пяти древних авторов, оставивших нам сведения о восточных походах и об Александре, можно найти доказательства и его насильственной смерти.

Арриан приводит данные дворцовых дневников, из которых явствует, что Александр заболел лихорадкой после неоднократных попоек у Медия²⁸⁹. Это подтверж-

²⁸⁵ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 464.

²⁸⁶ P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 112—113.

²⁸⁷ С. И. Ковалев. Александр Македонский, стр. 110.

²⁸⁸ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль, стр. 76.

²⁸⁹ Arr. VII, 25, 1.

дает и Плутарх, который говорит, что у Александра началась лихорадка после того, как он пил всю ночь и весь следующий день²⁹⁰. О том, что внезапная болезнь была вызвана обильным употреблением вина на пирушке, говорят Диодор и Юстин²⁹¹.

В источниках нет единого мнения о том, как протекала болезнь. Если бы такое единство существовало, можно было бы определенно, с учетом успехов современной медицины, поставить диагноз и уяснить ход течения роковой болезни, или отвергнув его, говорить о вероятности насильственного вмешательства.

Плутарх приводит слова Аристокбула о том, что от лихорадки у Александра помутился разум, он испытывал сильнейшую жажду и пил вино. От этого он совсем обезумел и скончался²⁹².

Опираясь на дворцовый дневник, Плутарх по дням описывает болезнь Александра. В 18-е даисия он спал в бане по причине лихорадки. На следующий день, хотя и был болен, днем играл с Медием в кости. Ночью его лихорадило. 20-го он снова лег в бане, разговаривал с Неархом и его товарищами, слушал их рассказы о Великом море. 21-е он провел таким же образом; жар у него стал сильнее, ночь он провел худо и днем весь горел; его положили около большого бассейна. 24-го он поднялся в сильной лихорадке; его перенесли в противоположный конец дворца; 25-го он немного уснул, но лихорадка его не оставляла. В этот день и в следующий он был уже без голоса; 28-го вечером наступила смерть²⁹³. Плутарх спешит подтвердить, что большая часть этого сообщения взята «слово в слово» из дворцовых дневников²⁹⁴. Из этого же источника черпает свои сведения и Арриан, который, однако, передает их без подробностей. И здесь Александр заболел лихорадкой после пирушки. Его вынесли на ложе для жертвоприношения, затем отнесли на постель к реке, через которую его переправили на судне; на следующий день, после положенных жертв, он в комнате беседовал с Медием; в последующее время он почувствовал себя

²⁹⁰ Plut. Alex. 75.

²⁹¹ Diod. XVII, 117, 1—2; Just. XII, 13, 8 и сл.

²⁹² Plut. Alex. 75.

²⁹³ Там же, 76.

²⁹⁴ Там же, 77.

плохо, состояние его все ухудшалось; потом ему стало совсем худо, и его перенесли из парка во дворец. Болезнь прогрессировала; он потерял речь. «Ночью и днем у него была жестокая лихорадка, не прекращавшаяся и в следующую ночь и на следующий день»²⁹⁵.

Как у Плутарха, так и у Арриана, болезнь начинается после пирушки, в результате обилия выпитого вина. Болезнь протекала не внезапно, в ней были моменты затухания, когда больной мог слушать друзей и даже играть с Медием (по Плутарху) или беседовать с ним (по Арриану); наконец, болезнь сопровождалась высокой температурой (по Плутарху) и потерей речи (Плутарх и Арриан).

По этим указаниям трудно определить существо заболевания; остаются все же неясными как его симптомы, так и формы, в которых оно протекало. Вызывает известное недоумение, почему «царские дневники», в которых подробно фиксировались более мелкие события, чем смерть Александра, были так скупы в этом случае. Не исключена вероятность того, что Арриан и Плутарх сократили здесь свой источник в угоду своей исторической концепции.

Если апологетическая версия, опираясь на известия царских дневников, старается показать сравнительно медленное течение болезни, то представители антиалександровской версии подчеркивают внезапность этого события, давая тем самым понять, что оно не могло произойти без внешнего вмешательства. Так, Диодор указывает, что Александр, выпив большой кубок чистого вина, вдруг, словно пораженный сильным ударом, громко вскрикнул и застонал. Друзья вынесли его на руках и уложили в постель, неотступно сидели при нем. Болезнь усиливалась; созвали врачей, но никто не смог ничем помочь ему в его тяжких страданиях²⁹⁶. Юстин говорит еще более определенно: приняв кубок и выпив до половины, Александр внезапно, точно пронзенный копьем, застонал. Он был унесен с пира полумертвым и так жестоко страдал от боли, что умолял дать ему

---

²⁹⁵ Агг. VII, 25, 2—6. Арриан трижды употребляет глагол «лихорадить», «быть в жару» для определения состояния Александра (Агг. VII, 25, 1, 4, 6), Плутарх — 4 раза с тем же значением (Plut. Alex. 75—76).

²⁹⁶ Diod. XVII, 117, 1—2.

оружие вместо лекарства; даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана²⁹⁷.

Юстин прямо, без обиняков, подчеркивает, что мы здесь имеем дело не с какой-то тяжелой формой восточной лихорадки, а с коварным убийством, гнусность которого сильным и влиятельным преемником Александра удалось скрыть²⁹⁸. Эта мысль отчетливо проводится также у Курция и Диодора. Антипатр, став властелином Македонии и Греции, имел полную возможность заглушить всякие слухи о своем участии в убийстве. После смерти Александра он остался в Европе самым могущественным, а когда некоторое время спустя власть в Македонском государстве получил его сын Кассандр, многие не решались писать об отравлении²⁹⁹. Таким образом, при потомках Антипатра, когда были истреблены все, кто остался в каком-либо родстве с Александром, этим слухам широко распространяться тоже было трудно³⁰⁰. И все же эти слухи проникали. Через 6 лет после смерти Александра его мать Олимпиада получила донос. Она многих казнила, а останки сына Антипатра Иолая, — по слухам, убийцы Александра, — велела выбросить³⁰¹. Полностью утихнуть этим слухам не удавалось даже под строгим запретом.

Характерно, что версия о насильственном устранении македонского царя известна всем источникам без исключения. Одни только принимают ее как действительно совершившийся факт (Юстин), другие передают это известие со слов других писателей, сами же вполне допуская возможность отравления (Курций, Диодор), третьи показывают свою осведомленность в известиях об отравлении, но считают эти известия простой выдумкой (Арриан, Плутарх). Подтверждением этого служит, по мнению Плутарха, то обстоятельство, что пока в течение ряда дней военачальники спорили и ссорились,

---

²⁹⁷ Just. XII, 13, 8—9.

²⁹⁸ Там же, 13, 10. Диодор говорит, что многие историки не решились приводить историю о том, что Александр был отравлен, из страха перед Кассандром. Он, следовательно, не знал о многих работах, касающихся смерти Александра, которые были написаны до смерти Кассандра в 298 г. до н. э.

²⁹⁹ Diod. XVII, 118, 2.

³⁰⁰ Curt. X, 18—19.

³⁰¹ Plut. Alex. 77.

на теле покойного не обнаружилось никаких признаков разложения, несмотря на исключительно жаркий климат Месопотамии³⁰². Между тем Курций приводит это же известие об отсутствии на его теле признаков тления, но не связывает его с отрицанием возможности отравления³⁰³.

Если даже стать на точку зрения тех, которые считают слухи об отравлении необоснованными, то и тогда нужно объяснить, почему такие слухи могли возникнуть. Арриану и Плутарху, создавшим идеализированный образ Александра, мысль о его физическом устранении при помощи сильнодействующего яда казалась кощунственной и неправдоподобной. Между тем перекрестный анализ всех дошедших до нас сведений, с учетом сложной обстановки внутриармейской борьбы, возможность гибели Александра в результате политического заговора позволяет считать вполне вероятной.

Прежде всего все источники упоминают Медия, у которого на последнем пиру пил Александр и где он почувствовал себя плохо. Кто такой Медий? Юстин называет его фессалийцем³⁰⁴, Арриан — самым верным человеком «среди тогдашних его приближенных»³⁰⁵. Обращает на себя внимание указание Плутарха о том, что Александр, с трудом пережив смерть Гепестиона, опять занялся празднествами и пирушками, которые главным образом организовывались Медием. Именно по просьбе последнего Александр пренебрег своим покоем, пошел к нему пировать, и там у него началась лихорадка³⁰⁶. Арриан приводит мнение некоторых древних историков, не называя их по имени, о том, что Медий специально зазывал на пирушку Александра, намеревавшегося уйти в свою спальню. И только по его настоянию Александр остался³⁰⁷. Арриан приводит еще одну интересную подробность о Медии. Он был другом Июлая, сына Антипатра³⁰⁸. Юстин, подтверждая это, прямо указывает на Медия как на непосредственного соучастника преступления.

---

³⁰² Plut. Alex. 77.

³⁰³ Curt. X, 10, 9.

³⁰⁴ Just. XII, 13, 6; ср. Diod. XVII, 117, 1.

³⁰⁵ Arr. VII, 24, 4; ср. Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 461.

³⁰⁶ Plut. Alex. 75.

³⁰⁷ Arr. VII, 24, 4.

Во всех источниках это преступление связывается с домом Антипатра.

Арриан, отвергая версию об убийстве, все же передает свою осведомленность о разных толках по поводу этого события. Свое изложение он начинает со слова «рассказывают». Этим самым он подчеркивает, что знает о них, но не выражает к ним доверия. По этим рассказам следует, что Александр умер от яда, который прислал ему Антипатр. Яд был изготовлен Аристотелем, опасавшимся за свою судьбу после трагедии с Каллисфеном. Кассандр, сын Антипатра³⁰⁹, передал этот яд своему младшему брату Иолаю, царскому виночерпию, которого Александр незадолго до своей кончины чем-то обидел. По другим рассказам, которые приводит Арриан, соучастником убийства был Медий, для этой цели приглашавший Александра на пирушки, где тот выпил килик, почувствовал острые боли и поэтому ушел с пира. Арриан приводит, наконец, рассказ, совершенно, по его мнению, невероятный, о том, что Александр почувствовал близкий конец, имел намерение броситься в Евфрат, чтобы таким образом исчезнуть из среды людей и утвердить в потомстве веру в то, что, произойдя от бога, он и отошел к богам. Но жена Роксана удержала его от этого шага, чем вызвала недовольство Александра, у которого она отняла непреходящую славу стать богом³¹⁰.

У Плутарха к этому рассказу можно найти некоторые подробности. Прежде всего, он утверждает, что Александр особенно боялся Антипатра и его сыновей. Далее, со ссылкой «по словам некоторых», он приводит данные о соучастии советника Антипатра Аристотеля, при помощи которого и был добыт яд. Ядом послужила ледяная вода, рососою сочившаяся из какой-то скалы в Нонакриде; ее набрали в ослиное копыто, потому что никакая посуда не могла выдержать ее холода и едкости, трескаясь на куски. Так рассказывал некий Гагнофем, слышавший об этом от царя Антигона³¹¹.

Юстин, не сомневаясь в том, что «Александр был

---

³⁰⁸ Arr. VII, 27, 2.

³⁰⁹ Арриан ошибочно называет Кассандра братом Антипатра (Arr. VII, 27, 1).

³¹⁰ Arr. VII, 27, 1—3.

³¹¹ Там же, 77.

сломлен не вражеской доблестью, но коварством приближенных и предательством подданных»³¹², высказывает уверенность в том, что Александр погиб в результате заговора, задуманного и осуществленного Антипатром. Его поступок объясняется Юстином следующими причинами: 1) Антипатра пугала казнь лучших друзей царя, наместников завоеванных областей, убийство его зятя Александра-Линкестийца; 2) ненависть Александра к нему, о чем говорит признание его подвигов и заслуг в Греции; 3) оскорбление Антипатра и клевета на него со стороны матери Александра Олимпиады; 4) вызов Антипатра из Македонии на Восток воспринимался им как предстоящая над ним расправа³¹³. Эти причины заставили старого полководца руками своих сыновей Кассандра, Филиппа и Иолая, прислуживавших царю, осуществить коварный замысел. Антипатр дал яд Кассандру, предупредив его, чтобы он не доверял никому, кроме фессалийца Медия и своих братьев. Убийство должно было совершиться на пиршестве у Медия, где все для этой цели было подготовлено. Филипп и Иолай разбавили холодной водой с ядом питье для царя, которое перед этим испробовали. Яд был сильнодействующий. Сила его была такова, что нельзя было хранить его ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить можно было только в посуде из конского копыта³¹⁴.

Мнение многих об этом заговоре передает Курций. Здесь подтверждается виновность Антипатра и непосредственного исполнителя — его сына Иолая. Подчеркивается факт отрицательного отношения царя к своему наместнику в Македонии. Александр упрекал его, что он претендует на царское достоинство, гордясь своей победой над спартанцами, считает себя по силе выше обычного военачальника и все, что получает от царя, приписывает себе. Отправка Кратера с отрядом ветеранов в Европу воспринималась как мероприятие по осуществлению убийства зазнавшегося опасного полководца. Но этот полководец опередил царя и умертвил его ядом, который дал ему по приказанию отца сын Антипатра

---

³¹² Just. XII, 6, 12.

³¹³ Там же, 14, 1—4.

³¹⁴ Там же, 14, 6—9.

Иолай³¹⁵. Сила яда, добываемого в Македонии из источника Стикса, была исключительной; он разрывал даже подковы, выдерживало его только копыто животного. Яд привез Кассандр и передал брату Иолаю, который влил его в последнюю чашу царя³¹⁶.

Не обошел молчанием утверждения древних писателей об отравлении Александра и Диодор. И в его кратком рассказе это событие также связывается с Антипатром, который враждовал с Олимпиадой. Вражда эта не утихала, а росла при попустительстве Александра, который сначала ей не придавал значения, а потом захотел угодить матери. Антипатр во многих случаях обнаруживал свою неприязнь к царю. Вдобавок гибель Филоты и Пармениона заставила многих содрогнуться³¹⁷. Крайне отрицательно к деяниям Александра относился не только Антипатр, но и его сын Кассандр. Он убил Олимпиаду и бросил ее тело без погребения, а Фивы, разрушенные Александром, восстановил «с великой заботой»³¹⁸. Таким образом, контраверсы античных источников дают нам ряд доказательств физического устранения царя. Подозрения об отравлении Александра и участии в этом акте Антипатра полностью до сих пор не удалось устранить и в исторической литературе.

Все источники без исключения, принимают ли они версию об убийстве или отрицают ее, приводят лишь рассказы других, все они связывают это событие с Антипатром и его семьей. Просто отрицать этот факт или объявить его выдумкой легче всего.

Антипатр и Александр в завершающий период жизни и деятельности последнего — это целая проблема, связанная с активизацией антиалександровских сил, цель которых — изменение хода событий на Востоке и Западе путем физического устранения Александра.

Известно, что покушения на жизнь Александра были не единичны. Курций указывает, что еще перед битвой при Гавгамелах были перехвачены письма Дария, в ко-

---

³¹⁵ Curt. X, 10, 14—15.

³¹⁶ Там же, 10, 16—17.

³¹⁷ Diod. XVII, 118, 1.

³¹⁸ Там же, 118, 2.

торых он подбивал солдат-греков убить или выдать ему Александра.

Прежние попытки физически устранить царя были неудачными. Заговор Филоты в 330 г. до н. э., заговор «пажей» в 327 г. до н. э. были своевременно раскрыты. Но если прежние попытки не увенчались успехом, то нельзя исключить возможности повторения такой попытки в момент наивысшего напряжения сил Александра. Этот момент учли единомышленники Антипатра, которые и довели заговор до его логического конца.

О том, что такой заговор, во главе которого стоял македонский наместник, мог иметь место, свидетельствуют упомянутые события на Востоке и в Македонии, в которых особенно остро сталкивались интересы Александра и Антипатра.

Деятельность Антипатра является дополнительным свидетельством наличия большой антиалександровской оппозиции как на Востоке, так и на Западе. Противники Александра действовали не только в его восточной армии, но и в самой Македонии, где их вдохновителем был ее наместник, выдающийся македонский полководец Антипатр. Эта противоборствующая сила, наряду с большим антимакедонским движением покоренных народов, не только погубила Александра, но и внесла свою лепту в развал его империи.

Часть третья

АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава первая

АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В АРЕАЛЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Основные этапы и главные тенденции антимакедонской борьбы периода восточных походов Александра Македонского специально в буржуазной историографии не изучались, поскольку сами восточные походы трактуются в ней как триумф гения, не испытавшего на своем пути организованного антимакедонского сопротивления со стороны покоренных народов. Так, например, французский ученый Бенуа-Мешен указывает, что до самой Индии у Александра все проходило так легко, как будто в мечте¹. Если у некоторых историков попутно упоминаются отдельные эпизоды этой антимакедонской борьбы, то в этих экскурсах не вскрываются внутренние причины, ее породившие. Они объясняются как результаты разбойничьих нападений на македонскую армию².

Между тем тщательное изучение источников дает нам возможность проследить определенные этапы и выявить главные тенденции антимакедонской борьбы на протяжении всего времени восточных походов.

В этой борьбе можно четко выделить три этапа, ко-

---

¹ Benoist-Mechin. *Alexandre le Grand ou la Réve de passé clairfontaine*. Lauzanne, 1964, p. 129—130.

² Некоторые буржуазные историки период самого активного антимакедонского выступления среднеазиатского населения склонны называть народной войной, хотя и бесперспективной, но в то же время называют непосредственных участников такой войны разбойничьими отрядами кочевников. (См.: Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse*. Wien, 1949, S. 276, 475).

торые соответствуют трем основным этапам походов греко-македонских войск на Восток: 1) антимакедонское движение в районе Средиземноморья; 2) антимакедонское движение в Средней Азии; 3) антимакедонское движение в дальневосточных сатрапиях.

Первый этап характерен антимакедонским выступлением на Балканском полуострове (во Фракии, Греции), восстанием на Крите под руководством спартанского царя Агиса III, выступлением против Александра племен и народностей Малой Азии (Мармары, Писиды и др.), Ближнего и Среднего Востока³.

Второй этап отмечен апогеем антимакедонской борьбы в Средней Азии, когда среднеазиатское население под руководством мужественного Спитамена подняло против Александра мощное восстание, которое было подавлено с большим трудом.

Антимакедонские выступления Астиса, ассакиенов, аспасиев, кофеев, оксидраков, маллов и других независимых воинственных племен Индии характеризуют третий этап антимакедонской борьбы, совпавший с последним индийским походом Александра.

Конечно, каждый из этих этапов отличается своеобразием, различной степенью интенсивности и организованности, но вместе взятые они отражают антимакедонское движение, которое свидетельствует о том, что поход македонского завоевателя не был усеян розами, что его армии приходилось преодолевать большие препятствия на пути завоевания восточных земель.

Антимакедонское движение началось сразу же после того, как войско Александра переправилось через Гелеспонт. Потенциальными вдохновителями этого движения оставались Македония, Фракия и Греция. Учитывая это положение, Александр перед походом для обеспечения внутреннего порядка на Балканах, охраны македонских границ и отпора возможной высадке персидского десанта оставил на родине 14 тыс. солдат под руководством македонского наместника Антипатра в качестве стратегического резерва. То, что в Македонии была оставлена почти половина войск той армии, которая

---

³ См. А. С. Ш о ф м а н. Первый этап антимакедонского движения периода восточных походов Александра Македонского. — ВДИ, № 4, стр. 117—136.

отправилась на Восток, свидетельствует о реальной опасности антимакедонских выступлений, которую Александр всегда учитывал и старался сделать все возможное, чтобы их избежать. Об этом говорят также принятые им два важных мероприятия в Малой Азии, связанные с роспуском своего флота после взятия Милета и отправкой домой значительного контингента солдат после падения Галикарнаса.

В источниках и в исторической литературе эти два мероприятия не получают удовлетворительного объяснения. Прежде всего из пяти древних историков только Арриан и Диодор приводят некоторые сведения об этих мероприятиях. Арриан указывает, что Александр решил распустить свой флот по двум причинам: во-первых, из-за отсутствия денег, во-вторых, вследствие незначительности, а потому боязни соперничества с большим персидским флотом. Он считал, что, завладев Азией с помощью сухопутных сил, уже не будет нуждаться во флоте, а взятием приморских городов ему удастся уничтожить флот противника, так как персам неоткуда будет пополнять число гребцов и матросов и не будет в Азии места, где пристать⁴.

Диодор также объясняет роспуск македонского флота бесполезностью и большими расходами на его содержание. Александр, распустив флот, оставил лишь несколько кораблей для перевозок стенобитных машин⁵. Диодор приводит мнение некоторых писателей о том, что причиной роспуска флота было желание Александра укрепить мужество македонян, когда сделается для них невозможным возвращение домой. «Некоторые говорят, — пишет Диодор, — что Александр распустил флот с хитрым расчетом. Он поджидал Дария; предстояло большое грозное сражение, и Александр решил, что македоняне будут сражаться мужественно, если у них отнять надежду на спасение бегством»⁶. По этому поводу Диодор не высказывает своего собственного мнения, ограничиваясь передачей того, что «некоторые говорят». Впрочем, из его рассказа об Агафокле, царе сиракузском, который последовал

---

⁴ Arr. I, 20, 1.

⁵ Diod. XVII, 22, 5.

⁶ Там же, 23, 1.

примеру Александра, высадившись в Ливии с небольшим войском, сжег корабли и, отняв у своих солдат надежду спастись бегством, заставил их тем самым храбро сражаться и победить карфагенян, — видно, что в общем Диодор солидаризируется с мнением «некоторых»⁷.

Эти данные источников нелегко согласовать с действительным положением в районе Эгейского моря. Нельзя возразить против того, что денег у Александра в то время было еще мало. Но ведь в данном случае речь шла не об увеличении флота, а только о его сохранении у малоазиатских берегов. В самом начале похода Александр, безусловно, знал количественное соотношение персидского флота по отношению к своему собственному, он отдавал себе отчет в стоимости содержания своих кораблей. Если бы он считал их бесполезными в борьбе с врагом, ему легче было отослать их обратно, как только греко-македонские войска перешли Геллеспонт. Логичнее всего предположить, что роспуск флота Александром был вызван другими, более важными обстоятельствами, им не предвиденными.

Объяснение Диодором роспуска флота стремлением македонского полководца укрепить мужество своих солдат, нельзя считать удачным. Мужество македонских воинов при Гранике и во время их дальнейшего продвижения было на высоте и не нуждалось в дополнительном испытании.

Что касается второго мероприятия Александра, то, согласно Арриану, отправка македонских солдат на родину объясняется тремя причинами. Во-первых, тоской молодых воинов по оставленным семьям. Поженившихся перед самым походом Александр отправил из Кари в Македонию, чтобы «они провели зиму с женами»⁸. Начальство над ними он поручил Птолемею, сыну Селевка, одному из царских телохранителей, и стратегам Кену, сыну Полемократа, и Мелеагру, сыну Неоптолема, которые были в числе молодоженов. Во-вторых, ушедшие на родину македоняне должны были выполнить пропагандистскую миссию, а именно, распространять по всей Македонии и в подвластных ей странах весть о

---

⁷ Diod. XVII, 2.

⁸ Arr. I, 24, 1.

победе македонского оружия, чем укрепить верность народа царю и возбудить желание участвовать в его смелых предприятиях. В-третьих, командиры, возглавлявшие отряды македонян, ушедших на родину, должны были заняться набором и «собрать как можно больше всадников и пехотинцев». Для дополнительного воинского набора отправил он в Пелопоннес Клеандра, сына Полемократа⁹. Последний, спустя 13—14 месяцев, примкнул к Александру в Сидоне с 4 тыс. наемных греков¹⁰.

Вряд ли правомерно это мероприятие объяснять такими романтическими причинами, как отправка молодых воинов на зиму к своим женам. Македонская армия в Азии была настолько малочисленна, что рискованно было бы отправлять отдельные ее подразделения на запад лишь для извещения о славе победы ее соотечественников. Гораздо важнее указание Арриана о том, что командиры ушедших подразделений, а также посланный в Пелопоннес специальный эмиссар должны были привести на Восток дополнительные войска. Это утверждение Арриана согласуется с указанием Курция, представителя противоположной литературной традиции¹¹.

Опирающиеся на эти сведения древних источников исследователи или только повторяют высказывания последних, или расширительно их толкуют. Так, в англо-американской историографии В. Уилер полагал, что, отпустив свой флот, Александр совершил ошибку¹². А. Робинсон как будто оправдывает это мероприятие македонского полководца, мотивируя тем, что его флот был очень слаб по сравнению с персидским¹³. А. Берн объясняет роспуск флота отсутствием средств на его содержание. 160 судов — трирем и новых квадрирем — нуждались в обслуживании 30 тыс. человек. Казна была еще пуста. Увеличение военных контрибуций могло привести к волнениям в Ионии; моряки, как и руководители, закупали провизию в портах; они не могли просто взять ее или купить по дешевым ценам. Александр решил эту задачу «метафорическим сжиганием кораб-

⁹ Arr. I, 24, 2.

¹⁰ Там же, II, 20, 5.

¹¹ Curt. III, 1.

¹² В. Уилер. Александр Великий. СПб, 1899, стр. 13.

¹³ A. Robinson. Alexander the Great, p. 84.

лей» и послал весь флот домой¹⁴. Александр Джеймс Катрлз высоко оценивает мероприятие Александра, связанное с отправкой молодых командиров и солдат. Это было, пишет он, превосходным шагом в политике, так как численность их не могла быть большой, их отсутствие не станет материальной потерей для командования, а они, конечно, сообщат всей Греции об энергичности, отваге и гении Александра, о благородстве и щедрости его характера. Катрлз полагает, что это был наиболее эффективный путь для того, чтобы принести в Европу наиболее прекрасные сообщения о его деятельности. Кроме того, это должно было поднять и увеличить симпатию и дружбу между полководцем и его солдатами¹⁵. Гордые его успехами и его либеральной гуманностью, «возвратившиеся» прославленные македонские герои должны были помочь наборам рекрутов в Македонии¹⁶.

В германской историографии Ю. Керст считает, что роспуск флота был «важнейшим мероприятием» Александра. Ссылаясь на Арриана и Диодора, Керст объясняет это решение недостатком финансовых средств, а также стремлением Александра использовать свое превосходство на суше, захватить важнейшие плацдармы побережья и, таким образом, лишить персидский флот, который он не хотел сопоставлять в бою со своим собственным флотом, базы для военных действий. Керст вместе с тем считает вполне вероятным и то обстоятельство, что финансовые и военные соображения Александра поддерживались политической причиной. Эта причина заключалась в том, что он как раз при дальнейшей оккупации азиатского побережья хотел быть как можно менее зависимым от сил эллинистического союза. Последующие события, по мнению Керста, подтвердили, что Александр ошибся, распустив флот¹⁷.

В итальянской исторической литературе Антонино Пальяро полагает, что поскольку флот Александра было очень скромным и не был в состоянии противодействовать превосходящим силам, которые Персия держала

¹⁴ A. R. Burn. Op. cit., p. 98—99.

¹⁵ Cutrules Alexander James. *Invictus. A history of Alexander the Great.* vantrque Press, 1958, p. 106.

¹⁶ Там же, стр. 109.

¹⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 264—266, 272.

на море; постольку Александр не хотел услуг флота. Будучи уверен, что с персидской морской мощью можно покончить на суше, лишив флот опорных баз, он поспешил распустить свой флот. Это решение Александр выполнил, удержав только 20 афинских трирем, в основном как заложников, чтобы предотвратить возможную измену города¹⁸.

Не менее важной причиной отказа Александра от услуг флота было стремление облегчить финансовые расходы¹⁹.

Другой итальянский историк Марчелло Фортина роспуск Александром флота объяснял: 1) дороговизной его содержания; 2) признанием его непригодности к соперничеству с персидским флотом; 3) уверенность Александра в том, что, занимая азиатское побережье, он практически сможет ликвидировать эффективность вражеской морской силы, лишая ее причалов и снабжения²⁰.

В советской науке этим вопросом занимался С. И. Ковалев. Возражая Керсту, он утверждал, что, распустив флот, Александр не совершил никакой ошибки²¹. Судьба похода должна была решаться не на море, а на суше, бороться на море против превосходящих сил персов флот Александра все равно не мог. Рано или поздно флот погиб бы, не принеся никакой пользы. Поэтому столкновение слабых македонских морских сил с превосходным персидским флотом отразилось бы крайне вредно на всей кампании. С. И. Ковалев указывает также на обременительность содержания флота для все еще бедной казны Александра. 160 трирем требовали экипажа больше, чем в 30 тыс. человек, а это почти равнялось численности его армии, между тем как флот не был в состоянии совершить того, на что была способна армия.

Таким образом, исследователи-античники, опираясь на явно неполные сведения древних историков, по существу пытаются лишь констатировать факт этих меро-

---

¹⁸ Antonino Pagliaro. *Op. cit.*, p. 71, 120.

¹⁹ Там же, стр. 120.

²⁰ Marcello Fortina. *Alessandro Magno e l'ellenismo*. In «Nuove questioni di storia antica». Milano, 1968, p. 206.

²¹ С. И. Ковалев. Александр Македонский. ОГИЗ, Л., 1937, стр. 36.

приятый Александра и вывести из этого факта некоторые свои соображения, исходя из логики общей обстановки и событий того времени. Никто из них однако не связывает в должной мере предпринятый македонским полководцем опасный для его войск шаг с планом персидского главнокомандующего Мемнона, который начал осуществляться после падения Галикарнаса. С. И. Ковалев даже считал, что македонское командование не учитывало возможности перенесения персидским флотом операций в глубокий тыл македонян — на острова Эгейского моря, к берегам Греции²². С другой стороны, итальянский историк М. Фортина считает невероятным, что Мемнон предполагал перенести войну в Грецию и Македонию. Он считает более правдоподобным стремление персидского главнокомандующего блокировать Александра в захваченной Малой Азии, куда он углубился²³. С этим утверждением согласиться нельзя. Наоборот, имеется ряд неопровержимых доказательств связи и взаимозависимости между мероприятиями македонского командования и планом персидского главнокомандующего Мемнона²⁴.

О родосце Мемноне, получившем от Дария широкие полномочия и далеко идущую полноту власти, известном «своей воинской мудростью» среди персидских адмиралов, шла слава, что он может доставить Александру много хлопот, неприятностей и беспокойства²⁵. Незадолго перед этими событиями назначенный начальником всех сухопутных и морских сил персов, Мемнон решил перенести войну в Македонию и Элладу, для чего стремился переправить туда свои морские и пешие силы, отрезать македонян от своей родины, лишить их связи с Европой, изолировать на Востоке²⁶. Хотя этот план начал осуществляться несколько позднее, все же Александр предвидел его реальность, и поэтому формально распущенный флот должен был стать на защиту мор-

²² С. И. Ковалев. Александр Македонский. ОГИЗ, Л., 1937, стр. 36.

²³ Marcello Fortina. Op. cit., p. 207.

²⁴ А. С. Шофман. Антимакедонское движение 333—330 гг. до н. э. — «Ученые записки Казанского ун-та». Общеуниверситетский сборник, 1957, т. 117, кн. 2, стр. 62—68; он же. История античной Македонии, ч. II, Казань, 1963, стр. 119—130.

²⁵ Diod. XVII, 18, 2; Plut. Alex. 18.

²⁶ Arr. II, 1—2; Diod. XVII, 30, 1.

ских коммуникаций македонского и греческого побережий, а сухопутные подразделения, отправленные Александром на запад, должны были отразить первый натиск врага в случае перенесения персами войны в Европу. Насколько Александр был прав, предвидя эту опасность, свидетельствуют последующие события: в то время как он весной 333 г. до н. э. завоевал большую часть Азии, Мемнон начал в тылу у македонского царя успешные действия на море. Большой флот и значительное войско наемников создавали ему господствующую позицию в области Эгейского моря. Воспользовавшись этим превосходством и полагаясь на партийные распри в греческих городах, на наличие в них персидских сторонников, персидский главнокомандующий надеялся дать войне оборот, чрезвычайно опасный для Александра: покорить острова архипелага, явиться к греческим берегам с могучим флотом, вступить в тайные сношения с греческими городами, особенно со Спартой, поднять на борьбу антимакедонские партии²⁷. Мемнон возлагал большие надежды на восстание греческих городов против Македонии. Крупный успех персов мог вызвать к жизни новую антимакедонскую коалицию, а персидское золото должно было служить тому, чтобы усилить и расширить всяческие стремления к отпадению от Александра.

Таким образом, Мемнон пытался осуществить тот план, который был выдвинут им еще до битвы при Гранике, но отвергнут недалновидными персидскими сатрапами: перенести войну в Грецию и там угрожать Македонии с ее собственных позиций. Для осуществления этого плана персидский флот в течение зимы 334/33 гг. до н. э. начал систематически занимать важнейшие коммуникации на островах Эгейского моря. Вначале Мемнон захватил Хиос, который был ему выдан олигархами, стремившимися к власти и всегда готовыми поддержать персидского царя против его противника. Из Хиоса он направился к Лесбосу, где добился присоединения всех городов, за исключением Митилены. Там находился

---

²⁷ Diod. XVII, 29, 3—4.

²⁸ Arr. II, 1—2; Diod. XVII, 29, 2; 31, 3.

македонский гарнизон, а население этого города решительно отказалось от восстания²⁸.

В результате действий персов влияние Александра на Эгейском море стало ослабевать. Его связи с Македонией и Элладой находились под серьезной угрозой со стороны флота Мемнона, который мог получить помощь от многих эгейских островов, клерухов Самоса и многочисленных афинских и пелопоннесских патристических сил²⁹. Весть об успехах персов быстро распространилась по всей Греции. Ряд Кикладских островов послал к Мемнону свои посольства с предложением союза. Персидская дипломатия и деньги нашли себе снова путь в греческие государства, в которых ожидали открытых восстаний³⁰. Мемнон с 300 триерами и пешим войском собирался идти на Македонию, а большинство эллинов готово было восстать³¹. Кроме того, антимакедонская оппозиция в европейской Греции далеко не угасла и не утратила своей остроты. Отдавая предпочтение советам Демосфена и Гиперида, а не Фокиона, афиняне не отправили новые триеры Александру. Если 350 фессалийских и эллинских всадников фигурировало среди подкреплений, прибывших в Гордий, то они составляли очень малочисленную группу по сравнению с 3200 македонских пехотинцев и конников³².

Демосфен не скрывал своей надежды увидеть, как многочисленная армия персов сокрушит войска Александра. Но если сам он со своей обычной осторожностью не советовал афинянам ввязываться в борьбу, которая представлялась ему весьма опасной, то спартанцы считали себя готовыми к встрече персов, что внушало македонскому полководцу сильное беспокойство за проливы и за верность ему греков. «Его охватила великая тревога»³³.

Против достигнутых Мемноном успехов нужно было принимать энергичные оборонительные меры. Александр послал из Гордия двух командиров — Гегелоха и Амфотера — к Геллеспонту; они должны были собирать флот, принуждая к службе даже торговые суда. Такой посту-

---

²⁹ P. Clouhé. Alexandre le Grand, p. 25—26.

³⁰ Diod. XVII, 29, 1—4.

³¹ Там же, 31, 3.

³² Arr. I, 29, 4.

³³ Diod. XVII, 31, 3.

пок явился нарушением договора о свободном проходе судов через проливы и вызвал протест афинян. Но положение было настолько напряженным, что считаться с недовольством Афин не приходилось. В это же время Гегелоху вменялось в обязанность освободить от вражеских гарнизонов острова Лесбос, Хиос и Кос. Согласно Курцию, на осуществление этого мероприятия ему было выдано 500 талантов³⁴. Регент Македонии Антипатр, получив от Александра деньги в сумме 600 талантов на военные расходы, послал Протея, чтобы собрать на Эвбее и в Пелопоннесе корабли для защиты островов и охраны греческого берега³⁵.

Все эти мероприятия Александра свидетельствовали о большой опасности, которая грозила македонскому тылу и последствия которой Александр хорошо понимал. Он также понимал, что предприятия им меры смогут быть выполнены только в том случае, если «не помешает Мемнон»³⁶. Но прошло немного времени и Мемнон перестал мешать. Во время осады Митилены он заболел и вскоре умер (февраль 333 г. до н. э.)³⁷. По выражению Диодора, смерть Мемнона погубила все дело Дария³⁸. Наоборот, Александр, услышав об этом событии, укрепился в своем решении двинуться вглубь Азии³⁹.

С Мемноном ушел из жизни последний представитель той силы персов, которая опиралась на эллинских наемников, бывших, по выражению Курция, главной и почти единственной надеждой Дария (*gracipua spes et propetmodum unica*)⁴⁰.

После смерти Мемнона в совете персидского царя началась жестокая борьба по вопросу о том, продолжать ли осуществление его плана или предать этот план забвению. Характерно, что Арриан ничего об этой борьбе не говорит. Источники, из которых он черпал сведения, склонны были уменьшать опасность, угрожающую Александру как от осуществления плана Мемнона,

³⁴ Curt. III, 1, 19—20.

³⁵ Arr. II, 2, 4; ср. Curt. III, 1, 20.

³⁶ Curt. III, 2, 21.

³⁷ Arr. II, 1, 3.

³⁸ Diod. XVII, 30, 1.

³⁹ Plut. Alex. 18; ср. Diod. XVII, 31, 4.

⁴⁰ Curt. III, 8, 1.

так и от оппозиции греков. Зато в антиалександровской традиции эта борьба получила довольно ясное выражение. Курций и Диодор сообщают, что за продолжение плана Мемнона выступил военный эксперт и главный советник в Сузах, греческий наемник афинянин Харидем⁴¹. Оба автора считают его человеком изумительной храбрости и искуснейшим стратегом. Курций добавляет к тому же еще, что он особенно ненавидел Александра, по приказу которого его выслали из Афин.

Как Курций, так и Диодор сообщают о трагической гибели Харидема, но в изложении ее причин имеются разночтения. Курций сообщает, что Дарий, хвастаясь обилием и техническим оснащением своего войска, и под влиянием лести придворных задал Харидему вопрос, считает ли он это войско достаточным, чтобы раздавить врага⁴². В ответ на это Харидем сравнил армии двух противников и в этом сравнении отдал предпочтение македонскому войску, лучше оснащенному, дисциплинированному, готовому на решительные действия. Харидем посоветовал Дарию укрепить свою армию греческими наемниками⁴³. За эти смелые мысли Харидема персидский царь приказал казнить. Но потом к царю пришло раскаяние. Он признал, что грек говорил правду, и велел похоронить его с почетом⁴⁴.

Диодор прежде всего повторяет сведения о количественном составе войск Дария, но добавляет, что одну треть его составляли эллинские наемники⁴⁵. Эта армия, по авторитетному заявлению Харидема, вполне достаточна для осуществления незавершенного плана Мемнона, если во главе этого войска будет находиться полководец уже испытанной доблести. Харидем дал понять, что он сам взялся бы осуществить это свое предложение⁴⁶. Дарий сначала согласился со словами Харидема, но под влиянием решительных возражений близких ему людей отказался от своих намерений. Эти люди внушили царю подозрение, что Харидем добивается верховного командования с целью предать персов их вра-

---

⁴¹ Diod. XVII, 30, 2; Curt. III, 2, 10.

⁴² Curt. III, 2, 2—10.

⁴³ Там же, 16.

⁴⁴ Там же, 19.

⁴⁵ Diod. XVII, 30, 3.

⁴⁶ Там же, 2—3.

гам. В гневе за несправедливые подозрения Харидем высказал персам все, что думал о них, обвинив их в трусости, и тем задел самого царя. За эти дерзкие слова последний отдал его на казнь. Правда, потом Дарий одумался, укорял себя в том, что допустил величайшую ошибку. Он стал искать военачальника, достойного принять власть Мемнона. Таким достойным преемником последнего мог стать Харидем, которому из-за близорукости и эгоистических побуждений непосредственного окружения персидского царя не суждено было «осуществить его больших надежд». После Харидема Дарий не смог найти нужного ему начальника и вынужден был сам встать во главе армии⁴⁷. Курций, отмечая, что после смерти Мемнона Дарий, осудив все действия своих полководцев, которым не доставало усердия и удачи, решил сам сразиться с Александром, однако, не уточняет, на восточном или западном плацдарме должно было быть это сражение⁴⁸. Из того, что войско его было расположено лагерем у Вавилона, можно сделать вывод, что речь шла о сражениях на Востоке⁴⁹.

Диодор же совершенно определенно говорит, что персидский царь собирался перенести военные действия из Азии целиком в Европу. На совете близких ему людей он предложил им обсудить основной вопрос, посылать ли военачальников с войсками в приморские области или же самому царю со всей армией выступить против македонян⁵⁰. Близкие к нему люди остановились на последнем.

О том, что Дарий сразу не отказался от плана Мемнона, свидетельствует тот факт, что он оставил в районе Эгейского моря адмирала Автофрата и Фарнабаза, сына Артабаза. Как указывает Арриан, Фарнабаз приходился племянником Мемнону. Мемнон, умирая, передал именно ему свою должность, пока Дарий ею не распорядится⁵¹. По сообщению Курция, последний оставил за Фарнабазом военную власть, которую раньше предоставлял Мемнону⁵². Имеется в виду именно власть

---

⁴⁷ Diod. XVII, 4—7.

⁴⁸ Curt. III, 2—1.

⁴⁹ Там же, 2.

⁵⁰ Diod. XVII, 30, 1.

⁵¹ Arr. II, 1, 3.

⁵² Curt. III, 3, 1; ср. Arr. II, 2, 1.

в районе Эгейского моря и руководство флотом. Что касается иноземных войск, на которые царь больше всего надеялся, чтобы использовать их во время войны, то командование ими от Фарнабаза должен был принять Фимед, сын Ментора.

Фарнабаз продолжал те мероприятия, которые не успел завершить его дядя. Прежде всего была энергично продолжена осада столицы острова Лесбос Митилены, жители которой были отрезаны со стороны суши, а со стороны моря блокированы множеством неприятельских судов. Не видя выхода, митиленцы вынуждены были заключить с Фарнабазом соглашение на следующих условиях: из города должны быть изгнаны все чужестранцы, пришедшие к ним от Александра в силу военного союза, а прежние изгнанники должны быть возвращены и получить половину отнятого у них раньше имущества; митиленцы обязаны были разорвать все договоры, заключенные ими с Александром, и стать союзниками персидского царя, какими они и были по Анталкидову миру⁵³. В город был введен персидский гарнизон, начальником которого назначен родосец Ликомед. Единоличным властителем города был поставлен один из изгнанников Диоген⁵⁴.

Покорив Митилену, Фарнабаз с наемниками отплыл в Ликию, а Автофродат направился к другим островам. Затем к нему примкнул Фарнабаз. Там они отослали 10 кораблей под начальством перса Датама в разведку к Кикладским островам, а сами с 100 кораблями поплыли к Тенедосу. Тенедосцам было также предложено разорвать все договоры, которые у них были с Александром и эллинами, установить мир с Дарием, как это было решено по Анталкидову договору. Арриан указывает, что Фарнабаз заставил тенедосцев перейти на свою сторону скорее от страха, чем по доброй воле⁵⁵. Остров Тенедос находился лишь в 12 милях от входа в Геллеспонт, и персам не стоило особого труда блокировать проливы, если бы не неоднократные приказания персидского царя, сделанные под давлением его непосредственного ближайшего окружения о свертывании военных операций на Эгей-

---

⁵³ Агг. II, 1, 4.

⁵⁴ Там же, I, 4—5.

⁵⁵ Там же, 2, 3.

ском море⁵⁶. Несмотря на успехи персов в этом районе, далеко идущие планы Мемнона были персидскими сатрапами отвергнуты. Это сказалось прежде всего в том, что Фарнабаз должен был по приказу Дария отдать основные силы наемников, которые были выведены из района действия, для того, чтобы привести их к самому царю, собиравшему все персидские войска для решительной битвы с Александром. Кроме того, персидское командование не имело возможностей использовать в своих интересах антимакедонскую борьбу в Малой Азии.

Известно, что во время операции Мемнона в районе Эгейского моря в первый год войны Александр вынужден был бороться по пути своего продвижения со многими местными племенами не только потому, что персидская власть здесь имела прочную опору, но и потому, что воинственное население этих местностей, особенно мармары и жители внутренних горных областей Писидии, до сих пор вообще лучше защищало свою независимость⁵⁷.

Мармары жили в Малой Азии на границе Ликии. Когда Александр проходил здесь, они напали на македонский арьергард, многих убили и забрали себе большое число рабов и выючных животных. Разгневанный этим Александр осадил крепость, стремясь овладеть ею. Мармары, отличавшиеся своим мужеством, храбро выдерживали осаду, уверенные в неприступности. В течение двух дней один приступ сменялся другим. Старикимармары советовали сначала молодежи прекратить военные действия и помириться с царем, но она не послушалась такого совета и предпочла умереть за свободу отечества. Тогда они стали уговаривать их умертвить детей, женщин и стариков, а самым сильным мужчинам пробираться силой в ночное время через вражеский лагерь и бежать в соседние горы. Молодежь согласилась; все собрались по своим домам с родными и за трапезой, состоявшей из самых вкусных вещей, ожидали страшного часа. Но молодежь не хотела поднять руку на близких своих, она только подохла дома и, высыпав через ворота, проскользнула через раскинутый

---

⁵⁶ Strabo, III, 1, 46, с. 604.

⁵⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 268.

вокруг македонский лагерь и бежала в горы⁵⁸. Диодор говорит об этом почти как о необычайной истории⁵⁹.

Значительное сопротивление македонским войскам оказывали воинственные племена Писидии. Жители писидийского города Телмесса превратили его в крепость, чтобы воспрепятствовать продвижению македонских войск.

Для завоевания труднодоступных местностей этого района Александр здесь впервые начал использовать межплеменную борьбу. Об этом отчетливо говорит враждебное отношение Телмесса к другим писидийским городам селгов. У последних был большой город, в котором, по утверждению Арриана, жили воинственные люди⁶⁰. Они давно уже враждовали со своими соседями и потому отправили к Александру посольство с предложением дружбы. С ними был заключен мир, который они не нарушали.

Стремясь укрепиться в важнейших пунктах страны, Александр оставлял или обходил те, на завоевание которых требовалось много времени. Так, понимая, что Телмесс ему быстро не взять, он выступил на крупный город Сагалас, расположенный дальше на север, вблизи фригийской границы. В этом городе, говорит Арриан, также жили писиды, считавшиеся «самыми воинственными из всех писидов»⁶¹. Характерно, что к ним на помощь пришли их соседи телмессы. Александр вынужден был против них направить хорошо вооруженную македонскую пехоту, правым флангом которой он руководил сам, а левым — Аминта, сын Аррабея. Всадники здесь не могли быть использованы, так как писиды находились на крутом холме, откуда пытались отражать натиск врага. С этих удобных позиций они кинулись на оба крыла македонской пехоты и сразу обратили в бегство лучников. Завязался рукопашный бой, в котором писиды, храбро сражавшиеся, не могли устоять перед хорошо вооруженными гоплитами⁶². Александр взял их город штурмом.

П. Клоше говорит, что остальные пункты Писидии не

---

⁵⁸ Diod. XVII, 28, 1—5.

⁵⁹ Там же, 27, 7.

⁶⁰ Arr. I, 28.

⁶¹ Там же, 2.

⁶² Там же, 5—7.

замедлили покориться⁶³. Но даже Арриан указывает, что некоторые укрепленные места Писидии Александр должен был взять силой⁶⁴. Сопrotивление ему было оказано по всей Писидии. Как мы можем предположить, полное покорение этой области уже осуществил поставленный над ней Александром наместник⁶⁵.

На юго-востоке Малой Азии в Киликии жители удерживали горы и приковали большое количество войск Александра, мешая ему двигаться дальше. Лишь весной 333 г. до н. э. македоняне сумели овладеть этой областью.

Однако мощное антимакедонское движение в первом году войны в районе Эгейского моря и сопротивление Александру в Малой Азии не объединились в единый поток вследствие того, что интересы персов и борющегося с македонянами малоазийского населения не совпадали. Превосходство македонского оружия, тактики и стратегии, а также сложная и гибкая политика Александра способствовали разъединению этих двух враждебных ему сил и победе над ними.

Во время второй фазы антимакедонского движения в 333/32 гг. до н. э. персидское командование также не сумело в должной мере использовать волнения греков, об усилившемся мятежном настроении которых красноречиво свидетельствовали неоднократные выступления Эсихина и Демосфена. Спартанский царь Агис III, старый противник Македонии, просил денег и помощи войсками для начала войны в Греции⁶⁶. В 333 г. до н. э. он завязал сношения с Автофрадатом и Фарнабазом, получил от них 30 талантов и 10 трирем и послал под командой Гиппия к Тенару, к своему брату Агесилаю⁶⁷. Последний должен был полностью выплатить жалование матросам и как можно скорее отплыть на Крит, чтобы овладеть островом и «уладить тамошние дела»⁶⁸.

---

⁶³ P. Clodé, *Alexandre le Grand*, p. 24—25.

⁶⁴ Arr. I, 28, 8.

⁶⁵ Arr. I, 27, 4; Curt. III, 6, 6; ср. Xen. Anab. 1, 2, 7.

⁶⁶ Arr. II, 13, 4.

⁶⁷ В конце 333 г. царь Агис явился к персидскому флоту в Сидон с обширными планами, для исполнения которых он просил послать с ним как можно больше кораблей и войск в Пелопоннес и дать ему денег для дальнейшей вербовки солдат. Но персы в незначительной степени выполняли его просьбу. (См. И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I. М., 1891, стр. 150—151).

⁶⁸ Arr. II, 13, 6.

Сам Агис остался тогда на островах, а позднее отбыл на Галикарнас к Автофрадату. Крит часто служил цитаделью антимакедонских сил. Он и в данный момент должен был стать оплотом борьбы против Александра⁶⁹. Одновременно с этим Агис готовился поднять против македонского регента Антипатра греческие города, желавшие, чтобы неизбежное столкновение Дария с Александром кончилось для последнего катастрофой. В этом случае Македония могла бы не только потерять влияние в Греции, но и лишиться собственной самостоятельности. Александр был отрезан от своей базы и, если бы он потерпел поражение от Дария, отступить ему было бы некуда.

Однако этим тайным желаниям многих греческих государств не суждено было сбыться. Сражение, разыгравшееся осенью 333 г. до н. э. при Иссе и окончившееся большой победой Александра, изменило соотношение борющихся сил в пользу македонского полководца. Отныне никакого препятствия для его господства в Малой Азии больше не существовало. Путь в Сирию и Центральную Азию он удерживал в своих руках⁷⁰.

Блестящая победа македонян при Иссе оставила персов в изоляции, лишила их моральной, активной и деловой поддержки со стороны мятежных сил Запада. Теперь сообщничество с персами потеряло всякий смысл и интерес. Афиняне могли считать себя счастливыми, что не дошли до открытого восстания, ограничиваясь лишь патристическими речами Демосфена. На истмийских играх греки должны были наградить Александра золотым венком за победу над варварами.

Поражение персов при Иссе тяжело отразилось на персидском флоте, курсировавшем в Эгейском море. Он вынужден был уйти оттуда как вследствие активизации действий македонского командира Гегелоха, посланного к проливам Александром, так и ввиду отсутствия у персов сухопутных сил по берегам Эгейского моря. Персидские корабли ограничивались занятием островов и время от времени производили высадки на континент, нигде не успевая прочно обосноваться. Окончилась неудачей экспедиция из 10 кораблей под командой Датама, бросившая якорь около Сифноса, чтобы

---

⁶⁹ Diod. XVII, 48, 1--2.

⁷⁰ J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 29.

ободрить антимакедонские элементы береговых городов, или войти в соглашение со спартапцами. Из 10 кораблей 8 были отбиты македонской эскадрой Протея, собиравшего по приказу Антипатра в Эвбее и Пелопоннесе военные корабли для охраны островов и самой Эллады⁷¹. Вместе с тем Гегелох собрал македонский флот в Геллеспонтe и дал решительный отпор персидскому флоту, стремившемуся туда проникнуть⁷². Благодаря этому путь из Македонии в Азию остался свободным, несмотря на усиленное стремление персов его перерезать. Ранней осенью Гегелох и его флот перешли в наступление, вышли из Геллеспонта и отняли у персов Тенедос, затем решили захватить также и Хиос. Фарнабаз с 15 тыс. наемников на 10 кораблях поспешил к острову, чтобы предупредить там антимакедонское восстание. Началась тяжелая борьба за Хиос. Применяв осаду города и опираясь на внутренние распри, его раздирающие, военачальники Александра ворвались в город и захватили его. Персидский гарнизон был перебит, все военные резервы острова переданы македонянам, а Фарнабаз и руководители города взяты в плен и заключены в оковы⁷³. Отсюда македоняне перешли в Митилену, 2-тысячный её гарнизон во главе с афинянином Хересом не мог выдержать осады и сдал город⁷⁴. С Митиленой и другими городами на Лесбосе был заключен союз⁷⁵. Во власти македонян оказался и остров Кос⁷⁶. В этих условиях персидский флот рассеялся по малоазийским гаваням, а к весне 332 г. до н. э. этого флота как организованной военной силы больше не существовало; движение вдоль берегов Сирии, предпринятое Александром, поставило под угрозу независимое существование финикийских городов: финикийцы и жители Кипра, находившиеся во флоте, разбежались, как только узнали об опасности, угрожавшей их домам и семьям. Персия по существу осталась без флота, так как он состоял

⁷¹ Arr. II, 2, 4—5.

⁷² Arr. III, 2, 3—7; Curt. IV, 5, 14—20.

⁷³ Arr. III, 2, 4; Curt. IV, 5, 17.

⁷⁴ Curt. IV, 5, 22.

⁷⁵ Arr. III, 2, 6.

⁷⁶ На острове Косе от македонской стражи удалось ускользнуть Фарнабазу, поэтому среди пленников, приведенных Гегелохом к Александру, его только и не оказалось. (Arr. III, 2, 7).

главным образом из финикийских кораблей. Эти обстоятельства помогли Александру овладеть Эгейским морем и пробиться к восточному берегу Средиземноморья. Но даже и при этих условиях дела Греции и Македонии продолжали беспокоить Александра. Завоевав Тир, он стремился не только открыть себе путь в Египет и Вавилон, но и уничтожить систематическую поддержку со стороны Тира оппозиционных элементов в самой Греции, особенно в Спарте — главном центре антимакедонского движения.

Арриан указывает, что без завоевания Тира, Египта, Кипра невозможно было бы успокоить Грецию, где лакедемоняне уже готовы к войне против македонян, а город Афины сдерживается скорее страхом, чем добрым расположением к ним. Арриан приводит речь Александра перед командирами во время осады Тира. В ней Александр подчеркивает опасность положения не только для похода в Египет и для дальнейшего преследования Дария, но и в не меньшей мере для македонских интересов в Греции, если Тир останется в тылу непокоренным. В случае же победы над Тиром будет завоевана вся Финикия и разгромлен или захвачен финикийский флот и не нужно будет беспокоиться «насчет наших домашних дел»⁷⁷. Когда лакедемоняне показывали себя явными врагами македонян, а верность афинян зиждилась на страхе, а не на взаимных интересах, у Александра существовали опасения, чтобы неприятель, возвратив приморские города во время похода македонян на Вавилон и на Дария, не перенес войну в Элладу⁷⁸.

Захват финикийского побережья не только лишил вражеский флот базы для своих операций, но и одновременно также открыл перспективы для перехода финикийского флота к Александру, что привело к решительному увеличению его морских вооруженных сил, которые делали македонского царя властелином всего восточного Средиземноморья и должны были полностью изолировать направленные против него военные действия эллинов⁷⁹.

Победа над Тиром принесла победителю не только обладание морем, финикийским флотом, ключами к

---

⁷⁷ Агг. II, 17, 4.

⁷⁸ Там же, 2.

⁷⁹ J. Kaerst. Op., cit., S. 281—282.

Египту и Вавилону, но и относительное успокоение оппозиционных элементов в самой Греции.

Об изменении настроений у греков после этих событий свидетельствует факт преподнесения Александру коринфянами по поводу истмийских игр золотой короны за победу при Иссе. Для победителя при Тире и обладателя всего Эгейского моря такая награда не могла иметь существенного значения, но она ясно говорила о том впечатлении, которое произвело на греческие государства сражение при Иссе⁸⁰.

Вместе с тем сопротивление тирийцев, жителей Сирии, Газы свидетельствует о том, что антимакедонское движение не прекращалось и на Ближнем Востоке. Так, Арриан указывает, что тирийцы, захватив македонян, ехавших из Сидона, поставили их на стене, на глазах всего лагеря закололи и бросили в море⁸¹. Самаритяне сожгли заживо македонского наместника в Сирии Андромаха⁸². Этот поступок, с точки зрения Александра, находившегося в то время уже в Египте, был не только предательством, но — что гораздо опаснее — первым признаком могущего начаться в Сирии и Палестине антимакедонского восстания. Он стремительно возвратился в Самарию, быстро и жестоко расправился с выданными ему убийцами⁸³. Как сообщают некоторые древние авторы, город подвергся разрушению, а на его месте была основана македонская колония. Эти сообщения подтверждаются археологическими данными. Раскопанные археологами недавно крепостные башни по своей планировке ближе к греческим, чем к местным, палестиноским⁸⁴.

---

⁸⁰ В. Уилер. Александр Великий, стр. 104—105.

⁸¹ Агг. II, 24, 3.

⁸² Г. М. Лившиц. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима. Минск, 1957, стр. 59.

⁸³ Curt. IV, 8, 9—10.

⁸⁴ И. Кацнельсон. За семью печатями. — «Наука и религия», 1965, № 7, стр. 53. Как указывает И. Кацнельсон, правители Самарии, вероятно, замешанные в заговоре против Андромаха, преслышав о приближении грозного мстителя, спешно обратились в бегство и нашли убежище в пещере, затерявшейся в уединенном и труднодоступном ущелье. Здесь они и их близкие надеялись переждать опасность. Однако македоняне, жаждавшие отмщения, нашли тайник, или он был выдан каким-то предателем. Все находившиеся там беглецы были беспощадно истреблены (в пещере были кумранские папирусы).

С обладанием Египтом было завершено завоевание Александром южных областей Средиземноморья. Острова Эгейского моря, которые успешными операциями Мемнона и его последователей были вновь вовлечены в связь с персами, теперь надолго лишились связи с ними. К концу 332 г. до н. э. все острова Эгейского моря с Критом включительно были освобождены от персов. Македонский адмирал Гегелок появился в Египте и сообщил, что Тенедос, Лесбос, Хиос, Кос вновь отошли к Александру, что персидское господство в Эгейском море полностью уничтожено⁸⁵. Самых видных представителей персидской партии, которые с помощью персов уничтожили демократические конституции, Гегелок привез с собой пленными. Большинство их Александр отослал обратно, чтобы народы, правителями и тиранами которых они являлись, расправились с ними по их собственному усмотрению⁸⁶. Исключением оказались пленные из Хиоса, которых Александр послал под сильной охраной в Элефантин в Верхнем Египте, вероятно, потому, что он боялся новых беспорядков при осуждении их в самом Хиосе⁸⁷.

Несмотря на эти успехи Александра, ему не удалось разгромить антимакедонское движение, которое по мере удаления македонской армии к Евфрату активизировалось на довольно большой территории, охватывая остров Крит, Фракию и южную Грецию.

Почему именно эта территория стала центром притяжения антимакедонских сил?

Известно, что Крит часто служил цитаделью врагов Александра. Тесно связанный с балканской и островной Грецией, а также со странами, расположенными в Малой Азии, на восточном побережье Средиземного моря и в северо-восточной Африке, Крит не был заинтересован в усилении Македонии. Крит был втянут в общее русло исторических событий, происходивших в Греции. Находясь на стыке трех материков — Азии, Африки, Европы, в центре пересечения торговых путей из Греции, Малой Азии и государств древнего Востока, он видел в восточных завоеваниях Александра ущемление

---

⁸⁵ Arr. III, 2, 3—7.

⁸⁶ Там же, 2, 7.

⁸⁷ Curt. IV, 8, 12.

своих собственных интересов, в первую очередь экономических⁸⁸.

Что касается Фракии, то борьбу за свою независимость против македонского гнета фракийцы начали еще со времен оккупации их земель Филиппом II. Македонский царь полагал, что оккупировав долину Гебра, он получит возможность распоряжаться во всех фракийских землях к югу от нее, а в случае необходимости вмешиваться и во внутренние дела населения, жившего между Гемом и Истром⁸⁹.

Военные действия македонян во Фракии имели целью подавить антимакедонские выступления в стране, без чего невозможно было захватчикам воспользоваться теми материальными ценностями, которыми была богата фракийская земля. Несмотря на то, что значительная часть фракийских племен вынуждена была признать зависимость от Македонии, борьбу против македонских рабовладельцев фракийцы не прекратили, а вели ее упорно и настойчиво. Особенно сильным это сопротивление было со стороны трибаллов, которые нанесли македонскому царю тяжелое поражение при его возвращении через фракийские земли в 339 г. до н. э. из скифского похода⁹⁰. Трибаллы вместе с другими фракийскими племенами подняли восстание после гибели Филиппа II, найдя эту ситуацию удобной для борьбы за освобождение от македонского ига⁹¹. Это восстание потребовало напряжения всех сил только что вступившего на македонский престол Александра. В условиях неблагоприятных обстоятельств, внутреннего и внешнего порядка, для Македонского государства, он вынужден был в 335 г. до н. э. предпринять поход против трибаллов и гетов, вглубь фракийских земель⁹². Эти земли были опустошены македонянами, имущество фракийцев отнято, многие люди взяты в плен. Фракия в результате этого

⁸⁸ См. Л. Н. Казаменова. Очерки социально-экономической истории Крита. V—IV века до н. э. Изд-во МГУ, 1964, стр. 75, 78, 177—178.

⁸⁹ См. Хр. М. Данов. Древняя Фракия. Автореф. докт. дис. Ленинград, 1969, стр. 86.

⁹⁰ Just. IX, 3, 1—4.

⁹¹ См. М. И. Гусева. Борьба фракийских племен против македонского владычества в конце IV и начале III вв. до н. э.— «Учен. зап. Ивановского гос. пед. ин-та», т. XI, 1957, стр. 91.

⁹² Arr. I, 4—6.

похода была поставлена в зависимые отношения от Македонии. Она должна была доставлять войска македонскому царю. Так, в армию Александра входили одрисы, трибаллы и иллирийцы⁹³. Ряд районов в результате этого был лишен самого трудоспособного населения, поступившего в качестве наемников в ряды македонских войск⁹⁴. Однако и этот поход Александра не привел к полному усмирению Фракии, где антимакедонские волнения продолжались постоянно.

Такие же волнения имели место и в Греции. Особенно Спарта, с начала установления гегемонии Македонии над греческими полисами, не признавала ее власти и делала неоднократные попытки освободиться от македонского ига.

Еще в речи от 335 г. до н. э., приписываемой Демосфену, указывается, что Александр не выполнял решений Коринфского конгресса. По договору греки должны были свободно управляться по своим собственным законам, соответственно своему политическому строю. Между тем македонский царь «сверг в настоящее время демократию у ахейцев пелопоннесских, пользовавшихся до сего времени демократическим управлением». Коринфский договор запрещал убийства и казни, конфискации имущества, передел земли и отмену долгов, отпуск рабов на свободу. Союзники, подписавшие договор, должны были свободно пользоваться морем, в то время как македоняне осмелились войти в самый Пирей⁹⁵.

Пренебрежение союзным договором со стороны Александра и руководителей Македонского государства не могло не породить недовольства в греческих городах, не вызвать брожения. Греческие государства, связанные договором, боялись стать на путь открытой борьбы. На такой путь стала Спарта, не признававшая Македонского государства и не связанная договором Коринфского конгресса.

Поэтому далеко не случайно, что именно эти области в первую очередь активизировали борьбу против Александра.

---

⁹³ Diod. XVII, 17, 4.

⁹⁴ См. X р. М. Данов. Указ. соч., стр. 87.

⁹⁵ Dem. XV.

Свидетельством активизации антимакедонских сил является миссия македонского командира Амфотера, отправленного Александром в мятежные районы с флотом, усиленным финикийскими и кипрскими контингентами, для того, чтобы препятствовать дальнейшему распространению антимакедонского движения⁹⁶.

Последняя фаза антимакедонского движения падает на 331/30 гг. до н. э., на время наивысшего напряжения сил Александра для окончательного разгрома Персидского государства. Это событие совпадает с двумя важными потоками антимакедонской борьбы на Балканах, которые имели место во Фракии и южной Греции.

Для того чтобы укрепить македонское господство над Фракией, Александр назначил на должность ее правителя одного из способных своих стратегов Мемнона, который был непосредственно подчинен наместнику Македонии. Но Мемнон не оправдал надежд Александра. Он изменил ему и, используя ненависть фракийцев против македонского засилья и их готовность к борьбе, организовал большую армию и открыто готовился к войне, которая вылилась в настоящее антимакедонское восстание. Диодор говорит, что Мемнон «сделал переворот во Фракии», а Курций указывает, что он внушал Александру «большие заботы»⁹⁷. Стремясь стать самостоятельным правителем этой страны, Мемнон преследовал свои личные интересы. Диодор говорит о его самомнении, о его намерении для своих замыслов использовать возглавляемое им войско⁹⁸. В силу этих обстоятельств Мемнон не мог стать настоящим вождем восставших и был разбит Антипатром, перед тем как тот должен был отправить македонскую армию в Грецию против восстания спартанского царя Агиса III⁹⁹. Последний момент может служить нам и ориентиром для установления времени выступления Мемнона. М. И. Гусева, сравнивая однотипные и одновременные события во Фракии и Греции, предполагает, что оно произошло в 331 г. или 330 г. до н. э.¹⁰⁰

⁹⁶ Arr. III, 6, 3; Curt. IV, 8, 15.

⁹⁷ Diod. XVII, 62, 4—5; Curt. III, 1, 21.

⁹⁸ Diod. XVII, 62, 4—6.

⁹⁹ Там же, 62, 6; 63, 1.

¹⁰⁰ М. И. Гусева. Указ. соч., стр. 93.

Довольно сильны были антимакедонские настроения и в понтийских горсдах. Ярким свидетельством этого является поход стратега Александра Зопириона в Скифию и его неудачная осада Ольвии. Об этом событии в источниках имеется ряд противоречивых сведений, которые не дают возможности с достаточной полнотой выяснить причины и последствия похода, кто был этот Зопирион и когда это событие происходило.

Если верить Юстину, Зопирион отправился в Скифию с 30-тысячным войском, с которым стал осаждать Ольвию¹⁰¹. Это гибельное предприятие он начал, по мнению Дройзена, без приказа Александра и без одобрения Антипатра¹⁰². Единственное свидетельство об этом событии ольвийской истории мы находим у Макробия. «Борисфениты, — пишет он, — осаждаемые Зопирионом, освободили рабов, дали гражданство иностранцам, ввели новые долговые книги и, таким образом, могли отстоять себя от врага»¹⁰³. Факты освобождения рабов, предоставления прав гражданства иноземцам, проживающим в городе, снижения размеров задолженности государственной казне незажиточным слоям граждан свидетельствовали, с одной стороны, об обострении классовой борьбы в Ольвийском государстве этого времени, с другой стороны — о серьезном и угрожающем положении перед лицом опасного врага. Благодаря этим мерам удалось привлечь на сторону Ольвии и включить в состав войска значительное число людей¹⁰⁴. Эти чрезвычайные меры, видимо, не могли быть приняты сразу и поэтому заставляют предполагать, что осада Зопириона была продолжительна и весьма сложна, поскольку даже все наличное число граждан Ольвии уступало в количественном отношении значительным силам осаждавшей армии¹⁰⁵. Ценой больших усилий и жертв

---

¹⁰¹ Just. XII, 2, 16.

¹⁰² И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1, стр. 64.

¹⁰³ Macrob. Saturn, I, 11, 33.

¹⁰⁴ См.: Л. М. Славин. Древний город Ольвия. Киев, 1951, стр. 13; В. Д. Блаватский. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье. — Проблема истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 21.

¹⁰⁵ См. В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе города Ольвии. СПб, 1887, стр. 66, 237, 240.

ольвиополиты отстояли свой город¹⁰⁶. Зопирион вместе со своим войском был истреблен скифами, как говорит Юстин, или погиб от бури и непогод, как свидетельствует Курций¹⁰⁷.

Кто такой Зопирион? Юстин в одном месте называет его *praefectus Alexandri in Scythia*, в другом — *praefectus Ponti ab Alexandro magno relictus*¹⁰⁸. Курций же называет Зопириона *Thraciae praepositus*¹⁰⁹. В. В. Латышев и С. А. Жебелев, большие научные авторитеты, склоняются здесь к мнению Курция и считают, что Зопирион — полководец Александра, оставленный им во Фракии для охраны северных границ македонского царства и удержания фракийцев в повиновении¹¹⁰. По утверждению В. В. Латышева, сама краткость известия у Макробия и отсутствие всякого ближайшего обозначения, кто был этот Зопирион, заставляют полагать, что Макробий или его известный нам источник смотрел на Зопириона как на человека вполне известного и не считал нужным давать объяснения как в отношении его имени, так и времени и повода предпринятой им осады Ольвии. Поэтому надо считать несомненным, что упоминаемые у Курция и Юстина (основанные на показаниях Клитарха) сведения об осаде Ольвии относятся именно к предприятию полководца Александра. Немаловажен для определения хронологии событий вопрос о времени

---

¹⁰⁶ Археологические раскопки выявили значительные разрушения города в конце IV в. до н. э. Много построек — общественных зданий, больших жилых домов перестает в это время существовать. После этого события имели место существенные изменения в городском строительстве. См.: Л. М. Славин. Ольвия как город в VI — I вв. до н. э. — «Советская археология». Вып. XXVIII. М., 1958, стр. 285; он же. Периодизация исторического развития Ольвии. — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., Изд-во АН СССР, 1959, стр. 97.

¹⁰⁷ Just. XII, 2, 16; Curt. X, 1, 43. По всей вероятности, сведения Юстина о количестве участвовавших в походе войск и об их поголовном истреблении преувеличены. И то и другое понадобилось Помпею Трогу и его эпитоматору Юстину, чтобы вывести нравоучение: «Грешно воевать с ни в чем неповинными людьми. Зопирион и заплатил тяжелой карой за войну, безрассудно начатую против неповинного народа».

¹⁰⁸ Just. XII, 14, 2, 16.

¹⁰⁹ Curt. X, 1, 44.

¹¹⁰ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 63; С. А. Жебелев. Милет и Ольвия. — Северное Причерноморье. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 45.

назначения Зопириона на эту должность. В. В. Латышев считает, что это назначение состоялось при окончании готского похода Александра в 334 г. до н. э., для того, чтобы держать в страхе покоренных северных варваров и охранять границы Македонского царства. Эту же дату принимает и Т. В. Блаватская¹¹¹. Но здесь возникает одна трудность, вызванная сведениями Диодора о стратеге Фракии Мемноне, назначенном на этот пост, по мнению С. А. Жебелева, уже в 335 г. до н. э., после похода Александра на север¹¹². Как было сказано выше, Мемнон был разбит Антипатром перед уходом в Грецию на борьбу с Агисом, т. е. в 331 или 330 г. до н. э.¹¹³. С. А. Жебелев не сомневается в том, что руководитель восстания Мемнон был смещен Антипатром, и его место в качестве наместника Фракии занял Зопирион¹¹⁴. Но здесь возникает новая неувязка. Юстин упоминает о походе Зопириона в хронологической связи с войной спартанского царя Агиса в Пелопоннесе и с войной эпирского царя Александра в южной Италии¹¹⁵. Описав смерть Дария, Юстин указывает, что в это время Александр получил от Антипатра из Македонии письмо, в котором сообщалось об этих трех ратных событиях. Это письмо было получено в Парфии (значит, в августе 330 г. до н. э.). Из этого Дройзен делает логический вывод о том, что свой поход против скифов Зопирион

---

¹¹¹ В. В. Латышев. Указ. соч., стр. 63; Т. В. Блаватская. Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э. М., Изд-во АН СССР, 1972, стр. 90.

¹¹² С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 45.

¹¹³ Чем закончилось восстание Мемнона во Фракии, так встретившее наместника Македонии Антипатра, неизвестно. Вероятно, оно было так или иначе ликвидировано, а Мемнон в лучшем случае смещен. По мнению некоторых ученых (Белох. Низе и др.), Мемнон оставался наместником Фракии до 327/26 гг. В это время Антипатр будто бы отправил его с отрядом фракийской конницы к Александру, и от последнего тот получил командование над более значительными военными силами (Curt. IX, 3, 21). Но это мнение слабо аргументировано. Маловероятно, чтобы Александр оказал такое доверие мятежному своему командиру. По мнению С. А. Жебелева, предводитель фракийской конницы Мемнон был другой, а не фракийский наместник, и что иного утверждения из указанного места Курция вывести нельзя. (См. С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 45—46).

¹¹⁴ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 45.

¹¹⁵ Just. XII, 1, 4; 2, 16, 17; XXXVII, 3, 1.

предпринял осенью 331 г. до н. э.¹¹⁶ Это мнение поддерживают В. В. Латышев, С. А. Жебелев, Л. М. Славин и др.¹¹⁷

Но если все эти события находились в одновременной связи, остается непонятным, как могли в одно и то же время быть наместниками Фракии Мемнон и Зопирион. Если даже предположить, как думает С. А. Жебелев, что Зопирион занял место смещенного Мемнона, то трудно допустить, как он мог сразу оставить мятежную Фракию и предпринять рискованный поход в Скифию.

Курций, назвав Зопириона правителем Скифии, возможно, сам чувствовал затруднение при объяснении одновременности происходящих событий. Поэтому об Александре Эпирском он не упоминает вовсе, а поход Зопириона относит на четыре года позднее¹¹⁸. Он говорит, что Александр получил от Кена известие о гибели Зопириона уже по возвращении из Индии в Персию, а само его предприятие было совершено во время покорения Александром Индии. Однако известно, что Кена в это время не было более в живых, а другого Кена в западных областях нигде больше не упоминается¹¹⁹.

Если большинство историков отдает предпочтение свидетельству Юстина об одновременности вышеуказанных событий, то какое основание есть отказаться от его указаний о Зопирионе как начальнике над Понтом? Если мы примем это указание, тогда одновременные действия начальника Понта Зопириона и наместника Фракии Мемнона становятся вполне логичными.

Поход в Скифию Зопириона и ожесточенное сопро-

---

¹¹⁶ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I, стр. 215.

¹¹⁷ В. В. Латышев. Указ соч., стр. 65; С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 42, 46; Л. М. Славин. Периодизация исторического развития Ольвии, стр. 97.

¹¹⁸ Curt. X, 1, 43—44.

¹¹⁹ Ниезе и Белох высказываются в пользу хронологии Курция, но не приводят веских доказательств в защиту своей точки зрения. (См.: В. Niese. Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten. Bd. I, 1899—1903, S. 499 u. a.; J. Beloch. Griechische Geschichte, Bd. IV, 1925, S. 44 u. a.). М. И. Гусева объясняет эти разногласия тем обстоятельством, что в этот период восстания фракийцев быстро следовали одно за другим и что волнения по существу не прекращались. Если признать, что одно восстание произошло в 331 г., в период наместничества Мемнона, то не исключена вероятность, что в последующие годы вспыхивали новые восстания. (См. М. И. Гусева. Указ. соч., стр. 95).

тивление Ольвии свидетельствуют о существовании довольно сильных антимакедонских настроений в понтийских городах. Они показывают, что идея подчинения Македонии в западном Причерноморье была крайне непопулярна ¹²⁰.

Победа Антипатра над Мемноном также не прекратила борьбу фракийских племен против Македонии, а гибель македонского войска во главе с Золирионом нанесла сильный удар македонскому могуществу в северных областях и способствовала активизации антимакедонского движения во Фракии, которое окончилось победой фракийцев. Царь одрисов Севт III поднял антимакедонское восстание и восстановил независимость Одрисского царства ¹²¹. Для укрепления своих позиций он пытается заручиться согласием афинян возобновить против Александра союзный договор, который в свое время Афины заключили против царя Филиппа с Кетрипоросом и Керсоблептом. С этой целью Севт III весной 330 г. до н. э. послал важное посольство в Афины со своим сыном Ривулой во главе. Сохранился фрагмент афинского декрета, по которому можно предположить, что в декрете речь шла о подтверждении дружественных отношений между Афинами и царством одрисов. По мнению С. А. Жебелева, декрет датирован 331/30 гг. до н. э., точнее — началом лета 330 г. до н. э. ¹²². Этот факт свидетельствует не только об усилении антимакедонской направленности политики фракийцев, но и об оживлении антимакедонских настроений в Греции. Последнее может быть подтверждено еще одним событием, а именно, процессом против Ктесифонта. Еще в 336 г. до н. э. один из сторонников Демосфена Ктесифонт внес в совет и в народное собрание предложение наградить великого греческого оратора за высокие патриотические заслуги золотым венком. Против этого выступил Эсхин. Этот процесс оттягивался на целых 7 лет и состоялся

---

¹²⁰ См. Т. В. Блаватская. Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 90.

¹²¹ Diod. XVII, 14, 2—4; XIX, 73, 8.

¹²² С. И. Жебелев. Указ. соч., стр. 44. Фрагмент надписи гласит: «Ривула, сын Севта, брат Котиса...», затем идет постановление народного собрания, от которого сохранилась только дата, соответствующая приблизительно 10 июня 330 г. (См. И. Г. Дройзен. Указ. соч., стр. 215).

только в 330 г. до н. э., когда основной предмет спора уже утратил свое значение. Речь Демосфена на этом процессе имела блестящий успех, Эсхин потерпел поражение и вынужден был отправиться в изгнание¹²³. То, что Демосфена так активно поддержали Афины против натиска враждебной македонской партии, представленной Эсхином, говорит о живучести антимакедонского влияния в Афинах. Тем не менее афиняне были весьма осторожны в своих действиях и открыто против Македонии не выступили. Центром антимакедонского восстания в Греции стала Спарта, а спартанский царь Агис III — энергичным инициатором антимакедонских выступлений.

Агис был уже долгое время занят тем, что собирал войска и создавал коалицию против Македонии. В этом стремлении его поддерживали и ему помогали персы, с целью ослабить силы Александра. Они оказывали прежнему материальную помощь, помогали им людьми и флотом. В этом обвинял Дария Александр в письме от 331 г. до н. э.: «Ты возбуждал против меня греков; ты старался их склонить золотом оставить меня»¹²⁴. Агис, как это было сказано выше, пытался продвинуть это дело в связи с персидскими операциями в Эгейском море. Однако полное уничтожение персидской морской силы отняло у него опору его собственных планов и предприятий¹²⁵. Но уже в 332 г. до н. э., когда македоняне были прикованы к Тиру, Агис, несмотря на то, что его брат был вытеснен с Крита Амфотером и македонским флотом, сумел собрать на Крите всех недовольных, надеясь удержать в своих руках господство над Эгейским морем. В качестве кадровой армии на острове находились 8 тыс. греческих наемников, бежавших с полей Иссы. С их помощью Агис занял почти все города на Крите. Зимой 333/32 гг. до н. э. он успел поднять открытое восстание в Пелопоннесе. Если афиняне, считая преждевременными его выступления, не поддержали его, то ахейцы, элейцы и аркадцы (за исключением мегалополитцев) оказали ему помощь и бесповоротно присоединились к нему. В Ахайе, Аркадии и Элиде македон-

---

¹²³ Демосфен. Речи. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 547.

¹²⁴ Агг. II, 14, 5—7.

¹²⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 317.

ская партия потерпела поражение¹²⁶. За оружие взялся почти весь Пелопоннес. Небольшой македонский отряд, стремившийся остановить это движение, был совершенно уничтожен¹²⁷. Весной 331 г. до н. э. антимакедонское движение стало разрастаться. Против Македонии поднялась почти вся южная Греция, фракийские и иллирийские племена¹²⁸. Не исключена вероятность, что выступление фракийцев и иллирийцев было каким-то образом согласовано с антимакедонскими движениями в Пелопоннесе. Приблизительно на 331 или на 330 г. до н. э. падает и крупное антимакедонское восстание фракийцев под руководством одного из македонских стратегов Мемнона, отпавшего от Александра¹²⁹. Понадобилось вооруженное вмешательство Антипатра, которое приостановило на время фракийские выступления¹³⁰. Однако восстания фракийцев не прекратились и вскоре последовали одно за другим¹³¹.

Александр с напряженнейшим вниманием следил за развитием дел в Элладе и всячески старался противодействовать опасности, угрожавшей ему из-за широкой подготовки Аггиса к войне. Уже упомянутая миссия Амфотера должна была способствовать оказанию помощи тем, которые постоянно принимали сторону Македонии и не вступали в союз с лакедемонянами. Финикийцы и киприоты должны были соорудить из 100 кораблей флот, который вместе с македонским Амфотер повел к Пелопоннесу¹³². Из Суз глубокой осенью 331 г. до н. э. Александр послал к морскому берегу Менета, гилпарха Сирии, Финикии и Киликии, с 3 тыс. талантов, поручив ему передать из этих денег Антипатру столько, сколько ему понадобится для ведения войны со спартанским царем¹³³.

---

¹²⁶ Dittenberger. Syll.² 163, z. 12; Demosth. XVII, 7, 10, 16; Aesch. III, 165; Deinarch. I, 34; Paus. VII, 27, 7; Ath. XI, 509b.

¹²⁷ Antonino Pagliaro. Op. cit., p. 217—218.

¹²⁸ Just. XII, 1—6.

¹²⁹ Diod. XVII, 62, 5.

¹³⁰ Там же, 6.

¹³¹ См. М. И. Гусева. Борьба фракийских племен против македонского владычества в конце IV и начале III вв. до н. э. — «Учен. зап. Ивановского пед. ин-та», т. XI, 1957, стр. 94—96.

¹³² Arr. III, 6, 3.

¹³³ Там же, 16, 9—10.

В это время лакедемоняне обратились к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу. Большинство пелопоннесцев и некоторые их соседи согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. Элейцы, все аркадяне, кроме Мегалополя, и все ахейцы, кроме Пеллены, восстали. Пламя восстания вспыхнуло уже и в Средней Греции и за Фермопилами; этоляне напали на акарнанский город Эниады и разрушили его¹³⁴; поднялись фессалийцы и перребы. Каждый город в зависимости от своих возможностей выставил в качестве солдат цвет молодости, пехоты набралось не меньше 20 тыс. человек, конницы — около 2 тыс.; во главе стояли лакедемоняне, которые, по выражению Диодора, выступили всем народом на войну за всех; командование войсками принадлежало царю Агису¹³⁵.

Агис стал осаждать Мегалополь, преграждавший ему путь к северу. Несколько недель спустя Эсхин скажет: «Падение города ожидалось со дня на день; Александр стоял за границами мира, Антипатр только собирал свое войско; каков будет исход, было неизвестно»¹³⁶.

Антипатр, будучи связан борьбой во Фракии, с опасением следил за действиями Агиса, собравшего 22 тыс. воинов под стенами главного города Аркадии Мегалополя. Этот город, один из всех пелопоннесских городов, не принимал участия в антимакедонском восстании. Пока у македонского регента руки были заняты на севере, он ничего не мог предпринять против мятежного юга. Только ликвидировав очаг восстания около самой Македонии, во Фракии, Антипатр получил возможность бросить свои силы против Спарты. У стен Мегалополя завязалась решительная битва. О ходе событий нам, к сожалению, известно очень недостаточно, и ясной картины о них получить мы не можем.

Прежде всего спорным является время сражения и его подготовки. Была ли эта битва перед сражением при Гавгамелах или после него? С. А. Жебелев вместе с Низе считают, что она имела место в 331 г. до н.э.¹³⁷ П. Клоше, опираясь на Курция, указывает, что ко вре-

¹³⁴ Plut. Alex. 49.

¹³⁵ Diod. XVII, 62, 7—8.

¹³⁶ Aesch. in Ctesiph. § 165.

¹³⁷ С. А. Жебелев. Указ. соч., стр. 42; В. Niese. Op. cit., S. 497 u. a.

мени персидского разгрома при Гавгамелах регент Македонии успел сокрушить силы Агиса в жестокой и кровопролитной битве¹³⁸. Курций прямо говорит, что война началась внезапно, но закончилась прежде, чем Александр победил Дария при Арбелах¹³⁹. У Диодора имеется замечание, которое указывает, что греческие города решили начать активную борьбу за свободу, «пока Персия держится», в надежде, что Дарий поможет им¹⁴⁰. Это замечание, естественно, предполагает, что битва Агиса имела место до сражения на Гавгамельской равнине, ибо после него рассчитывать на то, что «Персия еще держится», а также на помощь Дария, было по меньшей мере нереально. Однако это замечание находится в противоречии с его собственным предыдущим и последующим изложением. В начале своего рассказа он говорит, что тогда архонтом в Афинах был Аристофан, а консульскую власть в Риме получили Гай Домиций и Авл Корнелий¹⁴¹. Известно, что это было в 330 г. до н. э. Диодор противоречит сам себе, указывая, что волнение в Греции последовало после известия о битве при Гавгамелах, которая имела место в октябре 331 г. до н. э. На самом деле, как явствует из Арриана, движение продолжалось долго¹⁴². Из того же Диодора мы должны предположить, что осложнение во Фракии, вызванное изменой македонского полководца Мемнона, дало Агису повод к началу открытых военных действий. Когда Антипатр со всем войском двинулся через Македонию во Фракию против Мемнона, лакедемоняне сочли, что пришел и их час готовиться к войне¹⁴³. Антипатр, узнав об этом сборе эллинов, кое-как закончил войну во Фракии и со всем войском направился в Пелопоннес¹⁴⁴. Учитывая то, что Антипатр присоединял к своему войску большое число эллинских союзников, можно сделать вывод о довольно длительном времени подготовки¹⁴⁵.

¹³⁸ P. Cloche. Op. cit., p. 46—47.

¹³⁹ Curt. VI, 6, 1, 21.

¹⁴⁰ Diod. XVII, 62, 1—2.

¹⁴¹ Diod. XVII, 62, 1.

¹⁴² Arr. III, 6, 3; ср. Diod. XVII, 62, 6 и сл.; Just. XII, 1, 8; Aesch.

§ 165.

¹⁴³ Diod. XVII, 62, 4.

¹⁴⁴ Там же, 62, 6; 63, 1; ср. Polyæn. IV, 4, 1.

¹⁴⁵ J. Kaerst. Op. cit., S. 318.

Дройзен полагает, что весть о Гавгамелах могла дойти до Греции в конце 331 г. до н. э. Эта весть должна была заставить противников Македонии или покориться, или напрячь свои последние силы. Решиться на второе помогли антимакедонским элементам благоприятные обстоятельства: отсутствие Александра, раздоры в Эпире, недовольство во фракийских землях. Кроме того, Дарий бежал в свои восточные сатрапии для продолжения борьбы против македонян, а Александр, продолжавший свой поход, вряд ли пошел на ослабление своей армии посылкой отрядов на европейский театр войны¹⁴⁶. Исходя из этого, Дройзен обращает внимание на то, что аргументы, по которым считают битву при Мегалополе предшествовавшей сражению у Гавгамел, недостаточны.

Для датировки битвы при Мегалополе имеет значение предположение, исходящее от источника Юстина, что смерть Агиса и крушение Александра Эпирского по существу события одновременные¹⁴⁷. В этой связи следует иметь в виду и указание Плутарха о том, что когда Агис погиб и лакедемоняне потерпели поражение, суд рассмотрел иск против Ктесифонта. Речь Эсхина по этому поводу была произнесена во второй половине 330 г. до н. э.¹⁴⁸

Из всех этих косвенных свидетельств можно сделать вывод о том, что битва под Мегалополем имела место (примерно) в августе 330 г. до н. э. Это заключение с известной вероятностью вытекает из того, что Александр при своем пребывании в Сузах еще не имел никаких известий о поражении Агиса, а его мероприятия в Экбатанах позволяют судить об условиях окончания войны в Элладе.

Бызывает некоторое сомнение и количество войск противников, особенно войск Антипатра. Об этом нам сообщает один Диодор. Он исчисляет македонское войско в 40 тыс. человек¹⁴⁹. Между тем из того же

¹⁴⁶ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. 1, стр. 214.

¹⁴⁷ Just. XII, 1, 4.

¹⁴⁸ Puit. Dem. 24. Дело против Ктесифонта, как указывает Плутарх, было возбуждено при архонте Лерониде, незадолго до Херонейской битвы. В действительности, началось это дело в 336 г. и получило свое разрешение, как уже было сказано, в 330 г., а не через 10 лет, как пишет Плутарх. Причем отвечал Эсхину не Ктесифонт, а сам Демосфен своей знаменитой речью о венке.

¹⁴⁹ Diod. XVII, 63, 1.

источника мы узнаем, что македонское войско в начале восточного похода в распоряжении Антипатра составляло 12 тыс. пехотинцев и 1500 всадников¹⁵⁰. Если учесть, что за 4 года ему пришлось бороться с внутренними и внешними врагами Македонии, что систематически он обязан был посылать военные контингенты на восток Александру, то станет еще сомнительнее, каким образом Антипатр сумел увеличить свою армию более чем в 3 раза. Вряд ли можно было рискнуть выступить против вольнолюбивых греков силами самих греков-союзников, которые в несколько раз превышали македонские подразделения. Вероятно, количественное превосходство сил, действительно, было у Антипатра, но не в 3 раза, как об этом сообщает Диодор, а гораздо меньше.

Характерно, что о самом сражении при Мегалополе официальная традиция ничего не говорит. Не в ее интересах было показать размах антимакедонского движения и решимость противников Александра бороться до конца.

Особенно не распространяется об этом крупном военном столкновении и антиалександровская традиция. Диодор только указывает, что это сражение было крупным, что в нем Агис погиб, а лакедемоняне долго и мужественно держались и только когда союзники их были разбиты, бежали в Спарту. В жестокой битве победу одержали македоняне. Она досталась им чрезвычайно дорогой ценой. 3500 воинов остались на поле сражения мертвыми¹⁵¹.

С некоторыми подробностями излагает ход боя Курций. По его описанию, бой был упорным и продолжался долго с переменным успехом. По выражению Курция, это было состязание сильнейших¹⁵². Агис отличался исключительным мужеством и храбростью: он бросался в самое опасное место и, перебив наиболее яростно сопротивляющихся, обратил большую часть врагов в бегство. На него нападали со всех сторон, он отражал все атаки, пока не был смертельно ранен¹⁵³. Спартанцы

---

¹⁵⁰ Diod. XVII, 17, 5.

¹⁵¹ Там же, 63, 2—3.

¹⁵² Curt. VI, 1, 9.

¹⁵³ Там же, 1—4.

не прекратили сражения и при этих обстоятельствах. Найдя более удобное для себя место боя, они сомкнутым строем приняли обрушившийся на них вражеский строй. Такой жестокой битвы, пишет Курций, люди не помнят¹⁵⁴. Спартанцы вдохновлялись прежней воинской славой, македоняне — новой; те сражались за свободу, эти — за господство; спартанцам не доставало полководца, македонянам — простора для боя. Когда под натиском последних строй спартанцев разрушился и стал отступать, тяжело раненый Агис, с трудом одевая доспехи, пошел в бой. В него метали копья издали, он бросал их обратно во врагов, пока копье не вонзилось в его грудь, отчего он ослабел, потерял много крови. Когда копье вытащили из раны, он вскоре умер, упав как доблестный воин на свое оружие. Поле боя осталось за Антипатром¹⁵⁵.

Поражение спартанцев, гибель многих воинов и самого Агиса имели тяжелые последствия. Они привели не только к уничтожению спартанского могущества, но и к окончательному искоренению в Греции мятежного духа, не проявлявшегося более до самой смерти Александра¹⁵⁶.

Если при Херонее Македонское царство оспаривало гегемонию над Элладой, то победа при Мегалополе означала укрепление и завершение македонского господства над греческими государствами. Спарта также была теперь покорена. Эллинский союз, хотя формально и продолжал существовать, но фактически судьбы Греции отныне решались исключительно в лагере Александра, а не на совещаниях союзного совета в Коринфе¹⁵⁷. Хотя Антипатр после победы отправил послов лакедемонян, просивших мира, в эллинское союзное собрание, но оно предоставило решение Александру¹⁵⁸. Лакедемоняне вынуждены были послать к Александру депутатов с просьбой о прощении. Курций сообщает, что

---

¹⁵⁴ Curt. VI, 1, 7.

¹⁵⁵ Относительно потерь Курций приводит иные сведения, чем Диодор. Он считает, что в этой битве погибло 5300 спартанцев, а не македонян. Последних погибло не больше 1000, но почти никто не вернулся в лагерь без ран (Curt. VI, 1, 16).

¹⁵⁶ Just. XII, 1, 9—11.

¹⁵⁷ J. Kaerst. Op. cit., S. 320.

¹⁵⁸ Diod. XVII, 73, 5; ср. Aesch. III, 133.

македонский царь «явил им свою милость, исключая зачинщиков бунта». Ахеянам и этолийцам было приказано заплатить мегалопольцам в качестве возмещения убытков 120 талантов ¹⁵⁹.

Так, указывают источники, окончилось восстание под руководством Агиса. Хотя битвы при Гавгамелах и Мегалсполе не были одновременны, но по своим последствиям, по значению, которое они имели для судеб тогдашнего мира, они не только находились в близкой временной связи, но по существу были неразрывны. Связь мятежных греков с Персидским царством давала все новую поддержку оппозиции эллинских государств против Македонии. С другой стороны, персидский царь пытался использовать антимакедонские выступления эллинов в тылу Александра против своего македонского противника. С поражением в двух битвах была повергнута персидская мощь, и в не менее решительной борьбе преодолена эллинская оппозиция.

Однако поражение антимакедонского движения на Балканах не означало полного уничтожения этого движения. Центр его тяжести перемещается теперь непосредственно на Восток. Оно принимает форму открытых выступлений против самой армии Александра, препятствуя ей в дальнейшем продвижении. Примером такой формы борьбы может служить область уксиев, находящаяся по соседству с Сузами ¹⁶⁰. Горные жители этой области были пастухами ¹⁶¹. Они не были подчинены персам, подобно жителям равнин, и настолько сохранили свою самостоятельность в отношении персидской власти, что даже от персидского царя, когда он следовал этим путем из Персии в Сузы, получили повышенный трибут. Этот трибут, по утверждению Арриана, они теперь потребовали от Александра. Он был ими предупрежден, что они пропустят его с войском в Персию, только если получат от него плату, какую они получали за переход от персидского царя. Как указывает Арриан, Александр отослал их, велел идти к теснинам, господ-

¹⁵⁹ Curt. VI, 1, 20.

¹⁶⁰ Curt. V, 3, 3. О локализации племен уксиев см. статью: И. В. Пьянков. Борьба Кира II с Астигом по данным античных авторов. — ВДИ, 1971, № 3, стр. 26—28.

¹⁶¹ Arr. III, 17, 6. Керст без всякого на то основания называет уксиев разбойниками (J. Kaerst. Op. cit., S. 309).

ство над которыми позволяет им думать, что проход в Персию находится в их власти: там они получают от него условную плату. Он взял царских телохранителей, щитоносцев и около 8 тыс. остальных солдат и ночью пошел, но не по известной дороге, а по другой, тяжелой и каменистой,— вышел на рассвете к деревням уксиев, напал на них, взял большую добычу и перебил много людей. Сам он спешно пошел к теснинам, где уксии рассчитывали встретить его, чтобы получить установленную плату. Кратера он отправил еще раньше занять те высоты, куда, по расчетам Александра, теснимые уксии вынуждены будут отступать. Перепуганные стремительным появлением вражеских войск, лишенные важных и надежных позиций, уксии бежали раньше, чем дело дошло до рукопашной. Одни во время бегства пали от рук воинов Александра, многие погибли, срываясь с обрывистой дороги. Большинство же, убежав с горы, наткнулось на солдат Кратера и было перебито. Оставшиеся в живых с трудом выпросили у Александра разрешение остаться на своей земле, за что обещали уплачивать ему ежегодно дань: 100 лошадей, 500 вьючных животных, 30 тыс. овец ¹⁶².

Таким образом, Арриан считает основной причиной выступления уксиев против Александра их требование от македонских войск известных дорожных пошлин. Апологетическая традиция, следовательно, в этом событии не усматривает никаких политических целей. Курций, как выразитель антиалександровской традиции, придает этому событию известный политический смысл. Проблема пошлин здесь совершенно отсутствует. Подчеркивается мысль о том, что начальник этой страны Мадат не хотел сдаваться Александру ¹⁶³. Он организовал оборону крепости, осыпал осаждавших стрелами. Борьба оказалась трудной, она усугублялась еще сложностями горной местности, неровной и заваленной скалами и камнями. О трудностях говорит тот факт, что нужно было в сложнейших горных условиях продвигать осадные башни к стенам города, без которых не мыслилось его взятие. Осажденные вынуждены были смириться после того, как возникла для них опасность быть

---

¹⁶² Arr. III, 17, 1—6.

¹⁶³ Curt. V, 3, 4.

окруженными с двух сторон: со стороны отряда Таврона, расположившегося над укреплениями города, и со стороны самого Александра¹⁶⁴. В оппозиционной традиции подчеркивается, что горные уксии, господствовавшие над узкими перевалами, являвшимися прямой связью между Сузианой и Персией, неблагоприятное время года, неприступность местности стали бы большим препятствием для Александра, если бы не предательство. Один местный житель, уксий родом, хорошо знавший местность, указал Александру путь, который помог ему обойти неприятеля, навязать ему битву и одержать над ним победу¹⁶⁵. Под натиском македонских войск слабо вооруженные племена уксиев не могли устоять. Но само их выступление против Александра уже свидетельствовало о наступлении нового этапа в антимакедонском движении, который характеризовался тем, что это движение возглавили силы, которые слабо были связаны с Персидским государством, считались независимыми от него и поэтому с особой интенсивностью боролись со всякими попытками со стороны любых завоевателей навязать им свою волю. Эта тенденция особенно отчетливо проявится в Средней Азии, где македонское движение достигнет широких размеров и высокого накала.

Почему же Александру удалось одолеть антимакедонские выступления, несмотря на то, что они охватили огромную территорию и вовлекли в действие большое количество людей, разных племен и народов?

Прежде всего, все эти выступления не слились в один поток, они были разрознены и проходили неодновременно. Лишь после того, как операции Мемнона на островах Эгейского моря закончились, начал действовать Агис III. Причем он завязал деловые связи и соглашения с персами осенью 333 г. до н. э., а начал активные действия только весной 332 г. до н. э. Ему не удалось создать мощное одновременное выступление против Македонии на большой территории. Организованное им восстание явилось запоздавшим событием, так как основные персидские силы были уже выведены из Эгейского моря. С самого начала выступление пелопоннес-

---

¹⁶⁴ Curt. V, 3, 5—15.

¹⁶⁵ Curt. V, 3, 5—11; Diod. XVII, 67, 4—5.

цев было обречено на неудачу. Оно консолидировалось только на юге и не было поддержано ни средней Грецией, в частности Афинами, ни островами. Наоборот, во время пребывания Александра в Египте, к нему в Мемфис прибыло посольство из Афин, Хиоса, Родоса, Митилены, Кипра и других городов. Послы вернулись домой удовлетворенными и, видимо, намеревались отказаться от борьбы.

Александр сумел оторвать Афины от Спарты, разъединить афинян и спартанцев. Как известно, во время его пребывания во Фригии он отказал афинским послам «возвратить свободу тем афинянам, которые, находясь на персидской службе, были взяты при Гранике и отведены в неволю в Македонию вместе с 2 тыс. прочих греков»¹⁶⁶. Александр думал, указывает Арриан, что во время войны его с персами не должно уменьшать того страха, который он внушал грекам, всегда готовым при ослаблении строгости соединиться с варварами. Однако несколько позднее, когда усилились волнения в Греции, Александр освободил афинян из плена, удовлетворив и некоторые другие их просьбы, лишь бы оторвать их от спартанцев. Это Александру удалось сделать. Этим он и разрушил единство действий греков.

Поражению антимакедонского движения сопутствовало и то обстоятельство, что не было никакой существенной связи между одновременными антимакедонскими восстаниями на Балканах и на Ближнем и Среднем Востоке.

---

¹⁶⁶ Агг. I, 16, 6—7.

Глава вторая

АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Антимакедонское движение в Средней Азии, принявшее широкий размах и разносторонний характер, оставило глубокий след в жизни среднеазиатских племен и народностей. Это — по существу первое крупное массовое выступление против иноземных захватчиков на территории нашей страны. Большая партизанская война против Александра, развернувшаяся на землях современного Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, не могла не заинтересовать историков и писателей, которые немало проникновенных страниц посвятили разработке этой темы. Но на этих страницах имеет место много домыслов и разных точек зрения как о самом восстании, так и о его руководителе, вытекающих из специфики самих источников. К сожалению, об этом событии мы не имеем ни одного местного источника. Все сведения мы черпаем из источников греческих, главным образом, от Арриана и Курция. Отдельные малочисленные указания имеются у Диодора, Страбона, Плутарха, Юстина. Ни один из этих источников специально не обращал внимания на все те вопросы, которые касались сопротивления завоевательным планам Александра, не понимал цели и характера этого сопротивления. Поэтому от этих источников нельзя ожидать беспристрастности, отсутствие которой наложило свой отпечаток на всю историографию по данной теме.

Выяснение форм, методов, этапов борьбы среднеазиатского населения против македонского нашествия — заслуга главным образом отечественных ученых. В буржуазной историографии этот сюжет по политическим соображениям специально не затрагивается. Беглые упоминания об эпохе этой борьбы — восстании Спитамена — обычно даются лишь в связи со среднеазиат-

ским походом Александра. Характерным в этом отношении является Дройзен, который все события, происходившие на среднеазиатской земле, рассматривает через призму своего излюбленного героя. Историк полагает, что народы Средней Азии примкнули к «дикому» восстанию, начатому Спитаменом, «более из страха», нежели «по доброму желанию»¹. Симпатии Дройзена только на стороне Александра. Полнейшее непонимание Дройзеном освободительного характера движения привело к неправильной трактовке роли Спитамена, которого он считал вероломным противником, бессовестной личностью, возглавившей «дикое восстание» против македонян². Смерть этого смелого и вероломного противника положила конец последним опасениям,— пишет Дройзен; в «саду Востока» восстановилось наконец спокойствие, в котором он только и нуждался, для того чтобы, несмотря на все перенесенные им войны и потрясения, скоро снова достигнуть своего прежнего цветущего состояния³. Из этих слов ясно, как автор всячески пытается оправдать македонское нашествие, и в этом стремлении доходит даже до того, что восстание Спитамена считает опасным проявлением нарушения спокойствия, которое установилось якобы только с победой Александра над восставшим народом.

Точку зрения Дройзена разделял и американский историк В. Уилер⁴. Решительно выступил против этой точки зрения известный русский ученый-востоковед В. В. Григорьев, обративший серьезное внимание на борьбу среднеазиатских народов с македонскими завоевателями⁵. В своей обширной статье «Походы Александра Великого в Западный Туркестан» он правильно характеризует развернувшееся движение среднеазиат-

---

¹ И. Г. Дройзен. История эллинизма, т. I. М., 1890, стр. 250.

² Там же, стр. 246.

³ Там же, стр. 259.

⁴ В. Уилер. Александр Великий. СПб, 1899, стр. 131.

⁵ По словам В. В. Григорьева, экспедиция в Западный Туркестан была, если не считать индийской, самой затруднительной из всех предпринятых Александром. Относительное покорение небольшой сравнительно области по обе стороны Зеравшана между Аму и Сырдарьей заняло македонского царя почти на 3 года. Притом вигде им не было пролито столько крови, как здесь. (См. А. М. Ловягин. Александр Македонский в Туркестане. — Исторические и библиографические очерки, вып. 1, 1917, стр. 44—52).

ских племен и народов против македонян как восстание. Он резко выступает против тех историков, которые называли это восстание «бунтом», «изменой» и с большим сочувствием восторгается отвагой народных мстителей⁶. В отличие от дройзеновской характеристики Спитамена В. В. Григорьев считает его «неутомимым борцом за свободу родины», великим согдийским патриотом.

Но и русский историк в силу своей буржуазной ограниченности не избежал ряда существенных ошибок. Нельзя признать правильным его объяснение причин вторжения Александра в Среднюю Азию стремлением последнего захватить Бесса, который будто бы оказался более сильным противником, чем сам Дарий⁷. Нельзя согласиться также и с другим утверждением В. В. Григорьева, считавшего Бесса борцом за отечество, горячим сторонником восстания, деятельным его руководителем.

Отличным вождем, борцом за свободу, с неслыханной энергией и мужеством сопротивлявшимся хитрому захватчику, душой «национальной» освободительной, народной войны «восточно-иранского населения» называют Спитамена и некоторые буржуазные античники, которые тем не менее не смогли правильно оценить характер восстания и показать роль различных групп населения в нем⁸.

В советской историографии этой проблеме уделялось большое внимание. Советским ученым удалось не только осветить всю динамику антимакедонской борьбы в среднеазиатских землях, но и раскрыть ее общественно-экономические предпосылки. Особенно плодотворно занимались этим вопросом специалисты по истории Сред-

---

⁶ ЖМНП, 1892, № 9 (№ 217).

⁷ ЖМНП, 1881, № 9, стр. 31.

⁸ H. Berve. *Op. cit.*, Bd. II, S. 261; U. Wilcken. *Alexander der Grosse*, S. 144; Fr. Altheim. *Alexander und Asien*, S. 68; J. Kaerst. *Geschichte des Hellenismus*, Bd. I, S. 432; W. Tarn. *Alexander the Great*, vol. I, p. 69; Fr. Schachermeyr. *Alexander der Grosse*, S. 255—279. Ф. Шахермейр, подчеркивая идею народной войны, развернувшейся на просторах Средней Азии, указывает, что эта народная война многого не смогла достичь, поэтому была бессмысленной. В то же время он считает непосредственных участников войны — скифов, саков, массагетов, дахейцев, хорезмцев и др. — разбойничьими отрядами кочевников. (Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 276, 475).

ней Азии. Одной из первых работ в этом направлении было исследование Л. В. Баженова⁹. В этом труде дана верная оценка освободительного характера антимакедонского движения, раскрыты истоки восстания против войск Александра, роль и поведение различных слоев населения в этом движении. В работе, однако, отсутствует какая-либо периодизация исторических событий, не выделяются этапы движения, отличительные их признаки. Этот пробел старалась восполнить К. В. Тревер в своей статье «Александр Македонский в Согде»¹⁰. Используя впервые непереведенное «Оглавление к XVII книге» Диодора, она довольно подробно описала ход борьбы под предводительством Спитамена, определила и четко выделила три этапа этой борьбы, их особенности и специфику, раскрыла также причину поражения восставших¹¹. В этой интересной статье имеются, однако, некоторые противоречия, ряд спорных и даже неверных положений, которые в основном проистекают от субъективного отношения к некоторым источникам, в частности, от недооценки труда Курция Руфа и переоценки сведений Арриана.

С середины 50-х годов стали выходить обобщающие труды по истории Узбекской, Туркменской и Таджикской республик¹². В них содержится большой материал для характеристики как социально-экономических истоков освободительной борьбы предков среднеазиатских народов, так и самого хода этой борьбы. Важные сведения можно найти в отдельных статьях В. М. Массона, Р. М. Рахмановой и др.¹³.

Своеобразный среднеазиатский культурно-историче-

---

⁹ Л. В. Баженов. Народы Средней Азии в древний период (VI—II вв. до н. э.). Ташкент, 1937.

¹⁰ «Вопросы истории», 1947, № 5—8.

¹¹ Там же, стр. 115—120.

¹² История Узбекской ССР, т. 1. Ташкент, 1955; История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1957; История таджикского народа, т. 1. М., 1963. Последнему труду предшествовало исследование Б. Гафурова «История таджикского народа», т. I, изд. 1-е, 1949; изд. 2-е, 1952; изд. 3-е, 1955.

¹³ В. М. Массон. Из истории древнего Согда. — Сб. студ. работ Среднеазиатского ун-та, вып. III. Ташкент, 1951; А. С. Ш о ф м а н. Восстание Спитамена. — «Ученые записки Казанского ун-та», т. 115, кн. 10, 1955; Р. М. Р а х м а н о в а. Хозяйство древней Средней Азии по античным источникам. — Сб. «Научные труды Ташкентского университета», вып. 200, 1963.

ский комплекс, включавший в себя Бактрию, Маргиану, Согдиану и Хорезм, до македонского завоевания жил своей сложной социально-экономической жизнью и достиг высокого уровня культуры.

Исключительный интерес в этом регионе представляет историческое развитие Бактрии и в особенности Согдианы, где с наибольшей силой развернулась антимакедонская борьба¹⁴. В территориальном отношении древняя Бактрия (VI—IV вв. до н. э.) включала в себя область Пригиждукушья, земли центральной, южной и восточной части советского Таджикистана и долину реки Сурхан-Дарья Узбекской ССР¹⁵. Советско-афганская археологическая экспедиция доказала, что в Бактрии за тысячу лет раньше, чем считалось до сих пор, существовала высокая культура¹⁶. Советские и афганские археологи обнаружили на левом берегу Амударьи, где еще недавно терялись следы цивилизации, храмы и дворцы. Археолог В. Сарияниди извлек материал, который доказывает, что еще 35 веков назад, задолго до присоединения Бактрии к Персидскому государству, левобережье Амударьи населял народ, имевший своеобразную культуру. Это были ремесленники и земледельцы, жившие в укрепленных городах и поселках, вокруг которых они возделывали орошаемые земли. Неподалеку от древних храмов найдены руины дворцов, памятники монументальной скульптуры¹⁷. В IV в. до н. э. Бактрия славилась как страна «тысячи городов». Ее столица Бактры, сохранившаяся в развалинах у города Балха, слыла богатой и называлась «матерью городов»¹⁸. Природа Бактрии была щедра и разно-

---

¹⁴ Ф. Я. Косыке указывает, что кроме этих областей сопротивление македонянам было оказано в Парфиане, в подгорной полосе Копет-Дага, т. е. в областях современного южного Туркменистана. (См. Ф. Я. Косыке. Указ. соч., стр. 113 и сл.).

¹⁵ См. Б. Гафуров. Указ. соч., стр. 32.

¹⁶ В. Сарияниди. Там, где жил Заратуштра. — «Вокруг света», 1973, № 7, стр. 76—77.

¹⁷ См. А. Белогорский. Где терялись следы цивилизации. — «Правда», 1974, 15 февраля.

¹⁸ См. Б. Гафуров. Указ. соч., стр. 32. Другое, более древнее ее название Зариаспа на языке зенд означает «конный народ» и указывает на наличие в Бактрии развитого коневодства и неплохих наездников. (См. Г. И. Савицкий. Древняя Бактриана, вып. 1. Самарканд, 1941, стр. 18).

образна; на плодородной почве сеяли хлеб, остальную землю оставляли под пастбища. Возделывались также технические культуры, например, кунжут. Особое место отводилось бахчеводству, садоводству и виноградарству¹⁹.

Приблизительно в то же время складывается за Амударьей и Согдана в долинах рек Зеравшана и Кашка-Дарьи, о чем единодушно свидетельствуют античные писатели. Большая часть ее населения была оседлой и занималась разведением различных сельскохозяйственных культур.

Развитыми были и другие области Средней Азии (в частности, Хорезм, расположенный по нижнему течению Амударьи), в жизни которых важное значение имело искусственное орошение земли. К IV в. наблюдаются важные достижения в ирригационной технике. Кроме использования ручьев талых вод, создания водоемов от весенних разливов, строились мощные магистральные каналы, подводившие воды с больших рек на далекие расстояния, и другие сложные оросительные системы²⁰.

Многочисленные археологические раскопки говорят о широком и эффективном использовании ирригационных сооружений. Каналы рылись глубокими и довольно широкими с тем, чтобы до пределов избежать испарения воды, отводимой из рек на далекое расстояние. Позднее наблюдается картина сращивания множества каналов в один бассейн. Раскопками на территории Гяур-Калы обнаружены глубокие водоемы, из которых вода уже не могла выливаться самотеком. Следовательно, уже тогда были известны водоподъемные сооружения. В низовьях таких равнинных рек, как Амударья, широко использовалось также лиманное орошение. Этот способ орошения весьма своеобразен: от реки отводился большой рукав, который затем отрезался от основного течения реки. Оставшаяся вода испарялась, придавая почве соответствующую влагу.

О том, какую роль система искусственного орошения играла в жизни среднеазиатского населения, может

---

¹⁹ Curt. VII, 4, 26.

²⁰ См. Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 7 и сл.

свидетельствовать Хорезм, окруженный бесплодной пустыней. Каждый земледелец этой области был обязан отбивать ежегодно в пользу верховного правительства 25-дневную повинность, которая использовалась для мобилизации трудового люда на проведение и чистку магистральных каналов, на сооружение плотин, дамб и на другие общественные работы. В источниках зафиксирован случай, когда правитель казнил собственного сына за то, что тот проехал на охоту через голову канала, повредив исправность последнего копытами коней, и этот акт наказания расценивался летописцами как пример справедливости²¹.

Наряду с высоким уровнем орошаемого земледелия в Средней Азии к этому периоду наблюдается сильно развитое скотоводство. Этому способствовали наличие предгорных пространств, благоприятные климатические условия, позволяющие держать скот круглый год на подножном корму²².

Большого совершенства достигает также ремесленное производство, в частности, гончарное дело. Археологические находки различных видов керамики на территории Хорезма, Старого Мерва и других мест, созданной из первоклассной глины, в том числе и цветной, с применением гончарного круга, говорят о высокой степени развития гончарного дела²³. Не менее важное назначение глина имела в строительстве. Из нее изготовлялись сырцовые кирпичи; для постройки дворцов, храмов и богатых жилищ использовался камень и высококачественный светло-белый известняк. Любопытна надпись из Ахеменидского дворца в Сузах. Она повествует о том, что «при постройке его доставлялось золо-

---

²¹ См. Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 8.

²² См. Р. М. Рахманова. Хозяйство древней Средней Азии по античным источникам, стр. 43. О достаточно развитом скотоводстве говорят многие факты археологических раскопок. Так, при раскопках крепости Гяур-Кала была найдена кувшин, на котором изображена фигурка барана, говорящая о том, что население здесь занималось скотоводством. Особое внимание отводилось выведению конских пород. (Материалы ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949, вып. I, стр. 38).

²³ См. Краткие сообщения института этнографии, т. XXII. М., 1955, стр. 72 и сл.; ср. С. П. Толстов. По следам древне-хорезмской цивилизации. М., 1948, стр. 117.

то из Бактрии, лазурит и камень «сомаубар» ... из Согды и другой породы камень «ахшайна» (несветлый) из Хорезма»²⁴.

Находки железных вещей широкого потребления в центральных областях Средней Азии свидетельствуют о том, что железо уже прочно вошло в быт этих народов²⁵.

Вместе с развитием ремесел значительных успехов достигла среднеазиатская торговля. Она велась издавна по древней магистрали Балх — Мерв — Экбатаны (Хамдан) на запад, а через Фергану и Иссык-Куль на север: в Сибирь и на Алтай. Археологические раскопки неопровержимо доказывают наличие широкого товарообмена между соседними странами, а также со странами, находившимися на далеком расстоянии от Средней Азии, как Сирия, Ассирия, Египет, города Северного Причерноморья²⁶. В середине IV в. до н. э. начинает развиваться и посредническая роль Бактрии и Согдианы в торговых операциях между Месопотамией и Ираном, с одной стороны, и Индией и Китаем — с другой²⁷. В результате среднеазиатские страны становятся в ту эпоху связующим звеном трех великих очагов древних культур, возникших в долинах Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы, Амударьи и Сырдарьи. Это обстоятельство сильно двинуло вперед дальнейшее развитие Согдианы и Бактрии.

Большого искусства достигло военное мастерство среднеазиатских народов. Об этом говорят многочисленные городища, созданные на удобных и надежных в стратегическом и географическом отношении местах, широкое градостроительство, всевозможные другие оборонительные сооружения, метательные орудия и др.²⁸.

---

²⁴ См. Е. М. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1963, стр. 10.

²⁵ См. «История Туркменской ССР», т. I. Ашхабад, 1957, стр. 67.

²⁶ См.: Б. Гафуров. Указ. соч., стр. 33; Л. В. Баженов. Средняя Азия в древний период, стр. 21; Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, 1949, стр. 40.

²⁷ На связь Средней Азии с культурными центрами древней Ассирии и древнего Египта указывает только наличие при дворах ассирийских царей и египетских фараонов ляпис-лазури, которая добывалась, по-видимому, в горах Бадахшана.

²⁸ Труды истории, археологии и этнографии. М., 1955, стр. 96; ВДИ, 1951, № 4, стр. 91; 1955, № 3, стр. 205.

Высокая культура среднеазиатских народов оказала большое влияние на культурное развитие других стран, в частности Ирана.

В социальном отношении среднеазиатское население не представляло единства. У многих племен и этнических групп процесс классовообразования еще не закончился. В ряде случаев имело место своеобразное сочетание черт первобытно-общинного и рабовладельческого строя. Арриан говорил о существовании у скифов царя и общего собрания: «вскоре затем к Александру явились послы от народа и царя скифского, чтобы извиниться за случившееся; это было предприятие не общескифского собрания, а только тех, кто вышел на грабеж, и что сам царь готов исполнить его приказания». Вероятно, у скифов существовала военная демократия. Оседлые земледельцы, горожане и кочевники находились на разных ступенях общественного развития. Социальные отношения земледельческого населения, жившего в Хорезме, Бактрии и Согдиане, были более высокими. Земледельческая община представляла основную форму общежития, но в условиях ирригационного земледелия, при которой требовались большая принудительная сила и более концентрированная власть, здесь уже начали формироваться классовые отношения. Из недр патриархально-родовых общин выделилась родовая аристократия, которая захватывает лучшие земли, имеет рабов и эксплуатирует свободных общинников. Эта аристократия начинает играть видную роль в экономической и политической жизни, с ней вынуждены были считаться персидские наместники-сатрапы, ограничившиеся общим управлением подчиненными областями, оставив за аристократией право распоряжаться внутри каждой отдельной общины.

Нашествие персидских войск в VI в. до н. э. прервало самобытное развитие народов Средней Азии. Последняя входит в состав Ахеменидского государства и остается в нем вплоть до его собственного крушения. Среднеазиатские области делились на 4 сатрапии: Согдиана с Хорезмом и Парфией входила в 16-ю сатрапию. Все они ежегодно вносили 300 талантов налога в пользу Ахеменидов. Бактрия, составлявшая 12-ю сатрапию, платила 360 талантов²⁹. По уплате налогов она уступала только 13-й

²⁹ См.: Hdt. III, 89—97; Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 36.

сатрапии, в которой жили армяне. Эта сатрапия платила 400 талантов. Судя по этим данным, как Армения в Закавказье, так и Бактрия в Средней Азии были наиболее значительными и богатыми владениями Ахеменидов³⁰. Как и другие сатрапии, народы Средней Азии страдали от неимоверно тяжелых поборов. Они вынуждены были ввиду уплаты налогов нередко закладывать земли у ростовщиков и продавать детей в рабство. Много было не только прямых, но и дополнительных податей. Одним из средств выколачивания дополнительных податей было закрытие шлюзов, в результате чего вода не поступала на поля. За открытие шлюзов население рассчитывалось новыми поборами. Кроме различных податей и налогов, ему вменялось в обязанность доставлять вспомогательные войска в случае походов, предпринятых персидским царем³¹. Эти отряды под руководством своих родовых вождей должны были явиться в назначенные им места, где они объединялись в более крупные подразделения под командой обычно персов. Пользовавшиеся блестящей военной славой отряды среднеазиатских племен охотно привлекались персами не только для участия в походах, но и в качестве наемников на военную службу. Конница саков, например, не только выделялась своими боевыми качествами среди самых лучших персидских всадников, но даже входила в состав царской гвардии, так называемые десятипращники и лучники. Такими же являлись и согдийские воины.

Все эти боевые качества рядовых воинов усиливали власть родовых вождей, большинство которых персид-

---

³⁰ Бактрия, по-видимому, вообще занимала особое положение в Ахеменидском государстве. Она являлась важнейшим культурным, религиозным и политическим центром Дрезнеперсидской империи. Наместниками и управителями этой области почти всегда бывали ближайшие родственники ахеменидских царей, что лишний раз подчеркивает важное политическое значение Бактрии среди других ахеменидских сатрапий.

³¹ С помощью этих вспомогательных отрядов Ахемениды держали в повиновении жителей одной сатрапии войнами, взятыми из другой сатрапии, причем последние набирались из самых отдаленных от данной сатрапии стран и чуждых по языку и быту народов. Так, например, в одном из найденных в Египте в городе Элефантине папирусов сообщается, что в числе воинов тамошнего гарнизона были хорезмцы, т. е. жители самого отдаленного северного района, подвластного Ахеменидам в Средней Азии.

ская администрация сумела приблизить, отчего выиграла не только она, но и родовая знать.

Таким образом, Ахемениды системой многочисленных налетов, натуральных поставок в казну, насильственного захвата мужского населения в царскую армию и просто в рабство, нещадным грабежом местного населения задерживали прогрессивное развитие Средней Азии, стимулировали застойность старых родо-племенных отношений. Персидская деспотия, в конечном итоге стремилась ликвидировать самостоятельность среднеазиатских областей. Это стремление подымало неоднократно местное население на борьбу против поработителей. Причем в эту борьбу включалась и родовая аристократия, которая хотя и пользовалась известным покровительством персидского царя, но с большим недовольством видела, как огромные материальные богатства уходят к персам, вместо того чтобы остаться в руках местных господствующих групп. Отрывочные сведения, которые дошли до нас, говорят нам о крупных антиперсидских восстаниях, которые ослабляли позиции персов в этих землях. Когда Персидское государство под тяжестью своих собственных противоречий, в результате систематической антиперсидской борьбы, а также внешнего нашествия ослабло, а затем распалось, наиболее развитые в социально-экономическом отношении области Средней Азии, как Парфия, Согд, Бактрия, Хорезм и др., добились независимости. Тем более они не хотели терпеть новых македонских завоевателей. Вот почему стремление Александра утвердиться на территории Средней Азии и покорить ее жителей встретило с их стороны сильное сопротивление.

Мужественную освободительную борьбу против македонских завоевателей возглавил талантливый и опытный военачальник Спитамен.

Спитамен — выдающаяся личность в древней истории среднеазиатских народов. Он возглавил их героическую борьбу в критический момент иноземного нашествия победоносной армии Александра, проявив при этом героизм, волю, решимость, крупный талант военачальника. Основа его военной тактики зиждилась на принципах партизанской войны. Полукочевой и не всегда постоянный состав его конных отрядов, хорошо знавших местные особенности, был способен организовывать засады, быстрые и внезапные нападения и притворные отступления.

Нападения Спитамена обычно были неожиданными для противника, а имитированные, притворные отступления всегда приносили последнему много трудностей. Осведомленный о каждом движении врага, отступая, Спитамен всячески изматывал силы македонян, то притворялся бегущим, то внезапно появлялся во фланге или в тылу македонских войск, наводя на них панику, уничтожая отдельные отряды этих войск стрельбой из луков.

Если благодаря усилиям советских исследователей сам ход напряженной антимакедонской борьбы в основных чертах выяснен, личность самого Спитамена, его политические планы и надежды во многом остаются загадкой. Не ясна его этническая и социальная принадлежность, спорят о его возрасте, загадочна его смерть. До сих пор существуют различные, часто взаимоисключающие точки зрения на все эти вопросы.

Прежде всего представляется весьма затруднительным решить вопрос о происхождении Спитамена. Источники очень скудно и противоречиво говорят об этом. Есть упоминания насчет этого только у Арриана и Страбона. Арриан лишь в одном месте называет его бактрийцем, а Страбон — персом³². Между тем большинство исследователей вопреки этим указаниям источников называют Спитамена согдийцем³³. Боннар и Клоше, не подчеркивая его этнической принадлежности, считали Спитамена сатрапом Согдианы³⁴. Вилькен осторожно говорит о Спитамене из Согдианы, без указаний на то, что он согдиец³⁵. В советской историографии Б. Г. Гафуров подходит к этому вопросу еще более осторожно и называет Спитамена только согдийским военачальником³⁶. А. Б. Ранович характеризует Спитамена как предводите-

³² Агг. VII, 4, 6; Strabo, XI, 8, 8, стр. 513.

³³ В. Григорьев. Указ. соч., стр. 187—188; С. П. Толстов. Древняя культура Узбекистана. Ташкент. 1943, стр. 20; В. М. Массон, В. А. Ромодин. История Афганистана, т. 1. М., 1964, стр. 78, 87; История таджикского народа, т. 1. М., 1966, стр. 241, 247.

³⁴ A. Bonnard. Op. cit., p. 185—186; P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 60—70. Так же считает и польский историк Моджевский. (См.: Józef Modzejewski. Alexander Macedonski. Warszawa, 1961, p. 211).

³⁵ Ulrich Wilcken. Alexander der Grosse, 1973, S. 444.

³⁶ Б. Гафуров. История таджикского народа. Изд. 1-е, 1949, стр. 56, изд. 2-е, 1952, стр. 97, изд. 3-е, 1955, стр. 62.

ля свободолюбивых народов Средней Азии в борьбе за свободу и независимость против войск Александра³⁷. В «Истории Узбекской ССР» Спитамен является представителем местной знати, без выяснения, какой именно местной знати³⁸. В «Истории Туркменской ССР» говорится прямо и определенно, что он представитель согдийской знати³⁹. Знатным согдийцем называется Спитамен и в учебной литературе⁴⁰.

Признание согдийской принадлежности Спитамена в исследованиях историков зиждется на том неопровержимом факте, что восстание главным образом проходило на территории Согдианы, что во главе согдийцев, выступивших против греко-македонских войск, находился Спитамен. Этот факт никаких сомнений не вызывает. Он достаточно хорошо аргументирован источниками. Но из этого не обязательно следует, что Спитамен согдиец. Он мог быть родом из другой области, а затем в силу различных обстоятельств очутиться в Согде и стать военачальником. У нас нет ни одного указания в источниках о том, что он был сатрапом Согдианы. Обращает на себя внимание и такая деталь: в источниках к сатрапу или к крупному представителю знати придается слово, обозначающее его этнос. Так, у Арриана относительно Оксиарта, отца Роксаны, указано, что он бактриец (Arr. VI, 15, 3), у Курция Аримаз назван согдийцем (Strab. VII, 11, 1). В этой связи, может быть, не следует игнорировать уже упомянутого нами единственного указания Арриана о том, что Спитамен был бактрийцем⁴¹. Не менее трудным является выяснение социального происхождения Спитамена.

Л. В. Баженов, один из первых в советской историографии исследовавший древний период в истории Средней Азии, полагал, что Спитамен являлся выходцем из низов. Именно благодаря этому он смог возглавить освободительное движение среднеазиатского населения⁴².

³⁷ А. Б. Ранович. Эллинизм и его историческая роль. М., 1950, стр. 54, 65.

³⁸ История Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1967, стр. 95.

³⁹ История Туркменской ССР, т. 1. Ашхабад, 1957, стр. 76.

⁴⁰ К. М. Колобова, Л. М. Глускина. Очерки истории древней Греции. Л., 1958, стр. 328.

⁴¹ Arr. VII, 4, 6.

⁴² Л. В. Баженов. Народы Средней Азии в древний период (VI—II вв. до н. э.), стр. 47.

Эту точку зрения в исторической беллетристике отстаивал известный писатель В. Ян⁴³. В его повести Спитамен-Шеппе-Тэмен — бедняк, погонщик караванов, охотник. По матери он происходил из скифского рода тохаров, а по отцу он сын горшечника-согдийца. В детстве он был воспитан в Сугуде (Согдиане), вскормлен согдийским просом и виноградом. Он оставался защитником бедняков, самоотверженно собирал силы, зажигал тревожные сигнальные огни на курганах, призывал народ защищать страну.

Однако большинство исследователей отмечает знатное происхождение Спитамена как представителя местной аристократии⁴⁴. О том, что Спитамен происходил из местной знати, говорит ряд свидетельств источников. Обращает на себя внимание такая особенность: Спитамен в начале своей активной деятельности упоминается совместно с Датаферном, Катеном и Оксиртом, которые известны как наиболее знатные представители аристократии, имевшие каждый свою свиту и приближенных⁴⁵. Курций называет Спитамена даже другом Бесса, сатрапа Бактрии, пользовавшимся у него особым положением⁴⁶. Это утверждение может свидетельствовать о привилегированном положении Спитамена в обществе, ибо едва ли бактрийский сатрап такой величины и значения, как Бесс, мог иметь друзей из простого народа. Кроме того, важный и ответственный пост военачальника не мог получить человек из низов. Руководство военными подразделениями знать никому не передавала. Аристократическое происхождение Спитамена подтверждается и некоторыми его биографическими сведениями. Английскому историку Тарну принадлежит предположение, что жена Спитамена была родственницей персидского царя Артаксеркса⁴⁷. Наконец в 324 г. до н. э. во время массовых

---

⁴³ В. Ян. Огни на курганах, 1959.

⁴⁴ См.: Fr. Schachert ут. Указ. соч., стр. 281; В. М. Массон, В. А. Ромодан. Указ. соч., стр. 78.

⁴⁵ Arr. III, 28, 9—10; 30, 1; Curt. VII, 5, 22.

⁴⁶ Curt. VII, 5, 19, 20.

⁴⁷ W. Tarn. Queen Pto'emiaos and Arama — «Classical Quarterly». Oxford, vol. XXIII, 1929, № 3—4; p. 138—141. Это предположение принято советскими историками. (См. Г. А. Тиранян. Ахеменидские традиции в древней Армении. — «XXV Международный конгресс востоковедов». Доклады делегации СССР, 1960, стр. 5).

свадеб в Сузах Александр переженит около 80 «друзей» на дочерях знатнейших персов и мидян. В числе этих «друзей» упоминается полководец Селевк, который женился на Апаме, дочери Спитамена из Согдианы⁴⁸. По утверждению Арриана, Селевк был самым крупным человеком, который «обладал наиболее царственным образом мыслей и правил обширнейшей после Александра страной»⁴⁹. Характерно, что Селевк — единственный из женившихся в Сузах, который не покинул жену. Она стала царицей и пользовалась исключительным почетом. С одной стороны, как представительница ахеменидского рода по материнской линии, с другой — как представительница туземной знати по отцовской линии⁵⁰. Для завоевателей древности было характерно стремление укрепить свои позиции с помощью таких браков. Пример в этом отношении показал сам Александр. Дочь Спитамена, став женой одного из сподвижников того, против которого с такой неслыханной энергией и мужеством выступал ее отец, явилась матерью рода правителей Передней Азии. Ее сын Антиох I занял потом царский трон, продолжая царскую династию Селевкидов. Поэтому нам представляется неубедительной точка зрения Л. В. Баженова о том, что Спитамен был выходцем из низших слоев только потому, что он своей последовательной борьбой оттолкнул от себя местную знать⁵¹.

Когда Спитамен стал во главе антимакедонской борьбы, он был в полном расцвете физических и духовных сил. Ему было тогда немногим более 40 лет, он имел уже трех взрослых сыновей и одну юную дочь⁵².

Впервые мы встречаем Спитамена совместно с бактрийским сатрапом Бессом, убийцей персидского царя Дария. Убив последнего, Бесс провозгласил себя царем Азии под именем Артарксеркса и, опираясь на богатства Бактрии, решил организовать отпор Александру⁵³. Когда был убит персидский царь, его убийцы отправились в

---

⁴⁸ Arr. VII, 4, 6.

⁴⁹ Там же, 22, 5.

⁵⁰ Сведения из источников об Апаме см.: U. Wilcken. *Arpama*, RE. Bd. I, 1894, S. 2662.

⁵¹ Л. В. Баженов. Указ. соч., стр. 47.

⁵² Curt. VIII, 3, 3; ср. Arr. VII, 4, 6.

⁵³ Arr. III, 25, 3; Curt. VI, 6, 13.

свои сатрапии, чтобы организовать дальнейшую борьбу против македонян. Как указывает Арриан, всем распоряжался Бесс и как родственник Дария, и как сатрап страны, в которой сейчас все произошло⁵⁴. Добравшись вместе с Набарзаном, Барсаентом и многими другими до Бактрии, Бесс стал призывать ее население к защите своей свободы, объявив себя предводителем в этой борьбе. По утверждению Диодора, он набирал солдат, заготовлял много вооружения и ревностно занимался тем, что насущно требовалось в данный момент⁵⁵. Вокруг Бесса образовалось движение сатрапов и знати восточных стран — Набарзана, Барсаента, Сатибарзана, Оксиарта и др., целью которых было энергичное сопротивление македонскому вторжению⁵⁶. Не считая Дария способным к сопротивлению, они решили покончить с ним и передать Бессу руководство этим движением⁵⁷. Программа его действий заключалась в том, чтобы отступить в Согдиану, создать у реки Окс (Амударья) препятствие для врага, пока не подоспеют сильные подкрепления соседних племен⁵⁸. Для осуществления этой программы Бесс перешел реку Окс, сжег корабли, чтобы ими не воспользовался противник, и собрал в Согдиане новые силы для сопротивления. В его распоряжении была согдийская конница под начальством Спитамена и Оксиарта, которая первое время его поддерживала⁵⁹.

Отступление Бесса отдало в руки македонян плодороднейшую страну с ее большим богатством. В погоне за Бессом Александр поспешил к Амударье. В течение 5 дней он перебросил свою армию на правый берег этой бурной и беспокойной реки по быстро созданному солдатами понтонному мосту: кожаные мешки для палаток были набиты соломой и сухой травой, крепко связаны и сшиты между собой так, чтобы вода не могла в них проникнуть⁶⁰.

---

⁵⁴ Arr. III, 21, 5.

⁵⁵ Diiod. XVII, 74, 1—2.

⁵⁶ H. Verre. Op. cit., Bd. II, S. 106—107.

⁵⁷ Curt. V, 9, 3 и сл.

⁵⁸ Там же, VII, 6, 5.

⁵⁹ Arr. III, 28, 9.

⁶⁰ Там же, 29, 4.

Когда македонские войска перешли Окс и вступили в пределы Согдианы, Бесс был выдан Александром Спитаменом и Датаферном⁶¹.

Причины, побудившие Спитамена к такому поступку, источниками не вполне выяснены. Арриан указывает на то, что во время перехода Александром Окса к нему пришли послы от Спитамена и Датаферна с сообщением, что если Александр придет к ним отряд, они выдадут Бесса, который содержится у них под стражей⁶². Туда был отправлен македонский полководец Птолемей Лаг с пехотой и конницей, так как Александр не верил в искренность намерений Спитамена. В указанном месте он, однако, не нашел Спитамена, который ушел вглубь страны. Арриан объясняет такое его поведение тем, что стыд помешал Спитамену собственными руками выдать Бесса⁶³. После того как Птолемей окружил селение и дал заверение жителям, что они останутся целыми и невредимыми, если выдадут Бесса, жители его выдали. Так в своих записках объясняет это событие сам Птолемей. Но Арриан приводит и другую версию, рассказ Аристубула, согласно которому Бесс был взят не Птолемеем, а приведен нагим и связанным Спитаменом, Датаферном и их соучастниками.

К. В. Тревер, комментируя Арриана, указывает, что Спитамен боялся коварства Птолемея и поэтому скрылся до его прихода. Более правильным кажется нам мнение В. В. Григорьева, который считал, что Спитамен при приближении отрядов Птолемея, бросив Бесса в одном из укрепленных местечек, отправился внутрь Согдианы, чтобы поднять восстание против македонян и руководить им.

Курций излагает этот сюжет близко к рассказу Аристубула, но с некоторыми новыми подробностями и делает на основании их выводы, которые не всегда согласуются с дальнейшими действиями Спитамена. По Курцию, как только Спитамен узнал о переходе Александра через Окс, он организовал против Бесса заговор, привлек к этому заговору Датаферна и Катена, людей, пользо-

---

⁶¹ У Диодора Бесс был предан его приятелем Гобареном (Diod. XVII, 83, 7—9).

⁶² Arr. III, 29, 6.

⁶³ Там же, 30, 2.

вавшихся особым доверием Бесса, и хитростью захватил его. Удалив своих соучастников, Спитамен приходит к Бессу, объявляет ему, что он арестовал Датаферна и Катена, имевших намерение схватить и выдать Бесса Александру живым. Бесс благодарит Спитамена за оказанную услугу, но в то время, когда он, возмущенный поступком своих бывших единомышленников, хотел расправиться с ними сам, Спитамен и его соратники, оставив притворство, окружили его и, несмотря на оказанное им сопротивление, сорвали с него царскую одежду, связали, посадили на коня и повезли в лагерь македонского царя⁶⁴. Спитамен держал Бесса за цепь, привязанную к шее, и, передавая пленника Александру, сказал: «Отомстив сразу за тебя и за Дария, моих царей, я привел убийцу своего господина...»⁶⁵. Александр похвалил Спитамена и роздал ему и его соратникам, пленившим Бесса, награды⁶⁶.

Таким образом, в истории выдачи и ареста Бесса Курций видит два обстоятельства: с одной стороны, месть за Дария, которая выставлялась в качестве особого предлога для заговора. Здесь, указывает Курций, вероломство Спитамена было менее преступно, так как против Бесса, убийцы своего царя, все средства всем казались хорошими. С другой стороны, Курций видит в поступке Спитамена и его единомышленников стремление приобрести милость Александра. Исходя из этого, он описывает Спитамена, бывшего в особом почете у Бесса, как завистливого изменника, ненавидевшего Бесса не за преступление, а за его удачу⁶⁷. Однако вся дальнейшая деятельность, направленная против Александра, вызывает сомнения в правдивости слов Квинта Курция.

В действительности все действия Спитамена исходили из возникшего у него плана организации сопротивления иноземным захватчикам, который шел в разрез с намерениями Бесса. Дело не в том, что неожиданно быстрое продвижение Александра не оставило Бессу времени, чтобы собрать силы, и это было причиной его поспешного бегства, как это думает Берве, а в том, что Бесс принципиально не мог выолнить своей миссии.

⁶⁴ Curt. VII, 5, 22—26.

⁶⁵ Там же, 37.

⁶⁶ Там же, 38, 43.

⁶⁷ Там же, 20.

В самом деле, персидский сатрап Бесс, видимо, столько же годился к роли организатора антимакедонского восстания, как несколько ранее убитый им царь. Не сумевший защитить Бактрию, использовать для борьбы природные условия Средней Азии, переход через водный рубеж, не имевший корней и авторитета в массах населения, он был не только не нужен, но и вреден в момент готовящегося антимакедонского восстания. Этим, собственно говоря, и объясняется, что вождь его, поднимая на борьбу с захватчиками среднеазиатское население, решил отдать в руки врагов того, кто способен был только мешать этому движению.

По Арриану, сначала в одном лагере с Бессом находился Спитамен, поскольку и тот и другой стремились воспрепятствовать Александру в дальнейшем его продвижении. Когда Спитамен примкнул к Бессу — остается спорным. Но так как он не был назван во время убийства Дария, можно сделать предположение, что Спитамен примкнул к нему только в Бактрии. При отходе Бесса через Окс он командовал согдийской конницей⁶⁸. У Арриана Спитамен впервые упоминается в связи с эпизодом, когда Александр переправился через реку Окс, а Бесс, узнав об этом, ушел в согдийскую землю, в Навтаки. За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса⁶⁹. Несколько позднее пути Спитамена и Бесса решительно расходятся. Когда Бесс убил ненавистного среднеазиатским народам Дария, олицетворявшего всю эксплуататорскую сущность персидской монархии, то эти народы приветствовали его убийство, а в убийце видели борца за независимость. Именно это обстоятельство объясняет причину поддержки Бесса Спитаменом. Но когда Бесс, перс по своему происхождению, из рода Ахеменидов, принял имя царя Артаксеркса, тем самым выставив себя в глазах тех же народов восстановителем Персидского царства, от него должны были отойти племена и народности Средней Азии. От него отошел и Спитамен. Ставя на первый план интересы личного честолюбия и власти, Бесс в борьбе с Александром не проявил ни решительности, ни инициативы. В планы его не входила борьба за независимость

---

⁶⁸ Агр. III, 28, 10.

⁶⁹ Там же, 9, 10.

Бактрии и Согдианы. Наоборот, поспешное отступление Бесса затягивало завоевателя вглубь Средней Азии и делало борьбу с ним более затяжной и тяжелой. Спитамен только потому и выдал Бесса Александру, что он поправил интересы среднеазиатских народов, восстановив в их глазах ненавистную им Персидскую монархию. Помимо этого, Бесс служил большим тормозом в деле организации и сплочения сил восставших против македонских захватчиков. Однако уступать свое руководящее положение он не хотел, и Спитамен со своими соратниками вынужден был найти способ его устранить⁷⁰. Вот почему нельзя признать правильным утверждение С. И. Ковалева о том, что Спитамен явился продолжателем дела Бесса⁷¹.

Освободившись от Бесса, Спитамен развязал себе руки для развертывания большой партизанской борьбы против македонских завоевателей.

Жестоко наказав Бесса, Александр не предвидел главного противника — Спитамена, не мог еще понять тех внутренних сил, которые делали сопротивление последнего мужественным и упорным. Спитамен ловко усыпил бдительность противника, далеко не сразу понявшего, с кем он имеет дело. В этой связи интересно указание Курция о том, что когда началось восстание в Мараканде, Александр велел призвать Спитамена и Катена, выдавших ему Бесса, не сомневаясь, что они смогут привести к покорности восставших. Александр не знал, что они сами зачинщики восстания⁷². Будучи сами возбудителями того, что им предлагали остановить, Спитамен и его друзья, пишет Курций, распространили слух, что царь потребует всех бактрийских всадников, чтобы их убить. Для этого зачинщики антимакедонского движения использовали приказание Александра собрать в город Зариаспу эпархов, т. е. правителей отдельных областей или городов Бактрии. С какой целью он хотел собрать это совещание, остается неясным. Но этот повод оказался достаточным, чтобы слух о том, что царь призывает к себе

---

⁷⁰ История таджикского народа, т. I, стр. 247.

⁷¹ С. И. Ковалев. Александр Македонский, стр. 80; ср. Г. И. Савицкий Древняя Согдиана, стр. 31.

⁷² Curt. VII, 6, 15.

правителей для того, чтобы их уничтожить, широко распространился и побудил людей взяться за оружие ⁷³.

Так началась длительная и тяжелая антимакедонская борьба среднеазиатского населения против греко-македонских войск. Она продолжалась с весны 329 г. до н. э. до лета 327 г. до н. э. Эта борьба прошла три этапа, каждый из которых отличался по своему характеру и специфике. Высказывание об этом Диодора впервые на конкретном материале было использовано в историческом исследовании К. В. Тревера, а затем более подробно Б. А. Литвинским в обобщающем труде по истории таджикского народа ⁷⁴.

К началу борьбы с греко-македонскими войсками среднеазиатское население не было единым в социальном отношении. По-разному понимали значение и способы борьбы оседлые жители и кочевники, народ, знать. Если последняя стремилась защитить свои богатства от алчных вождельней жадных захватчиков, то крестьяне, рядовые общинники, бедный люд не хотели идти на войну защищать земли богатых, но вместе с тем не желали победы Александра и его гнета. Не было единства и среди знати. Одна часть ее храбро сражалась с врагом, другая готова была перейти на сторону врага. Непостоянство знати, ее колебания и нерешительность в борьбе с врагом, а часто и прямое ее предательство усложняли борьбу и ставили перед Спитаменом дополнительные трудности. Будучи сам выходящим из знати, Спитамен сумел преодолеть эгоистические устремления своей среды, вошедшие в явное противоречие с движением масс. Это движение захлестнуло его и далеко отодвинуло эти эгоистические интересы знати. Будучи свидетелем ее предательства, Спитамен обратился за помощью к народу.

В этих социальных противоречиях, усугублявшихся на каждом этапе борьбы,— вся сложность и драматизм судьбы Спитамена.

В первый период антимакедонской борьбы восстали все слои среднеазиатского населения: восстали широкие массы оседлых земледельцев, которым Александр нес

⁷³ Curt. VII, 6, 15.

⁷⁴ К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. — «Вопросы истории», 1947, № 5, стр. 115; История таджикского народа, т. 1, 1963, стр. 236—274. (См. Диодор. Огл. к кн. XIII, ч. 2, § 23—25).

разорение и смерть, если они не соглашались еще до его прихода признавать в нем преемника Ахеменидов и своего государя. Восстала и местная знать в лице Спитамена и его друзей. Образовался, таким образом, широкий круг восставших, хотя и имевших различные цели в борьбе, но перед лицом грозного и опасного противника сумевших объединиться и на время преодолеть свои социальные противоречия.

Борьба с македонскими завоевателями происходила на землях Бактрии и в особенности Согдианы. В этой борьбе Спитамен проявил талант крупного военачальника, вдумчивого стратега и великолепного организатора. Это проявилось особенно в партизанской тактике, в своеобразных приемах комбинированных атак, в двухкратной осаде города Мараканды. Большие и малые операции Спитамена отличались счастливым сочетанием воинского расчета со смелостью и неиссякаемой находчивостью. В лице Спитамена Александр имел достойного соперника, как в лице среднеазиатских воинов прославленные греко-македонские солдаты нашли своих достойных противников.

Первый этап антимакедонской борьбы начинается примерно с падения Мараканды весной 329 г. до н. э. О занятии Александром столицы Согды Арриан не высказывает никаких подробностей. У него имеется только упоминание о том, что пополнив конницу местными лошадьми, царь пошел в Мараканду, а оттуда двинулся к реке Танаису⁷⁵. Только от Курция мы узнаем, что Александр, оставив в городе гарнизон, опустошал и сжигал ближние села⁷⁶. В это время местное население от случайных антимакедонских выступлений переходит к более активной борьбе против Александра. Это выражается прежде всего в нападении на македонян-фуражиров недалеко от реки Танаис. «Здесь некоторые македоняне, ушедшие за фуражом и рассеявшиеся, были убиты». Александр жестоко мстил за убитых и за неповиновение. Арриан вынужден признать, что часть местных жителей македоняне перебили тут же на месте, многие погибли, бросаясь со скал вниз, так что из 30 тыс. уцелело не более 8 тыс. чело-

---

⁷⁵ Arr. III, 30, 67.

⁷⁶ Curt. VII, 6, 10.

век⁷⁷. Это массовое истребление людей вызвало еще больший подъем народного гнева. Теперь уже восстание стало принимать не локальный, а всеобщий характер.

Диодор, например, повествует о крупном выступлении ариев. «Стратеги, посланные в Арию, застали там большие силы мятежников под предводительством Сатибарзана, опытного военачальника и мужественного человека»⁷⁸.

Указания Диодора об этом восстании, поднятом Сатибарзаном в тылу Александра, к сожалению, очень кратки. Он лишь упоминает, что между восставшими и македонянами завязывались перестрелки и небольшие схватки, которые завершались настоящим сражением. Силы оказались равными, и победа никому не давалась. Поединок двух военачальников Сатибарзана и Эригия должен был решить исход сражения. В этом героическом единоборстве погиб Сатибарзан, после чего его воины сдались Александру⁷⁹.

Некоторые иные подробности сообщает Курций. Александр, узнав, что ему изменил Сатибарзан, которого он сделал сатрапом ариев, решил расправиться с ним. Пройдя форсированным маршем ночь, он нападает на врага, который с 2 тыс. всадников бежит в Бактрию; остальные соратники Сатибарзана занимают соседние горы. Оставив Кратера для их осады, Александр поспешил в погоню за Сатибарзаном⁸⁰. Но попытка догнать его оказалась безуспешной. Вскоре Сатибарзан с конницей возвратился из Бактрии и опять прорвался в Арию. Против него действовали македонские полководцы Каран и Эригий. Сражение, которое произошло между македонянами и ариями, и единоборство между Сатибарзаном и Эригием описано так же, как у Диодора, но с некоторыми подробностями⁸¹. После гибели Сатибарзана сопротивление Александру как будто прекратилось, но спокойствия в стране не наступило. Антимакедонские выступления стали вспыхивать в других местах, они подавлялись Александром с исключительной жестокостью. За покорением Арии последовало покорение соседней с

⁷⁷ Агг. III, 30, 10—11.

⁷⁸ Diod. XVII, 83.

⁷⁹ Там же, 83, 5.

⁸⁰ Curt. VI, 6, 20—25.

⁸¹ Curt. VII, 4, 33—38.

ней Дрангианы, сатрап которой Барсаент, один из участников убийства Дария, бежал при приближении македонян, но вскоре попал в руки Александра и по его приказу был казнен⁸². По пути к Сырдарье Александр истребил примерно 20 тыс. горцев. Уструшаны, убивших несколько македонских фуражиров⁸³. Курций сообщает; что поводом к восстанию послужило распространение слуха Спитаменом о предстоящей расправе Александра с согдийцами и бактрийскими всадниками, находившимися в составе греко-македонских войск⁸⁴. Арриан же сообщает, что Александр хотел собрать всех военачальников (эпархов) уструшанских городов, чтобы их умертвить⁸⁵.

Восстание стало быстро охватывать области Бактрии и Согдианы. Начали же его жители семи уструшанских городов, уничтожившие македонские гарнизоны и укрепившиеся на берегах Сырдарьи⁸⁶. Против них немедленно выступил Александр со всеми имевшимися в его распоряжении войсками, и в течение двух дней при помощи штурмовых лестниц и согласованного действия стрелков, метателей стрел из машин и пращников уничтожил пять их крепостей. Остальными двумя городами — Газой и Кирополем — македоняне смогли овладеть лишь после продолжительной и трудной осады⁸⁷. Стремление Александра взять эти города с ходу не увенчалось успехом. Правда, защитников города Газы удалось покорить сравнительно быстро. Но когда он подошел к Кирополю, сильно укрепленному толстыми и высокими стенами городского типа, перед ним было налицо препятствие труднопреодолимое. Сильное племя мемакенов решило испытать осаду, считая ее не только более почетной, но и более надежной⁸⁸. Курций говорит, что никакой другой

---

⁸² Arr. III, 25, 8.

⁸³ Там же, IV, 3; Curt. VII, 23.

⁸⁴ Curt. VIII, 6, 15.

⁸⁵ Arr. VI, 1, 5.

⁸⁶ Там же, IV, 1, 4—5.

⁸⁷ Там же, 2, 3; 3, 1—4; Curt. VII, 26.

⁸⁸ Curt. VII, 6, 17. В. В. Григорьев (см. указ. соч., стр. 55) впервые обратил внимание на то, что подробное описание осады Кирополя Аррианом и города мемакенов у Курция совпадают. Так, совпадает одна деталь: ранение Александра. Обращает также на себя внимание то, что, по Арриану, серьезные осадные работы Александр вел лишь при взятии Кирополя, тогда как Курций относит их к городу мемакенов; наконец, по Курцию этот город

город не выдержал бы осады с большим упорством. Под его стенами пали храбрейшие войны; сам царь оказался на краю гибели⁸⁹. Взятие этого города у Курция и Арриана описывается по-разному. Первый говорит, что город был взят путем разрушения стен подкопами⁹⁰. Второй же указывает на применение известной хитрости Александра, при помощи которой он захватил Кирополь: с несколькими воинами ему удалось проникнуть в него по высохшему руслу дождевого потока, который уходил под стены города, и он сам открыл ворота, отбив их у неприятеля⁹¹. Оба сообщения могут служить основанием для характеристики мужественного сопротивления защитников этих городов⁹². Арриан указывает, что сам Александр не верил в быстрый успех осады и решил проникнуть в город, рискуя своей жизнью. Защитники города даже после того, как участь его была предпрешена, не прекратили борьбы против Александра и его воинов⁹³. Завязалась жестокая битва, во время которой Александр был тяжело ранен в голову и шею камнем, Кратер и многие военачальники ранены стрелами. При захвате города погибло 8 тыс. человек его защитников⁹⁴. Александр жестоко расправился с восставшими. По его приказу перебили всех мужчин; «женщин, детей и прочую добычу

был по приказанию Александра разрушен, а от Страбона (Strabo XI, 11, 4) известно, что Александр приказал разрушить город Киру из-за частых восстаний его жителей. Исходя из этого, советские ученые пришли к выводу, что в изложении Курция к городу мемакенов отнесены события, фактически имевшие место при осаде Кирополя. (См. История таджикского народа, т. I, стр. 254—255; ср. Б. А. Литвинский. Древний среднеазиатский город, стр. 108).

⁸⁹ Curt. VII, 22.

⁹⁰ Там же, 6, 23.

⁹¹ Агг. IV, 3, 2.

⁹² В своей докторской диссертации Н. Н. Негматов широко освещает славные традиции энергичной антимакедонской борьбы уструшанцев и саков, уточняет маршрут военных действий, конкретизирует периодизацию событий, более четко выявляет очаги антимакедонской борьбы в сырдарьинском бассейне. (См. Н. Н. Негматов. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Автореф. докт. дис. М., 1968, стр. 10).

⁹³ Агг. IV, 3, 3.

⁹⁴ Там же, 3—4.

⁹⁵ Там же, 2, 4.

забрали себе солдаты»⁹⁵. Однако жестокость завоевателей не возымела желаемых результатов. Поднялись на борьбу с македонянами и широкие слои оседлого земледельческого населения, а также Спитамен и его слодвижники. Сложившаяся обстановка становилась для Александра все более тяжелой. В это самое время азиатские скифы, прослышав об антимакедонском восстании, собрались на берегу Сырдарьи, готовые выступить против войск Александра⁹⁶. Одновременно гонцы приносят весть о том, что Спитамен открыто восстал в тылу македонян и осадил их гарнизон в Мараканде⁹⁷. В результате армия Александра оказалась перед лицом двойной опасности: с фронта ей угрожали скифы, а с тыла восставшие народы Бактрии и Согдианы. Как утверждает Керст, авторитет Александра в этих местах был поставлен на карту⁹⁸.

Были ли все эти антимакедонские выступления изолированными и стихийными, или они представляли отдельные звенья какой-то общей цепи?

Б. А. Литвинский высказывает интересное предположение, что мы имеем здесь дело с восстанием, охватившим все области Средней Азии, завоеванные до того греко-македонскими войсками. Ядром восстания были Согд и Бактрия. Это движение, принявшее с самого начала характер всенародной войны против македонских захватчиков, направлялось из единого центра, во главе которого стояли, очевидно, Спитамен и его соратники⁹⁹.

Этого общенародного характера борьбы Александр на первых порах не понял, будучи уверен, что имеет дело с разрозненными локальными выступлениями, разгромить которые не представит особого труда.

Александр отправил против Спитамена Андромаха, Менедема и Карана, дав им около 60 всадников «друзей» и 800 наемников, которыми командовал Каран; наемников же пехотинцев было дано около полутора тысяч. Таким образом, весь отряд был сравнительно небольшим. Он насчитывал всего 2360 человек. К ним в качестве

---

⁹⁵ Агг. IV, 3, 3, 6. Греки применяли тогда ко всем кочевникам Средней Азии общий термин «скифы». См. С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. — ВДИ, 1963, № 2.

⁹⁷ Агг. IV, 3, 6.

⁹⁸ J. Kaerst. Op. cit., S. 345.

⁹⁹ История таджикского народа, т. 1. М., 1963, стр. 259.

переводчика был прикомандирован лижиец Фарнух, хорошо знавший язык местного населения¹⁰⁰.

Сам Александр остался воевать со скифами. История борьбы с ними довольно подробно излагается в источниках. По сообщению Курция, скифский царь, владевший землями за Сырдарьей, которые были захвачены Александром, посылает против него своего брата Картаза с большим отрядом конницы с целью разрушить основанный македонянами город на берегу реки и оттеснить от нее македонские войска¹⁰¹.

Перед тем как Александр решил переправить через реку на плотах конницу и фалангу, а на мехах — легковооруженных, в македонский лагерь прибыло скифское посольство, которое было тотчас же принято Александром¹⁰². Руководитель посольства обвинил Александра в ненасытной жадности и грабеже и подтвердил решимость скифов бороться против чужеземного ига. Отпустив послов, Александр посадил войско на подготовленные заранее плоты и переправился через реку. Переправа была сопряжена с большими трудностями: скифы выставили всадников у самой воды, чтобы помешать плотам пристать к берегу. Они забросали македонян тучей стрел¹⁰³. С трудом преодолев эти препятствия, македоняне прорвали строй скифов, спорокинули их и обратили в бегство¹⁰⁴. Поражение скифов поколебало веру населения в их непобедимость и привело к усмирению значительной части отпавшей Азии¹⁰⁵. В связи с этим саки направили к Александру послов с обещанием, что они будут соблюдать покорность. Он принял их благосклонно и всех пленников отпустил без выкупа¹⁰⁶. Проявлением такого великодушия Александр стремился установить мирные отношения со скифами, которые были ему необходимы в связи с решением задачи подавления восстания среднеазиатских народов. Арриан ничего не говорит о скифском посольстве, но подчеркивает активность скифов и их решительность в битве. Он вынужден признать наличие у них

---

¹⁰⁰ Arr. IV, 3, 7.

¹⁰¹ Curt. VII, 7, 1.

¹⁰² Там же, 8, 5—9 и сл.

¹⁰³ Там же, 9, 5—7.

¹⁰⁴ Там же, 12.

¹⁰⁵ Curt. VII, 9, 17.

¹⁰⁶ Там же, 18.

особой военной тактики, заставившей самого Александра искать новые тактические приемы в борьбе с ними. Скифы встретили противников, окружили их на своих лошадях, поразили и скрылись беспрепятственно¹⁰⁷. Александр вынужден был перестроить конницу, чтобы ее не могли окружить скифы, а легковооруженных воинов перемешать со всадниками, чтобы не давать скифам «возможности увернуться и напасть снова». Этими мерами они были побеждены; потеряли около тысячи убитыми и около полтораста человек взятыми в плен. Арриан говорит о поголовном бегстве скифов, о том, что Александр перебил бы их всех во время бегства, но не смог этого выполнить только потому, что, напившись плохой воды, тяжело заболел¹⁰⁸. Арриан не допускает мысли о возможности притворного отступления, которое часто использовали в борьбе с захватчиками не только скифы, но и сам Спитамен, начавший в это время осаду Мараканды. Македонский гарнизон оказался запертым в цитадели, которую Спитамен начал штурмовать. Согласно Арриану, осажденным удалось предпринять вылазку, отогнать воинов Спитамена и без всякого ущерба снова возвратиться в цитадель¹⁰⁹. Курций об этой вылазке ничего не говорит. Из его контекста явствует, что восставшие овладели уже городом, за исключением его кремля. Лишь после того, как Спитамену донесли, что к городу приближается отряд македонян, посланный Александром на подмогу осажденному гарнизону, он принимает решение об уходе из города. По Арриану, он ушел на север Согдианы без боя¹¹⁰. Курций указывает, что Спитамен, оставив город, имел намерение организовать засаду и перехватить неприятеля по дороге, по которой он должен был пройти¹¹¹. Это намерение с помощью дагов было им блестяще осуществлено. Даги сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою. Курций отмечает, что быстрота бега пеших была

---

¹⁰⁷ Агг. IV, 4, 6.

¹⁰⁸ Там же, 7, 9.

¹⁰⁹ Там же, 5, 2.

¹¹⁰ Там же, 5, 3. См. Е. А. Мончалдая. О «царском городе» или «второй столице Согдианы». — ВДИ, 1959, № 2.

¹¹¹ Curt. VII, 7, 31.

равна быстроте коней ¹¹². Приказав дагам окружить лес, Спитамен вывел их против врага одновременно с флангов, фронта и тыла ¹¹³. Противник был заперт со всех сторон, долго сопротивлялся и потерял много воинов. Сам Менедем погиб. Оставшиеся в живых укрылись на одном из холмов, но Спитамен осадил его, стремясь голодом принудить македонян к сдаче. По сведениям Курция, в этом сражении были уничтожены 2 тыс. пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся ¹¹⁴. Официальная версия, переданная Птолемеем, видимо, опустила этот разгром отряда Менедема, хотя упоминает другие поражения македонян, руководимых Фарнухом. В этом и других сражениях Спитамен организацией засад и быстрых отходов начинает осуществлять свой глубоко продуманный тактический маневр. Присоединив к своим отрядам кочевников-саков, набрав еще около 600 скифских всадников на своих быстрых лошадях, Спитамен продолжает энергично выматывать силы македонян, завлекая их в степь и обстреливая с флангов ¹¹⁵. Конница Андромаха, не имевшая достаточно фуража, была изнурена и не смогла выдержать смелые налеты скифов, вынуждена была отступить к реке Политимету-Зеравшану, чтобы укрыться в лесу, где действия конницы должны были быть затруднены.

Другие македонские отряды потерпели такую же участь. Один из их военачальников Каран, не согласовав своих действий с пехотой, переправился через Зеравшан. Пехота также последовала за Караном, полагая, что на противоположном берегу сумеет лучше расположиться на местности. И пехота и конница македонян попали в засаду, устроенную Спитаменом. Восставшие загнали своих врагов на островок в реке и большинство из них перебили ¹¹⁶. Аристокбул рассказывает, что значительная часть македонского отряда погибла, попав в засаду, устроенную скифами-саками, которые спрятались в зарослях и напали из своего укрытия на врагов как раз в

¹¹² Curt. VII, 7, 32—33.

¹¹³ Там же, 33.

¹¹⁴ Там же, 39.

¹¹⁵ Агг. IV, 5, 4.

¹¹⁶ Там же, 7.

разгар схватки. Они перебили всех. Спаслось не больше 40 всадников и 300 пехотинцев¹¹⁷. Обе версии, переданные Аррианом, взаимно дополняют друг друга. Они свидетельствуют о многом: во-первых, о растерянности и разладе в среде македонского командования, возникших под влиянием тяжести борьбы. В этих условиях Фарнух настаивал, чтобы его освободили от обязанностей командира, мотивируя тем, что он в военном деле человек несведущий и потому не может командовать воинскими подразделениями¹¹⁸. Во-вторых, о смелой тактике согдийско-сакских войск, руководимых Спитаменом, об его исключительной маневренности и военном мастерстве. Талантливый военачальник, он применял удачные и смелые методы борьбы с врагом, в частности, своеобразные приемы комбинированной атаки. Именно эти качества привели к уничтожению крупного македонского подразделения, к поднятию морального духа среднеазиатского населения в борьбе с завоевателями. В-третьих, победа Спитамена ослабила позиции греко-македонских войск в Средней Азии, заставила Александра провести военные преобразования, чтобы приспособить свою армию к новым условиям борьбы.

Между тем Спитамен, не задерживаясь, по-прежнему поддерживаемый местным населением, совместно с дагами, вторично осаждают македонский гарнизон в Мараканде. Эти остоистельства и принудили Александра поспешно совершить 3-дневный переход и появиться под Маракандой¹¹⁹. Спитамен снова снимает осаду и уходит от Мараканды, по Курцию, в Бактрию¹²⁰. Арриан же сообщает, что он ушел со своей конницей в пустыню¹²¹. Преимущество Спитамена было в его подвижности и маневренности. Он всякий раз уходил из-под ударов македонян, нанося им значительные потери. Ему также помогала слаженно действующая разведка и всеобщая поддержка местного населения восставших городов.

Вся Согдиана была охвачена восстанием. Александр, не рискуя преследовать Спитамена вглубь пустыни, со всей мощью обрушивается на восставших. Он уничтожил

¹¹⁷ *Агг.* IV, 6, 1.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же, 6, 3—4.

¹²⁰ *Curt.* VII, 9—20.

¹²¹ *Агг.* IV, 6, 5.

их сады и поля, зверски истребил жителей Согдианы, предавая смерти всех взрослых¹²². Были сожжены все деревни, охваченные восстанием. Диодор приводит общее количество убитых в 120 тыс. человек. После жестокого подавления восстания Александр, оставив в Согдиане 3 тыс. пехотинцев под командованием одного из своих военачальников Певколая, отправился зимовать в Бактры¹²³. Этим событием закончился первый период борьбы среднеазиатских племен и народов против македонских завоевателей. Этот период характеризуется массовым антимакедонским выступлением согдийцев, бактрийцев, уструшанцев и скифов. Наиболее яркое проявление антимакедонской борьбы наблюдалось в области Согдианы, где под предводительством Спитамена восставшие не раз одерживали крупные победы над македонянами.

Значение этого первого этапа чрезвычайно велико, так как после ряда поражений македонян в сражениях со Спитаменом местное население еще активнее включалось в борьбу против Александра, войско которого перестало считаться непобедимым. Однако македоняне нанесли значительное поражение Спитамену и произвели карательные действия против участников восстания.

В буржуазной науке имеется тенденция умалить значение массового движения против Александра в Средней Азии. Пренебрежительное отношение к восставшим, явное непонимание корней и причин, побудивших их к активному действию, характерно для большинства буржуазных античников в прошлом и настоящем. Уилер, например, считает, что после жестокой расправы Александра с теми, кто поднял восстание, «весь край успокоился»¹²⁴. На самом деле он не только не успокоился, но еще неоднократно наносил удары захватчикам, вынужденным прибегать к новой тактике борьбы.

---

¹²² Curt. VII, 9, 22.

¹²³ Curt. VII, 10, 10. По Арриану, Александр провел зиму в Зариаспе (Arr. IV, 7, 1); в источниках Бактры и Зариаспа фигурируют и как один и тот же город, и как два разных города: в исторической науке предпочтительно мнение о тождестве Бактр и Зариаспы. (См.: F. Reus. *Bactra und Zariaspa*. — «*Rheinisches Museum für Philologie*». Bonn—Frankfurt am Main, Bd. LXII, 1907, S. 55, 591—525; J. Kaerst. *Op. cit.*, S. 438—439.

¹²⁴ В. Уилер. Александр Великий, стр. 132.

Второй этап антимакедонского движения имеет некоторые своеобразные черты и отличия от первого этапа. Прежде всего он характеризуется тем, что Александр лихорадочно изыскивает пути для укрепления своих позиций в Средней Азии. С этой целью прежде всего он усиленно занимался пополнением рядов своей армии свежими силами. Зимой 329/328 гг. до н. э. к нему подошли большие подкрепления греческих наемников из западных областей. Курций указывает, что в этом году он получил пополнение в 16 500 пехотинцев и 2500 всадников, всего 19 000 человек¹²⁵. С другой стороны, Александр стремился дипломатическими средствами ограничить круг действий восставших, оставить в изоляции мятежную Согдиану, чтобы обрушиться на нее всей мощью своих войск. Вот почему Александр большое внимание уделял дипломатическим переговорам с саками и царем хорезмийцев Фарасманом.

Арриан сообщает, что в это время к Александру прибыло посольство от «европейских скифов», т. е. от саков. Вместе с посольством вернулись также послы, отправленные к ним ранее Александром. Сакское посольство сообщило, что их царь умер и ему унаследовал его брат, который изменил политику по отношению к Александру. В знак своей верности ему он прислал самые драгоценные дары, предложил заключить дружественный союз и обещал сам прибыть к Александру, а для закрепления союза отдать свою дочь в супруги Александру, а дочерей сакских аристократов сочетать браком с верными друзьями Александра¹²⁶. Последний в общем принял предложение скифского посольства, отказавшись лишь от брачных союзов. Сам Арриан признает, что это предложение ему в то время было выгодно¹²⁷.

В это время происходят важные дипломатические переговоры с Фарасманом, царем хорезмийцев, который явился к Александру с конницей в 1500 всадников, предложил свою помощь, чтобы вместе пойти на покорение племен, живущих у Эвксинского моря¹²⁸. Фарасмана Александр поблагодарил, заключил с ним дружествен-

---

¹²⁵ Curt. VII, 10, 11—12.

¹²⁶ Arr. IV, 15, 1—3; Curt. VIII, 1, 9—10.

¹²⁷ Arr. IV, 15, 4.

¹²⁸ Там же.

ный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно. Будучи занят мыслями об Индии, он просил Фарасмана отложить свою помощь, пока он, Александр, не овладеет Азией и не вернется в Элладу, а оттуда всеми военными силами через Геллеспонт и Пропонтиду не ворвется на Понт¹²⁹. С этим заверением он послал царя хорезмийцев обратно на родину.

Рассказ Курция об этом событии очень сокращен. Причем в нем отрицается приход в ставку греко-македонских войск лично самого царя хорезмийцев. Имеется только указание о том, что Фратаферн, стоявший во главе Хорезма, объединившись с соседними по области массагетами и даками, послал людей уверять царя в своей покорности¹³⁰.

Таким образом, ни один из источников не отрицает самого факта этих важных дипломатических акций Александра, но, к сожалению, не объясняет, чем они вызваны со стороны саков и хорезмийцев. Резкий поворот первых от активной антимакедонской борьбы к примирению и сотрудничеству с врагом, видимо, определялся позицией той части знати сакского общества, которая совместно со своим новым царем считала, что союз с Александром лучше обеспечит сохранность их экономических и общественных позиций, чем борьба с ним. Предательство интересов всего общества со стороны этой части знати здесь налицо. Что касается переговоров и союза с хорезмийцами, то они были важны для обеих сторон. Фарасман, стоя во главе сильного Хорезма, был заинтересован в том, чтобы избежать военного столкновения с мощной армией завоевателя, и, таким образом, купить или обеспечить себе полную независимость. Со своей стороны, Александр, убедившись на примере Согды, сколько сил отнимает хотя бы относительное усмирение среднеазиатских областей, решил лучше заключить союз с могущественным Хорезмом, чем бросить его в лагерь антимакедонского движения¹³¹.

Как бы то ни было, эти дипломатические переговоры сыграли большую службу Александру, ибо как саки, так и хорезмийцы не только обещали с ним не воевать, но и

---

¹²⁹ Arr. IV, 15, 5—6.

¹³⁰ Curt. VIII, 1, 8.

¹³¹ История таджикского народа, т. 1. М., 1963, стр. 263.

обязались не оказывать помощи населению Бактрии и Согдианы в случае повторных там волнений. Антимакедонские волнения в этих областях вскоре снова повторились и, несмотря на массовые убийства и все ухищрения Александра, приняли широкие размеры.

Весной 328 г. до н. э. Согдиана снова восстала. «...Множество согдиан собралось по укреплениям и отказалось повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр»¹³². Однако сильно поредевшее население Согдианы в результате расправы в 329 г. до н. э. перешло к формам пассивного сопротивления, сочетающегося с открытой борьбой восставших. Они укрывались в неприступных местах и оттуда поражали противника. Началось восстание и в Бактрии. Там были оставлены 4 подразделения фаланги во главе с полководцами Полисперхонтом, Атталом, Горгием и Мелеагром. Им было вменено в обязанность следить за страной и подавлять возникшее восстание¹³³. Сам же Александр с остальным войском снова направился в Согдиану против согдийцев, укрывшихся в замках и отказавшихся повиноваться назначенному им правителю. Он разделил своих воинов на 5 отрядов (по Курцию, на 3), которые должны были начать военные действия в различных районах Согдианы¹³⁴. Сам Александр во главе одного из отрядов направился против согдийцев, укрепившихся в Мараканде. Одних, как пишет Арриан, захватывали силой, других принуждали к добровольной сдаче¹³⁵. Окончив карательную экспедицию, войска македонян соединились в Мараканде, где Александр поручил Гефестиону заселить города Согдианы. Последняя, некогда плотно населенная, ввиду военных действий македонян сильно обезлюдела. Хотя подробности развернувшейся ожесточенной антимакедонской борьбы на землях Согдианы в источниках отсутствуют, тем не менее, по косвенным данным, мы можем прийти к выводу, что борьба развернулась на территории всей этой области. Об этом говорит, во-первых, тот факт, что крупные военные гарнизоны греко-македонских войск, расквартированные в этих местах, сами не смогли

---

¹³² Арг. IV, 15, 7.

¹³³ Арг. IV, 16, 1.

¹³⁴ Арг. IV, 16, 2; Curt. VIII, 1, 1.

¹³⁵ Арг. IV, 16, 3.

справиться с силами восставших. Серьезность положения потребовала прибытия сюда главных сил армии во главе с самим Александром. Во-вторых, разделение этих сил на 5 частей, действствовавших одновременно в разных районах Согды, свидетельствовало о том, что восстание имело место в разных местах, и что восставшие, подобно уструшанским городам, рассредоточили свои действия¹³⁶. Из источников не ясно, в каком пункте восстания находился Спитамен. Арриан указывает только, что он бежал к скифам-массагетам¹³⁷. Туда Александр направил против него двух своих военачальников. Однако Спитамен неожиданно появляется в Бактрии и нападает на македонскую крепость. Арриан указывает, что «Спитамен и несколько согдийцев, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одному укреплению в Бактрии»¹³⁸. Благодаря неожиданности и смелости нападения он захватывает крепость и уничтожает весь ее гарнизон, а затем направляется в Зариаспу, не нападая на сам город, но захватив большую добычу в результате активных действий в окрестностях этого города¹³⁹. Однако на Спитамена нападает македонский отряд в 80 человек (по Арриану) и возвращает себе отнятую добычу¹⁴⁰. В свою очередь Спитамен, устроив в удобном месте засаду, уничтожает почти всех македонян. «Возвращаясь в беспорядке обратно,— говорит Арриан,— они попали в засаду, устроенную Спитаменом и скифами, и потеряли 7 «друзей» и 60 наемных всадников»¹⁴¹. Это известие Арриана, всегда склонного уменьшить македонские потери, довольно сомнительно, так как нельзя понять, почему Спитамен, имея такое численное превосходство, не мог без труда разбить наседавших на него противников. Заслуживает внимания сообщение Курция, который увеличивает количество македонян до 300 и прибавляет еще столько же пытавшихся отбить скот и попавших в засаду¹⁴². Здесь характерны средства борьбы Спитамена. По сообщению

¹³⁶ История таджикского народа, т. 1. М., 1963, стр. 264.

¹³⁷ Arr. IV, 16, 3; ср. Curt. VIII, 3, 1.

¹³⁸ Arr. IV, 16, 4.

¹³⁹ Там же, 5.

¹⁴⁰ Там же, 6--7.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Curt. VIII, 1--3.

Курция, он «спрятал вооруженных воинов в находящихся рядом с полем лесах, а несколько человек погнали скот, чтобы этой приманкой завлечь в засаду ничего не подозревавшего Аттина. И вот Аттин, не соблюдая строя, с беспорядочной толпой воинов, устремился в жажде добычи на стадо. Как только он миновал лес, засевшие там люди напали на них и всех перебили»¹⁴³.

Узнав о случившемся, Кратер, возглавлявший греко-македонские силы в Бактрии, стремительно пошел на массагетов. Будучи верен своей тактике, Спитамен при приближении македонян отступил в пустыню¹⁴⁴. Преследуемый Кратером, он со своим отрядом, поддерживаемый также конницей массагетов в 1000 человек, принял бой и был разбит. Кратер же не решился вступить в пустыню массагетов.

Вскоре Спитамен, собрав силы, вышел из пустыни к укреплению солдийцев Габа на границе с владениями массагетов и, поддерживаемый 3 тыс. скифской конницы, вторично вступил в бой с македонянами, сделав еще одну попытку освободить Согдиану¹⁴⁵. Завязалась жестокая битва, в которой македоняне победили. На поле сражения осталось 800 всадников Спитамена¹⁴⁶. Участвовавшие в сражении согдийцы и бактрийцы оставили поле боя и сдались македонянам, а Спитамен с массагетами скрылся вглубь Кара-Кумов.

По сообщению Арриана, Спитамен, бежавший в пустыню после разгрома, был убит скифами, желавшими отвлечь от себя преследование Александра. Они отрубили ему голову и послали ее македонскому царю¹⁴⁷. Другая точка зрения, основанная на сочинении Курция Руфа, не обвиняет в убийстве Спитамена скифов, а считает убийцей жену героя. Измучившись от постоянных невзгод и скитаний, она всячески уговаривала мужа прекратить борьбу и сдаться на милость победителя. Это однако вызывало только гнев и возмущение Спитамена, который даже пытался ее убить. Но за нее заступились ее братья. Отчаявшись в возможности изменить свою полную опасностей и трудностей жизнь,

---

¹⁴³ Curt. VIII, 4.

¹⁴⁴ Arr. IV, 17, 1.

¹⁴⁵ Там же, 4.

¹⁴⁶ Там же, 6.

¹⁴⁷ Там же, 7; Strabo, XI, 11, 6.

использовав все методы уговора, она убила спящего мужа и голову его собственноручно принесла Александру, чем старалась купить у него расположение к себе, либо думала этим поступком положить конец кровопролитной борьбе. Тогда с его мощным противником¹⁴⁸.

Трудно сказать, какая из этих версий о гибели Спитамена правильная. И в той и в другой версии имеются слабые аргументы. Трудно понять, как скифы, с которыми Спитамен неоднократно принимал участие в решительной борьбе с Александром, пошли на убийство своего руководителя. Из источника не ясно, какие это скифы. По словам Арриана, скифы эти жили в крайней бедности, не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило¹⁴⁹. Вряд ли именно эти бедные скифы погубили Спитамена; вероятно, это были представители родовой аристократии, которые, после поражения «разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших вместе с ними»¹⁵⁰. В связи с этим заслуживает внимания указание Арриана о том, что согдийцы и многие бактрийцы покинули Спитамена во время бегства, пришли к македонскому полководцу Кену и сдались ему¹⁵¹. По всей вероятности, это также представители знати, которые бросили на произвол судьбы своего вождя, спасая предательством свои собственные жизни.

Известие Курция об убийстве Спитамена его женой немецкий историк Берве считает неправдоподобным. С его точки зрения, вернее будет полагать, что супруга Спитамена и его дети так же, как и Датаферн, были выданы Александру скифами, и тот обращался с ними с большим почетом¹⁵². Советский историк Л. В. Баженов называет это известие Курция «более романтическим и значительно менее правдоподобным рассказом». К. В. Тревер рассматривает поступок жены Спитамена в связи с настроением знати Средней Азии к концу 328 г. до н. э., когда определенная ее часть начала

---

¹⁴⁸ Curt. VIII, 3, 2—15.

¹⁴⁹ Arr. IV, 17, 5.

¹⁵⁰ Там же, 7.

¹⁵¹ Там же, 6.

¹⁵² H. Berve. Op. cit., Bd. II, S. 361.

переходить на сторону Александра¹⁵³. В такой интерпретации, принятой другими советскими исследователями, можно рассматривать рассказ Курция об убийстве Спитамена его женой, которая изменила знамени антимакедонского движения и вскоре перешла на сторону Александра.

По утверждению Курция, смерть предводителя Спитамена от руки своей жены вносила в ряды восставших замешательство и способствовала их скорейшему подчинению врагу. Так, даки, узнав, что их вождь убит, выдали Александру связанного Датаферна, сообщника Спитамена, и сдались сами¹⁵⁴.

Со смертью Спитамена заканчивается второй этап борьбы среднеазиатского населения против македонского нашествия. Этот этап борьбы охарактеризован у Диодора следующим образом: он (Александр) наказывает бактрийцев и вторично подчиняет согдийцев и строит в нужных местах города, чтобы держать восставших в повиновении¹⁵⁵. Размах антимакедонской борьбы в это время был особенно большим, ибо в нее включилось все население Согдианы и значительная часть населения Бактрии. Но состав восставших оказался таким же пестрым, как и на первом этапе. Здесь активное участие принимали свободные общинники, скотоводы и земледельцы. Однако руководство повсеместно было в руках родовой земледельческой знати. Свободные общинники, вынесшие на своих плечах всю тяжесть персидского господства, были готовы до последней возможности сопротивляться новым поработителям. Совсем другую позицию занимали предводители восставших, которые приняли участие в нем лишь потому, что Александр вел первоначально одинаковую политику как по отношению к простому населению, так и к ним; а в некоторых областях они возглавили восстание, не имея вообще определенной цели, ибо еще не знали, как поступят с ними завоеватели. «Лишь жестокая расправа с горцами Уструшаны, по вине которых было убито несколько македонских фуражистов, открыла глаза не только населению, но и Спитамену и его

---

¹⁵³ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 120.

¹⁵⁴ Curt. VIII, 3, 16.

¹⁵⁵ Диодор. Оглавление к кн. XVII, 2, 24.

сподвижникам на то, что готовил им молодой македонский царь»¹⁵⁶.

Однако скоро Александр понял, что такими методами борьбы он не сможет подчинить непокорные среднеазиатские народы, поэтому необходимо было сменить тактику, сблизиться с местной знатью, оторвать ее от борьбы и перетянуть на свою сторону. Введение при дворе Александра в этот период ахеменидских придворных обычаев, приближение к себе представителей восточной аристократии, включение их в армию — все эти мероприятия были следствием новой тактики македонского царя по отношению к местной знати. Политика сближения с местной знатью при ее осуществлении дала свои результаты. Знать раскололась, часть ее изменила знаменем восставших и перешла на сторону Александра. Эти изменнические действия обрекали восстание на неудачу и погубили талантливого предводителя восстания Спитамена.

Таким образом, второй этап характерен тем, что открытые формы борьбы тесно переплелись с пассивными. Вследствие разобщенности выступлений восставшие не могли дать должного отпора македонянам и укрывались в неприступных местах. Однако Спитамен, лишившись опоры оседлого населения, ведет борьбу с помощью кочевников, вербуемых им в пустыне. Применяя хитроумные способы ведения партизанской войны, он продолжал действовать и наносить врагу ряд тяжелых поражений. Александр, меняя отношение к местной знати, которая повсеместно руководила восстаниями, склонил ее на свою сторону, после чего ему удалось разгромить основное ядро восставших. В результате погиб и сам Спитамен, который стал жертвой этой измены знати.

Третий этап освободительной борьбы среднеазиатского населения против македонян, развернувшийся весной 327 г. до н. э., в отличие от предыдущих, носит совершенно иной характер. Широкие слои оседлого земледельческого населения почти не выступают, а кочевые племена скифов совсем не участвуют в восстании. Но все же, как верно отмечала К. В. Тревер, и это подтверж-

---

¹⁵⁶ К. В. Тревер. Александр Македонский в Согде. — «Вопросы истории», 1947, № 5—6, стр. 115.

дается также источниками, противодействие Александру не было сломлено, оно даже несколько обострилось; известная часть местной знати резко воспротивилась мероприятиям Александра, которые ее, по всей вероятности, не удовлетворяли¹⁵⁷.

Враждебность к македонянам усиливалась тем, что оппозиционно настроенная знать не могла мириться с предательством отдельных своих представителей, перешедших на сторону Александра. Против особо влиятельных и сильных землевладельцев, продолжавших враждебно относиться к македонянам, и выступил Александр на третьем этапе покорения среднеазиатских народов. Антимакедонские силы в основном концентрируются в горных крепостях на юге Средней Азии, где было много естественных преград, горных малодоступных гнезд.

Проведя зиму 328/27 гг. до н. э. в Наутаке, Александр направился в крайние восточные районы современного Памира, в горных твердых которого укрепились остатки оппозиции местной знати¹⁵⁸.

В источниках имеются расхождения между данными Арриана и Курция в освещении событий этого третьего этапа антимакедонской борьбы.

Согласно Арриану, основные военные действия греко-македонских войск были связаны с обороной и осадой горных крепостей. Первая в их ряду — так называемая Согдийская скала, куда собралось много согдийцев. Туда бежал отпавший от Александра Оксиарт с женой и дочерью, надеясь отсидеться в этом неприступном месте¹⁵⁹. Штурмовать эту скалу оказалось очень трудно, ввиду ее отвесных и недоступных для штурма стен, а также глубокого снега, затруднявшего подступы к скале. Рассчитывая на неприступность скалы, согдийцы навезли туда съестные припасы и не шли ни на какие переговоры с противником.

По сообщению Арриана, Александр, раздраженный насмешливым предложением осажденных достать крылатых воинов, которые захватили бы для него «скалу»,

---

¹⁵⁷ К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 119; см. Arr. IV, 6, 7; Curt. VII, 39, 40, 41, VIII, 9, 10.

¹⁵⁸ Наутака — современный город Карши.

¹⁵⁹ Arr. IV, 18, 4.

за ночь отправил на возвышающуюся над крепостью гору 300 македонян¹⁶⁰. Наутро почти все они поднялись на гору, подсаживая друг друга при помощи льняных веревок и больших железных гвоздей, втыкавшихся в снег. На рассвете Александр сообщил согдийцам, что крылатые воины не только нашлись, но уже заняли возвышавшуюся над ними гору. После этого осажденные немедленно сдали крепость. В ней среди сдавшихся находилась Роксана, дочь одного из сильных врагов Александра Оксиарта¹⁶¹. Женитьбой на ней, через родство с одним из влиятельных согдийцев, Александр надеялся еще более склонить местную знать на свою сторону и заручиться ее поддержкой в подавлении возможных волнений среднеазиатских народов.

Если у Арриана взятая Александром скала называлась Согдийской, то Курций называет скалу горой согдийца Аримаза. О том, что речь идет об одной и той же скале у Арриана и Курция, свидетельствует одинаковое описание ее обрывистости и крутизны, дерзкого ответа Аримаза, полагавшегося на свои неприступные позиции, о штурме 300 воинов этой крепости, об использовании железных клиньев и крепких веревок при штурме¹⁶². В отличие от указаний Арриана, по Курцию, Александр наказывает Аримаза и всех представителей знати. Они были подвергнуты бичеванию и распяты на крестах у самого подножия скалы¹⁶³. Ничего Курций не сообщает о пленении жены Оксиарта и его детей, о женитьбе Александра на Роксане упоминается позднее¹⁶⁴.

В антиалександровской традиции вполне понятно стремление сгустить краски и представить жестокость македонского завоевателя в особо гипертрофированном виде. В данном конкретном случае, когда Александр менял свою тактику по отношению к побежденным, вряд ли была у него необходимость в проявлении зверства по отношению к уже покоренным людям. В этой связи сообщения Арриана, по которому восставшие, сдавшись на милость царя, не подвергались репрессиям, может считаться более вероятным и вполне соответ-

¹⁶⁰ Агг. IV, 19, 1—4.

¹⁶¹ Там же, 20, 4.

¹⁶² Curt. VII, 11, 1—10.

¹⁶³ Там же, 28.

¹⁶⁴ Там же, 4, 21.

ствующим той обстановке, которая сложилась в весенний период 327 г. Правда, Курций мотивирует казни защитников крепости надменностью Аримаза, который насмехался над беспомощностью Александра при стремлении захватить крепость. Но ведь и у Арриана есть подобные замечания, однако завоеватель, судя по изменению политики отношения к местной знати, сменил гнев на милость¹⁶⁵.

Существуют расхождения в источниках и по поводу обороны и взятия другой скалы. По Арриану, она называется скалой Хоррена, по Курцию — скалой Сисимифра. Однако события, как показывают источники, происходили в одной и той же местности, в землях паретаков. Скала Хоррена была так же неприступна, как и Согдийская скала. Со всех сторон она была отвесная, и вела на нее только узкая, неудобная и трудно проходимая тропинка. Скалу опоясывала глубокая пропасть, которую нужно было засыпать, чтобы повести войном на штурм. Войско Александра поочередно работало днем и ночью, с трудом засыпало пропасть и поднялось на скалу¹⁶⁶. По Курцию, Сисимифр вооружил своих соотечественников, защищавших укрепленную самой природой скалу, для штурма которой Александр использовал тараны, башни и метательные машины¹⁶⁷. Хоррен, по сообщению Арриана, сдался Александру, побуждаемый к этому уговорами Оксарта, ранее перешедшего на сторону завоевателей¹⁶⁸. Александр милостиво отнесся к Хориену и оставил в его распоряжении крепость. Арриан замечает, что тот передал «скалу» Александру не по принуждению, а по доброй воле, ввиду чего пользовался большим уважением македонского царя. То же самое говорит Курций о сдаче Сисимифра под влиянием агитации Оксарта. Александр возвратил ему его владения и даже обещал дать большую провинцию, если он будет верно сохранять с ним дружбу¹⁶⁹. Эти сведения лишней раз показывают политику Александра по отношению к местной знати в среднеазиатских землях.

¹⁶⁵ Arr. IV, 18, 6.

¹⁶⁶ Там же, 21, 1—6.

¹⁶⁷ Curt. VIII, 2, 19—25.

¹⁶⁸ Arr. IV, 21, 7, 8; ср. Curt. VIII, 2, 25.

¹⁶⁹ Curt. VIII, 2, 27, 32.

Однако помощь македонянам со стороны местной знати не ограничивается только безоговорочной сдачей своих укреплений. Некоторые ее представители начинают активно сотрудничать и помогать завоевателям в усмирении оставшихся непокоренными областей. В лице местной знати, несомненно, пользовавшейся привилегиями еще при Ахеменидах, Александр всегда находил благоприятную почву для своей политики, так как мог всячески играть на ее интересах¹⁷⁰. Так, Хориен, по Арриану, снабжает завоевателей необходимыми съестными припасами из приготовленных в крепости запасов на случай длительной осады, а заготовлено было немало, что говорит о возможности долгого и упорного сопротивления. «Хориен, — пишет Арриан, — пообещал доставить войску еды на 2 месяца; из запасов, сложенных в крепости, он доставил хлеба, вина, солонины, рассчитывая количество по палаткам, при этом он сказал, что из заготовлений на случай осады он не истратил и десятой части. Александр после этого стал особенно уважать его, так как он сдал крепость не по необходимости, а по собственному желанию»¹⁷¹.

Курций также сообщает о помощи продовольствием македонянам, но только не со стороны Хориена, а со стороны Сисимифра. Последний «пригнал много вьючных животных и 2 тыс. верблюдов, а также мелкий и крупный рогатый скот, все это было равномерно разделено среди солдат и избавило их от нищеты и голода...»¹⁷².

По мнению В. В. Григорьева, «дальнейшее завоевательное движение Александра обращается в прогулку по мирной и преданной стране»¹⁷³. Но с этим утверждением согласиться нельзя, ибо народные массы еще долго не складывали оружия. Так, в области паретаков, где представители местной знати, укрывшись на возвышенностях, оказывали Александру сопротивление, а потом предательски изменили народному движению, поднялось новое восстание под руководством Катана и Австана (у Арриана) или Гавстана с Катеном (у Курция)¹⁷⁴. Выступление

---

¹⁷⁰ См. А. С. Шофман. Восстание Спитамена. — «Учен. зап. Казан. ун-та», т. 115, кн. 10, 1955, стр. 166—167.

¹⁷¹ Arr. IV, 21, 10.

¹⁷² Curt. VIII, 4, 19.

¹⁷³ В. В. Григорьев. Указ. соч., стр. 198.

¹⁷⁴ Arr. IV, 22, 1; Curt. VIII, 5, 2.

этих «последних начальников возмущения», по выражению Арриана, и скифских племен, живших в западных районах современной Киргизии, явилось примером мужественной борьбы и преданности их предводителей делу свставшего народа. Оно было как бы продолжением линии, начатой Спитаменом. Сам Катан, согласно указаниям Курция, был одним из ближайших соратников Спитамена, который и после гибели своего боевого друга продолжал также бесстрашно вести антимакедонскую борьбу на юге Средней Азии, в Бактрии. Посланный Александром для усмирения непокорных Кратер с отборными отрядами конницы и пехоты в жестоком сражении сумел одержать победу. Катан, героически сражаясь, пал в битве; Австан попал в плен; 120 конных и 1500 пеших бактрийцев пали на поле сражения¹⁷⁵. С разгромом этого восстания было в основном закончено относительное покорение Средней Азии, ибо отдельные вспышки народного гнева и ряд крупных восстаний будут происходить на протяжении всего греко-македонского ига, длившегося почти 150 лет, и приведут в конечном счете к его свержению.

Наступление греко-македонских войск на территорию Средней Азии принесло тягчайшие бедствия для ее населения, большая часть которого была в ходе борьбы истреблена и обращена в рабство¹⁷⁶. Оно привело к уничтожению производительных сил и материальных ценностей, а также к резкому усилению эксплуатации трудящихся общинников и рабов¹⁷⁷.

Трехлетняя борьба среднеазиатских племен и народов, сопровождавшаяся неумолимой расправой с местным населением в силу целого ряда причин потерпела поражение.

Основной причиной, обусловившей поражение среднеазиатских народов и сравнительно легкую победу македонян над ними, является более прогрессивная ступень общественно-экономического развития македонян в сравнении с отсталыми, только что разложившимися родо-

---

¹⁷⁵ *Arr.* IV, 22, 1—2.

¹⁷⁶ *Arr.* IV, 3, 5; *Curt.* VII, 6, 16; VII, 11, 29; Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 22; М. Rostovtzev. The social and economic history of the hellenistic world, vol. 1, p. 129—130.

¹⁷⁷ См. История таджикского народа, т. 1. М., 1963, стр. 270.

племенными или раннеклассовыми отношениями на среднеазиатской земле. Сильное Македонское государство с единой централизованной властью, базировавшееся на рабовладельческой основе, определило успех македонян в среднеазиатских странах.

Одной из непосредственных причин, обеспечивших Александру завоевание среднеазиатских областей, явилась более совершенная военная организация македонян. Численность войск, единое командование, снискавшая славу греко-македонская военная тактика, оперативные действия македонских войск, их большой боевой опыт принесли им победу.

Не менее важную роль сыграла в подавлении восстания согдийских и бактрийских народов политика Александра по разобщению единства действий своих противников, внесению разногласий и раскола в их ряды, что исключительно ослабило размах и силу освободительного движения, приведя в итоге к его поражению.

В лице местной знати, чье политическое влияние и земельные владения были расширены и увеличены Александром, последний нашел себе опору для осуществления своей политики. Щедро награждая местную аристократию рабами и имуществом, отнятым у сопротивляющихся противников, Александр добился перехода значительной ее части на свою сторону. Особенно ярким примером такого перехода могут служить Оксиарт и Хориен, которые активно помогали завоевателю укрепить свое влияние в Средней Азии. Оксиарт сдался Александру добровольно, отдал своих сыновей ему и с большим восторгом воспринял брак Александра с Роксаной. Оксиарт уговаривал Хориена сдаться самому и сдать свою крепость. При этом Оксиарт стал превозносить верность, справедливость и дружбу царя, приводя в подтверждение своих слов разные случаи и прежде всего свой собственный пример¹⁷⁸.

Эта новая политика Александра не сразу им была найдена. Она пришла на смену беспощадному, жестокому истреблению среднеазиатского населения без учета его социального положения. Но даже на первом этапе борьбы, после второй осады Мараканды, Александр пытался

---

¹⁷⁸ Arr. IV, 21, 7; Curt. VIII, 4, 21—27.

перетягивать на свою сторону согдийскую знать¹⁷⁹. Если весной 328 г. до н. э., когда Александр захватил одну из горных крепостей, он приказал избить палками аристократа Аримаза и повесить его на городской стене наравне с другими представителями местной аристократии, то осенью того же года и в 327 г. до н. э. Александр действовал уже иначе: при взятии нескольких укреплений согдийцев, защитой которых руководили уже упомянутые согдийские аристократы Оксиарт, Хориен, а также Сизимитр, он не только пощадил их, но и вернул все их имущество. Он стал награждать деньгами и дарить имущество восставших как тем представителям местной знати, которые помогали ему, так и тем, которые не принимали участия в борьбе. Больше того, как отмечает Плутарх, он всячески старался как сам приблизиться к обычаям и образу жизни местного населения, так и ознакомить их с бытом македонян, полагая, что это поможет в его целях больше, чем насилие¹⁸⁰. Родственные связи, которые Александр завязал с высшими слоями Согды, находятся в русле тех мероприятий, которые должны были обеспечить Александру подчинение Средней Азии его владычеству.

Восставшие не победили потому, что среди них в трехлетней борьбе с македонянами не было единства. Все их выступления носили местный и разрозненный характер: в одном случае активную роль играли земельно-дельцеские слои населения, в другом — кочевники под руководством Спитамена, в третьем — представители знати, сидевшие в своих горных крепостях. Мешали объединению восставших присущие им внутри- и межплеменные разногласия, нередко вражда.

Внутри отдельных племен невозможно было создать единый прочный фронт против завоевателей, так как рядовые представители племен и народностей не могли с доверием относиться к своей знати, разоблачившей свою продажную сущность еще в период господства Ахеменидов.

Между племенами также не было единства действий: каждое из них прежде всего отстаивало свои земли, а задачи защиты общих интересов народов Средней Азии

---

¹⁷⁹ Curt. VII. 10, 7—9.

¹⁸⁰ Plut. Alex. 47.

в борьбе против македонян у них вообще отсутствовали. Характерно сообщение Арриана и Курция о поведении бактрийских войск во время переправы через Амударью, когда они при приближении войск Александра остались на своих землях в Бактрии, не учитывая в силу узко-местных интересов того, что целесообразнее было в то время задержать наступление македонян по ту сторону реки, на территории Согдианы ¹⁸¹.

Согдийская и бактрийская области неоднократно подвергались набегам со стороны скифов-массагетов, живших за рекой Окс, и саков-тиграхуада, живших за рекой Яксарт. Поэтому действия восставших не были сконцентрированы, и каждая отдельная группа действовала в одиночку. Правда, на восстание одного города часто откликались и другие (например, восстание семи уструшанских городов и начало движения скифов), но, несмотря на одновременность, они действовали разрозненно и поэтому Александр без труда справился с ними. «Порознь над каждой из этих групп Александр и одерживал быструю и легкую победу» ¹⁸². Когда вспыхнуло восстание уструшанских городов, то часть скифов-массагетов подошла к реке Танаис, чтобы поддержать восставших; однако, очевидно, за неимением прочных дружественных связей с уструшанцами, они изменили свое решение и предпочли встретить Александра тогда, когда он вторгнется непосредственно на их территорию. Вполне естественно, что порознь были разбиты и те и другие.

Большой урон восстанию приносило отсутствие у народов Средней Азии постоянной регулярной армии под единым командованием, которой у них при наличии родоплеменных отношений и не могло быть. Все действия восставших, в том числе и Спитамена, носили партизанский характер и заранее были обречены на поражение. Ни самоотверженная борьба среднеазиатских народов, ни талант военачальника Спитамена не привели к победе.

Бактрийцы и согдийцы лишь в первый период восстания оказали более или менее действительную поддержку Спитамену, тогда как на следующем этапе ему главным образом пришлось опираться в своей борьбе на кочевые

¹⁸¹ Arr. III, 10; Curt. VII, 15.

¹⁸² К. В. Тревер. Указ. соч., стр. 121.

скифские племена, которым чужды были интересы Бактрии и Согдианы. Спитамену по существу среднеазиатские народы, особенно их знать, не оказали должной широкой всесторонней помощи в борьбе против захватчиков.

Основными движущими силами восстания Спитамена были народные массы Средней Азии. Пока Спитамен пользовался их поддержкой, он одерживал победы, а момент, когда он лишился этой поддержки, можно считать прологом поражения восстания, так как выступление представителей знати, имевшее место на третьем этапе восстания, не могло играть решающей роли, особенно, если учесть, что большая часть знати перешла на сторону Александра.

Смелая инициативная борьба Спитамена, его качества политика, превосходное знание им мест предстоящих сражений, тактические особенности которых он искусно направлял против действий войск Александра, разумеется, оказывались недостаточными для изгнания македонян из пределов Средней Азии. Для этого, прежде всего, необходимо было крепкое сплочение в единое целое всех сил и возможностей народов Средней Азии против иноземных поработителей. Этого-то единства и не было в их среде, что и привело в итоге к поражению восстания в жестокой борьбе с македонскими войсками.

Несмотря на поражение, восстание Спитамена было важным моментом в истории борьбы среднеазиатских племен и народностей за свою независимость. Оно расшатывало устой монархии Александра и вложило свою лепту в то освободительное движение народов Средней Азии, которое увенчалось успехом спустя почти столетие.

Восстание Спитамена — одна из ярких страниц древней истории нашей Родины. Оно является убедительным доказательством того, что народы нашей страны на протяжении всей своей истории решительно и самоотверженно отстаивали свою независимость от любых посягательств иноземных захватчиков.

В середине III в. до н. э. освободительное движение народов Средней Азии увенчалось успехом, в результате чего они смогли организовать в самостоятельные греко-бактрийское и Парфянское царства. Победа местной государственности избавила народы Средней Азии от иноземного господства и расчистила почву для их самостоятельного развития.

Глава третья

АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ САТРАПИЯХ

Третий этап антимакедонской борьбы связан с последним индийским походом Александра. Здесь антимакедонское движение прошло два периода. Первый период падает на время завоевания индийских земель, второй — на время вынужденного возвращения Александра из Индии.

Многочисленные племена и народности, населявшие Индию, оказали македонским завоевателям сильное сопротивление¹. Несмотря на явное превосходство греко-македонского оружия, на использование современных машин и механических сооружений, Александр испытывал большие трудности перед мужеством защитников городов и горных крепостей. Уступая своим противникам в ударной силе, они, однако, не сдавались врагу, упрямо сжигали свои поселения и бежали в горы, чтобы там продолжить борьбу. Против защитников городов и горных крепостей Александр применял беспощадные меры, стремясь страхом и жестокостью укрепить свою власть в этих местах. Он приказал сжигать укрепления сопротивляющихся и никого не щадить².

Однако в борьбе с индийскими племенами и народностями завоеватели-захватчики не только использовали

---

¹ См. Г. Ф. Ильин. Древний индийский город Таксила. М., Изд-во восточной литературы, 1958, стр. 10.

² Curt. VIII, 10, 5. Ф. Шахермейр полагает, что путь грубой силы и жестокого запугивания, на который встал македонский полководец с самого начала индийского похода, был ему подсказан Сисикоттом и Таксиллом. (Fg. Schriecher meug. Op. cit., S. 335). Сисикотта уже давно бежал из Индии к Бессу, но когда Александр захватил бактрианскую землю, он перешел к нему и стал его верным человеком. (Агг. IV, 30, 4).

беспощадную жестокость, свое победоносное оружие, но и политику, разжигающую племенную вражду, политику привлечения на свою сторону местных властителей³. Благодаря последней ряд раджей явился поклониться победителю и осыпал его подарками — слоновой костью, драгоценными камнями, металлами и тканями.

Но не все индийские правители поступили так, как Таксил. Уже в самом начале похода македонские войска получили отпор от ряда племен.

Настоящие трудности для Александра начались сразу после взятия Таксилы, несмотря на то, что в связи с переходом на его сторону Таксила греко-македонские воины смогли отдохнуть и получить хорошую продовольственную базу.

Пока Александр огибал Гандахару (Пешаварскую равнину) с севера, предгорьями, главные силы его армии под командой Гефестиона брошены были вниз, чтобы подавить сопротивление на равнине и подготовить переправу через Инд. Основной удар Гефестион направил на область, известную грекам как Певкелаотида со столицей Певкела. По-санскритски она называлась Пушкалавати, что значит Город Лотоса⁴. Согласно легенде индийского эпоса Рамаяна, этот город, как и город Таксила, был основан двумя братьями. Во времена Александра городом Пушкалавати правил некий Астис. Ему была подвластна и вся область Певкелаотиды.

Арриан упоминает о первом восстании в земле певкелаотов. К сожалению, источник сохранил об этом антимакедонском выступлении только одно упоминание. Подробности нам неизвестны. Это может быть объяснено тем, что Арриан не имел обыкновения распространяться на счет активных действий против его героя. Тем не менее он вынужден признать, что воины Гефестиона осаждали город восставших целый месяц, и он пал лишь после 30-дневной обороны и гибели самого Астиса. Тот факт, что Гефестион располагал здесь тремя полками пехоты, половиной конной гвардии и всей конницей

---

³ Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. М., 1969, стр. 231—232.

⁴ Мортимер Уилер. Пламя над Персеполем. М., «Наука», 1972, стр. 70.

⁵ См. М. Уилер. Указ. соч., стр. 73.

наемников и вынужден был так долго бороться с защитниками города, свидетельствует о том, что сопротивление было здесь весьма сильным. Раскопки, которые проводились на данном месте, показывают, что при подходе македонских войск Астис спешно устроил ров и вал вокруг города, чтобы затруднить осаду⁵. Характерно, что управление городом было поручено Сангаю, который еще раньше перебежал от Астиса к Таксилу, чем и заслужил доверие Александра⁶.

Вслед за первым антимакедонским восстанием последовали выступления аспасиев, гуреев и ассакенов, на земли которых свои пешие и конные войска направил сам Александр⁷. В борьбе с ним местные племена проявили исключительную храбрость. Они сражались и отражали натиск врага в окрестных горах и в своих городах. Последние не были достаточно укреплены и не могли выдержать долгой осады. Тем не менее первый город, встретившийся Александру на пути, сдался не сразу. Именно при его осаде были ранены Александр, Птолемей и Леоннат⁸. Только на следующий день, когда стало очевидно, что город нельзя удержать, его защитники через городские ворота бросились в горы. Часть их погибла, взятые в плен были перебиты, но многим удалось скрыться в горах⁹. Приказав Кратеру уничтожить города, которые добровольно не сдадутся, сам Александр, преодолев большое расстояние, подошел к городу аспасиев. Узнав о его приближении, аспасии зажгли свой город и бежали в горы. Арриан указывает, что многие из них были перебиты до достижения ими недоступных мест¹⁰.

По мнению П. Клоше, аспасии не могли эффективно сопротивляться даже в своих горах¹¹. Но это утверждение противоречит источникам. Сам Арриан, основываясь на данных Птолемея, подчеркивает, что инды храбро сражались с Птолемеем¹². Между ними завязалась жестокая битва. Несмотря на то, что Птолемею

⁵ Агг. IV, 22, 8.

⁷ Там же, 23, 1.

⁸ Там же, 3.

⁹ Там же, 4.

¹⁰ Там же, 24, 2.

¹¹ P. Clouche. Alexandre le Grand, p. 86.

¹² Агг. IV, 24, 5.

помог сам Александр, прибывший сюда со своими пехотинцами, индов с трудом удалось отбросить в горы¹³. Бежали в горы и жители города Аригея после того, как его подожгли. Александр застал здесь только пожарище и пепелище¹⁴.

Вскоре восстали и ассакены, которые обладали значительной военной силой. По словам Арриана, у них было больше 30 тыс. пехотинцев, 2 тыс. конников и 30 слонов¹⁵. При приближении македонян ассакены, являясь хозяевами обширной территории, готовились к войне и имели твердое намерение защищаться. Самый значительный из этих городов Массаги первым подвергся нападению со стороны греко-македонских войск, которые штурмовали его целых четыре дня. Александр притворным отступлением выманил своих противников подалее от городских стен, обрушил на них всю силу своего войска. В рукопашной схватке погибло около 200 индов, остальные успели запереться в городских стенах. К ним была подведена фаланга и осадные машины. Хотя стены были без труда пробиты, инды, храбро защищаясь, отбрасывали македонян, стремившихся проникнуть через пролом. Македоняне не добились успеха и на второй день штурма. Не дала никаких результатов и третья попытка Александра перебросить с башни на стену мост, по которому он, как при осаде Тира, послал своих щитоносцев. Мост не выдержал тяжести, сломался и погубил нападавших. Кроме этого македонян со стен забрасывали камнями, стрелами и всем, что было у них под руками¹⁶. Инды храбро сражались, пока с ними был их предводитель. После его гибели они решили начать переговоры с Александром. Он обещал им сохранить жизнь и предложил служить в его войске. Они вышли из города вооруженные и расположились отдельным лагерем на холме против македонского лагеря. Однако не желая поднимать оружия против своих соотечественников, они ночью решили бежать. Извещенный об этом намерении Александр захватил их в клещи и персбил. Город, оставшийся без защитников, был

---

¹³ Агг. IV, 24, 5.

¹⁴ Там же, 6.

¹⁵ Там же, 25, 5.

¹⁶ Там же, 26, 1—6.

взят¹⁷. Отсюда с войском к городу Норе был послан Полисперхонт, который победил неподготовившихся к сражению городских жителей¹⁸. Александр послал также Кена к Базирам, а Аттала, Алкену и гипарха Деметрия на крепость Ору. Однако взять эти укрепленные места оказалось нелегким делом. Лишь с большим трудом, с использованием македонянами маневра притворного отступления, они навязали жителям Базир, спустившимся на равнину, жестокую битву, в результате которой уничтожили 500 человек и более 700 человек взяли в плен. С ходу штурмом был взят Ор¹⁹. Многие защитники этих мест оставили свои города и удалились на высокую и крутую гору, покрытую лесом и расположенную в излучине Инда — Аварона, которую греки называли Аорнос. Курций говорит, что у этой горы не было пологих и спокойных скал. Она возвышалась, как столб: основание у нее было широкое, кверху она постепенно сужалась и переходила в остроконечную вершину²⁰. Южную часть ее омывал Инд, с остальных сторон окружали глубокие пропасти и отвесные обрывы²¹. Эта высокогорная крепость скалистого кряжа необычайной крутизны с полным правом могла считаться недоступной. Согласно легенде, сам Геракл был бессилен ее взять²². Единственная дорога, ведущая к ней, была труднопроходимой. На верху этой скалы находился источник с чистой водой, лес и превосходная пахотная земля, которая могла прокормить тысячи людей²³.

Александр начал с того, что поручил Кратеру свезти в город Эмболимы, лежащий рядом с Аорном, как можно больше съестных припасов на длительный срок. Отсюда македоняне должны были пойти на осаду скалы²⁴. Источники сообщают, что в осуществлении этого

---

¹⁷ Arr. IV, 27, 2—4. Курций говорит, что этот город, укрепленный не только самой природой, но и искусственным сооружением, охраняли 38 тыс. пехотинцев. (Curt. VIII, 10, 23—27, 30—33).

¹⁸ Curt. VIII, 11, 1.

¹⁹ Arr. IV, 27, 5—9.

²⁰ Curt. VIII, 11, 6.

²¹ Diod. XVII, 85, 3.

²² Arr. IV, 28, 1; Diod. XVII, 85, 2.

²³ Arr. IV, 28, 3.

²⁴ Arr. IV, 28, 7; ср. Curt. VIII, 12, 1.

мероприятия им помогло предательство некоторых местных жителей, которые обещали показать доступный ход на гору. Курций говорит, что за это Александр заплатил 80 талантов²⁵. Арриан приводит целый рассказ о Птолемее, посланном во главе специального отряда с этими изменниками для захвата доступного места. Двигаясь по очень трудной, едва проходимой дороге, он захватил его, укрепил частоколом и рвом и зажег сигнальный костер, благодаря которому Александр на следующий день повел войско на приступ, но успеха не достиг вследствие природных трудностей и активности защитников. Последние напали на отряд Птолемея, завязалась жестокая битва, в результате которой индам пришлось отступить²⁶. Александр пошел на соединение с отрядом Птолемея, а когда оно с трудом было осуществлено и все войско оказалось вместе, он опять повел его на скалу, но взять ее было нельзя²⁷. Тогда македоняне стали сооружать большую насыпь для того, чтобы засыпать пропасти и глубокие рытвины и приблизиться к этому неприступному орлиному гнезду. С помощью этой насыпи отдельные их отряды стали захватывать высоты этой скалы²⁸. Пораженные храбростью македонян инды послали к Александру глашатаев с предложением сдать скалу в том случае, если он вступит с ними в переговоры. Они имели тайное намерение выиграть время, а ночью рассеяться по своим родным местам. Это намерение стало известно Александру. Он дал им время уйти, с отрядом телохранителей и щитоносцев первый взшел на покинутую скалу, после чего македоняне, подтягивая один другого на веревках, взобрались в разных местах. Они напали на уходящих индов и многих убили; другие в страхе бросались с крутизны и погибали. Овладев скалой, Александр совершил здесь жертвоприношение, привел крепость в порядок и оставил тут гарнизон под начальством Сисикотты²⁹.

Этот рассказ Арриана, источником которого служил сам Птолемей, вероятно, преувеличен. Птолемей не стеснялся в годы своего собственного могущества приписы-

---

²⁵ Curt. VIII, 11, 4; ср. Diod. XVII, 85, 4—5.

²⁶ Arr. IV, 29, 1—3.

²⁷ Там же, 6.

²⁸ Там же, 30, 1.

²⁹ Там же, 2—4; Curt. VIII, 12, 25.

вать себе такую роль, которую он в действительности не играл. Об этом свидетельствует то, что в антиалександровской традиции, в частности, у Курция, об этом активном участии Птолемея во взятии Аорна нет ни слова. Курций говорит о царском писце Муллине, начальнике отряда легковооруженных, стремившемся взобраться на вершину горы обходным путем³⁰. На седьмой день наверх полезли стрелки и агрианы под начальством Хара и Александра, не отставал от них и царь, который сам первый взошел на гору. Этим он вдохновил других македонян, устремившихся за ним, но срывавшихся с отвесной скалы или тонувших в протекавшей здесь реке³¹. Защитники скатывали на поднимавшихся македонян огромные камни. Курций описывает мужественную борьбу и гибель македонских военачальников и их отрядов и вынужденное отступление царя, имевшего намерение вообще отказаться от замысла овладеть скалой. Ни о каких попытках переговоров индов с Александром здесь нет речи. Последнему разведка донесла, что инды покинули скалу и бежали, после чего он стал их преследовать. Нет ничего об участии Птолемея в этой битве за Аорн и в других источниках. Это говорит о том, что сам Птолемей преувеличил свое участие в ней, хотя общую картину борьбы нарисовал правильно. Правда, и Курций не отрицает того факта, что Птолемей взял очень много городов, зато Александр — самые значительные³². Много других малоизвестных городов, покинутых жителями, перешло к царю³³. Наконец, подавив недавно вспыхнувшее восстание ассакенов и заняв крепость Дирту, где мятежники сосредоточили свои силы, Александр мог в начале весны 326 г. до н. э. идти на Инд, для переправы через который были сделаны все приготовления.

Однако ассакены не примирились с господством Александра. Вскоре после его ухода из Индии они убили поставленного над ними сатрапа Никанора и перестали признавать власть македонского царя. Александр послал против них Филиппа и Тириеспта с войском,

---

³⁰ Curt. VIII, 11, 5.

³¹ Там же, 9—12.

³² Там же, 10, 21.

³³ Там же, 11, 1.

приказав им усмирить ассакенов и навести порядок в их стране³⁴.

Когда Александр возвращался из Индии обратно, на всем протяжении своего комбинированного марша ему также приходилось вести бои с местными племенами и народами, осаждать и брать крепости, причем взятие каждой из них завершалось кровавой резней³⁵.

Независимые воинственные племена — кафеи, оксидраки и маллы — оказали Александру, перешедшему реку Гидраот, такое же упорное сопротивление, как и в первый период его пребывания в Индии. Отличавшиеся исключительной смелостью, они решили защищать свою свободу. Так, кафеи, неоднократно отражавшие набеги на них войск Пора и Абисара, находясь на пути следования Александра, осмелились встретить его в открытом бою. Когда он подошел к их столице Сангалу, кафеи вместе с соседями расположились перед городом на холме, вокруг которого поставили заграждения из связанных между собой в три ряда повозок. Это было новое средство для отражения атак сильной македонской конницы. Соответственно с новыми обстоятельствами Александр вынужден был по-новому построить свое войско. На правом крыле он поставил агему всадников и гиппархию Клита, рядом с ними — щитоносцев, а за ними агриан. На левом крыле у него стоял Пердикка со своей гиппархией и отрядом пехотинцев-друзей. На каждом крыле находились лучники³⁶. При приближении конницы инды стали осыпать стрелами всадников. Но когда в их расположение прорвалась вражеская пехота, они отступили в город и там закрепились. Александр расположил свою пехоту лагерем вокруг города, а конницу расставил вокруг неглубокого озера, находящегося неподалеку от стены. Попытка индов выйти ночью из города через озеро не увенчалась успехом. Передовые конные посты, на которые они наткнулись, заставили их снова вернуться в город³⁷. Не удалась и их вторая попытка: усиление сторожевых постов вокруг озера, создание второго частотола, использование Птолемеем бро-

³⁴ Агг. V, 20, 7.

³⁵ См. Д. Косамби. Культура и цивилизация древней Индии. М., «Прогресс», 1968, стр. 143.

³⁶ Агг. V, 22, 6.

³⁷ Там же, 23, 4—5.

шенных повозок и куч кольев для своеобразной баррикады способствовали тому, что они во второй раз уже со значительными потерями вынуждены были возвратиться в город³⁸. В это время к Александру прибыло подкрепление: Пор с уцелевшими слонами и 5 тыс. воинов. К городской стене были подведены и собраны машины. Нетрудно было сделать подкоп под кирпичную стену и взять город штурмом³⁹. Город Сангал был разрушен до основания. Пор был послан с войском ставить в покоренные города гарнизоны⁴⁰. К двум городам, восставшим вместе с Сангалом, был послан с отрядом Эвмен, который должен был их убедить добровольно покориться Александру. Но жители этих городов, узнав о судьбе Сангала, бежали, покинув свои города⁴¹.

В стране, где Гидасп сливается с рекой Акесином, Александру было снова оказано решительное сопротивление.

Диодор упоминает об агалассах. Они собрали большую армию в 30 тыс. человек пехоты и 3 тыс. конницы. В сражении они потерпели поражение. Большинство их было убито, оставшиеся бежали в соседние города, но по взятии этих городов, обращены были в рабство⁴². Другие туземцы собрались вместе и 20 тыс. их бежало в большой город, который Александр взял приступом; тогда инды перегородили узкие улицы и мужественно отбивались из домов; немало македонян было убито.

---

³⁸ Агг. V, 24, 1—3, ср. Curt. IX, 1, 17.

³⁹ При взятии города погибло 17 тыс. индов, взято в плен 70 тыс. (Агг. V, 24, 5).

⁴⁰ Агг. V, 24, 8.

⁴¹ Там же, 24, 6.

⁴² Diod. XVII, 96, 3. Диодор — единственный автор, кто говорит об агалассах. Какой народ и какое истинное название скрывается под этим наименованием, неизвестно. Возможно, речь идет о деформации. У Юстина название города ассоциирует с сибамии. У Курция ничего не говорится об агалассах и история сопротивления рассказана как история с сибамии (Curt IX, 4, 1—6). На берегу реки они выставили 40 тыс. человек пехоты, но успеха не добились. Взрослые были перебиты, остальные проданы в рабство. Затем Александр начал осаждать другой город, но был отбит большой силой защитников и потерял много воинов. После длительной осады жители, отчаявшись в спасении, подпалили свои дома и сожгли самих себя с женами и детьми. (Diod. XVII, 96, 4).

Александр в гневе велел поджечь город, большинство людей сгорело.

Самыми многочисленными и самыми воинственными были племена маллов и оксидраков⁴³. Первые жили на правом берегу реки в районе низины Гидраота, вторые, вероятно, на левом берегу. Столица маллов отождествляется с городом Нагор или Качконагор, в районе которого в 50-е гг. проводились археологические раскопки⁴⁴. Раньше эти племена враждовали между собой, но при приближении опасности, они объединились, укрепив мир брачными союзами: каждое племя отдало другому в замужество 10 тыс. девушек⁴⁵. Диодор указывает, что их мир оказался недолговечным. Они не могли договориться о том, кому предводительствовать, и поэтому разошлись по ближайшим городам. Но стремление Александра взять их города приступом натолкнулось на мужественную защиту их жителей.

Особенно серьезными были столкновения с маллами в двуречье Гидраота и Акесина. В борьбе с ними Александр должен был использовать все военное искусство и прежде всего скорость. Ему пришлось сначала разделить свою армию на отдельные отряды, обмануть противника, искусно изменить направление предполагаемого главного удара, затем соединить эти отряды вместе и брать противника в клещи. Он практиковал молниеносные нападения там, где враг меньше всего ожидал, совершал быстрые переправы через реку, штурмовал города. Все это проводилось как против маллов, решивших действовать до конца, так и против живущих там брахманов⁴⁶.

В апологетической традиции борьба с маллами и оксидраками изображалась как победоносная борьба Александра. Арриан указывает, что Александр повел своих воинов через безводную пустыню, подошел к го-

⁴³ Arr. VI, 4, 3; Plut. Alex. 63; Diod. XVII, 98, 1. Ф. Шахермейер, считая маллов и оксидраков храбрыми и смелыми, не терпящими никакого правителя, занимавшимися войной с той же любовью, как и спортом, без достаточного на то основания, считает их пьяницами, имевшими легкомысленные обычаи и стоящими на последней ступени вырождения. (См.: Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 373—374).

⁴⁴ A. Pagliaro. Op. cit., 335.

⁴⁵ Diod. XVII, 98, 1; Curt. IX, 4, 15.

⁴⁶ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 373—374.

роду маллов и застал последних врасплох. «На них напали, когда они вовсе не ожидали нападения, и многих перебили, причем они не могли и сопротивляться, не имея оружия»⁴⁷. Те из маллов, которые оставались в городе, были вынуждены оставить его стены. Многие из них при взятии города погибли; другие были изранены и не могли сражаться. Те, кто бежал в крепость, не избегли тяжкой участи; крепость была взята, а все бежавшие туда — около 2 тыс. человек — погибли. Остальных беглецов настиг Пердикка со своей конницей и перебил всех⁴⁸. Узнав о том, что много маллов перешло на другую сторону реки Гидраота, Александр настиг их на переправе и убил, затем, переправившись в том же месте, бросился в погоню и настиг тех, кто успел уйти. Многих убили, других захватили в плен; бежавших в неприступное место отряды Пифона догнали и обратили в рабство⁴⁹. Сам Александр стал осаждать какой-то город брахманов, в который бежал кто-то из маллов. Со всех сторон были приставлены к стенам лестницы, под стены начался подкоп. Когда подрытая башня рухнула, македоняне во главе со своим полководцем; полезли на стену и крепость была взята. Часть индов подожгла свои дома и в них сгорела, большинство пало в сражении. Согласно Арриану, всего погибло около 5 тыс. человек⁵⁰. На следующий день Александр двинулся дальше на остальных маллов. При его приближении последние бросали города. Переправившись через Гидраот, они намеревались помешать переправе македонских войск. Но это намерение не было осуществлено. Переправа благополучно была завершена и под натиском македонских отрядов инды в беспорядке побежали в ближайший укрепленный город⁵¹. В борьбе за этот город Александр сам подвергся большой опасности и получил тяжелую рану⁵². Когда город был взят македонянами, все его жители, включая

---

⁴⁷ Arr. VI, 6, 3.

⁴⁸ Там же, 6, 4—6.

⁴⁹ Там же, 7, 2—3.

⁵⁰ Там же, 4—5.

⁵¹ Там же, 4—7.

⁵² Arr. VI, 10, 1—2; Plut. Alex. 63; Diod. XVII, 98; Curt. IX, 4, 15.

женщин и детей, были перебиты⁵³. Дело кончилось тем, что к Александру явились послы от ушелевших маллов, руководители городов, номархи и 150 виднейших вождей с почетными дарами от оксидраков. Они признали свое выступление против македонских войск ошибкой, согласились сдаться Александру, несмотря на их жажду свободы и независимости, принять сатрапа, которого он поставит, и вносить дань, которую он назначит. Они готовы дать заложников, сколько он потребует. В качестве заложников были присланы 1000 влиятельных человек, а также 500 боевых колесниц с людьми⁵⁴. Заложников Александр отослал, а колесницы принял.

Характерно указание Арриана, что когда Александр был тяжело ранен и воины думали, что он умер, им овладело чувство растерянности и беспомощности ввиду того, как много кругом воинственных племен, готовых преградить македонянам путь. Одни из этих племен вовсе не покорились и готовы мужественно отстаивать свою свободу, а другие вот-вот восстанут⁵⁵.

Плутарх, в духе арриановской традиции указывает, что Александр осаждал города и все покорял, но конкретно не указывает хода этой борьбы⁵⁶.

В антиалександровской традиции подчеркивается решительная борьба маллов и оксидраков против македонян. Курций сообщает, что у них было 90 тыс. новобранцев, кроме того, 10 тыс. конников и 900 квадриг⁵⁷. Перед этими силами македоняне устрешили и стали донимать царя мятежными речами⁵⁸.

В отличие от Арриана, который центр тяжести борьбы Александра перенес на маллов, Курций выдвигает на первый план оксидраков, из племени которых был избран вождь выдающейся доблести⁵⁹. Во время осады города оксидраков последние осыпали македонян стрелами⁶⁰. Здесь же и был ранен Александр. Описание этого ранения почти идентично описанию Арриана. При-

---

⁵³ Arr. VI, 11, 1.

⁵⁴ Там же, 14, 1—3.

⁵⁵ Там же, 12, 2.

⁵⁶ Plut. Alex. 63.

⁵⁷ Curt. IX, 4, 16.

⁵⁸ Там же, X, 4, 24.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, IX, 4, 32.

бавлены здесь лишь некоторые подробности. Когда был захвачен город, не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям⁶¹. Говоря о ста послах, прибывших к Александру от маллов и оксидраков, которые передали свои города и земли царю, Курций отмечает, что Александр взял их под свое покровительство и обложил такой же данью, какую они платили арахозиям. Кроме того, потребовал с них 2500 всадников. Переговоры закончились богатым, торжественным пиром⁶². Диодор говорит, что оксидраков и маллов было больше 80 тыс. пехотинцев, 10 тыс. всадников и 700 колесниц. Изложение борьбы с ними, участия в ней самого Александра, его опасного ранения, в сущности, повторяет Курция⁶³. По Курцию, после маллов Александр вынужден был бороться с другим сильным индийским племенем — сабарками, — которое «управлялось властью народа, а не царей» («*quae populi, non regum imperio regebatur*»). Сабарки выставили 60 тыс. пехотинцев, 6 тыс. конников и 500 колесниц. Они избрали трех вождей, выдающихся воинской доблестью. Однако при виде огромного войска Александра, пораженные криками воинов, стуком весел, разноязычными возгласами матросов, отправили к царю послов с выражением покорности⁶⁴.

Другое индийское племя, престы, вместе со своим царем Портиканом решили оказать сопротивление Александру. Портикан с большим отрядом своих людей заперся в укрепленном городе. На третий день осады город был завоеван. При его взятии Портикан погиб в битве. Александр разрушил крепость и продал в рабство всех пленных⁶⁵.

Когда Александр возобновил свой поход на юг и направился водой к владениям Мусикана, последний не вышел ему навстречу с изъявлением покорности, не посылал послов с выражением дружбы, не присылал никаких даров и ничего не просил у Александра. Лишь стремительное продвижение македонского царя к границам Мусикана заставило его на время изменить свое решение. Он принес Александру дары, привел всех сло-

⁶¹ Curt. IX, 5, 20.

⁶² Там же, 7, 12—15.

⁶³ Diod. XVII, 98, 1—6; 99, 1—4.

⁶⁴ Curt. IX, 8, 3—7.

⁶⁵ Там же, 8, 11—12; Diod. XVII, 102, 5.

нов, признал неправильность своего поведения и выразил полную покорность. В связи с этим ему было даровано прощение и оставлена власть над своей страной⁶⁶.

Вскоре вспыхнуло волнение в царстве Самба. Самб был поставлен сатрапом горных индов. Узнав, что Мусикан прощен Александром и страшась гнева Мусикана, с которым он враждовал, уступив увещеваниям брахманов, врагов Александра, он бежал на восток от Инда. Александр приблизился к главному городу этой страны Синдиману, в котором родственники Самба передали ему сокровища и слонов⁶⁷. Но и при таких обстоятельствах один город этого царства по инициативе брахманов продолжал оказывать сопротивление. Когда мятежный город пал, зачинщики этого восстания — брахманы — были казнены⁶⁸. Александр, который проявил себя таким веротерпимым к культам Малой Азии, Египта, Халдеи, на этот раз повиновался чувству религиозного фанатизма, понимая необходимость упрочить свою власть⁶⁹. По свидетельству Клитарха, в этой области было перебито до 80 тыс. индов; много пленных было продано в рабство⁷⁰.

В это время, подстрекаемый брахманами, восстал Мусикан и перерезал македонский гарнизон. Александр поспешил на помощь, стремясь подавить восстание самыми жестокими мерами. Он послал против восставших своего сатрапа нижнего бассейна Инда Пифона со значительным войском, а сам пошел на города, подвластные Мусикану; один из них он сравнял с землей, а жителей обратил в рабство; в других поставил гарнизоны и довершил возведение крепостей⁷¹. Пленного Пифоном Мусикана Александр велел повесить на его же земле вместе с брахманами, по совету которых Мусикан и поднял восстание⁷². Курций говорит, что Мусикан был распят на кресте⁷³. Инды отравляли свое оружие ядом, от которого раненые неожиданно умирали;

---

⁶⁶ Arr. IV, 15, 5—6.

⁶⁷ Arr. VI, 16, 5—6.

⁶⁸ Там же, 16, 6.

⁶⁹ P. Cloche. Op. cit., 95—96.

⁷⁰ Curt. IX, 8, 15; ср. Diod. XVII, 102, b.

⁷¹ Arr. IV, 17, 1.

⁷² Там же, 17, 2.

⁷³ Curt. IX, 8, 16.

легкие раны оказывались неизлечимыми⁷⁴. Яд этот получали из каких-то змей; их ловили и, убив, клали на солнце. От зноя змеиные трупы становились мягкими, из них вытекала жидкость; в этой влаге и заключался змеиный яд⁷⁵. Раненый сразу впадал в оцепенение, вскоре начинались жестокие боли, судороги и дрожь сотрясали все тело; кожа становилась холодной и синей; больного рвало желчью, из раны текла черная пена, и начиналась гангрена, быстро бежавшая по главным частям тела; смерть была ужасной. Одинаковая судьба ожидала и тех, кто получил большие раны, и тех, кого случайно и слегка оцарапало.

Керст полагает, что сопротивление, которое македоняне встречали в Индии, основывалось прежде всего на религиозных противоречиях; это была, по его мнению, совершенно особая, строго изолированная, своеобразно основанная и расчлененная жизнь, в которую вмешался поход Александра. Замкнутое жречество брахманов, среди задач которого было руководство населением, чрезвычайно затрудняло власти чуждых завоевателей пустить здесь глубокие корни. Брахманы, возбуждая религиозный фанатизм, призывали к борьбе против Александра и образовывали душу сопротивления⁷⁶. Как мы уже видели, они сумели убедить царя Мусикана, властителя богатого государства нижнего Инда, который был уже покорен, вновь восстать. Они организовывали сопротивление чужеземной власти и в других местах. Александр подавлял эти антимакедонские выступления с беспощадной суровостью.

Против Александра выступили ориты, соединившиеся с гедросами, намереваясь не пропускать его войска. Однако удержать свои позиции они не смогли. При приближении македонских войск большинство оритов бросило свои сторожевые посты и бежало. Что касается их предводителей, то они пришли к Александру с повинной⁷⁷.

Оказывало сопротивление местное население и македонскому флотоводцу Непарху.

---

⁷⁴ Diod. XVII, 103, 4; Curt. IX, 80, 20.

⁷⁵ Diod. XVII, 103, 5—6.

⁷⁶ J. Kaerst. Op. cit., S. 368.

⁷⁷ Arr. IV, 22, 1—2.

Весной 323 г. до н. э. против Александра выступили горные племена косеев, которых Ф. Шахермейр неправомерно называет разбойниками⁷⁸.

В исторической литературе можно часто встретить мнение о том, что индийский поход Александра не имел большого значения для самой Индии. Так, известный историк Индии Д. Косамби считает этот поход лишь набегом из-за его кратковременности, не заслуживающим большого внимания. Этим он объясняет тот факт, что греко-македонский поход остался незамеченным в индийской традиции⁷⁹. Собственно, эту же мысль высказал еще раньше Тарн, который указывал, что почти весь труд Александра в Индии был стерт через семь лет после его смерти. Последний македонский сатрап Пифон остался в Кандагаре до 318 г., и все индийские владения перешли в руки Чандрагупты⁸⁰.

Между тем индийский поход Александра не прошел мимо летней грозой для Индии. Он оставил известный экономический, культурный и этногенетический след. Историческое значение этого похода состояло в том, что он привел к двум важным последствиям: с одной стороны — Индия вошла в сферу экономического и культурного влияния Запада; между Индией и Западом впервые установились непосредственные связи⁸¹. С другой стороны, походы Александра вызвали консолидацию индийских племен и образование в борьбе с завоевателями более сильных и устойчивых государств.

После окончания похода Александра в Индии развернулось широкое освободительное движение против оставшихся в стране македонских гарнизонов. Во главе этого движения встал Чандрагупта (по-гречески Сандракотт), который вместе со своим другом Каутильей организовал партизанскую борьбу, прогнал греческие войска из Пенджаба и стал его властителем. Непосредственно за этим последовало завоевание самой гангской долины и изгнание династии Нанда. Достигнув столицы Паталипутры, Чандрагупта вошел в нее победителем, основав свою династию Маурьев.

⁷⁸ Fr. Schachermeyr. *Op. cit.*, S. 391.

⁷⁹ Д. Косамби. Указ. соч., стр. 143.

⁸⁰ W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*, p. 168.

⁸¹ Gauranga Nath Banerjee. *Hellenism in ancient India*. Calcutta—London, 1920, p. 4—5, Hiralae Chatterjee. *International Law and Inter-State relations in ancient India*. Calcutta, 1958, p. 11.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская историческая наука рассматривает грандиозный поход на Восток греко-македонских войск под руководством Александра в свете тех социально-экономических процессов, которые протекали в IV в. до н. э., как на Балканском полуострове, так и в ближневосточных странах.

В понятие восточной политики входит комплекс мероприятий Александра, который был им осуществлен в процессе восточных походов с определенной целью. В числе этих мероприятий, прежде всего, следует отметить организацию завоеванных территорий.

На такой огромной территории существовали различные формы политико-административной системы: с одной стороны — полис, греческий город-государство, с другой — персидская сатрапия. Александр не нарушал функционирование ни первого, ни второго вида общественной организации, но заставлял их выполнять поставленную цель — завоевание персидских земель¹.

По мнению А. Пальяро, неприемлема мысль о том, что Александр сохранял персидскую сатрапию как территориально-административную единицу, поскольку не располагал временем продумать реформы². В момент своей первой победы, говорит он, Александр имел совершенно точный замысел заменить собою, как македонским царем, династию Ахеменидов в господстве над необозримой территорией, населенной различными племенами и народами. В таком смысле принятие политической и административной организации, которая сохранилась в течение двух веков, выживая в тяжелых исторических испытаниях, представлялось как решение более удобное и, так сказать, более экономичное³.

¹ А. Pagliaro. *Op. cit.*, p. 124.

² Там же.

³ Там же.

Не приходится оспаривать интересный вывод итальянского историка А. Пальяро об использовании Александром исторического опыта. Следует, однако, иметь в виду, что стремление царя укрепить свои позиции и удерживать варварские силы на далеком расстоянии от Эгейского моря и европейских областей вызвало необходимость искать принцип наибольшей целесообразности в создании системы управления на покоренных территориях восточного Средиземноморья. Как указывает П. Клоше, выдающаяся ловкость, соединенная с заботами, отличает организацию и деятельность администрации Александра⁴. Он оставлял или заменял, смотря по временам и обстоятельствам, сатрапов персидского царя или своих сатрапов или различных царей. Сатрапия оставалась наиболее распространенной административной единицей; военная власть и финансовые прерогативы ее правителя часто упразднялись или сильно урезывались в пользу македонян и очень редко греков, на верность которых царь мог абсолютно рассчитывать. Зато очень большая устойчивость должна была царить в средних и низших должностях, ибо соотечественники Александра и греки не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно осведомлены о туземных диалектах и традициях, чтобы обеспечить полностью и надлежащим образом руководство: в данном случае помощь азиатов и египтян была необходима.

Создающееся огромное государство, какого еще не знал древний мир, требовало новых форм организации управления. Македонский полководец видел, что с теми силами, которые были в его распоряжении и которые ему могли предоставить и предоставили Македония и Греция, управлять огромной державой нельзя. Нужно было создавать новую социальную опору, более широкую чем прежде. Создать ее без господствующей верхушки завоеванных стран было невозможно.

Стремление укрепить свою власть на просторах Востока, заставить в нее верить подвластные народы потребовало от Александра прибегнуть к помощи обожествления своей особы. Мероприятие это вызвано было практическими соображениями. Оно диктовалось необходи-

---

⁴ P. Clouhé. Alexandre le Grand, p. 115—117.

мостью изыскания средств управления обширным государством, созданным из завоеванных территорий.

С этой целью Александр широко воспринимал восточные обычаи и приблизил к себе азиатов. Вместе с внедрением восточных обычаев практиковал привлечение персов даже к управлению государством. Богатые персы, полководцы и управители отдельных сатрапий стали помощниками Александра и незаметно оттеснили от него македонских ветеранов. Персидская и местная знать стала также занимать важные командные посты в армии.

Этой цели укрепления своей власти служила также его довольно широкая градостроительная деятельность.

Последним из мероприятий Александра в его восточной политике было заключение брачных союзов с представителями восточных народов, чтобы путем смешения крови соединить победителей и побежденных.

Восточная политика, однако, не была самоцелью. Она была средством для достижения основной цели мирового господства. Всеми своими завоеваниями и мероприятиями Александр добивался этого мирового господства.

В буржуазной науке широко распространено мнение о том, что Александр, решив прочно укрепить свою власть и осуществить в некоторых областях цивилизаторскую деятельность, стремился к сотрудничеству, к объединению различных народов в единое целое. По словам П. Клоше, Александр, все время веря в свой несравненный гений и свое божественное происхождение, затем рассматривая себя как бога, намеревался уничтожить или насколько это возможно уменьшить различия и неравенство, которые разделяли эти народы друг от друга⁵. По мнению Шахермейра, Александр уже давно мечтал о мировом братстве народов и вот теперь он начал осуществлять эту мечту⁶. Вслед за Тарном и Тойнби, Шахермейр считает, что Александр первый выдвинул во время молитвы в Описе идею человеческого братства, которую усвоила стоическая философия.

В действительности, не свободу и братство, не согласие и мирные условия жизни хотел Александр дать для завоеванных европейских, азиатских и африканских

---

⁵ P. Cloche. Op. cit., p. 114.

⁶ Fr. Schachermeyr. Op. cit., S. 432.

народов, а подчинив их, мечтал создать мировое государство и стать владыкой мира.

Идея мирового господства могла зародиться, созреть и оформиться только в ходе восточных походов, в ходе завоеваний. В своем развитии эта идея прошла три этапа: первый этап заключал в себе первоначальную цель — завоевание Малой Азии и присоединение малоазийских земель к Македонскому государству; второй этап предполагал завоевание всей Азии, третий этап означал осуществление мечты о завоевании всего известного тогда мира.

Такое предположение не противоречит источникам, согласно которым можно сделать вывод, что сам Александр разграничивал этапы завоевания. В свою очередь, идея мирового господства преломлялась в восточной политике, стала определять ее характер и содержание. Кроме того, эта идея нуждалась в идеологическом обосновании. По сути дела, восточная политика должна была покоиться на каком-то теоретическом фундаменте. В тех социально-экономических условиях, на том уровне общественного сознания идеологическое обоснование мирового господства несомненно должно было носить религиозную окраску и принять такую специфическую форму, как обожествление личности монарха.

Однако далеко не все разделяли миродержавнические устремления Александра. Даже близкие к нему люди отшатнулись от его грандиозных завоевательных планов.

На этой почве выросла оппозиция против его восточной политики и его стремлений к мировому господству.

Социальная и этническая неоднородность македонской армии была той почвой, которая питала оппозиционные настроения различных социальных групп. Пехота состояла из крестьян, конница из македонской знати, которая в свою очередь была многослойной. В пору быстрого экономического роста Македонии наряду со старой знатью возникала новая — служилая знать. Если первая ограничивала свои планы программой царя Филиппа II, предполагавшей завоеванием Малой Азии превратить Македонию в сильнейшую державу Эгейского бассейна, то, новая, связанная с торговлей и ростовщичеством, была заинтересована в создании более обширного государства на просторах Ближнего Востока.

Естественно, что они по-разному относились к политике Александра. Одни становились к ней в оппозицию, другие эту политику всячески поддерживали. Что касается греков, то их участие в походе было вызвано той уверенностью, что он проводится не только в интересах Македонии, но и Греции. Эта уверенность подкреплялась вначале тем, что сам поход против Персии — давнего врага греков начался под их политическими лозунгами. Но, в дальнейшем, миродержавные идеи Александра стали их пугать и вызвали протест. Этот протест усиливался по мере того, как царь все больше отстранял от себя союзников из Коринфской лиги и стал опираться на довольно многочисленные и влиятельные круги эллинизированной восточной знати, которая оказывала ему полную поддержку. Войсковые же контингенты из других балканских стран (помимо Греции), по большей части насильственно мобилизованные, видели в походе на Восток — средство наживы, но тяжелые условия завоевания, сопротивление местного населения заставили их думать о возврате на родину. Эта социальная подоплека свидетельствует о почве, на которой росла оппозиция в армии Александра, по мере продвижения ее на Восток. Оппозиция вылилась в Индии в массовый отказ воинов следовать за своим полководцем. Они не разделяли его целей и планов завоевания мира, были напуганы размахом антимакедонского движения, превратностями индийской природы⁷. Этой акции, навязавшей Александру возвращение, предшествовала фронда в его непосредственном окружении, с которой он успел жестоко расправиться.

Программа противников восточной политики Александра строилась на критике ряда его мероприятий по созданию мирового государства, на вражде к иноземной знати и к заимствуемой царем восточной идеологии. Они не были согласны с курсом, который превращал Македонию лишь в окраину огромного государства, а македонян практически низводил до уровня всех остальных подданных. Так, после битвы при Иссе, взгляды Пармениона разошлись с Александром в самом главном — в вопросе о целях предпринятой войны. Когда царь пред-

---

⁷ См.: А. С. Шофман. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра Македонского. — ВДИ, № 4, 1969, стр. 106—108.

принял поход в оазис Амона и там египетскими жрецами был провозглашен сыном бога, Филота выступил против его обожествления, против его политики «смешения народов». Клит огорчился растущей склонностью Александра к варварским обычаям и лестью, которую ему расточали, грек Каллисфен, воспитанный в духе полисной идеологии не мог смириться с действиями Александра и его сторонников, которые своими миродержавническими устремлениями, в сущности, отрицали ее⁸.

Буржуазные ученые довольно подробно останавливаются на характеристике друзей и помощников Александра, но не придают должного внимания противникам восточной политики, или в лучшем случае они оцениваются ими тенденциозно. Выражаясь точнее, можно сказать, что в буржуазной историографии античности проблемы антимакедонской оппозиции как таковой вообще не существует. Это объясняется, с одной стороны, определенными классовыми позициями буржуазных ученых, старающихся затушевать проявление социальных конфликтов или же дать им неверное истолкование, а с другой стороны, их ущербной методологией, отрицающей законы общественного развития и превращающей историю в хаос изолированных, случайных событий, ничем не детерминированных поступков отдельных личностей. Поэтому вопрос об антимакедонской оппозиции сведен по существу в ряд конфликтов, возникших якобы на «личной» почве и не имеющих будто бы глубоких социальных корней и более или менее широкой социальной базы.

Кроме того, игнорируется какая-либо взаимосвязь между событиями, которые изображаются абсолютно случайными, никоим образом не связанными друг с другом. Буржуазные историки в этом вопросе идут на поводу древнего историка — Арриана, для которого характерно стремление изобразить все события, связанные с оппозицией, как результат личных конфликтов македонского царя со своими поданными. Это и не удивительно, если учесть, что первоисточниками Арриана являлись Аристокл и Птолемей⁹ — выразители официальной придворной

---

⁸ См. А. С. Ш о ф м а н. Каллисфен. — «Вопросы истории», № 6, 1974, стр. 214—219.

⁹ Arr. I, 1, 1.

традиции. Но изучение всего комплекса источников по данному вопросу не вызывает сомнений в существовании оппозиции.

Буржуазные историки оказываются не в состоянии вскрыть социальной сущности оппозиции, показать, интересы каких социальных слоев она выражала. Поэтому столкновения Александра с теми или иными представителями оппозиции в их интерпретации носят случайный и субъективный характер. Здесь, как и везде, им свойственен эмпирический подход к исследуемому материалу. При изображении выступлений против македонского царя они всячески стремятся идеализировать его, обелить его действия и очернить его противников. Субъективизм буржуазных историков обнаруживается и в способе отбора фактов, в их интерпретации, фальсифицирующей объективную картину исторических событий. Историки не дают, да и не могут дать в силу своей буржуазной ограниченности и в силу своих исходных теоретико-методологических посылок подлинно исторической картины образования, развития и проявления оппозиции в македонском войске, не могут раскрыть ее социальную базу. В их интерпретации восточная политика македонского завоевателя целиком и полностью представляется как продукт гениального творчества македонского царя. Создавшееся государство в их изображении предстает перед нами не как аппарат насилия господствующего греко-македонского и иранского класса над побежденными народами, а как организация, в которой якобы намечалось осуществление всеобщего равного союза различных племен и народов.

По вышесказанным причинам в буржуазной науке не нашла правильного отражения и другая оппозиция, которая преследовала Александра на протяжении всего времени восточных походов. Мы имеем в виду героическую борьбу племен и народов, выступивших против македонских захватчиков. Македонской армии приходилось преодолевать большие препятствия при завоевании восточных земель. Для борьбы с этими враждебными силами Александр использовал свою более совершенную военную организацию, отсутствие единства у восставших, разрозненность и неодновременность их движения. Он использовал межплеменную борьбу, натравливал одно племя на другое, один народ на другой, перетягивал на

свою сторону податливых людей, а потом натравливал их против их же соотечественников.

А. Пальяро объясняет сопротивление, оказанное греко-македонским войскам на Востоке, непониманием местным населением цивилизаторских устремлений Александра, несущего на Восток греческую культуру, стремящегося к сотрудничеству с сильными духом народами, выработавшими великолепную идею о мировом господстве, которую завоеватель прочно усвоил¹⁰.

Александр не достиг цели, к которой стремился. Его идея создания всемирной монархии потерпела крах. Государство, которое он успел создать на обширных просторах завоеванных стран, распалось как картонный домик. Последователи Александра постарались быстро отказаться от идеи миродержавничества, которую пытался осуществить их полководец и царь.

Однако было бы ошибкой не признавать тех больших последствий, которые имели восточные походы в дальнейшем развитии балканских и восточных стран. Не следует ставить знак равенства между субъективными устремлениями самого Александра и объективными последствиями его мероприятий. Эти два обстоятельства не совпадают. Многогранная деятельность Александра была неравной и полна контрастов¹¹. Его поход на Восток с целью расширения македонских позиций в Эгейской бассейне в действительности привел к ослаблению самой Македонии. Эти походы уничтожили большое количество населения, преимущественно тружеников-крестьян и ремесленников, что не могло не сказаться на развитии сельского хозяйства, ремесла и торговли. Вместе с тем, в конечном итоге, восточные походы увеличили количество рабов в македонском хозяйстве. Как усиление рабовладения, так и богатства, перемещенные с Востока на Балканы, способствовали укреплению хозяйственных устоев страны.

Что касается стран Азии и Африки, то македонские завоевания открыли к ним путь грекам, где последние оседали в городах, основывали новые, захватывали огромное количество плодородных земель и заставляли работать на себя местное трудовое население.

---

¹⁰ А. Pagliaro. Op. cit., p. 270.

¹¹ P. Cloche. Alexandre le Grand, p. 121—122.

В результате походов завоеватели все больше обогащались знаниями о ресурсах, о средствах связи и обмене с завоеванными странами: их флора и фауна, их пастбища и земледельческие и минеральные богатства, их крупные реки и берега, главные заливы и океан были в широкой мере осмотрены или обследованы либо самим царем, либо натуралистами, географами и инженерами, которые его сопровождали¹². Эти изыскания, которые к северу простирались до Каспийского моря, способствовали улучшению в различных областях сельского хозяйства, пастбищного и минерального производства, а также морской и торговой деятельности. Так, например, после своей победы над аспасейцами Александр приказал их превосходных племенных животных отправить в Македонию, чтобы там улучшить породы скота. Он планировал, если не приступил к осуществлению этого плана, осушить озеро Копай и приказал привезти в Азию саженцы и деревья, которые когда-то проникли из этой области в Европу. Развитие ирригации, рытье колодцев и водоемов и большие работы по канализации (например, в Вавилоне) равным образом благоприятствовали расцвету или возрождению сельскохозяйственных культур и скотоводства между Гидраотом и Гифасисом, развернулась или продолжалась эксплуатация серебряных и золотых рудников.

Строительство кораблей, бассейнов, каналов и портов, особенно в Египте и Халдее, стимулировали развитие торговли с Грецией, Малой Азией, Египтом, Месопотамией и северо-западной Индией. Морская и речная торговля имели отныне в своем распоряжении новые и важные средства транспортировки и обмена, которые бы еще выросли от успешной экспедиции в Аравию. Были весьма облегчены и сухопутные связи. Хотя Александр и не внес существенных изменений в этом отношении, но он улучшил сеть шоссейных дорог, налаженную еще при персидском господстве, основав новые города, открыв базары, гостиницы, трактиры и перебросив мосты через реки.

Начался процесс образования мировой торговли, которая охватила всю ойкумену и распространилась от

---

¹² P. Clouche. *Op. cit.*, p. 118—120.

Испании до Индии и через центральную Азию до Китая¹³.

Развитие торговли вызвало необходимость введения в оборот новых средств — золота ахеменидских царей, которое в течение длительного времени лежало без движения.

Таким образом, восточная политика Александра безусловно сыграла большую роль для последующего развития стран Средиземноморья. Но восточную политику нельзя представлять себе, как это делают буржуазные ученые, экономической революцией, поставившей мир на новую основу. Эту политику, проводимую Александром и его ближайшим окружением, отвергли его преемники — диадохи. Она оказалась непрочной, и это было обусловлено различными социально-экономическими уровнями развития стран. Для продолжения этой восточной политики отсутствовала единая экономическая база, и это сыграло свою решающую роль.

---

¹³ U. Wilcken. Alexander der Grosse, S. 264.

Оглавление

Введение	3
--------------------	---

Часть первая

ВОСТОЧНЫЕ ПОХОДЫ	39
----------------------------	----

Глава первая

Завоевание Малой Азии и стран Восточного Средиземноморья	39
--	----

§ 1. Битва при Гранике. Малоазийский поход (334—333 гг. до н. э.).	42
--	----

§ 2. Борьба за Восточное Средиземноморье (333—331 гг. до н. э.).	69
--	----

Глава вторая

Покорение коренных персидских земель	87
--	----

§ 1. Гавгамельская битва (331 г. до н. э.).	87
---	----

§ 2. Крушение Древнеперсидского государства (330 г. до н. э.).	101
--	-----

Глава третья

Путь к дальневосточным сатрапиям	125
--	-----

§ 1. Среднеазиатский и индийский походы (330—326 гг. до н. э.).	125
---	-----

§ 2. Возвращение (326—324 гг. до н. э.).	148
--	-----

Часть вторая

МЕРОПРИЯТИЯ, ПОЛИТИКА, ИДЕИ	161
---------------------------------------	-----

Глава первая

Нововведения Александра на Востоке	161
--	-----

§ 1. Организация управления	161
---------------------------------------	-----

§ 2. Градостроительная деятельность	188
---	-----

§ 3. Обожествление, поиски социальной опоры	222
---	-----

Глава вторая

Основная цель	246
-------------------------	-----

§ 1. Идея мирового господства в завоевательных планах Александра	246
--	-----

§ 2. Армия и военные преобразования Александра	279
--	-----

§ 3. Соратники Александра	307
-------------------------------------	-----

Глава третья

Противоборство в армии политике Александра	334
§ 1. Парменион и его сын Филота	334
§ 2. Клит и Каллисфен	363
§ 3. Антипатр и его сыновья	388

Часть третья

АНТИМАКЕДОНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	404
------------------------------------	-----

Глава первая

Антимакедонское движение в ареале Средиземноморья	404
---	-----

Глава вторая

Антимакедонское движение в Средней Азии	445
---	-----

Глава третья

Антимакедонское движение в дальневосточных сатрапиях	493
--	-----

З а к л ю ч е н и е	509
--------------------------------------	------------

Аркадий Семенович Шофман

**ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА
АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО**

Редактор *Р. Г. Биктанов*. Техн. редактор *Г. П. Козьмина*. Обл. художника
Э. Я. Зарипова. Корректоры *Л. С. Гбаноза*, *Ф. М. Шакирова*,
С. А. Филиппова.

Сдано в набор 5 III-75 г. Подписано к печати 9 II-76 г. ПФ 10026.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 16,25(27,3). Уч.-изд. л. 28. Заказ Л-466.

Тираж 350 экз. Цена без переплета 1 руб. 70 коп. Переплет 10 коп.

Издательство Казанского университета. Казань, ул. Ленина, 45.

Полиграфический комбинат им. К. Якуба Управления по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли Совета Министров ТАССР
Казань, ул. Миславского, 9.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
35	1 сверху	„демагогическая“	„демоиническая“
129	9 сверху	армиями	ариями
211	3 снизу	картер	кратер
220	21 снизу	А. Даватур. Политики и полития Аристотеля.	А. Доватур. Политика и Полития Аристотеля.
330	9 снизу	в более поздней ра- боте	в более ранней работе
330	5 снизу	М., 1970	М., 1960
387	16 снизу	(К вопросу о подлин- ности письма Аристо- теля к Александру, о политике по отноше- нию к городам)	(К вопросу о подлин- ности „Письма Аристо- теля к Александру о политике по отноше- нию к городам“)
405	1 снизу	ВДИ, № 4	ВДИ, 1973, № 4
442	3 сверху	условную	условленную
465	10 сверху	К. В. Тревера	К. В. Тревер

1 р. 80 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА